УДК 94(47)
ББК 63(3)2; 65.245
Б82

Издание осуществлено при поддержке
Нидерландской научно-исследовательской организации (NWO)
и Международного института социальной истории —
IISG (Амстердам, Нидерланды)

Ответственные редакторы серии:
А. К. Соколов, Л. И. Бородкин, Я. Лукассен

Б82 **Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России.** — М. : РОССПЭН, 2010. — 535 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1449-6

Книга посвящена исследованию механизмов стимулирования труда рабочих-текстильщиков дореволюционной России на основе сочетания принципов микро- и макроисследования. В качестве объектов микроанализа в данной работе выступают отдельные крупные текстильные предприятия. На базе комплексов архивной документации из фондов рассматриваемых предприятий изучаются реальные трудовые практики, отражающие механизмы создания мотивации труда текстильщиков, а также социальные отношения не только на производстве, но и в повседневной жизни, в фабричной социальной сфере. Изучение процессов на микроуровне (в жанре *case study*) проводится с учетом характера процессов, проходивших в российской промышленности (особенно в отраслях текстильного производства — крупнейшего в стране по количеству занятых рабочих) конца XIX — начала XX вв. в ходе ускоренной индустриализации и изменений соответствующих институциональных факторов. Авторы сочетают приемы микроистории с методами статистического анализа.

Книга содержит очерки истории Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры — предприятий, находящихся в центре микроисследования (с акцентом на структуру производства, управления и состав рабочей силы). Приводятся результаты анализа денежных компонентов системы мотивации труда (зарплата, премии, штрафы), а также тех составляющих системы мотивации труда рабочих-текстильщиков, которые связаны с социальной сферой фабричной жизни (жилищные условия, обеспечение товарами первой необходимости, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, образовательные учреждения и т. д.). Наконец, заключительная часть книги характеризует систему мотивации труда текстильщиков глазами администрации и самих рабочих.

Книга будет интересна не только историкам — специалистам по социальной и экономической истории России, но и всем интересующимся историей российской промышленности, историей предприятий, историей предпринимательства и рабочей историей, а также историей повседневности.

УДК 94(47)
ББК 63(3)2; 65.245

ISBN 978-5-8243-1449-6

© Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В., 2010
© Международный институт социальной истории (Амстердам), 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Настоящая монография представляет часть результатов исследований, осуществленных в рамках российско-голландского научного проекта «Мотивация труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.: вознаграждение, побуждение и принуждение» при поддержке Нидерландской научно-исследовательской организации (NWO) и Международного института социальной истории (Амстердам).

Под руководством проф. А. К. Соколова, проф. Л. И. Бородкина и проф. Я. Лукассена ученые Института российской истории РАН, Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Ярославского и Тверского госуниверситетов в течение трех лет изучали эволюцию трудовых стимулов и мотивов рабочих текстильной и металлообрабатывающей промышленности в Центральном промышленном районе, главным образом в Московской, Тверской и Ярославской областях/губерниях. В исследовательский коллектив входили: К. Г. Алявдин, С. А. Афонцев, С. Ю. Бычков, Т. Я. Валетов, И. М. Гарскова, Ю. Ю. Иерусалимский, С.В. Журавлев, Ю. И. Кирьянов, А. М. Маркевич, М. Ю. Мухин, А. С. Рощина, Е. И. Сафонова, Т. И. Славко, Ю. Б. Смирнова, С. И. Тогоева, В. С. Тяжельникова, И.В. Шильникова. На разных этапах в работе над проектом принимали участие: М. ван дер Линден, Л. Хеерма ван Восс, Э. Вагенаар, Х. Кесслер, Я. Клоостерман, И. Ю. Новиченко.

Данная монография содержит результаты исследования, характеризующие трудовые стимулы рабочих крупных текстильных предприятий дореволюционной России.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX в. Россия вошла в период ускоренного промышленного развития. Дореволюционная российская индустриализация, на десятилетия запоздавшая в сравнении с ведущими мировыми державами, характеризовалась, однако, весьма высокими темпами развития: по последним оценкам, промышленность России в течение четверти века до Первой мировой войны развивалась даже быстрее, чем промышленность США, Германии, Англии и Франции[1] (впрочем, рекордные темпы индустриального развития России были частично обусловлены невысоким стартовым уровнем). Интенсивная индустриализация привела к резким сдвигам в экономических отношениях: в стране, где прежде существовало лишь относительно небольшое количество частных и казенных промышленных предприятий, началось активное учреждение акционерных обществ, появились новые отрасли промышленности, сформировался растущий рынок промышленного труда, складывались новые отношения между работниками и работодателями. Модернизационные процессы в России конца XIX — начала XX вв. проходили неровно, рывками, вызывая социальные конфликты и обострения в развитии трудовых отношений (несмотря на относительно динамичное развитие фабричного законодательства).

Один из важных аспектов взаимоотношений предпринимателей и рабочих связан со стимулированием и мотивацией труда последних. Исходя из тематики настоящего исследования, представляется полезным кратко обсудить терминологию, связанную с мотивацией труда. Вопросам дефиниций в области трудовых отношений посвящены многочисленные исследования экономистов и социологов[2], и в рамках данного предметного исследования нет необходимости подробно останавливаться на рассмотрении всех возможных концепций[3]. Можно говорить об определенной традиции трактовки различий таких понятий, как «мотивы» и «стимулы»: *мотив* — это то, что побуждает человека работать качественно (или же вообще работать), то, что важно для самого работника, в то время как *стимул* — это «внешняя» мера, применяемая работодателем с целью создать мотивы к труду. Так, заработная плата — это стимул к труду, а соответствующий мотив — это желание обеспечить себя (или свою семью) с помощью заработанных денег. Как мотивы, так и стимулы могут иметь материальный и нематериальный характер, хотя стимулы в основном находят воплощение в конкретных осязаемых проявлениях, в то время как некоторые мотивы, такие как осознание необходимости своего труда (например, из патриотических побуждений), гордость за хорошо выполненную работу и т. п., могут быть свободны от этого и, соответственно, труднее регистрируемы. Мотивацией труда для отдельного человека можно назвать весь комплекс мотивов к труду, которыми тот руководствуется. Однако можно говорить и о системе мотивации труда, применяемой в рамках целого предприятия или даже отрасли экономики — это комплексный набор стимулирующих мер, которые порождают трудовые мотивы работников соответствующего предприятия или отрасли.

В таком понимании термины «мотивация» и «стимулирование» оказываются ближе друг к другу, чем термины «мотив» и «стимул». Тем не менее они по-прежнему не означают одного и того же. Разница в том, что система стимулирования труда — это набор трудовых стимулов, разработанных производственной администрацией того или иного уровня, в то время как в системе мотивации труда могут присутствовать элементы, которые не напрямую, а лишь опосредованно влияют на качество и производительность труда работника. Например, наличие на предприятии развитой социальной инфраструктуры, забота администрации об условиях труда и быта работников создают дополнительную мотивацию к закреплению на данном предприятии работников (особенно квалифицированных), способствуют формированию чувства гордости за свое предприятие — а это один из немаловажных элементов нематериальной мотивации.

Отметим специфику используемого нами понятия «система мотивации труда». Если система стимулирования обычно бывает сформирована набором мер, принятых администрацией предприятия (возможно, с участием других регулирующих органов, вплоть до государства), то система мотивации труда не разрабатывается специально, она существенно связана с созданными стимулами, но определяется и «внутренними» установками каждого работника.

В работах специалистов по социальной истории в последние годы получила признание теоретическая схема классификации мотивов к труду, предложенная в работах западных историков-социологов Ч. и К. Тилли[4]. Она получила дальнейшее развитие в работах ученых из Международного института социальной истории (Амстердам)[5]. Согласно этому подходу трудовую мотивацию можно в общем подразделить на три основные категории. Во-первых, это «*вознаграждение*», которое включает все виды оплаты труда в денежной и натуральной форме, премии, предоставление работникам и их семьям разнообразных льгот и форм социального обеспечения и даже возможности незаконного использования работником чего-либо на рабочем месте для собственной выгоды (например, воровства или нелегальных подработок на основном месте работы). Во-вторых, это различные виды «*принуждения*». Принуждение также может быть денежным (в виде штрафов и взысканий, понижения заработной платы и т. д.), а может быть административным (выговоры, понижение в должности, лишение каких-либо соответствующих статусу рабочего льгот, таких как место в фабричной казарме или бронь от призыва в армию) или даже включающим уголовную ответственность. В-третьих, это мотивы, обозначаемые как «*побуждение*». В данную категорию входит все, что связано с осознанием работником важности и нужности хорошего труда, его гордостью своей квалификацией или результатами работы, патриотизмом (заводским или более высокого уровня), желанием всеобщего признания и уважения и т. д. Частично побуждение к труду заложено в социальных нормах или связано с политической обстановкой (как, например, интенсивный патриотический труд во время войны)[6]. Однако администрация может и сама создавать трудовую мотивацию подобного рода, например, вводя элементы состязательности или отмечая производительный труд работников или многолетний «беспорочный» труд ветеранов предприятия. Другое дело — насколько удачными окажутся подобные меры, но это уже вопрос конкретного исторического исследования.

По мнению авторов и последователей данного подхода, он является достаточно универсальным. Указанные выше три группы мотивов в тех или иных сочета-

ниях проявлялись в трудовых процессах, происходивших в различных странах, исторических условиях и периодах времени. Как отмечает Я. Лукассен, с течением времени сочетание мотивов может меняться вместе с производственными системами. Например, с уменьшением величины материального вознаграждения производительность труда может упасть, и поэтому бóльшую роль должны будут играть побуждение и принуждение[7].

Представленная схема классификации трудовых стимулов построена на том, *как* происходит воздействие на работника. В ходе нашего исследования возникла потребность и в другой классификации стимулов к труду на дореволюционной фабрике, исходящей из *целей* стимулирования. С этой точки зрения трудовые стимулы можно разделить на две основные группы: стимулы к привлечению работника на предприятие и стимулы, побуждающие его к качественному и производительному труду на своем рабочем месте[8]. К *первой группе* относятся те положительные аспекты работы на конкретном предприятии, которые распространяются на всех работников почти независимо от качества их труда. В частности, это могут быть возможности получения от предприятия жилья, медицинского обслуживания, льготного питания и т. п. Сюда же входит бронь от военной мобилизации или право на получение пенсии по выслуге лет. В смысле мотивации труда самой фабрике нужно организовать подобную инфраструктуру не хуже (или значительно лучше), чем это сделано у соседей для того, чтобы работники при выборе места работы сначала старались попасть на эту фабрику, а не на соседнюю, да и потом работали бы на данной фабрике лучше, опасаясь потерять работу. Необходимость в создании и поддержке системы таких стимулов зависит, во-первых, от общей развитости инфраструктуры при фабриках (если везде социальная инфраструктура есть, а на определенной фабрике она отсутствует, то эта фабрика в условиях баланса спроса и предложения рабочей силы столкнется с существенными проблемами при наборе работников) и, во-вторых, от состояния рынка труда (если предложение рабочих рук избыточно, то значительно проще ничего специального не делать, только платить зарплату, а если рабочий недоволен, то его всегда можно заменить другим). Дореволюционное индустриальное развитие России с этой точки зрения выглядит так: 1) социальная сфера при фабриках и заводах в 1870–1880-х гг. находилась на крайне низком уровне, но со временем происходило ее постепенное развитие; 2) предложение рабочих рук было вообще достаточно большим, однако сопровождалось серьезной нехваткой квалифицированного труда. Как будет показано ниже, администрация разных фабрик предпринимала немало усилий для того, чтобы сформировать набор трудовых стимулов, направленных именно на привлечение квалифицированных рабочих.

Вторая группа стимулов в рамках рассматриваемой классификации — те, которые побуждают работника, принятого на фабрику, лучше работать на своем рабочем месте. Очевидно, что именно на это направлены такие методы воздействия, как введение сдельных расценок оплаты труда, штрафование за выпуск негодной продукции и нарушения трудовой дисциплины или, напротив, выплата премий и вручение почетных знаков и ценных подарков. Степень воздействия названных стимулов бывает разной, но их объединяет то, что они применяются к рабочим одного предприятия, выполняющим одинаковую работу, дифференцированно, и количественная мера всех этих стимулов зависит от производительности и каче-

ства труда, квалификации конкретного рабочего («Сколько заработал — столько получил»).

Рассмотренные подходы используются в качестве **методологической основы нашего исследования**. Они получили в последние годы достаточно широкое распространение в исследованиях российских историков[9].

Исследование механизмов мотивации труда рабочих-текстильщиков дореволюционной России предполагало сочетание принципов макро- и микроисследования. В качестве объектов микроанализа в данной работе выступают отдельные крупные текстильные предприятия. В центре проводимого нами анализа — реальные трудовые практики, отражающие механизмы мотивации труда рабочих, а также социальные отношения не только на производстве, но и в повседневной жизни, в фабричной социальной сфере. Изучение процессов на микроуровне (в жанре *case study*) сочетается в нашем исследовании с обращением к макропроцессам, проходившим в российской промышленности (особенно в текстильном производстве — крупнейшем в стране по количеству занятых рабочих) конца XIX — начала XX вв. в ходе ускоренной индустриализации и изменений соответствующих институциональных факторов. Учитывая масштаб рассматриваемых текстильных предприятий, анализ источников в целом ряде случаев потребовал использования статических методов.

В данной работе функционирование системы мотивации труда рабочих исследуется на материалах двух крупных текстильных предприятий, расположенных в Центральном промышленном районе (ЦПР) — Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове (Московская губерния) и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ). Выбор этих предприятий будет подробнее обоснован ниже, в первую очередь он обусловлен хорошим состоянием источниковой базы — в основном делопроизводственных документов, всесторонне освещающих рассматриваемую тему. Нередко существуют сильные различия между предприятиями разных размеров, различных отраслей промышленности, частновладельческими и казенными, находящимися в различных регионах страны. Думается, что не во всех случаях в принципе возможно провести полноценное исследование. Так, если по крупным предприятиям иногда удается найти в архивах представительный комплекс документов, то мелкие фабрики практически не оставили подобных фондов (на таких предприятиях далеко не всегда даже велось полноценное делопроизводство). Кроме того, на множестве мелких предприятий использовались архаические, основанные на патерналистской модели, формы трудовых отношений. Именно поэтому для рассмотрения системы мотивации труда в данной работе берутся крупные предприятия, входившие в число лидеров российской текстильной промышленности, на которых производилась основная часть совокупной продукции текстильного производства. Притом там, где это необходимо (и имеются соответствующие данные), привлекаются отдельные сведения и о других крупных предприятиях российской текстильной промышленности.

«Параллельный анализ» на протяжении всех глав книги материалов по двум предприятиям дает возможность выявить общее и особенное в использовавшихся предпринимателями механизмах мотивации труда рабочих, оценить возможные вариации в реализации различных элементов системы стимулирования производительного труда на рассматриваемых предприятиях.

Подчеркнем, что ряд важных механизмов мотивации труда промышленных рабочих можно исследовать только на микроуровне, по материалам архивов пред-

приятий, поскольку эти механизмы не нашли отражения в сводных данных. Задача состоит в том, чтобы через рассмотрение конкретных производственных и социально-бытовых ситуаций, решений администрации и государственных органов надзора (прежде всего фабричной инспекции) реконструировать механизмы и практики, составлявшие элементы системы мотивации труда рабочих на крупных предприятиях дореволюционной текстильной промышленности России.

* * *

Следует отметить, что «рабочий вопрос» в дореволюционной России, отношения между рабочими и предпринимателями в конце XIX — начале XX вв. изучены недостаточно полно. Исследованию трудовых отношений в российской дореволюционной промышленности в советской историографии уделялось большое внимание; существует огромное количество работ, посвященных этой проблематике. Однако в данном вопросе советская историография, несмотря на значительные достижения, была вынуждена развиваться в рамках жестких идеологических установок и методологических ограничений, что затрудняло всестороннее и объективное изучение истории трудовых отношений. Прежде всего это касается роли предпринимателей в организации условий производства, в том числе и в создании системы мотивации труда, побуждающей рабочих к дисциплинированному и производительному труду.

В течение последнего времени перед исследователями отечественной истории, в том числе в таких ее областях, как экономическая и социальная история, открылся ряд новых тем, подходов, методик. Появилась возможность более серьезно и разносторонне изучать такие темы, как история предпринимательства, история дореволюционных российских фирм, повседневная жизнь рабочих, их менталитет. Оказалось возможным по-новому, с привлечением новых источников, взглянуть на отношения предпринимателей, служащих и рабочих, на эволюцию трудовой этики, проблемы благотворительности и меры, которые при всей их недостаточности все же принимались как правительством, так и администрацией предприятий для улучшения жизни рабочих. Именно поэтому представляется важным, в целях более полного и объективного исторического описания этого ключевого в российской истории периода, в подробностях рассмотреть все стороны взаимоотношений рабочих и предпринимателей, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о мотивации труда.

Кроме того, изучение систем мотивации труда, принятых на дореволюционных промышленных предприятиях, помогает понять последующее развитие системы трудовых отношений в России. Хотя революция резко изменила многие нормы и принципы, принятые в трудовых отношениях до 1917 г., суть трудового процесса осталась неизменной, и многие мотивы, которые существовали до революции, остались актуальными и после 1917 г.; некоторые остаются актуальными и сейчас. Развитие советской промышленности явило широкий спектр приемов, которые использовались в трудовых отношениях, — часть из них оказались удачными, и опыт капиталистического управления удалось во многом превзойти, хотя и далеко не сразу; другая часть элементов советских систем мотивации труда показывала свою несостоятельность на производстве, и приходилось, изменив революционную риторику, возвращаться к прежним ценностям. И хотя механизмы трудовых отноше-

ний, принятые в разные периоды в XIX–XX вв., были различными, а те, кто принимали решения, руководствовались различными ориентирами, но на производстве работали в основном те же люди, которые выполняли во многом ту же работу и по-своему оценивали происходящие перемены. Поэтому функционирование различных систем мотивации труда на предприятиях российской промышленности можно и нужно рассматривать в единой взаимосвязи различных исторических периодов, начиная с периода капиталистического развития пореформенной России, особенно на фазе ее индустриализации в 1880-х — 1910-х гг.[10]

Изучение системы мотивации труда на крупных дореволюционных предприятиях потребовало решения следующих задач: дать источниковедческую оценку информационного потенциала фондов делопроизводственных документов крупных дореволюционных фабрик для рассмотрения механизмов мотивации труда; описать систему мотивации труда и оценить значение в этой системе денежных факторов — заработной платы, штрафов и премий; выяснить на примере двух крупных предприятий, как их администрации развивали социальную сферу фабрик, какое место занимало это направление деятельности предпринимателей в системе мотивации труда; оценить степень дифференциации зарплаты рабочих, различий в предоставлении им различных льгот неденежного характера; исходя из этого оценить степень направленности всей системы мотивации труда на поощрение более квалифицированных рабочих; по зафиксированным в источниках реакциям рабочих представить их оценку принятой системы мотивации труда, выявить наиболее важные и, напротив, несущественные для них факторы, рассмотреть, насколько предпринятые администрацией усилия по стимулированию большей производительности труда давали положительный эффект; реконструировать стратегию администрации предприятий в отношении мотивации труда; рассмотреть, какие элементы мотивации труда администрация старалась развивать, а чему уделялось меньшее внимание; изучить, как использовались ресурсы больших предприятий, располагавших крупными оборотными средствами и способных организовать социальные программы, недоступные мелким фабрикам. Здесь представляется важным также охарактеризовать роль государства, вменяющего в обязанность предпринимателям соблюдение некоторых норм трудовых отношений и (в той или иной мере) следящего за выполнением на рассматриваемых в книге предприятиях поставленных требований.

Всестороннее изучение указанных выше вопросов должно показать функционирование механизмов мотивации труда в крупном текстильном производстве дореволюционной России одновременно с двух точек зрения: какими мерами стимулировали рабочих хозяева фабрик и как относились к своей работе сами рабочие, что влияло на это отношение, в какой области предпринимателям удавалось добиться успеха и при каких условиях положение рабочих было менее тяжелым, а социальная напряженность — менее заметной.

Книга состоит из четырех частей. В первой части рассмотрены историографические и источниковедческие аспекты исследования, а также приводятся очерки истории Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры (с акцентом на структуру производства, управления и состав рабочей силы). Вторая часть содержит анализ денежных компонентов системы мотивации труда (зарплата, премии, штрафы). В третьей части дается подробный анализ тех компонентов системы мотивации труда рабочих-текстильщиков, которые связаны

с социальной сферой фабричной жизни (жилищные условия, обеспечение товарами первой необходимости, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, образовательные учреждения и принимавшиеся администрацией меры по организации досуга рабочих). Наконец, четвертая часть книги характеризует систему мотивации труда текстильщиков глазами администрации и самих рабочих.

Авторы книги выражают свою признательность коллегам, чьи советы и критика оказались полезными как на этапе выработки концепции работы, так и в процессе ее реализации. Прежде всего, речь идет об участниках исследовательского проекта о мотивации труда в российской промышленности, который осуществлялся при содействии Международного института социальной истории (Амстердам) и поддержке голландского фонда NWO: это голландские ученые Я. Лукассен, М. Ван дер Линден, Х. Кесслер, Л. Хеерма ван Восс, а также наши российские коллеги — С. А. Афонцев, Ю. Ю. Иерусалимский, Ю. И. Кирьянов, А. М. Маркевич, И. Ю. Новиченко, А. К. Соколов и все участники проекта. Авторы пользуются случаем выразить благодарность участникам научного семинара, организованного Центром экономической истории Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, за полезные и заинтересованные обсуждения докладов по тематике книги, представленных на заседаниях семинара в 2002–2006 гг.

[1] *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 23–25.

[2] См., например, обзор литературы в работе: *Лукассен Я.* Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 194–205. См. также: Экономика труда и социально-трудовые отношения / Ред. *Г. Г. Меликьян, Р. П. Колосова.* М., 1996; *Эренберг Р. Дж., Смит Р. С.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М., 1996.

[3] Так, один из наиболее известных подходов, разработанный в трудах А. Маслоу и Ф. Герцберга, основан на гипотезе о том, что труд людей мотивируется удовлетворением иерархической совокупности потребностей (при этом потребности в определенной степени взаимодействуют). Неудовлетворенность потребностей низших уровней препятствует возникновению более высоких. Учитывая положения этого классического подхода, мы основываемся в данной работе на другом подходе, который используется в исследованиях по социальной истории (см. ниже).

[4] *Tilly, Charles and Chris.* Work under Capitalism. Oxford, 1998.

[5] См.: *Лукассен Я.* Мотивация труда в исторической перспективе...; *Ван дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000.

[6] *Ван дер Линден М.* Указ. соч. С. 213–214.

[7] *Лукассен Я.* Указ. соч. С. 200.

[8] Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о мотивации трудовой миграции рабочей силы из деревни на промышленные предприятия. Он является довольно важным для понимания всего процесса индустриализации и не раз становился предметом обсуждений в историографии. Однако этот вопрос выходит за рамки нашего исследования, ориентированного на анализ мотивации фабричного труда.

[9] См.: *Кирьянов Ю. И.* Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000; *Он же.*

Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х годов XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001; *Соколов А. К.* Некоторые проблемы изучения трудовых отношений в России до и после революции // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999; *Маркевич А. М.* Стимулы к труду в металлургической и металлообрабатывающей промышленности России в годы Первой мировой войны. На примере Московского металлического завода (завод Гужона) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001; *Соколов А. К., Тяжельникова В. С.* Отношение к труду: Факторы изменения и консервации трудовой этики рабочих в советский период. Социальная история. Ежегодник 2001–2002. М., 2003; и др.

[10] Эта связь времен будет прослежена еще в одной монографии, готовящейся к публикации участниками упомянутого выше российско-голландского проекта. В этой монографии изучаются вопросы мотивации труда рабочих на крупных текстильных предприятиях Советской России в годы «военного коммунизма» и нэпа.

Часть 1

ГЛАВА I
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

На протяжении всего последнего столетия исследователи много занимались вопросами, связанными с положением рабочих в российской промышленности XIX — начала XX вв. В качестве наиболее разработанных тем можно назвать, например, такие, как стачечное и революционное движение, динамика численности и состава рабочего класса, эволюция фабрично-заводского законодательства и др. Из поставленных в данной работе проблем в научной литературе наилучшим образом освещены проблемы, связанные с динамикой оплаты труда всех фабрично-заводских рабочих в совокупности за два предвоенных десятилетия (хотя общие представления о тенденциях движения оплаты труда рабочих российской промышленности на протяжении XIX в. в отечественной историографии в целом сложились[1]). Несмотря на большое число публикаций, значительно хуже разработаны такие вопросы, как, например, обеспеченность рабочих жильем и врачебной помощью, штрафование и выплата пособий и пенсий, деятельность харчевых лавок. Многие же важные аспекты, связанные с темой мотивации и стимулирования труда, вообще почти не изучены. В этом ряду, например, движение заработков рабочих разных специальностей, динамика разницы в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, появление системы пенсий, постепенное развитие на крупных предприятиях социальной инфраструктуры и т. д. Соответственно, и тема стимулирования труда в общем мало изучена, тем более, что задача комплексного описания функционирования системы мер, регулирующих трудовые отношения на уровне отдельных предприятий, в историографии до самого недавнего времени практически не ставилась. Это объясняется тем, что внимание авторов было обычно направлено на другие стороны проблемы.

В данном разделе работы не ставится задача многоаспектного анализа историографии изучения истории трудовых отношений в промышленности дореволюционной России или положения рабочих. Решение такой задачи потребовало бы написания отдельной монографии. Историографический анализ ориентирован здесь на характеристику исследований, прямо или косвенно связанных с мотивацией труда фабричных рабочих в период дореволюционной индустриализации. Поэтому мы рассматриваем работы, в которых затрагивались вопросы зарплаты рабочих, ее динамики и степени дифференциации, материального уровня и положения рабочих, социальной политики предпринимателей и администрации фабрик.

В изучении проблемы трудовых отношений в российской промышленности конца XIX — начала XX вв. можно выделить три основных крупных этапа — публикации современников, советская историография и исследования постсоветского периода.

Дореволюционные авторы — в первую очередь фабричные инспектора, санитарные врачи или другие чиновники, по долгу службы сталкивавшиеся с рабочим вопросом — были прежде всего озабочены описанием текущего состояния условий труда и жизни рабочих, обращаясь к самым насущным и больным проблемам и именно к ним стараясь привлечь внимание общественности. Они писали о недостаточности выплачиваемой рабочим заработной платы, о несоответствии ее трудовым затратам рабочих любых специальностей, об их жилищных и прочих бытовых трудностях, о недостаточности мер по охране труда на фабриках и заводах и т. д. При этом авторы редко углублялись в анализ повседневности рабочей жизни во всей ее полноте и мало интересовались сбором систематических данных, которые помогли бы разобраться в таких важных, но вместе с тем не бросающихся в глаза процессах, как, например, изменение разницы в заработках квалифицированных и неквалифицированных рабочих, постепенное развитие социальной сферы на капиталистическом предприятии или соотношение элементов в системе мотивации труда.

Тем не менее ценность ряда работ современников не вызывает сомнений. Их авторы оставили уникальный фактический материал, а свои соображения они строили на базе тесного, зачастую многолетнего, знакомства с описываемым предметом. Одним из лучших примеров подобных работ является очень важное в дореволюционной литературе исследование Е. М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет»[2]. Хотя в данной работе и были проделаны некоторые важные обобщения, она в меньшей степени представляет собой теоретическое исследование и в большей степени дает статистическое и аналитическое описание условий труда и жизни рабочих. Сбор материалов для этого исследования проводился автором в 1884–1885 гг., одновременно с его же исследованием санитарного состояния фабрик нескольких уездов Московской губернии, осуществлявшимся по поручению Московского губернского земства[3]. В этой работе автор в деталях разобрал такие аспекты фабричной жизни, как летний уход рабочих с фабрик на сельскохозяйственные работы, время и напряженность работ на фабриках, размеры заработной платы рабочим и влияние фабричного труда на здоровье рабочих.

Почти в то же время в России была организована фабричная инспекция, и первыми фабричными инспекторами были написаны отчеты о состоянии дел на фабриках вверенных им территорий (фабричным инспектором Московского округа был И. И. Янжул, а Владимирского округа — П. А. Песков)[4]. Эти отчеты содержат массу полезного фактического материала и одновременно богаты продуманными обобщениями и выводами, так что дают возможность представить цельную картину, которая сложилась у авторов по итогам посещения десятков различных промышленных предприятий. Отчеты фабричных инспекторов «первого призыва» остаются исключительно важным источником по трудовым отношениям на промышленных предприятиях Центральной России 1880-х гг.

К сожалению, исследований такого же масштаба, посвященных более позднему периоду, никто больше не проводил. В частности, важно отметить, что с середины 1880-х гг. отчеты фабричной инспекции больше не публиковались[5], и проследить динамику развития трудовых отношений на этом материале невозможно. Правда, нужно сказать еще о работах фабричного инспектора И. М. Козьминых-Ланина, который собрал разнообразные данные о положении рабочих Владимирской губернии в 1897 г. и Московской губернии в 1909 г. (выборочно — за период с 1901 по 1909 г.), но его работы представляют собой почти исключительно наборы

статистических таблиц[6]. Хотя ценность этого статистического материала несомненна, автор редко сопровождал свои публикации аналитическими выводами и теми крайне ценными наблюдениями, которые мог сделать исследователь-современник, хорошо знакомый с деталями работы и быта промышленных рабочих.

То само по себе печальное обстоятельство, что других работ уровня исследования Дементьева и фабричных инспекторов «первого призыва» нет, привело также к некоторому перекосу в последующей историографии: поскольку более поздние исследователи имели возможность сослаться на качественные данные и выводы Дементьева, они широко использовали эту возможность, но при этом те же данные и выводы Дементьева часто распространялись в их работах и на последующий период, 1900-е гг. Между тем это представляется некорректным, и мы постараемся далее показать, что ситуация 1900-х гг. по целому ряду показателей заметно отличалась от той, что имела место в первой половине 1880-х гг.

Е. М. Дементьев был известным врачом, к тому же он много занимался вопросами фабричного законодательства и фабричной практики, поэтому неудивительно, что именно он также составил наилучшие описания состояния медицинского обеспечения рабочих в российской промышленности на 1897 и 1907 гг.[7] В работе, которая вышла двумя изданиями с интервалом в 10 лет, собраны законодательные основы больничного обеспечения промышленных рабочих, а также представлена некоторая статистика о затратах фабрикантов на организацию врачебной помощи. В данном исследовании не рассматривался вопрос о медицинской помощи на каждом конкретном предприятии, более того, зачастую автор оперировал слишком общими средними показателями, но это лучшая работа, показывающая общее состояние врачебного дела на российских фабриках и заводах.

Основываясь на собранном материале, дореволюционные авторы делали, конечно, определенные выводы, иногда очень ценные, но в редких работах приводились попытки собрать воедино материал большого ряда исследований. Специальные аналитические работы современников достаточно редки, причем они обыкновенно разбирают вопросы промышленного развития страны вообще, а о рабочих в них говорится только попутно.

Одним из первых серьезных аналитических исследований положения рабочих стала опубликованная в 1898 г. работа М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем»[8]. Хотя прежде всего в этой работе разбираются общие вопросы индустриального развития России, немало полезного сказано и об отношениях рабочих и предпринимателей. Так, в главе «Заработная плата» автор показал на достаточно обширном материале эволюцию как номинальной, так и реальной оплаты труда на протяжении XIX века. Большим достоинством этой работы является то, что здесь были сведены ряды сопоставимых данных по заработку рабочих различных профессий в различные годы на конкретных текстильных фабриках Центрального промышленного района (исходные цифры для этих таблиц Туган-Барановского были взяты из отчетов фабричных инспекторов и официального издания министерства финансов за 1896 г.). Отметим, однако, что эта классическая во многих отношениях работа содержит анализ развития российской промышленности лишь до 1897 года. Туган-Барановский первым показал, что реальная плата рабочих сразу после реформы 1861 г. сначала поднялась (что было вызвано оттоком ранее закрепощенных рабочих с фабрик и критическим недостатком рабочих рук), затем сильно сократилась, а в последние годы XIX в. снова начала подниматься по мере капиталистического развития и большего упорядочения отношений рабочих и предпринимателей[9]. Прочие, кроме заработной платы, аспекты рабочего труда остались практически не затронуты авто-

ром, потому что главное его внимание было сосредоточено на развитии промышленности вообще.

* * *

В советское время достаточно активное изучение трудовых отношений в России XIX — начала XX вв. началось уже в 1920-х гг., и в первое десятилетие в этом направлении была проделана большая и полезная работа. Изучалась история предприятий и целых отраслей промышленности, печатались интересные статьи в журнале «Архив истории труда в России». В это время исследователи уделяли довольно много внимания динамике заработной платы в промышленности. Тогда происходило становление официального отношения ко многим вопросам, связанным с экономической и социальной историей дореволюционной России. Появлялись работы, авторы которых отрицали рост реальной зарплаты рабочих в начале XX в., а если и признавали его, то только для периода 1905–1907 гг., объясняя это исключительно влиянием революционной борьбы[10]. Составленная ими динамика зарплаты дореволюционных рабочих часто сопоставлялась с данными о движении заработков рабочих в советское время, причем так, чтобы полученные коэффициенты демонстрировали безусловное преимущество организации советской промышленности и советской социальной системы. Например, в качестве отправной точки при определении роста зарплаты (как и прочих показателей советской промышленности) исследователи 1920-х гг. неизменно брали катастрофические для российской промышленности 1918–1919 гг., что представляется, конечно, некорректным приемом.

Наиболее значительные работы 1920-х гг. по проблеме оплаты промышленного труда до революции принадлежат С. Г. Струмилину. Кроме изучения собственно заработной платы, он много работал над корректной оценкой изменения цен; под его руководством были составлены таблицы индексов цен для Москвы и Петербурга, суммирующие стоимость набора основных товаров[11]. В 1926 и 1930 гг. в журнале «Плановое хозяйство» Струмилин опубликовал свои основные выводы по оплате труда российских рабочих. В целом они заключались в том, что реальная зарплата в России определенно росла в конце XIX — начале XX вв. При этом Струмилин вместе с другими исследователями говорил о радужных перспективах советской социальной системы, а также, как уже говорилось, подчеркивал, что если привести в пример реальный заработок фабричных рабочих в самом начале XIX в., то он оказывается таким же, как в начале XX в., поэтому рост заработка следует считать как будто лишь «исправлением» того действительно тяжелого положения, которое существовало на российских фабриках в 1870-х гг. Достаточно подробно Струмилин проанализировал ряд довольно важных факторов, изменявших структуру рабочей силы и делавших менее сопоставимыми сводные показатели среднего заработка всех фабричных рабочих за разные годы. Так, в первой половине XIX в. в российской промышленности доля женского, низко оплачиваемого труда постоянно возрастала, и это понижающим образом влияло на средние показатели. С другой стороны, в то же время росла и доля квалифицированных рабочих, а это повышало средние показатели заработка. Струмилин наметил подходы к оценке этого влияния, но отметил, что такая оценка все равно может быть только приблизительной, потому что на этот счет не имеется почти никакой статистики.

В 1920–1930-х гг. проводилась большая работа по подготовке к публикации источников по истории рабочего класса и российской промышленности. В это вре-

мя, например, были собраны и опубликованы некоторые воспоминания рабочих, важные для понимания деталей фабричной жизни до революции. В 1930-е гг. под руководством А. М. Панкратовой активно собирались материалы по истории рабочего класса в рамках большой программы по изучению истории фабрик и заводов. К сожалению, большинство из уже почти подготовленных в рамках этой программы исследований (материалы для которых сейчас находятся в полуобработанном виде в отдельном фонде Государственного архива РФ (фонд 7952)) так и не увидели свет. В частности, лишь в сильно урезанном виде вышла история Прохоровской Трехгорной мануфактуры — крупного московского текстильного предприятия, которое изначально считалось одним из наиболее приоритетных в рамках составления «Истории фабрик и заводов»[12].

Со второй половины 1930-х гг. оригинальные исследования по рабочему вопросу (как и по большинству других) уступают место работам, написанным по канонизированным схемам, и исторические книги этой тематики, хоть и многочисленные, надолго перестают быть информативными. Как отмечает А. К. Соколов, в иерархии советской исторической науки проблематика догматизированной истории рабочего класса занимала с этого времени второе место (после истории партии)[13]. В 1930–1950-х гг. дискуссии историков в этой области были возможны лишь в том случае, если отдельные догмы входили в противоречие друг с другом. Следует отметить, однако, что исследовательская работа в области *дореволюционной* истории рабочих была относительно безопасна, если авторы, признавая верность положений «Краткого курса», развивали и дополняли их за счет введения в научный оборот новых документов и материалов[14].

Ряд новых серьезных работ появляется только в конце 1950–1960-х гг. Среди них обобщающая работа С. Г. Струмилина «Очерки экономической истории России» (где автор свел вместе все свои предыдущие исследования), работа А. Г. Рашина «Формирование рабочего класса России», статьи других исследователей в сборниках, посвященных рабочему вопросу[15]. В целом была принята точка зрения о росте реальной зарплаты промышленных рабочих, начавшемся примерно с конца 1870-х гг. Вместе с тем указывались различные факторы, которые, по мнению авторов, значительно обесценивали этот рост зарплаты. Еще в 1926 г., например, в одной из работ, посвященных проблемам зарплаты в дореволюционной промышленности России, отмечалось: «Общий рост материального благосостояния не мог не отразиться на благосостоянии рабочего. Рабочий стремился жить “по-людски”, лучше одеваться, чем раньше, его уже не удовлетворяла прежняя подвальная обстановка... Прежнего заработка ему уже не хватало для удовлетворения вновь возникших потребностей»[16]. Позже в историографии сам факт роста реальной зарплаты рабочих нередко старались подавать таким образом, чтобы это было как можно менее заметным. Так, в известной коллективной монографии о рабочем классе дореволюционной России говорится: «Несмотря на некоторую неточность, неизбежную при использовании разнородных данных, приводимые индексы номинальной заработной платы и цен на предметы первой необходимости свидетельствуют об определенном росте реальной заработной платы рассмотренных групп рабочих, хотя в начале XX в. увеличение розничных цен фактически сводило рост заработной платы на нет»[17]. В данном случае оговорка относительно роста цен, призванная затушевать факт роста реальной зарплаты рабочих, привела к противоречию, потому что реальная зарплата как раз и рассчитывается для того, чтобы учесть изменение цен.

Делопроизводственная документация отдельных предприятий, к сожалению, мало использовалась авторами, хотя потенциал таких документов велик. В этой

связи особенно стоит отметить исследования М. И. Гильберта и М. К. Рожковой, которые привлекли подобные документы для изучения заработной платы (обе статьи были опубликованы в одном сборнике)[18]. Эти работы непосредственно относятся к теме данного исследования; более того, работа Гильберта проделана на материалах фабрики того же Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, которое является одним из двух центральных объектов нашего исследования, так что подробнее о приемах работы с данными, использованных этими авторами, как и о результатах их работы, речь пойдет в главе III нашей книги.

В 1960-х — 1980-х гг. рабочий вопрос получил освещение в целом ряде сборников, монографий и коллективных работ[19]. Большое количество материалов было собрано для обобщающего труда «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.»[20]. Здесь рассмотрены многие аспекты рабочего вопроса, в том числе положение рабочих и оплата их труда. Множество данных также собрано и проанализировано Ю. И. Кирьяновым в монографии «Жизненный уровень рабочих России»[21]. В своем труде автор собрал и свел воедино большое число опубликованных сведений о зарплате рабочих и штрафовании, о харчевых лавках и питании рабочих, об их жилищно-бытовых условиях. В этой важной, обобщающей итоги множества исследований работе подтверждается вывод о росте реальной зарплаты в конце XIX — начале XX вв. и одновременно дается довольно негативная оценка всех остальных рассмотренных элементов трудовых отношений. О проблеме жилья для рабочих сделан общий вывод, что, несмотря на многочисленные проекты жилищного строительства, которые усиленно провозглашались и даже начали реализовываться, жилищный кризис в России за последние 20 лет существования Российской империи не только не был решен, но даже и обострился. По поводу питания рабочих Ю. И. Кирьянов констатировал, что для большинства рабочих капиталистической эпохи оно было однообразным и недостаточным, зачастую не достигавшим норм, определяемых как санитарный минимум для соответствующих категорий труда, при этом, правда, отмечались положительные изменения в начале XX в. по сравнению с 80–90 гг. XIX в. Автор привел здесь лишь негативные отзывы о фабричных продовольственных лавках, хотя этому вопросу фактически не уделено специального внимания.

Следует признать несомненную научную ценность вышеуказанных и ряда других работ советских историков. В области истории промышленности и рабочего вопроса в России дореволюционного периода в течение нескольких десятилетий была проделана гигантская работа — достаточно сказать, что в библиографическом указателе, опубликованном в 1972 г. и посвященном специально этой тематике, упомянуто почти 2 800 работ[22]. Вместе с тем приходится отметить, что в подавляющем большинстве исследований советского времени акцент ставился на рабочем движении и иллюстрациях тяжелого положения пролетариата. Рабочий вопрос — это совокупность весьма сложных, многоплановых проблем, затрагивавших миллионы людей, и потому среди многочисленных свидетельств — воспоминаний, делопроизводственных документов предприятий, материалов фабричной инспекции и судебных органов — можно найти подтверждения практически для любых точек зрения. К сожалению, в советской историографии в этом отношении преобладал тенденциозный подход — стремление показать, как было плохо рабочим при капитализме и как изменилось к лучшему их положение при советской власти. Зачастую из большого набора данных выбиралось только то, что максимально выставляло фабрикантов в негативном свете[23]. Далее в нашей работе приводятся подобные примеры явно искаженного описания ситуации, относящиеся непосред-

ственно к предприятиям Н. Н. Коншина и ЯБМ. Таким образом, несмотря на большое число работ, многие вопросы, связанные с мотивацией труда рабочих, остались недостаточно изученными.

Что касается зарубежной историографии, то она практически не уделяла специального внимания проблемам мотивации труда рабочих дореволюционной российской промышленности, особенно в рамках подходов микроистории. Хотя зарубежные авторы были свободны от ряда догм советской историографии, до конца 1980-х гг.[24] они нередко находились, по словам А. К. Соколова, под существенным влиянием советской историографии, «несмотря на различия в политических взглядах и интерпретации фактов»[25]. В работах западных историков немало внимания уделялось рабочему движению, стачкам и другим видам трудовых конфликтов[26]. Интересные работы опубликованы на Западе в области изучения структуры рабочей силы в России, ее неоднородности в период индустриализации[27], связи промышленных рабочих с землей, процессах их пролетаризации[28]. Эволюция подходов к изучению дореволюционного рабочего класса в западной историографии кратко охарактеризована в недавних обзорных статьях А. К. Соколова[29] и Л. Сигельбаума[30] (посвященных в основном историографии работ по истории советского рабочего класса).

* * *

Радикальные изменения в исследованиях по рабочей истории начались с рубежа 1980–1990-х гг. Как отмечает И. М. Пушкарева, «история рабочего класса дореволюционной России была тесно связана с историей большевистской партии, и после крушения социалистической системы “рабочая тема” неожиданно оказалась скомпрометированной вместе с историей РСДРП/КПСС»[31]. Оценивая состояние советской историографии изучения рабочего класса, И. М. Пушкарева пишет, что она «действительно страдала идеологизированностью» и неоправданным усреднением «пестрой и далеко не во всем однозначной жизни, труда и борьбы пролетарских масс». Исправление этой ситуации И. М. Пушкарева видит не в механической смене знака «плюс» на знак «минус», но в тщательном и объективном изучении источников, совершенствовании методики их анализа, использовании достижений мировой историографии, а также смежных наук (социологии, психологии — в контексте изучения ментальности, обыденной жизни рабочих, мотивации их труда и конфликтов с предпринимателями и властями)[32].

Об этом пишет и А. К. Соколов, констатирующий, что перемены 1990-х гг. привели к сворачиванию научных подразделений, занимавшихся историей КПСС и рабочего класса, упразднению соответствующих периодических изданий. «Огромная армия историков просто дезертировала из данной области исследований»[33]. Произошло то, что А. К. Соколов назвал «концом официальной истории рабочего класса». Отмечая радикальную смену ориентиров в работах отечественных историков 1990-х гг., А. К. Соколов пишет: «Рабочие, если о них вообще заходит речь, выступают теперь в качестве объекта не эксплуатации, а всяческой заботы со стороны предпринимателей и организаторов производства». Можно лишь согласиться с выводом автора о том, что такой подход ведет к искажению реальной картины трудовых отношений и не дает ключа к пониманию и объяснению тех социальных катаклизмов, которые произошли в России в начале XX в.[34]

После периода невзвешенных оценок и «перегруппировки сил» в последние годы в исследованиях по рабочей истории стали складываться новые подходы,

появились крупные исследовательские проекты, возобновились конференции по рабочей тематике[35]. Возник интерес к «новой рабочей истории», истории фирм, предпринимательства, коммерческого успеха крупных производств. С изучением деятельности предпринимателей стал изучаться вопрос о том, что делали владельцы фабрик и заводов для рабочих как в порядке выполнения законодательных норм, так и в порядке личной инициативы. Начато привлечение новых источников, в первую очередь недостаточно изученных архивных фондов крупных предприятий.

Наиболее значительной из подобных работ является исследование хозяйственной деятельности Никольской мануфактуры Морозовых, проведенное И. В. Поткиной[36]. На базе большого архивного материала автор показала эволюцию этого очень крупного текстильного предприятия, к тому же одного из самых популярных (в частности, благодаря Морозовской стачке 1885 г.) объектов внимания историков. Для автора главным было изучение делового успеха фирмы, поэтому основное внимание уделяется хозяйственной деятельности Морозовых как успешных предпринимателей. Однако достаточное место отводится и рабочему вопросу — отдельные главы посвящены социальной политике Морозовых в 1860–1910-х гг. и трудовым отношениям на фабрике (последнее включает в себя такие темы, как структура рабочей силы, заработки и социальные конфликты). Здесь показано, что Морозовы на самом деле довольно много делали для своих рабочих, вели значительное строительство жилья, тратили много денег на создание и поддержку некоторой социальной сферы на своих фабриках, причем во многом существенно опережали фабричное законодательство, сознательно, а не только под давлением обстоятельств, увеличивали фонд заработной платы. Автор подчеркивает, что Морозовы стремились создать систему патерналистских отношений, в которой рабочие видели бы определенную заботу о себе и воспринимали свою работу как часть общего дела. Более того, политика Морозовых давала свои результаты, и случаи социальных конфликтов на Никольской мануфактуре были единичными (причины и последствия известной Морозовской стачки подробнейшим образом рассмотрены отдельно). Эта монография не просто показывает отношения предпринимателей и рабочих в новом для отечественной историографии ключе, но делает это, опираясь на большой комплекс привлеченных делопроизводственных материалов и прочих архивных документов. В контрасте с традиционной для советской историографии оценкой отношений рабочих и предпринимателей как антагонистических И. В. Поткина значительное внимание уделяет деятельности Морозовых на поприще заботы о своих рабочих. В этом контексте автор вводит понятие социально ориентированного предприятия, которое характеризуется широтой и разнообразием социальных программ владельца, регулярностью и продолжительностью их действия. Что касается количественного критерия, то И. В. Поткина считает, что «порог, превышающий 4 % от общих непроизводственных расходов и примерно такой уровень отчислений из чистой прибыли, может служить веским аргументом» для отнесения предприятия к данной категории[37]. Приведенные в ее книге расчеты позволяют автору говорить о том, что Никольская мануфактура Морозовых «была социально ориентированным предприятием текстильной промышленности России»[38].

Вообще надо отметить, что основанные на конкретной документации исследования по истории предприятий представляются чрезвычайно важными, потому что только на микроуровне можно разобраться в ряде важных вопросов, связанных с социальными отношениями между предпринимателями и рабочими, именно ана-

лиз делопроизводственной документации позволяет выявить главные проблемы, интересовавшие рабочих и предпринимателей, равно как и методы их разрешения. В массовых статистических источниках вся эта сторона деятельности оказывается фактически скрытой за средними цифрами, которые, предоставляя очень важный фон для любого исследования, не дают увидеть деталей, специфику объектов исследования.

Особое внимание микро- и макроподходам в изучении рабочей истории уделяет А. К. Соколов, отмечающий, что интеграция этих подходов рассматривается в современной российской историографии как наиболее важная и сложная в плане практической реализации задача[39]. Решение данной задачи позволяет, исходя из «тонкого», а значит, возможно более точного анализа событий и деталей прошлого, выйти на спектр более широких интерпретаций и обобщений. «Понятно, — пишет Соколов, — что взятые в отрыве от более общего контекста (объективные условия жизнедеятельности, лежащие в сфере экономики, политики, идеологии и т. д.) микроисследования не реализуют в полной мере свой потенциал»[40].

А. К. Соколов подчеркивает растущую роль в развитии исследований по рабочей истории и других подходов, методологически связанных с микроисторией. Речь идет об «истории снизу» *(history from below)* и истории повседневности[41]. Автор справедливо отмечает, что часто «история снизу» представляется как история только на уровне повседневности; такое понимание ведет к мелкотемью, рассыпанию целостной истории социума на малозначимые и слабо связанные между собой аспекты. Однако «история снизу» может выводить на анализ крупных вопросов, это определенный новый угол зрения, методологическая направленность современных исследований общества, содержащая в себе немало возможностей в качестве альтернативы идеологической предвзятости и методологического схематизма[42].

Следует отметить и нетривиальное замечание А. К. Соколова о соотношении дискурсивных подходов, микроистории, с одной стороны, и квантитативной истории, — с другой. По его мнению, «квантификация вовсе не противоречит дискурсу... В сущности, применение количественных методов в истории всегда было “дискурсивной квантификацией”... Применение компьютера, создание многих электронных архивов и баз данных в истории[43] по сути было равносильно микроанализу»[44]. Это наблюдение находит свое подтверждение и в нашей работе.

В данном исследовании мы опираемся на упомянутые методологические подходы, исходя из возможностей их синтеза.

Многие авторы признавали важность изучения истории отдельных предприятий для адекватного понимания процессов, происходящих в промышленности, поэтому жанр истории отдельных предприятий не является новым для отечественной историографии, тем не менее расстановка акцентов в подобных публикациях изменялась. До революции это были преимущественно фирменные издания, юбилейные или приуроченные ко всероссийским и всемирным промышленным выставкам, в основном посвященные хозяйственной деятельности предприятий и содержавшие мало материала по трудовым отношениям[45]. Из описаний условий труда рабочих на отдельном предприятии (в текстильной промышленности) можно назвать, пожалуй, лишь одну серьезную публикацию, дающую представление о характере работ на московской фабрике «Эмиль Циндель»[46], однако, как и большинство дореволюционных публикаций, она носит в основном описательный, а не аналитический характер.

Вопрос о необходимости всестороннего изучения истории предприятий был поставлен уже в 1920-е годы. В 1926 году Н. А. Рожковым были сформулированы

основные источниковедческие и методологические вопросы, которые должны привлекать внимание исследователя при изучении истории отдельных предприятий, причем автор обращал особое внимание на информативную ценность делопроизводственных архивов предприятия, наиболее непредвзято и объективно отражающих деловую историю производства. Рожков использовал свой подход в вышедшей посмертно книге об истории развития Трехгорной мануфактуры в 1800–1840-х гг.[47] Вместе с тем этот подход был встречен, скорее, негативно: в прениях по докладу Рожкова на заседании общества историков-марксистов выступающие критиковали автора за чрезмерный «уход в цифры». Наиболее емко общее мнение было выражено словами М. В. Нечкиной: «Нас познакомили с бухгалтерией, а не с историей фабрики»[48].

Почти в это же время стартовала и широкая кампания по подбору материалов для «Истории фабрик и заводов», в том числе сопровождавшаяся сбором многочисленных воспоминаний рабочих. Лишь небольшая часть собранного и даже частично обработанного материала была опубликована, а с середины 1930-х гг. научная деятельность в этом направлении постепенно сворачивается. В советское время публикации, посвященные истории отдельных предприятий, выходили довольно часто, но почти всегда эти издания были, скорее, агитационно-популярными, чем научными, и фактический материал в них привлекался в основном иллюстративно и фрагментарно. Основной темой в разделе дореволюционной истории предприятия была, как правило, тема классовой борьбы в ее локальном проявлении.

В настоящее время при написании истории фабрик и заводов исследователи интересуются различными аспектами их функционирования — хозяйственной деятельностью, административными механизмами управления предприятия, благотворительностью предпринимателей. Крупных исследований, как монография И. В. Поткиной, встречается немного, чаще публикуются такие работы, как, например, история текстильной фабрики товарищества мануфактур «Анна Красильщикова с сыновьями» в Костромской губернии[49]. В целом неплохая, она, однако, скорее, представляет собой пример «фамильной истории», второе по значимости место отведено хозяйственной стороне деятельности фирмы, а проблемам отношения рабочих и предпринимателей уделено слишком мало внимания.

Важно, тем не менее, подчеркнуть, что в последние два десятилетия существенно расширились возможности для использования новых теоретических и методических подходов к изучению российской дореволюционной промышленности, трудовых отношений, «рабочей истории». Как отмечает Т. В. Бойко, «мы настолько привыкли к радикальному марксистскому варианту интерпретации истории рабочего движения, что сегодня как бы заново открываем для себя возможность каких-то новых, и притом вполне конструктивных, подходов к вопросам социального и культурного развития рабочих в рамках сложного и динамичного процесса модернизации России путем реформ»[50].

Изменения методологии исследований по «рабочей истории», отказ от преобладающего понимания трудовых отношений почти исключительно в контексте классовой борьбы, а также возрастание роли междисциплинарных подходов в социальной истории привели и к изучению различных аспектов мотивации труда рабочих.

Вопрос о мотивации труда рабочих на промышленных предприятиях дореволюционной России до 1990-х гг. практически не ставился. Между тем очевидно, что в любой деятельности, даже если это принудительный труд, у работника имеются свои причины трудиться. В зависимости от того, насколько сильны эти при-

чины, находятся, например, эффективность труда, качество и скорость выполняемой работы. Система трудовой мотивации может быть основана на преобладающем влиянии одного основного трудового стимула или, напротив, складываться под влиянием целого набора стимулов, включать различные мотивы.

Описанный во введении подход к классификации элементов трудовой мотивации (включающий три вида мотивов: вознаграждение, побуждение и принуждение) представляется достаточно адекватным, и его апробация на конкретном материале как дореволюционных, так и советских промышленных предприятий показала, с определенными уточнениями, о которых еще пойдет речь ниже, его применимость. В рамках этой концепции за последние несколько лет написан ряд работ российских историков, исследователей рабочей истории в России. Уже можно говорить о целом направлении в историографии рабочей истории, апробированном на архивных материалах таких предприятий, как Прохоровская Трехгорная мануфактура, Тверской вагоностроительный завод, Московский Электрозавод и др. (включая и два текстильных предприятия, рассматриваемых в данной книге)[51].

Та же методологическая схема является центральной в проведенном А. К. Соколовым и А. М. Маркевичем исследовании мотивации труда рабочих Московского металлического завода, основанного Ю. П. Гужоном (позднее — завод «Серп и молот»)[52]. Авторы подробнейшим образом изучили историю завода более чем за 100 лет, с момента основания почти до настоящего времени, причем главное их внимание было уделено моделям стимулирования труда. Двадцатый век в России дал многочисленные примеры экономических и социальных экспериментов: на одном и том же заводе в разное время применялись самые разные схемы стимулирования труда, и по результатам оказалось вполне возможным рассмотреть относительный эффект той или иной принятой модели, тех или иных отдельно взятых мотивов труда рабочих. Например, авторы отмечают полную неэффективность мер, направленных на выравнивание зарплаты рабочих различных категорий, принятых в первые годы советской власти, а также проблемы развития стахановского движения и ударничества. Что касается дореволюционного периода, то основной вывод, к которым приходят авторы, таков: трудовая политика хозяина завода заключалась во всемерном поощрении небольшого слоя квалифицированных рабочих и фактическом игнорировании запросов неквалифицированных. Такая политика складывалась в условиях ускоренной дореволюционной индустриализации, когда рынок неквалифицированной рабочей силы в Москве был переполнен, и хозяин завода мог позволить себе каждый день за бесценок набирать множество поденных рабочих из толпы безработных, стоящих у проходной. Ситуация несколько изменилась лишь во время Первой мировой войны, когда на рынке труда произошли определенные структурные изменения, но в то же время предприниматели получили и новые средства заставить рабочих трудиться на своих условиях. В числе этих средств одной из центральных была возможность предоставления отсрочек от призыва в армию военнообязанным рабочим, данная правлению завода государством. Авторы отмечают, что формально рабочий не был жестко привязан именно к своему заводу и как будто мог найти работу и на другом предприятии, возможно, с лучшими условиями, но фактически администрация, отказываясь выдавать рабочим удостоверение о том, что у тех имелась отсрочка, использовала отсрочки как механизм прикрепления рабочих-мужчин призывного возраста к заводу[53].

Указанное исследование представляет собой важный пример успешного изучения истории одного крупного предприятия в ракурсе мотивации труда и выявления

на примере этого предприятия основных методов стимулирования труда, применявшихся администрацией повсеместно на заводах и фабриках всей страны. Гужоновский завод — это предприятие металлургической, а не текстильной отрасли промышленности, где в ряде случаев существовали несколько иные условия в возможностях построения трудовых отношений между предпринимателями и рабочими, чем для фабрик, рассматриваемых в нашей работе. Однако гужоновский завод, как, например, и фабрики Коншина или Ярославской Большой мануфактуры — крупное промышленное предприятие, и в этом отношении он может быть даже более похож на интересующие нас фабрики, чем мелкие текстильные мануфактуры. Поэтому мы считаем полезным иногда по ходу дела обращаться к данной работе, чтобы внимательнее рассмотреть сходства и различия в функционировании трудовых отношений на крупном металлическом заводе и крупном текстильном предприятии.

Хотя предложенная схема изучения мотивации труда, основанная на классификации возможных типов стимулов к труду и выявляющая соотношение этих типов на тех или иных предприятиях, кажется вполне оправданной и привлекательной, это не единственный вариант подхода к изучению трудовых отношений в ракурсе мотивации труда. Так, Б. Н. Миронов в одной из своих работ сравнил отношение к труду фабричных рабочих на дореволюционных российских предприятиях с крестьянским отношением к труду[54]. Основной тезис автора заключается в том, что в условиях быстрой индустриализации, когда рынок рабочей силы складывался главным образом из вчерашних крестьян, мотивы действий таких рабочих необходимо рассматривать именно с учетом их крестьянского менталитета. Хотя некоторые тезисы автора представляются спорными (например, о том, что в России у рабочих было так много праздников, что даже при существенно большей, чем в странах Европы, длине рабочего дня они работали суммарно меньше, чем в Европе), в работе Миронова убедительно показано, что с точки зрения отношения к труду, производительности труда, даже соблюдения правил внутреннего распорядка, в том числе относящихся и к области техники безопасности, рабочие дореволюционной России несколько иначе смотрели на свой труд, чем рабочие на Западе или тем более сегодняшние рабочие, и при оценке мотивации их труда нельзя игнорировать присущие им черты крестьянского менталитета.

Наконец, стоит сказать отдельно о тех работах, в которых уделяется внимание отношениям рабочих и правления собственно на фабриках рассматриваемых нами двух предприятий — Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Ярославской Большой мануфактуры.

Учитывая положение Товарищества Коншина как одного из лидеров российской текстильной промышленности, про него написано довольно мало. До революции обзоров истории данного товарищества, таких как для Трехгорной мануфактуры или фабрики «Эмиль Циндель», составлено не было. Первое описание трудовых отношений на коншинских фабриках появилось в 1925 г., когда вышел приуроченный к 20-летию революции 1905 г. сборник воспоминаний серпуховских рабочих[55]. Пронизанный пафосом борьбы рабочих с фабрикантами, он все же содержит ряд интересных свидетельств. Более серьезный характер носит очерк О. А. Шестаковой о серпуховской текстильной промышленности[56]. В общем для нашей темы там очень мало интересного, потому что говорится в основном не о рабочих, а о динамике производства, к тому же о деятельности коншинских фабрик отдельно речь заходит лишь с описанием Первой мировой войны.

С. И. Аристов — следующий, кто в 1940-х гг. написал о серпуховских рабочих две почти одинаковые книги[57]. Автор — член ВКП(б) с 1911 г., организатор серпу-

ховской большевистской типографии, в 1917–1918 гг. — член ревкома и начальник штаба Красной гвардии, один из тех самых людей, которые арестовывали некоторых бывших директоров коншинских фабрик, так что неудивительно, что в его работах в крайней степени проявлен классовый подход к отношениям рабочих и предпринимателей — первые предельно героизированы, вторые не заслуживают ни единого доброго слова. Все же у Аристова содержится определенный фактический материал.

Представляет определенный интерес также книга по истории города Серпухова, в которой коншинским фабрикам как одним из крупнейших в городе промышленных предприятий уделяется достойное внимание[58]. Кое-что из сказанного там почти дословно взято из Аристова, кое-что представляет собой лишь расхожие штампы о «плохих капиталистах», однако в работе иногда привлекаются и архивные источники — преимущественно из архивов МВД.

Специальные работы по истории данного товарищества появляются только в 1990-х гг., но и они не слишком велики. Во-первых, это некоторые статьи потомка предпринимателей А. Д. Коншина[59], во-вторых, очерк А. И. Аксенова и Ю. А. Петрова о предпринимателях Коншиных[60]. В последней работе активно привлекаются протоколы заседаний правления из фонда Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, хранящиеся в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ), однако ее небольшой объем также не дал возможности подробно описать трудовые отношения на этих фабриках, и основное внимание уделяется торгово-промышленной деятельности Товарищества.

Несколько больше литературы имеется по истории ЯБМ. До революции вышли три издания. Автором одного из них был А. Ф. Грязнов, заведующий ЯБМ[61], однако его работа охватывает только 1722–1856 гг., т. е. период функционирования фабрики, предшествовавший покупке ее Карзинкиными и созданию Товарищества ЯБМ. Две другие работы были выпущены в 1896 и 1900 гг.[62], и обе они готовились для представления предприятия на промышленных выставках. Несмотря на последнее обстоятельство, эти издания содержат важный фактический материал по различным аспектам деятельности фабрики: оборудование, сырье, производства (основные и вспомогательные), выпускаемая продукция, условия труда, техника безопасности. Самостоятельный раздел в издании 1900 г. посвящен описанию «учреждений» для рабочих: жилых корпусов, больницы, детских яслей, богадельни, школы и т. п. Понятно, что авторы умалчивали о проблемах и недостатках, которые существовали на предприятии, в том числе и в функционировании этих учреждений, но приведенные ими фактические сведения подтверждаются архивными данными. Поэтому говорить об искажении информации в данных изданиях у нас нет оснований. Две книги по истории (в том числе и дореволюционной) Ярославской Большой мануфактуры вышли в советское время[63]. Книга Н. П. Паялина, в оценке событий идущая в целом в русле историографии 1930-х гг., содержит богатый архивный материал (причем автор нередко приводит весьма объемные цитаты из архивных документов), заслуживающий доверия и представляющий интерес для нашей работы. Книга коллектива авторов вышла в 1972 г. к 250-летию комбината «Красный Перекоп» (название предприятия с 1922 г.), и к ней в полной мере относится характеристика, данная выше изданиям, описывающим историю коншинской мануфактуры. Еще одно юбилейное издание — к 280-летию фабрики — появилось уже в постсоветский период, в 2002 г.[64] Оно написано в значительной степени на основе предшествующих публикаций с привлечением небольшого количества новой архивной документации, хотя это почти не касается дореволю-

ционного материала. Помимо изданий, посвященных непосредственно истории ЯБМ, различные аспекты деятельности предприятия, положения рабочих в дореволюционный период отражались в публикациях, посвященных истории края, рабочему движению в Ярославле[65]. Благодаря богатству архивного фонда Ярославской Большой мануфактуры в Государственном архиве Ярославской области интерес исследователей к различным аспектам истории этого предприятия сохраняется. В 2005 г. была защищена кандидатская диссертация, освещающая некоторые стороны повседневной жизни ярославских рабочих во второй половине XIX — начале XX вв.[66] В частности, автор на примере нескольких местных предприятий разных отраслей (в том числе и ЯБМ) и на основе общегородской ситуации рассматривает сюжеты, связанные с жилищными условиями ярославских рабочих, с обеспеченностью их продуктами питания и возможностью получения медицинской помощи, оговорив во введении, что не будет касаться вопросов образования и досуга рабочих как требующих специального исследования. В работе представлен материал «о бытовом укладе жизни» не только рабочих Ярославля, но и других губерний Центрального промышленного района. Таким образом, несмотря на появление целого ряда публикаций, в большей или меньшей степени затрагивающих историю Ярославской Большой мануфактуры, авторами ни разу не ставилась задача рассмотрения различных сторон деятельности предприятия, взаимоотношений рабочих и предпринимателей с точки зрения мотивации труда Центрального промышленного района.

* * *

Изучение большинства вопросов, связанных с исследованием трудовых отношений, таких как, например, проблемы неравенства в оплате труда в России в XIX в., сопряжено с трудностями в подборе систематизированных источников для исследования. Скажем, в России никогда не проводилось серьезного анализа динамики дифференциации заработка квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Характеризуя ситуацию с изучением пореформенной оплаты труда, С. Г. Струмилин, один из наиболее известных исследователей этой проблематики, отмечал, что «для освещения динамических процессов в области заработной платы... вплоть до самого конца XIX в. за отсутствием *массовых* статистических материалов приходится довольствоваться весьма разрозненными данными отдельных предприятий, публикациями справочных цен по отдельным городам и т. п. источниками иллюстративного значения»[67]. Несколько лучше выглядит ситуация с данными о зарплате рабочих по началу XX в. (благодаря сведениям фабричной инспекции), но и здесь систематизированных и достаточно структурированных динамических данных, позволяющих оценить неравенство в оплате труда, нет. Как отмечал А. Каган, американский специалист по экономической истории России, «архивы крупных промышленных предприятий содержат данные о зарплате. Однако лишь небольшая часть этих архивов действительно использовалась; при написании истории этих предприятий данные о зарплате не публиковались»[68].

В этих условиях наиболее представительную коллекцию динамических данных об оплате труда промышленных рабочих в дореволюционной России собрал в свое время (пользуясь в основном материалами различных публикаций) Струмилин. Опубликованные им данные характеризуются различными уровнями агрегирования. Наиболее укрупненные данные содержат динамику среднегодового заработка фабричного рабочего в России в 1885–1914 гг.; их исчисление было про-

изведено на основе сведений фабричной инспекции о всех фабриках и заводах, применявших штрафование рабочих. Другой массив отражает погодовую динамику оплаты труда железнодорожников по всей сети дорог общего значения (с 1883 г.). Снижая уровень агрегирования, Струмилин для иллюстрации роста зарплаты в промышленности с начала 1880-х гг. и до конца XIX в. приводит динамику годового заработка рабочих Коломенского машиностроительного завода.

Все эти ряды данных, однако, не могут быть использованы для изучения проблемы дифференциации оплаты труда промышленных рабочих — это сводные сведения, они не структурированы по рабочим профессиям. Исключение составляют относительно длинные динамические ряды справочных цен на рабочие руки по шести профессиям строительных рабочих Петербурга (столяры, маляры, плотники, каменщики, штукатуры и поденщики). Собранные и опубликованные А. Рыкачевым данные охватывают период за 58 лет, начиная с 1853 г.[69] Эти данные анализируются Струмилиным в основном для изучения параллелизма в движении цен на рабочие руки по шести указанным профессиям строительных рабочих; тем не менее представляют интерес и те несколько строк, в которых он резюмирует свои наблюдения о дифференциации оплаты труда рабочих-строителей: «разрыв в оплате обученного и необученного труда за весь период обнаруживает довольно заметные смещения сначала, до середины 1860-х гг., вниз, в сторону большей уравнительности, а затем вверх, в направлении возрастающей дифференциации»[70].

Следует подчеркнуть, что немало конкретных данных о зарплате рабочих на тех или иных фабриках и заводах в те или иные годы приводится в трудах известных исследователей положения рабочих в дореволюционной России, а также в работах фабричных инспекторов. Однако, как отмечалось выше, эти сведения редко содержат необходимые для нас систематизированные данные о различиях в динамике оплаты труда рабочих различных профессиональных и квалификационных групп[71].

Для объяснения данной ситуации следует напомнить, что в большинстве работ советских историков, изучавших положение рабочих дореволюционной России, подчеркивались общность их классовых интересов, единство позиций различных отрядов пролетариата в классовой борьбе. При этом, как правило, недостаточно исследовались различия рабочей силы промышленности в отраслевых и региональных аспектах, специфика менталитета рабочих разных уровней квалификации, разных этно-конфессиональных и половозрастных групп. Мало внимания уделялось и вопросам дифференциации оплаты труда рабочих. Особенно это относится к работам 1930-х гг. и более поздним публикациям.

Как уже отмечено, при изучении размеров заработка рабочих в основном исследователи использовали не индивидуальные, а сводные, усредненные данные, взятые из сводов отчетов фабричных инспекторов или из обследований промышленности. Авторы-современники иногда располагали более подробными данными, но в их работах такие данные появляются уже опять-таки в обработанном, сводном виде, с которым и приходится сейчас работать. Такие материалы, например, можно найти в упомянутых выше работах Е. М. Дементьева или И. М. Козьминых-Ланина.

Чаще всего исторические исследования были основаны на нескольких временны*х* срезах, для которых были взяты средние размеры оплаты труда при очень укрупненной группировке данных — по различным отраслям промышленности или по крупным территориальным округам[72]. Эти данные были собраны во время промышленных переписей 1900 и 1908 гг., а также профессиональной переписи

1918 г., содержавшей, в частности, сведения о зарплате рабочих различных отраслей промышленности в 1913 и последующих годах. Другой часто использовавшийся источник данных — своды отчетов фабричных инспекторов за 1900–1914 гг.[73] Однако, как отмечают те же авторы, которые строят ряды динамики, сопоставление даже этих очень обобщенных и, следовательно, огрубленных данных возможно лишь с серьезными оговорками — методика сбора данных для разных лет была различной, принципы отбора информации тоже различались[74]. Особенно сильно отличаются от остальных данные переписи 1918 г., которая, не говоря уже о ряде методологических проблем ее организации, охватила существенно меньшую совокупность промышленных предприятий, чем предыдущие обследования.

Иногда в научной литературе привлекались к рассмотрению такие материалы, на которых можно было бы проследить эволюцию динамики оплаты труда различных категорий рабочих. Эта задача представляется существенно более корректной, чем сравнение средних размеров оплаты труда рабочих разных территориальных округов (например, в сводах отчетов фабричных инспекторов проводится усреднение всех показателей как раз лишь по различным губерниям) потому что, во всяком случае, на основании сводных данных по различным профессиям уже можно делать обоснованные выводы о различии в оплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих, о поощрении (или, напротив, игнорировании) предпринимателями более качественного труда тех или иных категорий рабочих и т. д. Дореволюционные авторы — например, Е. М. Дементьев или М. И. Туган-Барановский — предлагали обычно именно такое усреднение данных, для чего проводили соответствующие опросы. Но и в этом случае не для любой задачи можно говорить, что сводные данные позволяют делать абсолютно корректные выводы. Очевидно, например, что заработки рабочих даже одинаковых специальностей (особенно это относится к широко распространенным и не требующим высокой квалификации) были различными на крупной фабрике и на небольшой мануфактуре[75].

Между тем архивные фонды некоторых предприятий позволяют провести и более подробное исследование. По ряду крупных фабрик (таких, например, как Трехгорная, Никольская, Ярославская Большая мануфактуры или Товарищество Коншина) сохранились достаточно представительные фонды, содержащие и их финансовую делопроизводственную документацию, в том числе касающуюся отношений администрации с рабочими. Такие документы, в частности, стали источниковой базой для уже упомянутых исследований М. И. Гильберта и М. К. Рожковой.

Вместе с тем индивидуальные ряды динамики размеров заработка не были опубликованы и этими исследователями. Гильберт, видимо, собрал ряды индивидуальных записей в расчетных книгах нескольких предприятий, но, к сожалению, он не опубликовал данные, полученные в результате своей работы, а только представил общие выводы. К тому же Гильберт ограничился лишь периодом 1860–1890-х гг.[76] Между тем изучение индивидуальных динамик заработка — очень интересная тема. Одно дело — говорить о том, как изменилась за определенный период зарплата ткачей, прядильщиков, чернорабочих в целом, и совсем другое — показать, как изменилась оплата труда конкретных людей, работавших на конкретной фабрике. Представляется, что для полноценного исследования нужно и то, и другое — то есть как сводные по профессиям, так и индивидуальные данные.

Или, например, можно рассмотреть такую проблему, как функционирование фабричных харчевых лавок. По вопросу о качестве и стоимости продуктов в лавках имеется огромное количество высказываний, в подавляющем большинстве случа-

ев публицистического характера. В советской историографии, к сожалению, из одного издания в другое переходили слова о том, что рабочие были вынуждены забирать продукты в кредит у предпринимателя, неизменно худшего качества и по завышенной цене. Однако нам лишь два раза — причем в одном сборнике — удалось встретить попытки каких-либо обобщений наблюдений на этот счет, да и те относящиеся лишь к началу 1880-х гг.[77] Реально никакой опубликованной статистики на этот счет не имеется, и можно только находить отдельные иллюстрации положения в периодической печати (возможно, сознательно искаженные) или в делопроизводственных материалах (сохранившихся лишь для ничтожного процента фабрик и заводов).

ИСТОЧНИКИ

Как уже отмечалось выше, в центре внимания данной работы находятся механизмы трудовой мотивации рабочих-текстильщиков в период дореволюционной индустриализации, выявляемые на уровне предприятия, в ходе микроисторического исследования. Подобный подход ставит во главу угла архивные источники, характеризующие трудовые отношения на двух рассматриваемых нами текстильных предприятиях.

Прежде всего, это материалы, сохранившиеся в архивных фондах рассматриваемых текстильных предприятий: фонд № 673 Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) и фонд № 674 Товарищества Ярославской Большой мануфактуры в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО). Кроме того, к работе привлекались документы фонда редакции издательства «История фабрик и заводов» (№ 7952) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), где хранится значительный комплекс документов по истории ЯБМ, видимо, скопированных и частично изъятых из фонда Товарищества в Ярославском архиве в ходе сбора материалов для подготовки изданий по истории фабрик и заводов в 1920–1930-х гг.

В архивных фондах предприятий сохранилось большое количество делопроизводственной документации, где зафиксирована информация о производственной стороне деятельности предприятий, организации труда, а также о различных аспектах взаимоотношений предпринимателей и фабричной администрации, с одной стороны, и рабочих, с другой.

Значительный блок материалов составляет расчетная (бухгалтерская) документация предприятий. Прежде всего, это расчетные книги и ведомости, в которых записывался заработок и по которым касса вела расчет с рабочими. Они позволяют определить способы и размеры вознаграждения труда работников предприятия. К сожалению, по обоим предприятиям расчетная документация сохранилась не полностью. Так, для Товарищества Н. Н. Коншина в достаточном количестве расчетные книги имеются только по ситценабивной фабрике, а по прядильно-ткацкой — лишь за несколько лет, предшествовавших Первой мировой войне. Для Ярославской Большой мануфактуры расчетная документация сохранилась фрагментарно по разным фабрикам Товарищества начиная с конца 1870-х гг.

Надо отметить, что формы расчетных книг на разных предприятиях не были одинаковы. Так, на коншинских фабриках расчетные книги — это ежегодная документация. На каждый год приходилось несколько книг, в каждую из которых записывались данные по рабочим различных отделений фабрики. С 1890-х гг. форма ведения расчетных книг у Коншина стала постоянной. Книги сгруппированы

по различным цехам и отделениям фабрики. В начале каждого раздела дается сводная помесячная таблица заработка рабочих отдела: количество рабочих, отработанное ими время и полученная плата. Затем идут индивидуальные данные, расписанные почти по той же форме — ставка оплаты рабочего, время работы в каждом месяце и заработок. В заработок внесены все денежные выплаты и вычеты — штрафы, премии, оплата простоев и сверхурочных, иногда оплата квартирных денег и совсем редко — вычеты долгов по ссудам, взятым рабочим у предприятия. Кроме того, в расчетных книгах указаны возраст и социальное происхождение рабочих. Впрочем, эта информация, видимо, имеет не очень большой информационный потенциал в связи с тем, что сам по себе сословный статус рабочих в конце XIX — начале XX в. мало о чем говорил. Рабочий мог считаться крестьянином такой-то деревни, даже платить земельные подати, при этом он мог работать на фабрике с подросткового возраста, не выезжая в деревню — его статус от этого не менялся.

На ЯБМ расчетные ведомости представляли собой ежемесячную документацию. На каждый месяц приходилась одна ведомость, причем в ней зачастую могла находиться информация по рабочим нескольких отделов разных фабрик. Формы расчетной документации на ЯБМ отличаются друг от друга. Есть расчетные ведомости для рабочих одной специальности независимо от отдела и фабрики, на которой они работали (например, отдельная ведомость для всех ткачей, другая — для банкаброшников(ниц), для тростильщиц и т. д.). В такой ведомости не фиксировалось никаких данных личного характера (ни фамилии, ни возраста и т. п.), указывался только рабочий номер, количество рабочих дней, размер заработка и штрафа за данный месяц. За 1908 и 1913 гг. сохранились ведомости, заполненные по иной форме. Они также представляют собой помесячную документацию для рабочих разных отделений, но в них указаны фамилия и имя рабочего, его специальность, число отработанных дней, размер причитающегося заработка и вид его начисления (месячная или поденная ставка, сдельный заработок), а также указывались иные выплаты и вычеты: квартирные деньги, долг конторы за прошедшие месяцы, штрафы, выплаты и сумма оставшегося долга конторе по ссудам. В расчетных ведомостях ЯБМ, в отличие от коншинских фабрик, не фиксировался возраст и происхождение рабочих. И на обоих предприятиях в расчетные книги не внесены данные по возможным вознаграждениям натурального характера, т. е. по харчевому снабжению и обеспечению мест в казармах при мануфактурах.

Несмотря на все оговорки, сохранившиеся расчетные книги — это источник высокой ценности. Исследование как сводных данных (на уровне цеха или отделения), так и данных на индивидуальном уровне, содержащихся в расчетных книгах, представляет значительные возможности для оценки динамики и дифференциации заработка.

Кроме расчетных книг, использовались другие документы по оплате труда, которые удалось обнаружить в архивных фондах. В частности, в фонде Товарищества Н. Н. Коншина были найдены табели за ряд лет, где представлена сводная по разным профессиям информация о заработной плате. Важные сведения как о заработной плате, так и о развитии социальной сферы на предприятиях дает различная отчетная документация фабричной администрации. Следует особо выделить очерк, посвященный почти всем аспектам работы на ткацких фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина[78]. Очерк составлен в 1908 г., возможно, по запросу Совета съездов представителей промышленности и торговли. В нем детально расписано, какие ведутся на ткацких фабриках работы, сколько занято

рабочих разных специальностей, какова их заработная плата, сколько они платят штрафов и получают пособий. Больше половины очерка отведено под описание деятельности внефабричных учреждений, связанных с обеспечением жизни рабочих: это казармы, харчевые лавки, больница, фабричные школы и т. п. В большинстве случаев было невозможно разделить эту деятельность между рабочими двух ткацких фабрик и двух остальных фабрик, поэтому в очерке приводятся полные сведения о разных сторонах поддержки рабочих всех фабрик Товарищества. Многие численные показатели (в том числе и расходы Товарищества по разным статьям) приводятся в краткосрочной динамике (1902–1907 гг.). Данный источник содержит огромное количество специально подобранной и обработанной информации по разным темам, имеющим непосредственное отношение к теме мотивации труда; он не был предназначен для каких-либо публикаций и имеет характер отчетного, а не рекламного материала. При этом все, что нам удалось проверить другими делопроизводственными материалами, полностью подтверждается, так что представленной информации вполне можно доверять, и мы будем неоднократно прибегать к ней.

В архивных фондах сохранилась переписка различных должностных лиц фабричной администрации (от управляющего фабрикой до заведующего административно-хозяйственной частью и харчевыми лавками) с фабричным инспектором, правлением и др., которые позволяют проанализировать деятельность администрации предприятия по улучшению жизни и быта рабочих, развитию культурно-просветительских учреждений, организации отдыха, досуга и пр. Эта информация дополняется счетами содержания больниц, богаделен, училища, фабричных казарм. Среди наиболее информативных источников по деятельности медицинских учреждений товарищества Коншина прежде всего следует выделить журналы заседаний Больничного совета или их отчеты за некоторые годы. Особая ценность их состоит в исключительно объективной оценке врачами достоинств и недостатков существующей фабричной врачебной организации[79]. Кроме того, безусловный интерес представляют объемные докладные записки управляющего ЯБМ А. Ф. Грязнова в правление Товарищества, посвященные вопросам целесообразности сокращения продолжительности рабочего дня на мануфактуре, открытия нового училища для подготовки квалифицированных кадров работников и пр., дающие помимо сведений о предприятии анализ ситуации в масштабах всей страны.

Ценным источником по истории трудовых отношений на ЯБМ стали личные дела рабочих фабрики, позволяющие во многом восполнить сведения несохранившейся документации. Основным документом в каждом личном деле является «Справка о прохождении службы на ЯБМ», составлявшаяся на специальном бланке. В ней указывались год рождения или возраст рабочего к моменту составления документа, его звание (сословие, место приписки), семейное положение (имя, возраст и занятия членов семьи), место проживания (в наемной, фабричной квартире или собственном доме). В основной части формуляра приводятся данные о прохождении службы, об изменении занимаемой должности, прогулах и взысканиях, налагаемых за различные нарушения. Особенно тщательно работодателем фиксировалось «неработающее время» с указанием причин: болезнь, отпуск с разрешения администрации, прогул, участие в забастовках, перерыв в работе, связанный с увольнением. Кроме того, в личные дела заносилась информация о получаемых работником пособиях, наградах, ссудах, о разного рода просьбах работника и ответах фабричной администрации.

Важную информацию в контексте проводившегося исследования дают «Книги уволенных рабочих» ЯБМ, сохранившиеся за 1882, 1891, 1903, 1908 и 1909 операционные годы (с Пасхи до Пасхи)[80], в которых фиксировались не только случаи увольнения рабочих за какие-либо проступки, но и факты перевода их на низкооплачиваемую работу или более низкий размер жалования как наказание. В «Книгах» указываются фамилия и инициалы рабочего, почти всегда — его специальность, форма наказания (увольнение, перевод) и его причины. Если перевод являлся временным, то указывался срок.

В фонде ЯБМ мы обнаружили за несколько лет книги, где фиксировались все просьбы рабочих в адрес руководства фабрикой и ответы на них. Эти книги в числе прочего дают информацию о наградах, выплачивавшихся работникам за длительный трудовой стаж на мануфактуре. Сохранились также дела о выплатах пособий рабочим как из сумм штрафного капитала, так и из средств фабрики.

Интерес для изучения различных вопросов фабричной жизни конца XIX — начала XX вв. представляют и привлекавшиеся в ходе работы письма-автобиографии, написанные рабочими ЯБМ (как продолжавшими трудиться на предприятии, так и уже уволившимися) в 1930-х гг. по заданию партийных структур и сохранившиеся в фонде № 394 (Истпарт) Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО).

Богатый материал дают хорошо сохранившиеся в фондах предприятий объявления (еще один вид делопроизводственной документации), обращенные к рабочим той или иной фабрики. Зачастую в архиве встречаются не только окончательные версии объявлений, но и переписка, сопутствующая принятию тех решений, о которых информировались рабочие. Иногда присутствуют и первоначальные, черновые версии объявлений, хотя чаще всего черновой вариант не подвергался существенным изменениям.

Архивные материалы свидетельствуют, что объявления являлись важнейшим средством коммуникации, а иногда единственно возможным способом ведения двустороннего диалога между владельцами и рабочими мануфактуры.

Учитывая то, от кого исходят объявления и какую цель они преследуют, какого рода информацию доносят до рабочих, мы можем условно выделить среди них несколько групп. К *первой группе* можно отнести объявления, которые исходят от должностных лиц городского, губернского, общегосударственного уровня. Эти объявления обычно либо информировали рабочих мануфактуры о новых законах, постановлениях центральных и местных властей, которые имели непосредственное отношение к рабочим (например, по выборам в Государственную Думу, о порядке выборов уполномоченных в больничные кассы и т. п.), либо издавались в период забастовки и содержали призывы (сопровождавшиеся, как правило, угрозами наказания) прекратить беспорядки на предприятии и приступить к работе. Ко *второй группе* относятся объявления, составленные по инициативе членов правления Товарищества или директора предприятия (управляющего) с целью донести до работников ту или иную информацию. Если для периода конца XIX в. эти документы представляют собой почти исключительно должностные инструкции, правила техники безопасности для некоторых категорий рабочих или правила внутреннего распорядка, обязательные для исполнения со стороны всех работников мануфактуры, то тематика объявлений более позднего периода (начала XX в.) гораздо шире. Они информируют, например, о состоянии штрафного капитала, о порядке приема детей рабочих в фабричную школу, о необходимости сделать прививку от оспы в связи с угрозой эпидемии, о проценте брака и т. п. Изучение содержания этих объ-

явлений дает новую существенную и, безусловно, интересную информацию о социальной политике руководства предприятия в начале XX века, об инициативах правления по улучшению условий труда и быта рабочих. *Третью группу* составляют объявления от имени правления или управляющего, которые являлись ответом на требования, просьбы или действия рабочих. Именно эта группа объявлений представляет, на наш взгляд, наибольший интерес для изучения различных аспектов взаимоотношений предпринимателей, фабричной администрации, с одной стороны, и работников мануфактуры, с другой.

В отличие от объявлений такой источник, как протоколы заседаний правлений обоих товариществ, разочаровывает в силу скудности содержащейся в нем информации по ключевым вопросам нашего исследования. Именно здесь можно было бы ожидать обсуждения различных мероприятий для улучшения условий труда и быта, но такие сюжеты встречаются крайне редко. Возможно, причина заключается в том, что эти вопросы в основном были отданы на решение директоров фабрик, а правлением рассматривались только в крайних случаях. Однако этот источник содержит исключительно ценную информацию о принятии решений почти по всем вопросам хозяйственной деятельности предприятия: именно на заседаниях правления рассматривались и утверждались сметы, принимались все решения об изменении порядка работ, о механизмах реализации товара, о техническом переоснащении, о капитальном строительстве (в том числе жилищном) и т. д.

* * *

Предпринятое нами исследование основано на различных группах источников (источниках различных видов и разного происхождения), оно не ограничивается лишь архивными материалами из фондов рассматриваемых нами предприятий (играющих, однако, ведущую роль в данной работе).

Помимо фондов двух товариществ, которые поставлены в центр нашего исследования, привлекались также материалы фонда № 2005 ЦИАМ, представляющего собой документацию фабричного инспектора 10 участка Московской губернии, которому были подотчетны фабрики Коншина. Среди документов этого фонда наибольший интерес представляют жалобы рабочих и материалы расследования дел фабричным инспектором. Комплекс официальных жалоб рабочих, так же как и требования бастующих, является одним из важнейших источников, позволяющих понять взгляд рабочих на трудовые отношения на фабрике. Именно здесь выявляются наиболее четко все проблемы, которые самими рабочими расценивались как важные. В фонде фабричного инспектора также частично сохранилась переписка с правлением Товарищества Коншина, которая помогает лучше понять степень влияния инспектора как государственного чиновника на трудовые отношения на частных фабриках. Полезными оказались и некоторые дела из фонда № 17 ЦИАМ — фонда Канцелярии московского генерал-губернатора, следившей, в частности, за всеми значительными волнениями рабочих и стачками. Здесь можно найти отчеты различных чиновников о ходе трудовых конфликтов, а также материалы расследований по их причинам и результатам.

Говоря о положении рабочих, мы не можем оставить в стороне и фабричное законодательство, определявшее некоторые аспекты трудовых отношений. Почти все фабричные законы входили в Устав о промышленности (а в 1913 г. был дополнительно составлен Устав о промышленном труде, в который вошли все законопо-

ложения, относящиеся к регулированию труда фабричных и горнозаводских рабочих)[81]. Кроме общеимперского законодательства, некоторые стороны трудовых отношений на местах регулировались также обязательными постановлениями земств или городских властей. Российские предприниматели, выстраивая систему трудовых отношений с рабочими, в ряде случаев были вынуждены руководствоваться требованиями немногочисленных законов такого рода. Иногда предприниматели всячески задерживали и искажали выполнение законов, в других же случаях делали многое сверх несовершенных законодательных предписаний. Выявление как тех, так и других случаев в равной мере характеризует и деятельность предпринимателей по налаживанию трудовых отношений, и государственное вмешательство в эту сферу.

Весьма информативны и полезны некоторые сборники документов и справочные издания, составленные на основе архивных источников исследователями 1950–1990-х гг. В результате большой и кропотливой работы, проделанной несколькими поколениями исследователей, были изданы своды и хроники рабочего движения во всей Российской империи за разные годы[82], а с начала 1990-х гг. ведется составление новой, расширенной «Хроники рабочего движения»[83]. Это справочник, описывающий в хронологическом порядке все выявленные исследователями стачки, другие виды трудовых конфликтов и случаи выпуска листовок на промышленных предприятиях всей Российской империи. Сведения о конфликтах в промышленности, которые приводятся в «Хронике рабочего движения», тезисно обобщают материалы архивов МВД и других. Там, где это возможно, приводятся состав и требования бастующих, обстоятельства дела, результаты, которых добились рабочие. Отметим, что совокупность конфликтов, отраженных в материалах «Хроники», существенно шире той совокупности, которая была учтена в публикациях сводов отчетов фабричных инспекторов. Этот комплекс опубликованных материалов, а также и соответствующая архивная документация позволили нам провести анализ поведения рабочих и администрации фабрик во время забастовок и других трудовых конфликтов, что дает возможность оценить, в частности, взгляды обеих сторон на сложившуюся систему трудовых отношений и мотивации труда.

В заключение заметим, что источниковая база для изучения трудовых отношений на *мелких* и *средних* фабриках дореволюционной России может заметно отличаться от рассмотренной нами, ориентированной на изучение крупных предприятий. Как отмечает в этой связи Г. Р. Наумова, документация крупных фабрик имела льготный режим архивного хранения, в то время как «мелкая и средняя фабрика плохо представлена в дошедших до нас документах»[84]. В этой связи автор обращает внимание на необходимость привлечения фондов фабрично-заводских музеев, личных архивов потомков владельцев предприятий, личных материалов рабочих и служащих[85]. Без материалов личного происхождения, как пишет Г. Р. Наумова, «не могут быть выявлены тончайшие мотивы и стимулы производственно-хозяйственной деятельности»[86]. В нашем исследовании материалы личного происхождения также активно используются. Речь идет, например, об опубликованных воспоминаниях рабочих, а также о рукописных воспоминаниях заведующего ЯБМ А. Ф. Грязнова, выявленных нами в фондах фабричного музея ЯБМ и дающих богатый материал для понимания ориентиров социальной политики администрации, механизмов стимулирования труда рабочих.

В целом, на наш взгляд, совокупность выявленных нами источников обладает достаточной информативностью для раскрытия основных аспектов и элементов

системы мотивации труда на крупных текстильных предприятиях дореволюционной России.

[1] Так, например, С. Г. Струмилин в своей работе «Оплата труда в России. Девятнадцатый век» (журнал «Плановое хозяйство», 1930, № 7–8) показал, что рост реальной заработной платы в последние десятилетия XIX в. только вернул заработок рабочих к тем же размерам, какие были приняты для вольнонаемных мастеровых в самом начала XIX в. Автор не стал обсуждать, насколько повлияли на такую динамику масштабные изменения, происходившие в российской промышленности на всем протяжении XIX в., и сделал на основе приведенных данных вывод о неизменности политики царизма в отношении вознаграждения рабочего труда. Отметим, однако, что автор не ставил своей задачей построение систематизированных рядов зарплаты с единой методикой расчетов.

[2] *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897.

[3] В рамках этого анализа Е. М. Дементьевым было проведено и обследование фабрик и заводов Серпуховского уезда: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XV.) Ч. I. М., 1888. Эти материалы оказались очень полезными для нашей работы, поскольку они содержат детальные свидетельства о состоянии коншинских фабрик, фабричных казарм, больницы и прочих учреждений на ранний период, который недостаточно освещен архивными материалами.

[4] *[Песков П. А.]* Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова. СПб., 1884; *[Он же]* Владимирский фабричный округ. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра П. А. Пескова. СПб., 1886; *[Янжул И. И.]* Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула. СПб., 1884; *[Он же]* Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа проф. И. И. Янжула. СПб., 1886. См. также: *[Давыдов К. В.]* Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа К. В. Давыдова. СПб., 1886; *[Михайловский Я. Т.]* О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886.

[5] Помимо «Сводов отчетов фабричных инспекторов», была издана лишь одна публикация: Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. 1894–1897. Ч. 2 (таблицы и приложения). Владимир, 1899. Часть первая, насколько нам известно, не вышла в свет, а указанное издание, как видно и из названия, содержит мало аналитики.

[6] *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. М., 1911; *Он же*. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911; *Он же*. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912; *Он же*. Механическое ткачество в Московской губернии. Обработка хлопка. М., 1912; *Он же*. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912; *Он же*. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в уездах Московской губернии. М., 1912; *Он же*. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1915; *Он же*. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. III. Формы найма, расчет и отпуски. IV. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. V. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М., 1914; *Он же*. Рабочие Московской губернии, занятые обработкою хлопка и обработкою металлов. Распределение и заработки рабочих в связи с отдельными профессиями, полом, возрастом, грамотностью и занимаемою квартирою (своя или хозяйская). М., 1912.

[7] *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабричным рабочим. 1-е изд. СПб., 1899; *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. 2-е изд. СПб., 1909.

[8] *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898. Последнее по времени издание книги вышло в Москве в 1997 г.

[9] Там же. С. 413–429.

[10] Тезис о падении реальной зарплаты в России на протяжении 1890–1900-х гг. можно найти, между прочим, у В. И. Ленина. См.: *Ленин В. И.* Обнищание в капиталистическом обществе // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 221.

[11] Для целей нашего исследования наилучшим образом подходит индекс М. П. Кохна, вычисленный по 24 товарам в Москве (потому что остальные индексы цен относятся к С.-Петербургу). Индекс Кохна приводится, например, в книге: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 115. Мы приводим эту динамику для цен Москвы и С.-Петербурга в прил. 37.

[12] См.: *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935.

[13] *Соколов А. К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С. 133.

[14] Там же. С. 133–134.

[15] См.: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России...; *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958; Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958 и др.

[16] *Лаврентьев В.* Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата). Харьков, 1926. С. 42.

[17] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 336.

[18] *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих в конце XIX в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958; *Рожкова М. К.* Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892–1913 гг. // Там же.

[19] См.: История рабочего класса России. 1861–1900 гг. М., 1972; История рабочих Ленинграда. Т. 1. 1703 — февраль 1917 г. М., 1971; *Кирьянов Ю. И.* Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971; *Серый Ю. И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Р.-н-Д., 1971; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982; История рабочего класса Белорусской ССР. Т. 1. Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. Минск, 1984.

[20] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 1-е изд. М., 1983; 2-е изд., доп. М., 1989.

[21] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

[22] Положение пролетариата России. Указатель литературы. Вып. I–II. М., 1972.

[23] Так, например, в 1930 г. были подготовлены к публикации воспоминания рабочих — участников революционных событий на Пресне в 1905 г. Во вводной статье то и дело встречаются отсылки к воспоминаниям рабочих, дающих представление о добром хозяине, правильных действиях полиции и т. п. Такие материалы не были опубликованы в сборнике, о них было только написано: «Автобиография находится в архиве анкетно-биографической комиссии». См.: *Рожкова М. К.* Трехгорная мануфактура ко времени революции 1905 года // Русский рабочий в революционном движении. Сборник первый. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1930. С. 22–25.

[24] Обзоры западной историографии, охватывающей период до конца 1980-х гг. и посвященной дореволюционной российской промышленности, в том числе и рабочему

вопросу, см. в работах: *Крупина Т. Д.* Российский пролетариат на пути к Октябрю. Критический анализ новейшей буржуазной историографии. М., 1987; *Поткина И. В.* Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

[25] *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 20.

[26] См., например: *Engelstein L.* Moscow, 1905. Working Class Organizations and Political Conflict. Stanford, 1982; *Bonnel V. E.* Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkley and Los Angeles, 1983; *Friedgut Th. H.* Iuzovka and Revolution. Vol. 1. Life and Work in Russia's Donbass, 1869–1924. Princeton, 1989; *McKean R. B.* St. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 — February 1917. New Haven, 1990; *Wynn Ch.* Workers, Strikes, and Pogroms: the Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1992; *Хеймсон Л.* К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX вв.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997.

[27] *Zelnik R. E.* Labor and Society in Tsarist Russia: the Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford, 1971; *Bater J. H.* St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal, 1976; *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. London, 1976; *Crisp O.* Labour and Industrialization in Russia // Cambridge Economic History of Europe / Ed. by P. Mathias, M. M. Postan. Cambridge, 1978. Vol. 7. Pt. 2. P. 308–415; *Falkus M. E.* The Industrialization of Russia, 1700–1914. London, 1972; *Gatrell P. W.* The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986.

[28] См., например: *Johnson R. E.* Peasant and Proletarian. The Working Class of Moscow in the Late 19th Century. New Brunswick, 1979; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1985; *Engel A. B.* Between the Fields & the City. Women, Work & Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994; *Burds J.* Peasant Dreams & Market Politics. Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998.

[29] *Соколов А. К.* Драма рабочего класса...

[30] *Сигельбаум Л.* Поздний роман с советским рабочим классом в западной историографии // Социальная история. Ежегодник 2004. М., 2005.

[31] *Пушкарева И. М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. №2. С. 101.

[32] Там же. С. 101–102.

[33] *Соколов А. К.* Перспективы изучения рабочей истории... С. 134–136.

[34] Там же. С. 135–136.

[35] Упомянем цикл из четырех международных конференций, проводившихся в 2001–2007 гг. в Костроме и посвященных рабочим и предпринимателям России.

[36] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1717–1917. М., 2004.

[37] Там же. С. 203.

[38] Там же.

[39] *Соколов А. К.* Перспективы изучения рабочей истории... С. 130.

[40] Там же.

[41] Там же. С. 136.

[42] Там же. С. 137.

[43] Речь идет преимущественно о просопографических исследованиях, основанных на больших коллекциях биографических данных.

[44] *Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 71.

[45] См., например: Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896; Ярославская Большая мануфактура. М., 1896; Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера в Москве. 50-й год с основания фабрики. 25-й год с учреждения Товарищества. М., 1896; Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900; Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912 г. Краткий исторический очерк. [М., 1912?]; *Терентьев П. Н.* Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799–1915 гг. М., 1996 (переиздание выпуска 1915 г.).

[46] *Шестаков П. М.* Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900.

[47] *Рожков Н. А.* К методологии истории промышленных предприятий (стенограмма доклада на заседании Общества историков-марксистов 9.4.1926) // Историк-марксист. 1926. Т. 2; *Он же.* Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // Историк-марксист. 1927. Т. 6.

[48] *Рожков Н. А.* К методологии истории промышленных предприятий... С. 217.

[49] *Красильщиков А. П., Сафронов В. Д.* Фабриканты Красильщиковы. М., 2000.

[50] *Бойко Т. В.* Рабочие России и культура: Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997. С. 6.

[51] См. монографию: *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. Также см. статьи: *Бородкин Л. И., Валетов Т. Я.* Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (конец XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник 2000. М., 2001; *Бородкин Л. И., Сафонова Е. И.* Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обозрение. Вып. 5. М., 2000; *Бородкин Л. И., Сафонова Е. И.* Трехгорка на пути от 1917 г. к нэпу: эволюция трудовых отношений // Экономическая история. Обозрение. Вып. 9. М., 2003; *Бычков С. Ю.* Мотивация труда на Тверском вагоностроительном заводе, 1915–1928 гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002; *Валетов Т. Я.* Об оплате труда различных категорий рабочих на фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове в начале XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001; *Он же.* Система социального обеспечения как фактор мотивации труда на фабриках товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность М., 2002; *Кирьянов Ю. И.* Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы...; *Он же.* Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве...; *Маркевич А. М.* Стимулы к труду в металлургической и металлообрабатывающей промышленности России...; *Мирясов А. В.* Мотивация труда промышленных рабочих в России в 1920-е годы: некоторые аспекты проблемы (на материалах Пензенской губернии) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001; *Сафонова Е. И.* Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001; *Сафонова Е. И., Бородкин Л. И.* Мотивация труда на фабрике «Трехгорная мануфактура» в первые годы Советской власти // Историко-экономические исследования. № 1. Иркутск, 2002; *Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.* Система наказаний на Ярославской Большой мануфактуре во второй половине XIX — начале XX вв. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002; *Соколов А. К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история.

Обозрение. Вып. 4. М., 2000; *Тогоева С. И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002; *Шильникова И. В.* Роль вознаграждения в мотивации труда рабочих-текстильщиков Ярославской Большой мануфактуры в начале XX века // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001.

[52] *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

[53] Там же. С. 57.

[54] *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

[55] 1905-й год в Серпухове. Сборник воспоминаний о рабочем движении в Серпуховском уезде. Серпухов, 1925.

[56] *Шестакова О. А.* Текстильная промышленность Серпухова за 20 лет (с 1908 по 1928 г.) // Московский край в его прошлом. Труды общества изучения Московской области. Вып. 6. Ч. 2. М., 1930. С. 77–88.

[57] *Аристов С. И.* Серпуховские текстильщики. М.; Л., 1940; *Он же.* Город Серпухов. М., 1947.

[58] *Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В.* Серпухов. М., 1989.

[59] *Коншин А. Д.* Текстильный король России Н. Н. Коншин и его потомки // Историческая генеалогия. 1995. № 3; *Он же.* Морозовы и Коншины — деловые партнеры // Доклады Третьих Морозовских чтений. Ногинск, 1997.

[60] *Аксенов А. И., Петров Ю. А.* Коншины-серпуховские // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 201–215.

[61] *Грязнов А. Ф.* Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910.

[62] Ярославская Большая мануфактура. М., 1896; Ярославская Большая мануфактура. М., 1900.

[63] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. 1722–1917. М., 1936. Т. 1; *Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П.* Красный Перекоп: Очерки истории ордена Ленина комбината «Красный Перекоп». Ярославль, 1972.

[64] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура. Страницы истории. Ярославль, 2002.

[65] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль, 1961; *Дружинин П. Н.* Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. Ярославль, 1955; *Мейерович М. Г.* Складывание пролетарских династий в России (по материалам ЯБМ) // Генеалогические исследования. Сборник научных трудов. М., 1994. С. 235–247; *Он же.* Причины увольнения как показатель положения российского пролетариата (на материалах Ярославской губернии) // «Минувших дней связующая нить...» V Тихомировские чтения / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 127–131; и др.

[66] *Залунаева Е. А.* Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

[67] *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России... С. 104.

[68] *Kahan A.* Russian Economic History. The Nineteenth Century. Chicago, 1989. P. 211.

[69] *Рыкачев А.* Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.

[70] *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России... С. 112.

[71] Отметим, что специалисты по экономической истории большинства развитых стран имеют такие ряды за 100 и более лет (в ряде случаев — за несколько столетий).

[72] См.: *Иванова Н. А.* Промышленный Центр России 1907–1914 гг. М., 1995. С. 108–113; *Крузе Э. Э.* Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. М.; Л., 1961. С. 68–84 и

далее; *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 101–107 и далее; *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России... С. 118–121.

[73] Свод отчетов фабричных инспекторов за [1900–1914] год. СПб.; Пг., 1902–1915.

[74] Например, Ю. И. Кирьянов представил динамический ряд средних показателей зарплаты рабочих различных отраслей с 1897 по 1913 г., но при этом отметил: «Источники, данные которых воспроизведены в таблице, — неравноценны... По этой причине представляется правомерным сопоставлять сведения лишь более или менее однородных источников». См.: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 106.

[75] Так, например, один из рабочих-граверов Трехгорной мануфактуры, уволенный за участие в беспорядках, устроился работать на небольшую фабрику и стал зарабатывать всего 40 рублей в месяц вместо 65 руб., которые он получал у Прохорова. Он пишет, что все такие рабочие стремились поступить обратно на Трехгорную мануфактуру. См.: Русский рабочий в революционном движении... С. 99–100 (биография В. И. Иванова).

[76] Значительная часть выводов М. И. Гильберта в данной статье основана на тех же материалах, с которыми работали и мы — на записях в расчетных книгах Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. Знакомство с этими материалами позволяет нам сделать следующее замечание. Работа по формированию индивидуальных динамик оплаты труда коншинских рабочих для периода 1860–1870-х гг. представляется невозможной из-за особенностей состояния источника — расчетных книг. Часть книг за рассматриваемый период отсутствует; кроме того, есть и другая проблема: большинство рабочих в этот период не имели фамилий, и запись типа «Иван Васильев», несомненно, следует понимать как «Иван Васильевич». Таких рабочих на фабрике могло быть одновременно несколько, сведений о возрасте рабочих тогда еще в расчетные книги не писали, и зачастую невозможно однозначно связать две записи разных лет, относящиеся к одному и тому же рабочему. Нам тоже пришлось столкнуться с этой проблемой, но для более поздних периодов появляется больше фамилий и уточняющих записей, так что проблема значительно облегчается.

[77] Труды VI Съезда врачей Московского губернского земства. М., 1882. Доклады *Н. Ф. Михайлова* (с. 106) и *Ф. Ф. Эрисмана* (с. 176–177).

[78] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 35–51.

[79] Там же. Д. 3 (за 1879–1908 гг.), 471, 472, 1603 (за 1907–1912 гг.), 744 (за 1912–1913 гг.).

[80] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4653, 6074.

[81] Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленном труде. Издание 1913 года. СПб., 1914.

[82] См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. I–IV. М., 1950–1963; Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. Л., 1975; Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. Ч. I–IV. М., 1981–1982; Хроника рабочего движения в России. Апрель–декабрь 1912 г. Ч. I–II. М., 1991–1995.

[83] Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Пока вышли выпуски I–IX (1895–1904 гг.). СПб.; М., 1992–2007 / Отв. ред. и автор предисловий *И. М. Пушкарева*.

[84] *Наумова Г. Р.* Русская фабрика: (Проблемы источниковедения). М., 1998. С. 13.

[85] Там же. С. 14.

[86] Там же. С. 181.

ГЛАВА II
ОЧЕРК ИСТОРИИ ДВУХ КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: УПРАВЛЕНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО, СОСТАВ РАБОЧИХ

Текстильной промышленности наряду с металлообрабатывающей принадлежит особое место в истории российской индустриализации. Эта отрасль занимала лидирующее положение среди прочих отраслей по основным показателям (общей стоимости производства, количеству предприятий, численности рабочих) в дореволюционный период. Так, по данным промышленной переписи 1908 г., на долю текстильной промышленности приходилось почти 38 % всех рабочих фабрично-заводской обрабатывающей промышленности Российской империи (больше, чем в любой другой отрасли), 30 % всей стоимости промышленной продукции (на втором месте после пищевкусовой отрасли) и 15 % всех предприятий[1]. По данным предыдущих обследований, проведенных в 1895 и 1900 гг., общая стоимость производства всей текстильной промышленности заметно превосходила и пищевкусовую промышленность[2]. Текстильная промышленность была одной из старейших отраслей российской промышленности, в ней, возможно, в наибольшей степени существовала конкуренция предпринимателей, и она была представлена целым рядом известнейших крупных предприятий. Истории текстильной отрасли и ее месту во всей российской индустрии посвящено немало работ[3], но нам кажется полезным подчеркнуть здесь несколько важных для дальнейшего исследования моментов.

Во-первых, в дореволюционной промышленной статистике термин «текстильная промышленность», собственно, не был принятым. Напротив, эта статистика учитывала отдельно пять отраслей (из 12 отраслей обрабатывающей промышленности: обработку хлопка (группа I), шерсти (группа II), шелка (группа III), льна, пеньки и джута (группа IV) и смешанных материалов и волокнистых веществ (группа V). Однако объединение этих отраслей производства под единым понятием текстильной промышленности представляется вполне оправданным и делается многими исследователями.

Из всех перечисленных отраслей текстильной промышленности наиболее развитой была хлопчатобумажная. Предприятия по обработке хлопка появились в России позднее других, практически только в начале XIX в., но опыт стран, раньше России вступивших в эпоху машинного производства, показал, что именно в обработке хлопка можно получить наибольшую отдачу. Поэтому во второй половине XIX в., после того, как Англия сняла запрет на экспорт машин, а также были налажены каналы поставки сырья, темпы развития этой отрасли стали столь высокими, что к концу 1860-х гг. доля хлопчатобумажного производства составила 60 % всего текстильного производства России, а перед Первой мировой войной — уже 70 %[4]. Суммарные объемы производства, количество рабочих, стоимость предприятий по обработке хлопка, как и везде в мире, значительно превосходили аналогичные показатели в остальных отраслях текстильной группы производств. Например, если взглянуть на список крупнейших предприятий текстильной про-

мышленности Российской империи, годовой объем производства каждого из которых в 1911 г. превысил 10 млн рублей, то там мы увидим исключительно фабрики, занимающиеся обработкой хлопка (табл. 1).

Таблица 1

Основные параметры крупнейших предприятий текстильной промышленности Российской империи за 1911 г.

Товарищество мануфактур	Губерния	Годовой объем пр-ва, тыс. руб.	Число				
			рабочих	индикаторных сил	ткацких станков	прядильн. веретен, тыс.	крутильных веретен, тыс.
Кренгольмской	Эстлянд.	26 000	8 916	8 845	3 672	472,5	13,8
Прохоровской Трехгорной	Моск.	22 041	6 412	4 850	1 527	41,2	0,6
К. Шейблер	Петроков.	21 363	7 106	10 300	4 848	222,6	12,3
Никольской	Владим.	20 695	13 498	10 423	3 875	176,5	—
Богородско-Глуховской	Моск.	20 550	13 635	8 854	3 358	126,3	26,2
Тверской	Тверск.	20 321	11 935	7 240	3 970	154,7	—
«Эмиль Циндель»	Моск.	20 000	2 462	1 126	—	—	—
Куваевской	Владим.	17 235	2 277	2 345	—	—	—
Ярославской Большой	Яросл.	16 650	9 000	7 063	1 912	261,9	11,3
Н. Н. Коншина	Моск.	16 380	11 517	7 260	4 100	115	2,2
Даниловской	Моск.	14 075	5 323	3 600	1 160	59,2	0,9
А. Гюбнер	Моск.	14 000	1 650	1 119	—	—	—
Бр. Горбуновых	Костром.	13 655	7 390	4 737	2 451	125,9	0,4
Зуевской И. Н. Зимина	Моск.	12 844	5 212	3 825	2 299	98,1	1,6
Викулы Морозова сыновей	Владим.	12 268	11 480	5 190	2 503	155,5	18
Егорьевской (Хлудовых)	Рязан.	11 045	5 908	5 056	1 740	177,8	7,5
И. Гарелина с сыновьями	Владим.	10 800	3 503	3 048	—	—	—
И. Познанского	Петроков.	10 570	7 229	7 296	4 353	136,5	0,7
«Круше и Эндер»	Петроков.	10 243	4 936	4 315	1 848	47,6	3,4
Покровской И. Н. Грязнова	Владим.	10 125	1 370	1 700	—	—	—
«Заверце»	Петроков.	10 055	6 347	5 842	2 602	79,3	3,4
Н. М. Бардыгина наследник	Рязан.	10 000	4000	1000	—	—	—

Источник: *Иоксимович Ч. М.* Прибыли и дивиденды мануфактурных предприятий за 1902–1911 г. М., 1912. Приложения.

Во-вторых, для российской текстильной промышленности вообще и хлопчатобумажной, в особенности, характерна концентрация предприятий лишь в нескольких регионах. Собственно, выделяются три района хлопчатобумажной промышленности Российской империи. Крупнейшим был Центральный промышленный район, на который накануне войны приходилось 74 % от суммы всего хлопчатобумажного производства. Еще 13 % производилось в Польше, в Лодзинском районе, и еще 6 % — на предприятиях Петербурга и его окраин[5].

В-третьих — и это особенно важно для данной работы — текстильная отрасль России в конце XIX — начале XX вв. характеризуется высокой степенью концентрации производства, которая резко увеличилась в период с 1860-х гг. до Первой мировой войны. Так, средний размер предприятий по обработке хлопка составил

в 1913 г. 837 человек; число крупнейших предприятий, на каждом из которых трудилось больше тысячи рабочих, достигло 156, а число рабочих на них составляло 79,2 % общего числа занятых в этой отрасли[6]. Анализируя на основе статистики фабрик и заводов процессы концентрации промышленного производства в дореволюционной России, В. И. Бовыкин в своей известной работе показал и другие цифры, говорящие о высокой роли крупнейших фабрик: если говорить о хлопчатобумажной промышленности, то «мелкие заведения, составлявшие более половины от общего числа предприятий, играли в производстве ничтожную роль. Свыше двух третей суммы валового производства приходилось на долю чрезвычайно крупных предприятий, производивших продукцию на сумму от 3 млн руб. и выше. Число таких предприятий было велико и притом имело тенденцию к возрастанию... То же следует сказать о шерстяной и льняной промышленности», а в шелковой возможно говорить даже о монополии: «в 1908 г. на долю двух самых крупных предприятий приходилось около $^1/_4$ общей суммы производства, а на долю семи — около $^1/_2$»[7].

Поэтому можно говорить о том, что важнейшим типом предприятия текстильной промышленности Российской империи стоит считать крупную фабрику или комбинат. Мелких заведений было намного больше, и на них складывались особые, притом весьма интересные механизмы трудовых отношений, но именно крупные и крупнейшие предприятия составляли основной вес российской текстильной промышленности в конце XIX — начале XX вв.[8]

В число крупнейших текстильных предприятий страны входили и те предприятия, на архивах которых будет построено основное повествование в данной работе: Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове и Товарищество Ярославской Большой мануфактуры. Для сравнения можно обратиться, например, к таблице 1, показывающей ряд основных параметров крупнейших текстильных предприятий всей Российской империи (включая и Привислинские губернии) за 1911 г.

Таким образом, среди 22 учтенных в таблице 1 предприятий Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Ярославской Большой мануфактуры находились, соответственно, на 10-м и 9-м местах — по годовому объему производства, на 4-м и 6-м местах — по количеству рабочих, 6-м и 8-м — по энерговооруженности производства. Коншинская мануфактура была 3-й по количеству ткацких станков (а вне Польши лидировала), а ЯБМ шла на 2-м месте по количеству прядильных веретен и на 4-м по числу крутильных веретен. Исходя из этого у нас есть все основания говорить о двух предприятиях, находящихся в данной работе в центре рассмотрения, как о входящих в число крупнейших предприятий текстильной отрасли в российской промышленности.

Организация большинства крупнейших текстильных фабрик в России (в том числе и обоих рассматриваемых предприятий) была связана с фамильным делом; и в большинстве случаев текстильные предприятия по типу собственности являлись товариществами на паях*, и хотя они могли практиковать дополнительный выпуск облигаций для того, чтобы покрыть какие-то крупные расходы, они старались как можно быстрее погасить такие займы.

---

* Товарищество на паях, в отличие от акционерного общества, характеризовалось узким и сравнительно устойчивым составом пайщиков. Паевые товарищества возникали, как правило, в результате преобразований частных (семейных) фирм; их паи выпускались именными и с высоким номиналом (несколько тысяч рублей), перепродажа их ограничивалась. Прибыль обычно делилась между держателями этих ценных бумаг пропорционально стоимости их паев.

* * *

Поскольку в центре внимания нашей работы находятся трудовые стимулы дореволюционных рабочих-текстильщиков, дадим вкратце общую характеристику условий их труда (в деталях эти условия будут рассмотрены ниже).

При работе на предприятиях по обработке хлопка в основном не требовались большие физические усилия. Основные негативные воздействия машинной прядильной работы — это запыленность воздуха, ведущая к заболеваниям дыхательных путей («Пригорелый пух и пыль с сурового товара наполняют до такой степени это помещение, что работать можно только с завязанными ртами. И это происходит везде, где недостаточно хорошо устроена вентиляция»)[9], и повышенная температура, приводящая к частым простудам. Негативные условия работы в ткацком отделении — необходимость работать стоя, без всякой возможности присесть (у рабочих некоторых специальностей — вообще постоянно кривое положение тела), и в то же время по-прежнему пыль, наполнявшая помещение хоть и в меньшем отношении, чем у прядильщиков, но все же создающая вредные условия для работы. Дополнительной проблемой крупных фабрик был сильный шум: «Тут буквально оглушительный шум сотни механических станков, от которого трясется часто все громадное здание фабрики; его едва ли в состоянии выдержать на первый раз и самые крепкие нервы»[10]. При отделке же тканей негативные условия труда — ядовитые испарения различных применяющихся в производственном процессе химических веществ (а в некоторых отделениях, например, в граверной — и пыли) и жаркая сырая атмосфера[11]. Например, в обследовании ситценабивной фабрики Коншина 1884 г. мы находим следующие строки: «Температура в помещениях, где стоят сушильные аппараты, держится на 40° R (т. е. 50° С. — *Авт.*); если прибавить при этом, что эти помещения переполнены удушливыми испарениями всевозможных веществ, входящих в состав красок, между которыми преобладают пары уксусной кислоты, то понятно, что пребывание рабочих в таком помещении почти невозможно»[12]. Производственный травматизм был связан преимущественно с неосторожным обращением с движущимися частями машин (статистика несчастных случаев на изучаемых фабриках приводится в главе VIII данной книги).

Хотя труд текстильщиков, как видим, был нелегким, он в основном не требовал высокой квалификации. Высококвалифицированная (и самая высокооплачиваемая) работа главным образом была связана с наладкой станков и созданием рисунков для набойки тканей. Таким образом, на ткацких фабриках рабочие наиболее квалифицированных специальностей — это поверяльщики машин, токари, кузнецы, слесари, шлихтовальщики (ок. 1,5 % всех рабочих), на ситценабивной фабрике — раклисты, рисовальщики, граверы, слесари (ок. 15 % всех рабочих). Ткачи и набойщики были рабочими средней квалификации, причем их заработная плата была в основном сдельной.

Чтобы не только выучиться работе на прядильных или ткацких машинах, но и приобрести требуемый опыт, достаточно было нескольких недель; кроме того, существовало большое количество вспомогательных работ, для выполнения которых вообще практически не требовалось каких-либо навыков. Поэтому в текстильной отрасли, в отличие, например, от металлообрабатывающей, существенно меньшей была доля грамотных рабочих, так же как и «потомственных» рабочих с большим стажем в одной и той же отрасли или на одном и том же предприятии и т. д. Напротив, среди текстильщиков было больше вчерашних крестьян, в том числе и рассматривавших свою работу на текстильной фабрике как временную. Здесь ра-

ботало больше женщин и подростков — некоторые работы, в особенности в прядильном производстве, выполнялись почти исключительно женщинами.

В тесной связи с вопросами о квалификации и сословном происхождении рабочих находится и вопрос о степени связи рабочих с землей. Хорошо известно, что в большинстве своем рабочие российских заводов и фабрик были крестьянами, пришедшими в поисках заработков в город или на фабрику. Очень многие из них, даже годами работая в промышленном производстве, были в той или иной степени «привязаны» к земле. Некоторые только числились в своей крестьянской общине и не имели уже никакого отношения к крестьянскому труду, но все же были вынуждены платить земельные налоги и обращаться по месту «приписки» за продлением паспорта. Другие при этом имели в деревне свое хозяйство разной степени заброшенности — землю, дом и т. д. У многих дома, в деревне, оставались родные, причем не только родители, но даже и жены с детьми (ситуации, когда жена работала в городе, а муж оставался в деревне, встречались гораздо реже[13]). Даже если у рабочего в деревне была вся семья, он мог годами работать на фабрике, не выбираясь в деревню, а мог в сельскохозяйственный сезон уходить на полевые работы. Как современники, так и более поздние исследователи уделяли немало внимания этому вопросу; в литературе было поднято несколько интересных дискуссий, и в общем считается, что связь рабочих с землей ослабла к началу XX в., проявляясь в основном в среде малоквалифицированных рабочих или рабочих мелких предприятий[14].

Еще один вопрос, который бы хотелось рассмотреть здесь в качестве общей характеристики работ, — это продолжительность рабочего дня.

Чрезмерная продолжительность рабочего дня характерна для раннего периода индустриализации в любой стране, причем это относится не только к промышленным рабочим, но и к самым разным формам наемного труда. Это справедливо и по отношению к России.

На металлических заводах тяжесть работы делала нерентабельной чрезмерную нагрузку на рабочих, но в легкой промышленности в первые десятилетия дореволюционной индустриализации применялись предельно жесткие распорядки работы. Этот вопрос был подробнейшим образом исследован Ю. И. Кирьяновым, который показал, что в 1870-х гг. на бумагопрядильных фабриках Центрального промышленного района рабочий день в среднем равнялся 13–14 часам (а на некоторых, особенно небольших, фабриках и 15–16 часам), и что в течение 1890-х гг. этот срок в большинстве случаев сократился и в среднем составлял 12–13 часов в день[15]. В то же время на текстильных предприятиях была весьма распространена ночная работа. Так, Е. М. Дементьев, описывая фабрики трех уездов Московской губернии за 1884–1885 гг., указывал, что ночная сменная работа существовала почти на всех хлопчатобумажных и шерстяных фабриках. Притом наиболее распространенной была весьма тяжелая система, при которой работы велись круглосуточно в четыре смены по 6 часов. Рабочий должен был работать на фабрике, например, с 6 часов утра до полудня и с 6 часов вечера до полуночи и — в следующую неделю — наоборот. Соответственно рабочий день длился для каждого рабочего 12 часов в сутки, а свободными от работы оставались два перерыва по 6 часов, как-то включавших еду, сон и, заметим, двойное время на дорогу на фабрику и с нее[16].

Нужно иметь в виду, однако, что в России, особенно в ранний период промышленного развития, было немало праздничных нерабочих дней: по обследованию московских текстильных фабрик, проведенному П. А. Песковым в 1881 г., таких нерабочих дней было от 25 до 29 в год на крупных предприятиях (с паровы-

ми двигателями) и до 45 при ручном ткацком производстве[17]. В расчетной книжке рабочего прядильно-ткацкой фабрики Коншина за 1879/80 год перечислено 30 праздничных дней, не приходящихся на воскресенья, то есть в этом году фабрика работала 284 дня[18]. В общем можно сказать, что хотя фабрики работали по субботам, в 1880-х гг. продолжительность рабочего года на промышленных предприятиях составляла, по разным оценкам, 270–290 рабочих дней[19].

Дальнейшее уменьшение длительности рабочего дня было ускорено принятием закона 2 июня 1897 г., ограничившего рабочий день 11,5 часами[20]. Для предприятий легкой промышленности это ограничение было актуальным: в частности, оно сделало незаконным режим работы «6 часов через 6». Заметим, что закон 1897 г. распространялся только на фабрично-заводскую промышленность, и таким образом промышленные рабочие в общем оказались в приоритетном положении по отношению к другим категориям наемных работников[21]. Процесс уменьшения рабочего времени продолжался и далее. К 1913 г. чистый рабочий день составлял в большинстве случаев 9–10 часов, при этом еще примерно 1,5 часа рабочие проводили на фабрике во время перерывов на завтрак и обед[22]. Однако на многих предприятиях длина рабочего дня фактически дополнительно увеличивалась в результате использования сверхурочных работ разной степени обязательности. Перед Первой мировой войной среднее число рабочих дней в году на крупных предприятиях хлопчатобумажной промышленности стабилизировалось на уровне 265–272[23]. В этом же интервале находится и среднее число рабочих дней в году на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губернии в 1908 г.[24]

* * *

Микроанализ архивных материалов рассматриваемых нами двух предприятий позволяет изучить в деталях механизмы стимулирования труда рабочих-текстильщиков, выявить роль социальной инфраструктуры как важного компонента системы мотивации труда, которая развивалась в конце XIX — начале XX вв. предпринимателями и фабричной администрацией. Прежде чем перейти к систематическому изучению этих вопросов, дадим краткий очерк истории рассматриваемых двух предприятий, их рабочей силы, структуры управления, производственной деятельности.

ТОВАРИЩЕСТВО МАНУФАКТУР Н. Н. КОНШИНА

Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина было образовано в январе 1877 г. на базе уже работающих фабрик торгового дома «Николая Коншина сыновья», принадлежавших семье Коншиных[25].

История текстильного производства Коншиных восходит к середине XVIII в., когда купцы из этой династии начали вкладывать деньги в полотняные мануфактуры. Обработкой хлопка, по некоторым данным, на коншинских мануфактурах начали заниматься еще в 1805 г., и на протяжении всего XIX в. дело стремительно развивалось. Строились новые фабрики. В 1858 г. произошел раздел фабрик между тремя сыновьями купца Николая Максимовича Коншина. Прядильно-ткацкая фабрика, доставшаяся старшему сыну, Ивану Николаевичу, составила отдельное дело, а два младших сына объединили свои доли имущества. В 1877 г., когда предприятие было преобразовано в паевое товарищество, устав был составлен таким образом, чтобы дело оставалось семейным — паи фактически не могли быть вы-

пущены в открытую продажу на бирже[26]. В момент создания основной капитал был установлен в 3 млн рублей, а впоследствии он был увеличен: в 1895 г. — до 6 млн, в 1911 г. — до 10 млн, в 1917 г. — до 12,5 млн рублей.

Главой торгового дома на протяжении весьма продолжительного периода был Николай Николаевич Коншин — фигура очень значительная и широко известная в кругах российских предпринимателей. Этот человек, в частности, был, возможно, самым активным деятелем из всех налаживавших связи российской текстильной промышленности с Востоком. Так, он одним из первых среди российских промышленников начал осваивать присоединенные среднеазиатские территории и в 1870-х гг. открыл оптовые склады товаров в Бухаре, Коканде, Ташкенте, Самарканде и Тегеране. Его целью было создание собственной хлопковой сырьевой базы, которое позволило бы частично или полностью освободиться от необходимости импорта дорогого американского, индийского или египетского хлопка*. Именно для этого в Средней Азии им были устроены склады, и он занимался обменом промышленных товаров на местный дешевый хлопок. Но среднеазиатский хлопок был низкокачественным, и Н. Н. Коншин одним из первых ввел разведение высокосортного хлопка из американских семян, причем имел собственные плантации в Мервском оазисе и проводил обработку сырья на собственных хлопкоочистительных и прессовальных заводах[27].

Н. Н. Коншин лично очень много занимался делами развития производства и налаживания среднеазиатских хлопковых поставок, ездил в Англию для ознакомления с новейшими достижениями машиностроительных фирм, в Америку — на лучшие хлопковые плантации. Показательно, например, следующее упоминание о нем в воспоминаниях одного из членов комитета по устройству в 1890 г. Среднеазиатской выставки в Москве: «Покидая выставку, государь [т. е. Александр III. — *Авт.*] обратился к членам комитета и спросил: “Кто из вас был в Средней Азии?” Оказалось, что из всего многочисленного комитета был в Средней Азии только один фабрикант Н. Н. Коншин. Признаюсь откровенно, мне было крайне неловко и обидно, что я, один из молодых членов комитета и стоящий во главе товарищества, ведущего большие дела с Азией, не был там»[28]. Главным образом за деятельность Н. Н. Коншина весь род Коншиных был в 1882 г. возведен в потомственное дворянство, Н. Н. Коншин неоднократно был награжден орденами — до Св. Владимира 3-й степени[29], а в 1890 г. Общество содействия русской промышленности и торговли присудило ему почетную Алексеевскую медаль, которая была первой и единственной[30].

Хотя в правление Товарищества периодически входили сыновья Н. Н. Коншина, он лично оставался главой всего дела с 1858 г. до самой национализации предприятий в 1918 г., когда ему было уже 87 лет. По некоторым сведениям, он погиб в Соловецком лагере в 1920-х гг.[31]

В правление Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в разное время входили и другие весьма известные предприниматели. Так, коншинская фирма, как и многие другие российские предприятия по обработке хлопка, была тесно связана с фирмой Людвига Кнопа, основателя Кренгольмской мануфактуры и главного поставщика текстильных машин в Россию из Англии. При основании коншинско-

* В российской промышленности практически не использовался хлопок, происходящий из других стран, хотя к началу XX в. сильно выросло использование среднеазиатского и кавказского хлопка. Наиболее востребованным был американский хлопок. Так, за 1894 г. Товарищество Коншина закупило в общей сложности 5 850 кип американского, 2 750 кип египетского и около 2 800 кип среднеазиатского хлопка. (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 2. Л. 13 об.–22.)

го Товарищества паи, кроме Коншиных, достались только Кнопам. Представитель кноповской фирмы И. К. Прове стал первым председателем правления Товарищества[32]. Как и во многих других текстильных фирмах, многие должности в высшем управлении фабрик были заняты иностранцами, в частности, обрусевшие английские подданные вплоть до самой революции занимали как ряд высоких административных постов на фабриках, так были и мастерами на фабриках[33]. После национализации предприятия многие из них были изгнаны из страны. Так, С. Аристов с удовольствием писал в 1940-х гг., что серпуховский ревком, в порядке борьбы со шпионами, арестовал и выслал заведующих коншинскими фабриками Э. Чарнока и К. Платта, «несмотря на охранную грамоту, выданную врагом народа предателем Троцким»[34].

В 1907 г. председателем правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина стал известный предприниматель Николай Александрович Второв, переехавший в это время в Москву из Сибири, где составил состояние его отец. При нем деловая жизнь Товарищества заметно активизировалась, было предпринято очередное переоборудование производства, а в 1912–1913 гг. при его деятельнейшем участии в Москве, на Варварской площади, был построен комплекс зданий «Деловой двор», где разместились центральные конторы ряда известных фирм, в том числе и главная контора Коншиных. Во время Первой мировой войны Второв очень активно работал в самых разных производствах: так, он организовал постройку ряда химических, металлургических и оружейных заводов, в том числе завода «Электросталь» под Москвой и начало разработки подмосковного угольного бассейна[35].

Именно по инициативе Н. А. Второва в 1913 г. было проведено объединение — хотя и только в области сбыта продукции — Товарищества Н. Н. Коншина с Товариществом Даниловской мануфактуры и Товариществом А. Гюбнера в единый синдикат «Товарищество для внутренней и вывозной торговли». Фактически в этот момент могло бы произойти и полное объединение указанных фирм, поскольку их правления состояли почти из одних и тех же лиц, но полное слияние было сочтено нецелесообразным. Новый синдикат, в котором Товарищество Коншина было крупнейшим из партнеров, объединил более половины ситцевого производства всех фабрик Московской губернии — подобного уровня концентрации сбыта российская текстильная промышленность до того не знала. Однако деятельность этого синдиката была вскоре прервана войной, и его существование, в отличие от широко известных «Продугля» или «Продамета», осталось почти незамеченным историками[36].

Здесь можно отметить, что Товарищество Коншина, скорее всего, входило также в Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности Центрального района[37]. Это Общество было организовано около 1910 г. и объединяло практически все крупные фабрики по обработке хлопка и хлопчатых тканей в Центральном промышленном районе. По свидетельству П. А. Бурышкина, деятельность этой организации, впрочем, носила консультативный, а не монополистический характер, притом до Первой мировой войны не имела особенного значения даже в таком качестве[38].

Стратегию развития фирмы определяло правление, оно же принимало наиболее ответственные решения. Согласно уставу (1877 г.) правление находилось в Москве и состояло из трех директоров, избираемых общим собранием пайщиков на три года каждый. Для замещения временно отсутствующих директоров избирались также два кандидата. Как директорами, так и кандидатами могли стать только пайщики, имеющие не менее пяти паев каждый. Был предусмотрен механизм

ротации директоров и кандидатов правления, хотя состав пайщиков был небольшим, так что в правление через некоторое время возвращались те же лица. Самому Н. Н. Коншину, учредителю Товарищества, в 1877 г. принадлежали 500 из 600 паев, и он занял должность директора-распорядителя, которая согласно уставу вводилась «для ближайшего заведования делами Товарищества»[39].

Если правление решало основные вопросы, связанные с покупкой земли, машин, материалов, реализацией товара, вообще заключением договоров, строительством фабричных зданий и т. п., то всеми производственными вопросами занимались директора фабрик, состоявшие на жалованье у Товарищества. Кроме производственных вопросов, в ведении директоров находилось и все, что можно отнести к трудовым отношениям, — именно директора фабрик нанимали и увольняли рабочих, следили за выплатой заработной платы, регулировали расселение рабочих в казармы и т. д. По изданным в 1901 г. правилам порядка по заведованию фабричными казармами, на директоров даже возлагалась ответственность «за соблюдение в казармах должной чистоты и порядка, предписанных утвержденными фабричным инспектором на сей предмет правилами»[40]. Поначалу должности директоров фабрик занимали одни иностранцы, в основном англичане, но к началу XX в. среди них появляются и русские специалисты. Так, с 1897 г. директором прядильно-ткацкой фабрики вместо англичанина В. И. Крошо стал М. П. Лотарев, ему же на первых порах было поручено заведование и Новой ткацкой фабрикой, запущенной с 1898 г.

Жалование директоров фабрик сильно различалось. Так, новому директору ситценабивной фабрики К. Е. Рауху было в 1896 г. назначено годовое жалование в 30 тыс. рублей, а тому же М. П. Лотареву в 1897 г. — 15 тыс. рублей. В 1901 г. новому директору красильно-отделочной фабрики А. И. Карпову было положено 10,8 тыс. рублей в год, но вдобавок он получал в первый год 0,5 %, а далее — 1 % чистой прибыли вверенной ему фабрики[41].

В начале 1901 г. была организована также должность заведующего административно-хозяйственной частью Товарищества. Хотя директора фабрик по-прежнему отвечали, например, за распределение квартир в казармах рабочим, они были освобождены от того, чтобы следить за строительством, ремонтом и нормальным функционированием всего прифабричного хозяйства — казарм, больницы, харчевых лавок и т. п. Первым заведующим административно-хозяйственной части Товарищества Коншина стал барон Е. Е. Тизенгаузен[42].

К началу XX в. Товарищество состояло из четырех фабрик[43]:

1. Ситценабивная («Старая мыза») практически в самом центре города Серпухова — работала с 1822 г. Это самая старая из фабрик, что вполне естественно. В первой половине XIX в. (и особенно до 1842 г. — момента разрешения английским правительством экспорта текстильных машин из Англии) в российской хлопчатобумажной промышленности было распространено прядение и ткачество на дому. Промышленники раздавали материал, потом скупали готовую ткань и занимались ее отделкой уже на фабрике. Поэтому большинство крупных хлопчатобумажных комбинатов дореволюционной России начинались именно с отделочных — красильных или набивных фабрик.

2. Прядильно-ткацкая («Новая мыза») в деревне Глазечне Пущинской волости, на границе с городом Серпуховом, работала с 1859 г. Стоит отметить, что машинная прядильная фабрика была устроена Коншиными еще в конце 1840-х гг., но по семейному разделу в 1858 г. она отошла к старшему брату Н. Н. Коншина — Ивану Николаевичу. Таким образом, то хозяйство, которое позднее стало Товари-

ществом мануфактур Коншина, осталось без своего прядильного производства, и именно поэтому была построена новая прядильно-ткацкая фабрика.

3. Красильно-отделочная («Старый двор») в той же деревне — куплена в 1879 г. Здесь также нужно отметить, что хотя специальная фабрика для окраски пряжи и тканей была устроена только в 1879 г., красильное и отбельное отделения существовали и при ситценабивной фабрике (своя красильня была организована Н. М. Коншиным еще в 1844 г.), и эти отделения отнюдь не закрылись с приобретением новой красильной фабрики.

4. Ново-Ткацкая («Третьяковка») в деревне Скрылья Высотской волости также близ Серпухова, организована в 1897 г. на основе предприятия, купленного у Третьяковых.

Кроме того, товарищество владело литейным и кирпичным заводами, электростанцией и различными хозяйственными учреждениями (конный двор, мельница и проч.). Стоимость имущества Товарищества на 1 октября 1915 г. была определена в 19,4 млн рублей фабричного имущества и 3,2 млн рублей — лесных дач и подъездных путей (21 339 десятин земли и 54 версты железных дорог)[44].

В таблице 2 показано соотношение между собой всех фабрик Товарищества по их доле в общем объеме продукции и в числе рабочих:

Таблица 2

Объемы производства и количество рабочих на четырех фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1884, 1900, 1902 и 1915 гг.

Годы	Ситценабивная	Прядильно-тк.	Новая ткацкая	Красильно-отд.
Общий годовой объем производства в млн рублей				
1871	0,773	1,227	–	–
1900/1901	7,734	7,308	3,911	2,550
1915	17,406	20,481		7,166
Годовой объем производства в % к общему объему всех фабрик				
1871	39	61	–	–
1900/1901	36	34	18	12
1915	39	45		16
Количество рабочих				
1871	608	1 208	–	–
1884	1 205	1 891	–	284
1902	2 323	4 954	3 239	572
1915	3 213	7 606		848
Количество рабочих в % к общему количеству рабочих на всех фабриках				
1871	33	67	–	–
1884	36	56	–	8
1902	21	45	29	5
1915	28	65		7

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 38; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 35. Л. 39 об.; ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.; *Матисен Н. И.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 36–37, 62–63; *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 10–11, 16–17.

Таким образом, крупнейшими по объемам были ткацкое и прядильное производства; если же смотреть на отделочные фабрики, то значение ситценабивной фабрики (на которой, как уже говорилось, работали свои большие красильный и отбельный цеха) было всегда много бóльшим, чем красильной фабрики.

Во все время своего существования Товарищество Н. Н. Коншина динамично развивалось и в целом увеличивало как объемы производства, так и прибыль, что может быть проиллюстрировано графиками валовой и чистой прибыли (сами цифры приводятся в прил. 1). График чистой прибыли не столь показателен, потому что на него большое влияние оказывают затраты на машины и строительство, выделявшиеся неравномерно год от года. В 1902 г. в одном прошении московскому губернатору правление заявляло, что только налогов, пошлин и повинностей Товарищество Н. Н. Коншина уплачивает государству, земству и городу более 1,5 млн руб. в год[45].

На своих фабриках Товарищество выполняло все три последовательные стадии выработки тканей: производство пряжи из хлопка на прядильно-ткацкой фа-

Рисунок 1

Динамика валовой и чистой прибыли Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в конце XIX — начале XX вв.

Рисунок 2

брике, ткачество на прядильно-ткацкой и Новой ткацкой фабриках, отделку тканей на ситценабивной и красильно-отделочной фабриках. Фабрики Товарищества преимущественно снабжали друг друга сырьем на этих этапах, но вместе с тем каждая из них осуществляла также закупку сырья со стороны и продажу своей продукции на сторону. К 1912 г. Товарищество имело три розничных магазина (в Москве и Серпухове) и 15 оптовых складов, в том числе в Петербурге, Варшаве, Риге, Одессе, Киеве, Коканде, Владивостоке, Шанхае. Суммарный торговый оборот по этим складам можно проследить в табл. 3.

Таблица 3

Суммарный торговый оборот по оптовым складам Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1908–1911 гг.

С 1 октября по 1 октября	Тысяч кусков (по 60 аршин)	Тысяч рублей
1908/09	1 858	20 773
1909/10	2 247	26 464
1910/11	2 340	27 179
1911/12	2 545	28 036

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 667. Л. 16 об.–18.

С началом Первой мировой войны Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина, как и ряд других крупнейших текстильных комбинатов, в значительной степени переориентировалось на производство военной продукции. Это в первую очередь производство тканей для нужд военного ведомства: обмундирования, перевязочного материала и др., а также производство пороха и начинки для гранат. Так, осенью 1916 г. ситценабивная фабрика давала 20–25 % всей продукции на оборонные нужды, а красильно-отделочная — даже половину всей продукции[46]. То, что фабрики работали на оборону, было очень важным для хозяйственной деятельности фирмы — это обеспечивало государственные заказы в ситуации ухудшения экономической ситуации и государственную поддержку при решении ряда важных экономических вопросов. Переход на военную продукцию был характерен для российской хлопчатобумажной промышленности вообще — к 1917 г. на выпуск продукции, связанной с войной, использовалось 70 % производительности всех предприятий отрасли[47]. Тем не менее война сильно ударила по предприятию, как и по всей текстильной промышленности. Особенно серьезными были проблемы с поставками сырья (хлопка) и топлива, а также с рабочей силой — были мобилизованы многие рабочие, в том числе и квалифицированные.

Численность и половозрастной состав рабочих

Товарищество Н. Н. Коншина было крупнейшим промышленным предприятием Серпуховского уезда Московской губернии; при этом в том же уезде работало несколько других крупных предприятий, в основном текстильных, в том числе довольно крупное Товарищество Рябовской мануфактуры. На 1 января 1902 г. на коншинских фабриках работало 11 088 человек, на других прядильных фабриках 10 участка фабричной инспекции (а это как раз Серпуховский уезд) — 2 036 человек, ткацких — 2 566 человек, отделочных — 3124 чел., на прочих промышленных предприятиях — 793 человека[48]. Таким образом, на фабриках Коншина трудились более 56 % всех рабочих уезда.

Можно привести и динамику изменения числа рабочих на всех коншинских фабриках:

Таблица 4

Общее число рабочих на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1871–1915 гг.

Год	Число рабочих в среднем в год
1871	1 816
1884	3 245
1885	3 215
1893	4 862
1894	4 744
1895	4 846
1896	5 794
1897	7 269
1898	8 417
1899	10 858
1900	11 237
1901	10 182
1902	11 091
1903	11 217
1904	11 402
1905	11 632
1906	11 357
1907	11 477
1915	12 537

Источник: 1871 и 1884 гг.: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 10–11, 16–17; 1885 г.: *Янжул И. И.* Московский фабричный округ. Отчет за 1885 г. Приложения. С. 4–5; 1893–1906 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 3. Л. 113; 1902–1907 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47.

Половозрастное распределение рабочих было следующим:

Таблица 5

Половозрастное распределение рабочих на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (на январь). 1884–1917 гг.

Год	Взрослых		Подростков (15–17)		Малолетних (12–15)	
	М	Ж	М	Ж	М	Д
1	2	3	4	5	6	7
1871	420	38	150			
1884	766	54	197	27	26	–
1898	1 795	231	224	46	–	–
1899	1 888	245	228	40	–	–
1900	1 947	233	227	30	–	–
1901	1 907	255	155	35	–	–
1902	1 874	259	176	14	–	–
1903	1 916	259	226	25	3	–
1904	2 130	256	297	36	8	–

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7
1914	2 057	726				
1917	1 137	923				

Примечание: то есть до войны на фабрике работало взрослых мужчин — около 80 %, женщин — около 10 %, подростков — 7–10 %.

Источник: 1871 г.: *Матисен Н. И.* Атлас мануфактурной промышленности... С. 62–63; 1884 г.: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 167; 1898–1901 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1357; 1902 г.: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.; 1903–1904 гг. (точнее, это декабрь 1902 и 1903 гг.): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 112. Л. 59 об.–60; 1914–1917 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 295. Л. 1 об.–2; 1915 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 35. Л. 39 об.

Таблица 6

Половозрастное распределение рабочих на прядильно-ткацкой фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (на январь). 1884–1914 гг.[49]

Год	Взрослых		Подростков		Малолетних	
	М	Ж	М	Ж	М	Д
1871	660	380	168			
1884	882	649	136	200	22	2
1900	1 972	2 242	222	405	107	152
1901	2 048	2 344	393		282	
1902	1 957	2 340	167	262	100	128
1903	1 960	2 448	378		200	
1904	1 875	2 342	427		155	
1905	1 902	2 399	399		118	
1906	1 867	2 455	369		90	
1914	Мужчин — ок. 1 700, женщин — ок. 3 030.					

Примечание: то есть до войны на фабрике работало взрослых мужчин — около 40 %, женщин — около 50 %, подростков — 7–9 %.

Источник: 1871 г.: *Матисен Н. И.* Атлас мануфактурной промышленности... С. 36–37; 1884 г.: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 139; 1900 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 112. Л. 55 об.–56 (точнее, это декабрь 1899 г.); 1901–1906 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16; 1902 г.: на основе ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.; 1914 г.: по расчетным книгам (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 5. Д. 130, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 144, 146, 148, 150, 152, 154, 156. В этих книгах есть утерянные листы, но их немного, максимум — 30).

Таблица 7

Половозрастное распределение рабочих на всех фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1899–1903 гг.

Месяц, год	Взрослых		Подростков		Малолетних	
	М	Ж	М	Ж	М	Д
XII.1899	5 990	3 833	651	595	107	152
XII.1900	6 096	4 117	465	398	102	139
XII.1901	5 850	4 198	524	369	99	142
I.1902	5 954	4 066	500	340	100	128
XII.1902	5 969	4 177	525	332	97	88
XII.1903	6 142	4 309	583	303	62	98

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 112. Л. 64; январь 1902 г.: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.

Отсюда видно, что в ткацком и особенно прядильном производстве доля женщин была значительной и увеличивалась, а на отделочной фабрике их число значительно уступало числу мужчин. Как уже говорилось, подобная ситуация была типичной для хлопчатобумажной промышленности повсеместно. Кроме того, можно видеть, что численность подростков и малолетних на обеих представленных фабриках уменьшалась, что тоже довольно типично. Так, в 1900 г. в этой отрасли по всей империи (без Польши) работало 324 тыс. человек, из которых было 44,3 % женщин и 2,2 % малолетних в возрасте от 12 до 15 лет. В 1913 г. всего рабочих было уже 497 тыс. человек, причем женщин стало 56 %, а малолетних — 1,1 %[50]. По материалам обследования И. М. Козьминых-Ланиным промышленности Московской губернии за 1908 г., на предприятиях по обработке хлопка было занято 116 520 рабочих старше 15 лет, из них женщин — 49,5 % (57 735). При этом мужские профессии было сочтено целесообразным разбить по группам производств — отмечено более 15 тыс. рабочих на отделочных работах и почти 12 тыс. ремонтных рабочих. Женские же профессии даны без такой специализации, потому что практически все женщины работали в прядильном или ткацком производстве[51].

Квалификация и сословное распределение рабочих. Отход на полевые работы

Представляют интерес и следующие данные, характеризующие происхождение и статус коншинских рабочих по сословному и территориальному признакам.

Таблица 8

Сведения о происхождении рабочих фабрик Товарищества Н. Н. Коншина. Данные относятся к Пасхе 1902 г.

Губернии, сословия		Фабрики				
		прядильно-ткацкая	новая ткацкая	ситце-набивная	красильно-отделочная	всего
1		2	3	4	5	6
Московская						
Мещане	г. Серпухова	449	151	631	66	1 297
	др. городов	4	1	35	4	44
Крестьяне	Серпуховского уезда	2 371	2 153	445	144	5 113
	др. уездов	41	20	32	12	105
Неслужащие дворяне		0	15	0	1	16
Личные почетные граждане		0	8	0	1	9
Дворяне		0	0	0	1	1
Тульская						
Мещане		17	9	19	5	50
Крестьяне	Алексинского уезда	845	348	168	102	1 463
	Каширского уезда	216	157	109	58	540
	др. уездов	290	102	313	58	763

Окончание табл. 8

1		2	3	4	5	6
Неслужащие дворяне		43	0	0	1	44
Личные почетные граждане		0	0	0	2	2
Калужская						
Мещане		39	9	54	9	111
Крестьяне	Тарусского уезда	461	311	161	40	973
	др. уездов	58	20	65	9	152
Дворяне		1	0	0	0	1
Другие губернии						
Мещане		25	11	32	9	77
Крестьяне		91	35	130	41	297
Питомцы: Московского воспитательного дома		14	6	0	1	21
технического училища		2	0	0	0	2
Дворяне		0	0	13	0	13
Потомственные граждане		0	0	10	0	10
Личные граждане		0	0	13	0	13
Разночинцы		0	0	20	0	20
Иностранные подданные		0	0	3	0	3
Итого		4 967	3 356	2 253	564	11 140

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 112. Л. 15.

Любопытно, что среди тех, кто числились рабочими, встречается довольно значительное в абсолютном измерении число представителей высших сословий: 75 дворян и 34 почетных гражданина. Это именно рабочие, потому что служащие здесь не представлены. Правда, в число рабочих входят некоторые мастера, табельщики, браковщики и т. п., но в расчетных книгах нам приходилось встречать дворян и личных граждан даже на низкооплачиваемых работах, причем работавших в течение целого ряда лет.

Главное, все же, не это. Основной результат, который показывают данные приведенной таблицы — это абсолютное преобладание рабочих, числящихся крестьянами Московской и соседних губерний — 9 406 человек из 11 140, т. е. почти 85 %. Само по себе преобладание рабочих, записанных крестьянами по сословию, является типичным для дореволюционной российской промышленности, и здесь, наоборот, стоит обратить внимание на относительно низкий процент крестьян у Коншина в связи с тем, что большое число рабочих были набраны из мещан того же города Серпухова (1 297 человек, т. е. больше 11 %), чего не бывало ни на фабриках, устроенных вне городов, ни на фабриках в крупных городах (где процент пришлого населения был вообще бóльшим, чем в уездах). По обследованию же И. М. Козьминых-Ланиным нескольких уездов Московской губернии за 1908 г. (Серпуховский уезд не включен), преобладание крестьян на хлопчатобумажных фабриках губернии вообще было значительно более существенным, что отражено в табл. 9.

Таблица 9

Сословное распределение коншинских рабочих в 1902 г. и 44 тыс. рабочих хлопчатобумажных фабрик Московской губернии в 1908 г. в %

	Крестьяне	Мещане	Дворяне	Прочие
Фабрики Коншина	84,4	14,2	0,67	0,72
Фабрики Московской губернии	93,6	6,0	0,05	0,36

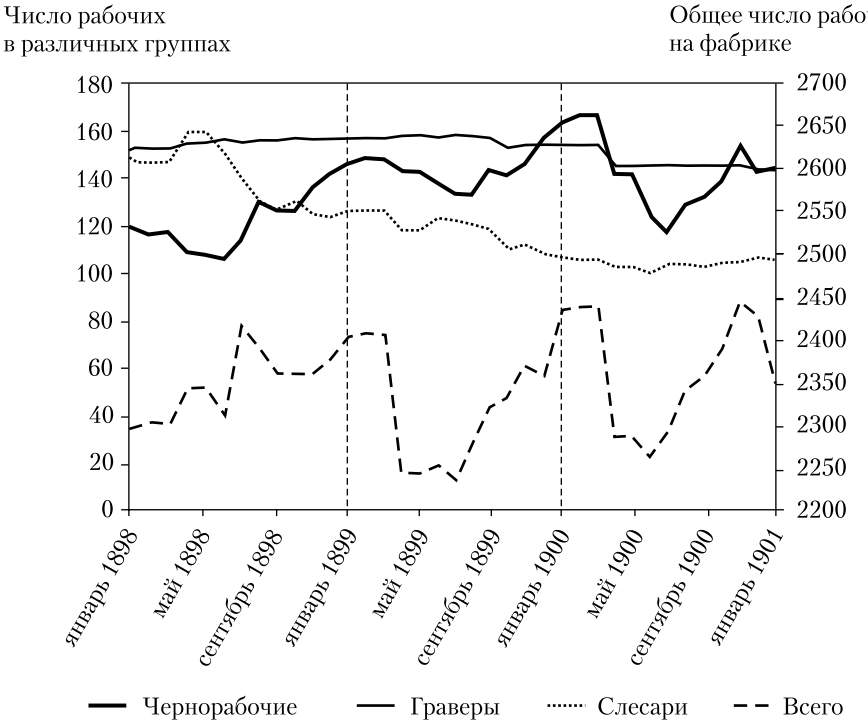
Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 112. Л. 15; *Козьминых-Ланин И. М.* Уход на полевые работы... С. 3.

Некоторые данные по фабрикам Коншина подтверждают тот факт, что уход промышленных рабочих с крупных фабрик на земледельческие работы был небольшим, причем это были практически только рабочие низкой квалификации. Так, Е. М. Дементьев свидетельствовал, что уже в 1884 г. на коншинских фабриках уходили на полевые работы на прядильно-ткацкой — 27 человек (2,7 %), на ситценабивной — 17 человек (1,8 %). Он писал также, что это происходит в связи с запретительной политикой администрации, которая с целью оградить себя от массового оттока рабочих летом с фабрик установила в правилах найма, что рабочий, оставивший работу ранее 1 октября, должен быть лишен месячного заработка[52].

Весьма наглядное изображение ситуации с полевым отходом рабочих дает следующая помесячная динамика показателей числа рабочих нескольких профессий на ситценабивной фабрике в 1898–1900 гг.:

Рисунок 3

Динамика числа рабочих ряда специальностей на ситценабивной фабрике Товарищества Н. Н. Коншина. 1898–1900 гг.



Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1357.

Видно, что в то время как численность наиболее квалифицированных из представленных рабочих — граверов оставалась почти совершенно неизменной, а численность слесарей в общем постоянно уменьшалась, число неквалифицированных чернорабочих претерпевало явные сезонные изменения: зимой их количество находится на максимальном уровне, летом — на минимальном. Представляется возможным объяснить эти колебания численности неквалифицированных рабочих в первую очередь именно сельскохозяйственным отходом, хотя и в этом случае колебания не составляют более 15 % рабочих. Возможно, подобные колебания прослеживаются и по графику изменений общей численности рабочих, но тогда они менее очевидны, причем затрагивают лишь около 3–4 % рабочих.

Распорядок работ

Рассмотрим теперь распорядок работ на коншинских фабриках. Согласно С. И. Аристову в 1870-х гг. на коншинских фабриках рабочие работали по 14–16 часов[53]. Это подтверждается постановлением правления от 1 июля 1877 г., когда решено было установить распорядок работы на прядильно-ткацкой фабрике в 16 часов[54]. Конечно, в эти 16 часов должны были включаться по крайней мере 1,5 часа перерывов на завтрак и обед, но очевидно, что такой рабочий день стоит признать соответствующим периоду 1870-х — то есть неимоверно растянутым. Впрочем, уже 10 августа 1877 г. принимается новое решение о переходе на круглосуточный, посменный режим работы[55]. Какими стали смены и изменялся ли как-то распорядок дня в следующие несколько лет, сказать трудно.

Следующее достоверное свидетельство оставил тот же Е. М. Дементьев, посетивший эти фабрики в 1884 г. Он писал, что на ситценабивной фабрике работы велись в следующем режиме: с Пасхи до 1 сентября — с 5.30 до 20.00, при перерыве на обед с 12.00 до 13.30. Зимой работы начинались на полчаса позже — с 6 часов утра, но зато обеденный перерыв продолжался только час — до часу дня. Таким образом, чистый рабочий день составлял 13 часов. Лишь в граверном отделении работы летом велись 11 часов (с 6.00 до 19.00 при перерыве на завтрак 8.30–9.00 и на обед 12.00–13.30). С 15 августа до Пасхи там начинали работать с рассвета (6.30–7.30), но без перерыва на завтрак, а с 1 октября до Великого поста сокращался до одного часа и обед. На прядильно-ткацкой фабрике во время осмотра существовал распорядок работы с 5 часов утра до 8 часов вечера, с перерывами 8.00–8.30 и 12.00–13.00 (т. е. 13,5 часов чистой работы). Но такой режим был введен лишь с Пасхи 1884 г., причем именно «вследствие застоя в делах», а до того работала как раз вышеупомянутая система по шесть часов через шесть, причем зимой 1885 г. администрация планировала вернуться к этому распорядку[56]. Вероятно, именно этот распорядок и был введен в августе 1877 г.

Очевидно, подобная система не могла сохраниться неизменной к началу XX в., и для 1899 г. мы можем говорить уже о следующем распорядке на ситценабивной фабрике: во всех отделениях фабрик, за исключением граверного и резного, летом работы продолжались с 5.30 до 19 часов с одним перерывом на полтора часа; зимой — с 6 часов утра, но с часовым перерывом. Итого получалось 12 часов чистой работы, что, заметим, было нарушением закона 1897 г. Рабочий день граверов и резчиков зависел, как и прежде, от длины светового дня, а рабочие механического отделения: слесари, столяры, плотники, паяльщики, токари и кузнецы — работали на час меньше остальных рабочих (см. Правила внутреннего распорядка ситценабивной фабрики, приведенные в прил. 2).

Примерно в то же время работа была сокращена в соответствии с законом 1897 г., и далее мы встречаем свидетельство, что на ситценабивной фабрике только во время революционных событий 1905 г. рабочий день был сокращен до 10,5 часов, причем, естественно, расценки были пересчитаны так, чтобы рабочие не теряли в заработке (прил. 4).

Однако на ткацких фабриках уже с октября 1896 г. работали в основном в две смены: первая —с 4 часов утра и до 8.30, потом — с часу дня до 17.30; вторая смена — с 8.30 до 13.00 и с 17.30 до 22.00 (то есть по 9 часов чистого времени), плюс еще рабочие были обязаны бесплатно чистить машины по полчаса в неделю[57]. В 1908 г. там действовали уже такие правила: работа велась по-прежнему те же 18 часов, но уже в три смены по 6 часов двумя комплектами рабочих. «Таким образом, I смена работает в понедельник 12 часов, II — 6 часов, во вторник же наоборот: II — 12 и I — 6 часов. Смены происходят в 10 часов утра и в 4 часа пополудни. В субботние и предпраздничные дни работы оканчиваются в шесть часов вечера, причем работа каждой смены ведется непрерывно 7 часов, именно: 4.00–11.00 и 11.00–18.00». В неделю, таким образом, получалось всего 104 рабочих часа, что составляло на каждую смену 8 часов 40 минут[58].

Таким образом, в 1880-х гг. на ткацких фабриках работа шла в две смены круглосуточно, при самом неблагоприятном для рабочих режиме; во время кризиса фабрики перешли на односменную 13,5-часовую работу. Видимо, они так и не вернулись до 1896 г. к двусменной работе — об этом нам не удалось найти упоминаний — но когда обстоятельства дела (ткацкие фабрики не успевали снабжать тканями ситценабивную) все же потребовали перехода к двусменной работе и соответствующего удвоения числа рабочих, это было уже сделано со значительным сокращением рабочего дня.

С Пасхи 1917 г. на всех без исключения фабриках был введен 8-часовой рабочий день, при этом, опять же, расценки были пересчитаны так, чтобы рабочий получал за новый, более короткий полный день столько же, сколько он получал за прежний длинный день[59].

Согласно Правилам внутреннего распорядка, лишь ремонтные рабочие (в том числе рабочие механического отделения — слесари, наладчики машин, шорники и т. д.) были обязаны в случае необходимости работать до и после своего обычного времени, а также в праздники. Это время оплачивалось сверхурочно по несколько повышенным расценкам. Администрация могла требовать их работы в выходные дни и праздники, но обязывалась предоставить им взамен другие четыре выходных дня в месяц. Рабочие основных специальностей (как, например, ткачи) сверхурочно не работали[60]. Интересно, что о любом выходе на сверхурочные работы администрация должна была заблаговременно предупреждать фабричного инспектора. В фонде фабричного инспектора имеется множество справок на этот счет[61]. Очевидно, инспектор следил за обоснованностью применения сверхурочных.

Более того, в протоколах заседания правления встречается запись от 9 января 1913 г., где сказано, что сверхурочные работы на ситценабивной фабрике (фактически там они в основном и применялись) сочтены невыгодными для фирмы, и было принято общее решение резко сократить их[62].

* * *

В 1917 г. коншинские фабрики были активно вовлечены в революционные события. Поскольку это были крупнейшие предприятия в городе, революционная

деятельность разных левых партий там была наиболее значительной, видимо, поэтому уже 2 марта 1917 г. на основных фабриках — ситценабивной и прядильно-ткацкой — были созданы фабричные комитеты. На протяжении 1917 — первой половины 1918 г. деятельность правления Товарищества (и без того вынужденного бороться с рядом проблем военного времени) все больше и больше регламентировалась постановлениями Советов различного уровня и рабочих комитетов. Осенью 1918 г. товарищество было национализировано и названо Большой Серпуховской мануфактурой (прядильно-ткацкая фабрика стала называться «Красный текстильщик», а ситценабивная — «Второй ситценабивной»). С ноября 1921 г. все фабрики вместе с некоторыми другими вошли в Серпуховский хлопчатобумажный трест[63].

ТОВАРИЩЕСТВО ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ

Ярославская Большая мануфактура (ныне — комбинат технических тканей «Красный Перекоп») — одно из старейших российских предприятий текстильной отрасли. Датой ее основания считается 28 июня 1722 г., когда по указу Петра I мануфактур-коллегия выделила место для постройки мануфактуры на правом берегу р. Которосль, при впадении Кавардановского ручья[64]. Основателями нового предприятия стали обрусевший голландец Иван Тамес и ярославский купец, состоявший в гостиной сотне, Максим Семенович Затрапезнов. Все строительные работы были завершены к 1731 г. В момент пуска «Ярославская мануфактура Тамеса и Затрапезнова с сыновьями» представляла собой сравнительно небольшое предприятие со 172 станами, на которых работало немногим более 500 человек. Вскоре И. Тамес умер, и дальнейшее развитие мануфактуры связано с деятельностью Затрапезновых.

После смерти в 1731 г. М. С. Затрапезнова его сыновья Иван и Дмитрий произвели раздел. Последний получил пай деньгами и начал строить свое полотняное предприятие. В Ярославле оказались две мануфактуры Затрапезновых. Чтобы избежать путаницы, одну, построенную ранее и принадлежащую теперь Ивану, назвали Ярославской Большой мануфактурой, другую, принадлежащую Дмитрию, — Ярославской Малой мануфактурой. Иван Затрапезнов еще до основания предприятия провел семь лет за границей, где обучался «холщевому делу». При нем и его сыне Алексее экономическое положение ЯБМ было достаточно устойчивым. В ее состав входили писчебумажная и полотняная фабрики, имелись красильня, лесопильный и кирпичный заводы. В 1764 г. у А. Затрапезнова за 600 тысяч рублей ЯБМ купил Савва Яковлев, и до 1857 г. предприятие принадлежало представителям этой фамилии.

К концу XVIII в. на ЯБМ осуществлялся весь процесс обработки льна, начиная от прядения и кончая окраской и окончательной отделкой вырабатываемых изделий. Кроме того, началось и производство хлопчатобумажной ткани. По свидетельствам современников, изделия мануфактуры «чистотой... работы равняются аглинским». Бывали случаи, когда иностранцы скупали в Ярославле «знатное количество столового белья», ставили свои клейма и перепродавали в России «под видом аглинского гораздо дороже».

В 1802 г. на ЯБМ действовали 840 станов, трудилось 3 800 рабочих. Но к середине XIX века мануфактура постепенно приходит в упадок. В июле 1845 г. положение еще более осложнилось в связи с тем, что во время пожара сгорели писчебумажная фабрика и белильное отделение, что привело к увольнению многих

рабочих. Пожар принес, как сообщали «Ярославские губернские ведомости», ссылаясь на оценку управляющего, убытков на сумму 600 тысяч рублей.

После пожара Яковлевы решили фабрику продать. Объявления о продаже предприятия регулярно появлялись в «Ярославских губернских ведомостях» на протяжении десяти лет. Наконец, в 1857 г. газета известила о покупке мануфактуры Яковлевых московскими купцами Иваном Андреевичем и Андреем Александровичем Карзинкиными и Гавриилом Матвеевичем Игумновым. Продана она была буквально за бесценок — 85 тысяч рублей. Покупатели являлись уроженцами Ярославля и родственниками между собой. Они занимались розничной торговлей полотняными изделиями, обладали немалыми капиталами, хорошо знали текстильное производство. Их не смущало плачевное состояние предприятия. Привлекло их место расположения мануфактуры, к которому со всех сторон шли удобные водные пути. Нижегородская ярмарка могла поставлять нужное сырье, а Новгородская губерния — лес и дрова. Река Которосль могла дать дешевую водяную силу и позволяла иметь собственную пристань.

После смены владельцев предприятие полностью перешло на обработку хлопка, отказавшись от использования льна. 7 марта 1858 г. был утвержден устав Товарищества Ярославской Большой мануфактуры бумажных изделий[65]. Во главе Товарищества встало правление, состоящее из трех директоров — трех учредителей Товарищества. Правление имело свою печать «с приличным изображением», в качестве которого было взято «изображение медведя с короной на макушке, с секирой в руках», т. е. царский герб Ярославской губернии. По уставу основной капитал Товарищества составлял 800 тыс. рублей серебром с правом выпуска 160 паев[66] по пять тысяч рублей за пай и увеличения дополнительных паев до одного миллиона рублей. Эти средства были направлены на строительство новых фабричных корпусов, продолжавшееся до конца 1880-х гг. К началу XX в. на Ярославской Большой мануфактуре существовал целый ряд основных и вспомогательных производств.

Бумагопрядильное производство было размещено в четырех соединенных между собой каменных корпусах, получивших название Старой фабрики. Уже в 1858 г. в первом выстроенном корпусе были пущены в ход 40 тыс. веретен, а в 1860–1861 гг. завершается строительство так называемой Средней фабрики. В таком виде предприятие работало довольно долго. В 1879 г. стало функционировать «правое крыло» на 70 тыс. веретен, а в 1882 г. — «левое крыло» на 57 тыс. веретен. К концу XIX в. здесь изготавливали высшие номера пряжи для самых разнообразных целей.

Ткацкое производство началось на ЯБМ с 1868 г., заняв часть площадей в корпусах Старой фабрики. В 1887 г. для размещения ткацкой было начато возведение четырехэтажного корпуса, известного как Новая фабрика. Проект здания уже во время строительства изменили. К четырем этажам решено было надстроить еще два, чтобы получить возможность кроме ткацкой поместить в новом фабричном корпусе около 40 тыс. тонкопрядильных (мюльных и ватерных) и около 10 тыс. крутильно-ватерных веретен. Вырабатывались здесь, главным образом, суровые хлопчатобумажные ткани: миткаль, бязь, деникотон.

Изделия ЯБМ неоднократно удостаивались наград на различных промышленных выставках: золотых медалей на Всероссийской мануфактурной выставке в 1870 г. (С.-Петербург) и на Ярославской сельскохозяйственной и промышленной выставке в 1893 г.; серебряных медалей на выставках в 1861 г. (С.-Петербург) и 1865 г. (Москва); государственного герба на Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1882 г. (Москва); «Гран-при» (высшей награды) на Всемирной выставке в 1900 г. (Париж); почетного диплома (высшей награды) и золо-

той медали Императорского русского технического общества на Областной выставке Северного края в г. Ярославле в 1903 г.[67]

С 1877 г. на ЯБМ вступило в строй крутильное производство по выпуску крученой пряжи в мотках. Чуть позже с целью утилизации отходов от прядильного и ткацкого производств на фабрике было освоено изготовление ваты. Последним из числа основных следует назвать мотальное производство.

Машины Товариществом заказывались с самого начала существования Товарищества в Англии и приобретались через фирму Людвига Кнопа.

Помимо основных, на ЯБМ действовали 13 вспомогательных производств: лесопильное, столярно-модельное, токарно-катушечное, кузнечное, чугунно-литейное, медно- и бронзолитейное, слесарно-токарное, мукомольное, хлебопекарное, производство светильного газа, сельскохозяйственное[68].

Приводимые ниже таблицы дают представление о динамике роста производственных мощностей Ярославской Большой мануфактуры и выпуска продукции.

Таблица 10

Производственные мощности ЯБМ. 1863, 1879, 1896 гг.

Годы	Паровые машины		Турбины		Общая мощность двигателей, л. с.
	число	мощность	число	мощность	
1863	1	80	2	120	200
1879	5	320	3	160	480
1896	15	4528	3	650	5178

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 376. *Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П.* «Красный Перекоп». С. 24.

Таблица 11

Производственные мощности ЯБМ. 1888–1917 гг.

Годы	Прядильных веретен	Крутильных веретен	Ткацких станков
1888	190 980	3 742	1 048
1889	203 558	10 440	1 216
1890	203 558	11 790	1 508
1891	204 594	11 790	1 568
1892	204 726	11 790	1 568
1893	208 510	11 790	1 568
1894	206 676	12 950	1 570
1895	209 604	21 934	1 568
1898	225 000		1 614
1899	263 972	17 598	1 912
1911	261 900	11 300	1 912
1914	310 390	10 368	1 912
1915	311 318		
1917	311 262	10 804	1 912

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 248, 1456; *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. Т. 1. С. 124, 132, 159, 294, 328; *Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П.* «Красный Перекоп». С. 24.

Таблица 12

Объем производства ЯБМ. 1894–1913 гг.

Годы	Производство хлопчатобумажной пряжи, тыс. пудов	Производство ткани, тыс.кусков
1894	627	485
1895	627	
1898	659	
1900	801	605
1901	791	640
1902	811	
1903	778	700
1904	830	779
1905	685	
1908	817	700
1909		695
1913	910	

Источник: *Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П.* «Красный Перекоп». С. 25, 84. *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. Т. 1. С. 132, 159, 160.

До начала 1880-х гг. мануфактура работала исключительно на заграничном хлопке — американском и египетском. Главными поставщиками были Кнопы и Хлудовы, имевшие отделения своих фирм в Англии[69]. После присоединения Средней Азии к России Карзинкины и Игумнов были в числе первых, кто стал осваивать новую сырьевую базу. С 1882 г. началась закупка среднеазиатского хлопка, для чего в этот регион был командирован специальный уполномоченный — Николай Васильевич Скобеев, впоследствии долгое время возглавлявший Среднеазиатское отделение Товарищества. Низкое качество очистки хлопка, «злоупотребления и обманы» со стороны продавцов подтолкнули владельцев ЯБМ к мысли о собственных хлопкоочистительных заводах, а затем и о собственных хлопковых плантациях, засеянных не только местными, но и привезенными из Америки семенами. К 1900 г. общая площадь земельных владений Товарищества в Средней Азии, занятых хлопком, превышала 2 750 десятин. Наиболее крупные участки находились вблизи городов Ходжента (1 300 десятин) и Андижана (1 000 десятин). К этому времени Товариществу принадлежали 12 хлопкоочистительных заводов (в Ташкенте, Коканде, Намангане, Андижане и других городах), еще шесть заводов Товарищество арендовало[70]. Дважды Товарищество получало награды «за хлопководство в Средней Азии»: бронзовую медаль на Всемирной выставке в 1893 г. (Чикаго) и золотую медаль на Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1896 г. (Нижний Новгород)[71]. Новое сырье поступало по Закаспийской железной дороге до порта Улуч-Ада, оттуда по Каспийскому морю и Волге на собственных пароходах, подвозивших его к собственной пристани на р. Которосли. Кроме того, через Одессу по-прежнему шел египетский хлопок, через Ревель — американский. Еще две конторы Товарищества по закупке хлопка и один хлопкоочистительный завод находились в это время на Кавказе[72].

Для снабжения фабрики дровяным топливом и строительным материалом Товарищество располагало «лесными дачами», расположенными в трех уездах

Новгородской губернии вдоль судоходных рек (Шексна и притоки Мологи) и занимавшими в начале XX в. около 70 тысяч десятин. Доставлялся лес на фабрику сплавом или на судах собственной постройки. В качестве топлива использовались и нефтяные остатки, закупками которых занималась Астраханская контора Товарищества. Для перевозки нефти в собственности Товарищества находились шесть баржей емкостью 180 тысяч пудов каждая и буксирный пароход[73].

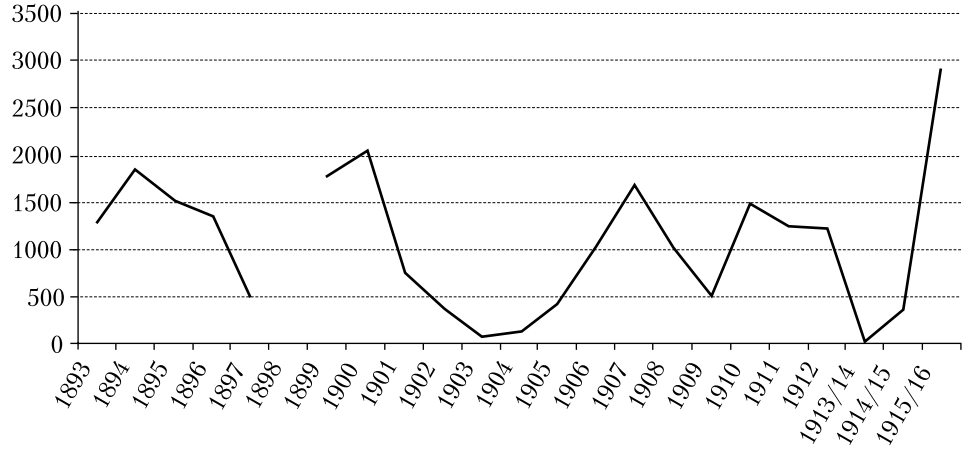
В начале 1890-х гг. управление делами Товарищества ЯБМ перешло в руки наследников учредителей. Ведущую роль играли Александр Андреевич Карзинкин (сын Андрея Александровича) и Сергей Сергеевич Карзинкин (внук Ивана Андреевича Карзинкина). К концу XIX в. основной капитал компании составлял уже 6 млн рублей, а запасной — 1,5 млн рублей. В 1906 г. владельцы Трехгорной мануфактуры в Москве Прохоровы приобрели примерно третью часть паев ЯБМ, несколько потеснив Карзинкиных, однако контрольный пакет им получить не удалось. Карзинкины по-прежнему играли важную роль не только в ярославской промышленности; они были заметны и в масштабе российской экономики в целом, занимая ведущие позиции в Московских учетном и торговом банках. В начале XX века усиливается связь Товарищества ЯБМ с банками. В 1898 г. правление мануфактуры было связано только с Московским обществом взаимного кредита. В 1908 г. Карзинкины были связаны с шестью, а в 1914 г. — с одиннадцатью крупными банками России.

Созданное производство практически сразу начало давать прибыль Товариществу. Чистая прибыль в 1858 г. была невелика — 4 676 руб., но уже в 1861 г. она составила 265 тыс. руб. И в последующие годы размеры чистой прибыли продолжали возрастать: 1865 г. — 475 тыс. руб., 1879 г. — 1 546 тыс. руб. К середине 1880-х гг. этот показатель несколько снизился: в 1885 г. он составил 1 036 тыс. руб. и продолжал снижаться в течение нескольких следующих лет. Ниже приведен график, показывающий размер чистой прибыли, полученной Товариществом ЯБМ в 1889–1916 гг. (цифры приведены в прил. 1).

Несмотря на многолетнее успешное развитие, начало Первой мировой войны Ярославская Большая мануфактура встретила в кризисном состоянии. В первые

Рисунок 4

Динамика чистой прибыли Товарищества Ярославской Большой мануфактуры (в тыс. руб.). 1893–1916 гг.



дни марта 1913 г. заведующий ЯБМ А. Ф. Грязнов уведомил ярославского губернатора о планируемом в ближайшее время сокращении производства в связи с кризисом, который в тот период переживали российские текстильные предприятия. Положение со сбытом продукции на ЯБМ было действительно серьезным. С 1 января по 1 мая 1913 г. осталось непроданным более 20 тыс. пудов пряжи на сумму около полумиллиона рублей. Изделия мануфактуры приходилось продавать с убытком, цена составляла меньше себестоимости[74]. Такой кризис сбыта мануфактура испытывала впервые. Подобную ситуацию переживали многие российские текстильные предприятия в этот период. Общество хлопчатобумажных фабрикантов приняло решение об уменьшении количества рабочих дней в неделю. Связанное обязательствами проводить единую с Обществом политику производства, осознавая необходимость этой меры, правление Товарищества ЯБМ пошло на вынужденное сокращение рабочего времени. 21 марта 1913 г. в письменной форме правление объявило рабочим, что:

«...ввиду общего застоя дел мануфактурной промышленности продать все вырабатываемое Мануфактурой количество изделий возможности не представилось и потому Товарищество, к глубокому своему сожалению, является вынужденным сократить размеры производства мануфактуры, —

по этой причине:

1) Мануфактура после пасхального останова будет пущена в ход — не во вторник Фоминой недели, а в среду 24-го Апреля и

2) начиная с субботы, 4-го мая с/г, работ на мануфактуре по субботам производиться не будет»[75].

Положение приближалось к критическому и для владельцев фабрики, и для трудившихся на мануфактуре.

Однако в первые же недели после начала Первой мировой войны на текстильных предприятиях, занимавшихся выпуском отдельных видов армейского снаряжения и получивших правительственные заказы, производство заметно оживилось. К числу последних относилась и ЯБМ. Производство теперь не простаивало. Администрация фабрики получила военный заказ и сумела в короткий срок провести необходимую перестройку производства. Выполнялись заказы интендантского ведомства на рубашечную ткань, палаточное полотно, вату и пр. Кроме того, предприятие поставляло пряжу для 23 частных фирм, также выполнявших военный заказ[76]. С 1915 г. на мануфактуре выполнялись военные заказы на производство корпусов для 3- и 6-дюймовых гранат[77].

Руководство фабрики использовало связи с военным ведомством для получения нужного фабрике топлива, прежде всего нефтепродуктов, и сырья. Отвечая на запрос московского уполномоченного председателя Особого совещания о топливе, заведующий А. Ф. Грязнов отмечал, что фабрика в 1916 г. «ни вследствие отсутствия топлива, ни по другим причинам не стояла»[78].

Переход на выпуск продукции по военным заказам неизбежно вызывал необходимость перестройки производства, расширение одних отделов фабрики и сокращение или полное закрытие других. Так, 13 декабря 1914 г. в корпусах ЯБМ было вывешено объявление от имени правления Товарищества, обращенное к «работающим в крутильном и мотальном отделениях»:

«... вследствие отсутствия спроса на крученую пряжу выработка таковой, начиная с 1-го января 1915 г. будет производиться в количестве лишь 75 пудов в сутки, т. е. в половинном, сравнительно с теперешним количеством, размере, вследствие чего с соответствующим числом рабочих отделений — тростильного, кру-

тильного и мотального — с 1-го января 1915 г. договоры найма возобновлены не будут»[79].

В объявлении от 19 марта 1915 г. за подписью заведующего мануфактурой А. Ф. Грязнова рабочим этих же отделов фабрики сообщалось, что:

«... вследствие полного отсутствия спроса на КРУЧЕНУЮ ПРЯЖУ, выработка таковой, по распоряжению правления Товарищества, начиная с Пасхи сего года, будет прекращена, ВСЛЕДСТВИЕ ЧЕГО С РАБОЧИМИ ОТДЕЛЕНИЙ ТРОСТИЛЬНОГО, КРУТИЛЬНОГО и МОТАЛЬНОГО с Пасхи сего года ДОГОВОРЫ НАЙМА ВОЗОБНОВЛЕНЫ НЕ БУДУТ»[80].

В целом получение и своевременное выполнение государственных военных заказов в значительной степени способствовало тому, что Ярославская Большая мануфактура, вступив в 1914 г. в кризисном состоянии, смогла выжить в сложный военный период и к 1917 г. представляла собой достаточно стабильно работающее предприятие.

Управление ЯБМ

Главная контора Товарищества ЯБМ находилась в Москве, где проходили и общие собрания пайщиков, и заседания правления. Таким образом, основные решения, связанные с организацией производства и всей фабричной жизни в целом, принимались в Москве. Члены правления приезжали на фабрику нечасто. Повседневные обязанности по руководству производством возлагались на местных служащих. В связи с этим вопросы организации управления фабрикой и подбора кадров требовали повышенного внимания со стороны владельцев.

До конца XIX в. Ярославская Большая мануфактура управлялась на основе принципа единоначалия, когда руководство всеми отделами осуществлялось директором предприятия, ответственного перед правлением и опиравшегося в своих действиях и решениях на нескольких помощников. До начала 1890-х гг. ключевые управленческие должности на фабрике, в том числе и должность директора, занимали англичане, приехавшие в Ярославль в конце 1850-х — в 1860-х гг., когда из Англии активно ввозилось оборудование для строящегося предприятия. Первым директором Ярославской Большой мануфактуры в течение 20 лет был Е. И. Шокрос — специалист, окончивший в Англии технологический институт. Он стал одним из пайщиков товарищества и был лично заинтересован в эффективной работе предприятия. В отличие от своего помощника (также англичанина, по фамилии Бум), заслужившего дурную славу на фабрике и ненависть со стороны рабочих, Шокрос пользовался «репутацией безусловно честного и добросовестного человека», «общим уважением»[81] и сыграл большую роль в налаживании нового производства[82]. На посту директора его сменил соотечественник Ф. П. Джонсон, к тому моменту работавший на ЯБМ уже около 30 лет, должность заместителя сохранил Бум. В августе 1892 г., во время забастовки на мануфактуре, рабочие заявили прибывшим полицейским, что они «директором (Джонсоном. — *Авт.*) довольны, но помощника его терпеть не могут за его несправедливости, и если он появится, то народ его разорвет»[83].

В начале 1890-х гг. правление Товарищества вынуждено было пересмотреть принцип подбора руководящих кадров, поскольку одним из основных требований рабочих в этот период было увольнение иностранцев с предприятия. Представляется интересным, что недовольство рабочих ЯБМ было направлено, прежде всего, не на директоров-англичан, а на их заместителей, а также иностранцев, занимавших

низшие должности. Постепенно и административные, и инженерно-технические должности стали отдавать русским специалистам. К началу 1892 г. из 20 представителей администрации 17 были русскими (10 из них имели высшее образование), трое — иностранцами, но именно они занимали ведущие должности[84].

В 1892 г. в качестве директора был приглашен профессор Императорского московского технического училища Семен Андреевич Федоров. По его собственным словам, помимо осуществления общего руководства фабрикой, одну из своих задач он видел в устранении причин жалоб рабочих на несправедливость администрации. По его инициативе на ЯБМ были заведены специальные книги, в которые записывались кандидаты для приема на работу, просители «вспомоществований», желающие получить отпуск и т. п., что делало более упорядоченным процесс удовлетворения разнообразных просьб рабочих. Однако пассивная позиция Федорова накануне и во время забастовки 1895 г. вызвала недовольство со стороны некоторых членов правления Товарищества, хотя большинство все же высказалось за продление контракта с ним еще на три года[85]. По окончании срока нового контракта в 1898 г. Федоров покинул мануфактуру. На этом завершился период, когда все вопросы управления ЯБМ решались директором, получавшим инструкции от правления и ежедневно докладывавшим в Москву о состоянии дел. Практика показала необходимость поиска новых принципов управления предприятием с учетом появления новых и расширения старых производств и ростом населения фабричного городка.

В 1898 г. правление Товарищества приняло решение о реорганизации системы управления ЯБМ. Согласно разработанной и утвержденной в этом же году «Инструкции по организации общего строя администрации фабрики Товарищества Ярославской Большой мануфактуры и управлению отдельными частями оной» заведывание «отдельными частями фабричного управления и ответственность, в границах деятельности каждой отдельной части, возложены на следующих лиц»:

1) заведующий Старой фабрикой,

2) заведующий Новой фабрикой,

3) заведующий механической частью (в том числе механическим заводом при мануфактуре),

4) заведующий конторской частью (в том числе бухгалтерией),

5) заведующий хозяйственной частью.

Каждый из этих пяти служащих имел четко обозначенный список обязанностей, который был закреплен как в «Инструкции», так и в их индивидуальных договорах с правлением. Лица, назначенные на вновь введенные должности, хорошо знали производство и выделенный им сектор деятельности, поскольку все они имели необходимое образование и на протяжении уже нескольких лет работали на ЯБМ.

В обязанности Алексея Борисовича Никифорова и Алексея Флегонтовича Грязнова, занявших должности заведующих Старой и Новой фабриками соответственно, прежде всего, входили:

— обеспечение эффективной работы фабрики, ее «техническое усовершенствование», «изыскание средств» к увеличению производительности;

— наблюдение за качеством и «правильностью приемки» поступающего сырья;

— регулирование всех вопросов, связанных с работой и, частично, бытовыми нуждами рабочих и служащих фабрики, в том числе: определение их обязанностей и размера заработной платы; рассмотрение жалоб и просьб; решение «квартирного вопроса»; увольнение и т. п.[86]

Механическая часть и механический завод были общими для всей фабрики, и заведование ими с 1898 г. возлагалось на инженер-механика К. В. Кожевникова, в обязанности которому в первую очередь вменялись:

— «изыскание способов возможного улучшения и удешевления производства и передачи двигательной силы»;

— производство ремонта «по механической части» во всех фабричных зданиях;

— контроль за нормальным функционированием систем освещения, отопления, водоснабжения и увлажнения всех зданий фабричного района, где эти системы были подведены;

— организация внутренней пожарной охраны на фабриках;

— контроль за поддержанием в исправном состоянии подъемных машин, паровозов, парохода, плотины;

— контроль за приемкой и расходованием топлива для фабричных паровых котлов (нефтяных остатков и дров);

— заведование фактически самостоятельным отделом ЯБМ — механическим заводом, включая кузницу, литейную и столярную мастерские;

— «заведование служащими и рабочими», по роду своей деятельности подпадающими под его руководство и др.[87]

Руководство «счетоводством и отчетностью» всего фабричного хозяйства, Главной, дворовой, приемной, ткацкой конторами и конторой при механических мастерских, а также расчетным и паспортным отделениями фабрики было поручено заведующему конторской частью С. П. Швыреву[88], до того работавшему на ЯБМ в должности главного бухгалтера фабрики.

В число непосредственных обязанностей заведующего конторской частью мануфактуры входили:

— такая организация отчетности, которая позволила бы отслеживать влияние «различных факторов на экономическую сторону производства как средство для своевременного открытия неблагоприятно действующих факторов»;

— информирование остальных заведующих о ежемесячных расходах по их отделам на производственные нужды, ремонт старых и строительство новых зданий, а также о появлении перерасхода по тем или иным статьям;

— заведование счетоводством харчевой лавки, мануфактурного отделения, материального магазина, хлопковых и товарных складов;

— наблюдение за хранением штрафного капитала рабочих;

— контроль за своевременной уплатой городских и земских налогов, торговых повинностей и отправкой товаров покупателям;

— решение всех вопросов, связанных с деятельностью служащих в различных находящихся в его ведении конторах и др.[89]

Определенное контрактом 1907 г. жалование С. П. Швырева составляло 7 тыс. рублей в год[90].

Заведующим хозяйственной частью после принятия «Инструкции» остался прежний заведующий В. А. Соколов, однако его назначение было временным — «впредь до приглашения на должность управляющего этой частью особого специалиста». Возможно, его деятельность не устраивала правление либо по состоянию здоровья он не мог исполнять весь отводившийся ему объем работ. Но так или иначе часть его обязанностей была временно распределена между остальными заведующими: заведование харчевой и мануфактурной лавками было поручено С. П. Швыреву, фабричным училищем и казармами — А. Б. Никифорову, фабричной больницей — А. Ф. Грязнову[91]. Через некоторое время В. А. Соколова по реше-

нию правления сменил И. А. Русанов, проработавший на этой должности вплоть до 1920-х гг.[92]

По «Инструкции» в обязанности заведующего хозяйственной частью ЯБМ входили:

— обеспечение сохранности имущества Товарищества, находящегося на территории фабричного двора (в том числе внутри помещений), а также неприкосновенности земельных владений Товарищества при фабрике; организация для решения этих задач сторожевой службы;

— контроль за соответствующим санитарным нормам состоянием казарм для рабочих и всей территории фабричного двора (организация своевременного удаления нечистот, снабжение населения фабричного городка «здоровой» питьевой водой и т. п.);

— заведование строительным отделением фабрики, что предполагало организацию, составление смет для своевременного ремонта всех сооружений, находившихся на территории фабричного двора, а также для нового строительства;

— разрешение спорных ситуаций между рабочими по вопросам пользования казармами и своевременное оповещение заведующих Старой и Новой фабриками, а также механической частью об имеющихся свободных каморках;

— заведование сельским хозяйством при фабрике (сенокосами, мельницей, конным и скотным дворами и др.);

— составление списков на закупку необходимых материалов (дров, угля и проч.) и товаров (для харчевой лавки, мануфактурного магазина);

— контроль за служащими, рабочими и поденщиками «по хозяйственной части» и проч.

Накануне Первой мировой войны жалование заведующего хозяйственной частью Товарищества ЯБМ, которым по-прежнему был И. А. Русанов, составляло 12 тыс. рублей в год[93].

В «Инструкции» специально оговаривалось, что каждый заведующий несет «законную ответственность по могущим возникнуть в заведываемой им части нарушениям постановлений закона, административных властей и требований фабричной инспекции»[94].

Помимо заведующих разными отделами «Инструкцией» была введена должность главнозаведующего ЯБМ, на которую был назначен член правления Товарищества Николай Васильевич Скобеев. В обязанности последнего входили «общее наблюдение за торгово-промышленными интересами предприятия», а также контроль за деятельностью заведующих различных отделов[95].

В соответствии с «Инструкцией» на фабрике создавался и Административный совет из заведующих во главе со Скобеевым для коллегиального «обсуждения и принятия решений по важнейшим вопросам управления делами», собирать который предполагалось ежедневно. Окончательные решения по обсуждаемым вопросам могли приниматься прямо на заседании совета. В наиболее серьезных случаях или при возникновении существенных разногласий среди членов совета вопрос передавался на рассмотрение правления[96].

В компетенцию Административного совета ЯБМ входили:

— обсуждение любых работ (в первую очередь строительство и ремонт), предполагающих более или менее крупные затраты капитала;

— детальная разработка административных вопросов, касающихся работы всей мануфактуры: распределение рабочего времени служащих и рабочих, праздничные дни, массовые изменения расценок и т. п.;

— изменение цен харчевых продуктов, отпускаемых из лабаза фабрики в зависимости от колебания рыночных цен;

— выработка правил пользования жилыми помещениями для рабочих, баней, школой, колыбельней, больницей;

— рассмотрение просьб служащих и рабочих о назначении им пособий и о выдаче денежных ссуд;

— определение потребностей фабрики в сырье, топливе и т. п.;

— обсуждение предложений членов фабричной администрации, «касающихся тех или иных улучшений общего характера, в чем бы таковые ни заключались»;

— «обсуждение способов исполнения имеющих быть изданными законоположений, постановлений фабричного присутствия и требований фабричной инспекции, а также тех из уже действующих постановлений, относительно применения коих возникнут те или иные вопросы»[97], и другие вопросы, связанные как с производственным процессом, так и с бытовой стороной жизни фабричного городка.

Сложившаяся в 1898 г. структура управления ЯБМ просуществовала практически без изменений до 1917 г., позволяя осуществлять достаточно эффективное и оперативное руководство крупным текстильным предприятием.

Огромную роль в налаживании новой схемы управления и руководстве фабрикой в начале XX в. сыграл уже упоминавшийся нами А. Ф. Грязнов, который с 1892 г. являлся техническим секретарем, а с 1895 г. — заместителем директора ЯБМ. В результате реорганизации 1898 г. он занял должность заведующего Новой фабрикой сроком на три года с окладом в 8 тыс. рублей в год[98]. Правление охотно перезаключало контракт с Грязновым в 1901 и 1904 гг. По этим договорам ему было назначено жалование 10 тыс. рублей в год[99]. Несмотря на то, что формально сфера его деятельности ограничивалась Новой фабрикой, он активно предлагал различные пути совершенствования всего производства. А. Ф. Грязнов являлся одним из деятельнейших членов Административного совета, вел его заседания в отсутствие представителя правления, что начиная с 1900–1901 гг., случалось все чаще и постепенно стало постоянной практикой. С 1 февраля 1907 г. Грязнов официально становится заведующим Ярославской Большой мануфактурой с окладом в 15 тыс. рублей[100] и с широкими полномочиями, переданными ему правлением Товарищества (прил. 5), хотя к тому моменту фактически выполнял эти функции уже на протяжении нескольких лет. С этого времени должность главнозаведующего, видимо, упраздняется, а его полномочия переходят к заведующему всей мануфактурой. Административный совет продолжал свою деятельность вплоть до Первой мировой войны[101], но все чаще правление прислушивается именно к предложениям Грязнова в вопросах развития производства, отношений с рабочими мануфактуры, да и всей жизни фабричного городка.

Численность и состав рабочих ЯБМ

Приводимая ниже таблица позволяет проследить динамику численности рабочих Ярославской Большой мануфактуры за период с конца 1880-х гг. до национализации фабрики в 1918 г., а также дает возможность определить долю женского труда, подростков и малолетних рабочих.

Обращает на себя внимание тот факт, что общая численность рабочих ЯБМ за военный период не только не сократилась, но благодаря стабильной работе фабрики даже возросла (в отличие от ситуации на многих других предприятиях Ярославской губернии) на 12,8 %. Причем численность взрослых мужчин-рабочих в

1916 г. составляла около 82,8 % от довоенной. Число взрослых женщин, работавших на фабрике, возросло в 1,3 раза, подростков — в 1,5; малолетних — в 4,9 раза[102].

Таблица 13

Сведения о численности рабочих, реально трудившихся на фабрике Ярославской Большой мануфактуры (в среднем за год). 1861–1916 гг.

Годы	Мужчины				Женщины				Всего
	взр.	подр.	мал.	всего	взр.	подр.	мал.	всего	
1861									900
1888	4 000	81		4 081	2 300	50		2 350	6 431
1889	4 300	81		4 381	2 400	50		2 450	6 831
1890	4 000	109		4 109	3 125	43		3 168	7 277
1891	4 043	138		4 181	3 444	49		3 493	7 674
1892	4 238	111		4 349	3 208	22		3 230	7 579
1893	4 238	111		4 349	3 208	22		3 230	7 579
1894	4 039	60		4 099	3 121	1		3 122	7 221
1895									8 073
1900									9 588
1902									9 880
1903									9 773
1905	4 550	243	238	5 031	3 890	108	—	3 998	9 029
1906	4 589				4 269				9 510
1910				5 180				4 512	9 692
1913	4 298	230	67	4 595	4 616	187	13	4 816	9 411
1914	4 217	314	107	4 638	4 977	353	14	5 344	9 982
1915	3 871	325	263	4 459	5 281	314	21	5 616	10 075
1916	3 559	358	314	4 231	6 020	288	78	6 386	10 617

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 35, 37; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8140. Л. 9, 18, 22, 34; Оп. 2. Д. 97. Л. 1; Ф. 662. Оп. 1. Д. 4; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 142; *Герасимов и др.* «Красный Перекоп». С. 28.

С начала XX в. происходит увеличение доли женщин, подростков и малолетних в общей численности рабочих фабрики. Это объяснялось, прежде всего, сокращением рабочего дня и изменением графика работ, что позволило фабричной администрации в ряде случаев заменить работников-мужчин, платить которым приходилось больше (подробнее об этом см. главу III данной книги). Изменение половозрастного состава рабочих ЯБМ в период Первой мировой войны в первую очередь объяснялось призывом в армию военнообязанных работников. Только к началу 1916 г. текстильным предприятиям, работающим на оборону, удалось получить право устанавливать бронь от призыва для некоторого количества квалифицированных рабочих, но даже и после этого проблема с призывом рабочих-мужчин в армию была довольно серьезной[103].

Архивные материалы сохранили сведения о территориальном и социальном происхождении рабочих ЯБМ за 1910 г., которые отражены в табл. 14.

Таблица 14

Сведения о происхождении рабочих Товарищества ЯБМ на 1 января 1910 г.

Губернии	Социальное происхождение	Муж.	Жен.
Ярославская	мещане	809	741
	крестьяне	1 465	1 214
Владимирская (без учета Юрьевского уезда)	крестьяне	546	490
Юрьевский уезд Владимирской	крестьяне	1 347	1 280
Вологодская		501	374
Костромская		228	196
Московская		59	54
Тверская		42	36
Нижегородская		34	26
Новгородская		29	18
Другие губернии		100	66
кроме того			
	Личных почетных граждан	10	12
	Потомственных почетных граждан	5	2
	Дворян	2	0
	Недоросль из дворян	1	0
	Обер-офицерских детей	2	3
Всего		5 180	4 512

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 97. Л. 15.

Из таблицы видно, что только 43,6 % рабочих предприятия — это жители Ярославской губернии, т. е. пришлые (в основном выходцы из близлежащих губерний) составляли большинство. Это отражало ситуацию по губернии в целом: в 1902 г. 60,2 % рабочих крупнейших текстильных предприятий составляли рабочие, прибывшие из других губерний[104]. Кроме того, 37,8 % от числа всех рабочих ЯБМ составляли выходцы из Владимирской губернии, причем 71,7 % «владимирцев» — это крестьяне Юрьевского уезда. Также заметные группы рабочих фабрики составляли те, кто прибыл из Вологодской и Костромской губерний, хотя их доля значительно меньше по сравнению с «владимирцами».

Столь большой процент выходцев из Владимирской губернии, возможно, объясняется тем, что в начале 1880-х гг. многие из них «были вызваны из Владимирской губернии директором фабрики через доверенного от него лица, который... многих нанял и отправил», а многим предлагал приезжать, обещая хорошие заработки. Первые приехавшие письменно давали знать родным и знакомым, что заработки действительно хорошие и что в ткачах нуждаются, советовали приезжать. В результате многие прибыли вместе с семьями. Поначалу им действительно неплохо платили. Но промышленный кризис 1880-х гг. не миновал ЯБМ, вызвав затруднения в сбыте изделий. Склады готовой пряжи и бумажных изделий были переполнены, но правление Товарищества распорядилось не сокращать производство (компенсировать издержки на производство нереализованной продукции частично пришлось за счет снижения расценок). Рабочие жаловались, что, «проработав месяц, почти только хватает на одни харчи... на родину ехать также нет средств»[105].

Как уже говорилось, после забастовки 1895 г. по инициативе директора ЯБМ С. А. Федорова был упорядочен процесс приема на фабрику новых работников. В дальнейшем по инициативе А. Ф. Грязнова в книге записи кандидатов на поступление на фабрику стали указывать ближайших родственников кандидата, уже работающих на предприятии. При отсутствии таковых шансы получить работу на мануфактуре были невелики. Администрация выработала особые правила для вызова кандидатов на работу. Сначала вызывались кандидаты, имеющие среди рабочих мануфактуры близких родственников: отца, мать, мужа, жену, деда, бабку, — затем уже вызывали имеющих на фабрике родного брата, сестру, дядю, тетку, а далее тех, кто имел дальних родственников (двоюродных брата, сестру и т. д.). Таким образом, к фабрике прикреплялись целые семейства. Подобная система найма помогала налаживать и поддерживать дисциплину на производстве, добиваться лучшей производительности, поскольку давала возможность воздействовать на одного члена семьи через другого (других).

Распорядок работ

После издания закона 2 июня 1897 г. продолжительность рабочего дня на ЯБМ для взрослых мужчин, занятых только в дневное время, была установлена в 11,5 часов, а для тех, кто хотя бы частично был занят ночью — 10 часов в сутки. В апреле 1905 г. Товарищество в порядке собственной инициативы пошло на дальнейшее сокращение рабочего дня в результате перевода фабрики на 18 часов работы в сутки. При этом денные рабочие должны были трудиться по 10,5 часов в сутки, а сменные — по 9 часов (с 15-минутным перерывом на «обед»). Вместе с этим сокращением рабочего дня Товарищество, «чтобы поддержать благосостояние своих рабочих неизменным», приняло решение «повысить расценки соответственно сокращению продолжительности рабочего времени для всех тех разрядов рабочих, работающих сдельно, у которых произойдет уменьшение продолжительности рабочего времени»[106]. При этом было сокращено количество нерабочих дней в году (на три дня), чтобы хоть частично компенсировать уменьшение производительности в результате введения нового распорядка работ. Смена режима работы предприятия затронула и организацию сменной работы: теперь работали не в четыре смены, а в две. Проводя все эти мероприятия, правление и фабричная администрация рассчитывали на весьма положительную реакцию рабочих. Но выяснилось, что недовольны денные рабочие, поскольку они ожидали сокращения рабочего дня до 10 часов. Нашлись недовольные и среди сменных рабочих. По свидетельству А. Ф. Грязнова, это были «все живущие в казармах, затем старики и старухи и, наконец, в особенности гуляки, — говорят, что им работать по 9 час. сразу будет тяжело, и что поэтому они желали бы работать в 4 смены по $4^1/_2$ часа каждая. Гуляки же откровенно говорят, что, работая в 4 смены, они, не выйдя на одну смену с похмелья, все-таки на другую попадут и кое-как ее “промаячат”, а в итоге все-таки хоть за $^1/_2$ дня да все же плату получат. При 9 же часовой смене им с похмелья придется терять целый день, и потому для них 9 часовые смены неудобны. Наоборот, все живущие на вольных квартирах и все, кто помоложе, — за 9 часовую работу, и работать в 4 смены по $4^1/_2$ часа не хотят»[107]. Такие настроения имели место среди рабочих в первые несколько дней после появления в фабричных корпусах объявления, сообщавшего им обо всех нововведениях, но после, по свидетельству Грязнова, все успокоилось.

Сокращение рабочего дня, изменение порядка работ привело к необходимости составления нового расписания рабочих смен (прил. 3).

29 июля 1918 г. фабрика была национализирована. Было утверждено новое правление в составе девяти человек, шестеро из которых являлись представителями от рабочих, остальные трое — от технического персонала фабрики. В конце 1920 г. ЯБМ была переименована в Ярославскую прядильно-ткацкую фабрику Главного управления текстильной промышленности Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), с июля 1922 г. — в фабрику «Красный Перекоп».

* * *

Мы проанализировали эволюцию производства и общие характеристики рабочей силы на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Рассматриваемые предприятия входили в число крупнейших хлопчатобумажных предприятий, и для них были в большей или меньшей степени характерны все те условия производства и работ, которые отличали крупное хлопчатобумажное производство в дореволюционной России вообще, особенно если рассматривать Центральный промышленный район. Некоторое рассогласование с общими данными появляется только при характеристике сословного состава рабочих товарищества Коншина — на коншинских фабриках, которые были расположены или непосредственно в уездном центре городе Серпухове (ситценабивная фабрика), или сразу за чертой города (остальные фабрики), работало меньше приписанных к крестьянскому сословию и больше мещан. Однако этот второстепенный факт мало влиял на важнейшие характеристики трудовой силы, такие как половозрастное распределение рабочих, текучка рабочей силы и частота ухода рабочих на полевые работы, квалификация рабочих. Таким образом, дальнейшее описание трудовых отношений, основанное на материалах двух рассматриваемых фабрик, интересно не только само по себе, но прежде всего как изучение характерных крупных фабрик Центрального промышленного района.

[1] Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. СПб., 1912. Ч. 1. С. 12–13.

[2] *Воронкова С. В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996. С. 189.

[3] Здесь есть специальные работы, например: *Лаверычев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М., 1963; *Панкратова А. М.* Текстильщики в революции 1905–1907 гг. // Панкратова А. М. Рабочий класс России. Избранные труды. М., 1983. В основном же особая роль текстильной отрасли рассматривается в многочисленных общих работах по индустриальному развитию России.

[4] Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 59.

[5] *Воронкова С. В.* Указ. соч. С. 95; Предпринимательство и предприниматели России... С. 59. Важность Центрального промышленного района и, в частности, крупных текстильных предприятий центральных губерний подробно освещена в монографии: *Иванова Н. А.* Промышленный Центр России...

[6] *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958. С. 140–141.

[7] *Бовыкин В. И.* Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 177–178.

[8] О специфике трудовых отношений на мелких текстильных фабриках см.: *Наумова Г. Р.* Русская фабрика...

[9] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта в России. СПб., 1887. С. 35–36; *Лосев М. Л.* Несколько слов о санитарных условиях наших ситцевых фабрик // Труды комиссии, учрежденной Московским генерал-губернатором, князем В. А. Долгоруковым, для осмотра фабрик и заводов в Москве. [Т. 6]. Описание состояния некоторых фабричных и заводских производств в санитарном отношении. Вып. I. М., 1882. С. 37.

[10] *Михайловский Я. Т.* О деятельности фабричной инспекции... С. 26.

[11] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 39; *Лосев М. Л.* Несколько слов... С. 37–38.

[12] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 161.

[13] Так, по данным Р. фон Унгерн-Штернберга, обработавшего материалы обследования 11 560 петербургских текстильных рабочих за 1900–1902 гг., у 30 % женатых мужчин жены находились в деревне, в то время как мужья были в деревне только у 7,5 % замужних женщин. См.: *Ungern-Sternberg R., von.* Über die wirtschaftliche und rechtliche Lage der St. Petersburger Arbeiterschaft. Berlin, 1909. Tab. II.

[14] См., например: *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению...; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925; *Иванов Л. М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966; *Johnson R. E.* Peasant and Proletarian...; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite...; *Кирьянов Ю. И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997; *Burds J.* Peasant Dreams & Market Politics...; *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу»...

[15] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 39–63.

[16] *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению... С. 74–75. Красочное описание жизни рабочих при этом сменном распорядке см., например, в докладе: *Голгофский А.* Современный фабрично-рабочий в физическом, умственном и нравственном отношении; причины, поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к подъему его благосостояния // Труды высочайше утвержденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вып.V. Условия быта и работы фабрично-заводских рабочих. СПб., 1896. С. 23–24.

[17] *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии... С. 77.

[18] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 148. Л. 26 об.

[19] См: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень... С. 72–84; *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу»... С. 247–250.

[20] «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». ПСЗ-III. Т. XVII. № 14231.

[21] См.: *Валетов Т. Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX века // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 185–187.

[22] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 55.

[23] Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. Вып. 1 (Промышленная перепись). М., 1926. Табл. 11. С. 118.

[24] *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих... Табл. 1 (прил. 12 данной книги).

[25] «Высочайше утвержденный Устав Товарищества Мануфактур Николая Николаевича Коншина в Серпухове». ПСЗ-II. Т. LII. № 56815.

[26] *Аксенов А. И., Петров Ю. А.* Коншины-серпуховские... С. 202–208.

[27] Там же. С. 205; *Коншин А. Д.* Коншины // «Совет», 12.10.1996; *Шампаньер А.* Торгово-промышленные деятели России. Альбом. Б. м., б.г. (191?), без номеров страниц (статья «Н. Н. Коншин»).

[28] *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 113.

[29] *Шампаньер А.* Указ. соч.

[30] *Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915. С. 277.

[31] *Аксенов А. И., Петров Ю. А.* Коншины-серпуховские... С. 214.

[32] Там же. С. 206; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 2. Л. 1.

[33] Так, в 1884 г. на крупнейшей из фабрик, прядильно-ткацкой, директор, механик и все мастера, кроме ткацкого, были англичанами. См.: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 138.

[34] *Аристов С. И.* Город Серпухов. С. 84–85. См. также: *Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 147.

[35] *Аксенов А. И., Петров Ю. А.* Коншины-серпуховские... С. 208–209; *Второв О. А.* Представители торгово-промышленного мира России на рубеже XIX–XX вв. на примере «Товарищества А. Ф. Второва с сыновьями» // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001. С. 85–87.

[36] *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности... С. 143.

[37] *Шестакова О. А.* Текстильная промышленность Серпухова... С. 80.

[38] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 261–262.

[39] Личность Н. Н. Коншина была весьма колоритной, как, впрочем, и личности его сыновей. Об этом можно судить, например, по характеристике из воспоминаний И. С. Соколова-Микитова, чей отец служил у Коншина. В частности, мы читаем там следующее: «Своих московских хозяев отец видывал редко. Раз или два в зиму являлся он в Москву к старику Коншину. По рассказам отца, был умен, пронзительно зорок сам старый Коншин. “Отчетов не требовал, бумажных дел и донесений не терпел”, — рассказывал, помню, отец. — “Посмотрит в глаза — человека видит насквозь...”». *Соколов-Микитов И. С.* Детство. М., 1988. С. 11.

[40] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 96.

[41] Там же. Л. 34 об., 36 об., 92.

[42] Там же. Л. 79.

[43] Годы основания фабрик взяты из: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 38. Л. 24, 50; в литературе же иногда встречаются другие даты. Так, по Н. И. Матисену и Е. М. Дементьеву, ситценабивная фабрика основана в 1805 г., а прядильно-ткацкая — в 1860 г. (*Матисен Н. И.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 36, 62; *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 10, 16); согласно же Ч. М. Иоксимовичу ткацкая фабрика построена в 1861 г., а красильно-отделочная приобретена товариществом в 1885 г. (*Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность... С. 276–277). Этот ряд можно продолжать.

[44] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 35. Л. 39 об.

[45] Там же. Ф. 17. Оп. 77. Д. 1107. Л. 44 об.

[46] *Шестакова О. А.* Текстильная промышленность Серпухова... С. 79–80.

[47] *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности... С. 135.

[48] ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.–22.

[49] Данные разных источников за 1902 г. не совпадают в точности. Согласно делу 358 в 1902 г. было 1 815 мужчин, 2 426 женщин, 404 подростка обоего пола и 229 малолетних.

[50] *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности... С. 102, 148.

[51] *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих... Табл. 1–2.

[52] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 139, 168, 170.

[53] *Аристов С.* Город Серпухов. С. 47.

[54] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 2. Л. 4 об.

[55] Там же. Л. 6.

[56] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 169, 138–140.

[57] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 29 об., 34; Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

[58] Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 35 об.

[59] Там же. Оп. 8. Д. 283. Л. 1 об.–3.

[60] Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 16.

[61] Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17.

[62] Там же. Ф. 673. Оп. 8. Д. 36. Л. 101 об.

[63] *Шестакова О. А.* Текстильная промышленность Серпухова... С. 81, 84; *Аристов С.* Город Серпухов. С. 103. Текстильные фабрики СССР. М., 1927. С. 6.

[64] При описании ранней истории фабрики использованы сведения, содержащиеся в различных изданиях, в том числе: *Грязнов А. Ф.* Ярославская Большая мануфактура...; Ярославская Большая мануфактура. М., 1900; *Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность...; *Паялин Н. П.* Волжские ткачи...; *Герасимов Н. В. и др.* Красный Перекоп...; и др.

[65] «Высочайше утвержденный Устав Товарищества Ярославской Большой мануфактуры бумажных изделий». ПСЗ-II. Т. XXXIII. № 32838.

[66] Паи были распределены следующим образом: 50 паев — Иван Андреевич Карзинкин и 30 паев — его сын, 40 паев — Андрей Александрович Карзинкин, 35 паев — Г. М. Игумнов и 5 паев — его сын (*Паялин Н. П.* Волжские ткачи... Т. 1. С. 97).

[67] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6151. Л. 8.

[68] Товарищество содержало ферму и владело земельными угодьями, что позволяло частично удовлетворять потребности в сельскохозяйственной продукции всех трудившихся на фабрике.

[69] *Львова А. Д.* Бухгалтерский учет в предпринимательской деятельности в конце XIX — начале XX века // История предпринимательства в России: XIX — начало XX века: Сб. статей. СПб., 2005. С. 240.

[70] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 98–99.

[71] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6151. Л. 8.

[72] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 107.

[73] Там же. С. 107–108.

[74] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 104.

[75] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 143. Л. 1.

[76] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 70. Л. 49.

[77] Там же. Д. 63. Л. 18, 19, 27, 29, 30 и др.

[78] Там же. Л. 49.

[79] Там же. Д. 62. Л. 113.

[80] Там же. Л. 205.

[81] Там же. Д. 56. Л. 30.

[82] Дело в том, что изначально на мануфактуре в качестве сырья использовали лен, после организации Товарищества в 1858 г. мануфактура перешла на обработку хлопка.

[83] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 36.

[84] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 66.

[85] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2741. Л. 33.

[86] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 206–207.

[87] Там же. Л. 207.

[88] Биография этого опытного управленца представляет интерес, характеризуя процесс формирования кадров фабричной администрации высшего звена. Сергей Павлович Швырев родился в 1869 г., в 1885 г. окончил Коломенское городское училище и поступил на фабрику Товарищества Реутовской мануфактуры, недалеко от Москвы, конторщиком. В 1887–1889 гг. он был слушателем курсов бухгалтерии при Практической академии коммерческих наук в Москве, по окончании которых до 1893 г. работал на той же Реутовской мануфактуре бухгалтером. В октябре 1893 г. Швырев по приглашению С. А. Федорова прибыл на ЯБМ. Он бессменно занимал должность заведующего конторской частью ЯБМ до 1918 г., а в сентябре 1918 г. был избран в члены Правительственного правления Ярославской Большой мануфактуры по счетно-финансовому отделу, а в апреле 1919 г. — членом правления Группы ярославских хлопчатобумажных фабрик по тому же отделу. Он продолжал работать на фабрике и в 1920-х гг., был признан новым руководством предприятия «опытным специалистом» (ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 193).

[89] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 208.

[90] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 101. Л. 1–2.

[91] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 206.

[92] Иван Алексеевич Русанов родился в 1867 г. Среднее образование он получил в реальном училище в г. Орле. В 1893 г. окончил Высшее техническое училище в Москве по отделу бумагопрядения «с званием инженер-механика». Летом 1892 г. проходил практику на бумагопрядильной фабрике С. Т. Морозова в Орехове. В 1893–1895 гг. работал на ЯБМ сначала практикантом, а затем инженером в приготовительном отделении. В 1895 г. И. А. Русанов поступил в Московский сельскохозяйственный институт, который окончил в августе 1898 г. «с званием агронома» и сразу был принят на ЯБМ в качестве заведующего хозяйственной частью фабрики (ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 192).

[93] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 146. Л. 1.

[94] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 206–208.

[95] Там же. Л. 206.

[96] Там же. Л. 209.

[97] Там же.

[98] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 21588. Л. 2.

[99] Там же.

[100] Там же. Д. 21587. Л. 10.

[101] Возможно, и дольше, но начиная с июня 1914 г. нам не удалось обнаружить ни одного протокола (или хотя бы черновика протокола) заседания Административного совета ЯБМ.

[102] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8140. Л. 9, 18, 22, 34.

[103] См.: *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 249.

[104] *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих в России: Материалы для статистики труда. СПб., 1906. С. 94–95.

[105] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи... Т. 1. С. 121–122.

[106] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 262. Л. 1–2.

[107] Там же. Л. 4.

Часть 2

Вторая часть данного исследования посвящена анализу материальных факторов стимулирования труда рабочих крупных текстильных предприятий дореволюционной России. Именно эти факторы обычно рассматриваются в первую очередь в связи со стимулированием квалифицированного, дисциплинированного, высокопроизводительного труда. В главе III проводится анализ данных о зарплате рабочих-текстильщиков и ее дифференциации, а также о премиях. Глава IV посвящена изучению штрафов и других взысканий.

ГЛАВА III
МАТЕРИАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ: ЗАРПЛАТА И ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Одним из важнейших аспектов в изучении мотивации труда рабочих дореволюционной России является заработная плата. Очевидно, что роль размера оплаты труда во взаимоотношениях рабочих с предпринимателями была очень важной: это и показатель социальных условий работы на фабрике, и тот пункт, вокруг которого происходило наибольшее число трудовых конфликтов, и мотив, побуждающий рабочих добросовестно трудиться или, напротив, причина, заставляющая их с безразличием относиться к результатам своего труда. Этот фактор действовал и во взаимоотношениях между самими рабочими, являясь важнейшим показателем разницы их имущественного и социального положения.

Представляется оправданной точка зрения, разделяемая рядом исследователей (и получившая подтверждение в исследованиях авторов данной работы), что в период дореволюционной индустриализации России среди всех возможных вознаграждений, которые получал рабочий от предпринимателя в качестве компенсации за труд, прямой заработок был основным, наиболее значительным и намного превосходящим все остальные стимулом к работе. Именно поэтому есть смысл посвятить отдельную главу этому направлению стимулирования труда рабочих.

В первой главе уже отмечалось, что хотя вопросы о размере заработной платы рабочих, а также и о других аспектах их жизни, имеющих отношение к мотивации труда, неоднократно рассматривались как дореволюционными исследователями, так и в советское время, чаще всего при этом использовались сводные данные. Между тем если мы хотим изучить в деталях систему оплаты труда на крупных предприятиях, рассмотреть конкретные механизмы действия трудовых стимулов, сводные данные дают недостаточную информацию, обобщая слишком большое число различных случаев и сглаживая тем самым все особенности, которые, однако, также представляют немалый интерес. Для полноценного исследования здесь необходимо описать, как работали системы мотивации труда на отдельных фабриках, детально рассмотреть в едином комплексе вариации оплаты труда множества отдельных рабочих разных профессий и уровней квалификации. Сводные данные о зарплате фабричных рабочих должны использоваться при этом для понимания

общих тенденций, общего контекста развития трудовых отношений на предприятиях российской промышленности в ходе микроисторического исследования. Таким образом, детальные и сводные данные не исключают, а дополняют друг друга в рамках используемого нами подхода.

Сосредоточившись главным образом на изучении фабрик Коншина, Ярославской Большой мануфактуры и привлекая материалы о Трехгорной мануфактуре, мы можем провести сравнительный анализ данных о заработной плате рабочих-текстильщиков, степени ее дифференциации; оценить, как могли они прожить на свою зарплату, насколько заметными были для рабочих изменения их заработка, связанные с ростом их квалификации, каковы были различия в оплате труда для разных половозрастных групп при разных формах оплаты труда и т. д.[1]

Использование сводных данных не дает возможности прояснить эти вопросы. Конечно, можно показать, как изменялась во времени средняя зарплата, например, рабочих Московской губернии на достаточно большом промежутке времени (именно такие данные предоставляют «Своды отчетов фабричных инспекторов»). Это в определенной степени характеризует положение всех рабочих рассматриваемой губернии и потому представляет интерес. Но, с другой стороны, что нам это может дать для понимания специфики положения рабочих различных отраслей промышленности, а внутри отрасли — различных профессий и уровней квалификации, в зависимости от пола и возраста рабочих, форм оплаты их труда на конкретных фабриках? Средняя зарплата рабочих целой губернии — это достаточно абстрактная величина, ее увеличение может быть вызвано как общим увеличением зарплаты всех рабочих, так и структурными изменениями в составе пролетариата, такими как, например, резкое сокращение низкооплачиваемого детского труда в результате законодательного запрета. Изменения средней зарплаты промышленных рабочих и были вызваны совокупным действием целого ряда факторов, и точно установить степень влияния каждого фактора невозможно.

Впрочем, начиная с 1890-х гг. различными авторами опубликовано довольно много фрагментарных, отрывочных данных об оплате труда рабочих в дореволюционной России. Как правило, эти сведения привлекались для иллюстрации авторской точки зрения о положении рабочих в той или иной местности или отрасли промышленности.

Одной из центральных проблем при изучении стимулирования промышленного труда (да и рабочей истории в целом) является также выяснение степени дифференциации оплаты труда. Достаточно важным представляется изучение следующих вопросов: насколько существенно различаются уровни оплаты труда рабочих различных профессий? Какова динамика этих различий? Насколько заметными являются различия в оплате труда рабочих внутри профессиональных групп? То, что ткачи в принципе всегда зарабатывали больше, чем прядильщики, а рабочие, обслуживавшие ситцепечатные машины — больше, чем красильщики, да еще при этом слесари на металлических заводах — больше, чем слесари на текстильных фабриках, вполне объяснимо и известно специалистам по рабочей истории. Но эти факты, как правило, либо просто констатировались, либо вообще оставались за пределами внимания исследователей, зачастую трактовавших рабочий класс как однородный социум с едиными интересами, взглядами и проблемами. Вследствие этого тема дифференциации оплаты труда рабочих еще недостаточно глубоко разработана, и нельзя пока ответить ни на вопрос о том, как изменилась разница в оплате труда ткачей и прядильщиков, например, с начала XX в. к 1913 г., ни на вопрос о том, насколько велика была эта разница, если сравнивать данные по России

с данными по другим странам в период их индустриального развития, и в чем причины этих различий.

Наконец, представляется весьма интересной и важной задача анализа динамики всех этих отношений, и именно в условиях ускоренного индустриального развития и связанных с этим социальных потрясений. Для России этим временем стал период конца XIX — начала XX вв., захвативший в том числе и время Первой русской революции, и период нарастающего рабочего движения.

ВИДЫ ОПЛАТЫ ТРУДА

Существуют различные виды оплаты труда. Основные из них — это повременная и сдельная. Повременная оплата бывала разной — от сезонной и даже годовой (такие случаи становятся чрезвычайно редкими к концу XIX в., почти даже не встречаются) к помесячной и поденной. Поденная оплата также бывала различной. Довольно много было рабочих, которые трудились в обычном режиме, каждый день приходя на фабрику, а расчет с ними велся на основании количества отработанных дней. Другой вариант — рабочие-поденщики, которые нанимались только на один день в случае, если в этот день их рабочие руки были нужны. Это рабочие самой низкой квалификации (например, грузчики).

Вопрос о сдельной оплате обсуждался в дореволюционное время достаточно остро. С одной стороны, сдельная оплата представляется способом достаточно справедливо оценивать усилия разных рабочих, выполняющих одинаковую работу. Есть ряд свидетельств того, что предприниматели использовали сдельные расценки оплаты труда везде, где их можно было применить[2]; кроме этого, как отмечал современник, и «рабочие относятся к ним часто вполне сочувственно»[3]. С другой стороны, очевидно, в определенной степени правильны и такие рассуждения: «При поденной плате рабочий старается работать в меру своих сил, он щадит себя, он бережет свое здоровье. При сдельной работе он поглощен одной мыслью, он горит одним желанием — заработать как можно больше. Отдых для него теряет цену, короткий рабочий день кажется ему стеснением»[4]. Сдельная работа не всегда была выгодна и администрации, даже если результаты работы можно было оценить количественно. Так, на текстильных фабриках старались не применять сдельную оплату труда при выработке особо тонких сортов ткани, когда спешка рабочего приводила к значительному риску порчи товара.

Иногда обращалось внимание и на то, что введением сдельных работ некоторые предприниматели пользовались для сокращения расценок[5]. Введение сдельной оплаты приводило к большей интенсивности труда рабочих, что позволяло предпринимателям со временем увеличивать нормативы и вместе с этим опускать уровень оплаты, выплачивая больше в целом, но меньше за тот объем произведенной работы, который прежде был нормой.

Существовала еще и такая форма сдельной оплаты, как оплата «за урок». Для этого назначался урок — норма выработки, и если рабочий перевыполнял норму, то ему платили за выполненный урок по договоренности и еще больше за работу, сделанную сверх плана. Если же урок не выполнялся, то рабочего штрафовали, и тем сильнее, чем больше был недовыполнен урок. Эта форма оплаты была мало распространенной. По результатам обследования фабрик Московской губернии, опубликованного И. М. Козьминых-Ланиным (в обследование вошли 883 заведения с 246 тыс. рабочих — 80 % от всех рабочих губернии), на 1 ноября 1908 г. работали сдельно 47,6 % рабочих, повременно — 46,6 %, урочно — лишь 0,5 %. Еще 5,4 %

рабочих получали оплату не единолично, а артельно: это была либо сдельная, либо поденная оплата[6]. Если же говорить о рабочих, занятых в обработке хлопка, льна, металла, то там доля сдельной оплаты доходила до 61 %[7].

Отдельно следует говорить о сверхурочных работах. Вопрос этот, скорее, связан с продолжительностью рабочего времени, потому что само появление сверхурочных работ было вызвано стремлением администраций фабрик и заводов заставить рабочих работать больше (относительно положенного по Правилам внутреннего распорядка, определяющим условия найма). Например, говоря о положении на Коломенском машиностроительном заводе в середине 1880-х гг., Е. М. Дементьев отмечал, что там «один из наиболее коротких — на бумаге — рабочих дней в $11^1/_2$ часов на самом деле сводится обычно к $14^1/_2$–$16^1/_2$ часа»[8].

Объем сверхурочных работ был упорядочен при вступлении в силу уже упоминавшегося закона 2 июня 1897 г. Сверхурочные подразделялись на обязательные и необязательные, причем к числу первых могли быть отнесены лишь такие работы, которые оказывались необходимыми по техническим условиям производства. Продолжительность необязательных сверхурочных работ не должна была превышать 120 часов в год на каждого отдельного рабочего. Вместе с тем иногда это трудно было контролировать. В «Записках рабочего», опубликованных в 1903 г. в журнале «Русское богатство» от имени рабочего-металлиста, как рядовая описывается ситуация на машиностроительном заводе, когда мастер задавал рабочему срочное задание, которое тот в принципе не мог сделать за нормированное время, и рабочему приходилось оставаться после окончания урочного дня еще на некоторое время и отдельно договариваться с мастером о повышении оплаты. «Быть может, меня спросят, — писал автор, — к чему вся эта процедура с мастером? Ведь за эти $1^1/_2$–2 часа *должны* заплатить как за сверхурочные работы. Да вот в том-то и дело, что *не должны*. За сверхурочное время платят только на поденных работах, а штучникам никакой платы не полагается»[9].

* * *

Рассмотрим теперь, как обстояло дело с оплатой труда на рассматриваемых нами предприятиях.

В зависимости от выполняемой работы рабочие *коншинских* фабрик получали сдельную или повременную плату; урочной же оплаты на предприятии не существовало. Повременная плата делилась на поденную и помесячную. Помесячная давалась рабочим высокой квалификации — мастерам, многим граверам, раклистам и т. д. Кроме них, из помесячных ставок платили людям, чья работа не была непосредственно связана с производством — сторожам, смотрителям казарм, чернорабочим по двору и т. п. Рабочие, имеющие помесячную ставку оплаты труда, тем не менее получали заработок из расчета отработанных дней, но помесячная оплата росла быстрее (см. ниже).

Как уже говорилось в главе II, сверхурочные работы у Коншиных в начале XX в. были не очень распространенным явлением и не затрагивали рабочих основных специальностей, к тому же в 1913 г. было принято решение об их резком сокращении. Оплата сверхурочных, разумеется, была повышенной: так, в 1900 г. при продолжительности рабочего дня в 11,5 часов за 8 часов сверхурочной работы платили как за целый день[10].

Что касается *Ярославской Большой мануфактуры*, то ее правление также использовало различные системы оплаты труда (временную, сдельную и смешан-

ную). Сдельная оплата труда как форма материального вознаграждения была широко распространена на ЯБМ, как и вообще в текстильной отрасли. В начале XX в. почти все рабочие таких специальностей, как ткачи, банкаброшники, ленточники, чесальщики, прядильщики и т. п., находились на сдельной системе оплаты. Некоторые рабочие этих основных ткацких специальностей имели смешанный заработок, представлявший собой сочетание повременной и сдельной оплаты. Зачастую он использовался как переходный этап от временной к сдельной системе оплаты. Дело в том, что переход на «сдельщину» нередко приводил к снижению заработка рабочих, особенно в первое время. Поэтому предприятие в течение нескольких месяцев могло доплачивать работнику или работнице разницу между сдельным заработком и прежним размером повременного жалования. Например, такая практика использовалась на ЯБМ в 1903 г. при оплате труда банкаброшниц на тонких банкаброшах (об этом свидетельствуют сохранившиеся расчетные ведомости)[11]. В течение 1908–1913 гг. на «сдельщину» были переведены и рабочие ряда других специальностей, что привело к изменению их заработка.

При сдельной оплате труда увеличение заработка рабочего было возможно за счет повышения производительности труда или в результате повышения расценок предпринимателем. Последнее происходило крайне редко и практически всегда в результате жесткого нажима со стороны рабочих.

Иначе обстояло дело с теми, кто находился на временно́й — поденной или месячной — ставке. Они имели больше шансов увеличить заработок (в индивидуальном порядке) за счет пересмотра руководством размеров этих ставок. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют судить о том, что месячная ставка была, видимо, предпочтительнее для рабочего в плане дальнейшей перспективы роста его зарплаты.

Отметим, что рабочие одной специальности, но работавшие в разных отделениях ЯБМ, могли иметь различный размер месячной ставки. Так, в 1908 г. паровщик отбельного отделения получал 20 руб. в месяц, а в ткацком отделении — 18 руб.; к 1913 г. ставка первого увеличилась на 50 коп., а у второго осталась прежней. В связи с этим перевод работника из одного отделения в другое нередко вызывал изменение размера заработка. Так, двое рабочих, переведенных на ту же специальность из отбельного отделения в ткацкое, потеряли каждый около двух рублей от своей прежней зарплаты. Исходя из имеющихся у нас архивных данных, не различался только заработок сторожей, работавших в разных отделениях фабрики и находившихся на месячной ставке (даже индексация ставок в 1913 г. у них произошла одновременно).

Месячная ставка не обязательно означала больший размер заработка. В расчетных ведомостях ЯБМ встречаются рабочие одинаковой специальности, у которых поденная ставка дает в итоге заработок больший, чем месячная. Так, в июне 1913 г. среди клеймильщиков товара один человек получал 10 руб. в месяц, другой 60 коп. в день (что при 25 днях составляет 15 руб. в месяц), третий — 50 копеек (что при 25 днях составляет 12 руб. 50 коп. в месяц)[12].

В большинстве случаев подобная ситуация наблюдалась, когда на месячную ставку брали квалифицированного «новичка». Начальный период его трудовой деятельности на ЯБМ, видимо, рассматривался как испытательный срок, с чем и был связан сравнительно небольшой размер ставки. Но при условии добросовестного труда и соблюдения Правил внутреннего распорядка такой работник имел больше возможностей повысить в перспективе размер своего заработка. Так, бра-

ковщик товара в ткацком отделении, находившийся на месячной ставке, получал в 1908 г. 37 руб., а в 1913 г. — уже 42 руб. (опередив по темпам роста заработка рабочих всех остальных специальностей, трудившихся в этом отделении)[13].

Получается, что перевод на месячную ставку в большинстве случаев являлся следствием более высокой квалификации работника, более добросовестного отношения рабочего к труду, большей заинтересованности в нем предпринимателя, стремившегося таким образом закрепить на предприятии ценного работника. Поэтому перевод рабочего на месячную ставку может рассматриваться как один из применявшихся на ЯБМ способов стимулирования труда.

ДИНАМИКА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Динамика оплаты труда рабочих разных специальностей

В таблицах 15 и 16 приводится динамика средней заработной платы взрослых рабочих различных профессий на коншинских фабриках (для всех профессий, кроме ватерщиц, показан только размер оплаты труда мужчин). Для большей сопоставимости данные были пересчитаны так, чтобы получилась не номинальная, а реальная зарплата, с учетом динамики индекса цен. При этом мы использовали индекс цен по Москве[14], в котором за базовый год принят 1913 г. (значение индекса в этом году — 100 %), так что реальная заработная плата в таблицах представлена в копейках 1913 г. в день. Динамика номинальных заработков рабочих этих и других специальностей приведена в прил. 6.

Таблица 15

Динамика средней реальной заработной платы взрослых рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина коп., 1913 г. в день. 1898–1913 гг.

Год	Рисовальная	Граверная	Белильная	Красильная	Слесари	Набойщики
1898	190,43	165,08	31,11	59,73	98,01	78,82
1899	226,11	168,35	34,91	74,15	112,22	64,47
1900	258,94	167,55	36,10	81,73	117,80	97,95
1901	184,27	146,87	70,16	67,66	116,19	101,91
1902	197,47	144,09		69,84		76,81
1903	235,07	159,67		69,70		89,06
1904	230,77	186,43		65,25		105,83
1905	244,28	174,52	69,93	70,58	139,35	113,92
1906	241,50	172,61	76,57	69,12	142,33	103,05
1907	238,43	183,91	83,93	74,47	146,71	99,76
1908	230,32	181,03	80,73	70,39	142,44	85,61
1909	227,22	181,79	83,49	78,13	145,26	99,27
1910	245,26	201,05	80,52	71,90	155,06	90,75
1911	254,04	210,09	83,77	83,32	155,50	86,35
1912	258,76	198,01	88,05	82,89	148,05	110,42
1913	274,08	196,87	78,24	74,97	144,90	123,54

Источник для расчетов: данные прил. 6.

Рисунок 5

Динамика реальной заработной платы в рисовальной, граверной, красильной и набойщиков ситценабивной фабрики Товарищества Н. Н. Коншина. 1898–1913 гг.

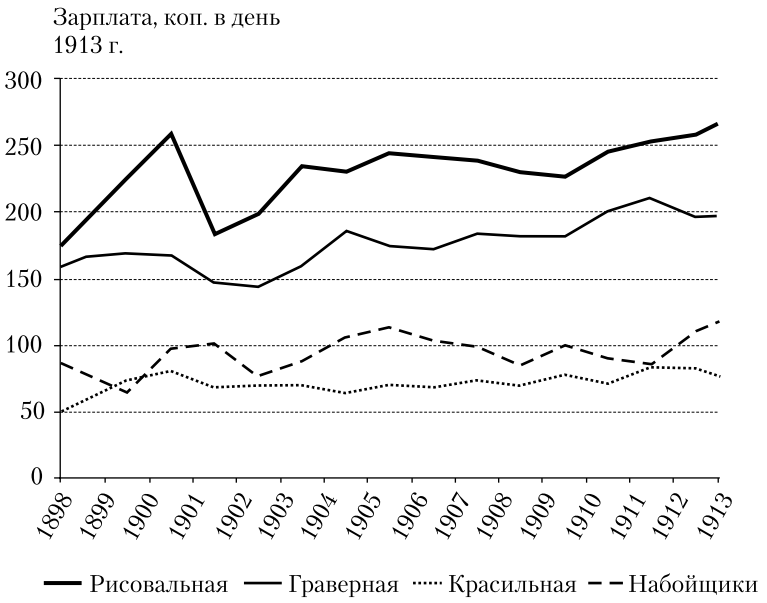


Таблица 16

Динамика средней реальной заработной платы взрослых рабочих прядильно-ткацкой (ПТФ) и Новой Ткацкой фабрик (НТФ) Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, коп. 1913 г. в день. 1901–1913 гг.

Год	Ткачи*		Прядильщ.	Присучальщики	Ватерщицы на парах	Банкаброшницы на ровных ПТФ
	ПТФ	НТФ				
1901	79,96	90,19	123,99	86,77		
1902	77,77	92,62	117,92	83,69		
1903	83,80	93,60	132,43	93,26	71,60	
1904	76,29	88,90	124,50	87,47	67,09	
1905	81,30	89,49	124,73	80,67	67,52	73,35
1906	85,16	92,95	128,55	101,75	71,43	78,42
1907	86,69	96,46	128,18	109,07	72,68	80,91
1908	81,30	90,72	125,36	112,47	70,25	78,09
1909	88,22	92,19	128,99	102,98	70,70	81,08
1910	86,16	95,64	137,71	105,89	74,69	82,92
1911	88,26	96,58	147,63	110,72	82,03	98,25
1912	83,20	97,08	147,83	99,95	79,05	92,72
1913	87,16	99,74	140,00	103,75	80,66	92,75

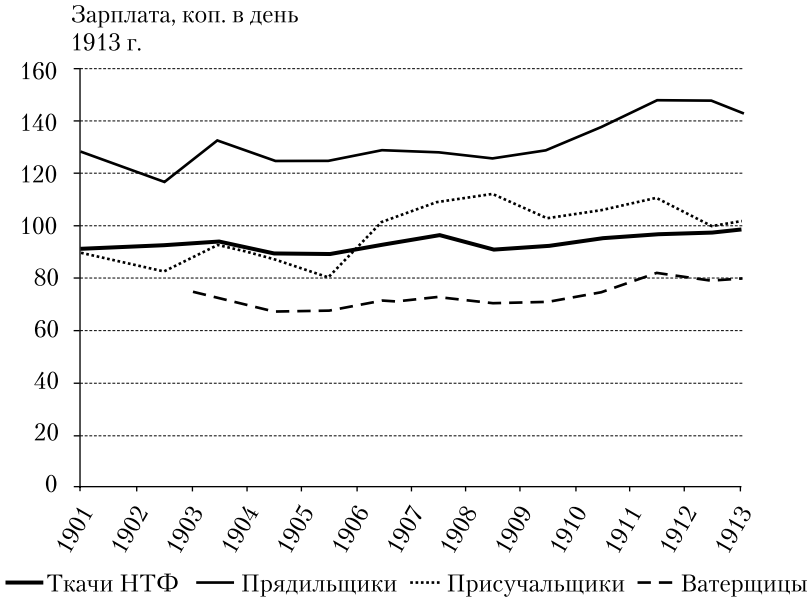
Источник для расчетов: данные прил. 6.

---

* Приводя эти данные, трудно удержаться от того, чтобы не упомянуть, что в работе, опубликованной в 1989 г., утверждается, что в XX в. на фабриках Коншина «даже квалифицированные ткачи получали не более 65 коп. в день». См.: *Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В.* Серпухов. С. 121.

Рисунок 6

Динамика реальной заработной платы ткачей, прядильщиков, присучальщиков и ватерщиц ткацких фабрик Товарищества Н. Н. Коншина. 1901–1913 гг.



Приведенные показатели, вообще говоря, не обнаруживают тенденции к регулярному ежегодному росту, но тем не менее общий тренд ясно показывает увеличение реальной зарплаты рабочих всех профессий. Можно отметить при этом, что при общем таком увеличении заработок высокооплачиваемых рабочих рос быстрее (меньше всего изменилась зарплата красильщиков и ватерщиц), т. е. разница в оплате труда увеличивается. Эта тенденция оставалась неизменной вплоть до Первой мировой войны, когда рабочим стали назначаться пособия по военному времени и регулярные повышения заработка в связи с возрастающей инфляцией. Если в начале войны назначались как пособия, исчисляемые в процентах от основного заработка (повышающие неравенство в оплате труда), так и единые для всех рабочих пособия (понижающие неравенство в оплате труда), то в 1917 г. несколько раз назначаются процентные прибавки в соответствии со шкалой, согласно которой низкооплачиваемые рабочие получили больший процент прибавки к заработку, чем высокооплачиваемые.

Следует сказать, однако, что уже и в 1914–1916 гг. правление постепенно утрачивало свободу в назначении ставок оплаты труда: вопрос этот частично переходил в ведение комитетов разных уровней, а после Февральской революции размеры изменения оплаты труда и вовсе прямо диктовались Советом фабрикантов и заводчиков, вырабатывавшим в контакте с Согласительной комиссией общее решение, обязательное для всех фабрик уезда (прил. 7).

Динамику ставок оплаты труда в годы Первой мировой войны на коншинских фабриках иллюстрируют данные табл. 17 и 18.

Если рассматривать все вместе, то к Пасхе (2 апреля ст. ст.) 1917 г. рабочие получили такую прибавку: «К основному расценку +19 %, кроме того военное пособие: мужчинам 44 коп., женщинам 34 коп., подросткам 30 коп. и всем без исключения 8 % военного пособия от основного жалованья». Кроме того, к Пасхе 1917 г.

Таблица 17

Прибавки к ставкам оплаты труда рабочих всех фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, сделанные с Пасхи 1915 г. по Пасху 1917 г.

С какого времени	Временное по случаю войны пособие						Прибавка к основному жалованью	
	Сдельным и поденным			Месячным			Сдел. и поден.	Слесарям
	Муж.	Жен.	Подр.	Муж.	Жен.	Подр.		
С 1.4.15 г.							8 %	10 %
С 1.6.15 г.	6 коп.	4 коп.	4 коп.	1 р. 50к.	1 руб.	1 руб.		10 %
С 2.10.15 г.	12 коп.	8 коп.	8 коп.	3 руб.	2 руб.	2 руб.		10 %
С 15.12.15 г.	20 коп.	14 коп.	14 коп.	5 руб.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.		
С 1.4.16 г.							8–12 %	10–15 %
С 1.6.16 г.	30 коп.	22 коп.	22 коп.	7 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р. 50 к.		
С 15.7.16 г.	38 коп.	28 коп.	26 коп.	9 р. 50 к.	7 руб.	6 р. 50 к.		15–20 %
С 1.10.16 г.	44 коп.	34 коп.	30 коп.	11 руб.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.		
С 1.12.16 г.	8 %	8 %	8 %	8 %	8 %	8 %		7 %
27.3.17 г.	Всем со стажем не менее одного года единовременно поденным и сдельным — 50-дневный заработок, помесячным — двухмесячный. Тем, кто проработал менее года — соответственно сроку службы. Кроме того, всем рабочим слесарной мастерской за год с Пасхи 1916 г. по Пасху 1917 г. единовременное пособие: мужчинам — 93 рубля, женщинам — 38 рублей.							
С 1.4.17 г.	8 %-ное военное пособие вносится в основное жалованье, так что все рабочие получают прибавку по шкале: 50–100 %[15]							
Всего с Пасхи 1917 г. (2.4.1917 г.)	44 коп.	34 коп.	30 коп.	11 руб.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	88–148 %	195–250 %
С 29.4.17 г.	Всем +30 % к основному заработку и «для удержания заработка в прежнем размере при переходе на 8-часовой рабочий день, к сдельным расценкам прибавить 10 % работавшим прежде 9 часов, 15 % — 9,5 часов, 20 % — 10 часов»							
С 12.5.17	Также по шкале: 50–100 %							

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 283. Л. 1 об., 3; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 932, Л. 6, 11, 14, 25, 27, 33, 47, 58–60, 62.

Таблица 18

Избранные уровни зарплаты из шкалы, в соответствии с которой назначалась прибавка заработка с Пасхи 1917 г. на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина[16]

Прежний заработок, копеек в день	Процент прибавки	Новый заработок, копеек в день
40–100	100	80–200
140	90	266
180	80	324
200	75	350
220	70	374
260	60	416
300–400	50	450–600

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 283. Л. 4.

было выдано единовременное пособие — двухмесячный основной заработок, и состоялось соглашение со сдельными рабочими о компенсации при переходе на 8-часовой рабочий день: работавшим ранее 9 часов — прибавки 10 %, работавшим 10 часов — 20 %[17].

Если рассматривать наиболее высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих, то с Пасхи 1917 г. разница между их ставками оплаты сократилась существенно. Так, рабочие, зарабатывавшие до этой индексации заработка 1 руб. в день и 4 руб. в день, после нее стали соответственно получать 2 и 6 руб. — разница сократилась с четырехкратной до трехкратной.

В отличие от коншинских фабрик, на ЯБМ в период Первой мировой войны прибавки делались без различия пола и возраста работника.

Таблица 19

Прибавки к ставкам оплаты труда рабочих Ярославской Большой мануфактуры, сделанные с начала 1915 г. по июнь 1917 г.

С какого времени	Кому	В каком размере
До марта 1915 г.	всем рабочим	10 %
С 01.04.1915	всем рабочим	10 %
С 01.09.1915	всем рабочим	15 %
С 01.11.1915	всем рабочим	5 коп./день
С 01.04.1916	мужчинам	20 коп./день
	женщинам, подросткам и малолетним	15 коп./день
С 01.06.1916	всем рабочим	10 коп./день
С 01.01.1917	всем рабочим	10 коп./день
С 01.02.1917	всем рабочим	10 коп./день
С мая 1917	рабочим механического цеха	75 %
С мая 1917 г. (как компенсация при переходе на 8-часовой рабочий день)	всем рабочим, находившимся на сдельной оплате	17 %
С 01.07.1917 в связи с «переходом харчевой лавки с цен дешевых на более дорогие, городские»	всем, кроме рабочих механического цеха	210 %
	рабочим механического цеха	135 %

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 187, 188, 194; Д. 63. Л. 106, 118–119, 160; Д. 64. Л. 27, 29, 59, 77; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 107.

Кроме этого, по подсчетам фабричной конторы, на октябрь 1915 г. «цены на предметы первой необходимости в фабричном лабазе» составляли «прибавку около восьми процентов»[18]. Выравнивание же этих цен с городскими с июля 1917 г. сопровождалось, как видим из таблицы, существенным увеличением заработка. Из таблицы следует, что до ноября 1915 г. делались одинаковые для всех процентные прибавки к основному расценку, что увеличивало абсолютную разницу в оплате труда рабочих разной квалификации. В этот период в фабричную администрацию неоднократно поступали просьбы о том, чтобы эти прибавки составляли для всех одинаковую сумму, а не процент. И в ноябре 1915 г. — июне 1917 г. все рабочие ЯБМ, независимо от пола, возраста и выполняемой работы, получали одинаковые суммы надбавок (всего за этот период — 1 руб. в день на каждого), что сокращало относительную разницу в оплате труда[19]. Это подтверждается и сведениями фа-

бричной конторы, дающими представление, помимо прочего, о размере заработка рабочих всех профессий ЯБМ на июнь 1914 г. и июнь 1916 г. (прил. 8). Эти данные позволяют увидеть, что разрыв в размере заработка высоко- и низкооплачиваемых рабочих за годы Первой мировой войны сократился.

В исследованиях различных авторов, кстати, и раньше отмечалось, что во время сильной инфляции военных лет менее увеличивался заработок высокооплачиваемых рабочих, потому что низкооплачиваемые и без того находились на грани прожиточного минимума, и возможностей для снижения их реальной зарплаты было меньше[20]. Заметим, что и во время забастовки в 1905 г. правление Товарищества Коншина тоже пересматривало расценки, причем «с целью достижения большей равномерности в заработной плате», т. е. против дифференциации, в поддержку более бедных (прил. 9).

Повторим, что при расчете реальной оплаты труда серпуховских рабочих приходится использовать московский индекс цен. Скорее всего, эта операция достаточно корректна, но было бы интересно сопоставить номинальные заработки рабочих коншинских фабрик с ценами, по которым им же приходилось покупать товары. Всестороннее исследование этой проблемы затруднено тем, что кроме самих цен при выводе индекса необходимо правильно представлять себе общую структуру расходов рабочих на разные товары. Тем не менее архивные сведения позволяют привести динамику цен в харчевых лавках при фабриках Коншина и соотнести ее с использованным нами индексом Кохна (прил. 27). При некоторой рассогласованности динамик в целом все же можно говорить о том, что московский индекс цен изменялся почти так же, как и цены на отдельные товары в харчевых лавках Коншина (подробнее об этом см. главу VI данной книги).

Кроме этого, общее удорожание продуктов за 1905–1908 гг. было соотнесено с заработком ткачей, охарактеризованным в очерке 1909 г. о положении рабочих коншинских ткацких фабрик, подготовленном администрацией этих фабрик:

«Не имея данных о том, какое количество каждого продукта потребляют рабочие, трудно судить, уравновешивалось ли вздорожание продуктов повышением заработка. Этот вопрос, однако, несколько освещается следующим: харчевое довольствие больничной прислуги обходилось в 1907 г. в 17 коп. в день, а в 1908 г. — в $22^{1}/_{2}$ коп., т. е. на 5 коп. дороже; качество пищи оставалось то же, и, следовательно, разница в 5 коп. должна быть всецело отнесена на вздорожание продуктов (получаемых из той же харчевой лавки рабочих). Если предположить, что харчи рабочих такие же, как и больничной прислуги, и сопоставить приведенные данные с заработком ткачей, придем к следующему выводу.

Отношение денного заработка ткача в 1907 г. к его же заработку в 1908 г. равняется 100 к 111, стоимость же харчей за тот же период изменялась как 100 к 120. Таким образом, вздорожание продуктов идет быстрее роста заработка. Абсолютно же повышению стоимости харчей на 5 коп. в день соответствовало возрастание заработка ткача в 8,68 коп. в день»[21].

Интересно сравнить данные по зарплате некоторых категорий коншинских рабочих со сходными материалами по другим предприятиям. Обобщающие данные представлены в таблицах И. М. Козьминых-Ланина, который собрал информацию о зарплате рабочих различных профессиональных категорий в Московской губернии (без Москвы) в ноябре 1908 г. Всего в первой группе производств «Обработка хлопка» им было учтено 116 520 рабочих. Результаты сравнения приведены в табл. 20.

Таблица 20

Сравнение среднего поденного заработка (в копейках) рабочих некоторых специальностей на фабриках Коншина (за январь 1909 г.) и фабриках Московской губернии (за ноябрь 1908 г.)

Специальность	Московская губерния	Фабрики Коншина
Ткачи	73,1	На прядильно-ткацкой фабрике — 82,0 коп., на Новой ткацкой — 91,2
Прядильщики	110,8	127,5
Присучальщики	В прядильном производстве — 82,1; в ткацком — 64,6	101,5
Ватерщицы	60,9	71,5
Граверы	185,8	178,1

Источник: *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. Табл. 1–2; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 40. Зарплаты граверов даны на основании расчетных книг за 1908/09 г. (рабочий месяц принят за 23 дня): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 236.

Таким образом, мы видим, что практически по всем специальностям заработки у Коншина превышали средние по губернии на 15–20 %. Если говорить о граверах, то это, скорее всего, тоже так: мы учитывали всех вообще рабочих граверного отделения, а среди них были не только граверы, но и вспомогательные рабочие. Если задать условия более жестко, скажем, включать сюда только большинство — получающих помесячную ставку оплаты труда, а не поденную — и к тому же не включать тех учеников, которые зарабатывали меньше 10 руб. в месяц, то результат будет другим — в среднем 204,7 копейки. Представляется, что повышенные заработки коншинских рабочих не случайны — крупная фабрика в принципе могла себе позволить платить рабочим больше.

С другой стороны, интересно сравнить заработки коншинских рабочих с материалами, которые опубликовала М. К. Рожкова для Прохоровской Трехгорной мануфактуры[22]. При этом сравнении (см. табл. 21) многие исходные условия представляются одинаковыми: как для Трехгорки, так и для фабрик Коншина исследуются средние показатели оплаты труда рабочих одних и тех же профессий в одно и то же время на вполне сравнимых по объему производства текстильных предприятиях Московской губернии, разве что одно находится непосредственно в Москве, а другое — в Серпухове, в окружении деревень, из которых на фабрику во множестве приходят работники невысокой квалификации. К сожалению, однако, мы и здесь не можем быть абсолютно уверенными в одинаковой методике расчетов самих этих средних показателей. Кроме того, исключительно низкий показатель для отбельного отделения фабрики Коншина (а за 1899–1901 гг. в расчетных книгах приведены цифры примерно того же порядка) представляется по неизвестной причине заниженным по отношению к тому, который имел место на практике[23].

Во-первых, по данным табл. 21 можно отметить существенное превышение заработков в Москве по сравнению с заработками в Серпухове, вызванное, скорее всего, разницей в уровне розничных цен в столице и уезде. Бросается в глаза и то, что если разница в оплате труда неквалифицированных рабочих на приведенных фабриках еще не так велика, то стоимость труда слесарей (рабочих одной из наиболее высокооплачиваемых категорий на текстильной фабрике) различается очень сильно. Единственное объяснение этому — большие проблемы с набором слесарей в Москве, где такие работники чаще шли на лучше оплачиваемые места на металлических заводах. Наконец, интересно отметить, что если на Трехгорной мануфак-

туре реальная зарплата растет постепенно в течение всего периода, то у Коншиных она почти выходит на уровень 1913 г. уже к 1905 г. и далее растет незначительно.

Таблица 21

Ставки реальной заработной платы (в рублях 1913 г. в месяц) различных категорий рабочих-мужчин на Трехгорной мануфактуре и ситценабивной фабрике Товарищества Коншина (при расчете для фабрики Коншина использован московский индекс цен и принято 24 рабочих дня в месяц). 1898–1913 гг.

Год	Трехгорная мануфактура					
	Белильная		Красильная		Слесарная	
	руб.	% к 1913 г.	руб.	% к 1913 г.	руб.	% к 1913 г.
1898	16,23	78,98	15,33	60,52	40,18	65,44
1905	18,65	90,75	19,72	77,85	48,49	78,97
1908	17,57	85,50	18,94	74,77	47,88	77,98
1913	20,55	100,00	25,33	100,00	61,40	100,00
Год	Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина					
	Белильная		Красильная		Слесарная	
	руб.	% к 1913 г.	руб.	% к 1913 г.	руб.	% к 1913 г.
1898	7,47	39,78	14,33	79,70	23,52	67,63
1905	16,78	89,06	16,94	94,14	33,44	96,16
1908	19,38	103,17	16,89	93,91	34,19	98,29
1913	18,78	100,00	17,99	100,00	34,78	100,00

Источник: *Рожкова М. К.* Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892–1913 гг. С. 334, 339; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 927. Л. 1–3; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1357.

Анализ индивидуальных данных расчетных книг

Уже проведенный выше анализ, выполненный на более или менее детальном уровне, показывает большую разницу, которая существовала в оплате труда различных рабочих и абсолютно не может быть учтена и тем более хорошо объяснена при анализе сводных усредненных данных по целой отрасли производства. Однако для более полного понимания функционирования механизмов оплаты труда представляется исключительно полезным «спуститься» на низшую ступень микроанализа и рассмотреть динамику ставок заработной платы отдельных рабочих. Детальность и систематичность архивных материалов, выявленных для коншинских фабрик, представляет большой интерес для исследователей оплаты труда рабочих в рассматриваемый период.

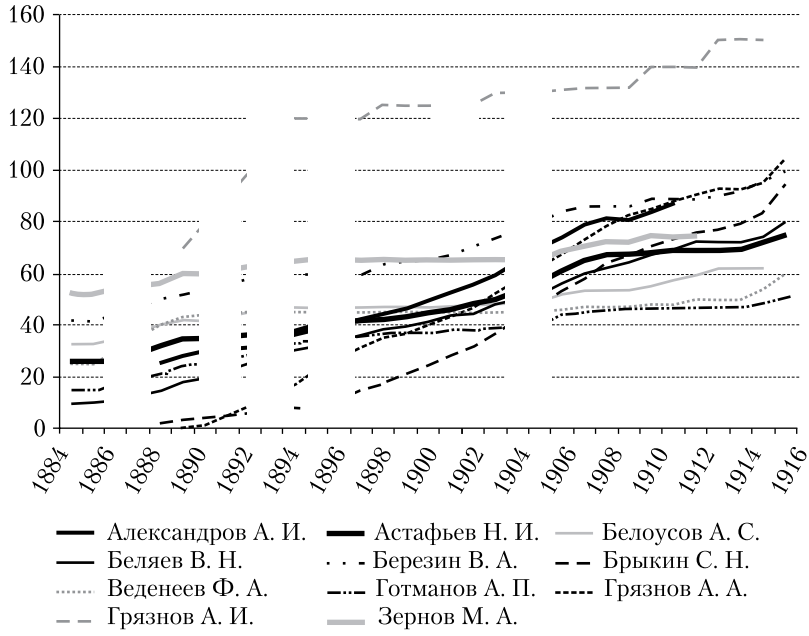
На первых этапах данной работы был проведен микроанализ сведений по оплате труда рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики. Для этого была составлена база данных, в которой записаны ставки оплаты труда (как поденные, так и помесячные; сдельной оплаты в граверной не было) всех без исключения рабочих на протяжении периода 1882–1916 гг. Для нескольких годов, правда, расчетных книг получить не удалось, и поэтому мы не смогли учесть таких рабочих, которые нанимались и увольнялись именно в рассматриваемые годы. Этот факт, впрочем, не представляется принципиально важным, так как их число не может

быть большим (если мы возьмем другие несколько лет, по которым мы имеем сведения, и оценим число рабочих, которые не попали бы в нашу базу данных, если бы отсутствовали книги именно за эти годы, то мы увидим, что таких рабочих буквально единицы). В прил. 10 представлена получившаяся таблица записей ставок оплаты труда по рабочим граверной. Таблица представляется довольно показательной, потому что многие рабочие работали на фабрике подолгу — не менее чем по пять лет (это более 75 % всех рабочих, учтенных в базе данных — по крайней мере 289 записей из 381).

Сразу стоит отметить весьма интересный факт: заработная плата отдельных рабочих (как граверов высокой квалификации, так и низкоквалифицированных рабочих) практически никогда, даже в периоды кризиса отрасли, не уменьшалась (рис. 7). Здесь мы выходим на один из интересных вопросов, изучаемых в последние десятилетия зарубежными специалистами по истории трудовых отношений на стадии индустриализации: какой стратегии относительно рабочей силы придерживались фирмы в кризисные периоды? Обычно отмечают, что в такие периоды фирмы (даже в ущерб своим финансовым интересам) стремятся не снижать зарплату квалифицированным рабочим, чтобы удержать их, не допустить их перехода на другие предприятия, готовые платить квалифицированным рабочим «докризисную» зарплату. Подобная закономерность выявляется и на материалах по фабрике Коншина. Тот факт, что не уменьшалась зарплата и рабочих с низкой квалификацией, отражает специфику граверного отделения. Имеющиеся данные подтверждают тезис о том, что в течение рассматриваемого нами периода фабриканты в годы экономического спада скорее шли на сокращение рабочих мест, чем на уменьшение заработной платы рабочих (это относится в большей мере к квалифицированному труду).

Рисунок 7

Траектории индивидуальных заработков рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1884–1916 гг. (приведены помесячные ставки оплаты труда в руб.)



В отношении изменения заработной платы рабочих граверного отделения данные таблицы прил. 10 позволяют сделать следующие выводы. Прибавка заработной платы, как правило, касалась молодых рабочих (20–35 лет), которым к их ставке ежегодно добавлялось по 2–4 рубля в месяц. Периодически (но не каждый год) увеличивался на меньшую сумму (обычно 1, редко 2 рубля) заработок немногочисленных рабочих самого высокого уровня (зарплата от 90 рублей и выше). Зарплата же рабочих, получавших поденную оплату, индексировалась не так часто (во всяком случае до войны и связанной с ней инфляции), зато такая индексация затрагивала сразу широкий круг рабочих. Увеличение зарплаты рабочих-граверов старшего возраста (45 лет и выше) и среднего (для этой группы) уровня оплаты труда (40–70 рублей в месяц) происходило реже — один раз за 3–5 лет.

Квалифицированные рабочие чаще всего имели определенную месячную ставку оплаты труда: в расчетных книгах ставка так и записывалась — 20 руб. в месяц, 50 руб. в месяц и т. п. В начале списка в расчетных книгах фабрики Коншина по каждой специальности всегда записаны самые высокооплачиваемые рабочие, мастера, и у них всегда указана помесячная ставка оплаты*. В граверной же большинство рабочих работали на помесячной оплате. В отличие от этого, были рабочие, которым была определена поденная ставка оплаты труда — 50 коп. в день, 75 коп. в день и т. п. Интересно, что такое определение ставки при прочих равных не влияло на величину заработка — даже если рабочему была установлена месячная ставка, его реальный заработок исчислялся из количества отработанных дней, и если рабочий по болезни пропускал половину рабочих дней, ему выплачивалась лишь половина ставки, и даже за пропущенные полдня из заработка вычиталась соответствующая сумма. При том что эти рабочие, имевшие поденную ставку оплаты, не были рабочими-поденщиками, а с ними заключался точно такой же контракт, как и с помесячными рабочими, отмеченное различие в ставках оплаты, казалось бы, не должно было быть принципиальным. Однако какое-то существенное различие определенно было. Например, в граверном отделении мы находим несколько таких индивидуальных динамик заработной платы, когда рабочим сначала из года в год повышалась поденная ставка оплаты труда, затем они переводились на помесячную ставку, и далее продолжалось уже увеличение помесячных ставок. При этом в момент изменения рабочий в некоторых случаях терял в заработке, и только через полгода-год его месячная ставка начинала превышать ту сумму, которую он получал ранее при поденной ставке. Вообще, хотя самые высокооплачиваемые рабочие работали по месячной ставке, неправильно было бы говорить, что помесячная ставка обязательно связана с бóльшим заработком: одновременно встречаются рабочие, получающие 15 руб. в месяц (что при 24 днях составляет чуть более 60 коп. в день) и 95 коп., 1 руб. и более в день. Тем не менее, похоже, первые «ценились» больше, и у них были значительно более оптимистичные перспективы повышения ставки.

Здесь можно отметить еще и то, что подростки, записанные учениками в граверном отделении, с самого начала получали пусть очень маленькую (на первом году обучения — всего 1 руб. 25 коп. в месяц), но помесячную ставку; к концу обучения, став квалифицированными рабочими, они выходили на ставку 15–20 руб.

---

* Данный порядок был введен в начале 1880-х гг.: в расчетной книге за 1882/83 год всем рабочим без исключений была записана поденная ставка оплаты; книги за следующий год получить не удалось, а с 1884 г. и дальше основной неизменно является помесячная ставка.

в месяц и потом с каждым годом увеличивали ее. Но для рабочих граверного отделения вопрос повышения квалификации был связан не только с тем, что рабочий проходил предварительное обучение как ученик, но и с увеличением опыта работы. Для наименее оплачиваемых, наверно, это был и вопрос качества работы — только этим можно объяснить то, что одни рабочие (чаще молодые) испытывали перевод на качественно новый, помесячный уровень оплаты труда, а другие оставались на прежней, поденной ставке и почти не имели перспектив заметного повышения заработка в следующие годы. Здесь определенно следует говорить о переводе на помесячную ставку и появлении реальных перспектив к повышению заработков как о стимулировании предпринимателем повышения квалификации труда и трудовой дисциплины рабочих.

Ученики, подростки до 16 лет, составляли значительное число вновь поступающих в граверную рабочих. В 1910-х гг. ученики в абсолютном большинстве были детьми работающих или работавших тут же граверов и рабочих других цехов. В одном случае (прил. 10) представлена большая семья рабочих граверного цеха (Грязновы), глава которой, Алексей Иванович Грязнов — наиболее высокооплачиваемый мастер на всем рассматриваемом временном интервале (от 70 рублей в месяц в 1889 г. до 150 — в 1915 г.), а его восемь сыновей поступили на работу в тот же самый цех, начиная учениками.

Работа граверов являлась одной из самых высокооплачиваемых по фабрике, поэтому они редко увольнялись и, насколько можно проследить по данным расчетных книг, не уходили на сезонные работы в деревню. Многие из граверов — мещанского, а не крестьянского сословия, в отличие от рабочих менее высокой квалификации.

Как уже отмечалось, расчетные книги ситценабивной фабрики Коншина изучались М. И. Гильбертом (наряду с расчетными книгами, книгами найма и платежными ведомостями еще нескольких фабрик). Однако его работа была направлена на анализ движения заработков рабочих в более раннем периоде — в 1860–1890-е гг. Этот анализ был затруднен рядом обстоятельств. Так, за 1861–1869 гг. ни одной расчетной книги по фабрике Коншина не сохранилось; производственная структура предприятия в пореформенное время существенно изменялась, поэтому сопоставление однородных профессиональных групп рабочих оказалось проблематичным.

Общий вывод, сделанный Гильбертом для первого пореформенного десятилетия на основании изучения заработков нескольких рабочих красильного и граверного отделений, таков: «Мы установили, что с 1860 по 1870 г. средняя номинальная оплата рабочих фабрики Коншина, выполнявших и в начале, и в конце указанного периода примерно одинаковую работу, повысилась на 9 %. А стоимость жизни за те же 10 лет увеличилась на 14 %»[24]. При исчислении обоих показателей, правда, автором были сделаны довольно серьезные допущения. Во-первых, это касается определения стоимости харчевого довольствия, которое необходимо было провести для того, чтобы корректно оценить разницу между заработком рабочих в 1860 г. при положении «на хозяйских харчах» и в 1870 г. — «на своих харчах». Оценка «хозяйских харчей» была взята Гильбертом из оценок, приведенных Е. М. Дементьевым для рабочих Московской губернии. Совершенно не известно, тем не менее, насколько корректно применять сводную оценку Дементьева для конкретной фабрики, и проверить это, кажется, невозможно. К тому же оценка Дементьева относится к середине 1880-х гг., и она могла существенно отличаться от полученной за 10 и тем более 20 лет до того. Во-вторых, при расчете роста цен Гильберт почему-то использовал индекс розничных цен даже не по Москве, а по Петербургу. Хотя

эта операция представляется более корректной, чем плохо обоснованная оценка стоимости харчевого довольствия, она тоже может исказить конечный результат как в ту, так и в другую сторону.

Имея индивидуальные данные для более позднего периода, мы можем сделать подсчеты изменения заработной платы конкретных рабочих. Получается, что индивидуально для рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики Коншина, даже если мы исключим тех, кто были в начале срока учениками и чья зарплата за 10 лет поэтому выросла в 4, в 6, иногда и в 12 раз, в среднем ставки оплаты труда поднялись с 1890 по 1900 г. на 87 % (учтено 60 человек), а с 1900 по 1910 г. — почти в два с половиной раза, на 146 % (учтено 92 человека). Московский индекс цен же за период 1890–1900 гг. даже упал на 2,4 %, а за 1900–1910 гг. увеличился лишь на 19,3 %. Можно сделать и более приближенное к реальным ценам сравнение. За период 1901–1905 гг. ставка зарплаты у граверов ситценабивной фабрики выросла в среднем на 36 % (учтено 105 человек), а цены в лавке при этой фабрике изменились так: на ржаную муку — выросли на 34 %, на кислый ржаной хлеб — 26 %, на гречневую крупу — 3 %, цены на мясо, рыбу и масло остались прежними, на овес — упали на 9 %[25].

Вопрос о том, насколько изменяются темпы роста заработной платы во времени, особенно если сравнивать годы кризиса и период подъема, также достаточно интересен. Исследователи редко обращались к этой задаче, потому что рассмотреть ее возможно только на самых подробных данных — изменения усредненных значений показателей могут быть вызваны слишком большим набором причин. Однако состояние заработной платы в кризисные годы знали современники, например, фабричные инспектора или статистики. Так, Е. М. Дементьев писал о кризисе 1883–1885 гг.: «На крупных мануфактурах кризис отразился преимущественно в сокращении работы с безостановочной посменной, день и ночь, на одну денную, т. е. выразился уменьшением числа рабочих, но не уменьшением зарплаты на фабриках»[26]. Наши данные тоже не показывают серьезных изменений в динамике заработка отдельных рабочих в какие-либо периоды вплоть до 1914 г., за исключением только 1905–1907 гг.

То, что революционные события 1905–1907 гг. оказали существенное влияние как на повышение заработка, так и на улучшение условий жизни рабочих, отмечалось большинством исследователей. Это четко прослеживается и по нашим материалам (прил. 10). Для большинства рабочих, по заработку которых составлены индивидуальные динамические ряды, 1905–1907 гг. являются годами заметного увеличения ставок. Особенно это заметно для рабочих невысокой квалификации, зарплата которых в другие годы росла медленнее. Так, из всех рассмотренных нами индивидуальных динамик наихудшими были показатели заработка женщин — работниц красильного отделения. В 1890-х гг. и в самом начале века красильщицы чаще всего поступали на фабрику на крайне низкую ставку (35–38 копеек в день), затем за год-два эта ставка поднималась до 40–45 копеек в день и далее почти у всех оставалась неизменной на протяжении длительного ряда лет. Только в 1905 г. *всем* красильщицам были подняты ставки заработной платы (на 3–5 копеек в день), и с этого момента ставки их зарплаты то и дело повышаются.

Эти прибавки, особенно сделанные в 1905–1907 гг., были довольно значительными. Так, на красильно-отделочной фабрике с августа 1906 г. была сделана прибавка всем мужчинам по 5 коп., женщинам и мальчикам — по 4 коп. Всего это составило 5,98 % от общей суммы заработка. При этом на заседании правления было решено ввести с Пасхи 1907 г. прибавку не менее такой же величины — всего на

7 800 рублей в месяц[27]. На прядильно-ткацкой фабрике начиная с Пасхи 1907 г. тоже была введена прибавка к заработку всем рабочим в размере 4–12 % (в среднем 7,21 %), на общую сумму 79 410 рублей в год[28].

В заключение проведенного микроанализа заработков рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики отметим, что на всем рассматриваемом периоде среди объявлений Правления коншинских фабрик насчет изменения расценок ни разу не удалось обнаружить случаи уменьшения сдельных расценок или увеличения норм. В одном из исследований говорится, что летом 1901 г. на ситценабивной фабрике Коншина «расценки были понижены сразу на 25–30 %», что якобы послужило причиной забастовки[29]. Однако после изучения как протоколов заседаний правления, так и — особенно — расчетных книг, которые сохранились именно по ситценабивной фабрике, становится ясно, что эти сведения не соответствуют действительности (что, опять же, можно видеть и по материалам прил. 10). Это не означает, что уменьшения расценок вообще не бывало, но оно, во всяком случае, не было правилом. Напротив, например, в письме, отправленном фабричным инспектором Серпуховского участка фабричному инспектору Московской губернии по поводу жалобы ткачей, о порядках изменения ставок оплаты труда говорится: «Никто из рабочих не переставляется с высшей работы на низшую без предупреждения о том за 2 недели (срок найма неопределен), бывает это лишь в тех случаях, если ткач не в силах справиться с более сложной работой» (прил. 11).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА

Разница в оплате труда рабочих разных специальностей

Как отмечено выше, вопрос о дифференциации оплаты труда рабочих дореволюционной промышленности оставался в советской историографии в тени. Между тем для современников было очевидно, что существуют не просто разные уровни зарплаты рабочих разной квалификации, но среди рабочих есть «привилегированные» профессии, и существуют вызванные этим трения, конфликтные отношения между рабочими. Так, например, в газете «Фабричная жизнь», в одной из корреспонденций с Трехгорной мануфактуры, написано: «В белошвейной мастерской... работницы еще между собой не дружно живут — те, что долго работают, гордятся перед малоработающими и даже не хотят разговаривать с ними»[30]. В заметках рабочего машиностроительной отрасли отмечено: «На всяком заводе имеются одна или несколько групп... если хотите, интеллигентных рабочих, для которых вовсе не секрет ненормальность их социального положения*. Но и у них есть своя “ахиллесова пята”, это гордость своею специальностью, “рабочая честь”. Хороший работник, привыкший исполнять ответственную работу, с великой скорбью соглашается стать на худшую, простую работу, даже если она будет оплачиваться так же хорошо, как и ответственная, а тем менее еще согласится взять на себя обязанность чернорабочего»[31].

Данные о зарплате могут рассматриваться как один из измерителей социальной неоднородности рабочих-текстильщиков, связанной с профессиональными, квалификационными, культурными и прочими различиями между слоями рабочих. Эту стратификацию сводят обычно к делению на три группы: квалифициро-

* То есть что приниженное положение рабочих не соответствует ни их усилиям, ни общественной важности их работы.

ванные, полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие. Есть и другие подходы к выделению квалификационных градаций рабочих. Так, Н. А. Иванова, отмечая, что величина заработной платы рабочего определялась в первую очередь профессионально-квалификационным уровнем рабочих, приводит следующие данные о зарплате и квалификации рабочих хлопкообрабатывающих предприятий Центрального промышленного района. Во всех губерниях ЦПР с развитой хлопчатобумажной промышленностью доля низкооплачиваемых рабочих, получавших до 50 коп. в день, составляла 15–17 %. От 50 коп. до 1 руб. в день получали 60–70 % текстильщиков. Таким образом, в сумме порядка 80 % рабочих отнесены Н. А. Ивановой к категории неквалифицированных и малоквалифицированных. Еще 15–20 % получали от 1 до 2 руб. в день, т. е. были рабочими средней квалификации, и лишь примерно 2 % зарабатывали свыше 2 руб. в день, т. е. имели высокую квалификацию (возможно, были мастерами)[32].

Представляет интерес социально-квалификационная характеристика рабочих-текстильщиков основных цехов Трехгорной мануфактуры в 1905/06 г., данная М. К. Рожковой в ее работе, предваряющей публикацию сборника автобиографических материалов рабочих Трехгорки[33]:

1) прядильщики — рабочие небольшой квалификации, но не совсем чернорабочие;

2) ткачи — рабочие средней квалификации (чтобы стать ткачом, нужно было учиться не меньше месяца для того, чтобы уметь работать на одном станке; через полгода примерно ткач с одного станка мог переходить на два и становиться ткачом с полным заработком);

3) рабочие механического отделения, обычно квалифицированные: слесари, токари и т. д.;

4) граверы медных валов ситцепечатной машины — рабочие высокой квалификации; срок их обучения — года три или четыре;

5) резчики-граверы ручных манер, тоже высокой квалификации;

6) набойщики — рабочие на ручных набивных столах, квалифицированные, но в силу вытеснения ручного производства машинным, — с пониженным заработком;

7) раклисты — рабочие, которые управляют ситцепечатной машиной, по своей квалификации равны граверам (срок их обучения также продолжительный);

8) рабочие ситценабивной, отделочной фабрики — совсем неквалифицированный разряд рабочих, их работа не требовала никакого обучения[34].

Анализ данных по Трехгорной мануфактуре, собранных М. К. Рожковой, существенно дополняет приведенную выше классификацию рабочих профессий, вводя в рассмотрение два фактора дифференциации. Во-первых, выявляется прямая связь квалификации и стажа: граверы, резчики, набойщики и раклисты дают наибольший процент «кадровых» рабочих; от 53 до 63 % рабочих этих профессий имели стаж более пяти лет. Стаж рабочих других отделений был в среднем тем меньше, чем ниже был уровень их квалификации[35]. Во-вторых, данные позволяют судить о связи между квалификацией и сословной принадлежностью рабочих. Характерно, что наиболее квалифицированные рабочие, среди которых была отмечена наиболее продолжительная связь с фабрикой (граверы, резчики и раклисты), имели в своей среде наименьшую долю крестьян и наибольшую — мещан.

Вопрос о неравенстве в оплате труда разных групп рабочих представляет значительный интерес с точки зрения социальных отношений на фабрике. С одной стороны, такое неравенство необходимо как важный элемент стимулирования тру-

да. Это принципиальный момент. Не столько размер заработной платы, сколько ее дифференциация создает мотивацию рабочего к более производительному и квалифицированному труду. Гипотетическая система, в которой всем рабочим, независимо от их квалификации или от трудности выполняемой ими работы, назначена единая, (пусть и достаточно хорошая) зарплата, не может эффективно работать, так как у рабочих в ней падает стимул к выполнению более сложной и напряженной работы* (определенные шаги в этом направлении предпринимались уже после 1917 г., и результат действительно был негативным с точки зрения уровня производительности труда). Это в полной мере справедливо и для отдельной рассматриваемой фабрики. Если бы все рабочие получали одинаковую зарплату, то у квалифицированных рабочих, выполняющих сложную и требующую большого опыта работу, не было бы стимула к добросовестной работе. У ткачей не было бы никакого стимула переходить с работы на одном станке к работе на двух или четырех станках. С чрезмерным уменьшением разницы в оплате труда пропало бы и желание даже неквалифицированных рабочих добросовестно трудиться с тем, например, чтобы иметь возможность отдать в ученики ремесленных школ при фабриках своих детей.

С другой стороны, слишком большая (несправедливая) разница в оплате способна привести к напряженным отношениям между рабочими разных профессиональных категорий и тем более между рабочими и администрацией, которую рабочие, естественно, будут винить в сложившемся положении. В целом очевидно, что разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда неизбежно отражает положение на рынке труда, соотношение спроса и предложения на рабочую силу той или иной квалификации показывает трудности, которые могут возникнуть с набором рабочих той или иной квалификации. В этом смысле достаточно интересно было бы провести сравнение ситуации в России с опытом других стран.

Более того, для правильной оценки ситуации с оплатой в период индустриализации необходимо знать, какова была *динамика* неравенства в заработках рабочих. Такой анализ проводился зарубежными историками-экономистами по данным о странах Западной Европы и США, и были получены интересные результаты. Так, в монографии об эволюции неравенства в доходах в США Дж. Вильямсон и П. Линдерт на многочисленных материалах показали, что для индустриализации Великобритании и США были характерны сначала рост, а затем падение неравенства в зарплате рабочих; в итоге кривые динамики индексов измерения неравенства приняли там перевернутый U-образный вид («кривая Кузнеца»)[36]. В компаративном плане представляет интерес сопоставление данных о разрыве в оплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих в США и Англии в начале XX в., когда квалифицированный труд в американской промышленности имел очень высокую цену даже по западноевропейским стандартам. Так, например, по расчетам Дж. Вильямсона и П. Линдерта, в 1909 г. соотношение зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих в США выражалось величиной 2,17, в то время как для Великобритании эта величина была существенно ниже — 1,54. В противоположность этому веком раньше (в 1820-е гг.) квалифицированный труд в американской промышленности был относительно дешевле, чем в Англии. Вопрос о «кривой Кузнеца», т. е. о первоначальном возрастании, а затем падении неравенства в оплате труда в период индустриализации, впрочем, остается дискуссионным[37].

---

* Отметим, что речь идет в первую очередь о работе, требующей не очень высокой квалификации и ответственности.

Анализ динамики изменения индексов неравенства в оплате труда, конечно, не является самоцелью — дело в том, что характер этой динамики отражает ценность квалифицированного труда по отношению к неквалифицированному. Если дифференциация оплаты труда растет, значит, работодатели готовы платить больше за труд квалифицированных рабочих, спрос на них высок, и увеличение дифференциации труда в период промышленного роста свидетельствует о том, что по мере дальнейшего развития нужно все больше и больше квалифицированных рабочих, а рост кадров таких рабочих не поспевает за спросом на них. Напротив, уменьшение индексов неравенства показывает, что квалифицированных рабочих достаточно много, и работодателям сравнительно легко найти их.

Исследователи проблемы неравенства оплаты труда в дореволюционной России, к сожалению, не располагают такими систематизированными данными, какие имеются по западным странам. Мы, однако, можем провести локальную оценку динамики такого неравенства, исходя из полученных нами сведений о зарплате рабочих ситценабивной фабрики Коншина. Для этого мы сравнили средние значения оплаты труда рабочих граверного отделения и набойщиков. Полученные динамики представлены ниже (рис. 8 и 9). Видно, что это отношение практически не обнаруживает тенденции к изменению в течение 15 лет, оставаясь примерно равным 2. Динамика средней зарплаты рабочих двух рассматриваемых цехов приводится на рис. 10, там же дается и динамика индекса цен в Москве. Как видно из рисунка, номинальная зарплата набойщиков и граверов в 1898–1913 гг. заметно возросла: в среднем с 15 до 20 руб. в месяц — у набойщиков и с 31 до 45 руб. в месяц — у граверов. Что же касается реальной зарплаты рабочих данной фабрики, то она практически не изменилась на рассматриваемом интервале времени у набойщиков и выросла в среднем на 15 % у граверов[38].

Существенно, что набойщики не относились к рабочим низкой или даже средней квалификации — хотя их средняя зарплата была близкой к средней по фабрике[39], но, как отмечалось выше, труд набойщиков в конце XIX — начале XX вв., бу-

Рисунок 8

Помесячные динамики номинальных ставок оплаты труда граверов и набойщиков на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. Январь 1898 г. — апрель 1911 г. (сглажено по пяти месяцам)

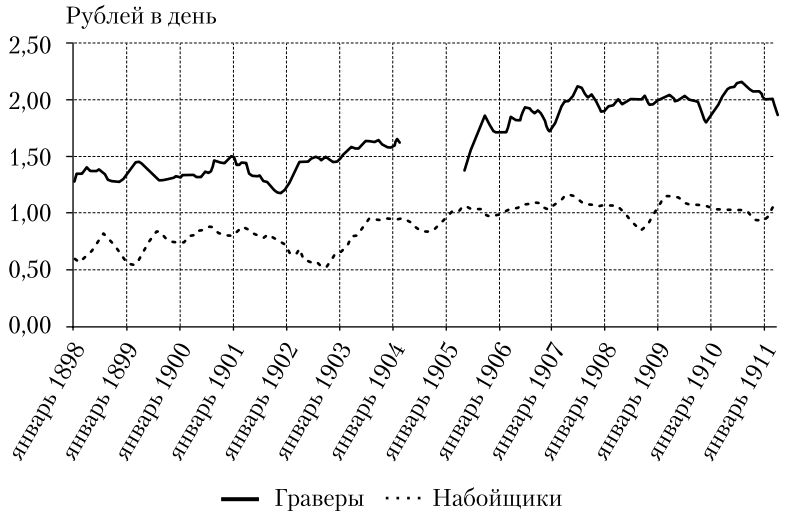


Рисунок 9

Динамика отношения среднегодовых зарплат граверов к среднегодовым зарплатам набойщиков на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1898–1910 гг.

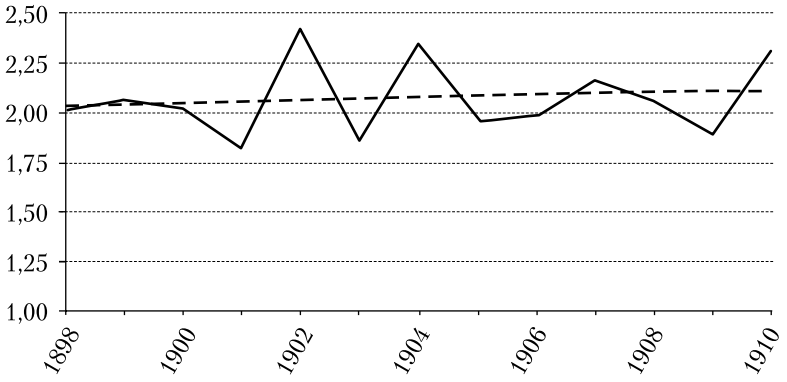
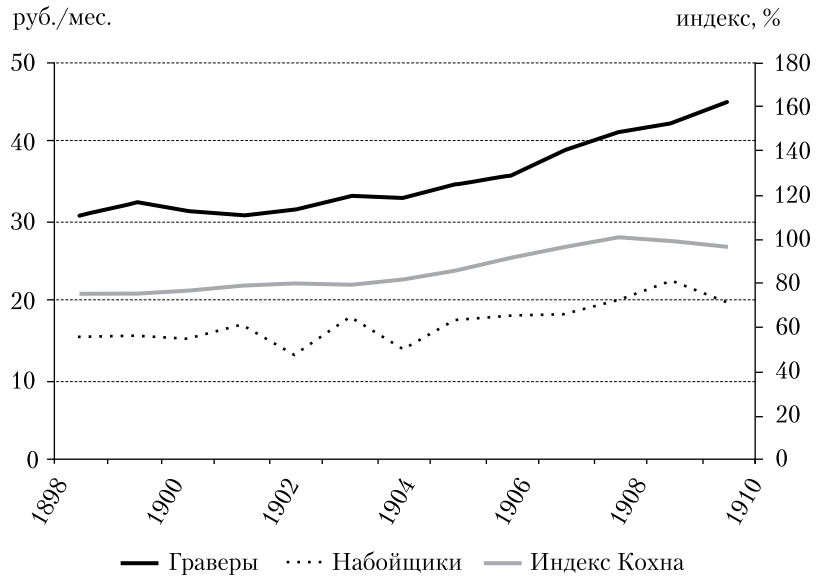


Рисунок 10

Динамика номинальной заработной платы рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и индекса цен в Москве (индекса Кохна). 1898–1910 гг.*



дучи ручным, не связанным с машинным производством, оплачивался вообще хуже, чем того требовала квалификация работы. Разница в оплате труда высококвалифицированной и низкоквалифицированной категорий должна быть еще выше, и в целом полученная нами по данным о зарплате рабочих на фабрике Коншина оценка дифференциации заработной платы заметно превышает показатели, полученные для промышленности западных стран.

Представляет интерес сравнение полученных оценок дифференциации зарплаты рабочих-текстильщиков на фабрике Коншина и на предприятиях Московской губернии в целом. Такое сравнение можно провести по данным упомянутой

* Значения индекса даются на правой вертикальной оси графика. Значение индекса в 1913 г. = 100 %.

выше публикации И. М. Козьминых-Ланина, посвященной заработкам фабрично-заводских рабочих Московской губернии в 1908 г.[40] Эта работа содержит данные о средних заработках (месячных и поденных) рабочих основных специальностей. Это дает возможность установить разницу между заработками высоко- и низкооплачиваемых профессий того или иного производства (в нашем случае — обработки хлопка). Представленные в прил. 12 табл. 1 и 2 содержат данные о заработной плате 116 520 рабочих (мужчин и женщин отдельно) на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губернии за ноябрь 1908 г.

Таблица 1 показывает, что заработки наиболее высокооплачиваемых работниц по обработке хлопка — ткачих на механических станках (а это примерно половина от общего числа работниц) в полтора раза превышали заработки наиболее низкооплачиваемых категорий работниц — ткачих на ручных станках и работниц при сушильных барабанах: соответственно, 16 руб. 07 коп. и 10 руб. 22 коп. / 10 руб. 58 коп.

Таблица 2 характеризует заработки рабочих-мужчин различных профессий, занятых на предприятиях по обработке хлопка в Московской губернии. Она позволяет оценить разницу в оплате труда рабочих тех групп, которые были выделены М. К. Рожковой. Как следует из табл. 2, у мужчин заработок высокооплачиваемых рабочих превышал заработок низкооплачиваемых рабочих значительно в большей мере, чем у женщин этого же производства. Достаточно сказать, что средний месячный заработок раклистов (57 руб. 28 к.) и граверов (41 руб. 85 коп.) в 2–3 раза превышал заработок ткачей на механических станках (самой массовой профессии на предприятиях по обработке хлопка — 10 171 человек со средним заработком 19 руб. 29 коп.). Такой разрыв в оплате труда соответствовал разнице квалификации указанных категорий рабочих. Ткачи, как было отмечено выше, — рабочие средней квалификации. Сравнение с заработками чернорабочих дает еще более контрастную картину. Интересно, что соотношение заработков граверов и набойщиков, отраженное в табл. 2 (41 руб. 85 коп. и 20 руб. 87 коп.), практически совпадает с тем, что было получено нами по архивным данным о заработках рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в 1908 г. (41 руб. 8 коп. и 19 руб. 94 коп., соответственно). В первом случае это отношение равно 2,06, а во втором — дает величину, колеблющуюся в динамике вокруг значения 2,00.

Для сравнения приведем также размеры среднего дневного заработка рабочих ЯБМ за 1903 г. для некоторых рабочих специальностей (для которых этот показатель удалось подсчитать):

Таблица 22

Сведения о заработке взрослых мужчин-рабочих ЯБМ. 1903 г.

Специальность	Дневной заработок, руб.
1	2
Планочники	1,72
Паковщики кип пряжи	1,37
Прядильщики	1,05
Прессовщики пачек	0,96
Ящичники	0,95
Пильщики	0,85
Присучальщики I	0,76

Окончание табл. 22

1	2
Банкаброшники на толстых банкаброшах	0,73
Ткачи	0,71
Ленточники	0,67
Присучальщики II	0,58
Навешивальщики	0,54
Обертывальщики пряжи	0,48
Ставильщики	0,38

Источник для подсчетов: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4472, 4476, 4480, 4481, 4484–4488, 4490.

Хотя эти данные, к сожалению, нельзя сравнить с данными по коншинской фабрике (на ЯБМ не было ситценабивного производства, а в архиве Товарищества Коншина качественная информация относительно заработка рабочих разных специальностей, напротив, сохранилась только по ситценабивной фабрике), данные табл. 22 хорошо согласуются с собранными И. М. Козьминых-Ланиным и наглядно показывают значительную разницу в оплате труда рабочих разных специальностей.

Отметим, что ряд перечисленных в табл. 22 специальностей, дающих невысокий заработок, относятся к вспомогательным. Так, прядильщик, первый присучальщик, вторые присучальщики и ставильщики составляли «необходимый комплект» для обслуживания пары машин. Заработок прядильщика высчитывался в зависимости от существовавших расценок и количества продукции, произведенной всей группой рабочих. Размер заработка остальных составлял определенный процент от размера заработка прядильщика. Точно так же заработок навешивальщиков и обертывальщиков пряжи высчитывался в зависимости от того, сколько полагалось выплатить прессовщику пачек.

Проблема дифференциации в оплате труда была вполне актуальной в восприятии самих рабочих, и те, кто зарабатывал меньше, иногда предпринимали попытки изменить положение дел. Например, в декабре 1908 г. присучальщики и ставильщики ЯБМ обратились в фабричную администрацию с просьбой, «чтобы деньги, добавляемые за работу неполным комплектом, распределялись между прядильщиками, подручными, присучальщиками и ставильщиками не соответственно процентному их вознаграждению, как это делается теперь, а всем поровну»[41]. Правление ответило, что согласно на такой шаг в том случае, если подручные и прядильщики выразят свое согласие с этой просьбой. В январе 1909 г. рабочие уже трех специальностей (подручные, присучальщики и ставильщики) повторили эту просьбу, но в ответ им было предложено заручиться согласием прядильщиков[42]. Вопрос остался неудовлетворенным.

Каковы факторы (детерминанты) различий в уровне зарплаты (а также квалификации) рабочих-текстильщиков? К сожалению, мы не располагаем архивными данными, с помощью которых можно было бы ответить на этот вопрос. Однако и здесь полезными могут оказаться данные, собранные И. М. Козьминых-Ланиным в 1908 г. о заработках рабочих Московской губернии в связи с продолжительностью их работы на фабрике, преемственностью труда, половозрастным составом; для *ткачей* — с числом обслуживаемых станков, грамотностью — школьной и внешкольной[43]. В табл. 3 прил. 12 приводятся сгруппированные по возрастным кате-

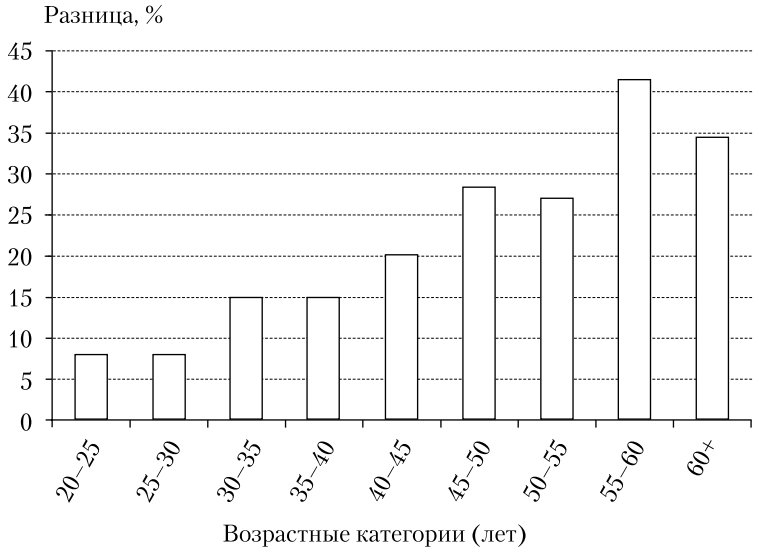
гориям данные о заработках фабричных рабочих — мужчин на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках Московской губернии в 1908 г. в зависимости от их *грамотности*. По данным этой таблицы построена диаграмма (рис. 11), которая выявляет явную тенденцию превышения заработной платы грамотных рабочих над зарплатой неграмотных рабочих в каждой возрастной группе. Следует отметить, что разница в заработках грамотных[44] и неграмотных рабочих-текстильщиков была более существенной для рабочих с бóльшим стажем. Так, в категории молодых рабочих (20–25 лет) эта разница составляла 7,9 % (в пользу грамотных), в то время как в категории 55–60 лет — 41,3 %.

В целом сделанное заключение о более высокой оплате труда грамотных по сравнению с неграмотными подтверждают и показатели о заработках рабочих-женщин на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках в Московской губернии в 1908 г.[45] По мнению И. М. Козьминых-Ланина, более высокие заработки грамотных объясняются, между прочим, и тем, что этим рабочим чаще предоставляют квалифицированную и, следовательно, лучше оплачиваемую работу, а в работах одного типа — более ответственную.

Вернемся к вопросу о сравнении дифференциации оплаты труда промышленных рабочих в России и на Западе в ходе индустриализации. Вероятное объяснение того, что неравенство в оплате труда в России могло быть заметно бóльшим, чем в странах Западной Европы и Северной Америки, связано со спецификой процесса комплектования рабочей силы. В России фабричные рабочие набирались в большинстве из крестьян (особенно на ранней стадии индустриализации)[46], многие из них нанимались на небольшие сроки; найти же высококвалифицированных работ-

Рисунок 11

Разница среднемесячной зарплаты грамотных и неграмотных рабочих-мужчин (в процентах*) на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках Московской губ. в зависимости от возрастных категорий. 1908 г.



Источник: данные прил. 12.

* Показатель рассчитывается как отношение разницы между средними заработками грамотных и неграмотных рабочих к среднему заработку неграмотных рабочих.

ников было сложнее, и относительная цена их труда была сравнительно высокой. В Западной Европе, где формирование рабочей силы в промышленности в период индустриализации шло в значительной степени за счет притока ремесленников, проблема удовлетворения спроса на рабочих высокой квалификации была существенно менее острой.

Сравнение обработки сводных и индивидуальных данных

Необходимо отметить, что при вычислении коэффициентов, определяющих неравенство в оплате труда, мы использовали данные по фабрике Коншина, представленные в источнике в сводном по различным специальностям виде. Такое обобщение неизбежно, поскольку в распоряжении исследователей нет никаких статистических данных, кроме сводных, иллюстрирующих разницу в оплате труда рабочих высокой и низкой квалификации. Однако очевидно, что наилучшим образом неравенство в оплате труда можно увидеть только при использовании индивидуальных данных. Любое усреднение материалов, для которых мы хотим рассмотреть разницу в их структуре и внутренних отношениях, неизбежно огрубляет эти материалы. Увидеть неравенство в оплате труда рабочих некоторой фабрики, используя сводные данные по всей фабрике, в принципе невозможно. Использование сводных данных по отдельным профессиям или цехам уже предоставляет такие возможности, но любые выводы о неравенстве в оплате труда, сделанные по этим данным, тем не менее являются только приближением к действительности, так как сам характер сводных данных скрывает изучаемые различия. И все же обычно используются именно сводные данные — за неимением других. Индивидуальные данные о зарплате рабочих крупных фабрик на длительном интервале времени, как правило, представлены в архивах весьма скудно, и даже в рассматриваемом нами хорошо сохранившемся фонде фабрики Коншина непросто найти полный, без лакун, список индивидуальных данных о динамике зарплаты всех рабочих цеха (отдела) на длительном интервале времени. Но даже если такие данные и оказываются в распоряжении исследователей, систематическая обработка индивидуальных сведений затруднена из-за огромного объема работы.

Однако сейчас, когда в нашем распоряжении имеются как усредненная по цехам фабрики информация о зарплате рабочих, так и сведения по каждому рабочему индивидуально, мы можем провести их сравнение и оценку точности исследования, проведенного по подобным сводным данным. Насколько нам известно, подобная оценка не проводилась не только отечественными, но и зарубежными исследователями.

Итак, насколько отличаются значения показателей неравенства зарплаты рабочих при использовании данных о каждом рабочем и сводных данных (по цехам и отделам)? Нам удалось провести сравнение индивидуальных и сводных данных по ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на один конкретный момент — октябрь 1902 г. Этот момент выбран в значительной степени произвольно — материалы архивного фонда предоставляют возможность провести полный выбор почти для всех месяцев самого начала XX в. Осень выбрана специально — как время, мало зависящее, во-первых, от проблем бухгалтерской документации, связанных с особенностями операционного года — весенними перерасчетами (после Пасхи), и, во-вторых, от проблем учета частичного ухода неквалифицированной рабочей силы на летние полевые работы. Для анализа индивидуальных данных о зарплате была составлена база данных по сведениям обо всех записанных

в расчетные книги рабочих фабрики (более двух тысяч человек) с указанием их цеха, ставки оплаты труда и реально заработанных в указанном месяце денег. Одновременно мы выписали и сводные значения заработков по каждому цеху[47]. Перед обработкой мы посчитали более корректным исключить из рассмотрения рабочих, отработавших по разным причинам только несколько полных дней (как правило, это только что нанятые или уволившиеся в середине месяца рабочие). Также мы отказались от учета зарплаты рабочих таких отделений фабрики, которые явно носили вспомогательный, непроизводственный характер (сторожей, рабочих конного двора, работников в лавках и т. п.). Эти операции не оказали сколько-нибудь заметного влияния на индексы измерения неравенства: так, индекс Джини[48] при переходе от полного к «урезанному» таким образом массиву данных изменился в первом случае с 32,3 до 33,4 %, а во втором случае — с 33,4 до 32,8 %. Для сводных данных, правда, мы не имеем возможности отказаться от рассмотрения рабочих, не отработавших полный месяц и получивших вследствие этого нехарактерный для профессии маленький заработок, но там влияние такой категории, во-первых, значительно сглаживается подсчетом среднего по существенно бóльшим группам рабочих, во-вторых, носит характер систематической ошибки (так как наем, увольнения, болезни рабочих происходят независимо от их цеховой принадлежности и одинаково влияют на все подразделения фабрики) и в итоге практически не влияет на показатели неравенства. Сравнение выявило значительные расхождения между обработкой индивидуальных и сводных данных как в общей картине (рис. 12 и 13), так и во всех показателях неравенства заработка (табл. 23). В зависимости от того, какие коэффициенты измерения неравенства дохода подсчитывались, оценка неравенства по индивидуальным данным превосходила тот же коэффициент по укрупненным данным в 1,3–2 раза. Индекс Джини, наиболее полно отражающий всю ситуацию коэффициент неравенства, составил для агрегированных данных только 19,4 %, в то время как реально (с учетом индивидуальных данных) он был равен 32,8 %.

Стоит обратить внимание, что рис. 12–13 очень наглядно показывают разницу между индивидуальными и сводными данными и без вычисления каких-либо коэффициентов. На этих рисунках в одном масштабе изображено одно и то же распределение фонда зарплаты коншинских рабочих, только в первом случае использованы более точные индивидуальные данные, а во втором — обычно более доступные историкам сводные данные о зарплате рабочих. Видно, что искажения в характере кривой распределения заработков, возникающие при использовании сводных данных, существенны.

Таблица 23

Значения индексов измерения неравенства зарплаты, рассчитанные по индивидуальным и сводным данным. Ситценабивная фабрика Товарищества Н. Н. Коншина. Октябрь 1902 г.

	Число рабочих[49]	Индекс Джини, %	Децильное отношение[50]	Доля совокупной зарплаты (%), приходящейся на наиболее высокооплачиваемые группы		
				20 %	10 %	5 %
Индивидуальные данные	1 661	32,8	8,3	43,9	29,6	19,2
Сводные данные	1 701	19,4	2,9	32,4	18,9	10,0

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 184–189.

Рисунок 12

Распределение заработков (в рублях за месяц) всех рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина по индивидуальным (рис. 12) и сводным (рис. 13) записям. Октябрь 1902 г.

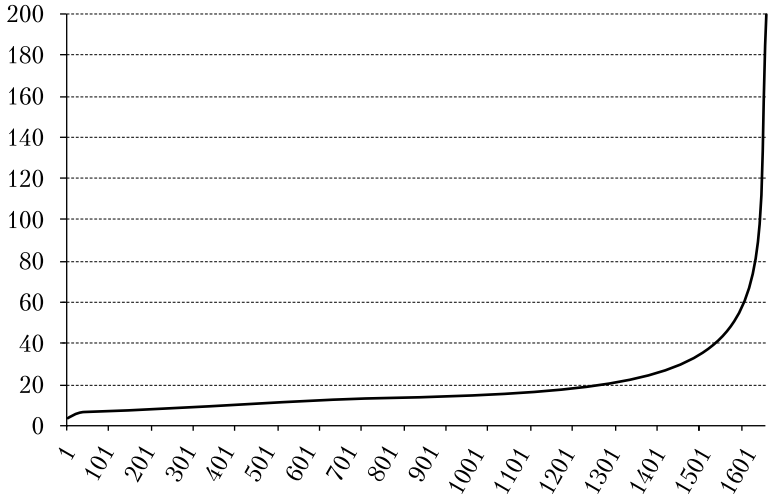
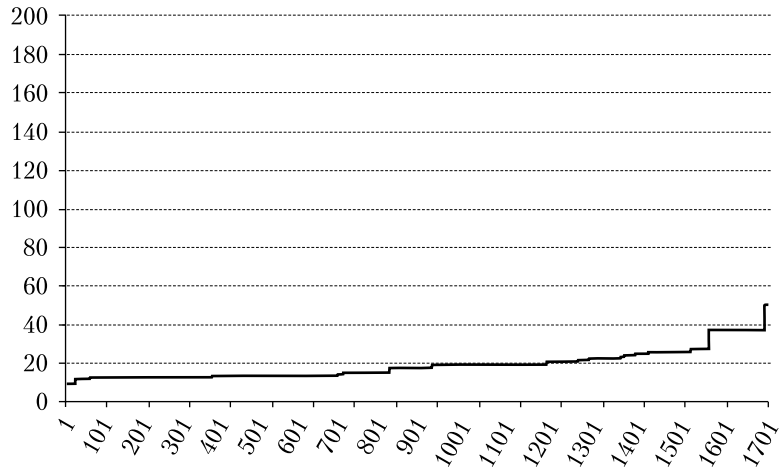


Рисунок 13



Основное объяснение полученного различия дано выше — усреднение данных в расчетных книгах фабрики проводится по цехам фабрики, а дифференциация заработков внутри самих цехов, особенно больших по численности и включающих в себя высококвалифицированных рабочих, весьма велика. Например, в цилиндринном отделении (267 человек, средняя ставка оплаты труда — 19,4 руб. в месяц) 23 человека отдельно работали раклистами — специалистами высокой квалификации со ставками от 25 до 125 рублей в месяц и средней ставкой 62,1 руб. в месяц. В этом же отделении 84 человека (преимущественно женщины и подростки) получили в октябре 1902 г. менее 10 рублей каждый. Насколько можно заметить при использовании индивидуальных данных, по ведомостям конкретных отделов проходят, например, чернорабочие, а в небольшую группу отдельно описанных черно-

рабочих входят рабочие, не занятые конкретно работой в каком-либо из производственных цехов (там, где в расчетных книгах указано конкретное занятие этих чернорабочих, они оказываются пастухами и кухарками). Усреднение заработков как наиболее высокооплачиваемых и высококвалифицированных, так и наименее хорошо оплачиваемых рабочих в одной категории ведет к ошибке измерения, которая тем выше, чем больше влияние на индекс измерения неравенства этих крайних по заработкам групп.

Обратимся к данным табл. 23. Коэффициент, учитывающий заработки только 5 % наиболее высокооплачиваемых рабочих (т. е. их доля в совокупном доходе всех рабочих), превышает для индивидуальных данных тот же коэффициент, рассчитанный для агрегированных данных, в 1,92 раза, в то время как уже для 20 % наиболее высокооплачиваемых рабочих, многие из которых получают зарплату, близкую к средней по своим цехам, это отношение уменьшается до 1,35.

Расчетные книги других, помимо ситценабивной, фабрик, сохранились плохо, но нам удалось собрать также практически полный список заработков всех рабочих прядильно-ткацкой фабрики за июнь 1914 г. (4 715 человек)[51]. Прядильная и ткацкая работа отличается от отделочной тем, что в ней многие рабочие работали из сдельных расценок, и потому дифференциация в оплате не так заметна (табл. 24 и рис. 14).

Таблица 24

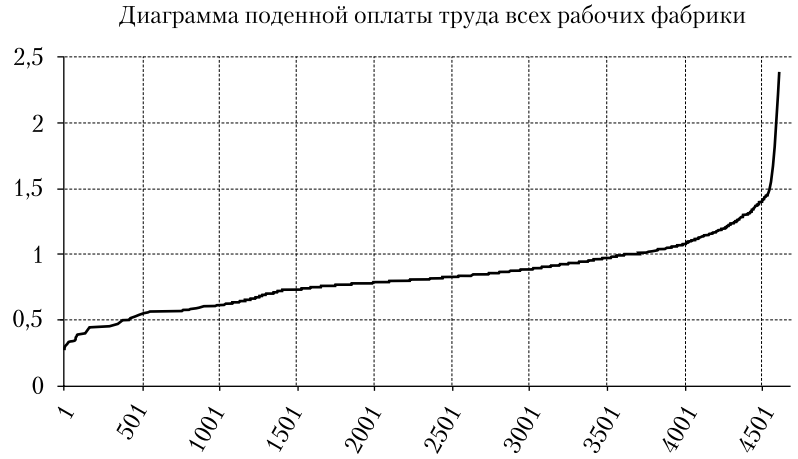
Значения индексов измерения неравенства зарплаты, рассчитанные по индивидуальным данным. Прядильно-ткацкая фабрика Товарищества Коншина, июнь 1914 г.

Число рабочих	Индекс Джини, %	Децильное отношение	Доля совокупной зарплаты (%), приходящейся на наиболее высокооплачиваемые группы		
			20 %	10 %	5 %
4 715	20,5	4,5	31,3	18,1	10,3

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 5. Д. 130–156.

Рисунок 14

Распределение заработков (в рублях в день) всех рабочих прядильно-ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. Июнь 1914 г.



Результаты изучения индивидуальных данных

Мы показали, что разница в использовании индивидуальных и сводных данных довольно велика. Однако, как отмечено выше, исследователям редко удается работать с индивидуальными данными, так что использование сводных данных неизбежно. Но, во-первых, всегда стоит учитывать, что сводные данные вносят значительную погрешность в конечные выводы. Во-вторых, мы сейчас при сопоставлении индивидуальных и сводных данных можем проследить, какие аспекты исследования более подвержены этим погрешностям, а какие — менее.

Если говорить о том, как выявленное нами рассогласование между результатами обработки сводных и индивидуальных данных сказывается на показателях неравенства, то представляется, что достаточно высокие коэффициенты неравенства, превышающие те же показатели, рассчитанные на материалах западных стран, могут только увеличиться при переходе от обобщенных к индивидуальным данным, и вывод об отличии рынка труда в России от рынков труда в США и Англии только усиливается. Дело в том, что, как правило, дифференциация рабочих внутри цеха высока именно в тех цехах, где работает много высококвалифицированных рабочих и где поэтому высока средняя по цеху заработная плата. Цеха с меньшей средней зарплатой более однородны по своему составу. Так, коэффициент вариации зарплаты в цехе граверов составил 72,5 %, в то время как среди набойщиков — всего 10,6 %. Соответственно, мы можем принимать среднее значение заработной платы в цехах, требующих меньшей квалификации рабочих, за близкое к действительной заработной плате рабочих соответствующих профессий, а в цехах, требующих высокой квалификации труда, зарплата высококвалифицированных рабочих существенно превышает среднюю по цеху. Поэтому реальное значение отношения заработков рабочих высокой и низкой квалификаций превышает значение, рассчитанное по сводным данным, которыми пользуемся мы.

Для исследования же динамики неравенства доходов может оказаться и не столь уж важным значительное рассогласование индексов неравенства по сводным и индивидуальным данным. Представляется, что динамическое изменение не должно изменить разницу между коэффициентами, высчитанными для сводных или индивидуальных данных (все те же проблемы сохранятся и для другого временного среза), и потому результатами обработки на основе сводных данных вполне можно пользоваться.

Дальнейшее изучение неравенства в оплате труда рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина стоит продолжить в направлении исследования индивидуальных заработков рабочих различных специальностей (и различной квалификации) и их динамики. Кроме описанной выше работы по обработке индивидуальных записей рабочих-граверов, нами был проведен также тщательный анализ расчетных книг красильного отделения фабрики. Критерием отбора этих цехов (граверного и красильного) стали следующие соображения: во-первых, для репрезентативности в обоих рассматриваемых цехах должно единовременно работать сразу много рабочих, во-вторых, для того чтобы цеха было интересно сравнивать, рабочие этих двух цехов должны в своей массе серьезно различаться по квалификации и по оплате труда. Оба этих условия были выполнены. Единовременно работало несколько десятков как граверов, так и красильщиков, и в редкие годы их число становилось меньшим, чем 100 человек. С другой стороны, работа в граверном и красильном отделениях требовала разной квалификации, и это отразилось на многих показателях оплаты труда. Кстати, то же можно

сказать и о выборе для рассмотрения рабочих-набойщиков — это также достаточно представительная группа.

Сравнение выбранных категорий рабочих фабрики Коншина по нескольким основным, представляющимся довольно важными характеристикам, сведено в табл. 25 и 26. Пока не удалось собрать полный набор данных, позволяющий сформировать для рабочих красильного отделения столь же длинную динамику, какая имеется для рабочих граверного отделения, некоторые книги совсем отсутствуют в архиве или требуют реставрации, однако по некоторым годам уже возможно провести корректное сравнение. Отметим, правда, что база данных индивидуальных записей по красильщикам не получается такой наглядной, как показанный выше ряд индивидуальных динамик зарплаты граверов. Причина этого в том, что большинство красильщиков быстро уходили с фабрики или переводились в другие отделения, и поэтому не получается сформировать достаточно много длинных динамик.

Таблица 25

Сравнительные показатели работы в граверном и красильном отделениях ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1905–1912 гг.

	Граверы			Красильщики		
	1905 г.	1910 г.	1912 г.	1905 г.	1910 г.	1912 г.
Всего рабочих	155	174	172	263	348	288
мужчин	134	162	156	145	198	175
женщин	0	0	0	75	85	75
подростков	21	12	16	43	65	38
% женщин	0,0	0,0	0,0	28,5	24,4	26,0
% подростков	13,5	6,9	9,3	16,3	18,7	13,2
Число имеющих поденную ставку	31	41	38	255	338	280
% имеющих поденную ставку	20,0	23,6	22,1	97,0	97,1	97,2
Число нанявшихся/уволившихся рабочих	14	21	9	133	108	74
Число нанявшихся/уволившихся среди имеющих поденную ставку	10	10	3			
% стабильно работающих от общего числа	91,0	87,9	94,8	49,4	69,0	74,3
% стабильно работающих среди имеющих помесячную ставку	96,8	91,7	95,5			
% стабильно работающих среди имеющих поденную ставку	67,7	75,6	92,1			
Средняя дневная ставка рабочих-мужчин, руб.	1,55	1,81	1,96	0,70	0,81	0,84
медиана[52], руб.	1,25	1,52	1,67	0,60	0,75	0,75
коэффициент вариации, %	61,0	55,0	53,5	41,3	35,6	44,1
Средняя дневная ставка работниц-женщин, руб.				0,38	0,48	0,48
медиана, руб.				0,38	0,48	0,48
коэффициент вариации, %				5,1	2,3	2,2

Примечание: Пустые ячейки в таблице объясняются следующим образом: 1) в граверной не работали женщины; 2) в красильной почти все работали на поденной оплате.

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 209, 212, 253, 256, 272, 275. Подсчеты проведены по расчетным книгам — граверные: дела № 209, 253 и 272; красильные: дела № 212, 256 и 275.

Таблица 26

Сравнительные показатели увеличения ставки оплаты труда в граверном и красильном отделениях ситценабивной фабрики Товарищества Н. Н. Коншина

	Специальность										
	граверы					красильщики			красильщицы		
	год										
	1898	1902	1906	1910	1914	1892	1906	1910	1892	1906	1910
% рабочих, которым была поднята зарплата	58,8	69,5	99,3	83,5	83,5	64,3	99,2	31,2	25,7	100	18,1
Средний размер прироста ставки, руб./мес.	2,20	2,22	3,70	2,81	3,81	0,68	2,00	1,28	0,05	1,89	0,59

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 106, 119, 143, 148, 177, 184, 209, 212, 216, 219, 245, 248, 253, 256, 286, 306.

Сопоставление индивидуальных записей по рабочим различных профессий дает следующие результаты.

Показатели текучки для различных специальностей

Во второй главе мы уже поднимали вопрос о сельскохозяйственном отходе коншинских рабочих и демонстрировали (см. рис. 3), что связанные с этим показатели зависят от специальности и квалификации рабочих. Вопрос о смене кадров, о «текучке» рабочей силы на фабриках вообще, безотносительно к отходу на сельскохозяйственные работы, остается недостаточно разработанным в научной литературе. Между тем он представляется довольно важным, потому что сменяемость рабочей силы является одной из важнейших характеристик как самого состава рабочих, так и трудовых отношений вообще. Высокие показатели текучки говорят как о том, что рабочие не успевают получить достаточный опыт и квалификацию на своих рабочих местах, так и о том, что они недостаточно заинтересованы в работе на этом предприятии и на этом рабочем месте. Таким образом, высокая текучка характеризует низкое качество рабочей силы и низкую эффективность сложившейся системы мотивации труда на данном предприятии.

Как показывают исследования последних лет, в советское время руководители фабрик и заводов четко осознавали это, и борьба с текучкой стояла на одном из первых мест в списке задач администрации советских промышленных предприятий, особенно в 1920–1930-х гг.[53] Но проблемами текучки на дореволюционных предприятиях никто специально не занимался. А. М. Маркевич и А. К. Соколов, изучив ситуацию на гужоновском заводе начала XX в., пришли к выводу, что в условиях недостатка квалифицированных рабочих и одновременного превышения предложения неквалифицированных рабочих рук над спросом на них администрация заботилась лишь о квалифицированных рабочих, а проблема текучести рабочей силы в целом не ставилась. Более того, распространенным был наем поденных рабочих[54].

Данные по коншинским фабрикам в целом показывают ту же картину. Показатели текучки рабочих демонстрируют существенные различия между граверным и красильным отделениями. Если в граверном отделении в каждом году стабильно работают (т. е. работают с начала и до конца года без увольнений) 85–

95 % рабочих, то в красильном отделении этот показатель заметно ниже — всего 50–75 % (табл. 25). Правда, среди не принадлежащих ни к какому отделению чернорабочих той же фабрики, насколько нам удалось отметить, этот показатель еще ниже и никогда не превышает 50 %.

Очевидно, что текучка особенно высока среди низкооплачиваемых рабочих, которые менее привязаны к своей фабрике. Весьма показательна в этом плане разница в проценте стабильно работающих рабочих граверного отделения среди находящихся на поденной и на помесячной ставках оплаты труда: в 1905 г. среди первых таких оказалось всего 68 %, в то время как среди вторых — почти 97 %. Это значит, что состав получавших поденную оплату обновился почти на треть, в то время как из 124 человек, получавших помесячную оплату, за год сменилось всего четверо. В другие годы разница не столь велика, но все равно заметна. Эта разница существует даже и в годы войны, когда обычным делом становятся увольнения рабочих в связи с мобилизацией.

Изменение индивидуальных ставок заработной платы

Если по таблице индивидуальных динамик ставок оплаты труда рабочих граверного цеха не удалось проследить ни одного случая понижения ставки рабочего на следующий год (если не считать вышеупомянутых переводов с поденной ставки на помесячную), то в красильном отделении такие случаи были зафиксированы, хотя они чрезвычайно редки. В граверном отделении был отмечен один случай, когда рабочий уволился, а затем снова нанялся на работу, при этом его ставка понизилась. В красильном же отделении таких случаев было немало — в конторе была даже печать «Восстановлен долг с 19../19.. г.» для тех, кто ушел когда-то с фабрики до расчета и кому фабрика осталась должна (и наоборот) еще с прошлых лет. Если процедура расчета была закончена, то даже когда рабочий восстанавливался на работе в тот же месяц, ставка его зарплаты обязательно понижалась (чаще всего на 5 коп. в день), но, как правило, в течение двух-трех месяцев возвращалась обратно.

В целом для всего периода и для всех рабочих был характерен неизменный рост ставок заработной платы (табл. 15, 16, 26). До войны этот рост номинальных ставок в среднем был одновременно и увеличением реальной зарплаты. Выше это было показано для граверного отделения. Оказывается, что постоянное повышение ставок оплаты характерно и для неквалифицированных рабочих. Для обеих специальностей оказались примерно одинаковыми такие параметры, как процент повышения относительно средней ставки оплаты труда и процент рабочих, которым в текущем году была повышена ставка. Хотя, конечно, это означает и то, что в абсолютном исчислении повышение ставки квалифицированных рабочих было всегда бóльшим, что тоже связано с темой мотивации труда.

Отметим, что больший или меньший, но неизменный рост ставок заработной платы для каждого конкретного рабочего, стабильно работающего на одном и том же месте, наблюдается и по другим источникам, хотя таких исследований практически не проводилось. Так, в сборнике автобиографий рабочих Трехгорной мануфактуры везде, где встречаются упоминания о размерах заработной платы в различные годы, наблюдается достаточно быстрый их рост. Так, зарплата одного гравера поднялась с 1892/93 г. по 1905/06 г. более чем в 6 раз (в 1892/93 г. — 40 копеек в день, в следующем — 55 копеек, в 1904/05 г. — 2 руб. 30 коп., в 1905/6 — 2 руб. 50 коп.), работницы в запарной с 1901/02 г. по 1905/06 г. — в 1,7 раза и т. д.[55]

Высокая текучка среди низкооплачиваемых рабочих определенно сказывалась на динамике показателей неравенства, увеличивая их. На средний размер зарплаты, помимо общего повышения расценок за все работы на фабрике, оказывают влияние одновременно два основных фактора: постоянный рост зарплаты отдельных рабочих увеличивает показатели неравенства, а смена состава рабочих, в процессе которой исчезают рабочие со стажем и появляются новые рабочие, взятые, как правило, на минимальные ставки, — уменьшает эти показатели. И если в граверной многие рабочие работают долго, так что указанные факторы вносят примерно одинаковый вклад, то в красильной при высокой текучке второй фактор явно преобладает над первым, поэтому темпы роста усредненных показателей в красильной ниже, и различие между профессиями со временем усиливается[56].

Выше было отмечено, что сам вид повременной оплаты труда — поденная или помесячная оплата — был одним из трудовых стимулов. Помесячная ставка заработка выделяла лучших, более квалифицированных и перспективных рабочих. Сравнение разных специальностей показывает, что, например, неквалифицированный труд красильщиков ценился в таком исчислении значительно ниже — поденная ставка оплаты труда была у 97 % красильщиков и только у 20–25 % граверов (см. табл. 25).

Женский труд

В историографии существует мнение, что уровни зарплаты мужчин и женщин в российской промышленности конца XIX — начала XX в. значительно различались в сторону занижения последних. В целом это мнение подкрепляется сводными данными по разным периодам. В первые десятилетия индустриализации разрыв был более значительным. Обследование текстильных фабрик, проведенное П. А. Песковым в Москве в 1881 г., показало, что наибольшую плату получали взрослые рабочие-мужчины, затем около половины мужской платы получали взрослые женщины, почти столько же подростки и, наконец, дети получали только немного более половины женского заработка[57]. Со временем разница, возможно, уменьшилась. Согласно данным И. М. Козьминых-Ланина, относящимся к фабрикам по обработке хлопка в Московской губернии в 1908 г., средний дневной заработок мужчины-присучальщика превышал заработок присучальщицы в 1,6 раза, а ткач за механическим станком зарабатывал в день больше ткачихи в 1,2 раза (прил. 12, табл. 1 и 2). Однако по этим же данным получается, что средний заработок ватерщиц был в 1,1 раза больше заработка мужчин на той же работе. Тем не менее значительное занижение женских заработков по сравнению с мужскими даже для рабочих одинаковых специальностей было обычным явлением не только для текстильного, но и для многих других производств[58]. В какой мере эта разница является результатом дискриминации, а в какой — различиями в характере и квалификации мужского и женского труда? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к архивным материалам.

При рассмотрении материалов Коншинской мануфактуры немаловажным обстоятельством представляется тот факт, что, например, в красильном отделении в значительной степени применялся женский труд (25–30 % рабочих), в то время как в «квалифицированном» граверном отделении нет ни одного такого случая на всем протяжении с начала 1880-х гг. до 1916 г. Оплата женского труда имеет свои специфические характеристики, которые следует рассмотреть отдельно. Некоторые показательные характеристики указаны также в табл. 25 и 26. Следует отме-

тить, что, во-первых, все без исключения женщины (и не только по красильному отделению, но и по всем цехам всех фабрик товарищества, какие удалось рассмотреть) находились либо на поденной, либо на сдельной, но никак не на помесячной оплате труда. Во-вторых, средняя ставка оплаты труда работниц красильного отделения равнялась всего 50–60 % средней ставки рабочих-мужчин, составляя в 1890-х гг. примерно 30 коп. в день, а к 1914 г. — чаще всего 48 коп. в день.

Ту же разницу в ставках оплаты труда мы встречаем и на ЯБМ. Рассмотрим, например, ситуацию с заработками в ткацком и отбельном отделениях ЯБМ (в 1913 г. женщины составляли около 15 % от числа всех рабочих ткацкого отделения и около 35,5 % рабочих отбельного отделения). Помесячных ставок у них здесь тоже не зафиксировано ни разу. Поденные же ставки у женщин были значительно меньшими, чем у мужчин той же специальности. Например, в 1908 г. ставка уборщицы товара в отбельном отделении составляла 40–50 коп. в день, тогда как у мужчин, находящихся на той же работе, она достигала 85 коп. Разница сохранялась и в 1913–1914 гг., более того, на протяжении рассматриваемого периода наблюдается тенденция к увеличению разрыва между оплатой женского и мужского труда. Вместе с тем прослеживается следующая закономерность: чем ниже квалификация рабочих, тем существеннее разница в оплате мужского и женского труда.

Правда, если говорить о сдельной оплате (а сдельная работа мало применялась при отделке тканей, но была широко распространена в прядильном и особенно ткацком производствах[59]), там разница в оплате мужского и женского труда не так разительна. Весьма показательны уже упоминавшиеся данные расчетных книг прядильно-ткацкой фабрики Коншинской мануфактуры за июнь 1914 г. Здесь отдельные ткачихи зарабатывали больше, чем даже большинство мужчин-ткачей, хотя такие случаи были не слишком распространенными. В очерке 1908 г. о положении рабочих на коншинских ткацких фабриках прямо говорится, что «никакой разницы в оплате труда женщины и мужчины не существует»[60]. Отсутствие разницы в расценках мужчин и женщин на ткацких станках на прядильно-ткацкой фабрике Коншина отметил и Е. М. Дементьев еще в 1884 г.[61]

Однако расчетные ведомости ЯБМ показывают, что и при сдельной форме оплаты труда женский труд оплачивался значительно ниже мужского. Например, у ткачей разница могла составлять 12–15 коп. в день, у ленточников — 18–19 коп., у банкаброшников — около 20 коп. Тем не менее опять же важным представляется вопрос: было ли это следствием прямой дискриминации в расценках на оплату труда или считалось, что так и должно быть, потому что женщины выполняли более простую работу?

В этой связи представляет интерес ситуация с оплатой труда ткачей Никольской мануфактуры. Об этом пишет в своей книге И. В. Поткина. В 1886 г. по распоряжению хозяина фабрики общий заработок двух ткачей-сменщиков делился поровну, но при этом из заработка женщины в пользу мужчины отчислялось 8 % (соответственно, мужской заработок превышал женский на 17,4 %). В 1894 г., после запрещения ночных работ для женщин, расценки на Никольской мануфактуре были изменены: денные ткачи стали получать на 10 % больше, а при сменной работе мужчинам добавлялось 30 % по отношению к расценкам, положенным для женщин. С октября 1905 г. разница в оплате мужского и женского труда была уменьшена и стала составлять во всех категориях 12 %[62].

Указанный порядок совершенно очевидно показывает, что администрация считала, что когда двое работают в смене (и, соответственно, вместе выдают продукцию, так что рассчитать вклад каждого непосредственно нельзя), то вклад муж-

чины больше, так что и доля его должна быть большей. Скорее всего, это не было капризом администрации, и на долю мужчины действительно приходилась более тяжелая работа. Об этом свидетельствует и то, что когда женщины перестали работать в ночные смены, было тут же принято решение, что их труд стал еще более легким, и разница в оплате увеличилась.

Совершенно та же логика назначения расценок встречается и на ЯБМ, притом рабочие, оказывается, были с этим не согласны. Среди требований рабочих, высказанных в 1912 г., мы встречаем следующие: «Расценки для банкаброшниц на толстых банкаброшах сделать одинаковыми с расценками банкаброшников на тех же банкаброшах», а также: «Сделать расценок ткачей и ткачих одинаковым». Пояснение к вопросу о том, почему он был неодинаковым, дается тут же в требовании: «Чтобы ныне существующая отписка из заработка ткачих в пользу ткачей-мужчин, с ними работающих, в размере 7 %, была отменена»[63].

Хотя такой порядок, при котором из двух сменщиков мужчина должен был получить бóльшую долю, вероятно, имел рациональную основу, не меньшее значение имела и уверенность администрации в том, что женщинам (а равно и подросткам) просто можно меньше платить. По этому поводу интересные высказывания содержатся в докладной записке А. Ф. Грязнова в правление ЯБМ, составленной в феврале 1905 г., в которой обосновывается необходимость и рассматриваются последствия для производства перехода фабрики на 18-часовой рабочий день (вместо 21 часа) и с четырехсменной работы на двухсменную. Грязнов отмечал, что при прежнем расписании некоторые смены захватывали ночную работу, поэтому на эти смены по закону нельзя было назначать женщин и подростков. Новое расписание, указывал он, даст возможность использовать их постоянно, так что «переход Мануфактуры на 18 часовую работу даст Мануфактуре возможность все должности ставильщиков замещать малолетними и подростками, чем, во-первых, устранится хронический недостаток рабочих для прядильного отделения; во-вторых, увеличится производительность мюлей; в-третьих, уменьшится количество брака... и, наконец, в-четвертых, устранится один из поводов переплаты рабочим заработной платы»[64]. При этом надо учитывать, что на ЯБМ была «принята следующая схема оплаты труда рабочих, работающих при сельфакторах: прядильщики за свою работу получают 100 % установленного расценка за выпрядку пряжи, подручные их получают 72 %, присучальщики — 55 %, ставильщики — 36 %. Так как обычный заработок прядильщика на Мануфактуре несколько более рубля, то наиболее часто встречающиеся заработки подручных — 73–80 коп. в день, присучальщиков — 56–60 коп. и ставильщиков 36–40 коп. в день. Прядильщики и подручные заработком своим, в общем, можно сказать, довольны. Что же касается до присучальщиков и ставильщиков, то этого про них сказать далеко нельзя; в особенности недовольны ставильщики; и поэтому найти взрослого (не моложе 17 лет) рабочего, который согласился бы работать за 36 коп. в день на Мануфактуре положительно невозможно. А так как, с другой стороны, работать без ставильщиков на мюлях нельзя, то Мануфактуре приходится идти на компромисс: приходится ставильщикам платить по расценкам для присучальщиков, т. е. по 55 % вместо 36 %. А это, в общем, дает в год довольно значительную переплату»[65]. Малолетние же и подростки, по мнению Грязнова, «вознаграждением 36–40 коп. в день будут совершенно довольны, переплата эта устранится и тем даст производству Мануфактуры соответствующую экономию»[66]. То же самое преимущество при новом режиме работы Грязнов видел и для ряда специальностей, замещаемых женщинами: «...существующий ныне заработок в 40–45 коп. для ватерщиц, в большинстве

случаев многосемейных женщин, и заработок в 26 коп. для съемщиц, хотя и более молодых, но также в большинстве случаев семейных женщин, уже теперь многим из них кажется слишком малым; в будущем он будет казаться еще более малым, и потому возможно, что вызовет желание увеличения. При замещении же должностей съемщиц девочками (12–15 лет) и мест ватерщиц молодыми (15–17 лет) девушками тот же заработок в 26 копеек первым и 40–45 копеек вторым будет казаться вполне достаточным, и тем самым, очевидно, надолго застрахует Мануфактуру от предъявления со стороны ватерщиц каких бы то ни было требований об увеличении их заработка»[67].

Наконец, он писал и о том, что «...одним из основных последствий перехода Мануфактуры на 18-часовую работу явится возможность замещения должностей, занятых ныне взрослыми мужчинами, женщинами и подростками... Замена эта даст Мануфактуре, во-первых, некоторое удешевление стоимости производства, ибо труд женщин на Мануфактуре оплачивается дешевле мужчин; во-вторых, [позволит] расширить область применения женского труда, соответственно сократив применение труда мужского, — обстоятельство особо важное для Мануфактуры при ее хроническом недостатке взрослых рабочих-мужчин и избытке женщин»[68].

Таким образом, хотя соображения о том, что женщинам следует отдавать более простые работы, очевидно, имели место, довольно важным еще было и соображение о том, что женщин вполне устроит невысокий заработок, который не устраивает мужчин, работающих на той же самой несложной работе.

Поденные ставки оплаты женского труда, в отличие от мужского, мало зависели от стажа или возраста работницы, индексация ставок происходила для всех единовременно. Вообще, если вернуться к изучению заработков женщин красильного отделения коншинской фабрики, мы заметим, что женщины составляли чрезвычайно однородную по оплате труда группу работников: коэффициент вариации их заработков чрезвычайно невысок — всего 2–5 %! Применительно к вопросу о мотивации труда необходимо сделать вывод, что стимулирование труда работниц красильного отделения путем дифференциации заработков не являлось предметом внимания со стороны фабричной администрации.

То же мы можем сказать и в отношении работниц ЯБМ. Ставка оплаты женского труда и здесь практически не зависела от стажа. При найме на фабрику новой работницы ей могли первоначально платить лишь половину поденной ставки остальных работниц этой специальности. Но через 1–3 месяца она, как правило, начинала получать полную ставку, размер которой обычно не менялся на протяжении нескольких лет. Разница в оплате труда у женщин также была очень небольшой. В частности, размер их поденной ставки, независимо от специальности, колебался в пределах 40–55 коп., составляя в среднем около 47 коп. в ткацком отделении и около 49 коп. — в отбельном. У мужчин в этот же период разница в размере поденных ставок для рабочих различных специальностей была значительно больше: в отбельном отделении она составляла 0,50–1,50 руб. (т. е. максимальная ставка превышала минимальную в 3 раза), в ткацком отделении 0,35–1,40 руб. (в 4 раза).

В советской историографии был принят общий тезис, что женщины зарабатывали меньше мужчин, потому что фабриканты стремились платить женщинам меньше за производство тех же работ ради собственной выгоды. Однако на деле этот подход представляется упрощенным, и меньший уровень зарплаты женщин определялся характером их работ и рядом других причин. С одной стороны, низкие ставки оплаты женского (а также и подросткового) труда были вызваны низкой

квалификацией женщин и большей простотой тех работ, на которых в основном работали женщины. Один из современников указывал, что женщины часто не берутся за такие работы (или их не берут на такие работы), которые «традиционно» считаются мужскими, хотя женщины вполне могли бы их выполнять, и потому работают в основном на самых низкооплачиваемых работах, «сами себя обесценивая на рынке труда»[69]. Это могло быть сознательной политикой фабрикантов, но все же это — не то же самое, что дискриминация в оплате одинакового труда.

С другой стороны, если женщины и мужчины выполняли совершенно одну и ту же работу, то они на самом деле могли работать из одинаковых расценок. Мы видим именно это в ткацком производстве у Коншиных. Вместе с тем в материалах, относящихся к Ярославской мануфактуре, мы встречаем свидетельство, что если работа стоила мало, то женщинам считалось нормальным платить за нее мало, в то время как мужчинам на той же работе повышали расценки только потому, что мужчинам платить так мало считалось неудобным. Таким образом, вопрос о типичном соотношении «справедливых» и «дискриминационных» факторов в низкой оплате женского труда требует подробного изучения делопроизводственных материалов большего количества фирм.

Наконец, стоит иметь в виду, что, даже и работая из одного расценка с мужчинами, женщины обычно все равно получали меньше. В списке рабочих прядильно-ткацкой фабрики Коншиных действительно есть ткачихи, заработавшие за июнь 1914 г. больше 25 руб. (53 случая из 1 146), 5 работниц — даже больше 30 руб., максимум — 37 руб. 17 коп. Однако средние цифры по заработкам ткачей таковы: ткачихи — 19,19 руб. (1 146 человек), ткачи — 21,75 руб. (239 человек), ткачи «на 4 станка» — 26,72 руб. (146 человек). Нужно учитывать, что при утомительной работе женщины в среднем, видимо, вырабатывали вообще меньше мужчин и поэтому получали меньше денег. Действовали и другие причины. Так, в одной из статей, посвященных обработке данных известного бюджетного обследования петербургских текстильных рабочих, проведенного под руководством М. Давидовича, вскользь упоминается, что мужья, объясняя причины более низкого заработка жен, говорили: «Расценки одни, да пропускает много из-за детей», т. е. женщины, больше занятые детьми, были вынуждены чаще прогуливать и потому меньше зарабатывали и к тому же, вероятно, больше штрафовались за опоздания и прогулы[70].

Подростковый труд

Наконец, необходимо отдельно охарактеризовать ситуацию с оплатой труда подростков и малолетних рабочих, которые, как известно, также получали существенно меньшие заработки, чем взрослые рабочие-мужчины. Первый закон об ограничении применения труда малолетних на фабриках был принят 1 июня 1882 г.[71]; в соответствии с ним детей до 12 лет принимать на работу запрещалось, а длительность рабочего дня подростков (12–15 лет) ограничивалась восемью часами.

В «Своде отчетов фабричных инспекторов» проведена такая возрастная градация: 12–15 лет — малолетние, 15–17 лет — подростки, свыше 17 лет — взрослые рабочие. Однако, например, на Коншинской фабрике ученики в граверной, начиная обучение с 13–15 лет, еще указывались учениками в 18–19 лет. Поэтому в наших таблицах возраст 19 лет взят как граница между подростками и взрослыми.

У Коншина оплата подросткового труда производилась по двум основным моделям. В граверном отделении это, как уже говорилось, ученики: они в первый год получали очень маленькую помесячную ставку — 1 руб. 25 коп. в месяц, во вто-

рой год — 2,5 руб., затем 3,75 руб., 5 руб., 6 руб. 67 коп., 10 руб. В расчетных книгах 1880-х гг. заработок ученика указывался не в виде помесячной ставки, но в виде пятилетней платы, а именно так: «На 5 лет 230 рублей: 1-й год — 15 руб., 2-й год — 30 руб., 3-й год — 45 руб., 4-й год — 60 руб., 5-й год — 80 руб.». По окончании ученичества следовал некоторый период (2–3 года) их полусамостоятельной работы на ставках 14–20 руб. в месяц, и потом они уже не именовались учениками, при этом рост их заработка происходил заметно быстрее, чем у старых рабочих. В красильном отделении, не требующем квалифицированного труда, оплата подросткового труда мало отличалась от оплаты взрослого труда. Только что нанимающиеся молодые рабочие хотя и получали самые низкие ставки, но за 2–3 года сравнивались с основной массой рабочих, и им не приходилось рассчитывать на серьезные перспективы роста зарплаты — дальше ее повышение происходило в общей массе рабочих, и оно было связано только с общей предусмотренной индексацией заработка.

Рассматривая заработную плату учеников в граверном отделении ситценабивной фабрики Коншина, М. И. Гильберт в своей статье сделал вывод, что не у всех учеников достаточно быстро росла заработная плата: «Ученичество далеко не всегда обеспечивало тем, кто его прошел, высокую квалификацию и сколько-нибудь удовлетворительный заработок. Ставки многих рабочих даже спустя 10 и более лет по окончании обучения не достигали и 1 руб. в день»[72]. Для иллюстрации он приводит ставки оплаты восьми рабочих, бывших ранее учениками. Отметим, что только один из них через 10 лет после окончания ученичества получал в день меньше, чем 1 руб. в день (при том, что в 1880–1890-х гг. ставка 1 руб. в день заметно превышала среднюю по предприятию). Мы можем, однако, рассмотреть положение тех же самых рабочих на большем временном интервале, чем это сделал Гильберт. Оказывается, что через 20 лет после окончания своего ученичества только двое из восьми не работали на фабрике, а остальные[73] работали на ставках от 54 до 86 рублей в месяц, что на общем фоне никак нельзя назвать низкой зарплатой. Поэтому приведенный вывод Гильберта, по крайней мере, на той выборке, которой пользовался он сам, не подтверждается архивными данными.

Какова роль различных факторов, определяющих дифференциацию зарплаты рабочих? Рассмотрим этот вопрос по индивидуальным данным об оплате труда рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики Коншина. Собранные материалы позволяют нам использовать такой эффективный инструмент математической статистики, как регрессионный анализ[74]. Модель множественной регрессии требует задания зависимого количественного признака и набора факторов (независимых признаков), влияющих на результат. Возьмем в качестве зависимого признака зарплату рабочих, а в качестве независимых признаков — стаж работы на фабрике, размер их начальной зарплаты, принадлежность к крестьянскому сословию и ученичеству (в начале рабочей биографии)[75]. Эти данные взяты из построенной нами базы данных для каждого из 153 рабочих граверного отделения, работавших в 1913 году. Полученная регрессионная модель показала, что в данной выборке сословное происхождение является статистически незначимым фактором, а остальные три в совокупности определяют 64 % различий в зарплате рабочих (об этом говорит значение коэффициента детерминации R^2); стало быть, все неучтенные нами факторы объясняют лишь немногим более трети этих различий. При этом, сравнивая вклады этих трех факторов, можно упорядочить их таким образом: размер начальной зарплаты (характеристика уровня квалификации рабочего при поступлении на фабрику), ученичество, стаж работы. Как показывает регрессион-

ный анализ, увеличение начальной зарплаты на 1 руб. в среднем приводило к увеличению текущей зарплаты в 1913 г. на 0,90 руб., увеличение стажа работы на один год — к росту зарплаты на 1,09 руб., а зарплата рабочих, прошедших ученичество, в среднем превышала зарплату остальных на 29,9 руб. (при фиксированных значениях остальных признаков)[76].

Таким образом, мы имеем еще одно — статистическое — обоснование существенной роли фактора ученичества в динамике зарплаты рабочих -граверов.

Система оплаты труда подростков и малолетних рабочих на ЯБМ была схожей с описанной выше и применявшейся у Коншина. В большинстве случаев малолетние рабочие и подростки принимались на фабрику на те виды работ, которые не требовали специальных знаний и навыков. Заработок их был заметно ниже, чем у взрослых рабочих, что иллюстрируется данными из приводимой ниже таблицы.

Таблица 27

Сведения о среднем месячном заработке взрослых мужчин и подростков — рабочих ЯБМ по некоторым специальностям за июнь 1914 г., руб.

Специальность	Взрослые	Подростки
Смазывальщики	20,09	10,60
Клеймильщики	19,10	11,11
Шнуровщики	15,83	11,26
При письменных занятиях	21,24	14,39

Источник данных для подсчетов: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227.

Значительная разница существовала и между заработками малолетних и подростков одной специальности. Так, за июнь 1914 г. ставильщики-подростки получили в среднем 16 руб. 82 коп., а малолетние — 8 руб. 48 коп., т. е. в 2 раза меньше. У женщин-работниц ЯБМ разница в заработках взрослых и подростков, как правило, была менее заметной и составляла по большинству специальностей около 4 рублей.

Помимо неквалифицированных работ, подростков и малолетних работников принимали на фабрику в ученичество. Если на большинство специальностей в качестве учеников брали работников в возрасте примерно до 25–28 лет (например, ткацкие ученики — как мужчины, так и женщины), то обучать таким специальностям, как слесарь, столяр, токарь предпочитали именно подростков[77]. В большинстве случаев это были дети рабочих ЯБМ. Как правило, родители сами обращались с просьбой к управляющему о приеме ребенка в качестве слесарного, токарного или столярного ученика. Администрация, вынося решение о приеме на работу подростка, учитывала, сколько лет работают на фабрике его родители и как они зарекомендовали себя на производстве. Предпочтение отдавалось детям из семей, «имеющих здесь постоянную оседлость»[78].

Как правило, в качестве столярных, слесарных, токарных учеников принимали подростков, имеющих хотя бы минимальное образование (окончивших приходскую или фабричную школу). Обучение этим специальностям продолжалось пять лет. На рубеже веков и в первые годы XX в. труд таких учеников оплачивался по следующей схеме. В течение первого года они могли получать только натуральное содержание, в последующие годы получали заработок в денежной форме, и его размер увеличивался с каждым следующим годом. Так, П. А. Голубков, принятый

в слесарные ученики механического завода ЯБМ в 1898 г., на второй год обучения слесарному делу получал 5 руб. в месяц, на третий год — 8 руб., на четвертый год — 10 руб., на пятый — 12 руб. В 1903 г., по окончании пятилетнего срока обучения, он был зачислен слесарем с жалованием 70 коп. в день[79]. Этот уровень оплаты был типичным для начинающего слесаря.

В начальный период самостоятельной трудовой деятельности бывший ученик как рабочий с маленьким стажем еще получал небольшую зарплату. Но с точки зрения перспективы такой работник явно был в выигрыше. В случае добросовестной работы и отсутствия дисциплинарных замечаний он в течение примерно двух лет имел возможность увеличить свой заработок до 1 рубля и более в день, т. е. до уровня квалифицированного и хорошо оплачиваемого работника.

К 1908 г. вид начисления заработка на ЯБМ слесарным, токарным и столярным ученикам изменился. В 1908–1914 гг. все они находились на поденной ставке (впрочем, как и взрослые рабочие этих специальностей во всех отделениях фабрики), размер которой зависел от качества работы и, возможно, от того, какой год обучения шел. В июне 1914 г. слесарные, токарные и столярные ученики получали в среднем 64–70 коп. в день, что было примерно в 2–3 раза меньше заработка взрослых рабочих соответствующих специальностей.

ПРЕМИИ И НАГРАДЫ

Существование поощрений в виде премиальных выплат для рабочих (а не только для служащих) на дореволюционных фабриках, судя по всему, было исключительной редкостью; видимо, в силу этого обстоятельства данное явление совершенно не представлено в исследовательской литературе. Тем не менее в архивных материалах этот сюжет, хоть и скудно, но представлен.

Так, в частности, правление Товарищества ЯБМ в 1860-х гг. выработало «Особые правила», согласно которым предусматривались благодарности и награды (здесь имеются в виду денежные) работникам предприятия за «усердный» и «аккуратный» труд[80]. Материальное поощрение было весьма существенным, приблизительно 10 руб.[81] Иными словами, подобная награда соответствовала среднемесячному заработку полуквалифицированного рабочего. Можно предположить, что «Особые правила» были своеобразным экспериментом со стороны руководства ЯБМ, которое под воздействием экономической конъюнктуры — кризиса в хлопчатобумажной промышленности — пыталось использовать новые методы в управлении фабрикой. В 1870–1890-е гг. распоряжения, касающиеся такого рода благодарности за хорошую работу, среди приказов Товарищества ЯБМ уже не встречаются[82].

У нас нет систематических данных о премиальном вознаграждении рабочих ЯБМ. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют обозначить две формы премий, выплачиваемых текстильщикам: денежные и натуральные. Денежная премия выплачивалась рабочим по следующим основаниям:

1) за хорошую работу. Размер такой премии составлял 30–50 % от среднемесячной зарплаты работника. В источниках, например, часто встречаются «награды», выплачиваемые сторожам «за поимку рабочих с краденными и недозволенными вещами»[83];

2) за работу в выходные и праздничные дни. Сверхурочные работы такого рода именовались «премиями» или «наградами», а премиальное вознаграждение соответствовало максимальной оплате труда для определенной категории рабочих[84];

3) по случаю праздников. Размер этих премий равнялся приблизительно дневному заработку рабочего. Как правило, такая премия выплачивалась каждому работнику к Рождеству и на Пасху[85].

Видимо, выплаты по случаю этих праздников встречались на предприятиях чаще, чем по другим поводам, поскольку выдачу наградных к праздникам практиковали и на фабриках Н. Н. Коншина. Нам не удалось найти в делопроизводстве этого товарищества информации о том, чтобы наградные платили рабочим основных производящих фабрик (более того, есть основания предполагать, что до 1914 г. такие выплаты не производились[86]), но есть сведения по рабочим хозяйственных учреждений в 1913 г.[87] Для них существовали именные списки на получение наградных, так что выплачивались наградные, возможно, не всем, но, во всяком случае, большинству рабочих. Размер этих наградных не очень велик. К Пасхе 1913 г. рабочие хозяйственных учреждений получили по 20–25 копеек, десятники — по 1 рублю. Некоторым рабочим награда была назначена ситцем.

Выплата премиального вознаграждения только в натуральной форме практически не встречается. «Водка и хлеб», «кренделя и вино» являлись дополнением к денежной премии за хорошую работу[88]. Например, в 1897 г. рабочим ЯБМ было выдано «на чай к празднику Рождества Христова»[89].

Для фабрик Товарищества Н. Н. Коншина известен разовый случай введения премий за продукцию без брака «с целью поднять в них [рабочих] интенсивность и качество работы» рабочим ситценабивной фабрики; премия вводилась на период 1908/09 г.[90] Однако, хотя по протоколу заседания правления кажется естественным сделать вывод, что эта мера является непосредственно элементом стимулирования хорошей работы[91], она была именно разовой мерой. Об этом недвусмысленно сказано в письме, направленном в январе 1909 г. в Московское губернское по фабричным и горнозаводским делам Присутствие: «Мотивом к введению премии послужило то обстоятельство, что вследствие наводнения на Пасху 1908 года работы на ситценабивной фабрике были приостановлены на довольно продолжительное время, и рабочие фабрики, занятые непосредственно при бумаго-печатном производстве, были лишены фабричного заработка. Принимая во внимание тяжелое положение своих рабочих, Правление Товарищества и решило выдавать им в период производства с Пасхи 1908 года по Пасху 1909 года премию»[92]. Более того, решение о введении этой премии относится к декабрю 1908 г.[93], именно этим вызвано решение выдать премию дважды — на Рождество 1908 г. и на Пасху 1909 г., т. е. за уже отработанное и еще не отработанное время. Таким образом, бóльшую часть того года, за который вводилась премия, рабочие вовсе и не знали о том, что им будут платить премию за хорошую работу. Поэтому рассмотренный случай премии стóит считать не элементом мотивации труда, а, скорее, красиво оформленным решением администрации компенсировать вынужденный простой на собственной фабрике, случившийся отнюдь не по вине рабочих почти за год до самого решения.

Напротив, в марте 1907 г., также перед Пасхой, т. е. в конце расчетного года, когда рабочие просили выдать им премию, администрация Коншиных не пошла на это: «А. Н. Коншин доложил Правлению, что к нему обратились рабочие фабрик Товарищества с ходатайством о выдаче наградных денег. Правление постановило: наградных рабочим не выдавать, а изменить расценок, уравняя сначала заработок как сдельных, так и поденных рабочих, а затем уже увеличить общий расценок, причем то и другое, т. е. уравнение заработка и увеличение расценка в среднем не должно превышать 8 % выплачиваемой в настоящее время зарплаты. О решении вывесить объявление»[94]. Возможно, идея о повышении расценок и без требований

рабочих уже стояла в планах администрации, однако вопрос о том, почему администрация предпочитала повысить заработки, но не выплачивать премию, казалось бы, не так уж ясен.

Тем не менее интересное свидетельство на этот счет содержится в объяснениях правления, направленных в канцелярию московского губернатора по поводу забастовки на ситценабивной фабрике, состоявшейся в 1902 г. Рабочие, в частности, требовали «выдать премию, которая была уничтожена год назад». Правление дало по этому поводу следующее разъяснение: «До Пасхи 1901 г. на фабрике практиковалась выдача рабочим премий за доброкачественную работу, но т. к. большинство рабочих наняты с расчетом платы поденно, то определять в каждом частном случае, кому именно следует выдать премию, а кому нет, было чрезвычайно затруднительно и вызывало частые неудовольствия, так что в конце концов премию стали выдавать всем рабочим, но, вместе с тем, размеры ее и способ ее исчисления не были достаточно ясно определены, почему с Пасхи 1901 г. выдача премий была уничтожена и заменена повышением поденной платы»[95]. Таким образом, правление получило негативный опыт введения премий: неизвестно, насколько они стимулировали доброкачественную работу, но, во всяком случае, они порождали обиды тех, кому премии не досталось. Вероятно, именно поэтому настоящих премий и наградных, насколько нам известно, у Коншиных больше не вводилось.

На ЯБМ же в начале XX в. в качестве «мотивирующего поощрения» фабричного рабочего за длительную службу на ЯБМ практиковались единовременные выплаты, состоящие из двух категорий наград[96]:

1) награда «за долголетнюю службу» полагалась работникам с 25-летним трудовым стажем; ее размер был строго фиксированным и составлял 25 рублей (т. е. по 1 руб. за каждый отработанный год);

2) «добавочная» награда официально полагалась работникам с 35-летним стажем работы на ЯБМ и составляла 10 рублей (т. е. также по 1 руб. за каждый год сверх 25-летнего стажа). Однако если трудовой стаж составлял от 27 до 34 лет, и рабочий вынужден был уволиться в связи с болезнью или преклонным возрастом, он, как правило, тоже получал денежное вознаграждение. Реально сумма, выдаваемая как «добавочная» награда, могла колебаться в пределах 6–25 рублей и определялась индивидуально для каждого работника в зависимости от следующих факторов:

— количества лет, проработанных сверх 25-летнего стажа;

— наличия (отсутствия) взысканий за те или иные производственные и дисциплинарные нарушения;

— материального положения работника и его семьи.

Таким образом, специальность рабочего (а следовательно, и размер его заработка) не влияли на факт выдачи денежного вознаграждения за многолетний стаж и его размер.

Практика выплаты наград «за долголетнюю службу» существовала на ЯБМ уже в 1880-х гг. Но размер вознаграждения был меньше. Так, в личном деле П. Ф. Балясникова, начавшего свою трудовую деятельность на мануфактуре в 1866 г., записано, что награда за 25 лет работы в размере 15 руб. ему была выдана «при директоре Шокросе». Отсутствие точной даты выплаты, которая всегда указана, если награда выплачивалась в начале XX в., объясняется тем, что личные дела начали вести на ЯБМ только на рубеже XIX—XX вв. Дополнительную награду в 10 руб. Балясников получил 20 января 1897 г. В 1903 г. ему было выдано еще 6 руб., и в 1908 г. — еще 10 руб. добавочной награды[97].

В начале XX в. практика выплаты денежного вознаграждения за длительный трудовой стаж приобрела больший размах, о чем свидетельствуют протоколы заседаний правления ЯБМ, а также книги, в которых фиксировались просьбы рабочих в фабричную администрацию, за 1901 и 1902 гг. В этих книгах содержатся за 1901 г. — семь, за 1902 г. — восемь прошений рабочих о выплате им денежной награды «за долголетнюю службу». В 1901 г. отказано было одному рабочему, в 1902 г. — двоим, остальные получили по 25 рублей «наградных»[98]. О выплате в указанные годы «добавочных» наград сведений не имеется.

В 1908–1914 гг. просьбы рабочих ЯБМ о наградах за долголетнюю службу группировались в отдельные книги. За семь лет (1908–1914 гг.) в них учтено 1695 прошений (табл. 28). Из них 1 651 работнику (884 мужчинам и 767 женщинам) были выплачены денежные награды (в том числе «за долголетнюю службу» — 1 187 и «добавочных» — 464), а 44 человека получили отказ (37 мужчин и 7 женщин)[99]. В целом за семь лет (1908–1914 гг.) процент отказов и отсрочек при выплате наград «за долголетнюю службу» составляет 3,5 % от общего числа поданных прошений, тогда как при выдаче «добавочных» вознаграждений он составляет лишь 0,4 % (т. е. всего два отказа, оба по причине прогулов). Возможно, низкий процент отказов при выплате обеих категорий наград объясняется тем, что рабочий предварительно обсуждал возможность получения им денежного вознаграждения за многолетний стаж с представителями низшего звена фабричной администрации, и только после этого оформлял официальное прошение.

Таблица 28

Награды за долголетнюю службу, выданные рабочим Ярославской Большой мануфактуры. 1908–1914 гг.

Год	Выдано наград					
	За долголетнюю службу (25 лет)			Добавочная (35 и более лет)		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1908	97(4)	70	167	49(1)	24	73
1909	71	65	136	33	31	64
1910	79(3)	80(4)	159	37(1)	33	70
1911	89(2)	73(4)	162	22	29	51
1912	90(2)	78(1)	168	39(1)	31	70
1913	91(4)	74(1)	165	31(1)	26(1)	57
1914	116	114(2)	230	40	39	79

Примечание: в скобках указано количество наград, выданных уже после смерти рабочих членам их семей (они включены в общее число наград, указанных в той же графе).

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6073.

Необходимо отметить, что при условии добросовестного труда и отсутствии (или минимальном количестве) дисциплинарных замечаний и наложенных взысканий награду «за долголетнюю службу» мог получить рабочий, не имеющий 25-летнего стажа, но проработавший на предприятии не менее 22 лет. Это происходило в следующих случаях:

1) если рабочий вынужден был уйти с фабрики по состоянию здоровья, то ему выдавалось вознаграждение в полном размере (25 рублей);

2) в случае смерти рабочего награда в полном размере выплачивалась членам его семьи; кроме того, они получали 6–10 рублей на похороны в качестве единовременного пособия;

3) если рабочий просил о досрочной выплате вознаграждения в связи с тяжелым материальным положением его семьи.

Интересно, что в личных делах рабочих мы можем найти отметки о том, что наградную сумму рабочий получал не наличными: ему выдавалась сберегательная книжка с переведенным на нее вкладом.

Сумма вознаграждения, получаемая рабочими ЯБМ за многолетний стаж, была меньшей, чем у служащих. В качестве примера приведем следующий факт: в протоколе заседания правления Товарищества ЯБМ от 21 мая 1909 г. зафиксировано решение выдать одному из служащих за 25-летнюю службу награду в размере 300 рублей. Часто в качестве «наградных» служащие получали сумму, равную их годовому жалованию[100].

Следует учесть, что подобные награды выплачивались рабочим далеко не на каждом предприятии. Так, в 1912 г. в период забастовки на Норской мануфактуре (Ярославская губерния) одним из предъявленных требований было выдавать за 25 лет работы 25 рублей, но удовлетворено оно не было[101]. Поэтому выплаты «наградных» за многолетний стаж (а если учесть условия выплаты и причины полученных отказов, то и за соблюдение производственной и трудовой дисциплины) можно рассматривать как дополнительный материальный стимул к добросовестному труду и сохранению своего рабочего места.

Отметим еще один немаловажный момент. Фабричные рабочие, награжденные за многолетний стаж, имели больше шансов по сравнению с остальными получать ежемесячное пособие (пенсионного типа) после увольнения с предприятия.

Кроме денежного вознаграждения, рабочим на ЯБМ за 25-летний стаж полагался еще и именной памятный жетон. Он был сделан из серебра с позолотой и эмалевой вставкой, на которой указывались фамилия, имя и отчество работника. С другой стороны жетона указывался период работы на предприятии: нижняя дата — год поступления на мануфактуру, верхняя дата — год выдачи жетона (см. иллюстрации). Иногда период между двумя указанными датами мог составлять более 25 лет. Это происходило потому, что при подсчете количества проработанных лет администрация не включала в их число (вычитала из срока) периоды болезней, отлучек на родину или по каким-то семейным делам и т. п. Как и в случае с денежным вознаграждением, жетон выдавался работникам без различия пола и занимаемой должности.

Помимо денежных вознаграждений за длительный трудовой стаж на ЯБМ и именного жетона за 25 лет работы на предприятии, некоторых рабочих награждали серебряными часами «с цепочкой и надписями на крышках»[102]. Не удалось обнаружить каких-либо определенных критериев для определения, кто из рабочих достоин такого поощрения. В очерке о ЯБМ, подготовленном к Парижской выставке, говорилось просто, что этой награды удостаивались «старые рабочие»[103]. Материалы личных дел позволяют сделать несколько наблюдений по этому вопросу. Во-первых, среди награжденных часами — только мужчины (и это явно отличие от ситуации с выдачей жетонов). Во-вторых, все они имели стаж работы более 25 лет и уже получили денежную награду и жетон. В-третьих, они, начав работу на фабрике в возрасте 12–15 лет с самых низкооплачиваемых должностей, к моменту награждения серебряными часами занимали сравнительно высокую должность (часто это старшие рабочие различных отделов, ремонтировщики, паровщики и т. п.). Все это дает осно-

вание предположить, что награждение серебряными часами было следующей ступенью после жетона, но распространялось не на всех рабочих, а лишь на часть их.

Видимо, существовали и иные критерии при определении кандидатов на получение часов. Например, в личном деле И. И. Забелина, работавшего на ЯБМ с 1868 г. (поступил в 12 лет ставильщиком), 5 марта 1899 года (в это время он занимал должность старшего рабочего на мюлях) сделана запись: «Часов не заслуживает». К этому моменту он отработал на ЯБМ больше 30 лет, в марте 1897 г. получил награду в 25 руб. и именной жетон. Возможно, причиной отказа в получении серебряных часов послужило поведение Забелина во время забастовки 1895 г., поскольку в справке, находящейся как раз перед решением о «незаслуженности» часов, помимо прочих сведений о работе и семье, говорится: «принимал участие в подстрекательстве к стачке»[104]. Учитывая в целом жесткое отношение Правления Товарищества и фабричной администрации к инициаторам беспорядков на мануфактуре, заподозренным в принадлежности или сочувствии революционным организациям, это вполне могло быть основанием для лишения отказа работнику в этой награде.

Безусловно, важным является вопрос, насколько сами работники ценили такие «нематериальные» поощрения (хотя жетон, для изготовления которого использовалось золото, и серебряные часы — отнюдь не дешевые вещи). Попробуем ответить на него, рассмотрев конкретный пример. Ф. И. Васильев работал на фабрике с 1876 г. (поступил в 12 лет тазовщиком), с конца 1890 г. занимал должность старшего рабочего. 6 марта 1902 г. он получил награду 25 руб. и жетон, а 31 июля того же года — серебряные часы «с надписью и цепочкой»[105]. В личном деле Ф. И. Васильева сохранилась его «докладная записка» на имя А. Ф. Грязнова, составленная уже после увольнения его в 1905 г. В этой записке он обращается с просьбой об увеличении ежемесячного пособия пенсионного типа, поскольку, по его словам, получаемые им 10 рублей «для существования с семейством слишком ничтожны...»[106] Кстати, размер упоминаемого пособия также свидетельствует о том, что его отличали от большинства рабочих, размер пособия которых после прекращения работ в силу преклонного возраста крайне редко превышал 4–5 рублей, а для большинства составлял 3 рубля (подробнее об этом см. главу VIII данной книги). Обосновывает он свою просьбу следующим образом: проработав честно 29 лет, «я от фабричной администрации имею за свою добросовестную службу особого рода знаки, как например, часы и жетон за 25-летнюю службу, а это для рабочего имеет весьма немаловажное значение и даже дает некоторого рода преимущество перед другими по службе»[107]. О том, что рабочие ценили эти награды, свидетельствуют и их потомки, которые в беседах, проведенных сотрудниками музея комбината «Красный Перекоп» и одним из авторов данной книги, упоминали о том, что даже в тяжелые годы Гражданской войны, когда приходилось продавать некоторые вещи, рабочие сохранили «знаки отличия», полученные за длительную и долговременную работу на ЯБМ.

* * *

Итак, проведенный нами анализ как сводных, так и индивидуальных данных об оплате труда рабочих выявил ряд весьма важных моментов, характеризующих роль зарплаты как одного из ведущих трудовых стимулов.

В течение последних трех десятилетий до Первой мировой войны зарплата большинства рабочих-текстильщиков имела тенденцию к росту, и это относится

не только к номинальной, но и (в меньшей степени) к реальной заработной плате. Для обеспечения нормальной работы фабрик, закрепления на них кадровых рабочих предприниматели вынуждены были принимать меры к тому, чтобы уровень жизни фабричных рабочих не ухудшался.

Важным механизмом стимулирования труда рабочих была дифференциация оплаты труда. Хотя, как было отмечено, уровни зарплаты как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих со временем росли, разница между ними пусть и медленно, но тоже увеличивалась. Это было обусловлено как тем, что высококвалифицированным рабочим чаще и на бóльшую сумму поднимали ставки оплаты труда, так и тем, что среди рабочих высокооплачиваемых профессий была меньшей текучка, и там рабочие за несколько лет непрерывной работы дорабатывали до неплохих ставок зарплаты. Сравнение сводных по профессиям с наиболее детальными, индивидуальными данными по зарплате показало, что недоучет степени дифференциации заработка, вызванный агрегированием данных, получается достаточно высоким. Практически во всех цехах крупной фабрики мы находим рабочих (мастеров) высокой квалификации с заработком, значительно (в несколько раз) превышающим средний заработок рабочих фабрики.

Интересно, что дифференциация оплаты труда женщин-работниц была существенно более низкой, и вообще материальному стимулированию женского труда предприниматели уделяли меньше внимания. Даже при сдельной оплате труда женщины-работницы в среднем зарабатывали меньше мужчин, исполняющих ту же работу, хотя в индивидуальных случаях порой женщины зарабатывали больше среднего мужского заработка. Вопрос о том, почему женский заработок в среднем был меньшим — в результате ли характерной для того времени гендерной дискриминации или в силу разницы в средней производительности женщин и мужчин — как мы показали, не имеет однозначного ответа. Зачастую играли свою роль оба фактора (хотя на коншинских фабриках прямой дискриминации в оплате труда, судя по имеющимся документам, не было), при этом еще и сниженная (в сравнении с мужским трудом) производительность женского труда была обусловлена целым рядом разных причин.

Разница в оплате труда различных категорий профессий на российской текстильной фабрике (насколько это можно видеть на рассмотренных нами предприятиях) была большей, чем разница в оплате труда таких же рабочих в странах Западной Европы или Америки. Представляется справедливым объяснять это явление особенностями рынка рабочей силы в России — бóльшим, по сравнению с западными странами, предложением неквалифицированной рабочей силы и меньшими для нанимателя возможностями найти квалифицированных рабочих с достаточно высокой культурой труда.

Данный фактор проявлял себя и в стратегии предприятий относительно рабочей силы в кризисные периоды. Как показывают архивные материалы, предприниматели стремились не снижать зарплату квалифицированным рабочим, чтобы удержать их, не допустить их перехода на другие предприятия. Они скорее шли на сокращение рабочих мест, чем на уменьшение заработной платы рабочих (это относится в большей мере к квалифицированному труду).

Мы показали, что на изученных предприятиях проводились первые эксперименты в отношении введения материального премирования кадровых рабочих, имевших хорошие производственные показатели и трудовую дисциплину, однако эти попытки не всегда давали положительный результат, и роль премирования до революции имела невысокое значение.

Большой интерес представляет такое явление, как разовая выплата крупных премий заслуженным рабочим по достижении ими большого стажа. Эта практика, до сих не нашедшая отражения в историографии, была хорошо отлажена на Ярославской мануфактуре в начале XX в., но не применялась на коншинских фабриках.

Один из механизмов стимулирования был связан с видами оплаты труда рабочих.

При сдельной оплате труда увеличение заработка рабочего было возможно обычно за счет повышения производительности труда. Те, кто находились на временной (поденной или месячной) ставке, имели больше шансов увеличить заработок за счет пересмотра администрацией размеров этих ставок. Месячная ставка была, видимо, предпочтительнее для рабочего в плане дальнейшей перспективы роста его зарплаты. Нередко перевод на месячную ставку являлся следствием более высокой квалификации работника, более добросовестного отношения к труду, большей заинтересованности в нем предпринимателя, стремившегося таким образом закрепить на предприятии ценного работника.

Невысокий начальный размер ставки рабочего-«новичка» на период «испытательного срока» создавал перспективу роста: при условии добросовестного труда и соблюдения Правил внутреннего распорядка такой работник имел больше возможностей повысить размер своего заработка.

Значительные перспективы в плане роста заработной платы давал институт ученичества. На фабриках существовал порядок набора учеников (чаще всего — из числа детей зарекомендовавших себя рабочих) на обучение квалифицированным работам. Хотя в первые несколько лет заработок таких учеников был очень скромным, они получали нужную для фабрики профессию и дальше в большинстве случаев надолго оставались работать на фабрике, при этом рост их зарплаты был относительно быстрым, и через 5–10 лет работы заработок бывших учеников уже заметно превосходил средний уровень заработной платы, притом рост их заработка продолжался.

В период Первой мировой войны роль факторов стимулирования труда текстильщиков, связанных с дифференциацией их зарплаты, уменьшается. Назначение процентных (инфляционных) прибавок к зарплате проводится в соответствии со шкалой, согласно которой низкооплачиваемые рабочие получали больший процент прибавки к заработку, чем высокооплачиваемые. Вместе с тем существенным фактором трудовых отношений является постоянная индексация заработной платы, вдогонку за инфляцией. Ближе к 1916–1917 гг. чистое значение заработка постепенно размывается, а к увеличению заработка добавляются «военное пособие», скидка на натуральное обеспечение товарами первой необходимости из харчевой лавки (подробнее см. главу VI), а также (в 1917 г.) к заработку прибавляется «компенсация» при переходе на сокращенный, 8-часовой рабочий день.

[1] Отметим сразу, что наиболее представительные данные о заработной плате рабочих нам удалось выявить в архивном фонде Товарищества Н. Н. Коншина.

[2] См.: *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению... С. 127; *Краснов А.* Что такое сдельная плата? СПб., 1907. С. 6.

[3] *Краснов А.* Указ. соч. С. 5.

[4] Там же. С. 8.

[5] См.: *П. Т. [Тимофеев П.]* Заводские будни (Из записок рабочего) // Русское богатство. 1903. № 8. С. 48.

[6] *Козьминых-Ланин И. М.* I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих... С. V.

[7] Там же. Таблица в конце брошюры.

[8] *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению... С. 90.

[9] *П. Т. [Тимофеев П.]* Заводские будни... С. 50–51.

[10] См., например: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

[11] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4484. Л. 1–198.

[12] Там же. Д. 7691. Л. 12.

[13] Там же. Д. 5851. Л. 14; Д. 7688. Л. 11.

[14] Индекс М. П. Кохна обычно используется в качестве индекса розничных цен в период 1885–1913 гг. Он подсчитан отдельно для Москвы и С.-Петербурга. См.: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории... С. 114–115. В прил. 27 значения московского индекса Кохна за отдельные годы используются в качестве оценки уровня инфляции для указанных месяцев в период 1901–1913 гг. Динамика ежегодных значений индекса Кохна для розничных цен Москвы и С.-Петербурга в 1885–1913 гг. приводится в прил. 37.

[15] См. табл. 16.

[16] Приводить всю шкалу целиком представляется излишним, она очень подробна (37 строк).

[17] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 283. Л. 2–2 об.

[18] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 195.

[19] Надо отметить, что с 1 апреля 1916 г. правление попыталось ввести разные прибавки: взрослым мужчинам — по 20 коп., женщинам и подросткам — по 15 коп. в день. Но это вызвало протест со стороны рабочих, и правление согласилось на одинаковое для всех увеличение — по 20 коп. в день «на каждый рабочий номер».

[20] См.: *Струмилин С. Г.* Оплата труда в России... // Плановое хозяйство. 1930. № 7–8. С. 155; *Лаврентьев В.* Заработная плата в России... С. 51.

[21] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 43 об.–44.

[22] *Рожкова М. К.* Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры... С. 334, 339.

[23] Ту же проблему — явную заниженность данных расчетных книг по отбельной и красильной мастерским ситценабивной фабрики Коншина — отмечал и М. И. Гильберт для периода 1870–1880-х гг. За неимением других источников ему пришлось сделать следующий вывод: «Приведенные данные... неправдоподобно малы и заставляют полагать, что... помимо денежной платы, учтенной в использованных нами документах, часть рабочих получала и натуральную плату или состояла на хозяйских харчах». См.: *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих... С. 319–320. Неизвестно, насколько следует соглашаться именно с такой трактовкой, но другой найти пока не удалось.

[24] *Гильберт М. И.* Указ. соч. С. 321.

[25] Сравнивались цены в лавке за декабрь 1901 г. и январь 1906 г. См.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 24.

[26] *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению... С. 120.

[27] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 6. Л. 355–356.

[28] Там же. Л. 351.

[29] *Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 122.

[30] «Фабричная жизнь», 19.12.1910. С. 6.

[31] *П. Т. [Тимофеев П.]* Заводские будни... С. 33.

[32] *Иванова Н. А.* Промышленный Центр... С. 270–271.

[33] *Рожкова М. К.* Трехгорная мануфактура ко времени революции... С. 7–26.

[34] Там же. С. 10–11.

[35] Там же. С. 12.

[36] *Williamson J., Lindert P.* American Inequality. A Macroeconomic History. San Francisco, 1980.

[37] Подробнее об этой теме см.: *Бородкин Л. И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сб. статей. М., 2001. С. 331–355.

[38] Выше было показано, что заработки конкретных рабочих-граверов увеличились в среднем на 146 % только за период 1900–1910 гг. Противоречия здесь нет, потому что сейчас мы рассматриваем средние показатели по всем рабочим цеха. При этом, конечно, рост зарплаты не так сильно выражен из-за того, что по всему цеху каждый год происходит смена состава рабочих, и на место высокооплачиваемых опытных рабочих приходят новички, которые получают существенно меньше.

[39] Так, данные расчетных книг показывают, что осенью 1902 г. средняя зарплата рабочих на рассматриваемой фабрике была 19 руб., в то время как зарплата набойщиков в среднем равнялась 15,4 руб. (т. е. выше, чем, например, средняя зарплата в таких больших отделах фабрики, как красильная (167 чел.) или каландринная (219 чел.) — 13,5 руб. и 13,3 руб. соответственно).

[40] *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих...

[41] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 244.

[42] Там же. Д. 60. Л. 41.

[43] *Козьминых-Ланин И. М.* Грамотность и заработки...

[44] Имеется в виду школьная грамотность (прил. 12, табл. 3).

[45] См.: *Козьминых-Ланин И. М.* Грамотность и заработки... М., 1912. Раздел III (таблицы). С. 18–19.

[46] Об этом красноречиво говорят и данные о происхождении рабочих фабрик Коншина и ЯБМ на начало XX в., приведенные в главе II.

[47] Отметим, что агрегирование данных о зарплате внутри отделов уже в рассмотренных нами расчетных книгах вносит некоторое рассогласование в анализируемые данные, так как оно явно рассчитывалось не простым суммированием индивидуальных данных. Иногда такое рассогласование бывает заметным. Например, в расчетной книге № 1 (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 184) лист укрупненных данных по граверному цеху содержит для октября 1902 г. следующие данные — 134 рабочих, суммарная зарплата 5 012,73 руб. Непосредственно за ним идут листы с персональной информацией. Простое суммирование этих данных дает другие данные — 139 рабочих, 4 848,24 руб. Агрегированные и индивидуальные данные полностью согласуются лишь для рисовального отдела (9 человек). Очевидно, рассогласование вызвано необъясненной пока спецификой в проведении такого агрегирования, возможно, это связано с состоявшимися кассовыми выплатами. Точно можно утверждать только, что учет сверхурочного заработка, размеров квартирных выплат и штрафов не объясняет эту проблему.

[48] Индекс Джини — показатель, характеризующий неравенство доходов, т. е. степень отклонения фактического распределения денежных доходов от равномерного; рассчитывается с помощью т. н. кривой Лоренца. В данном случае: если у всех рабочих зарплата одинакова, то индекс Джини равен нулю; если же допустить, что весь доход концентрируется у одного человека, индекс будет равен 100 %. См., например: *Нуреев Р. М.* Курс микроэкономики. Учебник для вузов. М., 1998. С. 297–311. О технике вычисления индекса Джини в исследованиях по рабочей истории см., например: *Бородкин Л. И., Валетов Т. Я.* Измерение и моделирование динамики неравенства в

оплате труда промышленных рабочих в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. С. 14–30.

[49] Разница в общем числе рабочих получается за счет исключенных из индивидуального рассмотрения рабочих, отработавших неполный месяц.

[50] Децильное отношение рассчитывается как отношение совокупного дохода наиболее и наименее оплачиваемых десятипроцентных групп.

[51] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 5. Д. 130, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 144, 146, 148, 150, 152, 154, 156. Таблица с данными также размещена на веб-странице Центра экономической истории исторического факультета МГУ (http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/DBASES/WAGES/index.htm).

[52] В статистике *медиана* равняется значению измеряемого показателя у среднего объекта, если объекты упорядочены по данному показателю. В данном случае это означает, что заработок половины рабочих был больше указанного значения, а другой половины — меньше указанного значения. *К-т вариации* — это статистический показатель, оценивающий, насколько сильно отличаются в общей массе значения изучаемого показателя всех объектов от среднего значения. Чем он меньше, тем более однородной является совокупность объектов. Если бы заработки всех рабочих были совершенно одинаковыми, то к-т вариации был бы равен нулю, но и вариация в 10–20 % свидетельствует о том, что заработки всех рабочих отличаются друг от друга очень мало. Подробнее см., например: Компьютеризованный статистический анализ для историков / Под ред. *Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой*. М., 1999. С. 12–16.

[53] См., например: *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»... С. 34–37, 63; *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»... С. 138–140, 197–198, 226–229.

[54] *Маркевич А. М., Соколов А. К.* Указ. соч. С. 20, 24, 45.

[55] См.: Русский рабочий в революционном движении... Биографии *А. Ф. Акулова, С. Г. Мазура, Д. Ф. Бабкина, Е. С. Старостиной-Салтыковой*. С. 173, 181, 195, 209.

[56] Помимо того, что этот принцип хорошо прослеживается по нашей таблице индивидуальных динамик заработка рабочих, мы можем привести аналогичное рассуждение хорошо информированных современников, касающееся рабочих-печатников: «чем дольше рабочий остается в одной мастерской, тем выше его оклад». См.: *Свавицкий Н., Шер В.* Очерк положения рабочих печатного дела в Москве (по данным анкеты, произведенной О-вом рабочих графических искусств в 1907 году). СПб., 1909. С. 23–24, 28–31.

[57] См.: *Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ. Вып. 2. М., 1882. С. 20–47.

[58] На эту тему см., например: *Кириллова Н. А.* Женщина-работница в крупной промышленности // Труды I-го Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 297–298.

[59] *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности... С. 129.

[60] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 36 об.

[61] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 145.

[62] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 236.

[63] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13, 16.

[64] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 144. В деле отсутствует нумерация листов.

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] *Чекин А.* Женский труд в современном производстве // Вестник Европы. 1911. № 11. С. 296–314.

[70] *Фросина.* Бюджет семей работниц // Труды I-го Всероссийского женского съезда... С. 319. Эта часть доклада почти дословно повторяется и в другой статье: *Давидович М.* Хозяйственное значение женщины в рабочей семье (По данным анкеты среди текстильных рабочих С.-Петербурга) // Познание России. 1909. № III. С. 120.

[71] «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». ПСЗ-III. Т. II. № 931.

[72] *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих... С. 326.

[73] Это *А. С. Белоусов, В. А. Березин, М. А. Зернов, С. Д. Оленин, С. В. Троицкий и И. К. Федоров* — см. прил. 10.

[74] Подробнее о регрессионном анализе см., например: Компьютеризованный статистический анализ... С. 65–85.

[75] Последние два признака — дихотомические, т. е. они принимают значения 0 или 1. При этом для сословия «0» означает крестьянство, а «1» — другую сословную принадлежность, для ученичества же «1» означает, что рабочий начинал работу на фабрике учеником.

[76] Характеристики построенного регрессионного уравнения и его параметров таковы:

$Y = 1{,}09X_1 + 0{,}90X_2 + 29{,}91X_3 + 7{,}42$

(7,65) (11,97) (8,78) (2,59) (*t*-статистика)

Здесь Y — зарплата рабочего в 1913 г.;

X_1 — стаж работы на фабрике;

X_2 — размер начальной зарплаты рабочего;

X_3 — принадлежность к ученичеству в начале его трудовой деятельности.

$N = 153$;

$R^2 = 0{,}638$;

$F(3{,}149) = 90{,}37$; $p < 0{,}00000$.

Фактор «сословное происхождение» в уравнение не входит, т. к. он оказался статистически незначимым (*t*-статистика = 0,21; $p = 0{,}83$). То, что этот фактор не влияет существенно на размер заработной платы, связано с особенностями выборки, ведь мы рассматриваем только рабочих граверного цеха, среди которых доля числящихся крестьянами составляла лишь немногим более 40 %, и притом среди них абсолютное большинство составляли крестьяне прилежащих к Серпухову деревень, фактически жители прифабричной слободы и нередко потомственные рабочие.

[77] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «В». Д. 46, 55, 71, 510а, 533, 582 и др.

[78] Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 15.

[79] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 12. Л. 58–58 об.

[80] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 173. Л. 79–81, 95–100 и др.

[81] Там же. Л. 126, 129.

[82] Там же. Д. 21459 и др.

[83] Там же. Д. 21431. Л. 19–27; Д. 21395. Л. 116–230.

[84] Там же. Д. 21412. Л. 3–237.

[85] Там же.

[86] Праздничные премии совершенно не отражены в расчетных книгах, что было бы невозможным при условии их выплаты через кассу; кроме того, о наградных ничего не говорится в обобщающем очерке о расходах, касающихся рабочих, за 1901–1906 гг.

[87] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 834. Л. 28–33.

[88] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 16, 17, 21, 22 и др.

[89] Там же. Оп. 1. Д. 21412. Л. 449.

[90] См. прил. 10; решение о введении премии записано и в протоколе заседания правления: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 36. Л. 23 об.

[91] Именно такой вывод и сделан в статье о Коншиных: *Аксенов А. И., Петров Ю. А.* Коншины-серпуховские... С. 212.

[92] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 515. Л. 8.

[93] Вопрос обсуждался на заседании правления 29.11.1908 г.; вся переписка с высшими инстанциями по этому вопросу датируется декабрем 1908 г. — январем 1909 г. Скорее всего, объявление рабочим, помещенное в прил. 10, было вывешено на Рождество 1908/09 г.

[94] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 90, об этом же есть в другом деле: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 201. Л. 85.

[95] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 77. Д. 1107. Л. 26 об.

[96] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040, 6073.

[97] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 286. Л. 1–2.

[98] Там же. Оп. 1. Д. 4040.

[99] Там же. Д. 6073.

[100] Там же. Д. 6099. Л. 19; Д. 4664. Л. 20.

[101] Там же. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.

[102] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 38.

[103] Там же.

[104] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «З». Д. 19. Л. 2.

[105] Там же. Оп. 5 «В». Д. 157. Л. 1–3.

[106] Там же. Л. 5.

[107] Там же. Л. 22.

ГЛАВА IV
СИСТЕМА ВЗЫСКАНИЙ

Помимо вознаграждения за работу, одним из элементов трудовой мотивации является система взысканий (наказаний), которые могут применяться по отношению к рабочим за различные нарушения трудовой и производственной дисциплины. По делопроизводственным материалам рассматриваемых нами фабрик выявляются следующие виды наказаний, использовавшиеся фабричной администрацией во второй половине XIX — начале XX вв.: 1) штраф; 2) перевод на нижеоплачиваемую специальность или разряд; 3) увольнение (в том числе без права повторного поступления на фабрику); 4) выселение из фабричных казарм на «вольную квартиру»; 5) лишение работника награды за долголетний труд или отсрочка ее выплаты. Посмотрим, как эти меры применялись на практике.

ШТРАФЫ

В пореформенное время штрафы являлись наиболее распространенным и часто используемым элементом системы взысканий. В 1870–1880-х гг. штрафование достигало довольно значительных размеров, тем более что тогда еще не существовало каких-либо жестких правил, которыми бы могли ограничиваться штрафные суммы. В текстильной промышленности штрафование было более значительным, чем в ряде других отраслей, отчасти из-за более низкой общей квалификации рабочих-текстильщиков, отчасти же потому, что сам характер работы позволял найти виновного в допущении брака или остановки машин проще, чем где бы то ни было. Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков писал в 1883 г.: «Вообще ни при одном производстве рабочие не обременены так разного рода правилами, касающимися преимущественно технических недостатков работы, и несоблюдение которых с их стороны влечет за собою штрафы и вычеты, как при ткацком; трудно даже представить себе ткача, который был бы в состоянии выполнить все предъявляемые ему требования и, невзирая на его старание и искусство, не подвергся бы несколько раз в году за что-либо штрафу или вычету»[1].

Однако стоит отметить, что необходима адекватная оценка понятия «значительные суммы штрафов». В советской историографии рабочего вопроса имелась явная тенденция преувеличивать размеры штрафования. Вполне вероятно, что подобная направленность была задана тезисом, прозвучавшим в публицистической брошюре В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895 г.). В этой работе Ленин характеризовал ситуацию со штрафованием до утверждения «закона о штрафах» как «полный произвол». Он писал: «Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных количествах и наживали на штрафах громадные доходы... Штрафы доходили иногда *до половины заработка*»[2]. Дальше, правда, он сам же снизил планку и написал, в частности, что в отчете П. А. Пескова самый высокий штраф был определен в 16,4 %, что даже на Николь-

ской мануфактуре, где высокие штрафы стали одной из важнейших причин знаменитой Морозовской стачки 1885 г., они составляли в это время максимум 20,75–23,25 %, и что следует сделать вывод: «Очевидно, на фабриках более или менее порядочных не бывало таких штрафов, которые разрешены нашими законами» (т. е. треть заработка)[3]. Тем не менее соответствующий тон был задан. В большинстве работ советских историков, специалистов по истории рабочего класса, достаточно безапелляционно утверждалось, что «рабочих жестоко штрафовали и обсчитывали»[4], что «размеры штрафов ничем не ограничивались» и «бесчисленные штрафы резко снижали и без того низкий заработок рабочих»[5], что штрафы «были в руках владельцев фабрики средством снижения зарплаты и дополнительным источником эксплуатации»[6]. Ссылаясь на воспоминания рабочих, авторы говорили о том, что у некоторых из них штрафы «достигали 30–40 процентов заработка»[7].

В действительности же эти суммы обычно были значительно меньше, и внимательное изучение вопроса заставляло признать этот факт. В статье М. Г. Мейеровича (1972 г.), посвященной специально вопросу о штрафовании, был сделан вывод, что по крайней мере после введения законодательного ограничения суммы штрафов их размеры «составляли лишь незначительную долю заработной платы. Поэтому утверждения исследователей положения рабочих в XX в. о том, что “бесчисленные штрафы резко снижали и без того низкий заработок рабочих”, не вытекают из фактического положения вещей»[8].

Классическим примером взимания достаточно высоких штрафов может служить практика уже упомянутой Никольской мануфактуры, где штрафы достигли критического уровня в конце 1884 г., что стало причиной стачки. В исследовании И. В. Поткиной показано, что высокие штрафы были следствием сознательной временной политики хозяина фабрики, всеми средствами боровшегося за качество товара в кризисный период. Однако даже тогда средний уровень штрафов составлял не более 20 % заработка рабочих[9]. Уже пятая часть заработка была столь важной суммой для рабочих, что она вызвала настоящий взрыв протеста, со справедливостью которого согласилось практически все общество.

Вскоре после Морозовской стачки были введены законодательные критерии штрафования. Согласно «Правилам» 3 июня 1886 г.[10], штрафы с каждого конкретного рабочего не могли суммарно превышать трети его заработка. Законодательно устанавливалось, что штрафные суммы не обращаются в прибыль фабрикантов, а составляют штрафной капитал, расходуемый на пособия рабочим.

Впрочем, нужно отметить, что «Правила», утвержденные 3 июня 1886 г., были введены в действие с 1 октября того же года лишь в трех губерниях: Петербургской, Московской и Владимирской. С 11 июля 1891 г. закон был распространен на губернии Варшавскую и Петроковскую, с 14 марта 1894 г. — еще на 13 губерний, включая Ярославскую, с 1897 г. (в два приема) — на прочие 42 губернии Европейской России и Царства Польского, с 1900 г. — на Бакинскую губернию и т. д. Даже в 1917 г. этот закон не распространялся на зауральские территории.

По закону 1886 г., причинами наложения штрафа могли быть только «неисправная работа» (брак, порча материалов и машин), прогул (не менее половины рабочего дня) и нарушение порядка (в том числе и нарушение техники безопасности). Никакие другие поводы для штрафов в принципе не допускались. Однако фабричные инспекторы критиковали предоставленные законом права штрафовать, говоря о размытости формулировок некоторых допустимых поводов к штрафованию и фактической невозможности полноценного контроля[11]. Действительно, под формулировку «нарушение порядка» подпадают практически любые нарушения

трудовой и производственной дисциплины, в том числе грубость по отношению к мастеру или кому-то из служащих — ситуация, в которой далеко не всегда был виноват только рабочий, хотя взыскание налагалось именно на него.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные показывают, что и до вступления в силу закона 1886 г. разрешенный им размер штрафов — треть заработка — практически никогда не достигался; даже уровень в 10 % заработка следует считать совершенно исключительным для штрафов. Например, в табл. 29 показаны суммы заработков и штрафов восьми ткачей, которые были сочтены зачинщиками стачки на бумаготкацкой фабрике Н. Н. Коншина в июне 1875 г. и уволены. В таблице представлены суммарные заработки и штрафы этих рабочих за период с момента найма (после Пасхи 1875 г., т. е. с конца апреля) до момента увольнения — 22 июня (единственное исключение представляет собой ткач Алексей Родионов, нанявшийся 1 июня).

Таблица 29

Заработки и штрафные суммы (в рублях) ткачей бумаготкацкой фабрики Н. Н. Коншина, уволенных по итогам стачки 1875 г.

Имя	Заработок	Штраф за порчу	Процент от заработка
Измаил Ефимов	17,87	1,20	6,72
Никифор Иванов	23,41	1,40	5,98
Н. М. Макушин	30,27	1,00	3,30
Тимофей Гурьев	27,79	0,80	2,88
Алексей Родионов	6,76	0,15	2,22
Петр Иванов	33,63	0,40	1,19
Василий Ефимов	29,51	0,30	1,02
Иван Иванов	36,25	0,00	0,00

Источник: ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 48. Д. 250. Л. 68–68 об.

Из приведенных данных видно, что в этой выборке наиболее распространенный размер штрафов — 1–3 % от зарплаты. Эти данные, не претендуя на репрезентативность, дают, тем не менее, представление о размерах штрафования ткачей в середине 1870-х гг. Для ситценабивной фабрики Н. Н. Коншина уже можно найти расчетные книги, в которых указаны данные о штрафах и заработке всех рабочих в том же году. Согласно этому источнику штрафы со всех набойщиков, трудившихся артельно и заработавших за год 55 430 руб., составили всего 143 руб. 93 коп., т. е. 0,26 % заработка[12]. Однако если рассмотреть расчетные книги красильщиков за тот же 1875 г., то оказывается, что штрафы составляли в среднем 1,56 % заработка. Лишь в редких индивидуальных случаях штраф превышал 10 % размера заработка, хотя это уже следует признать весьма серьезной суммой для бюджета рабочей семьи.

По Ярославской мануфактуре также имеются полные данные, отражающие в динамике среднюю величину штрафов, взысканных с рабочих всей фабрики, в том числе и в начале рассматриваемого нами периода. Эти данные приведены в табл. 30. В 1870–1880-х гг. штрафы здесь составляли в среднем 3–3,5 % от заработной платы работников. С начала 1890-х гг. соотношение между заработком рабочих и штрафными суммами существенно изменилось в сторону понижения последних.

Таблица 30

Отношение штрафа к общей сумме заработка рабочих ЯБМ. 1877–1914 гг.

Год	%	Год	%	Год	%
1877	3,30	1902	0,44	1910	0,28
1878	3,50	1903	0,37	1911	0,25
1882	3,27	1905	0,34	1912	0,22
1885	3,10	1906	0,28	1913	0,24
1891	1,24	1907	0,29	1914	0,20
1894	0,69	1908	0,35		
1900	0,50	1909	0,35		

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 21386, 21387, 21465; ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 60.

Перемены в штрафовании рабочих (17-кратное падение суммы штрафов относительно суммарной зарплаты за четверть века) вряд ли были связаны с заметным улучшением производственной дисциплины и качества труда на ЯБМ. Скорее всего, уменьшение размера взысканий было обусловлено другими причинами. Во-первых, в 1890 и 1895 гг. на фабрике произошли стачки, в ходе которых выдвигались требования об уменьшении штрафов. Особое влияние на действия руководства оказали волнения рабочих 1895 г., которые по размаху отличались от всех предшествующих. Во-вторых, вероятно, некоторую роль сыграло и вступление в действие с 1894 г. упоминавшихся выше «Правил», регламентировавших процесс взимания штрафов.

Хотя вопрос о штрафовании рабочих на предприятиях Российской империи в начале XX в. еще требует детального рассмотрения, можно все же говорить о том, что к этому времени штрафы почти нигде уже не составляли столь значительных сумм, как в первые пореформенные десятилетия[13]. Согласно «Сводам отчетов фабричных инспекторов» в 1901–1913 гг. рабочий в среднем штрафовался 1,5–2,5 раза в год на общую сумму 25–45 копеек (при средней зарплате в 210–270 рублей)[14]. Средние показатели, конечно, могут скрывать случаи отдельных злоупотреблений фабрикантов. Более того, в историографии уже справедливо отмечалось, что было много рабочих, которых вообще не штрафовали, а это значит, что были и такие, сумма штрафов с которых заметно превышала среднюю[15], Но все же статистика определенно показывает, что размер штрафов в начале XX в. уже не имел большого экономического значения. Правда, надо отметить, что такой авторитетный исследователь, как Ю. И. Кирьянов, описав всю статистику штрафов, на основе рабочих корреспонденций предположил, что она показывает лишь «вершину айсберга»[16]; однако представляется весьма сомнительным предположение, что отдельные рабочие корреспонденции — источник лучшего качества, чем официальная статистика, т. е. учет, проводимый фабричной инспекцией, непосредственно ответственной за разбор вопросов о штрафовании на местах. Заметим, наконец, что В. И. Ленин, на выводы которого зачастую ориентировалась советская историография, без особых сомнений использовал эту официальную статистику[17].

Итак, данные по Ярославской Большой мануфактуре показывают многократное снижение размера штрафования в начале XX в. по сравнению с предыдущими

десятилетиями. К этому времени и у Коншиных штрафы также не составляли заметного процента заработка рабочих (табл. 31), хотя цифры для разных специальностей различаются. Анализ записей, сделанных в расчетных книгах в октябре 1902 г., показывает, что на ситценабивной фабрике из 2 089 рабочих, заработавших в этом месяце в сумме почти 36 800 руб., были оштрафованы по всем статьям, включая прогулы, только 130 человек на общую сумму 33 руб. 26 коп.[18] В 1903 г., отсылая окружному фабричному инспектору объяснение по поводу анонимной жалобы коншинских ткачей, поданной московскому генерал-губернатору, фабричный инспектор 10-го участка Московского округа также отмечал: «Штрафы за неисправную работу ничтожны и в месяц не превышают 40 руб. при 2 400 чел. ткачей; заработной же платы выдается ежемесячно ткачам более 35 000 рублей» (прил. 11).

В очерке о положении рабочих ткацких фабрик Коншина, составленном правлением Товарищества для Совета съездов представителей промышленности и торговли в 1909 г. (описывающем только состояние 1900-х гг.), отмечалось: «До 1905 г. число случаев штрафа непрерывно возрастало, увеличивалась и взыскиваемая сумма. Начиная же с 1905 г. как число случаев штрафа, так и взыскиваемая сумма их уменьшаются. Однако размер штрафа в среднем увеличивается»[19]. Этот вывод подкрепляется следующей статистикой:

Таблица 31

Статистика штрафов на ткацких фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1902–1908 гг.

Год	Число рабочих	Число случаев штрафования	Общая сумма заработка рабочих, тыс. руб.	Общая сумма штрафа, руб.	% штрафов к общей сумме заработка	В среднем на один случай взыскано штрафа, коп.
1902	8 211	26 473	1 478,0	1 800,15	0,121	6,80
1903	8 133	27 433	1 509,9	1 879,98	0,124	6,85
1904	8 145	39 839	1 525,6	2 527,60	0,166	6,09 (*6,34*)*
1905	8 137	19 511	1 930,1	1 180,80	0,061	6,05
1906	8 366	15 505	1 845,6	1 019,40	0,055	6,57
1907	8 498	12 959	2 059,5	872,00	0,042	6,73
1908		9 756		696,40		7,14

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 40 об.

В прядильном и ткацком производствах наиболее распространенными были штрафы за неисправную работу, хотя средняя величина взыскания по этой статье значительно уступала его средней величине за нарушение порядка или за прогул. В ситценабивном производстве, где меньшее число работ зависело от индивидуального внимания рабочих, и где зачастую значительно сложнее было проследить, в какой именно момент (за каким именно станком) допускалось нарушение технологического процесса, штрафы за брак занимали относительно небольшую долю их общего количества.

* Так в источнике.

Таблица 32

Статистика штрафов за различные нарушения на прядильно-ткацкой фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Наложено штрафов						Всего штрафов, руб.
	За неисправную работу		За нарушение порядка		За прогул		
	случаев	руб.	случаев	руб.	случаев	руб.	
1904	25 993	1 523,70	392	87,40	849	187,70	1 798,80
1905	11 962	665,95	176	32,20	433	100,45	798,60
1906	9 295	527,50	130	34,90	522	127,95	690,35
1907	6 647	391,20	182	42,00	532	126,90	560,10
1910	14 090	717,09	245	56,00	368*	73,45	846,54

Источник для табл. 32–34: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202. Л. 108; Д. 259. Л. 47; Д. 259. Л. 183; Д. 438. Л. 133; Д. 601. Л. 135.

Таблица 33

Статистика штрафов за различные нарушения на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Наложено штрафов						Всего штрафов, руб.
	За неисправную работу		За нарушение порядка		За прогул		
	случаев	руб.	случаев	руб.	случаев	руб.	
1904	210	49,60	605	107,35	253	100,63	257,58
1905	47	9,70	181	31,50	170	74,72	115,92
1906	85	27,20	188	35,93	189	102,14	165,27
1907	184	74,45	237	40,62	53	28,46	143,53
1910	775	188,10	739	183,55	164	78,96	450,61

Таблица 34

Статистика штрафов за различные нарушения на всех фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Наложено штрафов						Всего штрафов, руб.
	За неисправную работу		За нарушение порядка		За прогул		
	случаев	руб.	случаев	руб.	случаев	руб.	
1904	38 527	2 269,95	1 379	261,97	1 391	403,45	2 935,37
1905	18 869	1 042,90	450	89,90	818	265,68	1 398,48
1906	14 792	857,90	407	105,88	822	265,68	1 229,46
1907	12 366	766,45	507	114,22	705	212,00	1 092,67
1910	22 043	1 327,01	1 286	302,05	1 026	304,90	1 933,96

* В источнике — 374, но это ошибка расчета или описка, что следует из помесячной динамики штрафов, которую можно собрать по материалам дела № 601. То же следует сказать и о размере штрафов за прогул на ситценабивной фабрике в 1904 г. — в сводном источнике проставлено 263, но должно быть 253, как следует из помесячных данных в деле № 202.

Таблица 35

Статистика штрафов за различные нарушения на Ярославской Большой мануфактуре. 1902–1916 гг.

Год	Наложено штрафов						Всего штрафов, руб.
	За неисправную работу		За нарушение порядка		За прогул		
	случаев	руб.	случаев	руб.	случаев	руб.	
1902	18 456	1 775,00	4 945	772,30	12 610	4 821,00	7 368,30
1903	16 226	1 608,00	4 637	961,70	10 455	4 062,00	6 631,70
1905	8 427	678,90	249	51,75	1 418	663,60	1 394,25
1906	5 889	538,20	100	24,05	1 530	740,50	1 302,75
1907	5 060	384,50	99	27,50	1 498	731,50	1 143,50
1908	8 334	727,40	175	42,70	1 713	848,10	1 628,20
1909	12 141	1 579,00	138	34,35	1 227	569,60	2 182,95
1912	34 562	2 031,49	5 570	675,83	8 680	3 338,07	6 045,39
1913	23 843	2 769,43	6 357	800,55	8 152	3 144,82	6 714,80
1915	19 035	2 607,94	4 258	608,06	5 565	1 854,83	5 070,83
1916	18 633	2 486,49	4 831	810,03	10 591	3 569,73	6 866,25

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 21465; Д. 8140. Л. 10, 11, 24, 25, 31, 33, 35 об.–36.

Таблица 36

Средний размер штрафов за различные виды нарушений на ЯБМ и фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, приходящийся на один случай штрафования, коп. 1902–1916 гг.

Год	За неисправную работу		За нарушение порядка		За прогул	
	ЯБМ	Т-во Н. Н. Коншина	ЯБМ	Т-во Н. Н. Коншина	ЯБМ	Т-во Н. Н. Коншина
1902	9,62		15,62		38,23	
1903	9,91		20,74		38,85	
1904		5,89		18,75		29,00
1905	8,06	5,53	20,78	19,98	46,80	32,48
1906	9,14	5,80	24,05	26,01	48,40	32,32
1907	7,60	6,20	27,78	22,53	48,83	30,07
1908	8,73		24,40		49,51	
1909	13,01		24,89		46,42	
1910		6,02		23,49		29,72
1912	5,88		12,13		38,46	
1913	11,62		12,59		38,58	
1915	13,70		14,28		33,33	
1916	13,34		16,77		33,71	

Источник: таблица составлена на основе данных табл. 34 и 35.

Таблица 36 показывает сопоставимые размеры штрафов, наложенных за разного рода нарушения, по двум рассматриваемым предприятиям, хотя правления и управляющие в обоих случаях определяли величину штрафования самостоятельно и независимо друг от друга. При этом очевидно, что заметное сокращение общих по фабрикам штрафных сумм в период 1905–1907 гг. происходило не по причине снижения «ставки» штрафа, а вследствие уменьшения числа случаев штрафования. Приведенные в таблицах данные показывают, что по мере стабилизации обстановки в стране после революционных событий количество случаев наложения штрафа и общие штрафные суммы вновь показывают тенденцию к росту. Этот процесс продолжался вплоть до нового подъема рабочего движения и Первой мировой войны, когда мы опять наблюдаем некоторое снижение количества случаев штрафования и уменьшения взысканных сумм.

Интересные результаты дает сравнение показателей по штрафованию на рассматриваемых фабриках и на всех фабриках по обработке хлопка в Московской губернии. Обобщенные по целой губернии данные привел И. М. Козьминых-Ланин:

Таблица 37

Размеры штрафов на одного рабочего (в копейках) на фабриках по обработке хлопка в Московской губернии в целом, на ткацких фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и на ЯБМ. 1901–1909 гг.

Год	Московская губерния	Фабрики Коншина	ЯБМ
1901	32,2		
1902	31,7	*21,9*	
1903	33,4	*23,1*	
1904	35,6	25,7	
1905	21,4	12,0	15,4
1906	16,8	10,8	13,7
1907	19,6	9,5	
1908	24,1		
1909	28,4		

Примечание: за отсутствием полных данных сведения за 1902–1903 гг. по Товариществу Н. Н. Коншина (*выделенные курсивом*) взяты только по двум ткацким фабрикам; поэтому они являются не вполне сопоставимыми с остальными цифрами, но приведены, так как все же позволяют оценить порядок величины штрафов.

Источник: по Московской губернии: *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. М., 1911. С. 65. По фабрикам Коншина и ЯБМ: данные приведенных выше табл. 31, 34 и 35; также привлечены данные о численности рабочих из табл. 4 и 13.

Мы видим, таким образом, что на коншинских фабриках сумма штрафов была меньшей, чем в среднем по губернии. Дать однозначное объяснение этому довольно затруднительно. Определенно лишь то, что в этом нельзя видеть характеристики крупной фабрики: наоборот, Козьминых-Ланин показывал в своих таблицах, что обычно чем заведения крупнее, тем бóльшим был размер штрафов. Так, если брать только крупнейшие предприятия, с числом рабочих более тысячи, то для 1908 г.

соответствующая цифра оказывается даже большей — 27,1 копейки штрафа на одного рабочего[20]. С другой стороны, есть основания полагать, что во всех случаях использовалась одна методика подсчета, потому что приведенные показатели определенно говорят об одном и том же и рассчитываются очень просто.

На Ярославской мануфактуре средний размер штрафов с 1905 г. выше, чем у Коншина, но все же ниже, чем средний уровень по множеству учтенных предприятий целой губернии (хотя бы и Московской). В общем, какими бы ни были отклонения на отдельных предприятиях от средних показателей, можно говорить о том, что уровень штрафования в начале XX в., и тем более после 1905 г., не был высоким.

Следует, на наш взгляд, особо отметить отсутствие компенсационных элементов в структуре рассматриваемого взыскания. Другими словами, работодатель штрафовал не для того, чтобы компенсировать свои убытки, а для того, чтобы наказать работника. Например, за поломку машины штраф составлял порядка 20 коп., и приблизительно такая же сумма взыскивалась с рабочего за разрыв пряжи[21]. Оценить убытки в подобных случаях по лаконичной записи в личном деле невозможно. И то и другое могло иметь как весьма незначительные, так и серьезные последствия. Очевидно, что поломка станка способна вызвать достаточно долгий простой и потребовать дорогостоящей работы механиков. Но и разрыв пряжи может стоить не меньше небольшой поломки машины, поскольку приводит к производству бракованной ткани. В любом случае ущерб в подобных случаях может оказаться куда бóльшим 20 копеек.

Тот факт, что штрафы за брак и производство недостаточно качественной продукции никогда, даже в 1870–1880-х гг., не были средством возмещения ущерба, хорошо известен тем, кто более или менее серьезно занимался изучением данного вопроса. Так, в уже цитированной работе М. Г. Мейерович обратил специальное внимание на то, что главным назначением штрафов как до вступления в силу закона 1886 г., так и после него было «воспитание капиталистической дисциплины труда»[22]. В этой связи представляет интерес пояснение В. И. Ленина, данное в работе «Объяснение закона о штрафах»: «Обыкновенно думают, что штраф — это платеж хозяину за убыток. Это неверно. Штраф и вознаграждение за убыток — две различные вещи... Вознаграждения за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного. Поэтому вознаграждение за убыток надо требовать судом, а штраф назначается хозяином без суда. Штраф назначается иногда в таких случаях, когда никакого убытка хозяину не было: например, штраф за курение табака. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток... Закон о штрафах так и говорит: штраф есть “денежное взыскание, налагаемое в видах поддержания порядка собственной властью заведующих фабрикой”. И величина штрафа зависит поэтому не от величины убытка, а от степени неисправности рабочего: штраф тем больше, чем больше неисправность, чем крупнее неповиновение хозяину, отступление от хозяйских требований»[23].

Тем не менее даже если факт различия убытков предпринимателя и размеров штрафования в принципе понимается адекватно, размеры этого несоответствия остаются в тени. Поэтому представляет интерес обратить внимание на разницу в убытках предпринимателя и штрафных суммах, что можно сделать именно в рамках микроанализа. Выше было показано, что в 1905–1910 гг. все штрафы на всех фабриках Н. Н. Коншина составляли примерно 1–2 тыс. рублей в год (табл. 34). Позднее они, возможно, даже выросли до 5–6 тыс. рублей, как это случилось на ЯБМ, хотя в этом росте роль штрафования за брак является незначительной

(табл. 35). Но на коншинских фабриках процент брака выпускавшейся продукции составлял в 1909–1912 гг. 2,6–2,7 %, а в 1908–1909 гг. — даже 3,3 %, что обращалось в год как минимум в 60 тысяч 60-аршинных кусков ткани, продажная цена которых составляла примерно 11–12 руб. за штуку (кусок), а вклад в прибыль — 20–30 коп. со штуки[24]. Как видим, разница между потерями из-за брака и штрафной суммой разительна.

Одним из основных нарушений рабочими трудовой дисциплины являлись прогулы, т. е. неявка на работу в течение половины и более рабочего дня. Штрафы за прогулы исчислялись в зависимости от размера заработка рабочего и количества прогульного времени. Личные дела рабочих ЯБМ не дают оснований говорить, что эти штрафы кардинально влияли на состояние трудовой дисциплины. Есть примеры, и далеко не единичные, когда рабочие — как мужчины, так и женщины, как квалифицированные, так и неквалифицированные — штрафовались за довольно значительное число прогулов на протяжении многих лет, однако количество их прогулов не снижалось[25].

Как уже говорилось, закон 1886 г. установил возможность штрафования за прогул, за порчу товара и «нарушение порядка». Однако личные дела рабочих и расчетные книги, изученные нами в архивах предприятий, содержат упоминания самых разнообразных причин для наложения штрафа, попадающих в категорию «нарушение порядка»: «за дурную и ленивую работу», «за курение на фабрике», «за уход без спросу», «за ослушание», «за драку», «за грубость», «за нарушение тишины при работе» («шумом», «бранью» или даже «песнями»), за принос на фабрику спиртного и появление на рабочем месте в нетрезвом виде и т. д. Размер штрафа напрямую зависел от характера проступка, совершенного рабочим, и колебался, как правило, от 5 коп. (за опоздание или «за утерю номера») до 2 руб. («приход на фабрику в пьяном виде», оскорбление словами или действием представителей низшего звена фабричной администрации)[26]. Такой диапазон штрафов мы встречаем, в частности, в личных делах рабочих ЯБМ в 1880–1890-х гг., однако в расчетной книжке рабочего ЯБМ за 1903 г. сказано, что взыскание за отдельное нарушение порядка не должно превышать 1 руб.[27] и, судя по книгам записи «наложенных взысканий» и личным делам, это правило в 1900-х гг. соблюдалось.

Анализ индивидуальных записей, хранящихся в архивах предприятий, представляет значительный интерес при рассмотрении вопроса о разнообразии и относительном размере штрафов. Обратимся, например, к табл. 38, в которой записаны данные о всех штрафах, взысканных в октябре 1902 г. со всех рабочих ситценабивной фабрики Коншина:

Таблица 38

Полный список штрафов, взысканных с рабочих ситценабивной фабрики Товарищества Н. Н. Коншина в октябре 1902 г.

Причина штрафа	Число штрафов	Размер одного штрафа	Общая сумма штрафов, коп.	Средняя сумма штрафа, коп.
1	2	3	4	5
«Непослушание»	35	9 раз по 5 коп., 16 раз по 10 коп., максимум до 75 коп.	495	14,1
Опоздание	34	в зависимости от времени опоздания: 21 раз по 5 коп., 10 раз по 10 коп., максимум до 25 коп.	255	7,5

Окончание табл. 38

1	2	3	4	5
Прогул половины дня	25	в зависимости от заработка — половинная дневная ставка	590	23,6
Порча товара	19	6 раз по 10 коп., 3 раза по 15 коп., 7 раз по 20 коп., максимум до 5 руб.	625	32,9
Прогул дня	10	в зависимости от заработка — полная дневная ставка	541	54,1
Утеря входного ярлыка	7	по 15 коп.	105	15,0
Нарушение тишины бранью	5	от 5 до 15 коп.	50	10,0
Курение табака на фабрике	4	от 30 коп. до 1 руб.	210	52,5
Разбитое стекло	3	по 10 коп.	30	10,0
Приход на работу в пьяном виде	1	50 коп.	50	50,0
Пьянство на рабочем месте	1	30 коп.	30	30,0
Порча краски	1	15 коп.	15	15,0
Нарушение тишины шумом	1	10 коп.	10	10,0
Самовольная отлучка с работы	1	10 коп.	10	10,0
Разорванный товар	1	10 коп.	10	10,0
Плохая работа	1	5 коп.	5	5,0

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 184–189.

Мы видим, что наиболее распространенными причинами штрафования были прогулы и опоздания. Достаточно частыми являются также штрафы за «непослушание», но размеры таких штрафов невелики. Наиболее суровым было штрафование за курение (которое было пожароопасным) и пьянство. Штрафы за порчу товара тоже довольно распространены, причем штрафование в большинстве случаев было не слишком серьезным, но по этой же статье проходят и самые большие штрафы: один раз сразу 5 руб. с одного раклиста (с заработком 60 руб. в месяц) — «за порчу 10 кусков товара» и разовый штраф в размере 1 руб. 25 коп. с рабочего, имеющего заработок 50 коп. в день.

Первая мировая война, как уже говорилось, внесла значительные коррективы в трудовые отношения на промышленных предприятиях. Одним из ближайших последствий начала войны стало принятие «сухого закона» и последовавшее улучшение трудовой дисциплины. Вполне естественно, что с улучшением дисциплины (сокращением числа прогулов и уменьшением брака) сократились и штрафные суммы, взимаемые с рабочих. Особенно заметно уменьшились штрафы за прогулы. В архивном фонде ЯБМ сохранились листы «Анкеты о влиянии прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда на фабриках и заводах Московского промышленного района», в которой проведено сравнение ряда показателей работы предприятия за август, сентябрь, октябрь 1913 г. и за те же три месяца 1914 г. По этим данным, число прогулов среди взрослых рабочих-мужчин

сократилось в 1914 г. на 41,1 % по всему предприятию, а если говорить только о ткацком производстве — то на 49,4 %.

Однако штрафы сократились в еще большей степени. Сумма штрафов за прогулы и опоздания из расчета на одного реально работавшего сократилась в целом по предприятию примерно на 80 %, для ткацкого производства эта цифра составляет порядка 92 %, а для прядильного, где работало больше женщин, на дисциплине которых введение «сухого закона» сказалось куда менее заметно, — 66,6 %. Существуют, по крайней мере, два объяснения той разнице, которая отмечается в сокращении абсолютного числа прогулов и суммы штрафов. Во-первых, видимо, не только сократилось количество зафиксированных прогулов, но и уменьшилась доля «долгих» прогулов, прогулов полного дня. Во-вторых, возможно, сокращение прогулов было заметнее у более квалифицированных рабочих, и штрафы брались теперь преимущественно с рабочих низкооплачиваемых; а поскольку размер штрафа по-прежнему зависел от дневного заработка, то процентное сокращение общей суммы взысканий оказалось больше, чем процентное снижение количества невыходов на работу.

Суммы штрафов за неисправную работу, судя по «Анкете», также сократились: по всему предприятию на 19,4 %, причем для прядильного производства они почти не изменились, а в ткацком снизились почти на 29 %. По сведениям администрации, во всех производствах сократилось количество брака. А вот штрафы за нарушение порядка на фабрике изменились совсем незначительно[28].

Хотя мы говорим о том, что общая сумма штрафов, равно как и процент, который штрафы в среднем составляли от общего заработка, не выражалась значительными суммами, по крайней мере, в 1890–1910-х гг., это не означает, что штрафы были несущественным явлением для конкретных оштрафованных рабочих. Напротив, надо полагать, что для большинства рабочих, привыкших считать каждую копейку, даже небольшой штраф был чувствительным ударом, тем более что наложение штрафа в ряде случаев (вроде «непослушания» или «нарушения тишины шумом») было небесспорным. Поэтому зачастую именно штрафы, в частности, неожиданное введение их за какие-то ранее не предусмотренные нарушения, так же как и резкое увеличение размера штрафов, служили поводом для начала забастовок на том или ином предприятии, хотя истинные причины выступления рабочих бывали, как правило, более существенными. В целом представляется, что общее дисциплинирующее воздействие штрафов для большинства рабочих было значительным.

Законодательно штрафы на промышленных предприятиях были полностью отменены постановлением Временного правительства от 11 октября 1917 г.[29]

ДРУГИЕ МЕРЫ ВЗЫСКАНИЙ

Прямые денежные санкции были чувствительными, но еще большее значение имела такая мера наказания, как ***переводы на нижеоплачиваемую*** работу, в крайних случаях заканчивающиеся увольнением. Очевидно, что материальный эффект подобного наказания был бóльшим, чем от разового взимания штрафа, но оно и применялось преимущественно к тем, кто систематически нарушал порядок или допускал огрехи в работе.

Сохранившиеся за 1903, 1908 и 1909 гг. «Книги уволенных рабочих» ЯБМ, в которых отмечались и переводы с понижением заработка, позволили составить таблицу, показывающую, за какие виды нарушений к рабочим применялись указанные меры взыскания (прил. 13).

Из приведенных в приложении данных видно, что понижение заработка в большинстве случаев сопровождалось переводом на другую работу, а не просто уменьшением ставки оплаты труда. Существует некоторая разница между этими двумя вариантами наказания. Когда рабочий оставался на прежней должности, было вполне вероятным, что если в дальнейшем он исправится, станет работать лучше, то вскоре будет получать прежнюю плату, а вот когда он уходил на другую работу, то вернуться на старое место было труднее, тем более, что оно, как правило, не пустовало: ведь если одного рабочего сняли, то другому поручили его обязанности. Хоть это была и вполне решаемая проблема, вовсе не принимать ее во внимание работник не мог. Кроме того, переведенный на новое место рабочий вынужден был приспосабливаться к новым обязанностям, к иному виду работ, нередко более тяжелому и грязному. Поэтому переводы на другую должность часто вызывали протест, в то время как временное снижение оплаты при сохранении того же вида работ, как правило, не приводило к конфликтам и отказам от работы.

Перевод на другую работу мог быть официально как временным, так и постоянным. Иначе говоря, рабочий мог заранее знать, что он будет получать меньше в течение определенного промежутка времени, но затем вернется к прежним условиям труда, если его работа и поведение на фабрике не вызовут нареканий. Личные дела рабочих ЯБМ позволяют определить, что срок такого перевода обычно составлял от одного до шести месяцев, редко до года. Так, в 1886 г. банкаброшницу П. У. Абрамову за то, что она «вставила не то количество катушек»*, на один месяц перевели в «запасные банкаброшницы»[30].

В течение установленного срока, как свидетельствуют документы, рабочие действительно допускали меньше нарушений трудовой дисциплины, однако по возвращении к прежним условиям труда ситуация в большинстве случаев «сползала» на прежний уровень, что убедительно показывают записи в личных делах рабочих. Например, И. И. Баранов, работавший на ЯБМ с 1890 г., постоянно допускал значительное количество прогулов (1900 г. — $10^1/_4$ пропущенных дней, 1901 г. — $6^1/_4$, 1902 г. — $8^1/_4$, 1903 г. — 10). 16 августа 1904 г. за прогулы (семь рабочих дней подряд) он был переведен с должности I присучальщика (подручного) во II присучальщики на три месяца. Однако уже с 16 октября его вернули на прежнюю должность, поскольку за два прошедших месяца он не допустил ни одного прогула. Но примененное наказание оказало лишь кратковременное действие: в 1905 г. он снова допускает $14^1/_4$ дней прогулов, в 1906 г. — $8^1/_2$, в 1907 г. — 13. В 1908 г. за прогулы он вновь был переведен во II присучальщики уже без указания срока и больше к прежней должности не вернулся[31].

П. П. Васильев (II присучальщик) работал на мануфактуре с 1881 г., допуская в 1893–1906 гг. от 3 до 16 дней прогулов в год. 5 февраля 1907 г. ему выдали награду за 25 лет стажа, после чего в течение четырех месяцев он прогулял более 10 дней, и в срок найма 16 июня 1907 г. по распоряжению заведующего старой фабрикой был переведен в запасные. В 1908 г., несмотря на несколько прогулов, он был восстанов-

* Это довольно грубое нарушение. По технологии прядильная лента, из которой получается нить, несколько раз вытягивается и скручивается. Для придания необходимой прочности несколько нитей, идущих с разных катушек, скручиваются вместе. Если катушек будет меньше необходимого, то нить выйдет более тонкой, бракованной. В данном случае это и произошло по прямому недосмотру работницы. Поскольку та же самая работница в основном и должна следить, чтобы процесс продолжался без нарушений, можно полагать, что проблема обнаружилась далеко не сразу, и брака вышло достаточно много.

лен в прежней должности. 23 августа 1911 г. за шесть прогулов подряд Васильева перевели на шесть месяцев в ставильщики, но в силу его дисциплинированного поведения (возможно, сказывалась и производственная необходимость) уже через месяц он вновь занял место II присучальщика, после чего в личном деле вновь появляются записи о прогулах: октябрь–декабрь 1911 г. — три прогула, 1912 г. — 14 прогулов[32].

И. Я. Васильчиков пришел на ЯБМ в 1865 г. и к концу XIX в. занимал должность прядильщика. 1 октября 1898 г. за девять прогулов его перевели в I присучальщики (подручные) на два месяца, в течение которых он не допустил ни одного нарушения, и 1 декабря он вернулся к прежним обязанностям. Но в следующий период количество прогулов вновь возросло: в 1899 г. и 1900 г. — по семь прогулов. По этой причине 2 января 1901 г. его повторно перевели в подручные на два месяца, и вновь в этот период он работал дисциплинированно, поэтому раньше установленного срока, 12 февраля, его возвратили на должность прядильщика. В дальнейшем мы вновь видим записи о прогулах, правда, в меньшем количестве (не более четырех в год)[33].

М. Н. Базылев (подручный, на ЯБМ с 1886 г.) 16 декабря 1903 г. был «составлен на два месяца во II присучальщики» за прогулы, после чего работал дисциплинированно, поэтому с 1904 г. вернулся к исполнению прежних обязанностей. Но ситуация впоследствии повторилась: 20 августа 1904 г. — перевод во II присучальщики по той же причине (уже без обозначения срока), за сентябрь–октябрь — пять прогулов, ноябрь–декабрь — без взысканий и, как следствие, с 1 января 1905 г. — перевод в подручные, февраль–март — шесть прогулов, перевод вновь во II присучальщики и запись в личном деле от 21 марта: «в подручные больше не ставить»[34].

Безусловно, случалось, что наложение подобного взыскания оказывало ожидаемый постоянный эффект. Так, шлихтовальщик И. А. Волков с 16 декабря 1897 г. был переведен в подручные на полмесяца «за приход на работу в пьяном виде и безобразие». По истечении назначенного срока его вернули к прежним обязанностям, и в дальнейшем (вплоть до окончания работы на ЯБМ в 1912 г.) подобного рода взыскания на него не налагались[35]. Но бывало и так, что данная мера наказания не оказывала даже и временного воздействия на работника, и последний продолжал прогуливать или допускать иные виды нарушений. В этой ситуации изначально определенный срок перевода на другую должность мог быть увеличен. Так, А. А. Баженов, работавший на мануфактуре с 1869 г. и к 1899 г. занимавший должность прядильщика, был переведен во II присучальщики на три недели за большое количество прогулов, а затем этот срок был продлен до трех месяцев, поскольку рабочий по-прежнему без предупреждения иногда не выходил на смену[36]. Иногда рабочего на протяжении многих лет, по несколько раз в год, переводили на нижеоплачиваемую должность и потом возвращали к прежним обязанностям. Н. Г. Васильев, работавший на ЯБМ с 1877 г., допускал прогулы регулярно, но с 1893 г. их количество заметно увеличилось, а в 1900 г. возросло настолько (более 20 дней), что администрация начала прибегать не только к штрафам, но и к временному переводу его из II присучальщиков в ставильщики, причем вплоть до 1909 г. (записи в личном деле доведены до этого года) это делалось по несколько раз в год, тем не менее количество прогулов не сократилось[37].

В другом случае работник мог быть переведен на нижеоплачиваемую должность или низшую ставку без указания точного срока (иногда с пометкой «постоянно»)[38]. Значительную роль в этом случае играло то, насколько успешно происходила «производственная реабилитация» работника. Так, П. Т. Волков, ра-

ботавший на ЯБМ холстовщиком, в октябре 1875 г. за прогулы был переведен «на щипок» и работал щипальщиком на протяжении многих лет, по-прежнему допуская разного рода нарушения[39]. Ткач П. Ф. Балашов в августе 1906 г. за прогулы был переведен в запасные без указания точного срока. Это не возымело должного действия (в 1907 г. — $13^1/_2$ дней прогулов), поэтому он оставался в запасных более года. В январе–марте 1908 г. он обошелся без взысканий, в результате чего с апреля работал вновь как коренной* ткач[40]. А работавший чесальщиком и переведенный в августе 1902 г. за прогулы в обмахивальщики М. И. Бабаев меньше чем через месяц был возвращен на прежнюю должность, причем в дальнейшем количество записей о нарушениях в его личном деле уменьшилось[41].

Надо отметить, что подобного рода наказаниям подвергались и старшие рабочие, причем заметно, что их как ценных квалифицированных работников редко переводили на другую работу, а в основном в качестве рычага использовали понижение жалования. Так, старшему рабочему М. В. Алексееву в 1908 г. было понижено жалование с 95 до 75 коп. в день «за неоднократное пьянство»[42]. В личном деле его однофамильца Н. А. Алексеева за 1905 г. есть запись о том, что этот старший рабочий «подлежит увольнению в срок найма за небрежное отношение» к службе, однако он был оставлен на своей должности «с убавлением жалования по усмотрению мастера». В 1913 г. ситуация повторилась: по распоряжению заведующего Старой фабрикой Н. А. Алексееву «за постоянные упущения по надзору за рабочими» (грязное содержание машин, пропуски у банкаброшниц, плохая и несвоевременная смазка машин и др.) была снижена плата до 80 коп. в день (в этот период рабочий на такой должности получал около 1 руб. в день) с предупреждением об увольнении, если подобные упущения будут продолжаться[43].

Для перевода на другую должность или понижения жалования могли быть и иные причины, не связанные напрямую с исполнением рабочим своих обязанностей. Так, шишечник ЯБМ М. Н. Агафонов в 1904 г. был переведен в ленточники «за неприличное поведение к женщинам», что привело к уменьшению заработка[44]. Сторож И. Н. Волков в декабре 1903 г. был «переведен на низший оклад жалования за нарушение тишины в казармах»[45].

Подобные ситуации, когда рабочего переводили на работу с более низкой оплатой, нередко вызывали конфликты: рабочие отказывались работать и требовали перевода на прежние условия труда. Иногда дело заканчивалось увольнением «по собственному желанию» или по распоряжению администрации за отказ выходить на работу[46]. Так, И. А. Васильев, переведенный за частые прогулы в октябре 1898 г. из обмахивальщиков «на щипок», работать на новой должности не захотел и на работу не вышел[47].

* * *

Для поддержания дисциплины на предприятии правление ЯБМ использовало в качестве наказания также ***выселение рабочих из фабричных казарм*** на «вольную квартиру». Чаще всего подобная мера была связана с нарушением работником правил проживания, однако отмечены и такие случаи, когда выселение рабочего происходило за небрежное отношение к работе, а также несоблюдение принятых норм

---

* Термины «коренной» и «запасной» встречаются часто в делопроизводственной документации применительно к разным рабочим специальностям.

поведения на производстве. Так, в личном деле рабочего Н. С. Азова записано, что он в 1889 г. за «разные проступки» (порча машины и др.) «выселен на вольную квартиру»[48]. Рабочий Н. П. Балдин прогулял в 1908 г. девять дней подряд, после чего хотя и был допущен до работы по распоряжению заведующего мануфактурой А. Ф. Грязнова, но «с условием выехать на вольную квартиру»[49]. Рабочий П. Е. Астафьев неоднократно «производил ссоры и драки» в фабричном жилом корпусе, однако выселили его на вольную квартиру лишь после того, как он был удален со смены в пьяном «бесконтрольном» состоянии[50]. Подметальщик А. Л. Баранов за большое количество прогулов по распоряжению заведующего Старой фабрикой в августе 1909 г. был «выселен из каморок и переведен сортировщиком на щипок»[51].

Разницу в принципах назначения таких мер воздействия, как перевод на нижеоплачиваемую работу и выселение из фабричных казарм, невозможно проследить только по личным делам, в которых мы встречаем лишь результат, а не порядок назначения наказания. Можно предположить, что все эти рабочие, как упомянутый П. Е. Астафьев, часто нарушали порядок проживания в казармах и уже состояли на особом учете как люди, которых пора будет выселять в случае нового нарушения дисциплины, где бы оно ни случилось. Менее вероятно, но все же возможно, что этих рабочих в силу каких-то причин администрация не хотела перемещать на другое место работы, не собираясь в то же время и мириться с частными нарушениями дисциплины.

* * *

В качестве крайней формы наказания рабочего рассматривалось, естественно, ***увольнение***. Нередко использовалась угроза увольнения, дававшая в ряде случаев необходимый эффект. Наиболее распространенными причинами увольнений были регулярные прогулы[52] и пьянство[53], влекшее за собой и другие нарушения трудовой и производственной дисциплины — те же прогулы, драки, конфликты с представителями низшего звена фабричной администрации, «порчу машин» и др. Интересно, что встречается немало случаев, когда рабочего увольняли за эти нарушения, потом через более или менее продолжительное время он вновь устраивался на мануфактуру, а дальше следовали те же нарушения, увольнение, следующий приход и т. д.; некоторые этот круг проходили по 3–4 раза. Принос на фабрику спиртных напитков карался не менее строго, чем приход на работу в пьяном виде.

Увольняли рабочего «по распоряжению мастера или фабричной администрации». Обычно основанием для этого служила записка мастера или заведующего соответствующим отделом предприятия, в которой обосновывалась необходимость увольнения того или иного рабочего (в силу дисциплинарных нарушений, неспособности к порученной ему работе и т. п.). Окончательное решение принималось директором (заведующим) фабрики, и иногда рабочему смягчали наказание, давали еще один шанс, переводя в другой отдел и поручая иные обязанности по той же схеме, которая описана выше[54]. Если такой работник плохо проявлял себя и на новом месте, его увольняли.

Рабочие знали основные положения фабричного законодательства, а потому старались не давать администрации явных формальных оснований для своего увольнения (если, конечно, сам рабочий не собирался покидать фабрику). Так, согласно закону 1886 г. заведующий мог уволить рабочего (т. е. расторгнуть договор

найма) в случае неявки последнего на работу в течение трех дней подряд[55]. Очень часто рабочие допускали прогулы продолжительностью в $2–2^1/_2$ дня, но старались не заходить за рискованную грань, иногда появляясь на работе к середине смены третьего дня.

В большинстве случаев увольняли и уличенных в краже фабричного имущества. Причем на Ярославской мануфактуре было принято, что если мужчина-рабочий увольнялся за совершение кражи с фабрики, то вслед за ним увольнению подлежала его жена. Формулировка в личном деле работницы «Подлежит расчету вследствие увольнения мужа» — случай нередкий, а вот мужа вслед за женой, напротив, никогда не увольняли (на других членов семьи и родственников эта мера наказания, судя по всему, не распространялась). На коншинских фабриках этой довольно странной разницы не делалось, но тот же порядок наказания пойманных на краже существовал. Так, в объявлении рабочим ситценабивной фабрики относительно повторного введения обысков при выходе с фабрики говорилось, что «отказывающиеся подчиняться обыску или осмотру или уличенные в краже будут немедленно увольняемы вместе с их семьями»[56].

Если дело о краже доходило до суда, то на это время фабричная администрация отстраняла рабочего от его занятий, но в случае оправдания по суду он имел все шансы вернуться к работе на прежнем месте и с сохранением прежнего размера заработка. Так, тазовщика ЯБМ М. В. Васильева рассчитали 11 августа 1909 г. с формулировкой «за кражу фабричных вещей», но 21 августа он был «допущен до работы» на своем прежнем месте, так как его оправдали по суду[57].

В том случае, когда стоимость украденного была невелика и рабочий все возвращал, его могли вообще не наказывать либо ограничиться выговором или штрафом. Так, в личном деле чесальщика П. Т. Волкова, работавшего на ЯБМ с 1862 г., за 1868 г. есть запись: «штраф за кражу 1 рубль»[58]. Ткачиху П. А. Баранову в 1875 г. оштрафовали на 2 руб. по распоряжению директора мануфактуры, т. к. у нее на выходе «при обыске нашли в башмаках концы»[**] [59]. Мотальщицу К. В. Ванину в 1905 г. также обвинили в краже фабричных вещей, состоялся суд, но поскольку все украденное было возвращено, дело ограничилось наложением штрафа[60]. Интересные сведения дает личное дело работавшего на ЯБМ с 1861 г. А. К. Волкова. В 1897 г. он получил награду за 25 лет службы (бóльшую часть времени — в должности смазывальщика), а 25 ноября 1900 г. его уволили «за кражу ремней». В деле не указано, разбирался ли этот случай в суде. Но 3 января 1901 г. А. К. Волков был принят на ту же должность, а в 1908 г. даже получил добавочную награду[61].

В период Первой мировой войны случаи хищения с предприятия заметно участились. Прежде всего, это касалось миткаля. А. Ф. Грязнов отмечал, что, несмотря на установленный досмотр выходящих с фабрики рабочих, последние продолжают воровать. Причем в первую очередь это относилось к женщинам-работницам, которые находили способы уносить ткани, «нередко в количестве до 10 аршин в один прием»[62]. При «нормальных условиях жизни» (т. е. в довоенный период) фабричная администрация, «считая унос рабочими тканей обычным и притом неизбежным явлением, предпринимала активные меры к изобличению лишь заведомых похитите-

[*] Это проступок, практически не наносящий фабрике ущерба. Хлопчатобумажные концы — это обрезки нитей, спутавшаяся пряжа и тому подобные отходы производства. В описываемое время им не находилось иного применения, как для протирки станков и последующего разжигания ими паровых котлов.

лей». В 1914–1916 гг. «вследствие участившихся случаев похищения миткаля» администрация ЯБМ «в целях более действенной борьбы с похитителями организовала среди фабричного населения сеть разведчиков-доносителей». Необходимо упомянуть, что правление возбуждало преследование виновных в похищении или присвоении лишь в редких случаях, зачастую они отделывались «конфискацией найденного миткаля или уплатой его стоимости; на худший конец — удалением из числа рабочих»[63].

Надо отметить, что практически все уличенные в краже попадают во взрослую возрастную категорию. В личных делах рабочих ЯБМ мы встречаем упоминания о кражах, совершенных рабочими в возрасте от 27 лет до 41 года. Среди уволенных за кражи здесь вообще нет подростков. Возможно, это объясняется лишь тем, что малолетние работники предприятия и подростки по роду своего занятия не имели возможности украсть ничего полезного или, возможно, «специализировались» на других видах жульничества. Например, в начале 1914 г. два подростка были уволены за то, что попытались дважды получить зарплату. Они выкрали свои расчетные книжки, в результате чего мастер вынужден был выписать им справку об утере книжек и о необходимости выдать им заработанную сумму при предоставлении этой справки. В день выдачи заработка они попытались получить деньги поочередно по двум документам. Но «операция» сорвалась, поскольку кассир вспомнил, что уже выдавал деньги этим подросткам несколькими часами ранее. Оба подростка были уволены с предприятия без права повторного приема. Взрослые работники чаще предпочитали не рисковать с расчетными книжками, понимая, что исправление их вряд ли останется незамеченным, поскольку выдача заработка очень строго контролировалась; они, скорее, могли пытаться подправить записи в харчевых книжках или передать кому-то банные билеты и т. п.

* * *

Наиболее суровым наказанием являлось ***увольнение работника с пометками «впредь не принимать» или «принимать не желательно»***[64]. Последующие попытки таких рабочих трудоустроиться на фабрике чаще всего игнорировались администрацией, хотя были и исключения, делавшиеся для квалифицированных рабочих, в которых нуждалось предприятие. Как показывают источники, чаще подобному увольнению подвергались рабочие с небольшим трудовым стажем (1–3 года). В подавляющем большинстве случаев это были злостные нарушители дисциплины как на производстве, так и в быту, прежде всего пьяницы и прогульщики, на которых никакие иные меры фабричной администрации действия не возымели. Лишь в нескольких обнаруженных нами на ЯБМ случаях причиной такого наказания было участие рабочих в деятельности местных революционных организаций и подстрекательство к беспорядкам на мануфактуре.

Наличие указанных пометок в личных делах уволенных с Ярославской мануфактуры рабочих подтверждает существование «черных списков», хотя специальных «черных книг» нам не удалось найти ни в архиве этого предприятия, ни у Коншина. Но их отсутствие в архивах еще не говорит о том, что их не существовало, — изучаемые фонды содержат отнюдь не полный комплекс документов. Напротив, такие книги должны были вестись, если уж существовала практика бессрочного увольнения рабочих.

В отечественной историографии присутствуют разные точки зрения на такие «черные списки» и причины занесения в них конкретных рабочих. В исследовани-

ях советского периода активно проводилась идея о том, что с помощью увольнений без права вторичного поступления капиталисты — владельцы разных фабрик и заводов — боролись с неугодными им революционно настроенными и наиболее сознательными рабочими, которые составляли большинство внесенных в такие «черные списки»[65]. В издании «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.» существование «так называемых черных, порочных книг или журналов» расценивалось как «проявление бесправия российских рабочих»[66]. При этом указывалось, что согласно «Черной книге» Прохоровской Трехгорной мануфактуры за 1882–1899 гг. 28 % внесенных в нее рабочих были уволены за участие в стачках или подстрекательство к ним, а почти половину составляли самовольно покинувшие работы на мануфактуре. Там же отмечалось, что на ситценабивной фабрике Э. Цинделя в Москве в соответствии с «Черным журналом» за 35 лет 60 % уволенных рабочих уволены по причинам «социально-политического характера». Однако приведенные выводы основаны на единственной, насколько нам известно, попытке детального анализа таких документов, как «черные книги». Ее автор, В. В. Ложкин, изучил «Черный журнал» фабрики Цинделя за 1876–1910 гг. и сформулировал свое общее представление о повсеместном бытовании подобных документов[67]. К сожалению, подробный анализ документа, проведенный автором, скорее выявляет информационную неполноту данного источника. Мы получаем возможность сгруппировать бессрочно уволенных по их месту жительства, по полу и возрасту, но много ли нам это дает? Напротив, на основной вопрос — о причинах бессрочного увольнения — в большом количестве случаев вообще не приводится записей или даются записи настолько общего характера, что вскрыть истинную причину увольнения невозможно. В этих условиях к причинам «социально-политического характера» автором были отнесены все записи, которые можно было бы посчитать таковыми с какой бы то ни было степенью натяжки. Нам представляется, что более обоснованным было бы видеть за большинством записей грубые нарушения правил внутреннего распорядка.

Новейшие публикации подтверждают такой вывод. Анализ причин увольнения рабочих и внесения их фамилий в «черные списки» Никольской мануфактуры за 1882–1906 гг. дает И. В. Поткина. По ее подсчетам, более 40 % попали в «черный список» за воровство, и лишь 2,8 % — по политическим мотивам. И слово «неблагонадежный», как показывает автор, фабричная администрация применяла не к противникам существующих в империи порядков, а к злостным нарушителям дисциплины и общественного порядка[68].

Архивные данные, которыми мы располагаем, позволяют заключить, что, безусловно, фабричная администрация стремилась избавиться от бунтовщиков и замеченных полицией в принадлежности к революционным кружкам рабочих, но они отнюдь не составляли большинства уволенных без права восстановления. Занесение фамилии рабочего в «черный список» несопоставимо чаще объяснялось его недопустимым поведением на производстве и в быту.

* * *

Еще одной серьезной мерой воздействия была такая использовавшаяся на ЯБМ разовая санкция, как ***лишение*** рабочего полагавшейся ему ***награды*** за долголетний труд — 25 рублей за 25 отработанных лет (подробно об этой награде см. главу III данной книги). Хотя отказ в выдаче награды, строго говоря, не является наказанием до тех пор, пока статус награды не предусматривает обязательного

«причитающегося» награждения, моральный эффект от того, что кому-то из рабочих с 25-летним стажем награда не присуждена (поскольку он является хроническим нарушителем дисциплины), должен был быть достаточно большим. Этому способствовало и то, что количество отказов было очень небольшим. Поэтому данная мера заслуживает также упоминания здесь, среди прочих мер взыскания, притом она принципиально отличается от штрафов: штраф налагался за конкретное нарушение и был бесповоротным решением, а отказ от выплаты награды объяснялся суммой множественных нарушений, но чаще всего рабочему предоставлялась возможность реабилитироваться и доказать, что он все же достоин получения награды.

* * *

Завершая рассмотрение системы взысканий на крупных текстильных предприятиях, отметим, прежде всего, что штрафы как одна из наиболее часто упоминаемых в историографии характеристик тяжелого положения рабочих в реальности, начиная с 1890-х гг., перестали играть заметную роль при оценке материального положения рабочих. В среднем по фабрично-заводской промышленности сумма штрафов после 1886 г. была ниже 1 % от фонда зарплаты, постоянно снижаясь во времени; на рассматриваемых нами фабриках штрафы в начале XX в. составляли порядка 0,1 % от суммарной заработной платы рабочих. Однако это не означает, что штрафы не являлись проблемой для конкретных оштрафованных рабочих. Штрафы были той потенциальной угрозой, с которой многим рабочим приходилось считаться: вопрос ведь не сводился к вычету нескольких копеек (или даже рубля) из месячной зарплаты. Речь шла о профессиональной репутации рабочего, возможности повысить свой заработок, не потерять работу в годы плохой экономической конъюнктуры. В этом проявлялась роль штрафов как элемента принуждения в системе стимулирования труда. В целом, как можно судить из доступных нам материалов, общее дисциплинирующее воздействие штрафов для большинства рабочих было значительным.

Фабричная практика использования элементов принуждения не ограничивалась прямыми денежными санкциями. Большое значение имела такая мера наказания, как переводы на нижеоплачиваемую работу, в крайних случаях заканчивающиеся увольнением, и применявшиеся преимущественно к тем, кто систематически нарушал порядок или допускал огрехи в работе. Для поддержания дисциплины на предприятии администрация использовала иногда в качестве наказания также выселение рабочих из фабричных казарм на «вольную квартиру». Чаще всего подобная мера была связана с нарушением работником правил проживания. В качестве крайней формы наказания рабочего рассматривалось, естественно, увольнение. Нередко использовалась угроза увольнения, дававшая в ряде случаев необходимый эффект. Наиболее распространенными причинами увольнений были регулярные прогулы и пьянство. В большинстве случаев увольняли и уличенных в краже фабричного имущества. Наиболее суровым наказанием являлось увольнение работника с пометками «впредь не принимать» или «принимать не желательно». В подавляющем большинстве случаев это были злостные нарушители дисциплины как на производстве, так и в быту. Лишь в редких обнаруженных нами случаях причиной такого наказания были участие рабочих в деятельности местных революционных организаций и «подстрекательство к беспорядкам» на мануфактуре.

Как показывает анализ доступных нам материалов, совершенно очевидно, что сложившаяся система взысканий на дореволюционных фабриках была направлена именно на поддержание дисциплины, порядка и качественного труда, а не на компенсацию убытков, обирание рабочих и обогащение предпринимателей, как полагали авторы большинства работ прошлых десятилетий.

[1] *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии... С. 68–69.

[2] *Ленин В. И.* Объяснение закона о штрафах // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 21.

[3] Там же. С. 35–36.

[4] *Аристов С.* Город Серпухов. С. 54. Данная цитата приведена в книге в контексте стачки на коншинской бумаготкацкой фабрике в июне 1875 г. О реальных значениях штрафов в этот момент см. ниже (табл. 29).

[5] *Крузе Э. Э.* Петербургские рабочие... С. 112–113.

[6] *Герасимов Н. В. и др.* Красный Перекоп... С. 32.

[7] Там же. С. 33.

[8] *Мейерович М. Г.* Штрафы и их место в характеристике положения рабочих в начале XX в. (по материалам Центрального промышленного района) // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Ростов-на-Дону, 1972. С. 132.

[9] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 241–242.

[10] «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». ПСЗ-III. Т .VI. № 3769, ст. 30–39. Далее это вошло в Устав о промышленности, составив статьи 143–152.

[11] См.: *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. С. 157–160.

[12] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 22.

[13] Общее описание ситуации со штрафованием и библиографии см.: *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу»... С. 253–259.

[14] См. сводные таблицы в: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 258–259 или *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 137, 104.

[15] *Семанов С. Н.* Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966. С. 112–113.

[16] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 136–139.

[17] *Ленин В. И.* Язык цифр // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 427–432.

[18] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 184–189.

[19] Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 40 об.

[20] *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период... С. 65.

[21] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 21465. Л. 28–37.

[22] *Мейерович М. Г.* Штрафы... С. 133.

[23] *Ленин В. И.* Объяснение закона о штрафах. С. 19–20.

[24] Размеры брака: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 667. Л. 11; данные по ценам: Там же. Л. 14.

[25] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 3; Оп. 5 «В». Д. 522 и др.

[26] Там же. Д. 346, 363, 438, 516 и др.; ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 184–189 и др.

[27] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 343. Л. 12.

[28] Там же. Оп. 1. Д. 8222. Л. 14–16, 20–21.

[29] «Об изменении порядка наложения штрафов и взысканий на рабочих». Собр. Узак. 1917. № 273. Ст. 2004.

[30] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «А». Д. 29. Л. 1–2.

[31] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 325. Л. 1–2.

[32] Там же. Оп. 5 «В». Д. 148. Л. 1–2.

[33] Там же. Д. 202. Л. 1–2.

[34] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 143. Л. 1–2.

[35] Там же. Оп. 5 «В». Д. 475. Л. 1–2.

[36] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 96. Л. 1–2.

[37] Там же. Оп. 5 «В». Д. 136. Л. 1–2.

[38] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 226, 271, 302, 347; Оп. 5 «В». Д. 63, 136, 148 и др.

[39] Там же. Оп. 5 «В». Д. 522. Л. 1.

[40] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 226. Л. 1–2.

[41] Там же. Д. 3. Л. 1–2.

[42] Там же. Оп. 5 «А». Д. 297. Л. 1–2.

[43] Там же. Д. 299. Л. 1–2.

[44] Там же. Д. 116. Л. 1–2.

[45] Там же. Оп. 5 «В». Д. 484. Л. 1.

[46] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 300, 319 и др.

[47] Там же. Оп. 5 «В». Д. 120. Л. 1.

[48] Там же. Оп. 5 «А». Д. 156. Л. 1.

[49] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 239. Л. 1–2.

[50] Там же. Оп. 5 «А». Д. 821. Л. 1–2.

[51] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 302. Л. 1.

[52] Там же. Д. 63, 225, 267, 276; Оп. 5 «В». Д. 16, 30, 71, 124, 139, 158, 168, 480; Оп. 5 «З». Д. 111 и др.

[53] Там же. Оп. 5 «В». Д. 136, 151, 184, 231 и др.

[54] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 256, 261; Оп. 5 «В». Д. 36, 71 и др.

[55] Ст. 20(а). Постановлением Временного правительства 11 октября 1917 г. (см. выше, сноска 29) это правило было ужесточено в том смысле, что можно было уволить рабочего за три дня прогулов в месяц суммарно (не подряд). — Ст. II, п. 1.

[56] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 6. Л. 456.

[57] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «В». Д. 130. Л. 2.

[58] Там же. Оп. 5 «В». Д. 522. Л. 1.

[59] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 334. Л. 1.

[60] Там же. Оп. 5 «В». Д. 54. Л. 1–2.

[61] Там же. Д. 32. Л. 1–2.

[62] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 103–104.

[63] Там же. Л. 104.

[64] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 271, 329; Оп. 5 «В». Д. 59 и др.

[65] См., например: *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 41–43.

[66] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 315.

[67] *Ложкин В. В.* К методике изучения «черных книг» капиталистических предприятий конца XIX — начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. Вып. 47 (1979 год). М., 1980. С. 80–111.

[68] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 231–232.

Часть 3

В третьей части монографии речь пойдет о различных элементах «социальной сферы», создаваемой на крупных фабриках для рабочих. При промышленных предприятиях Центральной России создавалась значительная инфраструктура: казармы (дома для рабочих), харчевые лавки, фабричные больницы, школы и т. п. Частично все это строилось потому, что иначе не удалось бы разместить или прокормить всю ту массу рабочих, которая требовалась крупному предприятию; некоторую часть этой инфраструктуры промышленники были обязаны строить и поддерживать по требованиям закона. Однако было бы неправильно сводить все только к этим двум факторам. Как будет показано ниже, иногда элементы социальной сферы на крупных фабриках значительно превосходили минимальные требования, и то внимание, которое уделялось «внефабричным» аспектам трудовых отношений как фабрикантами, так и рабочими, явно недооценено в исследовательской литературе. Важным фактором развития социальных программ на предприятиях была ориентация предпринимателей на закрепление кадровых рабочих, создание мотивации их труда, связанной с желанием работать на фабрике с более развитой инфраструктурой.

В главе V описано все, что связано с «жилищным вопросом» рабочих: строительство и качество жилья и выплаты «квартирных денег» рабочим, которым не предоставлялось место в фабричных казармах. Здесь же дается описание бань, которые строились фабриками для рабочих. Глава VI посвящена способам обеспечения рабочих продуктами и товарами первой необходимости; детально рассматриваются вопросы качества продукции и цен в фабричных харчевых лавках. В главе VII рассмотрены различные аспекты медицинского обеспечения рабочих; ее продолжает глава VIII, в которой разбираются вопросы о пособиях и пенсиях, в ряде случаев выплачиваемых нуждающимся рабочим, пострадавшим от несчастных случаев, заболевшим, просто терпящим нужду. В главе IX анализируется деятельность образовательных и культурно-просветительных учреждений при фабриках.

ГЛАВА V
ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Жилищный вопрос на предприятиях пореформенной России, обострившийся с началом индустриализации и сопутствовавшей ей урбанизации, встал перед владельцами предприятий во весь рост[1]. До начала индустриализации, когда промышленные заведения были в основном небольшими, проблема размещения рабочей силы обыкновенно не стояла перед администрацией — на предприятиях трудились рабочие из окрестных деревень и поселков, а фабрики с крупными оборотами были устроены по принципу раздаточных контор, когда работа выполнялась на дому (так, например, было устроено ткацкое производство). В случае если рабочие не уходили в собственные дома, они ночевали прямо в мастерских и цехах (в совершенно антисанитарных условиях, что, впрочем, не слишком волновало хозяев)[2]. По мере укрупнения предприятий становилось очевидным, во-первых, что проживание рабочих в цехах мешает производственному процессу (особенно при кру-

глосуточном режиме работы фабрики) и, во-вторых, что даже если строить фабрики на пересечении дорог между несколькими деревнями, невозможно найти достаточное количество рабочих с собственным жильем[3]. В крупных городах указанная проблема стояла не менее остро, поскольку в России фактически не сложилась система организованных рабочих кварталов с дешевыми квартирами. Рабочим крайне редко удавалось за приемлемые деньги снять даже приличную комнату, и они зачастую набивались по множеству человек в одну квартиру так называемого коечно-каморочного типа (иногда по нескольку семей в одну комнату), жили в помещениях, находящихся в плохом санитарном состоянии, нередко и в подвалах[4]. С учетом вышесказанного, становится очевидным, что предприниматели вынуждены были в той или иной форме участвовать в решении жилищной проблемы рабочих семей.

Рабочие рассматриваемых нами фабрик (впрочем, как и многих других), обеспечивались жильем тремя разными способами: 1) им предоставлялось место в жилых корпусах (казармах) при фабриках[5], 2) им выплачивались от фабрики дополнительно к зарплате «квартирные деньги» на наем жилья, 3) они получали (приобретали) домик в рабочем поселке.

ФАБРИЧНЫЕ КАЗАРМЫ

В литературе традиционно описываются тяжелые условия проживания в казармах, выстроенных при дореволюционных российских предприятиях. Для фабричных жилых корпусов действительно была характерна высокая скученность, вследствие чего комнаты в казармах часто были переполнены, грязны, плохо проветривались. Однако ситуацию нельзя признать, во-первых, абсолютно одинаковой для всех промышленных заведений и, во-вторых, неизменной на протяжении периода 1870–1910-х гг., что подтверждают материалы архивных фондов предприятий.

Здесь уместно отметить, что жилые помещения в фабричных казармах вообще делились на два основных типа — спальни и каморки. Общие спальни представляли собой большие комнаты вроде армейских казарм, и в них обычно жили десятки рабочих. Каморки же — это комнаты поменьше, в основном рассчитанные на семейных рабочих, хотя это еще совершенно не значит, что в каждой каморке помещалась только одна семья. В источниках (как и в основанной на них литературе) данной терминологией пользовались по-разному, в зависимости от того, какой тип комнат вообще существовал на том или ином предприятии. Так, нередко «спальнями» прозывались казармы вообще, и это было особенно характерно для тех фабрик, при которых в казармах в принципе не было каморок.

Посмотрим, что собой представляли казармы на коншинских фабриках в конце XIX — начале XX вв. Когда в 1884 г. Е. М. Дементьев осматривал фабрики Серпуховского уезда, у Н. Н. Коншина было пять спальных корпусов при прядильно-ткацкой фабрике (на фабрике был всего 1 891 рабочий), четыре корпуса — при ситценабивной (1 070 рабочих), два корпуса — при красильно-отделочной фабрике (284 рабочих), всего 11 казарм[6]. В таблице 39 приводятся сведения о размерах комнат в коншинских казармах в это время.

Видно, что казармы были переполнены, и что содержание воздуха на человека в среднем не достигало даже 1 куб. сажени (9,7 м^3). Суммируя данные по всему уезду, Дементьев отмечал, что объем жилых помещений на человека составлял в среднем на прядильных и ткацких фабриках 0,28–1,81 куб. сажени в спальнях и

0,47–0,98 куб. сажени в каморках, на ситценабивных и красильных — 0,57–2,51 куб. сажени в общих спальнях и 0,84–2,23 куб. сажени в каморках[7]. Как видим, средние показатели по коншинским ситценабивной и красильной фабрикам были наименьшими в уезде, что, возможно, объяснялось объективными трудностями размещения столь большого числа проживающих в казармах крупнейшего в округе предприятия.

Таблица 39

Средние размеры жилых помещений в казармах при фабриках Н. Н. Коншина. 1884 г.

Фабрики	Объем на человека, куб. сажен				Человек на каморку
	В общих спальнях		В каморках		
	Разброс	В среднем	Разброс	В среднем	
Прядильно-ткацкая	0,53–1,02	0,64	0,39–1,79	0,75	4,9
Ситценабивная	0,31–1,94	0,83	0,32–1,72	0,85	3,6
Красильно-отделочная	0,50–0,72	0,57	0,57–1,13	0,84	4,0

Источник: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 50–51, 56–57.

Вообще говоря, проблема строительства казарм для рабочих подверглась, как и ряд других вопросов, некоторому правовому и административному регулированию достаточно рано. Хотя никакого общего закона, который бы указывал промышленникам, как нужно организовывать жилищное обеспечение рабочих, так никогда и не было издано[8], в 1879 г. законодательно было установлено право местных органов власти выпускать обязательные для выполнения санитарные постановления[9], причем в пункте 1(в) статьи I специально оговаривалось, что эти санитарные постановления могут касаться устройства и порядка содержания фабричных, заводских и других промышленных заведений «в пределах, касающихся санитарных и гигиенических условий». В течение 1880-х гг. ряд уездных земств выпустили на этом основании обязательные санитарные правила, причем правила, принятые разными земствами, были практически идентичными: например, тексты санитарных правил для Московского и Серпуховского уездов отличаются лишь одним параграфом из более чем ста[10]. Главное требование относилось к нормам объема в жилых помещениях, где на каждого человека должно было приходиться не менее 1 куб. сажени воздуха; минимально допустимая высота потолков определялась в 4 аршина, минимально допустимые размеры каморок составляли 4 арш. в длину и 3,5 арш. в ширину, требовалось наличие в комнатах окон, регулировались размеры нар в общих спальнях[11]. Позднее «Обязательные санитарные постановления» принимались и на губернском уровне, добавлялись новые требования. Так, в общих «Правилах» Московской губернии имелось обязательное требование, чтобы мужские и женские общие спальни должны быть раздельными и, соответственно, чтобы семьи нельзя было размещать в общих спальнях вовсе[12].

Заметим, что если брать не средние, а максимальные размеры комнат, то оказывается, что на каждой из коншинских фабрик были такие каморки, в которых норма в 1 куб. сажень была не только достигнута, но и значительно превышена. В этой связи весьма ценным представляется замечание Дементьева о том, что Товарищество проявляло внимание и заботу по отношению к квалифицированным рабочим: «Администрация размещает тех, у кого хорошие заработки (граверов, раклистов, мастеровых), далеко не так тесно, как прочих: заурядные рабочие почти

всегда втискиваются по две семьи (в числе до семи душ) в каморку, тогда как вышеперечисленные рабочие имеют каждая семья, хотя бы только из двух человек, отдельную каморку»[13].

Однако в то же время, в 1884 г., когда коншинские фабрики были осмотрены Е. М. Дементьевым, часть рабочих размещалась и вовсе в нежилых помещениях: на ситценабивной фабрике из 989 рабочих-мужчин 486 (почти половина) жили в фабричных помещениях, при этом только 287 — в спальнях (казармах)[14]. Видимо, этим обусловлено, что на лето некоторые переселялись «...в балаганы. Это самодельные конуры величиною менее куб. сажени, сбитые из старых тесинок от упаковочных ящиков. Скученные и разбросанные в совершенном беспорядке во дворе, эти балаганы образуют целый городок, крайне опасный в пожарном отношении и безусловно вредный в гигиеническом; последнее потому, что узкие проходы и закоулки между балаганами полны всевозможного зловонного сора, отбросов, извержений и проч.»[15].

В начале XX в. таких случаев, судя по документации, уже не было. Но условия проживания в фабричных казармах все равно оставались тяжелыми, о чем можно судить из данных табл. 40:

Таблица 40

Некоторые показатели вместимости каморок в фабричных казармах Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1900 и 1905 гг.

Фабрика	Жильцов в казармах		Человек на каморку		Куб. сажен/человек	
	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.	1900 г.	1905 г.
Прядильно-ткацкая	4216	4154	7,76	7,64	0,68	0,69
Новая ткацкая	3140	3894	8,95	9,36	0,79	0,75
Ситценабивная	1974	2195	5,14	5,60	1,11	1,01
Все вместе	9330	10243	7,30	7,58	0,81	0,78

Источник для вычислений: данные прил. 15.

Итак, в фабричных казармах жили более половины всех рабочих (точнее, от 74 до 77 % в 1904–1907 гг.), многие с семьями. Хотя количество спальных мест заметно увеличилось по сравнению с 1884 г., условия проживания и в начале XX в. были далеки от существовавших санитарных норм — в одной каморке располагались в среднем более семи человек, теснота была такая, что на человека приходилось лишь 0,8 куб. сажени. В 1900 г. в казарме № 3 прядильно-ткацкой фабрики, где по состоянию на 1 июля жили 426 человек, в одной каморке обитали в среднем более 12 человек при удельном объеме 0,59 куб. сажени; в казарме № 2 той же фабрики удельный объем доходил до 0,55 куб. сажени. Даже на ситценабивной фабрике, где условия были наилучшими, их нельзя признать удовлетворительными. Однако в 1900 г. в самых больших Сериковских казармах, где в 116 каморках жили 630 человек, на человека приходилось 1,28 куб. сажени, т. е. минимально необходимая санитарная норма была соблюдена (прил. 15).

В докладной записке уездных врачей А. Э. Кеммериха и В. И. Фредерикса «О результатах санитарного осмотра 24 и 25 августа 1907 года на Новой Мызе» дана нелицеприятная картина непроизводственных помещений[16]. Так, в ее первой части много написано о плохом состоянии выгребных ям буквально везде — при больнице, родильне, бараках, школе, квартирах прислуги больницы, конном дворе. Далее говорится: «Квартиры фабричных рабочих являются в следующем виде: все

старые спальни грязны внутри, местами существуют отжившие свой век нары и, например, в так называемых холостых квартирах в одной комнате помещаются 20–23 человек. Тут же они сушат белье и даже умываются, так как нигде не устроены умывальники, хотя это можно свободно устранить в очень удобном для этой цели месте в каждом этаже посредине коридоров». Кроме того, в записке отмечалась высокая скученность буквально во всех спальнях: «В общем бросается в глаза сильное перенаселение жилых помещений, при котором более или менее удовлетворительное санитарное состояние их невозможно... Нужно еще удивляться той относительной чистоте, в которой удается обитателям спален содержать свои каморки при такой тесноте... В Новых спальнях в комнатке в 20 куб. сажень помещается 27 человек — койки стоят вплотную, без проходов, а кругом них около стен узкий проход, где трудно разойтись 2 человекам... В “Эрмитажах” внизу светлый коридор и высокие потолки, наверху такие каморки, из которых не выберешься, если возгорится».

Архивные документы свидетельствуют, что фабричное жилье, предоставлявшееся рабочим Ярославской Большой мануфактуры в конце XIX — начале XX вв., по ряду показателей выгодно отличалось от казарм большинства предприятий не только Ярославской губернии, но и России в целом. В разные периоды в казармах проживало от 40 до 60 % рабочих фабрики (что превышает соответствующие показатели по губернии в целом). Первые жилые корпуса появились на ЯБМ в 1870-х гг. К началу XX в. казармы при фабрике занимали 10 каменных зданий (два — четырехэтажных, семь — трехэтажных, один — двухэтажный) с центральным (калориферным и водяным) отоплением. В таблице 41 приведены сведения о наружных размерах казарм, количестве комнат и плотности их заселения в 1905 г.

Таблица 41

Сведения о наружных размерах фабричных казарм ЯБМ, количестве жилых комнат и плотности их заселения. 1905 г.

№ зданий	Длина в саж.	Ширина в саж.	Высота в саж.	Жилых комнат	Человек на каморку
3	41	10	6	121	6,8
4	51	10	6	124	7,0
5	51	10	6	160	7,3
6	$40^1/_2$	10	6	160	7,3
7	40	10	6	124	7,0
8	51	10	6	160	7,3
9	51	$7^3/_4$	$7^1/_2$	170	6,0
10	40	$7^3/_4$	$7^1/_2$	184	4,4
16	24	6	6	55	5,6
41	31	7	4	68	5,2

Примечание: номера корпусов даны в соответствии с принятой тогда на фабрике единой внутренней системой нумерации фабричных построек.

Источник: ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 166 (последний столбец подсчитан нами с использованием сведений о количестве жильцов в корпусах).

Из таблицы видно, что плотность заселения строений была разная. Более комфортными для проживания считались корпуса № 9 и № 10, появившиеся послед-

ними. Они были «устроены по последнему слову строительной техники» и на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. удостоились серебряной медали за казармы для рабочих[17]. Книги учета рабочих, проживающих в фабричных помещениях, показывают, что большинство жильцов этих зданий составляли квалифицированные рабочие. Таким образом, на ЯБМ, как и на коншинских фабриках, работники, в которых администрация была заинтересована, имели преимущества при получении и распределении фабричного жилья.

При размещении рабочих в жилых корпусах администрация ЯБМ старалась соблюдать установленные санитарные нормы. В отчете главного фабричного врача мануфактуры указано, что в начале XX в. на одного живущего в каморке приходилось 1,25–1,5 куб. сажени воздуха (12–14 м^3), тогда как для тех рабочих, которые снимали жилье в прифабричном районе, этот показатель был значительно ниже — «иногда доходит до 1 куб. арш. на человека» (0,36 м^3)[18]. В 1908 г. в одной из заметок газеты «Северный вестник» отмечалось, что жилые корпуса ЯБМ «по своей чистоте и опрятности производят приятное впечатление»[19]. Старший фабричный инспектор Ярославской губернии, неоднократно посещавший мануфактуру в августе–сентябре 1910 г., констатировал, что условия проживания рабочих в фабричных казармах отвечают установленным нормам, а каморки в них «просторные и светлые»[20].

Фабричная администрация ЯБМ уделяла пристальное внимание благоустройству жилых корпусов, соблюдению в них чистоты и порядка. В казармах регулярно проводился ремонт, для чего рабочих временно выселяли в коридоры. Если сначала помещения освещались с помощью керосиновых ламп, то с 1901 г. в них появилось электричество, что было характерно для многих российских предприятий в этот период. С этого момента рабочие, ранее жившие в каморках бесплатно, начали платить за освещение, что, однако, не окупало расходы Товарищества по этой статье. В каждой комнате, кроме форточки, существовала искусственная вентиляция — «выпускная и вытяжная». Кровати были единственным предметом обстановки, который фабрика предоставляла рабочим, остальное они должны были приобретать на собственные средства[21]. Для приготовления пищи в кухнях были установлены «громадные печи со множеством расположенных в четыре яруса всегда горячих камер, куда и ставятся для варки кушанья»[22]. В казармы была проведена вода из фабричного водопровода. И главный фабричный врач, и члены администрации признавали, что поступающая вода «загрязнялась стекающей по канаве азотосодержащей жидкостью с городского свалочного места, расположенного на другой стороне реки Которости* по течению выше фабрики»[23], в связи с чем «применение ее для хозяйственных потребностей населения не вполне желательно, но исключительно в силу необходимости приходится допускать это, так как лучшую воду взять неоткуда». В конце XIX в. Товарищество, пытаясь решить эту проблему, потратило 30 тыс. руб. на бурение артезианского колодца, однако полученная таким образом вода оказалась очень соленой, не пригодной для питья[24]. Стремясь предотвратить возможность распространения различных желудочно-кишечных заболеваний из-за загрязненной воды, администрация установила в производственных корпусах и казармах кубы с кипятком и оплачивала работу кубовщиков (кубовщиц), которые следили за постоянным наличием кипяченой воды. При корпусах жил и санитарный фельдшер. Кроме того, Товарищество выделяло средства на

* Так в тексте. Написание «Которость» вместо «Которосль» встречается в документах того времени довольно часто.

оплату специального штата прислуги при жилых корпусах: кухарок, сторожей, «морильщика насекомых». Исполнение правил проживания, соблюдение порядка контролировались особой администрацией — на каждом этаже был смотритель, а при каждом корпусе хожалый. Общий надзор за порядком в казармах осуществлял старший хожалый. Хорошо налаженная система вывоза нечистот с территории фабричного городка (в течение 24 часов) позволяла в целом поддерживать в нем условия, отвечавшие установленным санитарным требованиям. Санитарный совет, состоявший из фабричных врачей и членов администрации, в ходе регулярных обходов казарм и других зданий, расположенных на фабричном дворе, выявлял недостатки и намечал мероприятия по их устранению. Из всего вышесказанного можно заключить, что вопрос создания нормальных условий проживания для рабочих стоял для фабричной администрации ЯБМ отнюдь не на последнем месте.

Надо отметить, что существовавшие на ЯБМ принципы предоставления жилья и переселения по корпусам и каморкам оказывали определенное воздействие на трудовое поведение работников. Для того чтобы получить место в казарме, а затем улучшить условия проживания, работник должен был определенным образом зарекомендовать себя на производстве. Например, как показывают записи в личных делах, рабочий, регулярно допускавший нарушения правил внутреннего распорядка, имел немного шансов заселиться или (если уже жил в казарме) получить более комфортные условия. Как правило, схема предоставления жилья выглядела следующим образом: сначала рабочему предоставлялось место в одном из наиболее плотно заселенных фабричных зданий, причем каморка обычно располагалась на северной стороне. С течением времени работника переводили в комнату, расположенную на южной стороне. В самой каморке существовала очередь перемещения «к окошку».

Рабочий, получивший место в казармах, обязан был соблюдать правила пользования фабричными жилыми помещениями, установленные на предприятии (см. прил. 14). На коншинских фабриках и на ЯБМ был введен строгий распорядок: у Карзинкиных (в 1900-е гг.) вход в казармы закрывался в 10 часов вечера летом и в 8 часов зимой; у Коншина тот же распорядок был принят в 1880 г., а в 1890 г. — тоже в 10 часов летом и в 9 часов — зимой[25]. С опоздавших взимался штраф за нарушение порядка[26]. Кроме того, на Ярославской мануфактуре жители казарм должны были соблюдать чистоту и порядок («мыть коридоры и каморки перед праздничными и воскресными днями»), следить за чистотой воздуха («курить табак только на кухне» (это также и противопожарное требование), «для хранения продуктов пользоваться специальными погребами»), «не стирать и не сушить белье в каморках», осторожно обращаться с огнем, а также «вести себя тихо и скромно», без ругани и драк[27]. Допуск в каморки посторонних разрешался только по специальному разрешению хожалого или администрации. Безусловно, проживавшие «на вольных квартирах» пользовались большей свободой, однако бытовые условия, предоставляемые фабрикой, были объективно лучше и привлекательнее для рабочих. Кроме того, бесплатное проживание в казармах давало ощутимую экономию бюджета рабочей семьи. Для записи желающих получить фабричное жилье на ЯБМ существовала специальная книга, и рабочий получал каморку в порядке очереди.

Необходимо специально подчеркнуть, что и у Коншина, и у Карзинкиных в казармах проживали не только фабричные рабочие, но и члены их семей. В очерке, датируемом 1909 г., приводится подробная статистика, связанная с распределением мест в казармах при всех коншинских фабриках за 1904–1909 гг.

Таблица 42

Состав жителей фабричных казарм Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1909 гг.

На 1 янв.	Куб. саж. на чел.	Из числа всех живущих было							Итого всего населения
		Работающих на фабриках			Неработающих				
					Взрослых		Детей обоего пола	Всего	
		М	Ж	Всего	М	Ж			
1904	0,77	4 732	3 913	8 645	65	903	2 863	3 831	10 478
1905	0,78	4 719	3 943	8 662	64	901	3 049	4 014	10 444
1906	0,78	4 839	3 894	8 733	74	946	3 017	4 037	10 513
1907	0,78	4 726	3 723	8 449	75	934	3 100	4 109	10 329
1908	0,83	4 786	3 793	8 579	69	1004	3 462	4 535	10 786
1909	0,83	4 661	3 791	8 452	46	962	3 716	4 724	10 812

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 44 об.

Далее в том же очерке приводится динамика процентного распределения рабочих и членов их семей среди проживающих в казармах.

Таблица 43

Процентный состав жителей фабричных казарм Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1909 гг.

Год	Неработающих			Работающих
	Всех	В том числе		
		Детей	Взрослых	
1904	28,15	20,79	7,36	71,85
1905	28,44	21,27	7,17	71,56
1906	28,26	20,90	7,36	71,74
1907	29,74	22,42	7,32	70,26
1908	31,23	23,73	7,50	68,77
1909	32,73	25,34	7,39	67,27

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 45.

Данные таблиц свидетельствуют о том, что квартирный вопрос у Коншина со временем становился все более острым, несмотря на то, что в 1909 г. казармы Товарищества располагались уже в 28 корпусах (два последних из них были введены в строй в 1908 и 1909 гг.). При этом ухудшение жилищных условий было связано не с увеличением числа живущих в казармах рабочих, а с увеличением числа членов их семей, в первую очередь детей.

Видимо, подобная проблема существовала и на Ярославской мануфактуре. В «Правилах внутреннего распорядка» для рабочих ЯБМ за 1910 г. указывалось, что «квартирами пользуются только те семьи, в которых число неработающих членов семьи менее числа работающих. Исключения из этого правила могут быть допускаемы с разрешения заведующего Мануфактурою» (см. прил. 3, §17). В таблице 44 приводятся сведения о составе рабочих в казармах ЯБМ за 1905 г.

Таблица 44

Количество рабочих, проживавших в казармах ЯБМ. 1905 г.

№ зданий	Мужского пола		Женского пола		Всего
	взрослых	детей	взрослых	детей	
16	81	52	103	73	309
41	80	51	163	61	355
3	278	124	251	174	827
4	228	161	305	184	878
5	296	194	432	246	1 168
6	315	206	435	211	1 167
7	228	154	317	172	871
8	304	186	433	242	1 165
9	288	186	297	244	1 015
10	233	150	236	192	811
Всего	2 331	1 464	2 972	1 799	8 566

Источник: ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 167.

На многих дореволюционных предприятиях, содержавших на свои средства казармы для рабочих, существовали отдельные комнаты (или корпуса) для семейных и одиноких рабочих, в которых планировка и размеры каморок отличались. Так, в частности, было на фабриках Коншина. Здесь при ситценабивной фабрике существовали две казармы, которые так и именовались «для одиноких», и в 1900 г. там в пяти «комнатах» проживали 290 рабочих-мужчин. Во всех других казармах жили также женщины и дети, и нигде больше среднее число человек на комнату не превышало 14 человек на комнату (см. прил. 15). На ЯБМ, как видим из табл. 41 и 44, подобного разделения жилых помещений не было: здесь отсутствовали большие комнаты-спальни, в которых администрация предприятий размещала зачастую по несколько десятков человек. Одинокие рабочие на ЯБМ имели такие же условия проживания, как и семейные (в каморках, рассчитанных не более чем на восемь человек). Возможно, такой подход к проектированию жилых корпусов объяснялся тем, что администрация мануфактуры была преимущественно ориентирована на то, чтобы принимать на работу целые семьи[28].

Представляет интерес, что фабричное руководство у Коншина, связанное с рабочим договором, могло выселить его из фабричных жилых корпусов только по решению суда. Какое-то время казармы предоставлялись еще и пенсионерам, которые по выслуге лет получали пенсию от фабрики, хотя в правилах 1907 г. говорилось, что им запрещается иметь каморку в казарме (прил. 16, §12). Но даже и пенсионера администрация фабрик не могла выселить без достаточных обоснований, руководствуясь лишь соображениями о полезности жильца для предприятия. В фонде имеется, например, такое письмо директора прядильно-ткацкой фабрики заведующему административно-хозяйственной частью фабрик Е. Е. Тизенгаузену от 24 января 1906 г.: «Имею честь покорнейше просить Вас распорядиться возбудить установленным порядком, через суд, ходатайство о выселении из казармы № 4 каморки № 45 пенсионера Т. А. Тараракина, положительно не терпимого в спальне, вызывающего своей старческой нечистоплотностью массы жалоб каморочных и

соседей»[29]. Здесь особенно интересно именно то, что пенсионера, с 1904 г. не работающего на фабрике и по существующим правилам не имеющего права занимать место в фабричной казарме, пришлось выселять через суд и потому лишь, что на него поступали жалобы соседей. В 1907 г. в казармах прядильно-ткацкой фабрики проживали 13 пенсионеров, в казармах Новой ткацкой — три пенсионерки, при ситценабивной фабрике пенсионеров не было[30].

На ЯБМ мы наблюдаем иную ситуацию: рабочий мог быть выселен из казарм по решению администрации. Чаще всего такое решение принималось в случае увольнения рабочего или при регулярном нарушении им установленных правил проживания (пьянство, драки, ругань и т. п.)[31]. Хуже всего для рабочего, конечно, было то, что с этого момента приходилось платить дополнительные деньги за проживание на «вольной квартире»; дополнительным негативным последствием для рабочих — выходцев из крестьян являлось то, что они теперь были вынуждены жить в чужом городе, «в стороне» от своих земляков. Такие работники, особенно несемейные, предпочитали фабричные казармы, объясняя это тем, что «здесь им было веселее»[32]. Как говорилось выше, отказать в предоставлении места в казарме на ЯБМ могли и в качестве производственного взыскания.

Для выселения женщины-работницы могли быть и иные поводы. Есть примеры, когда выселяли незамужнюю женщину-работницу фабрики с незаконнорожденным ребенком. (Рождение незаконного ребенка грозило работнице, проживавшей в фабричной казарме, даже увольнением, но выселение могло состояться и без увольнения. Обычно это делалось в том случае, если женщине удавалось отправить ребенка к родным, в деревню[33].) Показательно, что рабочие или работницы, вынужденные оставить работу на предприятии вследствие потери трудоспособности (болезнь, старость, производственная травма), получавшие после увольнения ежемесячные пособия (5–7 рублей) и жившие на «вольных квартирах», иногда просили прекратить выплату пособия и вместо этого поселить их в «фабричные каморки»[34], хотя шансов на положительный ответ у них, видимо, не было, скорее им могли увеличить пособие или поставить на очередь в богадельню.

КВАРТИРНЫЕ ДЕНЬГИ

В случае если рабочий не получал места в казарме, фабрика выплачивала ему компенсацию — денежное пособие, ежемесячно добавляемое к заработку («квартирные деньги»). В связи с ростом количества рабочих на предприятиях и ограниченными возможностями размещения их в фабричных казармах в начале XX в. несколько увеличивается доля живущих «на вольных квартирах», соответственно растут и расходы владельцев на выплату «квартирных денег». Так, в июле 1900 г. из 5 100 рабочих прядильно-ткацкой фабрики Коншина «квартирные деньги» получали 1 583 человека, т. е. 31 %[35]. В июне 1914 г. согласно расчетным книгам доля таковых составила уже почти 42 % — 1 970 человек из 4 715. Сведения о росте расходов Коншиных по статье «выплата квартирных денег» представлены в табл. 46.

Размеры «квартирных» денег заметно отличались даже в пределах одной губернии. Кроме того, владельцы индивидуально определяли размеры выплат для разных групп рабочих.

У Коншина, судя по правилам о пенсиях от 1907 г. (см. прил. 16, §13), предоставление рабочим бесплатного места в казарме приравнивалось примерно к десятой части заработка. Однако рабочим платились одинаковые «квартирные деньги»,

заведомо меньшие этой доли. По данным упомянутых выше расчетных книг за 1902 г., мастера получали в месяц от 2 до 10 рублей, но подавляющему большинству рабочих причиталось по 1 рублю в месяц[36] — сумма, явно недостаточная для найма приличного жилья. Неудивительно, что рабочие боролись за повышение ставки «квартирных денег». В октябре 1905 г. в качестве уступки требованиям бастующих правление пошло на увеличение выплат: с Пасхи 1906 г. размер их составил полтора рубля в месяц на человека[37]. В 1909 г. ставка составляла уже 2 рубля[38], но в дальнейшем увеличение не проводилось очень долго. Только с 1 мая 1917 г. квартирные выплаты были увеличены с 2 до 6 рублей в месяц[39], а с 1 сентября 1917 г. (по решению комиссара труда Московского промышленного района) — до 12 рублей в месяц[40].

На ЯБМ администрация по-иному подходила к вопросу определения размера «квартирных денег» для разных групп рабочих. На заседании правления Товарищества 7 октября 1895 г. было принято решение с 1 января 1896 г. всем работавшим на ЯБМ и не пользовавшимся при этом фабричным жильем выплачивать ежемесячное «квартирное довольствие»: 1 руб. 75 коп. — мужчинам и 1 руб. 25 коп. — женщинам[41]. Директор мануфактуры С. А. Федоров ходатайствовал перед правлением о распространении этой меры также на работающих подростков и малолетних. Согласившись с ним, 18 октября 1895 г. члены правления установили новые нормы «квартирного пособия»: 1 руб. 50 коп. мужчинам, 1 руб. женщинам, 75 коп. — подросткам и малолетним. Причем было решено не дожидаться начала следующего года, а ввести эту меру уже с 1 ноября 1895 г., известив об этом рабочих через специальное объявление[42]. В начале XX в. ежемесячные выплаты работавшим женщинам и подросткам, не проживавшим в казармах, были увеличены: женщинам — до 1 руб. 25 коп., подросткам и малолетним обоего пола — до 1 руб.[43] Эти суммы были несколько выше, чем на ряде других текстильных предприятий губернии, и тем не менее их явно не хватало для оплаты жилья. Об этом свидетельствуют требования, выдвигавшиеся рабочими во время стачек начала XX в., а также цены на комнаты в городе. На протяжении революционного 1905 г. размер квартирного довольствия увеличивался дважды. В соответствии с постановлением правления от 25 июля, принятым по инициативе заведующего мануфактурой А. Ф. Грязнова, мужчины с августа начали получать по 2 руб. 25 коп., женщины — по 1 руб. 50 коп., подростки и малолетние — по 1 руб. 25 коп.[44] В конце октября 1905 г. правление, стремясь предупредить дальнейшее развитие начавшейся стачки, согласилось удовлетворить целый ряд выдвинутых требований, в том числе было объявлено «о повышении квартирного довольствия всем рабочим, не пользующимся бесплатными помещениями от фабрики»: мужчинам отныне полагалось по 3 руб. в месяц, женщинам — по 2 руб., подросткам и малолетним — по 1 руб. 50 коп.[45] Видимо, на протяжении следующего десятилетия указанные суммы не менялись. Рабочие мануфактуры выдвигали требования увеличения «квартирных денег» в октябре 1915 г. (всем — на 1 руб.) и в апреле 1916 г. (всем независимо от пола и возраста — до 5 руб. в месяц), но правление отказывалось их выполнить, ссылаясь на уже сделанные за годы войны прибавки к зарплате и «удержание цен в харчевой лавке»[46].

Отметим, что на соседних с рассматриваемыми нами, не таких больших фабриках дело с выплатой денег на наем жилья на стороне в основном обстояло хуже. Так, на Норской мануфактуре выплачивать «квартирные деньги» начали значительно позже, только в 1912 г. (причем под давлением рабочих, ссылавшихся на пример ЯБМ), и размер их был меньше: мужчинам — по 2 руб. в месяц, женщинам — 1 руб. 50 коп., подросткам и малолетним — по 1 руб.[47] То же мы можем ска-

зать и о серпуховских фабриках. В мае 1914 г. на Серпуховской бумагопрядильне бастующие рабочие требовали увеличения «квартирных денег», которые тогда им выдавались в размере 1 руб. в месяц (напомним, что коншинские рабочие уже с 1909 г. получали по 2 руб.). Бастующие рабочие требовали ставки в 3 руб. в месяц, но добились лишь увеличения до 1 р. 50 коп. в месяц[48]. Через две недели после этого забастовали рабочие Рябовской мануфактуры, которые, в частности, потребовали установления выдачи «квартирных денег» в размере 2 руб. 50 коп. ежемесячно, а также набойщики фабрики бр. Кочетковых, которых устроили бы и 2 руб. в месяц (результат нам неизвестен в обоих случаях)[49]. В августе 1916 г. рабочие суконной мануфактуры Каштановых добились того, что им будет выплачиваться по 1 руб. 50 коп. «квартирных» в месяц[50].

Интересно, что даже если рабочий ЯБМ увольнялся (в силу разных причин), не доработав до конца месяца, то причитающиеся ему за отработанное время «квартирные деньги» также выплачивались при расчете. Например, в личном деле слесаря Н. Н. Бакина, работавшего на мануфактуре с 1902 г., присутствует запись о том, что он был арестован 15 октября 1907 г. (причина ареста в деле не указана) и рассчитан 13 декабря 1907 г. «по записке главного механика за продолжительную неявку на работу вследствие ареста». «Деньги, причитающейся заработки 3 руб. 63 коп.», а также квартирные деньги 1 руб. 50 коп. (т. е. сумма за отработанную им половину октября месяца) были выданы его отцу[51].

Безусловно, дополнительные выплаты на наем жилья являлись подспорьем для рабочих семей, однако получить приличные условия проживания за эти деньги было невозможно. Главный фабричный врач ЯБМ П. П. Воскресенский в первые годы XX в. так характеризовал бытовые условия рабочих, снимавших квартиры в частных домах прифабричного района: «Большинство квартир означенного района устроены без всяких удобств для квартирантов, низки, сыры, холодны; зимой — промерзают, с промозглым запахом, не вентилируются, не имеют даже форточек; вместо кроватей нередко имеют простые нары; переполнены квартирантами, причем кубическое содержание воздуха иногда доходит до 1 куб. арш. на человека; и ко всему этому очень дороги»[52]. В одном из личных дел есть запись о том, что в 1897 г. рабочая семья из четырех человек платила за квартиру в этом районе 4 руб. 50 коп.[53] Были случаи, когда владельцы частных квартир жаловались в Контору ЯБМ, что их жильцы — рабочие мануфактуры должны им квартирную плату за несколько месяцев[54]. В таких условиях чуть легче приходилось семье, где несколько человек работали на ЯБМ и, следовательно, получали «квартирные деньги».

Подобная ситуация с наймом жилья была характерна в целом для России. В материалах бюджетного обследования рабочих Петербурга в 1909 г. показана «типичная женская текстильная семья», состоящая из работающих на фабрике матери 45 лет и дочери 19 лет — они снимали комнату в 4 аршина длины, 2 аршина 6 вершков ширины и 3,5 аршина высоты (т. е. это комната в 2,8 м × 1,7 м = 4,8 м^2; вместимость комнаты — 1,23 куб. с.), — «кровать и сундук, между ними узкий проход» — и за эту комнату без дополнительных услуг — стирки и варки пищи — они платили по 4,5 рубля в месяц[55]. И за 10 лет до того цены на жилье были незначительно меньшими: как образец в одной статье приводится квартира, в которой в первой комнате на трех кроватях помещались три семьи: трое женщин, трое мужчин и двое детей, во второй комнате — 9 человек, в кухне — 11 человек, на каждого в квартире приходилось около половины куб. сажени воздуха, а цены составляли (за кровать) в комнатах — 3,50–4 руб. в месяц, на кухне — 3 руб. в месяц[56].

Наиболее удобной выплата квартирных денег, разумеется, была для рабочих, проживающих в собственных квартирах в городе или в прилегающих к фабрикам слободах и деревнях, потому что администрация фабрики не регистрировала наличие собственного жилья и так же платила рабочим квартирные деньги.

Сколько было таких рабочих, сказать сложно, потому что нам не удалось найти статистики на этот счет ни для коншинских фабрик, ни для ЯБМ. В общем исследовании о городе Серпухове говорится, что доля живущих в собственных домах составляла 15 %, но не указаны ни время, на которое приходится такая цифра, ни ее источник[57]. Единственные достоверные данные мы находим у того же Е. М. Дементьева, и они относятся к 1884 г. Тогда на ситценабивной фабрике из 989 рабочих-мужчин 389 (почти 40 %) проживали в своих домах или у родственников, 164 — снимали квартиры, а 486, как уже говорилось, жили при фабрике[58]. Оценивая этот факт, впрочем, нельзя не принять во внимание, что на ситценабивной фабрике вообще должно было быть больше «местных жителей». Во-первых, эта фабрика, в отличие от других, располагалась почти в центре города Серпухова; во-вторых, большое количество отделений и цехов на фабрике вело к большей необходимости в квалифицированных рабочих, которые вербовались во многом из городских жителей. Можно еще предположить, что имело большое значение и то, что именно эта фабрика была старейшей, и когда-то на ней почти все рабочие были серпуховскими мещанами, и хотя это было еще в середине XIX в., нельзя пренебрегать определенной инерцией в этом вопросе — тогда в промышленности повсеместно проблема устройства на фабрику или завод решалась во многом благодаря связям — работал ли какой-то родственник или знакомый на той же фабрике, и мог ли он поручиться за новичка перед мастером.

Как бы то ни было, эта доля — 40 % — живущих в собственных квартирах довольно велика. Но к началу XX в. ситуация не могла не измениться в сторону их значительного уменьшения. Общее число рабочих за 20 лет выросло почти втрое, и очевидно, что среди новых рабочих было больше «пришлых». Как говорилось выше, в 1904–1907 гг. уже примерно три четверти всех коншинских рабочих (8,5 тыс. человек) жили в фабричных казармах. По данным табл. 8, в 1902 г. серпуховских мещан на фабриках было почти 1 300 человек, однако это число дает лишь самую грубую оценку живущих в собственных домах. Мы не знаем, сколько серпуховских мещан не имело собственного жилья, но, с другой стороны, еще многие рабочие были крестьянами деревень Скрылья и Глазечни (где непосредственно находились почти все фабрики), а также и других близлежащих деревень и жили в своих домах. Отдельные дома занимали и жители рабочего поселка.

РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК

Рабочий поселок вблизи от предприятия — еще один путь решения проблемы обеспечения жильем рабочих и их семей в дореволюционный период. Этот способ имел свои специфические особенности на разных фабриках в зависимости от местных условий (возможностей) и позиции предпринимателей.

На ЯБМ в середине 1890-х гг. уже сложилась практика предоставления рабочим ссуд «под векселя» на постройку или ремонт домов и другие хозяйственные нужды. В июле 1898 г. с целью упорядочения процесса выдачи ссуд на заседании правления было принято решение, что числящийся за рабочими долг по таким ссудам не должен превышать единовременно 10 тыс. рублей[59]. В этот период деньги выдавались на условиях уплаты 6 % годовых[60]. В первые годы XX в. заведующий

ЯБМ А. Ф. Грязнов обращался к правлению с предложением помочь рабочим в строительстве собственных домов путем выдачи беспроцентных ссуд с последующими ежемесячными отчислениями из заработка для их погашения. Он мотивировал необходимость такого шага тем, что, несмотря на все усилия фабричной администрации, казармы не дают рабочим возможности полноценно отдохнуть и восстановить силы после трудового дня, а кроме того, крайне негативно влияют «на нравственность живущих в них как взрослых, так и, в особенности, детей»[61]. Общее собрание пайщиков, рассмотрев предложение А. Ф. Грязнова, приняло решение выделить на постройку домов рабочим 200 тыс. рублей, причем возвращаемые ссуды должны были использоваться далее с той же целью. Сам же А. Ф. Грязнов в 1907 г. добился в городской Управе выделения прилегающего к мануфактуре и принадлежащего городу участка земли в Забелицах (на берегу р. Которосль) в аренду рабочим для постройки домов[62]. Безусловно, строительство на выделенном участке требовало преодоления целого ряда проблем, однако присутствовали и положительные моменты. Во-первых, близость нового поселка к фабрике была удобна и для рабочих, и для администрации. Во-вторых, получение беспроцентной ссуды давало рабочим реальный шанс решения жилищной проблемы для своей семьи.

Уже в мае–июне 1907 г. в городскую Управу поступали многочисленные заявления «об отводе земли»[63]. К 1 августа 1907 г. в Забелицах было разобрано 68 участков (большинство — рабочими ЯБМ) по 100 кв. сажен. По сообщению газеты «Новый северный край», фабричная администрация «охотно снабжала» рабочих деньгами на постройку домов на следующих условиях: беспроцентная ссуда в размере 500–800 рублей при условии погашения от 10 до 25 рублей в месяц[64]. К 1 января 1908 г. в Забелицах уже появился новый поселок — там было построено около 70 домов, и более 750 заявлений о желании построить дома находились в городской Управе. В обоих случаях значительную часть составляли именно рабочие мануфактуры[65]. Через 10 лет поселок Забелицы насчитывал около 500 домов с садиками, огородами, спланированными улицами, площадями для храма, рынков, с местом для школы[66].

Товарищество мануфактур Коншина также содержало собственный рабочий поселок. Сначала строились домики (часть из них отводилась под административные нужды, т. е. под жилье таких служащих, которым оно предоставлялось бесплатно), а затем рабочие могли «покупать» домики «с условием не позднее как через 30 лет или снести их или же возвратить Товариществу»[67] — т. е., в действительности, стоит говорить не о покупке, а о длительной аренде домиков. К 1899 г. в рабочем поселке всего было уже около 200 домиков[68], в 1907 г. в поселке проживало 1 024 рабочих и 1 005 членов их семей, не работающих на фабрике[69].

По условиям проживания рабочий поселок в обоих случаях выглядит предпочтительнее по сравнению с наемными квартирами (а чаще, комнатами) и фабричными казармами. Это был свой дом, дававший возможность ведения неработающими на фабрике членами семьи личного хозяйства. У Коншина Товарищество даже отдельно платило пастухам, поскольку жившие в рабочем поселке семьи содержали коров. В описании фабричного врача поселок выглядит так: «Этот поселок, расположенный рядом с фабричным двором, прилегает другой стороной к роще, тянущейся на несколько верст, и таким образом, его обитатели — собственники отдельных домиков — по житейской обстановке ближе подходят к деревенским жителям, чем к населению общих казарм». Врач показывал, что из-за лучших условий дети там растут более здоровыми, и детская смертность ниже (если в фаб-

ричных казармах до трехлетнего возраста не доживали 54–58 % родившихся, то в рабочем поселке — 46 %)[70]. Такой вариант с точки зрения условий проживания явно выигрывал и по сравнению с собственными квартирами, поскольку в рабочем поселке комнаты нельзя было сдавать жильцам, и, следовательно, хозяева домов занимали всю площадь, а не ютились на кухне. Показательно, что администрация ЯБМ специально оговаривала: выдаваемая ссуда должна быть использована на приобретение или ремонт собственного дома, а не квартиры.

Сохранившиеся в фонде ЯБМ расчетные ведомости позволяют определить механизм возврата предоставленной рабочим ссуды: ежемесячные вычеты из зарплаты, сумма которых зависела от размера заработка. Коншинские рабочие вносили арендную плату за дом также путем вычетов из заработка.

Учитывая условия выдачи ссуды и порядок ее погашения на Ярославской мануфактуре, можно заключить, что далеко не все категории рабочих-текстильщиков имели возможность начать строительство собственного дома — ведь в год они должны были возвращать от 120 до 300 рублей. Крупные ссуды, в данном случае на постройку дома, способствовали фактическому закреплению квалифицированного, высокооплачиваемого работника за предприятием на несколько лет (т. е. до полного погашения задолженности). Если же он строил вблизи фабрики собственный дом, то переход его на другое предприятие становился еще менее вероятным.

Переселение в собственный дом требовало немалых средств и от рабочих Коншинских фабрик. Из 270 домиков в 1902 г. в 173 жили рабочие, а 48 были заняты под квартиры служащих[71]. В силу указанных причин для обоих предприятий была характерна ситуация, когда переселялись в рабочий поселок преимущественно семьи, в которых сразу несколько человек работали на фабрике (прил. 17).

Рабочие коншинских фабрик с трудом справлялись с дороговизной жилья в поселке. Арендную плату за дома вносили плохо. Согласно статистике, имеющейся на ноябрь 1902 г., из 173 рабочих — арендаторов домиков — только шестеро полностью выплатили арендную плату, остальные 167 человек были должниками Товарищества[72]. На 1 января 1909 г. из 170 арендованных домиков рабочими были оплачены лишь 18. Из общей суммарной стоимости этих 170 домиков, равной 114 670 руб., были погашены 59 972 руб. 66 коп., т. е. чуть более половины[73]. В архиве также есть списки, включающие несколько десятков арендаторов домиков в рабочем поселке при коншинских фабриках. Среди них основная часть — рабочие основных фабрик, но есть также и подмастеры (низший управляющий персонал), рабочие механических отделений, хозяйственные рабочие, даже мелкие служащие. Указан размер их арендной платы — 5–10 руб. в год[74]. Это существенно меньшая сумма, чем то, что должны были уплатить те, кто выкупали домики и считались их владельцами. В этой связи можно предполагать, что со временем правление столкнулось с невозможностью сбора требуемых платежей в полном объеме и перешло к тому, чтобы часть домиков не продавать рабочим, а лишь сдавать в аренду за пониженную плату.

На основе записей в личных делах рабочих ЯБМ можно сделать вывод, что все крупные ссуды на постройку, покупку или ремонт дома выдавались мужчине-рабочему мануфактуры как главе семьи, и долг по выплате взятой суммы числился именно за ним. Однако при выдаче ссуды и зачастую при определении ее размера (иногда выдавали меньше, чем просил работник) учитывалось, работает ли жена взявшего ссуду на мануфактуре. Если мужчина, получивший крупную ссуду, вынужден был по каким-либо причинам уволиться с фабрики (потеря трудоспособности вследствие болезни или несчастного случая, а также смерть), то долг ав-

томатически переносился на его жену. Упоминания о случаях переноса долга по ссуде на других членов семьи или близких родственников (детей, родителей, братьев, сестер) отсутствуют. Мы не располагаем сведениями о том, контролировалось ли фабричной администрацией использование рабочими полученной ссуды. Но, видимо, выданные на постройку, покупку или ремонт дома деньги не всегда тратились по назначению. Так, например, на заседании правления Товарищества ЯБМ от 16 мая 1913 г. решено было удовлетворить просьбу одного из служащих в конторе Правления о выдаче ему ссуды на строительство дома, но «выплату произвести только после представления им крепостного акта на участок земли, на котором предполагается постройка дома»[75]. Это можно рассматривать как некую попытку проконтролировать использование выделенных целевым образом средств.

На обоих рассматриваемых предприятиях существовали определенные критерии, на основе которых отбирались «достойные» претенденты на проживание в собственном доме. Администрацию ЯБМ интересовала, прежде всего, платежеспособность рабочего, подавшего прошение о выдаче ссуды. Так, в 1902 г. из 53 таких рабочих деньги получили 44. Девяти рабочим было отказано по следующим причинам: 1) частое появление на рабочем месте в нетрезвом виде; 2) наличие долга конторе ЯБМ (как следствие выданной ранее ссуды на другие нужды); 3) низкий заработок рабочего и низкий общесемейный доход[76]. Как видим, отказывали в тех случаях, когда сомневались, что рабочий вследствие определенных причин в состоянии будет вернуть долг.

У Коншина для того, чтобы поселиться в рабочем поселке, тоже недостаточно было только быть платежеспособным на момент подачи заявления — администрация определяла, насколько рабочий соответствует праву проживать там. Так, директор ситценабивной фабрики давал резолюцию о своем рабочем: «Имею честь сообщить, что он, Щевелов, очень хороший и благонадежный рабочий, а потому имею честь покорнейше просить Вас сделать зависящее от Вас распоряжение об удовлетворении его ходатайства»[77]. Или так: (от заведующего литейным заводом): «Сим удостоверяю, что Василий Гаврилов Волков с 1899 года и по сие время служит в качестве рабочего при литейном заводе Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, получая жалованья 60 копеек в день. Волков за все время своей службы ни в чем предосудительном не был замечен»[78]. Могло быть и негативное заключение: «В ответ на письмо Ваше от 4 с/м за № 1803 сим сообщаем Вам, что мы покорнейше просим Г. П. Пронкину дом ни под каким видом не сдавать, так как нам было бы желательно избавиться от него»[79].

Ряд интересных деталей открывает проходившая в сентябре 1901 г. переписка заведующего административно-хозяйственной частью Товарищества Коншина (в его ведении находилось все связанное с поселком) с директором прядильно-ткацкой фабрики (распоряжался размещением в казармах при этой фабрике) по вопросу возможности и желательности выселения рабочего П. И. Буева из поселка в казармы и освобождения в результате этого домика для конторы старосты поселка. «Названный Буев против расторжения с ним арендного договора ничего не имеет при условии, что ему будет отведена каморка в одной из спален при вверенной Вам фабрике. Помимо необходимости занять дом № 177 для нужд $Т^{ва}$, продолжать договор с Буевым представляется нежелательным еще и потому, что он как многосемейный не в состоянии выплачивать $Т^{ву}$ долга по аренде... тогда как по условию этот дом должен был бы быть в настоящее время совсем погашен. Наконец, и как хозяин Буев не отвечает желаниям Правления, так как и дом, и усадьба его содержатся им в высокой степени небрежно». Однако места в забитых казармах

не нашлось (прил. 18). Все же вопрос как-то решился, т. к. по документам уже в октябре домик числится за конторой. Важно отметить, что в этой переписке всплывает фраза и о том, что с рабочим заключался договор об аренде домика, который мог быть расторгнут «только в том случае, если рабочий-арендатор уйдет с фабрики или будет уволен с оной». Правда, видно, что правление в крайнем случае могло пойти на увольнение рабочего с этой единственной целью[80]. В фонде можно найти и другие материалы, рельефно показывающие повседневные проблемы рабочего поселка (например, прил. 19).

Интересно отметить, что на обеих рассматриваемых фабриках как рабочие, изначально имевшие собственное жилье при устройстве на предприятие, так и рабочие, обзаводившиеся собственным домом, получали от Товарищества квартирные деньги — компенсацию за то, что им не было предоставлено место в казармах. Так, сторож при коншинских фабриках Иван Ермолаев имел в поселке уже полностью выкупленный дом и тем не менее в 1901 г. получал в месяц положенный рубль квартирных денег[81]. Положение таких рабочих можно признать более выгодным. На ЯБМ, например, причитавшиеся квартирные деньги вычитались вместе с частью заработка в счет погашения ссуды.

ОБЩИЕ ТРАТЫ НА ЖИЛЬЕ ДЛЯ РАБОЧИХ

Снабжение рабочих жильем, которое, как мы показали, относилось так или иначе ко всем рабочим и к немалому количеству членов их семей, было довольно затратным делом. Расширение производства и соответствующее увеличение числа рабочих, постепенное увеличение ставки квартирных денег, ужесточение санитарных требований и рост стоимости ремонта помещений, даже постоянный рост числа детей в казармах приводили к растущей динамике расходов по этой статье. Хотя у нас нет длинных динамических рядов расходов на обеспечение жилья рабочим, некоторое представление об этом процессе можно получить.

В табл. 45, в частности, отражены сведения о расходах ЯБМ по указанной статье.

Таблица 45

Расходы Товарищества ЯБМ на жилье для рабочих (рублей в год, без учета сумм, потраченных по этим же статьям для служащих). 1895–1915 гг.

Год	Квартирные деньги	Содержание казарм	Итого	На одного рабочего
1895	9 680, 25	32 996, 09	42 676, 34	
1907	146 000	57 900	203 900	22,10
1908	165 000	59 780	224 780	24,30
1909	165 000	63 380	228 380	
1912	179 000	58 160	237 160	
1913	190 000	61 460	251 460	26,72
1914	205 000	61 360	266 360	26,68
1915	205 000	61 360	266 360	26,44

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 93, 177; Д. 59. Л. 41–48, 209; Д. 61. Л. 57; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2743. Л. 8.

За 1907 г. сохранилась также роспись общей суммы, потраченной на содержание фабричных казарм, по отдельным статьям расходов. Из 57 900 руб. больше

половины «поглотило» отопление: 36 800 руб. пошло на покупку топлива (дрова и торф). При этом 15 500 руб. было потрачено на освещение помещений. Жалование различным работникам казарм (смотрители, сторожа, истопники, трубочисты и др.) составило сумму в 10 600 руб., страхование строений и имущества — 3 850 руб., «разные расходы» — 5 100 руб.[82]

Товарищество Н. Н. Коншина расходовало на жилье рабочих в 1902–1907 гг. следующие суммы:

Таблица 46

Расходы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на жилье рабочих (рублей в год). 1902–1907 гг.

Год	Квартирные деньги	Содержание казарм	Ремонт казарм	Ремонт и содержание домиков в поселке	Итого	На одного рабочего
1902	30 635	118 664	21 618	8 000	178 916	16,13
1903	31 743	130 741	19 594	3 875	185 952	16,57
1904	33 475	135 158	9 559	5 458	183 650	16,11
1905	51 767	162 070	13 331	8 078	235 246	20,22
1906	111 684	134 079	18 779	11 849	276 390	24,33
1907	109 583	151 771	18 426	12 802	292 582	25,49

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 45 об.

Из первого графика (рис. 15–16, см. ниже), так же как и из данных табл. 46, видно, что рост трат администрации на жилье рабочих в указанный период опережал рост числа рабочих, однако это расхождение между двумя представленными динамиками приходится в основном на 1905–1906 гг., причем из второго графика совершенно определенно следует, что качественные изменения связаны преимущественно с ростом объема квартирных выплат. В 1906 г. выплаты «квартирных денег» возрастают по сравнению с 1904 г. почти в три раза, хотя ставка этой выплаты увеличивается всего в полтора раза. Таким образом, здесь должны были играть свою роль сразу два обстоятельства — увеличение вследствие революционных событий ставки квартирных выплат и увеличение числа рабочих, получавших такие выплаты. Однако в 1907 г., хотя рост числа рабочих продолжается, квартирные выплаты даже несколько уменьшаются.

Как бы ни решало правление вопросы, связанные с жилищным обеспечением, положение в этой сфере оставалось крайне тяжелым. Яркая иллюстрация дана в докладной записке в правление из администрации Новой ткацкой фабрики, датируемой примерно 1909–1910 г., о различных проблемах на фабрике (прил. 20). В ней обращается особенное внимание на жилищный вопрос, как на острейший для рабочих, «поднимаемый с особой настойчивостью и имеющий значительную долю основания». Хотя в записке и говорится о значительных преимуществах новых казарм перед старыми, там неоднократно повторяется, что и те и другие казармы переполнены до невозможности, и сносных условий нет нигде. Выше уже говорилось, что рыночное предложение квартир было совершенно недостаточным, и поэтому условия проживания в наемных квартирах были еще худшими, а увеличение размера квартирных выплат оценивалось как бессмысленное — «всякая прибавка уйдет в карман квартирного хозяина, не улучшив быта рабочего».

Понимая трудность проблемы, правление выделяло деньги на строительство новых казарм. Масштабное строительство развернулось, в частности, в 1894–

1899 гг., когда были построены пять новых корпусов, что обошлось Товариществу в 600 тыс. рублей[83]. Еще два жилых корпуса были введены в строй в 1900–1904 гг.[84] Новые корпуса сами по себе, если не учитывать проблему их перенаселенности, были вполне современными. Фабричный врач описывал их как «большие трех- и четырехэтажные корпуса с центральными системами отопления и вентиляции, вполне благоустроенные»[85]. Однако по крайней мере с 1902 г., насколько можно проследить по протоколам заседаний правления, крупное строительство предпринималось все же в весьма ограниченных размерах: в июне 1905 г. была принята смета в 191 500 рублей на трехлетнее строительство казармы при прядильно-ткацкой фабрике на 800 человек, затем, в марте 1908 г. — на двухлетнее строитель-

Рисунок 15

Динамика трат на жилье рабочих Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1902–1907 гг.

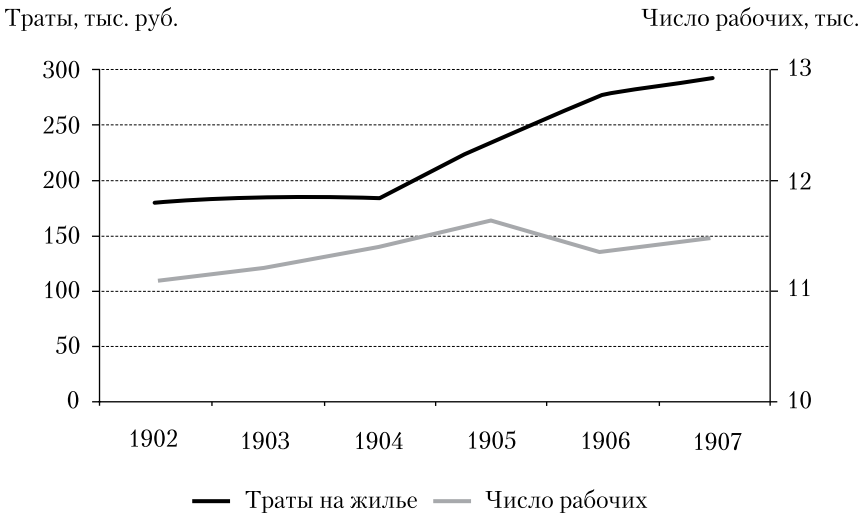
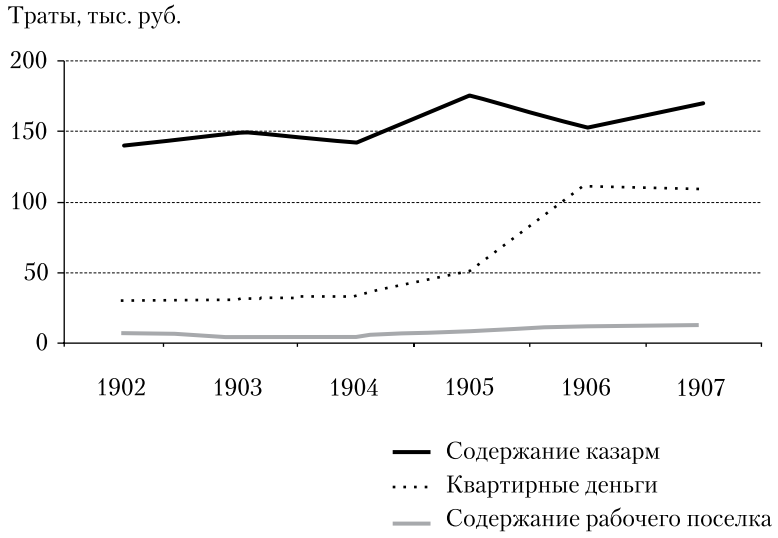


Рисунок 16



ство казармы в четыре этажа на 250 человек при красильно-отделочной фабрике (до 55 тыс. рублей)[86]. Дальше, вплоть до войны, в протоколах заседаний правления упоминаний о выделении денег на строительство казарм не встречается, и это почти наверняка означает, что строительства больше и не было.

Основной вывод автора докладной записки, непосредственно общавшегося с рабочими, заключался в том, что немедленное и постоянное строительство казарм является лучшим средством к умиротворению рабочих, повышению дисциплины и производительности труда. Но, как видим, правление не пошло на дальнейшее строительство. Очевидно, оно все же было не расположено вкладывать в строительство казарм чрезмерные суммы, предпочитая краткосрочное решение проблемы, более дешевое и оставлявшее больше проблем самим рабочим. Можно произвести некоторые подсчеты. Допустим, казарма на 800 человек действительно обошлась в 190 тыс. рублей. В 1908 г. работающие составляли примерно 70 % живущих в казарме (см. табл. 43), так что 800 человек — это 560 рабочих. (На самом деле с вводом в строй этой казармы в 1908 г. число проживающих во всех фабричных казармах увеличилось не на 800, а менее чем на 500 человек, — см. табл. 42.) Если каждый из них получил бы на квартиру по 1,5 руб. в месяц, то за год сумма квартирных выплат составила лишь менее 10,1 тыс. рублей, так что одна только первоначальная смета на строительство казармы соответствует более чем 18 годам квартирных выплат. Если же еще учесть, что строительство могло не уложиться в смету и что содержание казарм тоже не было бесплатным, а требовало больших денег на ремонт, отопление, освещение, содержание сторожей, поддержание чистоты (согласно расчетным книгам одна прядильно-ткацкая фабрика за июнь 1914 г. выплатила 401 руб. сторожам и хожалым по казармам и 94 руб. 30 коп. — поломойкам в казармах) — то в краткосрочной перспективе, конечно, получалось, что дешевле не строить казарму, а платить деньги на наем квартиры, а уж какую «квартиру» найдет своей семье на эти деньги рабочий — это были проблемы самого рабочего. Сэкономить, видимо, удалось, но такое важное для автора докладной записки «умиротворение» рабочих, демонстрация «заботы о них» при этом, безусловно, были потеряны.

БАНИ

Предоставление рабочим жилья от фабрики было связано и с созданием дополнительных условий проживания. Среди них наиболее важным был вопрос о постройке бань и прачечных для живущих при фабрике рабочих.

В общегосударственном законодательстве этот вопрос практически не поднимался. Правда, в «Правилах» 1861 г. о найме рабочих на казенные, общественные и государственные работы было специально отмечено, что подрядчик обязан предоставить рабочим возможность хотя бы раз в неделю пользоваться баней и для этого даже, а если нужно, должен устроить бани близ места работ за свой счет[87]. Таким образом, в этом законе практически признавалось, что организация бань и прачечных, а если нужно, то и специальная их постройка являются наряду с предоставлением жилья, медицинской помощи и снабжения доброкачественными продуктами питания необходимыми для обеспечения нормальных условий производства работ. Однако «Правила» 1861 г. отнюдь не распространялись на частную промышленность.

Возможность обеспечения рабочих банями была упомянута в «Правилах о надзоре за заведениями фабричной промышленности» 1886 г., однако, как и многое

другое в той же статье закона, не стала предметом специального внимания. В «Правилах» только говорилось, что если рабочим предоставляется возможность пользования банями от фабрики, то рабочие «могут быть облагаемы за это особыми платежами не иначе, как по таксе, утверждаемой фабричною инспекциею»[88]. Таким образом, и этот закон не обязывал промышленников устраивать бани для рабочих, основной его целью была лишь защита рабочих от несправедливых и завышенных вычетов, которые могли иметь место в том числе и в случае организации бань.

Однако на губернском уровне принимались обязательные санитарные постановления, в которых поднимался и вопрос о банях и прачечных. Так, в Московской губернии с того же 1886 г. вошло в силу обязательное постановление губернского земства, согласно которому на фабриках с числом рабочих более 25 человек для них должна быть устроена баня[89]. К началу XX в. вопрос о предоставлении бани рабочим был также увязан с предоставлением рабочим жилья: «При фабриках и заводах, где рабочие живут, должны устроиваться владельцами прачечные для рабочих, а в тех местностях, где нет торговых бань ближе 1 версты, также и бани»[90].

Тем не менее в начале 1880-х гг. обеспечение рабочих банями было устроено плохо: в обследованиях нескольких различных уездов Московской губернии было отмечено существование 62 бань на 335 предприятий (т. е. меньше 20 %). Современник писал: «На многих красильных фабриках красильщики моются в сушильных или красильных отделениях, в чанах. Да и там, где бани есть, за пользование баней с рабочих производится вычет из месячного заработка. Мало того, эта плата, взимаемая хозяевами, во многих случаях превышает плату в городских торговых банях»[91]. По свидетельству Е. М. Дементьева, в 1884 г. в Серпуховском уезде из 44 фабрик (с числом рабочих более 25) лишь при 16 были устроены бани, из них при 14 — бесплатно. «Большинство этих фабричных бань, — писал Дементьев, — представляет тесные, грязные помещения с обыкновенным деревенским устройством топки и нагревания воды, но две фабрики составляют особое исключение: это бумаготкацкая и ситценабивная Третьяковых и бумагопрядильная и ткацкая Н. Н. Коншина. На этих фабриках просторные и хорошо содержимые бани устроены очень хорошо, обе они кроме того имеют совершенно отдельные (при бане) прачечные для рабочих. Относительно лучше других устроена также баня на бумагопрядильной фабрике И. Н. Коншина»[92]. Эта баня при прядильно-ткацкой фабрике Н. Н. Коншина топилась три дня в неделю: два — для рабочих и один — для служащих. Прачечная работала один день для больницы, два — для служащих и три — для рабочих[93].

В фабричном делопроизводстве коншинских фабрик начала XX в. можно также найти материалы по данному предмету. Рабочие и члены их семей имели право бесплатного посещения бани еженедельно. При найме рабочие получали «банные талонные книжки» с талонами — входными ярлыками — разного цвета, свой цвет для определенной фабрики и соответственно на определенный день недели[94]. Согласно имеющейся статистике в период март–ноябрь 1905 г. каждый месяц коншинская баня принимала более 50 тысяч человек (точнее, 50 732, а если не брать апрель с пасхальными праздниками и октябрь, когда бани не работали для прядильно-ткацкой и ситценабивной фабрик вследствие забастовки, — то даже 56 349 посещений в среднем в месяц)[95].

Тот же порядок мы встречаем и на Ярославской мануфактуре. Рабочий получал право бесплатного пользования баней для себя и членов своей семьи при трудоустройстве на фабрику[96]. Как и у Коншина, от конторы рабочему выдавались

особые книжки, в которых имелись чековые билеты с указанием месяца и числа посещения бани. Обслуживание происходило строго в соответствии с указанной датой. Видимо, это делалось не только для того, чтобы посторонние не могли пользоваться бесплатными услугами Товарищества, но и для того, чтобы поток посетителей бани более равномерно распределялся на разные дни недели: администрация отмечала, что большое количество желающих посетить баню в субботу после обеда приводит к нехватке горячей воды. Такие же книжки с чековыми билетами выдавались рабочим для стирки белья[97]. Баня принимала посетителей пять дней в неделю с 6 час. утра до 8 час. вечера. Два дня в неделю баня использовалась в качестве прачечной (пятница: 12.00–20.00, суббота: 6.00–20.00)[98], притом правление запрещало рабочим стирать в фабричных корпусах. В начале XX в. по просьбе рабочих для стирки выделялись уже три дня.

Первое здание бани при ЯБМ было построено одновременно с первыми казармами. К концу XIX в. в связи с заметным увеличением количества рабочих возникла необходимость ее расширения. По крайней мере к 1900 г. баня была переведена в новое двухэтажное каменное здание, в котором располагались четыре отделения для мытья: мужское и женское для служащих, мужское и женское для рабочих, и каждое из отделений состояло, в свою очередь, «из раздевальной, мыльной и горячей». Эти отделения были оборудованы и отделаны практически одинаково: «потолки во всех отделениях сводчатые по системе “Монье”, полы же из метлахской плитки, стены — изразчатые»[99].

У Коншина, как мы видели, уже и в 1880-х гг. существовала хорошая баня при прядильно-ткацкой фабрике, ею же пользовались и рабочие близлежащей красильно-отделочной и (позднее) Новой ткацкой фабрики. Однако ситценабивная фабрика находилась почти в центре города, в значительном отдалении от основного комплекса фабрик, и довольно долго специальной бани для рабочих этой фабрики не существовало. Для служащих в 1898 г. были выкуплены Торговые бани на Старой базарной площади[100], а рабочим, как и раньше, предоставлялось право посещения бани при прядильно-ткацкой фабрике, но такой порядок был чрезвычайно неудобным. Согласно воспоминаниям рабочих, до 1902 г. здесь имелась практика мытья рабочих в красильных баках, а в 1902 г. это было запрещено директором фабрики[101]. Тогда же, в марте 1902 г., на ситценабивной фабрике состоялась крупная забастовка, в которой в числе основных было требование устроить баню, «так как надо ходить за 2,5 версты на другую фабрику»[102].

Однако уже осенью 1901 г., за полгода до забастовки, правлением было выделено 10 тыс. рублей на переустройство бань на Старом базаре для рабочих ситценабивной фабрики[103]. Вероятно, забастовка заставила ускорить это переустройство, потому что к началу 1905 г. для коншинских рабочих была два дня в неделю открыта баня «на Старом базаре», но служащие уже пользовались другой баней, и только летом 1905 г. две разные бани для рабочих и служащих ситценабивной фабрики были сведены в одно помещение[104]. Тогда же, в 1904–1905 гг., взамен старой была построена новая баня при прядильно-ткацкой фабрике, для чего было выделено 20 тыс. рублей[105].

Интересно, что в связи с переводом бани для служащих в то же здание, что и баня для рабочих, появилось (23 августа 1905 г.) следующее адресованное заведующему административно-хозяйственной частью письмо, в котором были прописаны разные условия, принятые для рабочих и служащих:

«Ввиду того, что общее помещение бани на Старом базаре, согласно Вашего распоряжения, предоставляется (один день в неделю) в пользование служащих,

было бы желательно сделать некоторые добавления к имеющемуся оборудованию, а именно:

1) повесить два зеркала;

2) поставить три тумбочки для графинов с водой;

3) сделать три планки из дерева, на которых прикрепить соответствующее количество вешалок для платья, и эти планки с крючками подвешивать на стены на день, в который моются служащие, и затем убирать их до следующей бани;

4) 4 деревянных табурета.

На вышеизложенное покорнейше прошу Вашего разрешения»[106].

Тогда же был составлен список лиц, имеющих право пользования банями по четвергам — вместе со служащими. (Подсчет процента проведен по именному списку и на основании дел о количестве рабочих.)

Таблица 47

Численность рабочих из разных отделений ситценабивной фабрики Н. Н. Коншина, имевших право посещения бани по четвергам — в день для служащих. 1905 г.

Отделение	Имеют пропуск в бани	Процент от всего числа рабочих отделений
Кладовая	34	89,5
Граверная	101	67,3
Образцовая	2	18,2
Паковочная	2	14,3
Цилиндринная	33	12,4
Лаборатория	6	8,6
Белоразборная	7	8,3
Слесарная	7	6,8
Зрельная	1	6,3
Кубовая	2	5,4
Литейная	2	4,7
Чесальная	2	4,5
Палильная	1	4,2
Складальная	4	3,9
Запарная	1	3,6
Каландринная	6	2,7
Мерсеризация	1	2,0
Белильная	1	1,3
Красильная	3	1,3
Набойная	1	1,1

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 345. Л. 182–185.

В целом прослеживается явное различие по квалификации работ, проводящихся в отделениях; один-два человека — это явно не просто рабочие, а мастера. Однако в других отделениях, как, например, в граверном, в числе приравненных к служащим оказываются и квалифицированные рабочие, и здесь видно, как квалификация давала право на статус, примерно равный статусу мастеров и служащих.

Конечно, по сравнению с размером заработной платы подобное отличие квалифицированных рабочих — мелочь. Однако думается, что само существование таких рабочих, пусть и в мелочи отмеченных определенной элитарностью, могло служить одним из трудовых стимулов (пусть и не первостепенных).

Описанный порядок бесплатного предоставления рабочим бани существовал на большинстве других *крупных* фабрик Центрального промышленного района задолго до начала XX в. Так, в 1885 г. инспектор П. А. Песков осмотрел во вверенном ему Владимирском фабричном округе 14 крупных (более 1 500 рабочих) предприятий хлопчатой или льняной промышленности (среди них была и ЯБМ). Только на четырех фабриках: Новой Костромской мануфактуре, льнопрядильной и полотняной мануфактуре Волкова, Иваново-Вознесенской ткацкой и на льнопрядильной фабрике Зотовых, — не оказалось бани для рабочих[107]. О бесплатных для рабочих банях написано в юбилейных изданиях Норской мануфактуры[108], Прохоровской Трехгорной мануфактуры[109], мануфактуры А. Гюбнера[110] и др. Однако, например, на Куваевской мануфактуре даже в 1917 г. (в январе) одним из требований бастующих рабочих было предоставление бани не только рабочим, но и членам их семей[111].

Как показано выше, чаще всего рабочим предоставлялось стирать белье в бане, или же для них были организованы прачечные как отделения бани. Тем не менее на практике, очевидно, этого было недостаточно, и администрация фабрик также обращала внимание на другие возможности, которые использовались рабочими. Так, правлением Товарищества Коншина в 1901 г. было решено устроить крытую плотомойню на месте находящегося на реке Наре плота, «коим рабочие прядильно-ткацкой фабрики пользуются для мытья белья». На это было выделено 400 рублей[112].

Содержание бань для рабочих требовало значительных расходов на дрова, освещение, ремонт зданий, печей, котлов, прочего оборудования, а также на оплату труда обслуживающего персонала. Систематических данных о расходах рассматриваемых предприятий по этой статье у нас нет, но приводимые в таблицах 48 и 49 цифры показывают, что как на ЯБМ, так и у Коншина в последние десять предвоенных лет этот расход выражался примерно в 10 тысяч рублей ежегодно.

Таблица 48

Расходы Товарищества Ярославской Большой мануфактуры на содержание бани для рабочих. 1895–1915 гг.

Год	1895	1907	1908	1909	1912	1913	1914	1915
Сумма (руб.)	5 731,06	10 350	11 475	12 000	10 960	10 960	9 960	10 800
На одного рабочего за год (руб.)	0,8	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,0	1,1

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 93, 177; Д. 59. Л. 44 об., 209; Д. 61. Л. 57.

Таблица 49

Расходы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на содержание бань для рабочих. 1904–1907 гг.

Год	1904/05	1905/06	1906/07	1907/08
Сумма (руб.)	4 724,99	11 448,35	14 974,44	17 013,05
На одного рабочего за год (руб.)	0,4	1,0	1,3	1,5

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 48.

* * *

В целом мы видим, что крупные текстильные фабрики сталкивались с проблемой обеспечения жильем своих рабочих. Это была весьма затратная программа. Чтобы тысячам рабочих было где разместиться, фабриканты Центрального промышленного района были вынуждены в первую очередь строить жилые помещения за свой счет, а затем еще и содержать их, платить за ремонт, освещение и отопление казарм. Мы видели, что к 1910-м гг. расходы по этой статье превысили 25 рублей в год на одного рабочего; они составляли, конечно, довольно заметную прибавку в бюджете рабочих семей, хотя до того чтобы жилищная проблема могла быть удовлетворительно решена, было еще далеко.

Стоит ли рассматривать эти расходы в контексте мотивации труда? Очевидно, что главной причиной жилищного строительства при фабриках была жесткая необходимость просто создать условия для размещения рабочей силы; без этого привлечение необходимого числа работников на фабрику было невозможным. Тем не менее само существование распределения жилья, в котором очень нуждались рабочие, вполне можно было обратить в элемент закрепления желательных кадров и побуждения к дисциплинированному труду. Хорошие, старательные и менее конфликтные работники, а также и квалифицированные рабочие имели больше шансов получить комнату получше; добиваясь лучших условий, они нередко перевозили к себе на фабрику из деревни семью. Иногда они даже заводили свой домик в фабричном рабочем поселке и фактически все больше прикреплялись к фабрике, в то время как нежелательный, «плохой» рабочий мог потерять комнату в казарме и столкнуться с проблемой поиска жилья, на наем которого было недостаточно выдаваемых фабрикой «квартирных денег» (особенно если речь шла о целой семье). Представляется, что управляющие на разных фабриках понимали это, уделяли вопросу жилищного обеспечения рабочих серьезное внимание и определенно смогли обратить жилищную проблему в фактор мотивации труда.

Другой вопрос — насколько сложной была ситуация с жильем для рабочих в целом. Фабриканты не готовы были вложить в строительство домов нереально большие суммы, и потому в большинстве случаев обстановка оставалась далекой от идеала. Мы видели, что на ЯБМ вопрос с предоставлением жилья решался чуть лучше, на коншинских фабриках — чуть хуже; в обоих случаях проблема была достаточно острой, и повседневное недовольство рабочих условиями своего проживания в значительной степени обесценивало жилье как фактор трудовой мотивации.

[1] О жилищных условиях рабочих есть довольно большая литература, включающая в том числе и материалы обследований, специально проведенных современниками для выяснения состояния вопроса. См. библиографию: Положение пролетариата в России. Указатель литературы. Вып. II. М., 1972. Гл. VIII («Жилищно-бытовые условия»). См. также подробный анализ проблемы в работах: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 213–268; *Семанов С. Н.* Петербургские рабочие... С. 144–170.

[2] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 216–219.

[3] Некоторое изложение истории развития вопроса обеспечения рабочих в Центральной России жильем начиная с пореформенного времени дал Е. М. Дементьев. Он особо подчеркивал, что «наши фабрики представляют в этом отношении чрезвычайно оригинальное явление, не имеющее себе никакой аналогии с Западом, где жилые

помещения для рабочих представляют собой всегда нечто отдельное от фабрики». См.: *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению... М., 1897. С. 39–43.

[4] Рассуждения по этому поводу есть, например, в статье: *Вернер И.* Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской Городской Думы. 1902. № 19 (октябрь). С. 2–3.

[5] Иногда искажение фактов, встречающееся в недостаточно серьезных отечественных изданиях, затрагивающих рабочий вопрос, просто поразительно. Так, в истории города Серпухова прямо записано о коншинских рабочих: «Значительная часть этих денег [заработка] уходила ... на оплату квартиры. А была эта квартира обычной каморкой фабричной спальни, в которой проживало нередко 3–4 семьи» (*Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 121). Такого быть не могло определенно — предоставление места в фабричных казармах было бесплатным не только у Коншиных, но и вообще встречалось значительно чаще, чем взимание платы, особенно в Центральном промышленном районе и в Приуралье (*Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 229–233). При этом, согласно ст. 27 «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности...», разрешение на взимание платы за казармы, бани, чайные и т. п., равно как и утверждение расценок, должно было обязательно выдаваться фабричным инспектором.

[6] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 10–11, 16–17.

[7] Там же. С. 65.

[8] В законе (1886 г.) только было записано, что рабочие, которым фабрика предоставляет квартиру, «могут быть облагаемы за это особыми платежами не иначе, как по таксе, утверждаемой фабричною инспекциею»: «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». ПСЗ-III. Т. VI. № 3769. Ст. 27. (Она же — ст. 140 Уст. Пром.).

[9] «Высочайше утвержденные временные правила относительно издания земскими учреждениями обязательных постановлений о мерах к предупреждению и прекращению повальных и заразительных болезней» 9 марта 1879 г. ПСЗ-II. Т. LIV. Отд. I. № 59399.

[10] См.: Обязательные санитарные постановления для населения Московского уезда всех сословий, изданные Московским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г. [М., 1885]; Обязательные санитарные постановления для населения Серпуховского уезда всех сословий, изданные Серпуховским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г., утвержденные Московским губернатором 22 января 1887 г. М., 1889.

[11] В указанных изданиях это записано в §§ 72–75.

[12] Это § 52 «Обязательных санитарных постановлений». См., например: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 469. Л. 132.

[13] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 180.

[14] Там же. С. 178.

[15] Там же. С. 149.

[16] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 472. Л. 177–184.

[17] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6151. Л. 8. При этом высшая награда досталась, в частности, Раменской мануфактуре, золотые медали — Тверской, Ярцевской и Егорьевской мануфактурам, серебряные медали — Никольской мануфактуре и фабрикам Коншина (всего в классе «Жилища для рабочих» различные предприятия Российской империи получили 2 высшие награды, 10 золотых, 8 серебряных и 10 бронзовых медалей). См.: Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. СПб., 1900. Ч. 2. С. 112.

[18] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 100, 102. Надо отметить, что это не единственный пример соблюдения санитарных норм на предприятиях Ярославской губернии. Например, в 1900 г. на одного рабочего, проживающего в казармах Норской мануфактуры, приходилось в среднем 2 куб. саж. воздуха (Норская мануфактура... С. 9). Даже если предположить, что цифра несколько завышена (хотя для этого у нас нет оснований), установленная санитарная норма определенно соблюдалась.

[19] Северный вестник. 1908. 20 июля.

[20] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 8 об.–9.

[21] Там же. Оп. 3. Д. 254. Л. 108; Д. 258. Л. 115.

[22] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 100.

[23] Там же. Л. 101.

[24] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 78–79.

[25] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 258. Л. 114; ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 148. Л. 28 об. (см. прил. 3); ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 (см. прил. 2).

[26] Комментируя распространенность этого правила на русских текстильных фабриках, молодой немецкий экономист Г. Шульце-Геверниц писал, будто причиной является ненависть русских крестьян к машинному производству. Поэтому, по его словам, «...нет ничего удивительного, что в России употребляют все средства, чтобы против воли удержать рабочих на фабрике. На первом месте стоит устройство казарм для рабочих, что увеличивает издержки предприятий; часто запрещают уходить по окончании работы за фабричные ворота, так как опасаются, что рабочие, уйдя на ночь, могут не возвратиться обратно» (*Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России (Московско-Владимирская промышленность). М., 1899. С. 91). Этот вывод, очевидно, не выдерживает никакой критики, — если бы рабочие действительно захотели покинуть фабрику, их нельзя было бы удержать такими странными методами. Представляется, что логика ограничения времени свободного входа в казармы была такой же, как и везде, где оно встречается, — это стремление контролировать дисциплину и порядок. Администрации было крайне нежелательно, чтобы рабочий пьянствовал и гулял где-нибудь полночи, а утром был бы не способен к работе, и ради того, чтобы застраховаться от подобных случаев, администрация считала себя вправе ввести жесткий режим и наложить штрафование на каждого, кто его не соблюдает.

[27] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 258. Л. 114–115.

[28] Казалось бы совершенно естественным, что место в казарме получает не только рабочий, но и члены его семьи, однако подобная ситуация не была общепринятой. Некоторые фабриканты в целях экономии предоставляли места в казармах исключительно рабочим-одиночкам. Так, п. 21 правил внутреннего распорядка московской мануфактуры Т-ва «Эмиль Циндель» 1886 г. (дословно повторенный и в п. 28 правил 1899 г.) прямо гласил: «Общие спальни предназначены исключительно для рабочих, действительно работающих на мануфактуре, поэтому в таковых безусловно воспрещается держать при себе как детей, так и кого-либо из взрослых родственников» (в том числе жену) (*Шестаков П. М.* Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель»... Прил. С. 7, 13). Одна из работниц Трехгорной Прохоровской мануфактуры вспоминала: «Я до 15 лет жила в деревне с бабушкой и дедушкой. Матери держать дочь при себе воспрещалось. После 1905 г. Прохоров пошел на некоторое “послабление”. Разрешили детям приезжать на две недели» (Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. Воспоминания *Е. С. Никадоровой*. С. 62). Впрочем, представляется, что это свидетельство 1930-х гг., даже если оно и соответствует действительности, не стоит распространять автоматически на всех рабочих Трехгорной мануфактуры, поскольку при ней в начале XX в. определенно были казармы для семейных рабочих (*Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 251).

[29] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 57.

[30] Там же. Л. 46–47.

[31] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 284. Л. 1.

[32] Там же. Оп. 5 «А». Д. 141, 165, 246 и др.

[33] Там же. Оп. 1. Д. 21518. Л. 17, 26, 27 об., 32, 88, 101 об., 119, 120, 125 об., 135 и др.

[34] Там же. Д. 4040.

[35] См. прил. 15 и табл. 6.

[36] Такое распоряжение, «Всем рабочим, не имеющим квартиры, выдавать 1 рубль квартирных денег», встречается в протоколе заседания Правления от 2 июня 1905 г. (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 65), но судя по расчетным книгам, фактически оно широко применялось и ранее.

[37] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 201. Л. 75; об этом также написано первым пунктом в объявлении рабочим — см. прил. 16.

[38] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 45.

[39] Там же. Оп. 8. Д. 283. Л. 1 об.–3.

[40] Там же. Оп. 1. Д. 1121. Л. 28.

[41] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2739. Л. 71.

[42] Там же. Л. 75.

[43] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 142.

[44] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4911. Л. 12.

[45] Там же. Оп. 3. Д. 254. Л. 24.

[46] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 195; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 80. Л. 191.

[47] Правда. 1913. 10 февраля.

[48] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 558. Т. 10. Л. 9, 14.

[49] Там же. Л. 20 об., 25.

[50] Там же. Д. 831. Т. 12. Л. 77.

[51] ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 183. Л. 1.

[52] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 102.

[53] ГА ЯО. Ф. 674. Ф. 674. Оп. 5 «В». Д. 49. Л. 3.

[54] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 84. Л. 3.

[55] *Фросина*. Бюджет семей работниц... С. 331–332.

[56] *Покровская М. И.* О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. Отд. II. С. 21–22.

[57] *Гарин Г. Ф. и др*. Серпухов. С. 98.

[58] *Дементьев Е. М*. Санитарное исследование... С. 178.

[59] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3333. Л. 12.

[60] *Балуева Н. Н*. Ярославская Большая мануфактура... С. 90.

[61] Рукописные воспоминания *А. Ф. Грязнова* (хранятся в музее комбината «Красный Перекоп»).

[62] Там же.

[63] Северная речь. 1907. 10 июня.

[64] Новый северный край. 1907. 1 августа.

[65] Северный вестник. 1908. 1 января.

[66] В упоминавшейся выше книге Н. П. Паялина (1936 г.) присутствует крайне негативная оценка этого события: «Городская Управа... разрешала рабочим строиться только там, где нужно было высушить болотистую местность, очистить ее от леса или мелкого кустарника. Так была высушена местность, известная под названием Забе-

лицкой, — низина, расположенная позади старого затрапезновского парка, болотистая, поросшая кустарником и лесом. У рабочих другого выбора не было. Они торопливо рыли каналы, рубили лес и кустарники, выкорчевывали пни. Все это делалось после 10–11 часов работы на фабрике» (*Паялин Н. П.* Волжские ткачи. Т. 1. С. 114). Здравый смысл подсказывает, что подобная картина, по крайней мере в чистом виде, невозможна. Трудно представить себе, чтобы всю стройку вели сами ткачи и прядильщики. И дело здесь даже не в том, что эффективно строить что-либо после чистых 11 часов работы очень тяжело; есть и более весомые причины. Во-первых, на следующий день таких строителей допускать до работы за станком нельзя, и администрация фабрики не пошла бы на это. Во-вторых, в таком случае рабочий поселок пришлось бы строить по ночам. Наконец, если бы строительство было предоставлено самим рабочим и их семьям, не потребовалось бы и выделять на то такие суммы. В рабочем поселке у Коншиных, в котором домики строились именно Товариществом, а потом уже участки передавались рабочим, в 1908 г. за рабочими числилось 170 домиков, и на их строительство было потрачено 114 671 рубль, т. е. те же 500–800 (точнее, в среднем 674,5) рублей за один домик (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 45 об.).

67 ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 45 об.

68 Там же. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об.

69 Там же. Оп. 1. Д. 469. Л. 74.

70 *Письменный Н. Н.* К вопросу о вырождении фабричного населения // Труды первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. Т. 2. М., 1910. С. 388–389.

71 ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 90.

72 Там же.

73 Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 45 об.

74 Там же. Д. 1629.

75 ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7584. Л. 12.

76 Там же. Д. 4040.

77 ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 226.

78 Там же. Л. 151.

79 Там же. Л. 223.

80 Там же. Л. 18–24, 51, 76.

81 Там же. Л. 47, 54.

82 ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 45.

83 ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об.

84 Жилых корпусов в 1899 г. было 24 (реквизиты архивного дела — в предыдущей сноске), а в 1904 г. их было уже 26 (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 44 об.).

85 *Письменный Н. Н.* К вопросу о вырождении фабричного населения... С. 389.

86 ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 66; Д. 36. Л. 12 об.

87 «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих». ПСЗ-II. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36793. § 54.

88 «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». ПСЗ-III. Т. VI. № 3769. Ст. 27. (Она же — ст. 140 Уст. Пром.)

89 *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 45.

90 § 75 «Обязательных санитарных правил для жителей всех местностей Московской губернии»: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 469. Л. 136.

[91] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 60.

[92] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 45.

[93] Там же. С. 152.

[94] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 345. Л. 113 об., 121. Образцы книжек — Л. 25–98.

[95] Там же. Л. 9, 109, 132, 162, 173, 194, 209, 224, 241.

[96] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 80.

[97] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 258; Д. 254. Л. 68.

[98] Там же. Д. 258. Л. 115.

[99] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 79.

[100] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 42.

[101] 1905-й год в Серпухове... С. 47.

[102] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 77. Д. 1107. Л. 11, 26 об. и др.

[103] Там же. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 90.

[104] См., например: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 345. Л. 124–125.

[105] Там же. Оп. 8. Д. 22. Л. 46.

[106] Там же. Оп. 1. Д. 345. Л. 178–179.

[107] *Песков П. А.* Владимирский фабричный округ... Приложения. С. 56–68.

[108] «При мануфактуре построена бесплатная баня (каменная), состоящая из трех отделений: баня для служащих, баня для рабочих, прачечная для рабочих». См.: Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем... С. 10–11.

[109] «Для бесплатного пользования рабочих на фабрике имеется баня, которая бывает открыта всю неделю с 4 часов утра и до 10 часов вечера: три дня в неделю для мужчин и три дня для женщин. При бане имеется прачечная с отдельным в нее наружным ходом». См.: *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 251.

[110] Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера... С. 14.

[111] *Глебов Ю. Ф., Соколов В. М.* История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново, 1952. С. 65.

[112] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 90.

ГЛАВА VI
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОВАРАМИ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Снабжение рабочих промышленных предприятий продуктами и товарами первой необходимости в XIX — начале XX вв. — это тема, недостаточно исследованная к настоящему моменту. Между тем натуральное снабжение наряду с выплатой заработной платы и обеспечением жильем рабочих и их семей было одним из важнейших элементов трудового договора и поэтому представляет значительный интерес с точки зрения мотивации труда.

Хозяева крупных предприятий в большинстве случаев не могли совершенно устраниться от решения данной задачи. В меньшей степени это относится к фабрикам и заводам, расположенным в крупных городах, потому что там проблему снабжения можно было целиком перенести на рабочих при условии своевременного разрешения вопросов денежных выплат. Но в Центральном промышленном районе большинство крупных текстильных фабрик, равно как и других промышленных предприятий, часто организовывались в деревнях или при небольших городах, где инфраструктура местности никак не предполагала возможностей немедленного обеспечения столь большого количества рабочих. Даже для таких городов, как Ярославль, проблема обеспечения продуктами сразу нескольких тысяч рабочих, сосредоточенных на одной фабрике, была серьезной; еще более актуальной она была для коншинских фабрик, основная часть которых к тому же располагалась не в самом Серпухове непосредственно, а за его пределами.

В таких условиях представляется вполне естественным, что предприниматель должен был проследить за организацией снабжения рабочих и обеспечить таким образом саму возможность сосредоточения фабричного населения вокруг своего предприятия. Отметим, кстати, что и правительство именно так видело эту проблему. В утвержденных 31 марта 1861 г. «Правилах» о найме рабочих для казенных, общественных и государственных работ, которые определяли порядок трудовых отношений при работах, финансируемых государством, прямо говорится, что подрядчик обязан организовать снабжение рабочих «свежею, здоровою и обильною пищею, а равно снабжение их здоровою водою». Кроме того, подрядчик был обязан организовать в месте работ наряду с жилыми помещениями отдельные помещения «для кухонь, пекарен и квасоварен». В случае недостаточности или низкого качества предоставленных услуг рабочие могли требовать улучшения снабжения через полицию или суд. Более того, полиция была правомочна даже приступить к решению этих проблем самостоятельно, «на счет подрядчика, чрез особо назначаемое для сего лицо»[1]. Для частной промышленности в 1860-х гг. никакого контроля за снабжением рабочих еще не предполагалось.

Механизмы продовольственного снабжения и организации питания рабочих претерпели значительную эволюцию с начала XIX в. до начала XX в. Наиболее архаичным вариантом был наем «на хозяйских харчах», при котором рабочие получали от хозяина обед. Наем «на хозяйских харчах» был повсеместно распространен в начале XIX в., но на крупных мануфактурах он перестал доминировать уже

в дореформенное время. Так, в описании Трехгорной мануфактуры говорилось, что «такой способ продовольствия был удобным и возможным лишь для бессемейных рабочих, каковыми всегда были, например, мытейщики и ремесленные ученики, и вообще для лиц, имевших ограниченный заработок. Что же касается набойщиков и ткачей, то они уже в двадцатых и тридцатых годах продовольствовались поартельно»[2]. В середине 1880-х гг. И. И. Янжул писал: «Хозяйское содержание, прежде практиковавшееся в больших размерах почти на всех фабриках, в настоящее время заметно уменьшается и почти выходит из употребления. Взаимное неудовольствие, к которому весьма часто хозяйская пища дает повод и, наконец, сложные заботы, вследствие быстрого развития размеров фабрик, заставляют хозяев заметно избегать этого способа продовольствия; разные по величине заработки в различных отраслях труда на одной и той же фабрике также в значительной степени обусловливают для хозяина неудобство держать для рабочих стол различного качества и стоимости. Поэтому хозяйский стол или содержание остается в настоящее время лишь в ремесленных заведениях, да в тех фабриках, которые отличаются сравнительно небольшими размерами»[3]. Примерно в то же время Ф. Ф. Эрисман отметил наличие в Московской губернии двух фабрик с численностью рабочих примерно до тысячи человек, где «на хозяйских харчах» находилась та часть рабочих, которая проживала в фабричных казармах[4], но это уже были единичные случаи, которые со временем совершенно сошли на нет[5].

Стоит оговориться, что «хозяйское харчевание» имеет мало общего с питанием в фабричных столовых. Во втором случае речь идет о том, что фабрика организует рабочим возможность получить качественное питание за деньги или, возможно, за талоны, но у рабочих есть реальный выбор — питаться в столовой или в любом другом месте. В дореволюционной России столовые на промышленных предприятиях были весьма редким явлением. В частности, такие заводские столовые были организованы при некоторых казенных военных и морских заводах (где практика трудовых отношений вообще обыкновенно на десятилетия опережала ситуацию во всей остальной промышленности), причем обследование столовых показало, что рабочие считали их слишком дорогими и мало пользовались ими[6].

Впрочем, в официальном описании ЯБМ имеется запись о том, что и здесь в 1890-х гг. (возможно, и раньше) «для поденно рабочих и холостых» существовала «столовая с отпуском обедов по удешевленной цене»[7]. Сведений о ней крайне мало, но известно, что в 1898–1899 гг. обед в ней состоял «из двух кушаний: щей или супа с мясом и каши (почти всегда пшенной, так как гречневая не поспевает) в скоромные дни, из супа или гороха с рыбой (головизной) или снетками и каши — в постные дни». Стоил такой обед в 1898 г. 2 коп., а в июне 1899 г. — 5 коп. Но при желании можно было взять не весь обед, а какое-то одно блюдо — за 3 коп. Хлеб же в этой столовой отпускался по цене, принятой в лабазе фабрики[8]. Упомянутая плата не окупала расходы фабрики на содержание столовой. Например, в 1898 г. эта статья фабричных расходов составила 646 руб. 34 коп.[9]

Значительно более распространенной, чем «хозяйское харчевание», формой организации питания были харчевые артели. Подробное их описание дал, например, И. И. Янжул в своем отчете за 1882/83 г.[10] Продовольственные артели составлялись обычно из рабочих одинаковых профессий, т. е. получавших примерно одинаковый заработок. Артель обычно выбирала старосту, который вел все дела, связанные с обеспечением общего питания. На крупных же фабриках закупка провизии для артелей часто велась через фабричные лавки, и тогда староста вел дела непосредственно с конторой. Артельный способ питания позволял рабочим заку-

пать продукты сразу крупными партиями и экономить на оптовой покупке; кроме того, продовольственные артели на фабриках обычно нанимали кухарок, которые готовили горячие обеды, поэтому артельное питание было наилучшим вариантом для несемейных рабочих. Янжул писал: «Харчевые артели представляют собою излюбленную форму продовольствия русских рабочих и на более благоустроенных фабриках при правильной получке денег и умеренной цене припасов в фабричной лавке, без всякого сомнения, доставляют наиболее обильный и хороший стол, какой только рабочий по своему вкусу может иметь на свои средства».

С увеличением числа рабочих, живущих при фабриках с семьями, а также и с упорядочением денежных расчетов все более популярным становилось индивидуальное питание рабочих. Даже в 1880-х гг. И. И. Янжул уже писал о том, что артельное питание становится все менее распространенным, и в качестве примера фабрики, «где ныне рабочие продовольствуются посемейно или в одиночку», хотя «прежде существовали артели», привел как раз прядильно-ткацкую фабрику Н. Н. Коншина. «На некоторых подмосковных фабриках, — продолжал он, — хозяева мне прямо заявили, что в настоящее время рабочие весьма часто избегают артелей или вступают в них неохотно, несмотря даже на увещания хозяина, для которого отсутствие артели невыгодно, ибо другой способ продовольствия рабочих, по их мнению, усложняет расчеты, требует больше конторщиков, а также вызывает необходимость иметь большее количество печей для приготовления пищи»[11]. Тем не менее продовольственные артели еще очень долго оставались распространенной формой обеспечения питания рабочих, и даже в 1915 г. в предисловии к изданию результатов специального на этот счет исследования говорилось: «Артельному харчеванию и до сего времени принадлежит весьма крупное значение в организации продовольствия фабрично-заводских рабочих, хотя едва ли за ним могло сохраниться то исключительно преобладающее место, какое было в 1880-х гг.»[12].

Наиболее подробную статистику, описывающую структуру натурального и денежного обеспечения рабочих, привел И. М. Козьминых-Ланин для фабрик Московской губернии на 1909 г. Его вывод оказался таким: «Чем крупнее (по числу рабочих) промышленное заведение по обработке хлопка, тем меньшую часть своего заработка рабочие получают наличными деньгами и хозяйскими харчами и тем бóльшую часть получают харчевыми продуктами и товарами из фабричных и потребительских лавок». А именно: на крупнейших (более 1000 рабочих) текстильных фабриках наличными выплачивалось 73,9 % заработка, харчевыми продуктами и товарами фабричных лавок — 22,6, товарами потребительских лавок — 3,5 %, форма «на хозяйских харчах» не применялась нигде. Впрочем, этот вывод относился не к одним лишь крупным текстильным предприятиям: почти те же цифры были характерны и для всей текстильной промышленности в целом (76,0 % — наличными и 23,5 % — товарами в лавках), и для всех вместе групп производств (76,6 % на 23,0 %, соответственно)[13].

Независимо от того, артельно или индивидуально питались рабочие, крупные фабрики обычно открывали харчевые лавки для того, чтобы обеспечить им поставку продуктов.

На некоторых предприятиях, если это вообще было возможно, хозяева не держали продовольственную лавку сами, а заключали договоры с какими-нибудь близлежащими лавками на том условии, чтобы лавочники выдавали рабочим продукты в кредит под гарантии фабрики расплатиться из заработка рабочих. По сути подобная форма снабжения рабочих мало отличалась от снабжения непосредственно из фабричной лавки. Однако фабричная лавка напрямую контролировалась

администрацией, серьезно заинтересованной в сохранении спокойствия рабочих, в то время как лавочников больше всего интересовала прибыль, что зачастую приводило к различным злоупотреблениям с их стороны. Поэтому на крупных фабриках со временем подобная практика прекращалась. Так, на Трехгорной мануфактуре в Москве до 1860-х гг. существовала фабричная лавка, снабжавшая артели рабочих оптом; потом, до конца 1880-х гг., артели стали получать продукты «через поставщиков за поручительством Мануфактуры», а затем было организовано потребительское общество, открывшее свою лавку при фабрике, причем это было сделано, как говорится в источнике, «по инициативе Правления Товарищества, чтобы избавить рабочих от эксплуатации поставщиков и разного рода злоупотреблений со стороны харчевых старост»[14].

Все фабрики Коншина, за исключением ситценабивной, находились за пределами города, и поэтому фабричная лавка существовала здесь постоянно при прядильно-ткацкой фабрике, по крайней мере, с 1860-х гг., при остальных — несколько позднее. На ситценабивной же, видимо, фабричная лавка появилась, как и на Трехгорной мануфактуре, только с возникновением в 1891 г. Общества потребителей, а до того, вероятно, было принято снабжение либо артельное через удаленные лавки при прядильно-ткацкой фабрике, либо также в городских лавках при ручательстве фабричной конторы.

На ЯБМ этот способ продовольствия рабочих также имел место. Помимо того, что при фабрике существовала лавка, в конце 1870-х гг. рабочие также могли покупать продукты в кредит в городских лавках, заключивших с фабрикой соглашение. Делалось это так. В начале каждого года торговцы, желавшие сотрудничать с ЯБМ, подавали заявление установленной формы в Контору фабрики. Рабочие же каждый месяц получали харчевые билеты на определенную сумму для предъявления их в одной из городских лавок, владельцы которых имели договоренность с ЯБМ. Для того чтобы Контора фабрики оплатила все товары, забранные рабочими, лавочник по истечении месяца должен был представить не только отмеченные харчевые билеты, но и «реестр» — специальный бланк, имевший шесть граф: 1) «№№ рабочих по формуляру», 2) «№№ билетов», 3) «Имя, отчество и фамилия рабочих, которым отпущены харчи», 4) «На какую сумму билет конторы», 5) «На какую сумму отпущено харчей», 6) «Сколько вычтено с рабочего». В архиве имеется такой реестр за январь 1879 г., составленный ярославским купцом Н. А. Корелиным. В реестре зафиксировано, что в течение указанного месяца рабочими ЯБМ в лавке этого купца были предъявлены 266 харчевых билетов на общую сумму 1 242,03 руб. При этом продуктов было забрано на сумму 1 183,91 руб. (т. е. меньше возможной), а вот контора выплатила лавочнику только 1 165,97 руб.[15] Получается, что владелец лавки недополучил за месяц примерно 18 рублей. Этому есть объяснение. Контора ЯБМ в своем объявлении от 5 января 1878 г. извещала лавочников, что она «нисколько не ручается в платеже тех сумм, которые означены в билетах, а будет производить полные вычеты по реестрам только с тех лиц, которые имеют в конторе полную месячную заработку, но ежели кто из рабочих взял билет из конторы для отпуска харчей на целый месяц и, забравши таковые, проработал немного и без спроса фабричного начальства оставил работу, в таком случае контора может вычесть лавочнику за харчи не ту сумму, какая назначена в билетах, но лишь остаток заработков за вычетом конторских штрафов за самовольную отлучку с фабрики или за другие проступки согласно общего правила при фабрике; затем остальную недополученную сумму лавочник может отыскивать с самого рабочего-должника законным порядком, контора же мануфактуры никакой ответственности

на себя не принимает» (полный текст объявления см. прил. 21). Получая «реестр», владелец лавки собственноручной подписью подтверждал свое согласие с этими условиями[16]. Представляется весьма призрачной возможность лавочника взыскать хоть часть долга с самого рабочего; но столь же мала была возможность контролировать и самих лавочников, и в советской историографии часто говорится, что частный торговец «старался надуть рабочего, беззастенчиво обвешивал его и обсчитывал»[17]. Хотя к подобным огульным заявлениям, следует подходить с большой осторожностью, очевидно, что лавочники, получив право продажи рабочим продуктов в кредит и не особенно беспокоясь о взаимоотношениях рабочих с администрацией фабрики, могли злоупотреблять своим положением. Поэтому правление Ярославской Большой мануфактуры со временем отказалось от сотрудничества с частными торговцами и перешло лишь к содержанию собственной фабричной лавки.

Заведующий ЯБМ А. Ф. Грязнов в начале XX в. отмечал, что в России существовали три способа «снабжения рабочего населения пищевыми припасами»: 1) «предприятие в деле снабжения своих рабочих пищевыми продуктами никакого участия не принимает, предоставляя своим служащим и рабочим покупать требующиеся им продукты где угодно и как угодно»; 2) «предприятие устраивает для своих служащих и рабочих потребительское общество и затем дело снабжения своего рабочего населения пищевыми продуктами всецело предоставляет ему, этому обществу»; 3) «предприятие учреждает и содержит собственную лавку, из которой и отпускает своим рабочим и служащим пищевые припасы». Давая оценку эффективности использования того или иного способа на российских предприятиях, он писал:

«Если, например, способы эти оценивать с точки зрения тех осложнений, которые получаются в управлении предприятием от продовольствования рабочих, то, конечно, наилучшим из всех способов является первый, а наиболее плохим — третий, при котором на долю администрации предприятия выпадает масса всевозможных хлопот, соединенных и с заготовкою припасов, и с их выбором по качеству и по цене, и с их отпуском по мелочам потребителям, и с контролем, и с борьбой с неизбежными злоупотреблениями и хищениями, и проч. и проч.

Равным образом, если способы снабжения рабочих пищевыми продуктами оценивать с точки зрения необходимости оказывать рабочим содействие в деле их объединения и подготовки к самодеятельности, то, разумеется, наилучшим способом снабжения рабочих пищевыми продуктами является учреждение при предприятии потребительского общества, благодаря которому служащие и рабочие предприятия, собираясь для обсуждения текущих дел Общества, вместе с тем малопомалу подготовляются к объединению и к более широким задачам — самоуправления.

Но если способы снабжения рабочих пищевыми припасами рассматривать с точки зрения интересов государства, заинтересованного в необходимости поддерживать среди рабочих масс возможно полное спокойствие и довольство, то несомненно, что наилучшим способом продовольствования рабочих фабрично-заводских предприятий является третий способ в той его форме, которая применена на Ярославской Большой мануфактуре»[18].

Существует обширная литература, описывающая фабричные харчевые лавки как исключительно негативное явление. В частности, вопроса о харчевых лавках касались многие советские авторы в рамках исследований по истории отдельных предприятий. Так, о харчевой лавке на Трехгорной мануфактуре писали: «Закупка

продуктов на стороне преследовалась Прохоровыми: продукты отбирались, на виновника налагался штраф», «Прохоровы установили в своей харчевой лавке ростовщические цены на товары», «в харчевой лавке систематически обвешивали рабочих», «снабжали рабочих всяким гнильем»[19]. С. И. Аристов, описывавший мрачную жизнь коншинских рабочих, тоже не мог оставить этот вопрос без внимания: «На серпуховских фабриках были фабричные харчевые лавки; рабочий в счет своего заработка получал талоны на продукты из конторы и вынужден был забирать в харчевой лавке продукты по дорогой цене, часто недоброкачественные. На этой операции фабриканты зарабатывали большие деньги. Рабочие ненавидели эти харчевые лавки, при забастовках и стачках они всегда требовали их закрытия»[20]. Не избежала соответствующих обвинений и ЯБМ: «Разнообразны были способы надувательства и обмана. Взять хотя бы систему расплаты за взятые товары в фабричных лавках... Рабочий, не получавший долгое время денег, конечно, пользовался таким “кредитом”. В результате, когда выдавали получку, рабочий не получал на руки ни копейки. Все шло в лабаз, где, пользуясь полной зависимостью рабочих, продавали самый недоброкачественный товар»[21]. Промышленников, содержащих лавки, традиционно обвиняли в систематическом обвешивании рабочих, в постоянной продаже недоброкачественных продуктов и значительном завышении цен, а также в неизбежном при этом принуждении рабочих покупать продукты только в фабричной лавке (или, как уже сказано, в лавках, с которыми у хозяев предприятий имелись специальные договоренности).

Тем не менее представляется весьма важным, что для иллюстрации тезисов о негодности харчевых лавок практически всегда приводятся эпизоды, имевшие место не позднее 1880-х гг., при этом дальнейшие годы очень редко иллюстрируются конкретными примерами, а ведь харчевые лавки XX в. уже далеко не всегда заслуживали негативной оценки.

Надо начать с того, что различные государственные органы не оставляли эту тему без внимания[22]. В этой связи чрезвычайно интересным является дело о стачке на прядильно-ткацкой фабрике Н. Н. Коншина в июне 1869 г., хранящееся в фонде Канцелярии московского губернатора[23]. Тогда не вышли на работу 632 ткача, требовавших в основном увеличения сдельного расценка или получения расчета на условии выплаты им всей заработанной платы (по внутренним правилам, принятым тогда на фабрике, с рабочих, требующих расчета ранее окончания договорного срока, удерживался 14-дневный заработок). Для своего времени такая стачка была весьма масштабным явлением, поэтому на место выехал старший чиновник особых поручений при московском губернаторе В. М. Скородумов, которому удалось убедить рабочих в том, что их требования о пересмотре расценка до окончания срока найма являются незаконными. После двух дней стачки почти все ткачи вернулись к работе, 24 ткача получили расчет на фабричных условиях. В различных сборниках по истории рабочего движения записано, что эта стачка не принесла никаких результатов[24]. Это, однако, не так.

К основным требованиям ткачи присовокупили и жалобы на то, что они обязаны покупать продукты в фабричной лавке, где цены выше рыночных. Также рабочие жаловались, что хлеб «продают им не по весу, а по счету 4 хлебов за пуд, тогда как при этом в каждом хлебе недостает до полного веса по фунту и более», и, таким образом, их обвешивают при продаже хлебов. Наконец, поступили жалобы на то, что «им продают хозяева фабрики солонину протухлую, и показали два небольших серых куска оной, сильно протухлые». Было проведено полицейское дознание, которое обнаружило: 1) что рабочие действительно должны были покупать

продукты только в коншинской лавке; 2) что цены в лавках действительно превышали рыночные в городе, равняясь городским кредитным; 3) что при продаже хлеба действительно имел место обвес рабочих, хотя и неумышленный; 4) что солонина продавалась хорошая, а предъявленные куски на самом деле испортились у одного рабочего еще в мае[25]. Итак, жалобы рабочих были найдены в большинстве своем основательными, и серпуховский уездный исправник потребовал от хозяина фабрики устранения поводов к ним. В результате Н. Н. Коншин дал расписку в том, что с этого времени режим принудительного отоваривания рабочих в фабричной лавке и продажа хлеба на счет отменяются.

Более того, этим делом пристально заинтересовался московский губернатор (гражданским губернатором тогда был В. И. Фонвизин), который разослал по всем городам губернии циркуляр, требующий обратить внимание на ненормальность подобного положения дел на фабриках и заводах. Более того, полученные отчеты на разосланный циркуляр (которые хранятся в том же деле) показались губернатору неудовлетворительными, и в ноябре было разослано новое предписание, требующее от местных властей усиления контроля за злоупотреблениями хозяев промышленных предприятий в деле снабжения рабочих (прил. 22).

Вопрос о том, насколько власти действительно могли и собирались вмешиваться в правила работы фабричных лавок на частных предприятиях, еще требует изучения, но представляется, что тезис о полном произволе фабрикантов в этой сфере отношений с рабочими должен быть поставлен под сомнение.

Наконец, в 1886 г. впервые законом были замечены и фабричные лавки. В статье 28 «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности» (ст. 141 Уст. Пром.) говорилось: «Могут быть открываемы лавки потребительских товариществ для снабжения фабричных служащих и рабочих недорогими и доброкачественными предметами потребления. Открытие при фабриках других лавок с тою же целью допускается не иначе как с разрешения фабричной инспекции. Расписание предметов, продаваемых в лавке, утверждается фабричной инспекцией». С 1893 г. фабричная инспекция утверждала и расценки на товары. Перед принятием закона 1886 г. было проведено расследование, показавшее, что «возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа этих предметов по высоким ценам встречались как заурядные явления»[26].

Фабричная инспекция считала, что после введения закона злоупотребления в работе фабричных харчевых лавок резко сократились[27]. И документы, сохранившиеся в архивных фондах предприятий, подтверждают это.

Мы уже видели, что при фабриках Коншина, по крайней мере, с 1860-х гг. имелись харчевые лавки. В начале XX в. в них продавались в кредит и за наличные продукты питания, керосин, свечи и спички, мыло, махорка, а также дешевые папиросы, табак (с 1903 г.) и обувь, производимая в школьной сапожной мастерской товарищества (с 1906 г.). Первое упоминание в документах о харчевой лавке (лабазе) при ЯБМ, где могли отовариваться рабочие, относится также к 1860-м гг. К началу XX в. лабаз состоял из нескольких отделов: хлебного, мучного и масляного, мясного и рыбного, мануфактурного, галантерейного, чайного и колониального отделений, а также общего отдела, где торговали обувью. В продовольственных отделах было несколько видов и сортов крупы, колбасы, мяса, рыбы, масла, конфет, меда и т. д. Заметим, что некоторые продукты питания (например, свежее парное мясо) отпускались только служащим — и лишь в редких случаях рабочим[28]. В отчете фабричного инспектора Владимирского округа П. А. Пескова, который посетил ЯБМ в феврале

1885 г., в сводной таблице указывается, что на этой фабрике не было харчевой лавки[29]. Однако это противоречит архивным документам, в которых содержатся различные сведения о работе лавки в 1860–1870-х гг. и нет упоминаний о том, что лавка при этом предприятии по каким-то причинам временно закрывалась.

Переходя к архивным документам, сосредоточим внимание на деятельности лавок при рассматриваемых предприятиях, основываясь на тех проблемах, по которым в исторической литературе обычно предъявлялись претензии к фабричным лавкам.

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ РАБОЧИХ ОТОВАРИВАНИЯ В ФАБРИЧНОЙ ЛАВКЕ

В исследовательской литературе много говорится о том, что рабочие были обязаны покупать продукты, пусть даже неудовлетворительного качества и по завышенным ценам, в фабричных харчевых лавках. Мы видели, что на фабриках Н. Н. Коншина такая практика существовала до 1869 г., когда это требование официально было снято. В частности, в § 15 Правил внутреннего распорядка 1891 г., напечатанных в расчетных книжках рабочих, говорилось, что рабочие не обязаны покупать продукты в коншинской харчевой лавке (см. прил. 2). В Правила внутреннего распорядка ЯБМ, по крайней мере, в XX в., положение о добровольности решения рабочих забирать продукты в фабричной лавке тоже было внесено (см. прил. 3, п. 20).

Другое дело, — и об этом тоже немало говорится в литературе, — что рабочие зачастую вынуждены были покупать именно в своих фабричных лавках, так как только здесь им отпускали товары в кредит. Рабочие, особенно если они не питались артельно, были сильнее привязаны к фабричной лавке в тех случаях, когда выплата заработка осуществлялась редко и с перебоями, так что недостаток наличных денег был особенно острым. Приведем описание Ф. Ф. Эрисманом ситуации начала 1880-х гг.: «На большинстве фабрик забор [продуктов в фабричной лавке] официально необязателен, но по существу он для них почти неизбежен, т. к. вольные лавки в кредит не отпускают, а платить наличными рабочие не в состоянии. На Ваулинской мануфактуре часто берут, например, сахар из лавки по 25 копеек и продают на сторону за 17 копеек фунт, это называется “идти зайца стрелять”. На Воскресенской мануфактуре то же, но забор по существу принудительный, т. к. контора рассчитывается раз в 1,5–2 месяца»[30].

Разумеется, при небольших зарплатах расходы на питание составляли значительную долю бюджета, однако основную часть заработка на рассматриваемых фабриках рабочие все же получали деньгами, а не продуктами в счет зарплаты за следующий месяц. Так, согласно расчетной ведомости за октябрь 1876 г. все рабочие прядильно-ткацкой фабрики Коншина при общем заработке в 23 721 руб. вместе взяли продуктов на сумму 6 709 руб. (т. е. 28,3 %)[31]. То же соотношение сохранялось и позднее. В 1901–1907 гг. рабочие коншинского Товарищества покупали в лавке в кредит товаров примерно на 30 % заработка (от 25 до 36 %)[32].

В отдельных случаях, конечно, процент стоимости взятых в кредит продуктов мог существенно превышать средний уровень, и в жалобах рабочих встречаются сетования на то, что рабочий не видит реальных денег, а только работает на лавку (прил. 23). Впрочем, было бы неверно полностью доверять таким жалобам, и тем более нельзя обвинять фабрику в преднамеренном закабалении рабочих. Прежде всего, надо сказать, что размер кредита был ограничен. На ЯБМ, например, уже в

1880-х гг. появилось правило, согласно которому рабочие могли брать товара в долг только на половину заработной платы. При таких правилах уже исключалась ситуация, когда рабочий мог, не заметив того, набрать в кредит продуктов на сумму, близкую к своему полному заработку, и не только ничего не заработать, но и остаться еще должником, проработав на фабрике определенное время (пример такого рабочего, который проработал весь 1881/82 г., но в итоге остался должен хозяину, привел И. И. Янжул, присовокупив, что хозяин «получил, таким образом, обратно все, что должен был уплатить в виде жалованья рабочему и, конечно, с хорошим барышом на проданный товар»[33]).

То, что рабочие, забирая в лавках продукты в кредит, могли войти в состояние перманентного долга фабрике, вполне осознавалось и органами контроля за взаимными отношениями рабочих и фабрикантов. В этой связи фабричной инспекцией (а именно Главным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием) были выпущены циркуляры, жестко регламентирующие ассортимент «товаров первой необходимости», которые были допущены к продаже в кредит в фабричных лавках. В этот список попадали все основные продукты питания (хлеб, мука, крупы, простое мясо и рыба, масло, сахар и т. п.), а также керосин, спички, свечи, мыло, махорка и др. Более дорогими продуктами, вроде меда или папирос, фабричные лавки имели право торговать только за наличный расчет.

Со временем, по мере снижения остроты проблемы на конкретных предприятиях, для рабочих это ограничение возможности кредитной закупки недорогих продуктов становилось обременительным, и список разрешенных к продаже в кредит продуктов несколько раз расширялся. Например, в этот список отдельно были добавлены такие товары, как ветчина или дешевые сигаретные гильзы. Но для того чтобы расширить список, требовалось решение губернского Присутствия, причем это решение носило силу закона для всех предприятий губернии, т. е. во внимание принималось не только состояние фабричной лавки на одной фабрике, внесшей ходатайство на расширение списка разрешенных товаров, но и общее состояние дела в губернии. В Приложении 38 на примере возбужденного правлением Товарищества Н. Н. Коншина вопроса о разрешении продавать в кредит рабочим обувь, битую птицу и поросят к праздникам показано, насколько непростой была процедура принятия такого решения. Кроме этого случая, в мае 1903 г. администрацией коншинских фабрик был послан в губернское по фабричным делам Присутствие запрос о разрешении продавать дешевые сигареты, и сначала был получен отказ, «...принимая во внимание, что употребление более дорогих сортов табаку, в сравнении с махоркой, нельзя отнести к числу насущных потребностей рабочих», но правление сумело доказать убыточность такого запрета для рабочих (прил. 24). Однако в 1907 г. рабочие подняли также и вопрос о том, чтобы им продавалась в кредит фабричная продукция, и поскольку было очевидно, что разрешения на это получить будет практически невозможно, этот вопрос даже не был вынесен на рассмотрение властей (прил. 25).

Именно с целью «снять укор в том, что мы заставляем рабочих брать у нас в кредит», в коншинских фабричных лавках с апреля 1903 г. была введена продажа товаров первой необходимости за наличные (прил. 26). Если в 1903/04 г. за наличные в лавке было продано товаров на 18 тыс. руб. (3,2 % общего оборота), то уже в 1906/07 г. — на 104 тыс. руб. (11 % оборота)[34].

Ассортимент товаров, продаваемых за наличные, был достаточно широким. Хотя далеко не все можно было продавать в кредит, в ассортименте коншинских лавок бывало до десяти сортов мяса, пяти сортов рыбы, овощи, изюм. Интересно,

что в одной из жалоб Н. Н. Коншину (от 1907 г., прил. 35) речь шла не о том, что лавка плохая, а, скорее, о том, что она слишком хорошая и что у рабочего возникает много соблазнов, и высказывалась просьба об ограничении ассортимента. Существовало явное противоречие между возможностью предоставления рабочим достойного ассортимента товаров и законодательной необходимостью торговать в фабричных лавках только самым необходимым. Но поскольку после 1880-х гг. фабричная инспекция уже специально следила за тем, чтобы лишь ограниченный набор товаров мог продаваться в кредит, широкий ассортимент в лавке означал лишь возможность для рабочих купить больше товаров за наличные непосредственно при фабрике, и тут уже не приходится говорить об опасности для рабочих попасть в кабалу к хозяину лавки из-за того, что рабочие, не видя реальных денег, могли бы набрать товаров на сумму, превышающую их возможности.

На ЯБМ практики торговли за наличные деньги не было, и фабричное руководство считало, что при том уровне цен, который устанавливается в харчевой лавке мануфактуры, «продажа товаров на наличные деньги неприменима, ибо тогда каждый пришедший в лавку, хотя бы даже совершенно для Мануфактуры посторонний, имел права требовать отпуска ему тех или иных товаров» по более низким по сравнению с городскими ценами. Поэтому товары из фабричной лавки здесь отпускались только в кредит, «с записью забираемого в выдаваемые лавкой "заборные книжки" и с удержанием стоимости забранных в течение месяца продуктов при выдачах зарплаты»[35]. Такой порядок не исключал возможности приобретения рабочими товаров в других лавках на полученные деньги. С 1909 г. зарплата на ЯБМ по просьбе рабочих выдавалась еженедельно, по субботам. «Благодаря этому каждый рабочий, зная, что в лавке данного торговца те или иные припасы продаются дешевле, чем в фабричной лавке, может покупать эти припасы именно у этого торговца, получая для этого причитающуюся ему плату еженедельно»[36].

Действительно, в случае благополучного разрешения проблемы своевременной выдачи заработка (а к началу XX в. на рассматриваемых предприятиях, а также, вероятно, и на большинстве других крупных фабрик этот вопрос был уже вполне упорядочен) возможность получения продуктов из лавки в кредит превращалась для рабочих из дорогостоящей обязанности в удобство. Заведующий ЯБМ следующим образом определял «удобства от кредита» для рабочих: «вновь нанимающийся, нередко не имеющий в запасе денег, с первого же дня работы получает кредит и, следовательно, голодным не останется; работающим же давно не нужно, идя за припасами, брать с собою деньги; это большое удобство, благодаря ему они могут, например, посылать за припасами кого угодно, даже детей, ибо опасность, что их обсчитают, что деньги дорогою будут потеряны и т. п., исключена»[37].

Этот порядок, видимо, действительно не вызывал недовольства со стороны рабочих. Более того, в период забастовки на ЯБМ в ноябре 1905 г. хозяева объявили об остановке работ на Мануфактуре и о закрытии с 24 ноября харчевого лабаза, причем о последнем сообщалось в отдельном, специально вывешенном объявлении[38]. На следующий день к одному из членов правления Товарищества, находившемуся в тот период в Ярославле, «явились депутаты от рабочих и просили открыть им кредит в харчевой лавке», поскольку, по их словам, закрытие лабаза было для них неожиданностью. Было принято решение «открыть рабочим кредит в размере одной третьей части обычного кредита с тем, что эта выдача будет удержана из заработка»[39]. В последних числах декабря в условиях затянувшейся (продолжающейся) забастовки рабочие интересовались возможностью открытия лабаза в новом году, на что получили категоричный ответ правления: «...с 1-го января на-

ступающего 1906 года лабаз впредь до возобновления работ на Мануфактуре будет закрыт»[40]. В начале января 1906 г. большинство рабочих, получивших расчет, согласились приступить к работе на условиях, которые были предложены правлением еще 27 октября 1905 г. В объявлении к рабочим говорилось, что «фабрики Товарищества будут пущены в ход с 4 часов утра в субботу 7-го января», и отдельно упоминалось, что «харчевая лавка будет открыта также в субботу 7-го января в обычное время; ярлыки на отпуск харчей будут выдаваться табельщиками в фабриках после отметки выхода рабочих на работу»[41].

Мы, несомненно, можем рассматривать эти действия администрации как попытку оказать давление на наиболее нуждающуюся в продовольствии часть работников предприятия, причем давление это было вполне реальным и именно так воспринималось обеими сторонами. Таким путем в условиях забастовки администрации ЯБМ удалось использовать наличие работающей в кредит лавки как элемент социальной мотивации труда и удалось не без помощи этого инструмента прекратить забастовку.

Такое же использование фабричной лавки как инструмента воздействия на поведение рабочих нам удалось отметить и в отношении коншинских фабрик, хотя здесь мы имеем дело не с таким достоверным источником, как внутренняя документация, а с воспоминаниями рабочих, прошедшими достаточно жесткое редактирование для юбилейного сборника, посвященного 20-летию революции 1905 г. Эти рабочие, руководствуясь идеей отразить в своем сборнике накал классовой борьбы, так писали, например, о забастовке на ситценабивной фабрике: «Во время забастовки продовольственный кооператив служащих [т. е. фабричная лавка, управляемая Обществом потребителей] был немедленно закрыт. Отсутствие продовольствия поставило рабочих в безвыходное положение — семьи требовали еды. Тогда большинство рабочих решило идти на погром [лавки], чтобы таким путем принудить фабриканта вновь отпускать товары». О забастовке 1905 г. на прядильно-ткацкой фабрике в том же сборнике говорится, что рабочим удалось договориться с директором фабрики М. П. Лотаревым, который дал распоряжение две недели отпускать продукты из фабричной лавки. Однако после издания Манифеста 17 октября (как раз тогда закончились эти две недели) директор приказал закрыть лавку, и после этого забастовка не смогла продержаться долго. Наконец, мы можем встретить там и более общее наблюдение: «После 1897 г. было снова несколько попыток к забастовке, но при малейшем намеке на это фабрикант приказывал закрывать фабричную продовольственную лавку, что удерживало рабочих от забастовки»[42]. Любопытно, что эти свидетельства можно буквально противопоставить приведенному выше заявлению С. И. Аристова, что при забастовках и стачках рабочие якобы всегда требовали закрытия лавок.

Система кредита при лавке ЯБМ была настолько удобной для рабочих, что они выступили с идеей вновь распространить таковую и на городские лавки. Так, в первых числах февраля 1909 г. рабочие ЯБМ обратились к правлению с просьбой, «чтобы Контора Мануфактуры выдавала бы местным торговцам для забора... из их лавок харчей в кредит билеты, по которым торговцы могли бы получать деньги» в счет заработка рабочих из конторы. Фабричное руководство отказало в реализации этой идеи, сославшись на то, что еженедельное получение заработка на руки дает рабочим возможность «покупать у торговцев все... необходимое за наличные деньги»[43]. Разумеется, для администрации децентрализация кредитного снабжения рабочих и, соответственно, потеря контроля за выдачей товаров рабочим в кредит при хорошо налаженной работе собственной фабричной лавки были невыгодны во всех отношениях.

Хотя возможность забора продуктов в кредит была одним из важнейших свойств фабричных харчевых лавок, она была доступна не всем рабочим. На ЯБМ, например, в этом вопросе существовали ограничения. До начала 1899 г. мастеровые и поденщики, находившиеся в ведении Дворовой конторы (т. е. рабочие, не занятые непосредственно на производстве), не имели возможности пользоваться услугами фабричной лавки, вместо этого для них была открыта столовая (об этом говорилось выше). На заседании Административного совета ЯБМ 27 января 1899 г. было решено «отпуск харчевых припасов мастеровым допустить, что же касается поденщиков, то отпуск им припасов отложить впредь до более подробного рассмотрения этого вопроса»[44]. Скорее всего, такое ограничение для поденщиков было связано с тем, что их состав постоянно менялся, и очень частыми были случаи «оставления поденщиками самовольно работы, без получения расчета и паспорта»[45]; при этих обстоятельствах решение администрации не выдавать кредит на продукты в счет будущего заработка было вполне оправданным.

ЦЕНЫ

Мы видели, что в 1869 г. на коншинской фабрике цены в фабричной лавке были установлены к определенной выгоде фабриканта. С отменой условия об обязательности для рабочих закупать продукты в фабричной лавке фабриканты лишаются возможности поддерживать уровень цен более высокий, чем в соседних лавках. И действительно, как видно из материалов табл. 50, в начале 1880-х гг. цены в фабричных лавках серпуховских фабрик уже примерно соответствовали городским.

Таблица 50

Цены на продукты питания в фабричных и городских лавках г. Серпухова в сентябре 1880 г. и в июле 1883 г.[46]

Товар	Ед. измерения	Цены 1880 г., коп.		Цены 1883 г., коп.			
		фабрич. лавки	рыночные	Коншин	Третьяковы	Д. Хутарев	рыночные
Мука ржаная	пуд	125	125	90	90	90	87–90
Хлеб ржаной печеный	пуд	100	120	76	76	80	70
Крупа гречневая	мера	180	180	165	166	175	н/с
Горох	мера	130	120				
Говядина	фунт	12	11	13	13		12,5
Сало топленое	фунт			20,5	24	25	23–24
Масло конопляное	фунт	12	12	18	18	20	17
Масло подсолнечное	фунт	17	15				
Соль	пуд	80	80	50	60	80	47–55
Сахар	фунт	20	18	24	24	26	н/с
Табак	фунт	16	18				

Источник: 1880 г.: ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1108. Л. 4. 1883 г.: *Янжул И. И.* Фабричный быт... С. 107.

Тем не менее таблица показывает, что иногда разница в ценах все же была значительной, обычно в пользу владельцев фабрики. С принятием же закона 1886 г., который, помимо прочего, предписывал обеспечивать рабочих недорогими продуктами, ситуация изменилась весьма существенно.

Можно утверждать, что требования закона в области установления цен в харчевых лавках на промышленных предприятиях, подконтрольных фабричной инспекции, соблюдались с указанного момента достаточно исправно, потому что эти цены находились под жестким наблюдением фабричных инспекторов. Каждый месяц инспектор рассылал по фабрикам таксу цен на основные продукты, которой следовало придерживаться, затем прейскурант цен в лавке поступал на утверждение инспектора, и тот был вправе скорректировать цены в сторону снижения (причем постоянно пользовался этим правом)[47].

В архиве есть свидетельства, что в 1900-х гг. администрация коншинских фабрик и без инспектора следила за тем, чтобы не запрашивать завышенных цен. Сохранились списки цен на основные товары на рынках Серпухова, исходя из которых устанавливались цены в фабричной лавке[48]. Еще в 1884 г. Е. М. Дементьев отметил: «Цены в лавке всегда согласуются с существующими на рынке в городе и держатся в одной с ними цене, но и не дешевле»[49]. В большинстве случаев ценовая политика правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина была именно такой — поддерживать цены, близкие к рыночным.

В рамках этой политики цены в коншинских лавках могли и снижаться. В 1901 г., например, заведующий лавками запрашивал начальство: «На базаре в настоящее время русскую телячью говядину продают дешевле нашей. Ввиду этого прошу разрешения отпускать артелям 1ый сорт телячьей говядины вместо 12 коп. по 11 коп. Уступку эту следует сделать им, так как артели берут мясо пудами, как бы оптовые поставки»[50]. Однако мы находим и письмо противоположного содержания (август 1907 г.) — о том, что крупа в городе дорогая, по 2 руб. 20 коп. за пуд, а в лавках она стоит только 1 руб. 58 коп. за пуд; цены же на все остальные продукты соответствуют базарным. Распоряжение, данное по этому вопросу заведующим административно-хозяйственной частью Товарищества Е. Е. Тизенгаузеном, было таким: с 1 сентября выровнять, т. е. увеличить цену на крупу в лавках[51].

Здесь нужно отметить, что продуктовое обеспечение коншинских фабрик вообще было устроено на широкую ногу. Имелась целая сеть поставщиков; где было возможно, заводилось свое обеспечение, так, в 1900-х гг. при лавках имелись свои мельница, пекарни и скотобойня. Обороты лавки росли из года в год, даже если количество рабочих и не сильно увеличивалось. Для примера можно привести объемы запросов коншинской скотобойни на покупку скота для снабжения лавок:

Таблица 51

Объемы запросов Правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина у Московского губернского правления разрешений на покупку скота. 1901–1907 гг.

Год	Голов крупного рогатого скота	Голов мелкого рогатого скота
1901	300	500
1902	500	1 000
1903	500	2 000
1904	500	2 000
1905	1 000	2 000
1906	1 500	2 000
1907	1 500 и более	2 000

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 2, 39, 41, 72, 97, 98, 109, 120, 140.

ЯБМ также поддерживала большое хозяйство. Документы свидетельствуют, что большинство продуктов для харчевой лавки в основном закупались оптом, на ярмарках, со скидкой. Мясо приобреталось у ярославских и московских торговцев. В конце XIX в. при ЯБМ существовала молочная ферма, на 90 коров. В начале XX в. Правление приняло решение о том, что молочная ферма должна быть расширена «до таких размеров, чтобы все население фабрики было обеспечено хорошим, не фальсифицированным молоком (чем не может похвалиться молоко, приносимое на продажу из соседних деревень), и при том по более дешевой цене сравнительно с продаваемым молочницами»[52]. Но особо заметных изменений не произошло, и в 1905 г. на ферме содержалось 100 коров[53]. В 1907 г. рабочие снова обращались в фабричную администрацию с просьбой об увеличении молочной фермы так, «чтобы молока хватало всем рабочим», однако на этот раз Правление объявило, что «увеличить размер молочной фермы ни малейшей возможности не предоставляется»[54]. При Ярославской мануфактуре также имелась своя пекарня, которая обеспечивала лабаз хлебом.

Тот факт, что крупные фабрики поддерживали и большое хорошо налаженное хозяйство, обеспечивающее питанием семьи тысяч рабочих, весьма важен для правильной оценки их ценовой политики. Огромные обороты, конечно, могли позволить фабричным лавкам при крупных фабриках лучшие, по сравнению с местными лавочниками и лавками более мелких предприятий, условия. Однако хозяева фабрик в абсолютном большинстве предпочитали обращать эти выгоды большого хозяйства к своей пользе, а не к пользе своих рабочих. Об этом писал еще в начале 1880-х гг. проф. Ф. Ф. Эрисман, много занимавшийся вопросами питания фабричных рабочих: «Как велики должны быть барыши, получаемые владельцами даже при ценах сравнительно умеренных, т. е. не превышающих цен на местных вольных лавках, можно заключить из того факта, что годовой оборот лавок на некоторых крупных фабриках в начале 1880-х достигал 100 000–160 000 руб. (у Коншина 120 тыс. руб., на Даниловской мануфактуре не менее 150 тыс. руб., на Покровской мануфактуре 160 тыс. руб., на Богородско-Глуховской мануфактуре аж 400 тыс. руб.)... Если принять, что такая лавка дает только 10 % чистого дохода в год, то все же в кармане фабриканта окажется порядочная сумма в 10–15 тысяч, полученная им уже не в качестве фабриканта, а в качестве торговца съестными припасами»[55].

Но хотя коншинские лавки в большинстве случаев не продавали товар по сниженным ценам, они все же кое в чем использовали потенциал большого хозяйства на пользу своих рабочих, так, чтобы быть немного привлекательнее всех конкурентов. Например, бесплатно раздавался оберточный материал при некоторых товарах. В 1906 г. даже возникла беспокойная переписка о том, что на это уходит слишком много денег: «Стали давать пакеты при таких товарах, при которых ранее отказывали — крупа макаронная, соль, солод». Поэтому расход пакетов за 1904 г. составил около 975 рублей, а за 8 месяцев 1905 г. — почти 1090 руб. (418 пуд. 22 ф. и 466 пуд. 23 ф. соответственно при цене $2^1/_2$ руб. за пуд пакетов)[56]. В коншинских харчевых лавках, как ни на одной другой фабрике Серпуховского уезда, полагались бесплатные дрожжи при покупке муки. Сравнительная табл. 52 показывает, что лавки при крупных фабриках, и особенно при коншинских, имели в целом более широкий ассортимент товаров и более низкие цены, чем лавки при других серпуховских предприятиях (а данные, приведенные в последней строке, свидетельствуют, что большие фабрики изначально устанавливали лучшие расценки, так что фабричный инспектор их меньше корректировал).

Вполне естественно, что цены в фабричных лавках, следуя за рыночными городскими, росли достаточно заметно, особенно в период 1905–1909 гг. (рис. 17, основанный на данных, приведенных в прил. 28).

Таблица 52

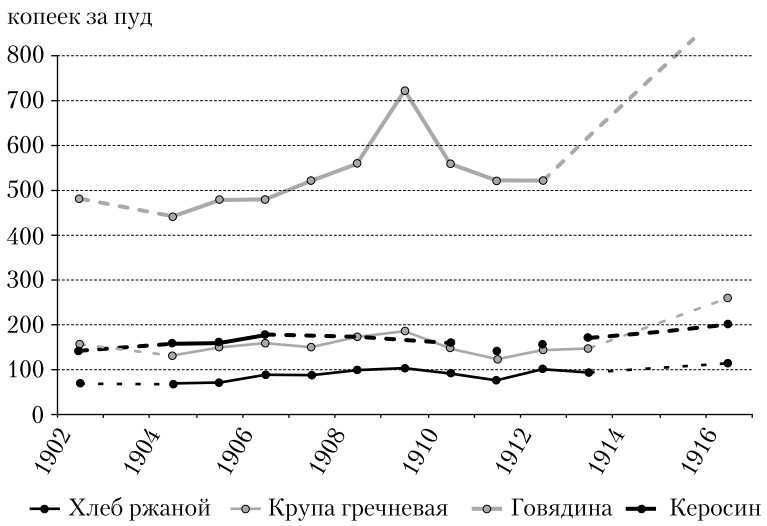
Расценки на продукты питания в фабричных лавках различных фабрик Серпуховского уезда (в коп. за единицу веса). Сентябрь 1902 г.

Продукты	Мера веса	Т-во м-р Н. Н. Коншина	Прядильно-ткацкая ф-ка Т-ва Рябовской м-ры	Ф-ка 1-й гильдии купчихи А. В. Мараевой	Городенская суконная ф-ка Торг. дома «Демид Хутарев с сыновьями»	Суконная ф-ка Торгового дома бр. Каштановых	Ткацкая ф-ка Т-ва Рябовской м-ры	Самоткацкая ф-ка Г. И. Медведева	Ф-ка бр. Кочетковых-старших	Ситценабивная фабрика бр. Толоконниковых	Лавка В. М. Гурова для фабричной артели рабочих Сергея Кочеткова	Ф-ка Степана Кочеткова	Лавка М. Т. Еремина	Парчовая ф-ка А. С. Ионова	Химический завод «В. О. Красавин с бр.»
Мука ржаная ведренная	Пуд	80	83	85		85	85	85		85	90	85	90	85	85
Мука пшеничная крупичатая 1-й сорт	Фунт	5 1/2	6	5 1/2	6		5 1/2	5	6	6			6		6
Крупа гречневая ядрица овинная	Пуд	150	150	150	149	153 1/8	150	155	160	160	160	165	170	160	180
Масло подсолнечное	Фунт	12 1/2	13	13	14		13	13	14	14	14	14	14	14	14
Говядина свежая русская	Фунт	10–12		12		10	10–11	10–12	10–11	8–12	10–11	9–12	10–12	11	10
Сало говяжье топленое	Фунт	20	20		22	18	20	18	19	18	20	18 1/2	20		19
Сельди	Фунт	13	13		13		13	13	13	13	15				13
Снетки	Фунт	10	12		11			12	11	13	12				12
Солод ржаной	Пуд	140	140	140	140	140	140	140	160	140	160	140			
Керосин	Фунт	3 1/2	4	3 1/2	3 1/2		3 1/2	3 1/2	4	3 1/2	4			4	4
Сахар рафинад	Фунт	16	16 1/2	16	16		16	16	16	16	16	16	16 1/2	16	16
Число рабочих на фабрике		10 516	1520	1143	983	723	682	579	238	108	93	91	64	15	12
Число товаров к продаже		92	32	20	41	9	37	31	27	42	24	21	10	7	19
Число пунктов ценника, исправленных фабричным инспектором		0	0	6	2	0	4	3	3	5	4	4	2	4	2

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12.

Рисунок 17

Динамика цен в лавках Н. Н. Коншина (1902 г. = 100 %)



Добавим, что хотя наблюдение Ф. Ф. Эрисмана (сделанное им в начале 1880-х гг.) о значительных прибылях фабрикантов за счет крупных оптовых закупок товаров первой необходимости и продажи их рабочим через лабаз в розницу оставалось долгое время справедливым для харчевых лавок Коншина, их прибыль постоянно уменьшалась, и они стали убыточными уже с 1905 г. Данные следующей таблицы характеризуют работу коншинских лавок в целом (однако для 1916 г., конечно, надо принимать во внимание инфляцию, так что в реальных ценах убыток рос не столь стремительно).

Таблица 53

Торговый оборот и баланс харчевых лавок при фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1901–1916 гг.

Период	Торговый баланс всех фабричных лавок, руб.	Суммарный оборот, руб.
1901/02	+ 27 263	543 460
1903/04	+ 20 541	687 352
1904/05	+ 8 226	846 577
1905/06	– 11 761	848 369
1906/07	– 26 905	1 152 435
1907/08	– 33 651*	1 465 082
Июль 1916	– 97 757	
Август 1916	– 97 165	
Сентябрь 1916	– 113 826	
Октябрь 1916	– 118 266	
Ноябрь 1916	– 128 002	
Декабрь 1916	– 162 032	

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 69. Л. 68; Д. 358. Л. 43 об.; Оп. 8. Д. 283. Л. 12 об., 17.

* В отчете собранию пайщиков этот убыток оценен в 49 407 рублей (см.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 35).

Вместе с цифрами баланса за 1903–1907 гг. в источнике приводилось такое объяснение убытка: «Может возникнуть мысль, что вздорожание продуктов в харчевой лавке Товарищества вызывалось не ростом цен на рынках, а другими причинами. В действительности Товарищество продавало товары по ценам недостаточно повышенным для сведения без убытка торгового баланса лавки». В свете поддержки Товариществом цен на уровне рыночных подобное объяснение представляется неудовлетворительным: когда бы цены были «недостаточно повышенными», городские торговцы при тех же ценах могли бы разориться. Поскольку этого не случилось, убыток надо искать в других характеристиках деятельности лавок, например, в том, что в их расходе учитывались суммы, затрачиваемые на снабжение фабричных больниц или директорского дома. Тем не менее очевидно, что Товарищество все-таки не наживалось специально на продаже продуктов рабочим. Более того, в одной докладной записке от 1899 г., вкратце описывающей хозяйство и расходы коншинских фабрик, уже говорится, что вся прибыль от лавки направляется «в капитал пенсий и пособий»[57].

Рассмотрим теперь ценовую политику, практиковавшуюся на ЯБМ. Во второй половине XIX в. цена на товары в харчевой лавке устанавливалась следующим образом: суммировались ярмарочная цена товара и расходы на доставку его в лавку, и на полученную сумму начислялись 10 %, которые должны были составлять доход Товарищества[58]. Однако при этом правление ЯБМ, пользуясь положением крупного оптового покупателя, а также возможностями собственного хозяйства, не только могло, но и действительно устанавливало цены на некоторые товары своей харчевой лавки ниже, чем на городских базарах и лавках[59]. Тем не менее в конце XIX в. Товарищество ежегодно получало «прибыль от продажи продуктов в харчевой лавке». В 1892 г. эта сумма составила 25 195,18 руб.[60], в 1895 г. — 26 008,31 руб.[61], в 1898 г. — 28 107,97 руб.[62] Лавка продолжала приносить прибыль, хотя и меньшую, вплоть до 1905 г. При этом в объявлениях, обращенных к рабочим, администрация предприятия подчеркивала, что «весь чистый доход с фабричной лавки отчисляется в особый благотворительный капитал, всецело употребляемый на выдачу рабочим пособий и улучшение их быта»[63].

Существенным подспорьем для рабочих была харчевая лавка в неурожайные годы. В записке ярославского губернатора министру внутренних дел относительно стачки на ЯБМ в 1883 г. говорится о положительном значении поддержки в течение последних лет рабочих фабрикой в вопросах продовольственного снабжения. Особенное внимание уделено неурожайным годам: «Когда цены на хлеб доходили здесь до громадных размеров и другие фабричные рабочие голодали, рабочие Ярославской мануфактуры имели хлеб по умеренным ценам благодаря тому, что управление этой Мануфактуры своевременно закупало на свой счет достаточное количество хлеба и затем снабдило им рабочих по своей цене»[64]. То же было и в 1891–1892 гг., и в конце 1890-х гг. (неурожайные годы), когда хлеб и мука отпускались рабочим Ярославской мануфактуры по цене, «значительно более дешевой сравнительно с рыночными ценами»[65]. Такая практика сохранялась и в начале XX в.

В 1900-х гг. рост цен на товары первой необходимости был значительно более заметным, чем в 1880–1890-х гг. По наблюдению заведующего Мануфактурой А. Ф. Грязнова, каждое повышение цен в лавке вызывало волнение рабочих и требование повышения зарплаты. В связи с этим он разработал комплекс мер для стабилизации цен на продукты, продаваемые рабочим в харчевой лавке. Он предложил разделить продукты, отпускаемые харчевой лавкой ЯБМ, на две группы: главные и второстепенные. Цены на продукты первой группы, — хлеб, муку, картофель, капусту, мясо, сахар, молоко и т. п. — предполагалось держать на одном уровне как можно дольше, годами, не рассчитывая на прибыль и даже не останав-

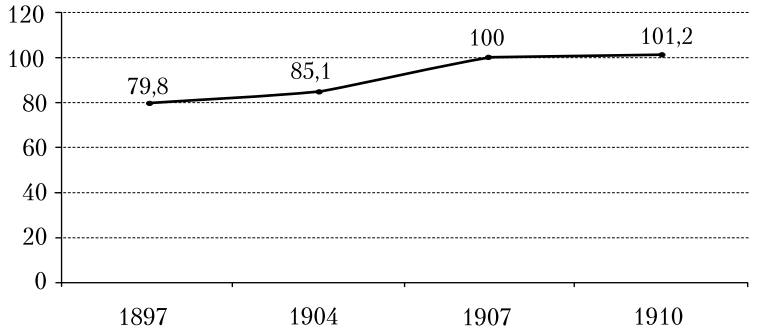
ливаясь перед возможностью убыточной торговли. Продукты второй группы, — чай, овощи, ветчину, колбасы и т. п. — предлагалось продавать с небольшой прибылью, которая должна была использоваться для стабилизации цен в лавке в случае их слишком сильного повышения в силу «каких-либо случайных причин». Эти меры были одобрены правлением Товарищества и реализованы. Цены в фабричном магазине в отдельные годы были на 20–25 % ниже, чем в городе. В такие периоды содержание харчевой лавки приносило Товариществу ЯБМ значительные убытки. И если в 1905 г., по свидетельству Правления, доходы от лавки составляли «менее $2^1/_2$ процентов на рубль»[66], то в 1906 г. убытки составили около 9 тыс. руб., в 1907 — 43 053,01 руб., а в 1908 г. — 80 966,37 руб.[67]

Правление Товарищества в объявлениях, обращенных к рабочим, неоднократно подчеркивало собственную добрую волю в вопросе продажи продуктов в харчевой лавке по ценам ниже городских. Это происходило даже в тех случаях, когда обсуждаемый вопрос и предъявляемые рабочими требования никак не касались работы лавки.

В архиве сохранилась составленная в конторе ЯБМ «Сравнительная таблица стоимости харчевых припасов, отпущенных из фабричной харчевой лавки в 1906 г., по ценам, бывшим в октябре месяце 1897, 1904 и 1907 годов» и такая же таблица с учетом цен за июль 1910 г. (в прил. 36 эти таблицы сведены в одну). Это уникальный документ, отражающий, как можно предположить, желание администрации ЯБМ оценить динамику дороговизны продуктов, закупаемых в фабричной лавке в совокупности, с учетом объемов закупок по основным видам товаров. По сути, речь идет о вычислении динамики «индекса ЯБМ» в конце XIX — начале XX вв. Действительно, обращаясь к данным таблицы в прил. 36, мы видим, что составители таблицы определили список основных товаров, закупаемых в лавке суммарно в течение 1906 г., и подсчитали объемы закупок по каждому из этих товаров. Тем самым была определена гигантская «потребительская корзина» ЯБМ. Зафиксировав набор товаров и объем годовой закупки для каждого из них, можно подсчитать стоимость этой фиксированной «корзины» в текущих ценах соответствующих годов. Именно эти расчеты и были сделаны администрацией ЯБМ по данным за четыре годовых «среза», охватывающих полтора десятилетия. В соответствии с таблицей прил. 36 суммарная стоимость «корзины» ЯБМ составила 559 493 руб. в 1897 г., 596 635 руб. — в 1904 г., 701 155 руб. — в 1907 г. и 709 707 руб. — в 1910 г. Приняв стоимость этой корзины в 1907 г. за 100 %, получим динамику «индекса ЯБМ» за 1897–1910 гг. (рис. 18). Индекс показывает, как изменялась стоимость

Рисунок 18

Динамика «индекса цен харчевой лавки ЯБМ». 1897–1910 гг.



Источник: данные прил. 36.

фиксированной (на 1906 г.) совокупности приобретенных в лавке ЯБМ товаров в ценах 1897, 1904, 1907 и 1910 гг.

Как видим, увеличение значений «индекса ЯБМ» за указанный период составляет 21,6 %. Поскольку московский и петербургский индексы цен за период 1897–1910 гг. изменяются на 23,0 и 22,0 % соответственно[68], можно говорить, что изменение цен в харчевой лавке ЯБМ шло в русле динамики индексов Москвы и С.-Петербурга (прил. 37).

На рисунках 19 и 20 приводится динамика цен на важнейшие товары в фабричной лавке ЯБМ за тот же период.

Цены на первом графике на все товары даны в рублях за пуд, на втором графике — в копейках за пуд (кроме картофеля, который считался в копейках за меру).

Рисунок 19

Динамика цен на отдельные продукты в харчевой лавке ЯБМ. 1897–1910 гг.

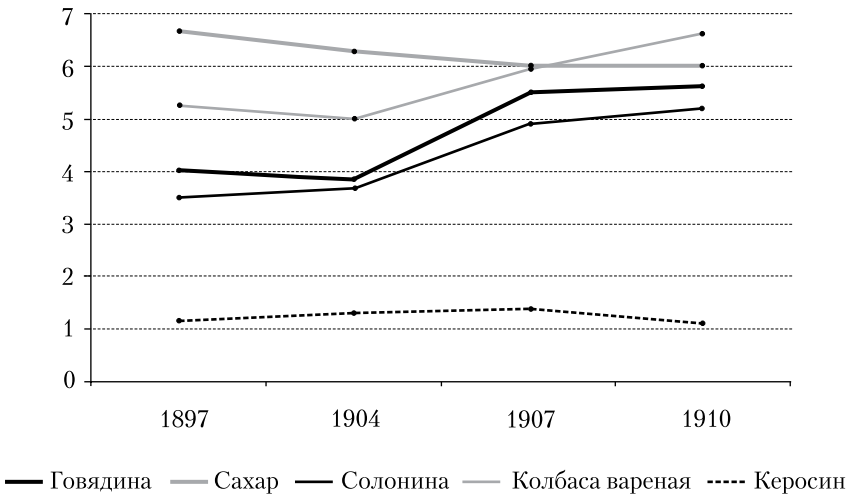
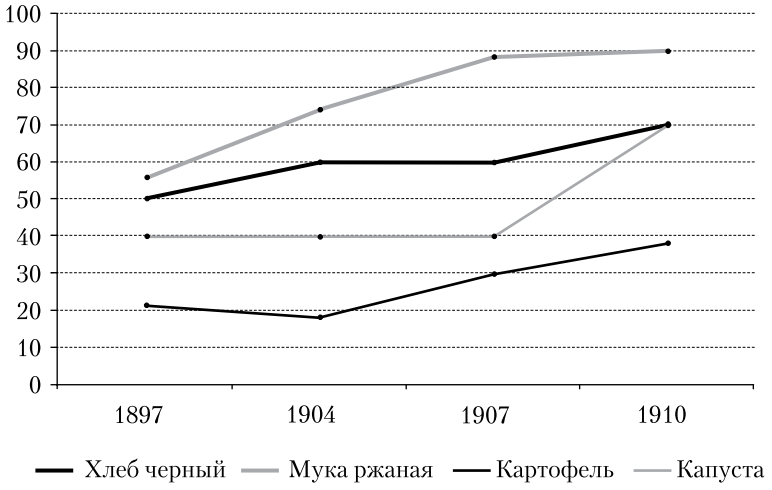


Рисунок 20



Источник: прил. 36.

На графиках видно, что если цены на некоторые продукты заметно возросли, то, например, на сахар, керосин, наоборот, снизились, на некоторые же товары они довольно долго держались на одном уровне, что может служить подтверждением гибкого подхода фабричной администрации к установлению цен на продукты, не сводящегося к тривиальной тактике постоянного подъема цен в целях «наживы фабрикантов».

Ценовая политика в лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина претерпела значительные изменения во время Первой мировой войны. Когда, с одной стороны, стали проявляться инфляция и дефицит военного времени и когда, с другой стороны, рынок рабочей силы сократился, многие квалифицированные рабочие в ходе первых непродуманных мобилизаций были призваны на фронт, а предприятие начало испытывать связанные с этим затруднения, оно использовало свой потенциал большого хозяйства как трудовой стимул, понизив цены в лавках относительно рыночных и при этом увеличив свои убытки. Из сравнения нижеследующих таблиц видно, что если в 1905 г. цены в коншинских лавках соответствовали городским, то в 1915 г. они давали рабочим заметную экономию.

Таблица 54

Сравнение цен на продукты в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина с городскими. Февраль 1905 г.

Товар	Ед. измерен.	Цены, коп.	
		Т-ва	Городские
Мука крупичатая 1-й сорт	фунт	$5^1/_4$	$5–5^1/_2$
— первач 1-й сорт	фунт	$4^1/_4$	$4–4^1/_2$
— ржаная обойная	пуд	85	90
Баранки простые	фунт	6	6
— сдобные	фунт	7	7
Хлеб ржаной кислый	пуд	70	70–75
Крупа ядрица	пуд	165	150–155
Овес	пуд	60	55–60
Рис	фунт	10	8–12
Солод ржаной	фунт	$3^1/_2$	$3^1/_2$
Говядина 1-й сорт	фунт	14	13–15
Сало говяжье топленое	фунт	18	18–19
Снетки	фунт	11	10–12
Масло подсолнечное	фунт	13	13
— коровье	фунт	40	35–40
Мыло простое	фунт	11	10
Изюм	фунт	12	11–12
Соль	фунт	1	1
Сахар рафинад головной	фунт	16	16
— песок	фунт	13	13
Керосин	фунт	4	4
Чай	по расценкам на пачках		

Источник: Городские цены: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 117. Л. 7–8; коншинские: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 67. Л. 16.

К 1917 г., когда натуральное снабжение становится одним из важнейших стимулов работы на фабрике и вводится нормировка снабжения, уже становится очевидным, что лавка старается обеспечить своих рабочих насколько возможно дешевыми продуктами. В качестве примера можно привести такой фрагмент из делопроизводственной переписки (от 28 июня 1917 г.): «...Сало это Правление решило отпускать рабочим и служащим следующим образом: 100 пудов по цене 78 копеек за фунт, а остальное количество, ввиду того, что сала на рынке нет и нам пришлось заплатить за него по 47 рублей за пуд — по 1 рублю за фунт...»[69]

Но в 1917 г., с ускорением инфляции, фабрика с определенного момента уже теряет возможности поддерживать фиксированные цены и переходит на выплату дополнительной денежной компенсации вместо обеспечения разницы цен. В объявлении о повышении заработка от 15 мая 1917 г. появляется извещение об этом:

Таблица 55

Сравнение цен на продукты в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина с городскими. Октябрь 1915 г.

Товар	Ед. измерен.	Цены, коп.	
		Т-ва	Городские
Мука крупичатая 1-й сорт	фунт	7 1/2	9 1/2
— первач 1-й сорт	фунт	6 1/2	8 3/4
— ржаная обойная	пуд	150	190
Хлеб ситный крупичатый	фунт	7	9 1/2
— ржаной сладкий	пуд	130	170
— кислый	пуд	115	150
Крупа ядрица	пуд	260	350
— пшено	пуд	220	280
— манная	фунт	7	10
Капуста квашеная	пуд	50	70
Говядина 1-й сорт	фунт	23	26
Сало говяжье топленое	фунт	25	35
Снетки	фунт	11 1/4	16
Масло подсолнечное	фунт	13	22
— коровье	фунт	50	64
Молоко	бутылка	6	8
Яйца	десяток	25	50
Соль	фунт	1	2
Сахар рафинад головной	фунт	17	21
— песок	фунт	14	17 1/2
Керосин	фунт	5	6
Чай в пачках за 2 р.	пачка	190	200
— в пачках за 1 р. 80 к.	пачка	171	180
— в пачках за 1 р. 60 к.	пачка	156	160

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 577. Л. 25.

«Согласно постановления Согласительной комиссии с 1 июня 1917 г. ввиду перехода харчевых лавок Товарищества на рыночные цены в возмещение разницы в ценах на харчи будет выдаваться мужчинам и женщинам по 76 копеек, а подросткам по 75 копеек за каждый рабочий день»[70]. Таким образом, поддержка рабочих через разницу цен проходит следующую эволюцию: до войны — в отношении цен — нет вообще никакой разницы, покупать ли продукты на рынке или в фабричной лавке, в 1915–1916 гг. фабрика в меру возможностей устанавливает своим рабочим льготные цены, и разница все увеличивается, а в 1917 г. фабрика снимает эту поддержку, но в возмещение начинает платить рабочим новый вид пособия. Судя по нижеследующим данным, фактически решение о снятии разницы в ценах вступило в силу не с 1 июня, а с 19 сентября. 1 сентября на этот счет появилось новое объявление (прил. 28), но и тогда еще цены не были подняты, а это случилось, как видно из данных табл. 56, только 19 сентября. Через два дня, 21 сентября, состоялось новое заседание Согласительной комиссии, принявшее новое постановление относительно «возмещения удорожания харчевых продуктов и других предметов первой необходимости», хотя обнаруженное нами свидетельство об этом решении, к сожалению, не содержит данных о конкретном размере увеличения пособия[71].

Выплачивались ли указанные денежные пособия летом 1917 г., точных сведений найти не удалось, но из текста последнего объявления, кажется, следует, что не выплачивались. Поддержка рабочих разницей цен стоила, видимо, не дешевле, чем полная сумма пособий — согласно ведомости о прибавках заработной платы, отпуск удешевленных продуктов из харчевых лавок соответствовал пособию в размере (на работающего): до Пасхи 1917 г. — ок. 40 коп., до 1 июня 1917 г. — ок. 75 коп., до 1 августа 1917 г. — ок. 1 руб. 25 коп. за рабочий день[72]. Проделанный нами примерный расчет показывает, что в конце сентября 1917 г. стоимость месячного продовольственного пайка (см. ниже) должна была составлять около 44 руб., т. е. по 1,76 руб. в день, если исходить из 25 рабочих дней.

Таблица 56

Изменение расценок на продукты в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина с 19 сентября 1917 г. и их сравнение с городскими ценами*

Товар	Ед. измерен.	Цены фабрич. лавки, коп.		Цены местных кооперативов	Рыночные цены
		По 18.9.1917	С 19.9.1917		
1	2	3	4	5	6
Мука ржаная	Фунт	4	27	27	27
Мука пшеничная	Фунт	6½	40	40	40
Масло конопляное	Фунт	30	120	100	100–120
Сельди	Фунт	16	100	90–100	90–100
Говядина	Фунт	35	120–160		140–175

* Представляется довольно удивительным, что Товарищество Коншина до самой осени 1917 г. сдерживало цены в фабричной лавке, а потом резко, в разы, подняло их, чтобы уравнять разницу с рыночными ценами. Источники, тем не менее, не дают возможности другого толкования. В частности, табл. 56 именно в таком виде приведена в архивном документе; более того, ей предшествует записка от члена правления А. А. Ценкера заведующему хозяйственными отделениями Товарищества М. Г. Лопатину с требованием перепроверить эту «Анкету о жизненных продуктах» (л. 21), и некоторые незначительные изменения в первоначальный вариант действительно были внесены.

Окончание табл. 56

1	2	3	4	5	6
Сахар пиленый или колотый	Фунт	28	40	40	40
Соль	Фунт	1	6	5–6	6
Мыло	Фунт	35	95	90	90–100
Керосин	Фунт	6 1/2	18	22	22
Спички	пачка	42	50	50	50–55

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1041. Л. 24.

При сопоставлении данных табл. 56, как и других цен, приведенных в том же деле, с данными табл. 55 обращает на себя внимание тот факт, что расценки на некоторые продукты до середины сентября 1917 г. так и оставались теми же, что и в октябре 1915 г.:

Таблица 57

Сводная таблица цен на некоторые продукты в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина с городскими. Октябрь 1915 г.

Товар	Ед. измерен.	Цены, коп.		
		Т-ва в 1915 г.	Т-ва в 1917 г.	Городские уже в 1915 г.
Мука пшеничная	Фунт	6 1/2	6 1/2	8 1/4
Мука ржаная	Пуд	150	160	190
Хлеб ситный	Фунт	7	7	9 1/2
Хлеб ржаной кислый (черный)	Пуд	115	120	150
Крупа ядрица	Пуд	260	260	350
Капуста квашеная	Пуд	50	50	70
Говядина 1-й сорт	Фунт	23	35	26
Соль	Фунт	1	1	2
Сахар рафинад	Фунт	17	28	21
Сахар песок	Фунт	14	24	17 1/2
Керосин	Фунт	5	6 1/2	6

Источник: данные табл. 55 и 56.

Еще важнее разницы в ценах в условиях военного дефицита была возможность получения рабочими натурального пайка, который обеспечивался силами фабричного хозяйства (правила предоставления пайков приводятся в прил. 29). В сентябре 1917 г. паек выдавался как рабочим, так и членам их семей и в месяц составлял: 14 ф. ржаной и 5 ф. пшеничной муки, 2 ф. крупы, 2 ф. конопляного масла, 10 ф. соленой рыбы, 2 ф. сала, 2 ф. говядины (неработающим — один фунт), 1 ф. сахара (или изюма «при недостатке последнего»), 1/2 ф. чая, 2 ф. соли, 2 ф. мыла, 20–32 ф. керосина, 2 пачки спичек, 1 ф. табака, и, наконец, черный хлеб — 1/2 фунта в день[73]. Кстати говоря, представляется, что отмеченное выше резкое повышение цен в фабричной лавке, состоявшееся в сентябре 1917 г., могло стать возможным только в условиях жестко ограниченного натурального снабжения, когда фабричная лавка фактически не торговала продуктами, а обеспечивала паек. В 1916–1917 гг. нату-

ральное снабжение рабочих регулировалось также распоряжениями соответствующих властей. Так, например, 30 августа 1917 г. было принято постановление Серпуховского продовольственного комитета о том, чтобы с 16 сентября была прекращена «выдача продуктов продовольствия проживающим в Тульской и Калужской губерниях семьям лиц, работающих на фабриках и заводах Серпуховского района»[74]. Эта мера, скорее всего, затронула и часть коншинских рабочих.

Товарищество ЯБМ также поддерживало своих работников в кризисные военные годы, хотя это еще больше увеличило убытки лавки: в 1916 г. они составляли от 25 до 42 тыс. руб. ежемесячно[75]. Цены на некоторые товары в лавке иногда были вдвое более дешевыми, чем рыночные. Так, например, коровье масло в марте 1916 г. в фабричной лавке продавалось по 49 коп. за фунт, тогда как в городе цены на него держались выше 1 рубля[76].

Приобретение продуктов по сниженным льготным ценам было делом весьма привлекательным для жителей района, прилегающего к мануфактуре. Иногда им это удавалось в обход всех установленных правил, причем, разумеется, не без помощи самих рабочих и служащих ЯБМ. В качестве примера можно привести следующий случай. 16 декабря 1915 г. при выходе из харчевой лавки была задержана старшим мясником лабаза А. П. Волковым и доставлена в Управление пристава при Мануфактуре жительница прифабричного района Е. О. Кокушкина, зарабатывавшая на жизнь пошивом белья и одежды для рабочего населения. После проведенного следствия выяснилось следующее. 8 декабря 1915 г. рабочий ЯБМ Е. Т. Мельников, не имея денег заплатить портнихе за работу, отдал ей свою харчевую книжку, по которой она 9 декабря получила в лабазе 10 фунтов муки. Поскольку женщина неплохо знала приказчика харчевой лавки С. И. Шапошникова, работавшего в мясном отделе, последний в этот же день отпустил ей бесплатно и без каких-либо отметок в книжке еще и 6 фунтов мяса, за которое получил от нее на следующий день 1 рубль. Поскольку Кокушкина посетовала на высокие цены в городе по сравнению с лабазными, тот же Шапошников посоветовал ей не возвращать пока харчевую книжку, а использовать ее в качестве «пропуска в лабаз», где он сможет отпустить ей продукты таким же путем. В итоге 16 декабря женщина была задержана и обвинена в незаконном получении 5 фунтов мяса и 3 фунтов рыбы в фабричной лавке. Материалы проведенного приставом при ЯБМ дознания, к которому были привлечены все трое участников этой махинации, в январе 1916 г. были «препровождены городскому судье 3-го участка г. Ярославля»[77]. Рабочего с приказчиком, скорее всего, уволили (таким было общее правило на фабрике: если дело доходило до суда, то работника увольняли до окончания разбирательства; если же по суду его оправдывали, то брали на работу обратно, причем на прежнее место).

Вполне естественно, что в условиях военного времени предприятиям пришлось существенно увеличить усилия по обеспечению рабочих, причем делать это становилось все труднее. В делах за 1916–1917 гг. из фонда Товарищества Коншина содержится немало запросов, подобных следующему: «По получении сего просим Вас заполучить от Серпуховского продовольственного комитета и выслать нам удостоверение, что мы работаем на оборону и конопляное масло нам нужно для продовольствия рабочих фабрики»[78]. Ярославская мануфактура также испытывала сложности со снабжением рабочих. Весной–летом 1916 г. рабочие здесь неоднократно жаловались на то, что «некоторых товаров, которые имелись в лавке раньше, в настоящее время не имеется, что молока не хватает для всех и что плоха мука 2-го сорта». В своем ответе на эти жалобы правление Товарищества объясняло отсутствие в харчевой лавке «некоторых припасов... иногда вследствие усиленного

разбора наиболее дешевых припасов самими же рабочими... иногда же — вследствие невозможности приобрести некоторые припасы за полным их отсутствием в продаже». Далее говорилось, что «усиленный забор харчевых припасов из лабаза, наблюдаемый за последнее время, заставляет предполагать возможность случаев, когда припасы забираются не только для своей личной потребности, но и с целью передачи их на сторону, что нарушает интересы самих же рабочих...». Подобное явление могло иметь место только при условии, что фабричная лавка по ценам и ассортименту продолжала предлагать покупателям существенно лучшие условия. В отношении качества продаваемой муки правление объяснило, что «мука всех сортов продается такая, какую в настоящее время продают мукомолы». Далее правление подготовило рабочих к тому, что не исключена возможность дальнейшего оскудения ассортимента лабаза в условиях войны, подчеркнув, что от Товарищества сей факт никоим образом не зависит[79].

Политика поддержки сниженных цен на товары в харчевой лавке была отмечена ярославским губернатором, который в январе 1916 г. констатировал: «Лавка Мануфактуры служит в годы нормальных цен регулятором и установителем цен на продукты во всех лавках при фабричной местности, лишенных благодаря этому возможности повышать цены на припасы по своему усмотрению, нисколько в то же время не мешая этим лавкам продавать припасы соответственно низшего качества по более дешевым ценам; в годы же высоких цен на продукты лавка Мануфактуры является в высшей степени полезным вспомогательным учреждением как для рабочих, облегчая им переживать трудное время дороговизны, так и для администрации Мануфактуры, помогая ей поддерживать на Мануфактуре нормальное течение дел, не осложняемое “выступлениями” и забастовками рабочих на почве повышения заработной платы. Особенно рельефно выяснилась эта вторая полезная сторона фабричной лавки во время текущей войны»[80].

Опыт «разрешения рабочего вопроса» на ЯБМ даже заинтересовал министра внутренних дел А. Н. Хвостова, занявшего этот пост в сентябре 1915 г. и вскоре посетившего Ярославль. По его просьбе в январе 1916 г. губернскими властями на основании записки, подготовленной А. Ф. Грязновым, был составлен подробный отчет о действиях фабричного руководства по снятию напряженности в отношениях между администрацией ЯБМ и рабочими и по предупреждению забастовок в условиях войны. Основное внимание в этой записке было уделено именно организации продовольственного обеспечения работников мануфактуры. Заинтересованность министра внутренних дел была вполне оправдана. Материалы архивных фондов подтверждают, что решению продовольственного вопроса на ЯБМ уделялось весьма большое внимание. Начальник Ярославского губернского жандармского управления в январе 1917 г., сообщая прокурору окружного суда о настроениях в городе, отмечал: «Рабочие такого большого предприятия в Ярославле, как фабрика ЯБМ... в продовольственном отношении обеспечены лучше остальной части населения города... Продукты продолжали выдаваться в кредит, и каждому рабочему был положен паек»[81].

Разумеется, для властей главным делом было отсутствие беспорядков и волнений само по себе, но фабрика при этом решала свои основные задачи: обеспечивала стабильность работ и возможность привлечения и удержания на фабрике добросовестных и квалифицированных рабочих. В данном случае, безусловно, снабжение рабочих из фабричной лавки вполне можно рассматривать как элемент системы мотивации труда, причем две фабрики, которые мы рассмотрели, приняли разные схемы применения этого элемента мотивации: на коншинских фабриках он

оказался востребованным в полной мере только в кризисные военные годы, когда усложнилось положение на рынке рабочей силы, на ЯБМ же ценовая политика с начала XX в. была направлена на поддержку фабричных рабочих и рассматривалась как фактор сохранения спокойствия на предприятии.

КАЧЕСТВО ПРОДУКТОВ

Негодное качество продуктов в харчевых лавках дореволюционных российских предприятий — это один из самых часто повторяемых и в то же время недостаточно обоснованных тезисов советской литературы по рабочему вопросу. О том, что эти продукты были негодными, можно прочитать в публикациях по истории практически любого дореволюционного предприятия. Между тем только в рамках созданного советской историографией 1930–1950-х гг. образа фабриканта-мироеда, стремящегося любыми способами выжимать из рабочих копейку, можно объяснить целенаправленное снабжение рабочих гнилыми продуктами. Если подойти к этому вопросу более взвешенно, то очевидно, что фабриканту невыгодно, чтобы рабочие питались негодной пищей, от этого болели, слабели и пропускали работу или работали вполсилы. Более того, и целенаправленная политика обвешивания рабочих как общепринятое явление представляется сомнительной: подобное нарушение всегда бывает слишком явным и должно вызывать слишком много неудовольствия рабочих, в то время как экономическая выгода от него не может быть настолько существенной, чтобы окупать возникающие проблемы.

Наконец, не стоит упускать из вида, что и власти отнюдь не смотрели благожелательно на продажу некачественных продуктов или на обвес в лавках. Если это соображение кажется естественным по отношению к обычным рынкам и магазинам, то тем более оно должно быть применено к проблеме снабжения рабочих фабрикантами, потому что в этом случае у властей появляется дополнительная проблема недовольства тысяч рабочих и их семей, сосредоточенных на фабрике. И действительно, мы находим многочисленные подтверждения данным соображениям. Выше было показано, что и в 1860-х гг. власти считали обеспечение рабочих качественной пищей одной из основных задач работодателя, а с 1886 г. (по ст. 141 Устава о промышленности) фабриканты формально были в законодательном порядке ответственными за качество продаваемых в лавках продуктов.

С этой точки зрения представляют интерес материалы одного судебного дела, возбужденного против Товарищества Коншина[82]. 17 сентября 1908 г. рабочий купил в лавке Товарищества тухлую селедку, возмутился и отнес ее прямо в полицейский участок. В деле особо отмечено, что «он не желает привлекать Тво Коншина к законной ответственности за продажу недоброкачественных продуктов, а заявил об этом, чтобы впредь не случилось подобного». Однако в полиции делу все равно дали ход, отправили селедку уездному врачу, который написал официальное заключение о негодности продукта в пищу, составили протокол, и еще через год заведующему харчевыми лавками Товарищества С. М. Серикову пришлось оправдываться в суде, где он апеллировал к тому, «1) что нет доказательств покупки именно у них, 2) что в заключении врача видно только, что селедка не пригодна в пищу, но неясно, в чем недоброкачественность». В этом деле представляются принципиально важными сразу несколько моментов. Во-первых, заслуживает внимания отношение к проблеме всех представителей власти — в первую очередь полиции. Даже несмотря на нежелание потерпевшего и безнадежность дела, оно дошло до суда. Во-вторых, если бы коншинская лавка систематически продавала негодную продукцию, то, навер-

ное, заведующему не удалось бы на суде сделать вид, что случай не относится к его лавке. В-третьих, в подробнейших материалах дела ничего не говорится о том, что рабочий неоднократно уличал лавку в подобном — скорее всего, этого и не было. Наконец, важно и то, что рабочий (кстати, неграмотный!) знал, что если он купил тухлую селедку хотя бы и за 5 копеек в лавке, где ежедневный оборот превышал тысячу рублей, то можно пойти и пожаловаться в полицию.

В качестве иллюстрации отношения советской историографии к проблеме качества продуктов в фабричных лавках показательно, что на одно это именно дело, состоящее только из разбора единственного инцидента, дана ссылка в обзоре фондов ЦИАМ с весьма широким комментарием: «Всевозможные злоупотребления допускались почти во всех фабричных лавках. Особенно это наблюдалось на мануфактуре Н. Н. Коншина»[83].

В жалобах рабочих почти совсем нет дел о некачественной продукции в лавках. В 1869 г. расследование показало, что продукты продаются хорошие. Е. М. Дементьев, осматривавший санитарное состояние фабрик в 1884 г., также и сам не обнаружил недоброкачественных припасов при личном осмотре лавок, и жалоб от рабочих не встретил[84]. В обоих случаях важно отметить, что речь идет о периоде до основания фабричной инспекции, когда еще никто официально не контролировал подобные вопросы.

Появившиеся в 1880-х гг. фабричные инспектора вместе с земскими санитарными врачами принялись активно вмешиваться в деятельность фабричных лавок и вскрыли многие злоупотребления. Не исключено, что в ряде случаев претензии по качеству товара в фабричных лавках были обоснованными даже и на крупных фабриках. Так, у нас нет оснований не верить следующему заявлению современника: «На одной из огромнейших фабрик — Ярцевской, где работает до 3 000 человек, в лето 1884 г. рабочие съели более 2 500 пудов попортившейся солонины, хотя из больницы и были делаемы заявления о негодности к употреблению этого мяса и образцы его для вящего доказательства были препровождены к хозяевам»[85]. Однако более правдоподобным нам кажется, что подобные нарушения происходили все же не потому, что фабриканты целенаправленно стремились как можно больше сэкономить на рабочих, а потому, что они могли в те годы невнимательно и безответственно относиться к делу снабжения рабочих продуктами. Впрочем, в архивных фондах изучаемых предприятий нам не удалось встретить подобных вопиющих случаев.

Разумеется, при недостаточном контроле случаи серьезных злоупотреблений служащих были возможны. Например, в 1902 г. был уволен без права вторичного поступления на службу заведующий харчевой конторой при коншинской лавке «за неправильное с корыстной целью ведение отчетности»[86]. Хотя в данном случае, скорее, речь шла о служащем, который воровал у фабрики, вполне вероятно, что пострадавшей стороной чаще могли быть рабочие.

Тем не менее под контролем властей разного уровня ситуация, безусловно, существенно изменилась к лучшему в течение 1880–1890-х гг. Современники писали в 1900-х гг. о многочисленных злоупотреблениях в фабричных лавках в основном в прошедшем времени или приводили в качестве доказательства примеры из 1880-х гг.

Эпизодические случаи, подтверждающие в целом приличное качество продуктов на изучаемых фабриках, можно найти и для 1900-х гг. Так, коншинские рабочие жаловались фабричному инспектору на плохое качество солонины после беспорядков в январе 1897 г., но по результатам обследования это «не подтвердилось, и если

действительно могло иметь место, то лишь как случайный недосмотр» (прил. 31)[87]. Старший фабричный инспектор Ярославской губернии, несколько раз посетивший ЯБМ в августе–сентябре 1910 г., отмечал высокое качество продуктов в фабричной харчевой лавке. Единственное его замечание относилось к черному хлебу — «он содержит много воды, слишком тискается под руками»[88].

Состояние дела в лавках к этому времени специально контролировалось администрацией. Так, в 1901 г. было принято Положение об амбарной части харчевых лавок Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. Здесь, в частности, говорилось: «Амбарный приказчик ответствует за надлежащее хранение продуктов и тары в амбарах и за порчу и пропажу их из этих помещений». Далее говорилось, что проверка состояния харчевых лавок должна производиться ежемесячно, возможны и внезапные проверки[89]. Через год после принятия этого Положения и, можно полагать, по результатам проведенных проверок появился циркуляр от заведующего всей административно-хозяйственной частью к заведующему лавками и старшим приказчикам. В нем говорилось: «Обращаю ваше внимание на недостаточно опрятное содержание помещений харчевых лавок. Старшие приказчики имеют все средства и возможность держать лавки в надлежащей чистоте, и то состояние, в котором эти помещения сейчас содержатся, служит доказательством отсутствия внимания к своим обязанностям старших агентов. Прошу заведующего харчевыми лавками иметь особое наблюдение за чистотой помещений лавок и внушить старшим приказчикам, что такое же постоянное и внимательное наблюдение с их стороны — одна из их главнейших обязанностей»[90].

Очевидно также, что только хорошее качество продуктов могло вызвать проблему покупок в коншинской лавке пришлыми, не имеющими отношения к фабрике людьми, поднятую в делопроизводственной переписке (прил. 26).

Немаловажным с точки зрения обеспечения качества продуктов представляется и то, что с 1890-х гг., даже с конца 1880-х гг., на крупных фабриках стали открываться лавки потребительских обществ.

Например, как отмечено выше, Потребительское товарищество при Трехгорной мануфактуре было организовано по инициативе Правления в 1887/88 г. Как свидетельствует П. Н. Терентьев (директор училища при Товариществе «Прохоровская Трехгорная мануфактура»), в него могли входить только рабочие и мастеровые этой фабрики, а в 1890 г. оно было преобразовано в Общество потребителей, в состав которого смогли входить также служащие. Пай для вступления в Общество был оценен в 5 руб., и полноправным членом Общества в открывшейся лавке предоставлялся высокий кредит (в размере 60 % заработка). В первый год своего существования лавка Общества потребителей при Трехгорной мануфактуре показала оборот в 271 409 руб., через десять лет ее обороты удвоились, а в 1915 г. поднялись до 700 тыс. руб.[91]

Примерно так же развивалось дело на ситценабивной фабрике Коншина. Общество потребителей при этой фабрике было основано уже в 1890 г., а в следующем году открылась лавка с правом продажи продуктов рабочим в кредит. Для того чтобы она имела право взимать с рабочих долги путем вычета из их заработка, она по статусу была переведена в фабричную лавку под контролем (за качеством и ценами) правления и директора фабрики, хотя по-прежнему ее прибыли и убытки не имели отношения к счетам фабрики, так же как и снабженческая, и торговая деятельность велась в основном отдельно от фабричного хозяйства[92].

Как и любую фабричную лавку, ее контролировал фабричный инспектор; он так же утверждал расценки на продукты и следил за качеством продуктов, а в 1905 г.

даже написал неофициальное письмо директору правления, в котором указывал, что цены в потребительской лавке при ситценабивной фабрике существенно превосходят цены в фабричной лавке при прядильно-ткацкой фабрике, и просил принять меры по урегулированию ситуации. Из последующей переписки видно, что вопросы снабжения в этой лавке находились под реальным наблюдением и инспектора, и правления (от правления такими вопросами занимался заведующий административно-хозяйственной частью), и директора (прил. 33).

Пай в Обществе потребителей при ситценабивной фабрике был положен в 10 рублей, а обороты составляли, например, в 1909 г. — 204 199 руб. Представляет интерес не только общая сумма, но и распределение суммы продаж лавки Общества потребителей: в 1909 г. из всей общей суммы пайщикам Общества было продано товара в кредит на общую сумму 64 591 руб. (32 %), прочим рабочим фабрик Коншина — на 116 014 руб. (57 %), «разным лицам» — на 8 891 руб. (4 %) и за наличные — на 14 703 руб. (7 %)[93]. Значительную часть последней суммы, скорее всего, составили продажи таких товаров, которые запрещено было продавать в кредит в фабричных лавках (вроде посуды или будильников).

При прядильно-ткацкой фабрике долгое время не было потребительского общества, а была только большая фабричная лавка. Однако требование об открытии здесь лавки потребителей возникло и здесь по крайней мере в 1905 г. (прил. 9). Поскольку здесь, в отличие от ситценабивной фабрики, и без того существовала вполне приличная лавка, правление не было очень заинтересовано в организации Потребительского общества, поэтому это Общество, под названием «Экономический союз потребителей при фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове», было организовано только в 1910 г. (лавка открылась не раньше 1911 г.), притом его пайщиками могли быть не только служащие и рабочие фабрик, но и любые жители Серпухова или двух прилегающих волостей, внесшие пай, также равный 10 руб.[94]

Идея создания потребительского общества циркулировала и на ЯБМ. 18 ноября 1905 г. рабочие предприятия обратились в правление с просьбой передать им харчевую лавку, на что получили следующий ответ: «Товарищество уведомляет, что оно не только не препятствует рабочим учредить собственную харчевую лавку на началах потребительного общества, но и отнесется к этому начинанию вполне сочувственно»[95]. Вместе с тем каких-либо действий для реализации этой идеи предпринято не было. В мае 1909 г. рабочие вернулись к этому вопросу, передав представителям фабричной администрации просьбы предоставить помещение для устройства потребительского общества и выдать ссуды в размере месячного заработка каждому пожелавшему вступить в это общество. Обе просьбы правление признало «удовлетворению не подлежащими», а в вопросе о помещении для потребительского общества выдвинуло встречное предложение: «Товарищество, желая оказать вам в деле устройства задуманного вами потребительского общества возможную помощь, предлагает вам подыскать у кого-либо из местных домовладельцев подходящее для устройства лавки потребительского общества помещение и снять его в аренду, причем уплату арендной платы за это помещение, в размере от 1 500 до 2000 рублей в год, Товарищество примет на себя»[96]. Тем не менее нам не удалось обнаружить свидетельств существования такого общества на ЯБМ. Скорее всего, фабричная харчевая лавка была единственным средством обеспечения рабочих товарами первой необходимости в рамках предприятия. Хотя столь длительные задержки с организацией потребительских лавок как при Ярославской мануфактуре, так и при прядильно-ткацкой фабрике Коншина, прежде всего, ве-

роятно, были связаны с проблемами в деле сбора стартового капитала, это одновременно свидетельствует в пользу того, что порядок работы лавки в целом устраивал рабочих.

Историография традиционно давала низкую оценку потребительским обществам в той же степени, что и лавкам, принадлежащим предпринимателям: «Под новой вывеской скрывалась старая харчевая лавка; приказчики так же обвешивали покупателей, так же продавали им недоброкачественные продукты»[97]. Но у современников было иное отношение. Как отмечал хорошо знакомый с практикой реализации фабричного законодательства В. П. Литвинов-Фалинский, закон 1886 г. не случайно потребовал, чтобы организация фабричной лавки (независимо от принадлежности лавки фабриканту) была поставлена в зависимость от разрешения фабричного инспектора, а устройство лавки общества потребителей было свободным от этого — «ибо общества эти учреждаются на началах взаимопомощи и не преследуют коммерческих целей»[98]. Потребительские общества весьма хвалил в докладе на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 г. главный фабричный инспектор Я. Т. Михайловский. Даже с учетом явно излишней радужности доклада его свидетельство остается ценным: «Из складов и магазинов таких товариществ рабочие не только получают по рыночной цене отличные продукты, но еще пользуются известным дивидендом на каждый забранный в магазине товарищества рубль. К сожалению, таких в высшей степени благодетельных учреждений в России существует относительно еще немного...»[99]. Даже В. И. Ленин, завершая статью об итогах Первой русской революции, писал, в частности, что в целом рабочим еще «придется бороться за замену фабричных лавок свободными рабочими потребительными обществами»[100]. О лавках потребительских обществ весьма благожелательно отзывался и известный экономист И. Х. Озеров: «Вот это-то желание получать все необходимое по более дешевой цене и притом хорошего качества и побуждало служащих и рабочих основывать общества потребителей. Нередко и сами владельцы завода или фабрики приходили к рабочим на помощь в этом добром деле, давая молодому обществу взаймы... или даже сами непосредственно принимали участие в основании обществ. В особенности когда наша фабричная инспекция раскрыла злоупотребления фабричных лавок, и последние были в достаточной степени обесславлены, то лучшие фабриканты под давлением общественного мнения стали закрывать фабричные лавки, а некоторые из них на место этих лавок даже сами начали учреждать потребительские товарищества». Автор привел и некоторые оценки — что в России в 1909 г. действовало примерно 2 тысячи потребительских обществ с суммарным оборотом в 100 млн рублей[101].

В сборнике воспоминаний рабочих 1925 г. потребительская лавка при ситценабивной фабрике Коншина, конечно, подверглась критике: «В то время на Старом Дворе вместо фабричной продовольственной лавки существовал организованный служащими кооператив. Пай был в 10 руб. — сумма слишком высокая для рабочих. Но рабочим была предоставлена милость — брать из лавки нужные товары в кредит. Благодаря этому служащие получали большие прибыли»[102].

О том, что из-за слишком высокого размера пая большинству рабочих было невозможно участвовать в распределении прибыли, писал и фабричный инспектор (прил. 33). Более того, мы уже видели, что в вопросах снабжения и установления низких цен потребительская лавка даже могла проигрывать фабричной лавке. Однако с точки зрения контроля за качеством товара, как представляется, наличие подобной лавки было очередным шагом к снабжению рабочих хорошими продуктами. Можно еще подозревать правление Общества потребителей в том, что оно в

погоне за прибылями пыталось устанавливать в лавке Общества более высокие цены, чем цены фабричной лавки, но уж предполагать сознательную торговлю некачественной продукцией в условиях, когда треть оборота лавки приходилась на покупки самих пайщиков, явно не приходится.

Скорее всего, выборные от рабочих регулярно контролировали деятельность правления Общества потребителей, в том числе и качество продуктов. Вполне вероятно, что приведенный в прил. 34 образец билетов на инспекцию лавок при прядильно-ткацкой фабрике выборными из рабочих (от февраля 1907 г.) отражает желание рабочих участвовать в контроле за качеством продуктов. В 1907 г., когда еще не закончились окончательно потрясения Первой русской революции, правление, наверное, было вынуждено допустить рабочих депутатов к инспекции лавок, как это практиковалось в деятельности потребительской лавки при ситценабивной фабрике. Однако подобная мера рабочего контроля недолго задержалась на фабрике: в декабре 1909 г. ходатайство рабочих прядильно-ткацкой фабрики разрешить через выборных осматривать харчевые лавки было рассмотрено на заседании правления и решительно отклонено на том основании, что «такие осмотры являются вмешательством в деятельность управления предприятия» и не установлены никаким законом[103].

* * *

Как видим, формы организации снабжения рабочих крупных фабрик товарами первой необходимости на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. прошли существенную эволюцию; изменения к лучшему происходили и в связи с вмешательством в этот вопрос государственных органов, и по инициативе предпринимателей, и под давлением требований рабочих. Мы далеки от мысли утверждать, что организуя лавки, фабриканты рассматривали их непосредственно как элемент трудовой мотивации. Документы говорят о том, что первоначально эти учреждения приносили прибыль за счет установления цен на уровне городских или даже более высоких. Со временем ситуация менялась, и вопреки укрепившемуся в советской историографии мнению, уже к 1890-м гг. лавки представляли собой важную составляющую — с точки зрения и рабочих, и хозяев — инфраструктуры крупных фабрик. К началу XX в. деятельность харчевых лавок при фабриках Товарищества Н. Н. Коншина и ЯБМ определенно заслуживает положительных оценок, и несомненно, в их развитие и соответствующее обеспечение хороших условий рабочим со стороны администрации этих предприятий вкладывалось достаточно много усилий. Наличие фабричной лавки с относительно недорогими, качественными товарами, притом дающей возможность получения наиболее необходимых продуктов в кредит, постепенно становилось одним из факторов, побуждавших рабочих искать работу сначала именно на этой фабрике. Более того, в начале XX в. администрации предприятий смогли использовать работу лавки как рычаг воздействия (давления) на рабочих. В периоды забастовок закрытие лабаза было тем обстоятельством, которое заставляло рабочих, особенно семейных, выходить на работу. В то же время постепенно изменилась сама ценовая политика: вместо того чтобы получать прибыль, наживаясь на трудностях своих рабочих, хозяева предприятий перешли к продуманному комплексу мер, направленных на то, чтобы облегчить рабочим проблему снабжения, хотя чем более развитым был этот комплекс мер, тем бóльшие убытки приносило содержание харчевой лавки. Зато такая ценовая политика способствовала сохранению спокойной обстановки

на фабрике, особенно в кризисные, в том числе и военные годы. Поскольку данный подход практиковался на протяжении целого ряда лет не на одном крупном предприятии, мы можем заключить, что эти убытки, с точки зрения хозяев, себя оправдывали.

[1] «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих». ПСЗ-II. Т. XXXVI. Отд. I. № 36793. §§ 53–57.

[2] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 252.

[3] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 93.

[4] *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893. С. 2.

[5] См.: *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих... С. 160.

[6] Труды Высочайше утвержденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. СПб., 1905: Общий обзор современного положения вольнонаемных рабочих и служащих военного министерства и сравнение их положения с таковым же рабочих казенных заводов других министерств, с. 40–41 и Журнал № 23 «Трудов...», с. 2. См. также: *Лисовский Н. М.* Рабочие в военном ведомстве. По поводу трудов Высочайше утвержденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. СПб., 1906. С. 138.

[7] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 81.

[8] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 172.

[9] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3336. Л. 215.

[10] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 94–101.

[11] Там же. С. 95.

[12] *Вихляев П. А.* Предисловие для книги: *Козьминых-Ланин И. М.* Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1915. С. 5.

[13] *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период... С. 41, 48, 59.

[14] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 252.

[15] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 9.

[16] Там же. Л. 4 об.

[17] См., например.: *Паялин Н. П.* Волжские ткачи... Т. 1. С. 111.

[18] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 130–131.

[19] *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 17, 64.

[20] *Аристов С.* Город Серпухов. С. 49.

[21] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи... Т. 1. С. 178.

[22] Сейчас мы оставляем в стороне непростой вопрос о том, чем было вызвано вмешательство властей в отношения рабочих и фабрикантов — опасениями возможных беспорядков со стороны рабочих или ответственным стремлением властей поддерживать хотя бы минимальный уровень социальной справедливости.

[23] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 144.

[24] См., например: Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII — начало XX в.). Обзор документов / Под ред. *В. А. Кондратьева* и *В. И. Невзорова*. ЦГАМ. М., 1968. С. 124–125.

[25] Хотелось бы отметить, что цитата про эти «сильно протухлые» куски солонины неоднократно появлялась в существующей литературе как документальное свидетельство плохого качества товара в фабричной лавке, о результатах же проведенного дознания при этом никогда не говорилось. См.: Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии... С. 124–125; *Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 99.

[26] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 48.
[27] Там же.
[28] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 264.
[29] *Песков П. А.* Владимирский фабричный округ... Приложения, табл. V.
[30] *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие рабочих... С. 8.
[31] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–34. Из этой суммы 6239,87 руб. (93 %) пришлось на фабричную лавку, а 468,87 руб. — на лавки двух местных торговцев.
[32] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 42.
[33] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 91–92.
[34] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 42 об.
[35] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 129.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 39.
[39] Там же. Л. 7.
[40] Там же. Л. 59.
[41] Там же. Л. 62.
[42] 1905-й год в Серпухове... С. 35, 47, 104–105.
[43] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 60. Л. 44.
[44] Там же. Д. 56. Л. 226 об.
[45] Там же. Л. 226.
[46] При составлении таблицы использованы данные о ценах, собранные в 1880 г. в Серпухове в связи с забастовкой ткачей фабрики И. Н. Коншина; под пунктом «фабричные лавки» были объединены цены лавок при двух предприятиях, при которых они вообще тогда существовали — при прядильно-ткацкой фабрике Н. Н. Коншина и ситценабивной и ткацкой фабрике Третьяковых.
[47] Рекомендуемые расценки от фабричного инспектора и исправления расценочных табелей есть, например, в деле: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12.
[48] Например: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–24.
[49] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 149.
[50] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 69. Л. 12.
[51] Там же. Д. 520. Л. 79.
[52] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 83.
[53] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2357. Л. 2.
[54] Там же. Оп. 3. Д. 254. Л. 76.
[55] *Эрисман Ф. Ф.* Пища рабочих на фабриках Московского уезда // Труды VI губернского съезда врачей Московского земства. М., 1882. С. 177; *Он же*. Пищевое довольствие рабочих... С. 10.
[56] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 65. Л. 112.
[57] Там же. Оп. 8. Д. 18. Л. 1 об.
[58] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 264. Л. 13.
[59] Там же. Оп. 1. Д. 773, 779, 780, 781.
[60] Там же. Д. 2221. Л. 50.
[61] Там же. Д. 2744. Л. 72.
[62] Там же. Д. 3336. Л. 82.
[63] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 153.
[64] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 30. Ближайшие к 1883 г. неурожайные годы — это 1879–1880 гг. См.: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России... С. 108.

[65] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 80.
[66] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 37.
[67] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 60. Л. 47, 68.
[68] За 100 % в этом подсчете принимались значения индекса Кохна в Москве и С.-Петербурге за 1907 г.
[69] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1113. Л. 8.
[70] Там же. Оп. 8. Д. 283. Л. 4.
[71] Там же. Оп. 1. Д. 1041. Л. 20.
[72] Там же. Л. 3.
[73] Там же. Л. 24.
[74] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1113. Л. 88.
[75] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 196.
[76] Там же. Д. 63. Л. 160.
[77] Там же. Д. 62. Л. 168–171.
[78] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1113. Л. 30.
[79] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 160.
[80] Там же. Л. 130.
[81] ГА ЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1057. Л. 205.
[82] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 539.
[83] Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии... С. 151.
[84] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 149.
[85] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 58.
[86] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 25. Л. 68.
[87] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. IV. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. М., 1961. С. 627, 631.
[88] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 3–4.
[89] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 25. Л. 34–34 об.
[90] Там же. Л. 71.
[91] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 252.
[92] См.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 18; Оп. 1. Д. 72.
[93] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 621. Л. 33.
[94] Там же. Л. 16–20.
[95] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 37.
[96] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 60. Л. 46.
[97] *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 65.
[98] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 140–141.
[99] *Михайловский Я. Т.* Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 277.
[100] *Ленин В. И.* Язык цифр. С. 432.
[101] *Озеров И. Х.* Что такое общество потребителей, как его основать и вести. 3-е. изд. М., 1909. С. 41, 45.
[102] 1905-й год в Серпухове... С. 47.
[103] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 36. Л. 41.

ГЛАВА VII
МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Обеспечение промышленных рабочих врачебной помощью в дореволюционной России было законодательно возложено на предпринимателей в 1866 г., когда еще не обсуждались и идеи о трудовом законодательстве. Высочайшее повеление от 26 августа этого года о том, что на фабриках должны быть построены больницы из расчета одной кровати на сто человек рабочих[1], было вызвано, как выразился современник, «совершенно случайным обстоятельством»[2] — эпидемией холеры, и хотя оно было предписано в виде временной меры, на большей части Российской империи оно в принципе так и осталось действующим вплоть до 1917 г.

Закон, однако, был во многом несовершенен. Во-первых, в нем ничего не говорилось ни об амбулаториях, ни об аптеках, ни о приемных покоях для оказания первой медицинской помощи. Во-вторых, позднее этот закон даже вступил в противоречие с постановлениями властей ряда городов, в которых вводился обязательный «больничный сбор» со всех наемных работников, предоставлявший им право бесплатного лечения в городских больницах. Этот своеобразный налог, переносящий расходы на лечение рабочих с фабрикантов на самих рабочих, взимался, в частности, в Петербурге (с 1889 г.), Москве (1890), Варшаве (1894), Иваново-Вознесенске (1860), Харькове (1869): от 50 коп. до 1 руб. 25 коп.[3] Подобная двойственность вызывала недоразумения, и рабочие, фактически имея право на получение медицинской помощи и на фабрике, и в городских больницах, иногда не могли получить ее нигде, так как фабриканты и городские больницы указывали друг на друга[4]. Наконец, эта двойственность была устранена циркуляром министра финансов по соглашению с министром внутренних дел от 24 июля 1895 г., в котором говорилось, что в черте соответствующих городов фабриканты не обязаны строить больницы, а обязаны только предоставлять первую помощь и амбулаторное лечение[5]. В-третьих, в 1886 г. закон предоставил фабричным управлениям право расторгать контракт при условии болезни рабочего, длящейся более двух недель. Таким образом, по истечении этого срока заболевший рабочий мог быть уволен, после чего сразу же лишался права на больничную помощь[6]. И, наконец, повелением 1866 г. не устанавливалось никакой формы контроля за соблюдением предписанных мер, в силу чего практика, особенно в первые два десятилетия, до организации фабричной инспекции, нередко расходилась с требованиями. К примеру, закон обязывал фабрикантов предоставлять медицинскую помощь бесплатно, но на ряде фабрик, по крайней мере до принятия вновь подтверждающих это «Правил» 1886 г., были установлены разного рода вычеты за оказание врачебной помощи, иногда даже превышавшие действительную стоимость лечения, а на ряде других фабрик устанавливался обязательный сбор с заработка всех рабочих, который вроде бы должен был покрывать затраты фабрикантов на лечение рабочих, но никакого контроля за действительным расходованием этих средств не было[7].

Несомненно, организация врачебной помощи при фабриках и заводах прошла определенную эволюцию с 1880-х до 1910-х гг. И дело было не только в создании

фабричной инспекции, которая начала следить за выполнением закона 1866 г. и постановлений местных властей относительно постановки медицинской помощи при промышленных предприятиях. Значительную роль здесь также играли земские врачи.

Так, в первой половине 1880-х гг. по инициативе московского губернского Земства проводилось широкое санитарное обследование фабрик и заводов губернии (которым в Серпуховском уезде занимался Е. М. Дементьев), многие результаты его были опубликованы. Вскрылась крайняя неудовлетворительность общего состояния дела, и администрации разного уровня, озабоченные проблемами профилактики эпидемических заболеваний, начали принимать меры к исправлению ситуации. На Первом съезде фабричных врачей, прошедшем в 1909 г., санитарное обследование Московской губернии 1884 г. было охарактеризовано как «поворотный пункт» для фабричной медицины в губернии: «Вместо фельдшерской медицины под прикрытием уездных врачей стали возникать правильно организованные фабричные лечебницы с постоянно живущим при них врачом. Многие фабриканты стали устанавливать отношения с земством по устройству врачебной помощи для своих рабочих, чему содействовали также земские обязательные постановления, за соблюдением которых неуклонно следил земский санитарный надзор в лице земских санитарных врачей, поддерживаемый администрацией ввиду появившейся в 1892–1893 гг. холерной эпидемии в Московской губернии». В то же время докладчик отмечал сохранявшиеся проблемы, нерегулярность и общую неудовлетворительность постановки дела: «Однако вскоре фабричная медицина снова замерла, благодаря изъятию из земства права издания обязательных постановлений для фабрик и заводов, равно как и земского санитарного надзора за ними... Еще хуже обстояло дело во всей России благодаря тому, что и земства, и фабричные присутствия не уделяли должного внимания постановке врачебного дела на фабриках и заводах»[8]. Врачи, стремившиеся поднять уровень организации медицинской помощи, в целом невысоко оценивали качество фабричной медицины даже в начале 1910-х гг., хотя совершенно очевидно, что к этому времени в данной сфере был сделан огромный шаг вперед по сравнению с началом 1880-х гг., когда даже соблюдение закона практически не контролировалось, а фабричный инспектор сталкивался с ситуациями, когда «обязанности фельдшеров исправляли фабричные лавочники, которых и нужно было вызвать из лавки для того, чтобы показать приемный покой»[9].

С начала 1880-х гг. наблюдалось не только усиление надзора за выполнением закона, но и пополнение корпуса обязательных постановлений, причем это относится не только к Московской губернии, о которой было сказано выше. Именно потому, что старый закон 1866 г. подкреплялся обязательными местными постановлениями, он становился вполне актуальным, а его предписания поддавались контролю. В упоминавшемся выше докладе на Первом съезде фабричных врачей (1909 г.) было, кстати, отмечено постановление Сената по ходатайству одной фабрики Тверской губернии насчет отмены требования о содержании больницы. Сенат отметил, что положение 1866 г. как временное, притом принятое уже очень давно, «утратило силу», но что, тем не менее, «постановления Тверского земства, по содержанию с этим Положением тождественные, для фабрик обязательны». Выражая некоторое беспокойство тем, что подобным решением закон 1866 г. фактически отменялся, докладчик все же не расценивал это событие как значительное, подчеркивая, что это решение идет вразрез с практикой и едва ли будет иметь серьезные последствия[10]. Спокойное отношение докладчика к отмене Положения

1866 г. показывает, что положение фабричной медицины в этот период уже было довольно прочным: в 1870–1880-х гг. все обязанности фабрикантов ограничивались лишь этим Положением, и его отмена, если бы она состоялась тогда, имела бы весьма серьезные негативные последствия.

Ситуация с медицинской помощью рабочим до 1890-х гг. оставляла желать много лучшего. Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков писал, что из 71 осмотренного им в 1883 г. промышленного предприятия «только на шести фабриках дело это [терапевтическая помощь заболевающим рабочим] стоит более или менее удовлетворительно; на всех же остальных оно или оставляет очень многого еще желать, или ниже всякой критики»[11]. Примерно то же констатировал И. И. Янжул, осмотревший тогда же 174 предприятия в Московской губернии: «Больницы имеются лишь на 36, хотя и тут лишь с большими натяжками многие из них нужно назвать больницами»[12].

Как отмечал в подробном описании Е. М. Дементьев, в Серпуховском уезде в 1884 г. при 22 фабриках должны были существовать больницы, а на самом деле их было 14 при 16 фабриках, «причем половина из них только pro forma, и в некоторых не было никогда больных»[13]. О непригодности многих больниц, если говорить обо всей промышленности Российской империи, свидетельствовали даже данные 1899 г.: «В общем выводе треть всех фабричных больниц заслуживает это название лишь формально, совершенно не соответствуя тому, чем должна быть больница»[14].

Однако важно, что в отношении врачебной помощи существовало большое различие между крупными и средними или тем более мелкими фабриками. Средние, с числом рабочих в несколько сотен, не имели таких оборотов, на которые они были бы готовы строить больницы, и их больничные покои заводились часто исключительно для отчетности, а потому в неприспособленных помещениях, иногда имеющих другое главное назначение. Мелкие фабрики, имевшие меньшее число рабочих, еще реже заботились о врачебном обеспечении своих работников. На этот счет имеются качественные данные целого ряда санитарных обследований. Так, на подотчетных фабричной инспекции предприятиях по всей Российской империи процентное распределение различных форм предоставления медицинской помощи рабочим было следующим (табл. 58):

Таблица 58

Статистика предоставления медицинской помощи на предприятиях Российской империи, подотчетных фабричной инспекции. 1897 и 1907 гг.

Оказывают помощь	Фабрик (в процентах к общему количеству)			Рабочих (в процентах к общему количеству)		
	до 50 рабочих	501–1 000	свыше 1 000 рабочих	до 50 рабочих	501–1 000	свыше 1 000 рабочих
1	2	3	4	5	6	7
1897 год						
В отдельных или совместных больницах	0,8	47,2	65,5	1,3	47,4	74,1
В отдельных или совместных приемных покоях или амбулаториях	3,1	34,9	24,2	6,3	34,5	18,2

Окончание табл. 58

1	2	3	4	5	6	7
По соглашению через земства, гор. думы или другие учреждения	0,7	4,8	5,2	1,2	4,7	4,1
Своей безусловно неудовлетворит. организацией	2,1	0,9	0,5	3,6	1,0	0,4
Никак	93,4	12,2	4,6	87,6	12,5	3,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего в абс. числах	14 973	352	194	240 465	242 185	414 172
1907 год						
В отдельных или совместных больницах	1,6	49,9	69,2	2,3	50,0	78,0
В отдельных или совместных приемных покоях или амбулаториях	11,6	40,1	20,4	16,0	40,2	15,5
По соглашению через земства, гор. думы или другие учреждения	2,0	6,8	4,7	2,6	6,5	3,2
Своей безусловно неудовлетворит. организацией	4,0	0,0	0,3	5,3	0,0	0,2
Никак	80,7	3,3	5,4	73,9	3,3	3,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего в абс. числах	9 497	429	299	204 017	306 039	691 180

Примечание: в таблицу включены только мелкие и крупные фабрики, не включены представленные в источнике категории средних фабрик «51–100 человек» и «101–500 человек».

Источник данных для вычислений: *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. СПб., 1909. С. 8–9, 20–21.

Эта статистика наглядно показывает, как сильно отличались мелкие и крупные предприятия в порядке обеспечения медицинского обслуживания: 85–95 % мелких предприятий и 80–90 % рабочих на них не получали его вовсе, в то время как среди крупнейших предприятий, с числом рабочих более тысячи, таких было не более 6 %. Крупные же фабрики иногда тратили довольно большие средства на медицину для рабочих, значительно перекрывая официальные на этот счет требования: «На некоторых крупных фабриках постройка всех больничных отделений стоила сотни тысяч, фабрика Саввы Морозова в Орехове-Зуеве затратила на больницу около миллиона»[15].

Достаточно сильны были и региональные различия, и наилучшим образом дело было поставлено на фабриках Центрального промышленного района. Так, в 1907 г. медицинскую помощь на фабриках и заводах в том или ином виде получали во Владимирской губернии 98,2 % рабочих, в Московской — 97,1, в Ярославской — 90,6 %. В столичных городах, определенно в связи с существованием больничного сбора, этот процент был существенно меньшим: в Петербурге 79,8 %, а в Москве — 82,3 %[16]. Если подробно рассмотреть медицинское дело на фабриках и заводах только Московской губернии и непосредственно города Серпухова (прил. 39), то мы увидим, что во всей Московской губернии на крупных и крупнейших фабриках, а в городе Серпухове вообще на всех фабриках медицинская помощь в той или иной

степени предоставлялась рабочим, хотя достаточно велик процент предприятий, которые перекладывали врачебную помощь своим рабочим на земские, городские или даже частные больницы.

В советской историографии сложилась традиция почти исключительно негативной оценки деятельности фабричных лечебных учреждений и практики оказания медицинской помощи рабочим. Обвинения в адрес владельцев предприятий, связанные с теснотой, крайне плохим санитарно-гигиеническим состоянием фабричных больниц, а также с нехваткой и непрофессионализмом медперсонала, встречаются как в обобщающих работах, посвященных положению рабочих в дореволюционной России, так и в изданиях (или разделах изданий) по истории конкретных фабрик и заводов. Причем в ряде случаев попадается не только часто встречающееся автоматическое «перенесение» ситуации 1870–1880-х гг. на период начала XX в. (вплоть до кануна Первой мировой войны), но и прямое искажение информации источников.

Так, в 1940-х гг. С. И. Аристов, ссылаясь на обследование Е. М. Дементьева, в весьма нелицеприятных выражениях описывал больницы на фабриках Н. Н. Коншина: «...Аптека с крайне скудным запасом медикаментов содержится грязно, а перевязочные материалы — грязное тряпье и затхлая корпия — никуда не годные. Всем делом заправляет фельдшер из военных с очень смутными познаниями. Сторож больницы помещается на одной из коек маленькой палаты, здесь же делаются перевязки приходящим больным. Определение болезни делается фельдшером и представляет чепуху из медицинских названий»[17]. Стремление старого серпуховского большевика максимально очернить крупнейшего фабриканта своего уезда понятно. Между тем в этой легко проверяемой цитате смешаны сообщения Дементьева сразу о двух предприятиях — о Товариществе Николая Николаевича Коншина и о прядильной фабрике его брата Ивана Николаевича Коншина. Последняя была не очень крупным и довольно небрежно ведущимся делом (тот же Дементьев указывал, что в 1871 г. здесь работали 1 950 человек, а в 1884 г. — только 525), и после раздела наследства Николая Максимовича Коншина в 1859 г. эти предприятия уже фактически не имели деловых связей. Сведения, приведенные Аристовым, в основном относились именно к фабрике И. Н. Коншина[18]. О больнице же Товарищества Н. Н. Коншина Дементьев, напротив, писал: «Больница на 51 кровать занимает прекрасное здание, выстроенное в 1877 г.[19]... Достаточный запас белья, перевязочных средств, медикаментов, хирургических инструментов и пр. свидетельствует, что администрация фабрики не скупится на это дело». Но далее: «Не достает только одного — надлежащего мед. персонала. Вольнопрактикующий врач С. посещает больницу только 2 раза в неделю, и отсутствие врача проявляется во всем. Врач наезжает когда придется в неопределенные дни и часы и больных сам никогда не принимает». Поэтому дело велось во многом фельдшером, и вот он ставил диагноз, — не больничным пациентам, а при амбулаторных посещениях, так что даже здесь Аристову пришлось исказить цитату! — используя «чепуху из медицинских терминов»[20]. Никаких других сведений о коншинской больнице Аристов не приводит, распространяя, таким образом, все негативные характеристики и на более поздний период. Надо сказать, что Дементьев в 1884 г. отмечал существовавшее недоверие коншинских рабочих к фабричной больнице[21], однако к началу XX в. источники показывают ее значительное расширение и повышение уровня медицинского обслуживания, в частности, к середине 1890-х гг. была решена проблема нехватки медперсонала.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в отношении ЯБМ. В книге Н. П. Паялина, вышедшей в 1936 г., в контексте событий 1870-х гг. читаем: «Больница, например, была настолько тесна, что больные должны были ожидать очереди на улице, их клали в коридорах прямо на пол, так как не хватало кроватей»[22]. Другой комментарий, относящийся к началу 1890-х гг., касается холерной эпидемии, которая уносила жизни рабочих Мануфактуры на протяжении трех лет, и неспособности фабричных врачей остановить болезнь, прежде всего, в силу плохих условий проживания рабочих в казармах[23]. В коллективном труде по истории комбината «Красный Перекоп», появившемся спустя почти четыре десятилетия после книги Н. П. Паялина, в 1972 г., авторы также подчеркнули неспособность построенной для рабочих больницы ЯБМ «обслужить всех больных. Не хватало врачей и другого медперсонала, недостаточно было больничных коек»[24]. Причем в данном случае вообще отсутствует какая-либо временна́я привязка, т. е. все сказанное распространяется на период 1870–1910-х гг. Это выглядит тем более сомнительным, что за 11 лет до выхода в свет упомянутого коллективного труда, в 1961 г., была издана книга В. И. Беляева по истории здравоохранения Ярославля, в которой в разделе «Фабрично-заводские лечебные заведения» была показана сравнительно хорошая организация медицинского обслуживания на ЯБМ, имевшая свои, притом существенные положительные особенности[25].

Перейдем теперь к изучению действительного состояния медицинского обеспечения на примере конкретных предприятий. Здесь, как и в других случаях, проведение микроанализа позволяет существенно дополнить сухие данные статистики и оценить степень обоснованности соответствующих оценок советской историографии, потому что такой анализ показывает, что стояло в действительности за лаконичными упоминаниями вроде «имеется больница при фабрике».

ЗДАНИЯ И ОСНАЩЕНИЕ БОЛЬНИЦ

В начале XIX в. на некоторых предприятиях уже существовала практика приглашения лекаря для заболевших. В 1802 г. на ЯБМ (принадлежавшей в это время Яковлевым) 550 руб. было уплачено «вольнонаемному лекарю», который «пользовал мануфактурных служителей». В том же году на оплату ученикам лекаря и служителям при лазарете выплатили 235 руб.[26] Возможно, речь шла о медицинской помощи не всем рабочим предприятия, а только наиболее квалифицированным мастеровым. Тем не менее владельцы оплачивали из своего кармана наемного медика и содержание лазарета (под которым, скорее всего, имелось в виду помещение для приема больных — вряд ли стационарные койки имелись при фабрике уже тогда).

В первой половине XIX столетия начали возникать и стационары при уже действовавших фабриках. В 1830-х гг. на фабрике Прохоровых появилась больница на четыре кровати, при которой работал постоянный фельдшер. Врач вел амбулаторный прием больных 2–3 раза в неделю. Такая ситуация сохранялась до 1880-х гг., когда в одном из жилых домов была устроена больница на 12 кроватей «с достаточным медицинским персоналом»[27]. На рубеже 1850–1860-х гг. первая деревянная больница была построена Т. С. Морозовым в Никольском. В 1870-е гг. она уже состояла из трех отделений на 100 коек[28].

В 1861 г. больница для мастеровых и рабочих была организована вскладчину несколькими фабрикантами в «русском Манчестере» — крупном текстильном центре городе Иваново-Вознесенске. По уставу этой больницы рабочие были обя-

заны платить больничный сбор (по 70 копеек в год); больничный сбор вычитался у них из заработка, и на эти деньги существовала больница. Такой порядок оплаты врачебных услуг, кстати, был характерен для стран Западной Европы, но в общем русле закона 1866 г. в России постепенно установилась другая схема, при которой предприниматель должен был целиком сам финансировать больничное дело. Поэтому со временем медицинское обеспечение рабочих в Иваново-Вознесенске, вполне прогрессивное в 1860-х гг., отстало от общероссийской практики, и только после революции 1905 г. иваново-вознесенским рабочим удалось отспорить свое законное право не платить больничный сбор[29].

Хотя мы не поднимаем здесь вопрос о казенной промышленности, нужно отметить, что на казенных заводах медицинскому обеспечению и в дореформенное время уделялось определенное внимание; на этот счет издавались специальные постановления, и всегда были чиновники, которым поручалось следить за их надлежащим исполнением. В частности, в Правилах о найме рабочих на казенные работы 1861 г. говорилось, что если на работы собрано менее тысячи человек, то подрядчик должен за свой счет обеспечить лечение заболевших в ближайших больницах; если же «работы производятся в местах отдаленных от больниц, или число собранных на работы людей превышает 1 000, то подрядчик устроивает на свой счет на работах теплые лазареты, снабжает оные необходимыми медикаментами и хозяйственными принадлежностями, а также бельем и содержит при лазаретах опытного врача, с достаточным числом фельдшеров»[30].

Владельцы предприятий, возникавших во второй половине XIX в., по завершении строительства производственных корпусов нередко сразу же выделяли средства на строительство медицинских учреждений, как правило, небольших. Так, при Норской мануфактуре, действовавшей с 1860 г., в этом же году открылась больница, рассчитанная на 15 кроватей[31]. Пусть немного, но и это было неплохо, учитывая сравнительно небольшое количество рабочих и состояние медицинского обслуживания в губернии в целом. В 1870-х гг., когда были пущены в ход Старая и Средняя фабрики, появилась больница при ЯБМ. После ее осмотра в 1883 г. фабричный инспектор П. А. Песков хотя и не отнес ее к числу нескольких «вполне благоустроенных», писал о ней так: «Больница на Большой Ярославской мануфактуре находится в отдельном здании; снабжена всеми необходимыми принадлежностями для первой медицинской помощи. При ней находятся постоянно два фельдшера и три раза в неделю посещает вольнопрактикующий врач Виртау. Больница устроена на 40 коек, на которых в прошлом 1884 г. лечилось 716 человек и оказана помощь 3 534 приходящим больным»[32]. В 1885 г. в ней постоянно работали один врач и один фельдшер, поэтому она не могла удовлетворить потребности всего рабочего населения (прил. 40).

Фабричная больница Коншина в 1884 г. также явно действовала уже не первый год и была рассчитана на 51 койку, что являлось шагом вперед даже в условиях нехватки медперсонала, которая, видимо, существовала на большинстве предприятий. На общем фоне медицинское обеспечение коншинских рабочих находилось на высоком уровне. Е. М. Дементьев отметил, что врачебная помощь была поставлена совсем плохо во всем Серпуховском уезде, где имелись только четыре фабричных больницы, из которых он счел возможным сказать хорошие слова только про образцово устроенную больницу при бумаготкацкой и ситценабивной фабрике Третьяковых и про больницу Н. Н. Коншина. Он привел следующую статистику (табл. 59):

Таблица 59

Фабричные больницы Серпуховского уезда в 1884 г.

Фабрика	Рабочих на фабрике		Кроватей	Затраты, руб.
Ткацкая и ситценабивная Третьяковых	2 500		25	9 259
Ткацкая и ситценабивная Мих. Серикова сыновей	800		8	1 500
Прядильно-ткацкая Н. Н. Коншина	3 750	вместе	51	3 935
Ситценабивная Н. Н. Коншина	1 300			
Отбельная, красильная и отделочная Н. Н. Коншина	316			
Прядильная И. Н. Коншина	600		14	1 380

Источник: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 47.

По мере увеличения количества обращений в фабричные лечебные заведения владельцы осознавали необходимость расширения последних. 1890–1910-е гг. — это время, когда происходит достаточно регулярное расширение фабричных больниц на многих крупных предприятиях. Возможно, этот процесс стимулировался политикой местных властей и подстегивался растущим (особенно в 1900-х гг.) уровнем производственного травматизма в российской промышленности. Согласно имеющейся статистике количество несчастных случаев росло постоянно: от 27 тыс. в 1901 г. до 71 тыс. в 1910 г. и 98 тыс. в 1913 г.[33]

Крупным предприятиям было легче в финансовом отношении обеспечить сравнительно высокий уровень медицинского обслуживания рабочих. В начале XX в. фабричные больницы, как правило, не испытывали прежнего дефицита кадров и состояли из нескольких отделений с более чем 100 койками стационара. Кроме того, в это же время появляются как самостоятельные отделения фабричных больниц «родильные приюты». Исходя из конкретных условий, все лечебные учреждения могли быть сосредоточены в одном специально построенном здании, как было на Никольской мануфактуре, на Трехгорке или у Коншина (где амбулаторные приемные покои существовали при разных фабриках, но больница была одна). Мог быть выбран и вариант размещения различных больничных учреждений в разных корпусах, для чего использовались как новые, специально возведенные, так и отремонтированные здания, построенные ранее.

В 1894 г. началось расширение больницы на Трехгорной мануфактуре. На вновь приобретенном земельном участке (недалеко от фабричных корпусов) Прохоровы построили новое каменное здание «на 33 кровати». Устроенную здесь же амбулаторию вскоре пришлось перевести в другое место, так как и это помещение стало тесным. В 1906 г. новый больничный корпус, построенный в 1894 г., был значительно расширен, «и все врачебно-вспомогательные учреждения соединились в одном здании»: на нижнем этаже — «амбулатория с обширной ожидальной комнатой для больных», комната «для регистрации», два врачебных кабинета, перевязочная, операционные комнаты, аптека, комната дежурного врача, одна палата, ванная; на верхнем этаже — 14 палат на 66 кроватей. С 1898 г. при Прохоровской мануфактуре существовал «родильный приют» сначала на шесть кроватей, в скором времени — на 12. В 1906 г. для него было выстроено отдельное двухэтажное здание на 22 кровати недалеко от главного корпуса больницы[34].

В 1895 г. при Норской мануфактуре строится новое здание для больницы на 24 кровати («с содержанием воздуха 3,48 куб. сажени на каждую кровать»). В нем

существовали одна женская и две мужские палаты общего отделения, три отдельные палаты для заразных больных, операционная с дезинфекционным отделением, две ванные, аптека, приемная для амбулаторных больных, общая столовая, кухня и два помещения для женской и мужской прислуги. При больнице существовало «родовспомогательное отделение» (четыре кровати) и квартира для акушерки. Прежнее же здание больницы превратилось в отделение для инфекционных больных[35].

В 1890-х гг. в больнице при Никольской мануфактуре Морозова число коек возрастает до 160, а в 1906 г. заканчивается строительство нового здания главного корпуса, рассчитанного на 300 коек и включавшего помимо обычных для этого периода хирургических и терапевтических и родильного отделений, аптеки, амбулатории, рентгеновский, гидро- и электротерапевтический кабинеты[36].

В это же время улучшению организации медицинского обслуживания рабочих уделяют внимание и владельцы ЯБМ. В 1900 г. больница здесь была рассчитана на 160 коек[37]. В 1905 г. общее количество мест в стационаре увеличивается до 200: 20 — родильное отделение , 80 — общее (терапевтическое и хирургическое), 100 — заразное[38]. В 1910 г. под терапевтическое и хирургическое отделения было отведено уже 100 коек, что составляло 11,9 % от общегородского числа коек (842) этих отделений[39]. В зависимости от ситуации на ЯБМ существовала возможность увеличивать количество пациентов того или иного отделения, что обычно и делалось во время эпидемий. К 1900 г. здесь имелись четыре больничных корпуса, расположенные в саду, в стороне от производственных зданий и казарм. Главный больничный корпус — большое каменное двухэтажное здание — вмещал амбулаторию (она занимала четыре помещения — ожидальную, приемную, кабинет врача и перевязочную), хирургическое (с операционной комнатой), терапевтическое и родильное отделения, аптеку (где рабочим отпускались бесплатно лекарства по рецептам, бандажи, спринцовки, пипетки, резиновые соски для детей и т. п.[40]) и склад медикаментов, больничную кухню, а также квартиры для смотрительницы и фельдшерицы-акушерки. Хирургическое, терапевтическое и родильное отделения представляли собой «ряд больших, высоких, светлых палат с широким, эксцентрически расположенным коридором». В каждом отделении были ванны[41]. Второй корпус — деревянный — удобно «делился на четыре самостоятельные части», которые предназначались «для хроников и заразных больных». В мезонине располагались квартиры для фельдшерицы и фельдшера, работавших исключительно с «заразными больными»[42]. В стороне от жилых помещений располагался третий больничный корпус (деревянный) — так называемый *изоляционный* (санитарный) *дом*, куда помещались семьи заболевших какой-либо инфекцией на все время санитарной обработки их квартир. Наконец, на случай эпидемии больница Товарищества Ярославской Большой мануфактуры располагала еще одним деревянным бараком (запасным)[43]. Кроме больничных зданий на территории фабричного двора были построены больничная часовня, погреб и двухэтажное здание паровой механической прачечной, в которой обрабатывалось только больничное белье. При прачечной имелись две дезинфекционные камеры: одна — для дезинфекции вещей паром, а другая — хлором. Во втором этаже прачечной — помещение для прачек и больничных служителей[44]. По инициативе главного фабричного врача больница при ЯБМ была соединена телефонами с квартирами врачей и «с многими пунктами фабричного двора»[45]. Кроме того, для медперсонала выписывались «главнейшие периодические медицинские журналы и газеты». При больнице была даже собственная «специальная библиотека, состоящая из новейших руководств и журналов» медицинского профиля, а

также из изданий «религиозно-исторического и народно-бытового содержания, предназначенных для пользования выздоравливающих больных»[46].

У Коншина в 1907 г. больница состояла из девяти отделений: хирургического (на 20 кроватей), двух терапевтических (28 и 25), заразного (15), родильного и скарлатинозного (по 12), дифтеритного, сифилитического и хронического (по шесть). Больница у Коншиных развивалась весьма успешно. В отчете за 1904 г. заведующий больничными учреждениями писал: «Надо думать, что все больные на ф-ках T^{ba}, нуждающиеся в коечном лечении, находят его в действительности. Да иначе и быть не может, так как при 100 штатных койках ежедневно среднезанятых было только 65,19... По отношению к фабрике 1 602 человека, лежавших в больнице, разделялись на 675 рабочих, 811 их родственников и детей и 51 сторонних. Эти 675 рабочих, ко всему числу их в 11 652 чел., составляют 5,8 %»[47].

Как показано в обзоре деятельности фабричных больниц Московской губернии в 1902 г., хирургическое отделение коншинской больницы являлось одним из лучших в губернии. За указанный год здесь было сделано 140 общих (т. е. не считая акушерских) операций, что составило 17,7 % к общему числу таковых во всех фабричных больницах губернии (792), притом что численность фабричного населения при коншинских фабриках была определена в 18 130 человек, что составляло лишь менее 11 % от всего фабричного населения, сосредоточенного при фабриках, имеющих больницы (167 140 человек)[48].

Но вместе с ростом числа обращений к фабричным врачам с каждым годом становилось заметнее, что фабричная больница со все бóльшим трудом справляется с наплывом рабочих. Заведующий коншинскими больничными учреждениями неоднократно писал докладные записки, в которых просил увеличить помещения, отданные под амбулаторные приемные, операционную, заразное отделение и т. д., но строительство новых больничных корпусов отставало от запросов. Следует отметить, впрочем, что оно велось активнее, чем строительство жилых помещений (табл. 60).

Таблица 60

Общий объем (в куб. саженях) всех больничных зданий (включая квартиры врачей) в сравнении с общим объемом фабричных казарм (не считая спален хозяйственных рабочих) на фабриках Коншина. 1893–1908 гг.

Год	Общий объем, куб. саж.		Темп роста (1903 г. = 100 %)	
	Больницы	Казармы	Больницы	Казармы
1893	259,5			
1903	1 408,0	8 088,66	100,0	100,0
1904	1 506,9	8 149,55	107,0	100,8
1905	1 611,2	8 149,55	114,4	100,8
1906	1 650,3	8 048,16	117,2	99,5
1907	1 650,3	8 917,23	117,2	110,2
1908	1 998,7	8 982,63	142,0	111,1

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 43, 47 об.

К началу XX в. в фабричных больницах при всех рассматриваемых нами предприятиях имелись электрическое освещение, налаженные системы отопления, вентиляции и уничтожения нечистот, помещения были приспособлены для регу-

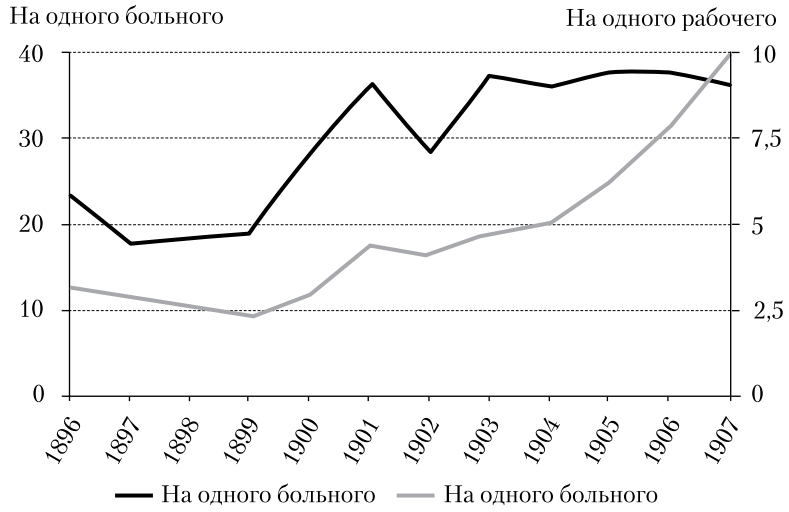
лярного проведения дезинфекции. Бесплатная медицинская помощь оказывалась, как правило, не только рабочим и членам их семей[49]. Врачи Ярославской мануфактуры, например, принимали и жителей ближайших окрестностей, причем осуществлялось это целиком на средства Товарищества, и «ни городская Управа, ни земские учреждения... практически в жизнь этого района не вмешивались»[50]. Лекарства в фабричной аптеке таким пациентам также отпускались бесплатно. Но вот чтобы сторонний человек мог получить возможность стационарного лечения, нужно было разрешение фабричной администрации в каждом отдельном случае[51]. Это правило можно было обойти при условии, что кто-то из рабочих запишет в одно из стационарных отделений постороннего для фабрики человека на свой номер. Упоминания о таких ситуациях встречаются в документах. Однако если подобное нарушение вскрывалось, рабочий мог быть уволен с фабрики. Так, в личном деле М. И. Валящева, работавшего в трепальном отделении ЯБМ, есть пометка следующего содержания: «Подлежит увольнению с Пасхи 1904 г. за то, что на его нумер записалась и легла в фабричную больницу его знакомая женщина, в фабрике никогда не работала, муж ее работает на фабрике Вахрамеева»[52]. Валящев действительно был рассчитан, хотя после подачи прошения о принятии на прежнюю должность вернулся к работе. При необходимости пациент мог быть направлен на стационарное лечение в губернскую земскую больницу, куда он помещался за счет Товарищества. Решение об этом обычно принимал фабричный врач, но и сам рабочий мог по собственному желанию выбрать земскую больницу, а не фабричную (судя по документам, это случалось чаще всего при заболевании сифилисом или необходимости операционного вмешательства). В 1911 г. 83 рабочих ЯБМ пользовались «коечным лечением» в земской больнице и провели в стационаре в общей сложности 1 855 дней, за что фабрика выплатила земству 2 641,89 руб. (т. е. в среднем примерно по 1,42 руб. в день). В 1912 г. в стационаре земской больницы была оказана помощь 48 рабочим мануфактуры, которые провели там 898 дней, что обошлось хозяевам в 1 879,36 руб. (т. е. по 2,09 руб. в день)[53]. При необходимости рабочему, видимо, могли оплатить и лечение в специализированных клиниках. Так, в июле 1914 г. 50 рублей было выдано одной из работниц, которой поставили диагноз «не оперируемый рак печени», для прохождения курса лечения в Москве «в раковом институте»[54].

Динамика развития больничных учреждений на фабриках Коншина и ЯБМ приведена в прил. 41; рис. 21 дает наглядную иллюстрацию роста удельных расходов данного профиля на фабриках Коншина.

Из этих данных следует, что в течение всего периода наблюдалась тенденция к увеличению удельных расходов по отношению к одному рабочему, но при этом после резкого роста в 1900–1901 гг. оставались стабильными общие расходы на одного госпитального больного. Несколько увеличивались штаты больницы, однако одновременно существовала тенденция к уменьшению дней, проведенных в больнице. Вообще, начиная примерно с 1900–1901 гг. динамика характеристик по коншинской больнице показывает постоянное и значительное увеличение как числа проведенных в больнице дней, так и общей суммы расходов на содержание больничных учреждений Товарищества. В одном из отчетов указывались причины этого: «Такой рост объясняется многими причинами, из которых главные: 1) возрастание доверия со стороны рабочих к медицинской помощи; 2) постройка Товариществом новых больничных спален, сосредоточивших на фабриках не только рабочих, но и их семьи и тем увеличивших население, пользующееся медицинской помощью в больницах Товарищества. Так, в 1906 г. родственники рабочих (нера-

Рисунок 21

Динамика годовой стоимости содержания больничных учреждений при фабриках Н. Н. Коншина (в руб.) в расчете на одного рабочего и на одного стационарного больного. 1896–1907 гг.



ботающие) составляли 35,72 % всего числа больных; 3) улучшения, введенные в медицинское дело и 4) вздорожание продуктов потребления»[55].

В сравнении с показателями деятельности городских и земских медицинских учреждений фабричные заведения не только не проигрывали, но зачастую по ряду показателей даже выглядели предпочтительнее. В частности, есть свидетельство, что до холерной эпидемии 1892 г. во всем Серпуховском уезде были лишь две внефабричные больницы: одна в городе и одна неподалеку от Лопасни. И в начале XX в. положение улучшилось не сильно — в городской больнице только в 1906 г. были открыты хирургическое (на 16 кроватей) и инфекционное (на восемь) отделения; родильное отделение появилось еще через несколько лет. Лечение не было бесплатным — в земской больнице взималась плата по 30 коп. в сутки[56].

АМБУЛАТОРИИ

В вопросе поддержания здоровья рабочих многое зависело от того, как были организованы амбулаторный прием и профилактические меры. У Морозовых с 1880-х гг. проводились ежегодные медицинские обследования как устраивающихся на фабрику, так и уже работающих на ней для выявления больных сифилисом. Со временем эти обследования превратились в регулярные общие профилактические осмотры рабочих[57]. На ЯБМ же, например, и в начале XX в. такого не произошло, и обязательному медицинскому осмотру подвергались только новые работники, а также все члены рабочего семейства, переезжающего с частной квартиры на жительство в фабричные казармы[58].

Фабричные врачи в принципе положительно оценивали практику осмотра рабочих. В одном из докладов на Первом съезде фабричных врачей подчеркивалось, что такая практика пришла на предприятия вместе с законом, требующим выплаты пособий по несчастным случаям, так как «вопрос о вознаграждении увечных получил для хозяина серьезный денежный интерес», и важно было не нанять уже

больных и слабых рабочих. Вместе с тем процитированный докладчик выражал сожаление по поводу того, что общим смыслом регулярных осмотров рабочих является не забота о профилактике и лечении рабочих, а лишь проверка годности их к работе[59]. Так в основном было и на рассматриваемых нами предприятиях. Например, с июня 1917 г. поступающие на ЯБМ рабочие должны были пройти медицинский осмотр согласно распоряжению правления Товарищества, которое гласило: «Лиц с одним глазом, с бельмом на глазу, с искривленным позвоночником и другими телесными физическими недостатками на работу на Мануфактуру не принимать ввиду того, что больные люди и имеющие физические недостатки при работе на фабрике рискуют потерять здоровье совсем и превратиться в полных инвалидов»[60].

Амбулаторный прием больных в фабричных больницах велся обычно в специально отведенном для этого помещении в две смены — утром (с 9.00 до 12.30 на Трехгорке, с 10.00 до 12.00 на ЯБМ) и дней (с 14.00 до 16.30 на Трехгорке и с 14.00 до 16.00 на ЯБМ). В праздничные и выходные дни был только утренний прием[61]. На ЯБМ каждая смена обслуживалась двумя врачами в связи с большим наплывом пациентов. Амбулатория этого предприятия «за год принимала больных больше, чем четыре амбулатории города и амбулатория губернской больницы, вместе взятые»[62].

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ

Один из важнейших вопросов, связанных с организацией медицинского обслуживания рабочих на дореволюционных российских предприятиях, касается достаточности числа врачей и профессионализма медицинского персонала в фабричных лечебных заведениях. Это естественно, поскольку хорошие здания и оснащение больницы сами по себе не были гарантией оказания профессиональной медицинской помощи.

Систематическое присутствие врача было исключительно важным и насущным для постановки дела фабричной медицины. Например, И. И. Янжул говорил о том, что без этого не имеет особого значения наличие больничных помещений: «Лишь на десяти фабриках из всех осмотренных живут доктора, и, следовательно, имеется всегда налицо нужная медицинская помощь; затем нужно еще прибавить 8 фабрик, где, хотя доктора и не живут, но регулярно, не менее двух раз в неделю, приезжают на фабрику и принимают больных. За исключением этих 18 случаев, медицинскую помощь на фабриках можно считать почти отсутствующей, а больницы и покои — существующими только для того, чтобы выполнить внешним образом требование закона»[63].

Такие случаи, когда материальная часть больницы была более или менее удовлетворительной, но все дело упиралось в нехватку или фактическое отсутствие врачей, были вполне реальными в 1880-х гг. В частности, в литературе описан пример больницы в Клинском уезде Московской губернии, рассчитанной на 250 рабочих: «Устроена хорошо, чисто, с бельем и удовлетворительной аптекой... Номинально больница заведуется уездным врачом, который, однако, приезжает только раза 2–3 в год, фельдшера нет, лекарство отпускает сын владельца, заведующего шелкоткацкой фабрикой». Вывод о качестве медицинского обслуживания естественный: «При этих условиях понятно, что больницей, так устроенной, рабочие вовсе не пользуются: одержимые легким недомоганием остаются в спальнях; тяжело заболевшие отправляются домой; больные сифилисом, если об этом узнает контора,

получают расчет»[64]. Напротив, материалы различных обследований всегда подтверждают, что «фабричные больницы с живущими на них врачами, за немногим исключением, поставлены в своей деятельности правильно»[65].

О том, что кадровый вопрос являлся более насущным для фабричных больниц, чем их материальная часть, писал в 1885 г. и такой авторитетный специалист, как Ф. Ф. Эрисман: «Существующий строй фабричной медицины весьма неудовлетворителен, несмотря на огромные затраты со стороны фабрикантов. Неудовлетворительность ее выражается отчасти в плохом устройстве больниц и приемных покоев, но главным образом в недостатке врачебного персонала и в преобладании фельдшеров... приглашение врачей, посещающих фабрики периодически, пополняет этот недостаток лишь отчасти и главным образом только там, где врач посещает фабрику не менее двух раз в неделю»[66].

Однако к началу XX в. вопрос о том, имеет ли смысл содержать больницу практически без врача, уже не был предоставлен на усмотрение самих фабрикантов. Так, не позднее 1899 г. появилось обязательное постановление Московского губернского по фабричным и горнозаводским делам Присутствия о том, что если на фабриках более 500 рабочих, то должны быть постоянно живущий при фабрике врач и фельдшеры из расчета не менее одного на тысячу рабочих. Если же рабочих было более 3 тыс. человек, то в фабричной больнице должны были работать не менее двух врачей[67].

За период с 1880-х гг. до начала XX в. численность медперсонала в фабричных больницах заметно выросла. В первую очередь отметим рост количества штатных врачей. По больницам Товарищества Коншина и ЯБМ эти сведения отражены в прил. 40 и 41. Соответственно увеличивался в течение того же периода штат фельдшеров, акушерок, фармацевтов, сиделок и больничной прислуги. Например, на Ярославской мануфактуре в 1915 г. в штате больницы числились 74 сотрудника[68]. В штате коншинской больницы на 1 октября 1916 г. состояло практически столько же — 76 человек. К августу 1917 г., тем не менее, их число сильно увеличилось и составило: по хирургическому отделению — семь человек, по I терапевтическому — шесть, по II терапевтическому — шесть, по заразному — 15, по родильному — пять, по венерическому — два, при регистратуре — четыре, при амбулаториях трех фабрик — семь, в аптеке — трое, прочих (нянек, прачек, истопников, сторожей) — 60, всего — 115 человек[69].

Врачи оказывали помощь и амбулаторным, и стационарным больным. На ЯБМ в основу их работы «был положен принцип участковой земской больницы: в амбулатории врач ведет общий прием, а в стационаре, чтобы не снижалась общая квалификация, поочередно меняется отделениями с другими врачами»[70].

В случае необходимости для консультаций и амбулаторного приема могли приглашаться специалисты по глазным болезням, зубные врачи и т. п. Такая практика существовала, например, у Морозовых[71]. Рабочими ЯБМ в начале XX в. неоднократно выдвигалось требование «при больнице добавить в медицинском персонале одного глазного врача — специалиста». Оно звучало в декабре 1905 г. во время забастовки и получило отрицательный ответ[72] и повторялось через семь лет — в июне 1912 г. На этот раз правление ответило иначе: «Просьба о приглашении для фабричной больницы глазного врача Правлением будет рассмотрена, и если приглашение это окажется необходимым, то врач будет приглашен»[73]. К сожалению, остается непонятным, приглашался ли глазной врач в течение этого 7-летнего интервала. Но есть сведения о том, что в начале XX в. специалист по глазным болезням работал в фабричной больнице ЯБМ как внештатный врач, кон-

сультировавший в определенные дни недели[74]. В 1913 г. консультации окулиста проходили регулярно, и для приема пациентов ему был выделен отдельный кабинет в больничных корпусах[75].

К 1910-м гг. в коншинской больнице был открыт зубоврачебный кабинет. В июле 1917 г. на заседании Больничного совета заслушивалось заявление зубного врача о том, что прием амбулаторных больных по зубному кабинету достигает 13 тыс. в год, так что при трехразовом в неделю приеме получалось в среднем 100 человек в день. Указывая на такую перегрузку кабинета, врач запрашивал решения об увеличении числа приемных дней до пяти в неделю. Решение Больничного совета было положительным. Соответственно было увеличено, конечно, и жалованье врача[76].

Вообще, в фабричных больницах, особенно находящихся вне крупных городов, врачам нужно было платить больше, потому что у них было меньше возможностей на получение доходов от какой-либо сторонней практики. По результатам обработки анкеты о положении врачей Московской губернии к Первому съезду фабричных врачей 1909 г. были получены следующие результаты. По самой Москве около 75 % фабричных врачей получали на фабриках 300–1 000 рублей в год и, очевидно, имели значительную дополнительную практику. В уездах Московской губернии фабричные врачи в основном состояли при фабриках, и 83 % фабричных врачей получали от 1 500 до 3 000 руб. в год, а получающих менее 1 500 руб. было всего 12 %[77]. В этой связи вполне естественно и то, что врачи фабричных больниц получали жалование большее, чем их коллеги, работавшие в городских и земских больницах. Так, даже в 1912 г. в Москве главному врачу Александровской больницы платили 1 800 рублей в год, другим врачам — от 300 до 1 200 рублей[78]. Коншины платили врачам больше: так, в 1901 г. с открытием нового хирургического комплекса больницы старший фабричный врач стал получать 2 500 рублей в год, два других врача — 2 400 и 1800 рублей в год, все при готовой квартире с отоплением и освещением[79].

Годовое жалование главного врача ЯБМ в начале XX в. составляло 4 000 руб., в то время как старший врач губернской земской больницы получал в год 2 325 руб. Заведующие отделениями в городских лечебных заведениях получали 1 500 руб. в год, в земских больницах — 1725 руб., а фабричные врачи ЯБМ получали от 2 100 до 2 520 руб. (как и у Н. Н. Коншина, при готовой квартире)[80]. Сами фабричные врачи более высокие оклады объясняли невозможностью для них заниматься частной практикой и иметь дополнительный доход[81]. В городах, таких, например, как Ярославль или Серпухов, врачи, конечно, могли бы найти себе клиентов и помимо фабрики. Но у фабричных врачей при больших больницах просто не было времени на дополнительные подработки: с утра они принимали амбулаторных больных, а во второй половине дня — работали в стационаре, плюс к этому на них же падали дела вроде осмотров на дому, санитарного осмотра фабричных помещений, составления отчетов при производственных травмах (особенно в спорных ситуациях — в архиве можно найти отчеты чуть не по десятку страниц) и т. п.

Фабричные врачи зачастую вели научную работу, формировали обзоры положения рабочих, предлагали и активно обсуждали различные законопроекты, которые должны быть приняты для улучшения здоровья фабричного населения. Так, Николай Николаевич Письменный, который в течение восьми лет был заведующим больничными учреждениями Товарищества Н. Н. Коншина, активно публиковался в специальной литературе с результатами различных обследований. Он, в частности, писал, что «травматизм рабочих в значительной мере обу-

словливается недостатком простора и света в мастерских, а потому в предупреждение несчастных случаев является необходимым повысить законодательные нормы по отношению к размещению станков и машин и к количеству света в мастерских»[82].

Зачастую именно врачи становились инициаторами установления регулярного контроля за санитарным состоянием всей фабричной инфраструктуры. Так, на ЯБМ по инициативе главного фабричного врача П. П. Воскресенского 24 июня 1892 г. состоялось первое заседание Санитарного совета, который должен был стать совещательным учреждением при директоре и способствовать выявлению недостатков в вопросах санитарии. Члены Санитарного совета проводили осмотры жилых корпусов для рабочих, больницы, прачечной и т. п. Затем подавался отчет на имя директора, где содержался перечень мер для улучшения санитарного состояния. Для скорейшей практической реализации тех или иных предложений в состав Санитарного совета помимо врачей вошли члены фабричной администрации (в том числе заведующие хозяйственной частью и ремонтом зданий). Заседания Совета проходили обычно раз в месяц, а в случае эпидемии — «по мере необходимости»[83].

БОРЬБА С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ЭПИДЕМИЯМИ

Помимо обычных болезней, травм и других ситуаций, требовавших медицинской помощи, большинство фабричных врачей сталкивались с необходимостью выработки мер предупреждения и борьбы с заразными болезнями, которые не были редкостью в среде рабочих, и с эпидемиями. Если, например, на Прохоровской мануфактуре заболевших заразными болезнями отправляли «на излечение в городские больницы»[84], то у Н. Н. Коншина и на ЯБМ, как и на целом ряде других фабрик, в больницах существовали специальные отделения для инфекционных и заразных больных. Предусматривались меры, чтобы избежать контактов таких больных с пациентами других отделений.

Вопреки доминировавшему в советской историографии мнению, перенаселенность фабричных казарм вряд ли можно считать одной из основных причин распространения среди рабочих подобного рода заболеваний. Докладчик на Первом всероссийском съезде фабричных врачей, ссылаясь на исследования профессора Керези из Вены, говорил, например, что смертность от кори следует считать лучшим показателем скученности жизни. Далее он показывал, что хотя «в губерниях на фабриках, где обыкновенно имеются хозяйские квартиры для рабочих, смертность фабричных детей от кори оказалась значительно большей, нежели детей сельских поселений», но гораздо большей была смертность от кори в столицах, «где почти нет казарм и есть коечно-каморочное проживание»[85].

В работе Н. Н. Балуевой приводится основанная на данных отчетов фабричных врачей таблица показателей заболеваемости и смертности рабочих ЯБМ в казармах и на частных квартирах во время холерных эпидемий начала 1890-х гг. и 1908–1910 гг.[86] Дополнив ее столбцами с процентными показателями и приняв к сведению, что разница в численности проживавших в казармах и на частных квартирах не настолько велика, чтобы объяснить в разы превосходящее количество заболевших среди последних (к 1895 г. в казармах проживало около 44 %[87] рабочих фабрики, а к 1910 г. — около 46 %[88]), мы увидим, что состояние фабричных жилищ если и было одной из причин распространения эпидемий на дореволюционных

российских предприятиях, то явно не ведущей. Табл. 61 показывает, что в целом процент умерших от холеры (по отношению к числу заболевших) на ЯБМ был выше среди рабочих, проживавших на частных квартирах.

Таблица 61

Показатели заболеваемости и смертности от холеры на ЯБМ. 1892–1909 гг.

Год	Живущие в фабричных казармах			Живущие в частных квартирах		
	заболело	умерло	% умерших	заболело	умерло	% умерших
1892	52	23	44,2	201	120	59,7
1893	36	17	47,2	193	107	55,4
1894	9	5	55,5	87	44	50,6
1904	—	—	—	3	—	—
1908	2	1	50,0	28	17	60,7
1909	9	7	77,8	52	27	51,9
Итого	108	53	49,1	564	315	55,9

Анализируя причины меньшей заболеваемости холерой во время эпидемии 1892–1894 гг. рабочих, живших в фабричных казармах, по сравнению с теми, кто снимал квартиры в городе, главный врач ЯБМ отмечал: «Лучшее устройство фабричных жилищ, бóльшая возможность наблюдений за заразными болезнями, возможность более ранней изоляции больных от здоровых и дезинфекции помещения и одежды, получения более своевременной медицинской помощи, и, наконец, самое главное, незагрязненность почвы фабричного двора, препятствующая развитию в ней холерных микробов, дали фабричным жилищам преимущество перед отдельными частными квартирами в отношении заболеваемости холерой»[89]. Поясним, что заболевших, проживавших на вольных квартирах, помещали в больницу по их желанию, а заболевших из фабричных жилищ — в обязательном порядке.

Контроль за распространением заразных заболеваний существовал даже в 1880-е гг. Так, в отчете фабричного врача ЯБМ о заболеваемости сифилисом в 1880–1884 гг., во-первых, указывается, что таких случаев немного, во-вторых, перечисляются предупредительные меры против болезни, практиковавшиеся на фабрике:

1) вновь поступающий рабочий направлялся в фабричную больницу для «медицинского освидетельствования»;

2) временно проживающие у рабочих гости также проходили осмотр у фабричных врачей (например, это было обязательным для женщин и девочек, нанимаемых в качестве нянь для детей рабочих, живущих в фабричных помещениях);

3) в случае выявления заболевания рабочий или член его семьи в обязательном порядке помещались в специальное отделение больницы;

4) выписавшиеся из больницы поступали вновь на работу, но обязаны были регулярно являться к врачу на осмотр.

Интересно, что в отчете отмечалось: «Для достижения идеального лечения (результата) рабочие (все) должны проживать в специально выстроенных для них казармах, а не на вольных квартирах»[90]. На территории фабричного городка существовал и специально созданный санитарный отряд, состоявший из одного фельдшера, одного служителя и двух женщин, выполнявших работу, не требующую никакой медицинской подготовки[91]. Отряд осуществлял дезинфекционные мероприятия, что также снижало риск заразных заболеваний.

В сентябре 1910 г. заведующий ЯБМ А. Ф. Грязнов, отвечая на запрос Управления по делам местного хозяйства о проведенных на Мануфактуре мероприятиях по борьбе с эпидемией холеры, отмечал, что «в случае появления холеры или какой другой эпидемии не приходится организовывать и учреждать что-либо вновь, а только расширять состав и деятельность уже существующих учреждений»[92]. Подробный отчет о планировавшихся и осуществленных мероприятиях по этому вопросу позволяет заключить, что фабричная администрация и главный врач серьезно относились к этому вопросу и действовали согласованно.

В условиях ожидавшегося летом 1910 г. роста случаев заболевания холерой совещание членов администрации ЯБМ и фабричных врачей в мае выработало перечень мер, направленных на предупреждение и снижение риска распространения болезни среди рабочих и членов их семей, а также помощи уже заразившимся. Для приема больных было подготовлено «заразное отделение» на 40 коек. «На случай, если бы число больных холерой превзошло 40 человек, было намечено освободить под холерное отделение другое, также вполне приспособленное для заразных больных больничное здание (по павильонной системе) на 80 человек, разместив находящихся в нем больных частью в главное здание больницы, частью же, если бы потребовалось, в помещение богадельни, освободив его от призреваемых (временно разместив их в одном из жилых корпусов для рабочих Мануфактуры)»[93]. Заблаговременно были закуплены и розданы «в ведение заведующих отделами фабрики (большей частью — инженеров) и смотрителей жилых корпусов, бани, богадельни и проч. учреждений некоторое количество необходимых лекарств с печатным наставлением об их употреблении»[94]. Отдельным пунктом был предусмотрен наиболее оптимальный порядок доставки заболевших в больницу, как из казарм, так и с частных квартир. Кроме того, было решено увеличить имевшийся на мануфактуре «контингент постоянного медицинского персонала: 4 врача, 4 фармацевта, 7 фельдшеров, 4 акушерки, 1 сестра милосердия и соответствующий штат прислуги»[95]. Дополнительно на период возможного распространения эпидемии были приглашены «два фельдшера (по 80 руб. в месяц), две сестры милосердия (по 35 руб. в месяц), два служителя (по 18 руб. в месяц), две сиделки и одна поломойка (по 12 руб. в месяц) и одна женщина для часовни (6 руб. в месяц и по 50 коп. за уборку каждого холерного покойника)»[96]. Кроме того, во время эпидемий правление увеличивало жалование всего фабричного медицинского персонала в два раза «для работающих в холерном отделении» и в полтора раза «для остального больничного персонала, не исключая и низшего». «По примеру предыдущих лет» весь больничный персонал мануфактуры был застрахован на год на довольно крупные суммы[97]. Как отмечалось в отчете, «общий расход на экстренные мероприятия по борьбе с холерой по 10 сентября 1910 года выразился в сумме около 8 000 руб., не включая расходов на содержание постоянно действующих на фабрике вышепоименованных медико-санитарных учреждений и мероприятий, требующих весьма значительного постоянного ежегодного на них расхода»[98]. Отдельным пунктом в отчете было отмечено, что «все мероприятия по борьбе с холерной эпидемией Товариществом вырабатывались и осуществлялись самостоятельно, без какого бы то ни было участия со стороны местных земских и городских самоуправлений»[99].

В некоторых фабричных больницах осуществлялись и превентивные меры борьбы с инфекционными заболеваниями, такие как прививки. В 1903–1904 гг. рабочим ЯБМ делались бесплатные прививки от оспы. В 1903 г. «по случаю появления оспы среди населения Мануфактуры было привито 4 008 лиц», а в 1904 г.

прививку сделали 4 119 детям[100]. В начале февраля 1909 г. в третьем жилом корпусе ЯБМ было выявлено несколько случаев заболевания оспой. 10 февраля в фабричных и жилых корпусах появилось обращенное к рабочим объявление А. Ф. Грязнова, настоятельно предлагавшее «населению Мануфактуры прививать предохранительную оспу всем детям, коим оспа не была привита или не принялась, а также и всем взрослым, которым оспа была привита давно, более 8–10 лет»[101]. От сыпного тифа, занесенного на фабричный двор, были сделаны прививки всем без исключения учащимся школы грамоты, училища и проживающим в корпусах, что позволило предотвратить эпидемию[102]. Прививки обычно делал дежурный фельдшер ежедневно в установленные часы амбулаторного приема.

В исследовании по истории Никольской мануфактуры, проведенном И. В. Поткиной, также приводятся сведения об активной деятельности врачей фабричной больницы, направленной на борьбу с эпидемиями и профилактикой заболеваний. Массовые прививки от оспы детей и части взрослых рабочих проводились на этой фабрике уже в начале 1880-х гг.[103]

При коншинских больницах оспопрививание на регулярной основе не практиковалось. Об этом можно судить на основании того, что почти во всех просмотренных нами журналах заседаний Больничного совета такой вопрос не встречается; единственный такой случай относится уже к маю 1917 г., когда было решено с этой целью пригласить специально двух лиц с отдельной платой по 3 руб. в день[104]. В обзоре деятельности фабричных больниц Московской губернии за 1902 г. прямо показано, что оспопрививаний в коншинской больнице тогда не делалось вовсе[105]. Однако в конкретных случаях в связи с возникновением опасности развития эпидемий каких-то болезней вопрос о специальных прививках поднимался[106].

РОДОВСПОМОЖЕНИЕ НА ФАБРИКАХ

Предметом особого внимания фабричных врачей было предоставление квалифицированной медицинской помощи роженицам. Уже к 1905 г. женщинам, проживающим в коншинских казармах, было запрещено рожать на дому. Запреты не распространялись на рабочий поселок и тем более на наемные квартиры и свои дома, и врачи переживали, что «фабричные, несмотря на благоустройство родильни, все же продолжают родить, когда это возможно, на дому»[107]. В отчете заведующего больничными учреждениями за 1904 г. о фабричной «родильне» читаем следующее: «Поступивших в нее женщин, работающих на фабрике, было только 368, что к числу всех фабричных работниц в 4 681 составляет 7,8 %. Между тем на фабриках всей Московской губернии, имеющих родильные отделения, эта величина составляет 12,3 %, поднимается на многих фабриках до 19 %, а на некоторых даже выше 20 %... Таким образом, несмотря на прогрессирующую деятельность родильни Т-ва, она все еще далека от своего нормального предела»[108].

По мере улучшения медицинского обслуживания все большее число рабочих предпочитали обращаться за квалифицированным лечением в фабричную больницу. Это достаточно аргументированно доказывалось в общем очерке 1909 г. по фабрикам Коншина именно на материале о загруженности родильного отделения больницы: «Возрастание доверия к медицинскому персоналу бесспорно характеризуется тем, что при слабых изменениях числа женщин (старше 15 лет), проживающих на фабриках, — число обращающихся в родильный приют рожениц растет очень значительно... притом нет оснований полагать, что рождаемость возрастает»[109]. К указанному фрагменту очерка прилагалась табл. 62.

Таблица 62

Параметры работы родильного отделения больницы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1903–1907 гг.

Год	Число женщин (старше 15 лет), проживающих в спальнях	Число рожениц в родильном приюте	Процент рожениц в родильном приюте от общего числа всех женщин
1903	4 865	431	8,86
1904	4 816	543	11,27
1905	4 844	674	13,91
1906	4 840	808	16,69
1907	4 657	939	20,16

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47.

Как видно из приведенных данных, за 1903–1907 г. доля тех женщин, которые выбирали родильное отделение больницы, при коншинских фабриках поднялась до уровня в 20 %, характерного для фабрик с образцово налаженной акушерской помощью (кстати, принятый в таблице способ расчета процента — исходя из числа женщин, проживающих в казармах, а не только работниц фабрики — представляется более корректным). Однако это весьма положительное само по себе обстоятельство привело к перегрузке родильного отделения. В отчете за 1907 г. про родильное отделение написано уже так: «Крайняя теснота помещения не только вредно отражается на здоровье женщин, но и может привести к столкновениям с полицией и рабочими в случае невозможности положить в приют фабричную работницу»[110]. И в общем очерке по фабрикам: «Переполнение родильного отделения за последние года постоянно: при 12 штатных койках среднезанятых — 13 при колебаниях от 4 до 25»[111]. Признавалась недостаточной и деятельность амбулатории[112].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и на ЯБМ. С одной стороны, в 1910 г. 20 кроватей родильного отделения ЯБМ составляли почти 30 % от общегородского числа (67)[113]. С другой, все очевидней становилась недостаточность этого числа мест для удовлетворения фабричных нужд. В 1913 г. в докладной записке с обоснованием необходимости «экстраординарных расходов» для расширения здания больницы А. Ф. Грязнов отмечал: «О тесноте родильного отделения можно судить по тому, что родильная палата (т. е. комната, где женщины рожают) всего одна, притом очень маленькая, могущая вместить всего лишь 4 кровати, тогда как нередко бывает такой наплыв рожениц, что их накопляется по 6–7 и более человек, почему по заполнении кроватей в комнате для рожениц остальных 2–3 женщин приходится класть в коридоре, где они своими воплями нарушают тишину и спокойствие всего отделения; нередко не хватает также места и в послеродовых палатах, так что их тоже приходится помещать в коридоре»[114]. Здесь же заведующий ЯБМ указал на необходимость расширения терапевтического и хирургического отделений, а также на «тесноту амбулатории», поскольку «ее ожидальная, могущая вместить как максимум не более 80–90 человек, обслуживает ежедневно 600–650 человек, причем в осеннее и зимнее время года, когда ожидать на улице холодно, в амбулатории набивается столько народа, что ожидающие приема стоят плечом к плечу, и пройти между ними почти что невозможно»[115]. В результате Общее собрание пайщиков ЯБМ, состоявшееся 21 декабря 1913 г., приняло решение выделить в 1914 г. 100 тыс. рублей на пристройку к зданию больницы для расширения родильного отделения и амбулатории[116].

РАСХОДЫ НА СОДЕРЖАНИЕ БОЛЬНИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Крупные фабрики с каждым годом вкладывали в больничное дело все большие деньги, и в целом условия содержания больных улучшались. Так отчет правления Товарищества Коншина за 1906 г. отмечает «значительное и прогрессирующее из года в год возрастание расхода по статье “пища”, ... что объясняется, с одной стороны, значительным повышением цен на продукты и увеличением числа больных, а с другой — более широким пользованием теперь молоком, яйцами, котлетами, чем раньше и чем это наблюдается в московских городских больницах»[117]. Действительно, сравнение ряда показателей по коншинской фабричной больнице с общественными городскими больницами Москвы показывает, что хотя коншинская больница была меньшей по величине и хуже обеспеченной штатами, на каждого больного здесь тратилось больше и денег, и продуктов (табл. 63).

Таблица 63

Сравнение некоторых параметров функционирования больницы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина с московскими общественными городскими больницами. 1906 г.

Показатели	Больницы					
	Т-ва Коншина	Старо-Екатерининская	Сокольничья	Басманная	Яузская	I Городская
Число коек	130	755	520	409	572	537
Число проведенных дней	36 417	346 359	182 444	144 781	199 035	259 181
Ст-ть продуктов питания на 1-го больного в день, коп.	29,80	20,82	21,76	19,31	21,04	19,92
Ст-ть содержания 1-го госпитального больного, коп.	716,29	415,16	558,45	454,50	456,87	н/с
Молоко, ведер на 100 человеко-дней	7,4	5,1	5,7	3,6	4,6	2,4
Яйца, штук на 100 человеко-дней	91,0*	67,7	—	45,7	65,4	—
В среднем на 1 врача госпитальных больных	3343,62	1868,62	440,35	1790,47	3057,14	н/с
В среднем на одного служителя госпитальных больных	696,6	563	292,69	357,25	341	640,25

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 471. Л. 50, 93 об.–94.

Заметим также, что будучи вторым по числу рабочих предприятием в Московской губернии, коншинское Товарищество содержало больницу, которая была пер-

* В источнике допущена ошибка в расчете или описка, в результате там указано 81,0. Однако правильно — 91,0, что обнаруживается из приведенного в той же таблице абсолютного числа (33 154) потребленных больницей за весь 1906 г. яиц.

вой по ряду абсолютных показателей — общему размеру затрат и числу госпитальных больных и амбулаторных посещений (прил. 42).

Обеспечение больных продуктами велось за счет предприятия, и продукты брались из харчевой лавки Товарищества, записываясь в убытки лавки; также правление принимало на свой счет расходы на медикаменты. Ежегодные отчеты заведующего больничными учреждениями Товарищества Коншина содержат детальную информацию о динамике расходов по различным статьям содержания больниц (см. табл. 64).

Таблица 64

Динамика стоимости содержания больничных учреждений Товарищества Н.Н.Коншина (без учета строительства и ремонта). 1906–1910 гг.

Год	Расходные статьи				
	Оклад врачей	Квартирные расходы	Продовольствие больным	Медикаменты	Общий расход
1906	27 652,80	18 864,98	14 937,81	11 833,18	89 006,99
1907	38 011,38	19 463,56	16 352,88	20 071,36	114 390,30
1908	40 296,91	24 857,50	18 052,95	20 428,61	118 687,10
1909/10	40 427,38	17 602,16	13 618,37	12 843,95	94 307,84
1910/11	41 564	19 616	13 800	13 760	ок. 94 000

Примечание: В графе «Продовольствие больным» здесь, очевидно, учитывалась не только непосредственно стоимость продуктов, но и остальные расходы по этой статье, такие, например, как содержание кухни при больнице.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 176. Л. 31–32, 41; Д. 471. Л. 52 об., 54 об., 55, 57, 58, 96, 98, 98 об., 101 об., 103, 118, 120, 121, 124, 125 об., 151, 151 об.

Источники ЯБМ свидетельствуют, что в вопросах питания здесь, как, вероятно, и на ряде других предприятий, делалось различие между рабочими и служащими — пациентами фабричной больницы. Так, в общем списке продуктов за 1904 г. присутствуют говядина, ситный хлеб, пшено, греча, черный хлеб, крупа (манная, овсяная), дрожжи, масло, телятина, баранина, сахар, творог, куличи, грибы. По особому назначению врача выдавались молоко (на кашу и для питья), вино (91 бутылка), водка, яйца, клюква, рыба, лимон. Однако есть и список продуктов, предназначенных только для служащих: чернослив, почки, дичь и др. В 1904 г. из 50 тыс. рублей, составивших годовые расходы на содержание больничных учреждений, 4 443 руб. (т. е. около 9 %) — стоимость питания больных[118].

Расходы на питание стационарных больных и медикаменты не являлись главной составляющей в общей сумме затрат на поддержание больничных учреждений и в общей сумме пособий больным рабочим, которые на коншинских фабриках, в частности, выплачивались на регулярной основе уже с 1905 г. (подробнее об этом см. главу VIII данной книги). Но речь все же идет о десятках тысяч рублей в год, и представляется достаточно важным, что правления крупных предприятий, формально никак не обязанные нести еще и эти расходы, принимали их на свой счет. Была ли тут большей роль фабричных врачей или членов правления, в любом случае это довольно существенный показатель ответственного и добровольного, а не формального стремления администрации этих предприятий к правильной постановке медицинского дела.

ПРОБЛЕМЫ УХОДА ЗА ДЕТЬМИ. ЯСЛИ И ДЕТСКИЕ САДЫ

Вопрос о порядке предоставления оплачиваемого «декретного отпуска» работницам вплотную сопряжен с проблемой ухода за грудными и малолетними детьми. В частности, именно в такой связке эти темы рассматривались в конце XIX — начале XX вв. врачами, обсуждавшими проблемы высокой детской смертности и общей болезненности рабочего населения. Однако эволюция трудовых отношений в этой области шла крайне медленно. Российский закон лишь в 1912 г. заметил, что существует необходимость освободить роженицу на некоторое время от работы (подробнее об этом см. главу VIII данной книги); и раз уж законом женщинам предоставлялось только четыре недели после родов, во время которых они могли рассчитывать на пособие из страховой кассы, то нечего и говорить, что проблема ухода за детьми законодательно никак не регулировалась. В этом отношении, как и в случае с предоставлением оплачиваемого отпуска роженицам, практика на некоторых крупных фабриках существенно опережала законодательство, тем не менее в целом нужно говорить, что проблема, несмотря на всю ее актуальность, на большинстве промышленных предприятий практически не решалась. Правление ЯБМ, например, признавало, что «общий строй фабричной жизни, оказывая свое влияние почти на все стороны жизни рабочих, в известной степени отзывается и на качестве присмотра со стороны родителей за детьми»[119].

Как и в крестьянском хозяйстве, у фабричных работниц, весь день не имевших возможности надолго отвлекаться от работы, были лишь две возможности обращения с грудными детьми, обе — неудовлетворительные. Можно было оставить ребенка дома, например, под присмотром старших детей. Иногда рабочие нанимали для присмотра за маленькими детьми няню (руководство Ярославской мануфактуры разрешало это делать проживающим в фабричных корпусах, куда вход посторонним был воспрещен), но в большинстве случаев нянями были «дряхлые старухи» или «малолетние девочки»[120]. Качество присмотра со стороны подобных нянь было удручающе низким, особенно опасным такой тип присмотра был для грудных детей, которые в результате получали молоко только ночью, рано утром и в обед (хотя врачи констатировали необходимость регулярного трехчасового кормления), а в остальное время разве что получали соску из тряпки с жеваным хлебом, что служило источником многочисленных болезней[121]. Кроме того, чтобы нанять даже такую няню, обычно нужно было заплатить довольно значительную сумму: в крупном городе рабочим, живущим на своей квартире, еще можно было нанять для присмотра за детьми бездомную старуху просто за предоставление ей угла и куска хлеба, но нянькам в рабочих казармах платили не менее 2–3 рублей в месяц[122]. Более того, в единственном бюджетном обследовании, в котором затронута эта тема (петербургских текстильных рабочих зимой 1907/08 г.), говорится, что в таком случае речь идет лишь о «присмотре», который фактически таковым не является, а стоимость найма «действительного ухода за детьми, более или менее заменяющего материнский» выводится в 8–9 рублей ежемесячно[123]. Тот же порядок цен характерен и для Центрального промышленного района: в частности, рабочим ЯБМ услуги няни в начале XX в. обходились также примерно в 3 рубля ежемесячно[124], и далеко не каждая рабочая семья могла позволить себе такие траты.

Другой вариант заключался в том, чтобы приносить грудных детей на фабрику; по крайней мере, так ребенка можно было своевременно накормить и перепеленать. На Съезде фабричных врачей в 1910 г. об этом говорилось так: «Обычай

приносить детей для кормления на фабрику очень полезен и не является чем-либо новым. Но он не осуществлен почти нигде в стройной системе», — после чего докладчик предлагал выделить для кормящих женщин отдельное чистое и теплое помещение, оборудованное так, чтобы можно было кормить и пеленать грудных детей[125]. Однако трудно назвать хотя бы одну фабрику, на которой бы были приняты подобные меры для создания таких условий ухода за детьми, а если учесть, что текстильное производство сопряжено с большим шумом и крайней запыленностью фабричных помещений, то и такой способ ухода за детьми нельзя назвать здоровым.

Всем работницам ЯБМ, имеющим грудных детей, предоставлялось право свободного выхода с фабрики для кормления грудью; решение о том, чтобы отпускать работниц домой в определенные часы для кормления грудных детей, было принято и на коншинских фабриках в начале 1900-х гг. (прил. 43). Такая возможность хотя и не была повсеместно распространена, но все же применялась на ряде промышленных предприятий. Как отмечал уже упомянутый докладчик на Съезде фабричных врачей в 1910 г., из 22 московских фабрик и заводов, на которых работали опрошенные женщины, «в восьми предоставлена работницам кое-какая возможность обращать внимание на кормление младенцев»[126]. Но это не решало проблему присмотра за детьми в масштабах крупного предприятия. Руководство Ярославской Большой мануфактуры объясняло высокую смертность среди детей рабочих[127] «слабым развитием детей», «врожденными задатками к болезням» и «неблагоприятными условиями жизни», в том числе и отсутствием должного присмотра за детьми[128]. Н. Н. Письменный, анализируя проблемы детской смертности, писал, что матери очень часто поручают детей уходу малолетних нянек, которые не способны обеспечить нормальный уход. «Нерациональное кормление, — продолжал он, — вызывает заболевания желудочно-кишечного тракта, иногда опасные, а при отсутствии умелого ухода — очень часто смертельные». Далее он указывал, что еще бóльшую опасность для оставленных без ухода маленьких детей представляет период, когда те начинают ходить. На материалах коншинских фабрик он подсчитал, что у фабричных рабочих 53,9 % детей не доживают до трех лет, в то время как у нефабричных детская смертность до трехлетнего возраста составляла 38,8 %[129].

Единственным реальным выходом из сложной ситуации должны были стать детские дошкольные учреждения, где родители могли бы свободно (под должным профессиональным присмотром) оставить грудных и малолетних детей на время рабочей смены.

Тем не менее ясли и детские сады были исключительно редким явлением даже для крупных фабрик с довольно развитой для своего времени социальной инфраструктурой. Обследование московских фабрик 1902 г. обнаружило ясли лишь при трех предприятиях из 622: для 50 детей на одной, для 23 — на второй и детская комната для пяти детей на третьей фабрике, где работали всего 12 женщин[130] (в статье названия фабрик не указаны, но первая, скорее всего, — Прохоровская Трехгорная мануфактура, на которой с 1900 г. как раз открылись ясли на 50 мест[131], а вторая, вероятно, — фабрика Цинделя, на которой детские ясли были учреждены задолго до того[132]). В 1904 г. во всей Московской губернии (кроме Москвы) лишь на шести фабриках существовали детские ясли (это фабрика Л. Рабенек — для 130 детей при общем количестве 2 900 рабочих на фабрике; Вознесенская мануфактура — для 70 детей при 1 900 рабочих; фабрика Ф. Рабенек — для 40 детей при 550 рабочих; фабрика Попова — для 28 детей при 750 рабочих; Раменская мануфактура — для неизвестного количества детей и, наконец, ситценабивная фабрика

Н. Н. Коншина, о чем подробно мы скажем ниже)[133]. В предшествующие десятилетия организация приютов для маленьких детей при фабриках встречалась еще реже. По наблюдениям фабричного инспектора П. А. Пескова, в начале 1880-х гг. во Владимирской губернии лишь Никольская мануфактура Т. С. Морозова — крупнейшая и вообще имеющая высоко развитую социальную инфраструктуру — содержала хорошо обустроенные детские ясли[134] (там именно к этому времени были устроены ясли на 80 кроватей, а в начале XX в. ясли Морозовых принимали до 200 детей рабочих одновременно[135]). В то же самое время в Московской губернии фабричный инспектор И. И. Янжул из 174 осмотренных фабрик нашел хотя бы какие-то колыбельни только на четырех[136], а «более-менее благоустроенными» тогда были лишь ясли при фабрике Третьяковых в Серпухове и на Даниловской мануфактуре[137]. На эти же «прекрасно устроенный родильный приют и колыбельню» при фабрике Третьяковых обратил особое внимание Е. М. Дементьев, когда он в рамках санитарного обследования фабрик и заводов Серпуховского уезда в 1884 г. хвалил фабричную больницу Третьяковых как единственную полноценную во всем уезде[138]. Показательно, что во всех случаях ясли имелись только на крупных фабриках.

Ярославская Большая мануфактура открыла бесплатную колыбельню (ясли) на 100 мест в числе первых, в 1870-х гг.[139] Этого было явно недостаточно, чтобы все желающие рабочие могли устроить своих детей. Так, в 1905 г. в течение года колыбельню в разные месяцы посещали 926 детей (565 девочек и 361 мальчик)[140], при этом число детей на мануфактуре, нуждающихся в присмотре, составляло около 3 000 человек. Администрация фабрики признавала, что «учреждение это пока еще не настолько обширно, чтобы приютить всех детей, нуждающихся в присмотре»[141].

При коншинских фабриках и вовсе почти не было специальных заведений по присмотру за детьми. Исключение составляла ситценабивная фабрика, при которой, по крайней мере с 1899 г., существовали ясли, рассчитанные лишь на 25 детей (при том, что ежегодно только в родильном отделении коншинских больниц появлялись на свет сотни детей). Сначала ясли были организованы на средства дочери Н. Н. Коншина Капитолины Николаевны Баршевой, видимо, в порядке благотворительности. В апреле 1901 г. в правлении обсуждался вопрос о том, что К. Н. Баршева отныне не может принимать на свой счет содержание яслей, а потому следовало решить, «как поступить с яслями, т. е. закрыть ли их, или же содержание яслей принять на счет Товарищества», и вопрос был решен в пользу содержания яслей[142]. Однако деятельность этого заведения крайне слабо отражена документально. Даже по его годовым отчетам невозможно ни определить процент тех, чья потребность отдать ребенка на время рабочего дня в ясли была удовлетворена, ни понять принцип отбора попадающих туда детей.

Правила внутреннего распорядка для яслей при коншинских фабриках были утверждены 6 сентября 1902 г. Согласно правилам, в ясли принимались «дети только рабочих ситценабивной фабрики и при том не старше трех лет». Преимущество должно было отдаваться младшим, детям семей, у которых в составе лишь один работник, семьям с меньшим заработком, наконец: «Ребенок при одной матери-работнице имеет преимущество перед всеми прочими кандидатами»[143]. Однако практика выбора детей, кажется, не вполне соответствовала правилам. В 1907 г., например, там находились 30 детей возрастом от 2 мес. до 6 лет, а в 1914 г. — даже до 9 лет (подобная ситуация наблюдалась и на ЯБМ до конца 1890-х гг., когда там для детей постарше открылся детский сад)[144]. У половины из этих детей на фабри-

ке работали и мать, и отец, мать-вдова работала на фабрике в 6 случаях. Заработок родителей составлял от 29 коп. в день до 18 руб. в месяц[145]. Детей, подходящих под все эти параметры, на фабриках должны были быть сотни, и очевидно, что критерии отбора, заданные правилами, были нарушены. Однако здесь следует добавить, что, поскольку на ситценабивной фабрике работало не более 300 женщин (это меньше, чем на других фабриках Товарищества Коншина), то и проблема присмотра за маленькими детьми стояла менее остро, и для одной только ситценабивной фабрики, возможно, такие ясли были достаточно вместительными, но в масштабе всех фабрик Товарищества рабочие фактически не могли рассчитывать на помощь администрации в вопросе присмотра за детьми.

Нам не удалось обнаружить какие-либо правила отбора детей в ясли на ЯБМ. Но некоторую информацию по этому вопросу можно почерпнуть из личных дел рабочих, поскольку там фиксировались, помимо прочей информации, случаи и обстоятельства принятия детей в колыбельню. В первую очередь администрация откликалась на бедственное положение рабочей семьи (смерть одного из родителей; невозможность присмотра за ребенком кем-то из членов семьи, поскольку низкие доходы вынуждали всех работать; просто нехватка средств на содержание малыша и т. п.). Но если возникал выбор между работником, хорошо себя зарекомендовавшим на производстве, и рабочим, неоднократно «провинившимся», то предпочтение отдавалось первому. Поэтому принятие детей в ясли мы тоже можем рассматривать как дополнительное поощрение работника.

Стремление рабочих устроить своих детей в ясли (колыбельню) вполне понятно, если учесть условия содержания там воспитанников. Детей принимали на весь день (например, ясли при коншинской фабрике работали с 5 часов утра до 8 часов вечера), а «по уважительным причинам» можно было оставлять детей и на ночь. В колыбельне при ЯБМ работали смотрительница, няньки, поденщицы, сторожа. На обоих рассматриваемых предприятиях дети, особенно грудные, находились под наблюдением врача. Кроме того, дети находились на полном обеспечении Товариществ: для них бесплатно предоставлялись питание, одежда, белье, а на ЯБМ для них покупались игрушки и гостинцы на праздники. Из счетов содержания колыбельни ЯБМ видно, что дети получали полноценное питание: масло, молоко, мясо, рыбу, сахар[146]. В прил. 44 приводится весьма подробное описание яслей при коншинской ситценабивной фабрике. Конечно, по современным меркам такие ясли кажутся малопривлекательными, но если учитывать имевшиеся у рабочих материальные и жилищные условия, то не подлежит сомнению, что получение места в яслях было большим подспорьем для рабочей семьи (или родителя-одиночки).

Фабричная администрация Ярославской мануфактуры отмечала, что ясли приносят «свою долю пользы как в смысле сохранения здоровья вверенных попечению колыбельни детей, так и, — что самое важное, — в смысле распространения между матерями, отдающими своих детей в колыбельню, разумных начал ухода за детьми»[147].

В уже цитированной монографии по истории Серпухова было указано, что первые ясли стали работать именно при ситценабивной фабрике Коншина, но с 1917 г., а следующие — только с 1920 г. при фабриках «Красный текстильщик» (бывшая прядильно-ткацкая) и имени Ногина (бывшая Рябовская мануфактура)[148], т. е. что до революции подобного заведения в городе не было вовсе. Полностью согласиться с этим утверждением нельзя: надо учитывать, что еще в 1880-х гг. существовали ясли при фабрике Третьяковых (хотя в 1890-е гг. эта фабрика и пре-

кратила существование), и что ясли на ситценабивной фабрике Коншина были организованы задолго до 1917 г. Но если, как и следует, считать важным не существование яслей как таковых, а решение проблемы присмотра за детьми в течение рабочего дня, то, действительно, можно принять, что общедоступного заведения этого типа не было.

На наш взгляд, однако, руководство предприятий не рассматривало содержание яслей как благотворительное мероприятие. Заметим, что на деньги из коншинских прибылей еще существовали больница на 40 мест для неизлечимых больных, богадельня и при них церковь в деревне Скрылья, но это были заведения, никак не связанные с фабрикой, а организованные исключительно в порядке благотворительном, согласно завещанию Александры Николаевны Коншиной[149]. Однако расходы на ясли, в отличие от этих заведений, ежегодно записывались в сметы расходов и доходов всего Товарищества Н. Н. Коншина, т. е. рассматривались правлением как часть фабричного хозяйства (как казармы для рабочих и т. п.). То же самое можно сказать и для колыбельни, существовавшей при ЯБМ.

Табл. 65 и 66 дают представление о расходах фабрик на содержание детских дошкольных учреждений, а для ЯБМ — и некоторые сведения об их загруженности.

Таблица 65

Расходы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на содержание яслей для детей рабочих (руб./г.). 1902–1908 гг.

Год	Сумма
1902	1 930,98
1903	2 126,54
1904	2 479,12
1905	3 233,16
1906	3 804,99
1907	3 218,05
1908	2 537,60

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 50 об.

Таблица 66

Сведения о детских дошкольных учреждениях на ЯБМ и расходах фабрики на их содержание. 1892, 1895, 1898 гг.

Год	Расходы фабрики на содержание детских учреждений, руб./г.	Число детей в среднем в сутки	Всего дней проведено детьми	Расходы на питание одного ребенка в день, коп.	Все расходы на одного ребенка в день, коп.
1892	1 271,85	50	5 827	6,6	21,8
1895	1 801,60	70	7 084,5	7,1	25,3
1898	3 436,90	120	12 934	5,2	17,9

Примечание: для 1892 и 1895 гг. сведения даются только по колыбельне, для 1898 г. — по колыбельне и детскому саду.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 115–116; Д. 2744. Л. 155, 157; Д. 3336. Л. 206, 208.

Поначалу в колыбельню на ЯБМ, как и на коншинских фабриках, принимались дети в возрасте от 1 месяца до десяти лет. Ситуация изменилась в конце 1890-х гг., когда для детей рабочих от пяти до десяти лет был открыт еще и детский сад. В начале XX в. его посещали около 800 детей. Все поступающие в сад делились на две группы — старшую и младшую. С каждой группой проводились занятия, соответствующие возрастному развитию детей. Например, со старшей группой работали специальные учителя (всего в саду было шесть учительниц). Детей обучали молитвам, чтению, немного счету и письму. В источниках детский сад часто называется «школой грамоты», поскольку он был подготовительной ступенью к дальнейшему получению образования.

Детский сад для детей 5–8 лет с 1906 г. существовал и при Прохоровской мануфактуре[150]. Сначала он размещался «при спальнях рабочих» и был рассчитан на 40–60 детей. Через два года он переехал в специально выстроенное деревянное здание, позволявшее принимать до 150–170 детей и имевшее обсаженный деревьями двор, «обширный светлый зал и две больших классных комнаты». Детский сад работал ежедневно с 9 часов утра до 5 часов вечера, за исключением воскресных, праздничных дней и одного летнего месяца. Как и в детском саду при ЯБМ, с детьми помимо игр проводились занятия ручным трудом (вырезание из картона, вязание крючком и проч.), рисованием, пением, гимнастикой, «общими чтениями», а «более взрослые» обучались письму и чтению. Для этого среди сотрудников детского сада были пять учительниц и учитель гимнастики. Очевидно, фабричное руководство в обоих случаях рассматривало детский сад как подготовительную ступень к школе. В отчете правлению Товарищества заведующий Ярославской мануфактурой отмечал, что «дети, посещавшие эту школу в течение 2–3 сезонов, являются уже настолько приученными к порядку и дисциплине школьной жизни и подготовленными для дальнейших таковых занятий, что резко выделяются среди своих сверстников, не посещавших детский сад, почему и получают преимущество при принятии детей в фабричное училище»[151].

* * *

Итак, мы рассмотрели практику существования больничных учреждений при крупных фабриках. Общую картину, которая складывается по итогам такого обозрения, конечно, трудно назвать идеальной. Сами рабочие не были вполне удовлетворены уровнем доступной им медицинской помощи и на протяжении всего периода, как могли, боролись за ее улучшение. Так, в ходе начавшейся 15 ноября 1905 г. забастовки рабочие ЯБМ в числе требований, включенных в несколько петиций, выдвигали и требования, связанные с «расширением медицинской помощи» работникам предприятия.

С другой стороны, и резко негативные отзывы, которые мы находим в советской научной и популярной исторической литературе, явно несправедливы. Врачебное дело в Российской империи вообще развивалось с большими трудностями, и фабричная медицина проходила тот же путь эволюции, по которому одновременно шло дело здравоохранения земского и городского. Более того, на тех или иных крупных фабриках дело медицинской помощи в некоторых отношениях было поставлено существенно лучше, чем в любых окружающих больницах. Так, на упомянутое выше требование рабочих ЯБМ во время забастовки 1905 г. правление ответило отказом, подчеркнув следующее: «Существующая при Мануфактуре больница и без того оказывает медицинскую помощь рабочему населению Ману-

фактуры и притом гораздо шире, чем это требуют существующие узаконения»[152]. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что к началу XX в. все расходы на больничные учреждения, как правило, полностью относились на фабричный счет, а рабочие (и члены их семей) получали относительно квалифицированную медицинскую помощь бесплатно, чего обычно не было во внефабричных больницах.

Нельзя отрицать, что фабричная медицина в России прошла за 30–40 предреволюционных лет значительную эволюцию. Прежде всего, эта эволюция была обусловлена принятием обязательных постановлений властей по медико-санитарной части, а также развитием контроля за их выполнением. Кроме того, развитие фабричной медицины было обязано подвижническим усилиям когорты фабричных врачей, вложивших немало личной инициативы не только в развитие практики врачебной помощи на конкретных предприятиях, но и в обсуждение этой проблемы во всероссийском масштабе.

Однако не стоит забывать и о роли предпринимателей, на чьи деньги, собственно, была организована фабричная медицина. Не только у советских историков, но даже и у некоторых современников проявлялось вполне пренебрежительное отношение к роли хозяев промышленных предприятий. Мы встречаем, например, такой рассказ современника о фабричной медицине на Трехгорной мануфактуре:

«Врач... пользовался большим благоволением старухи-матери фабриканта и был на фабрике *persona grata*. При всесильном ее покровительстве врач поставил фабричную медицину довольно удовлетворительно. Правда, это удовлетворительное состояние шло не очень далеко. Число коек в больнице до последнего времени далеко не соответствовало числу рабочих на фабрике; амбулатория была крайне тесна, ни лаборатории, ни микроскопа и т. д. Только 1905 год заставил владельца расширить больницу. За всем тем постановку врачебной части на фабрике можно было считать порядочной. А сам фабрикант считал ее даже очень высокой. Но вот этот врач тяжко заболевает и сходит со сцены. Назначается новый врач, — хотя тоже протеже матушки, но уж не пользующийся особыми преимуществами. Положение фабричной медицины падает. Года через полтора, в июле 1909 г., как показатель необеспеченности фабричного населения медицинской помощью и неудовлетворительного ее состояния, на фабрике развивается эпидемия натуральной оспы с десятками заболеваний в короткое время. Вслед за тем умирает и старуха-фабрикантша. Медицина на Прохоровской Трехгорной мануфактуре лишается основы своего благополучия: ни старухи-покровительницы, ни покровительствуемого врача». И далее следует категорический вывод: «Нет промышленников, которые обнаружили бы такой широкий кругозор, такое здоровое понимание дела, что считали бы расходы на медицинскую помощь рабочим необходимой составной частью расходов на производство, считали бы их расходами производительными. Все они считают расходы на медицину неприятной обязанностью»[153].

Приведенное мнение, несомненно, представляет интерес. Однако нам кажется, что автор сделал слишком субъективные выводы и односторонне изобразил владельцев и руководителей предприятий. На материалах конкретных фабрик и заводов 1880–1910-х гг. мы можем встретить самые разные примеры, в том числе и вопиющей безответственности администрации в отношении организации медицинской помощи. Многих хозяев фабрик, вовсе не думавших о здоровье своих рабочих, приходилось, конечно, стимулировать принятием обязательных постановлений и жестким контролем за их исполнением. Пусть и медленно (как и во многих других странах), но эта линия воздействия на наименее сознательных промышленников неуклонно развивалась в Российской империи.

Одновременно в источниках, относящихся к конкретным предприятиям (особенно при анализе делопроизводственной документации), мы встречаем и противоположные примеры, когда именно фабричная администрация проявляет инициативу во введении новых прогрессивных правил, направленных на улучшение здоровья своих рабочих, когда администрация принимает решения о выделении сотен тысяч рублей на строительство новой больницы, хотя закону худо-бедно соответствовала бы и старая, когда администрация регулярно проводит санитарные осмотры помещений или вводит новые штатные единицы вроде зубного врача. Из процитированных в данной главе документов видно, что администрация, по крайней мере, крупных фабрик далеко не всегда вела себя в соответствии с приведенной выше эмоциональной фразой «Все они считают расходы на медицину неприятной обязанностью». И уж вовсе невозможно в рамках такой оценки объяснить, почему на ряде крупных предприятий деятельность по оказанию врачебной помощи рабочим порой существенно обгоняла законодательные инициативы и правительства, и местных властей.

Напротив, нам представляется вполне реальным предположение о том, что на крупных фабриках в целом существовало представление о необходимости создания некоторой фабричной инфраструктуры, которая бы в полной мере способствовала привлечению и удержанию на фабриках грамотных, мотивированных рабочих, и медицинская часть полагалась составной частью такой инфраструктуры. Первостепенной задачей правлений фабрик оставалось получение прибыли, поэтому дело продвигалось медленно, порой с большими трудностями, но общее направление развития фабричной медицины было, несомненно, положительным и в значительной степени определялось волей предпринимателей.

[1] «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений». ПСЗ-III. Т. IV. № 43594а. (Дополнение к т. XLI ПСЗ-II). Хотя в его названии фигурирует только Московская губерния, это положение уже в 1867 г. решением Государственного Совета было распространено на всю территорию Российской империи. См.: *Чистяков И.* К вопросу о нормативном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909. С. 6.

[2] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 240.

[3] *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899. С. 11, 12, 14, 17.

[4] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 242.

[5] *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899. С. 26.

[6] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 241.

[7] Там же.

[8] *Орлов Д. И.* Проблемы фабричной медицины // Труды первого Всероссийского съезда фабричных врачей... Т. 2. М., 1910. С. 4–5.

[9] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 136.

[10] *Орлов Д. И.* Указ. соч. С. 18–19.

[11] *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии... С. 125.

[12] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 136.

[13] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 46.

[14] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 245.

[15] *Орлов Д. И.* Указ. соч. С. 17.

[16] *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. С. 10.

[17] *Аристов С.* Город Серпухов. С. 51.

[18] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 129.

[19] Видимо, в 1877 г. у Коншина и было построено впервые специальное здание под больницу. По крайней мере в позднем инвентарном списке больничного имущества кровати и некоторая прочая обстановка числятся именно с 1877 г. Самое же старое в этом списке — «старый фельдшерский набор инструментов» 1869 года. ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

[20] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 150–151, 153.

[21] Там же. С. 152.

[22] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. Т. 1. С. 113.

[23] Там же. С. 130.

[24] *Герасимов Н. В. и др.* Красный Перекоп... С. 34.

[25] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 41.

[26] *Грязнов А. Ф.* Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. С. 235. Грязнов приводит текст ведомости расходов предприятия помимо «платы мануфактурным мастеровым и работным людям».

[27] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 253.

[28] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 162.

[29] *Алявдин П. А.* Заболеваемость рабочих и организация медицинской помощи на фабриках и заводах города Иваново-Вознесенска // Труды первого Всероссийского съезда фабричных врачей... Т. 2. С. 36.

[30] «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих». §§ 58–59.

[31] Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. С. 11.

[32] *Песков П. А.* Владимирский фабричный округ... С. 70.

[33] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903. С. 145; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г. СПб., 1911. С. 80; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г. СПб., 1913. С. 217.

[34] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 253–254.

[35] Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. С. 11–12.

[36] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 163.

[37] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 63.

[38] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 143.

[39] ГА ЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1362. Л. 40.

[40] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 147.

[41] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 63.

[42] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 42.

[43] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 64.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 63.

[46] Там же. С. 65.

[47] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 176. Лл. 15в–15в об.

[48] *Красюк Н. А.* 55 фабричных больниц Московской губернии и их деятельность за 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. 1904. № 1. С. 43.

[49] Члены семей рабочих, в особенности проживающие вместе с ними в фабричных казармах, пользовались фабричной медицинской помощью наравне с самими рабочими и на ЯБМ, и в коншинской больнице. Более того, это было характерно для Центрального промышленного района. Так, характеризуя ситуацию 1907 г., Е. М. Дементьев писал: «Вообще в центральной промышленной области, в северных и восточных губерниях пользование врачебной помощью на фабриках семейств рабочих наравне с самими рабочими есть явление обычное, и лишь в очень редких случаях оно ограничивается только амбулаторным лечением, без права лечения на койках фабричных больниц. В Прибалтике и Западном крае, напротив, семейства пользуются правом на лечение обыкновенно только в амбулатории или на дому, но не в больницах. (*Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. С. 37.)

[50] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 41.

[51] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 66.

[52] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «В». Д. 44. Л. 1. Скорее всего, имеется в виду небольшая табачная фабрика Вахрамеева (в 1900 г. там работало 245 человек), на которой, видимо, своей больницы вовсе не было.

[53] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 186–187.

[54] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8116.

[55] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 46 об.–47.

[56] *Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 107, 120.

[57] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 169.

[58] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 149.

[59] *Владимирский В. В.* Медицинский осмотр рабочих при поступлении их на заводы и фабрики // Труды первого съезда фабричных врачей... Т. 1. М., 1910. С. 191–192.

[60] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 64. Л. 107.

[61] Там же. Д. 60. Л. 38; *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 254.

[62] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 41.

[63] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 136.

[64] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 90–91.

[65] См., например: *Красюк Н. А.* 55 фабричных больниц... С. 51.

[66] Цит. по: *Орлов Д. И.* Проблемы фабричной медицины... С. 3.

[67] Обязательные санитарные постановления Московского Губернского Земского Собрания. М., 1905. С. 73. (Цитата приведена по экземпляру брошюры, находящемуся в архиве: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 469. Л. 161.)

[68] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 285. Л. 18–19.

[69] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1046. Л. 45.

[70] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 42.

[71] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 167.

[72] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 55.

[73] Там же. Л. 82; ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13.

[74] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 42.

[75] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 89.

[76] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1046. Л. 26 об.–27.

[77] *Экк В. В.* Положение фабричного врача в бытовом, экономическом и правовом отношениях в связи с организацией фабричной медицины // Труды первого съезда фабричных врачей... Т. 2. М., 1910. С. 452.

[78] История Московского купеческого общества. Т. 5. Вып. 1. М., 1913. С. 213.

[79] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 83 об.

[80] *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 21.

[81] Там же. С. 43.

[82] *Письменный Н. Н.* Некоторые статистические данные о травматизме рабочих в обработке хлопка вообще, а в ткачестве и прядении в частности // Медицинское обозрение. 1909. № 5.

[83] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2353. Л. 16.

[84] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 254.

[85] *Орлов Д. И.* Проблемы фабричной медицины... С. 16.

[86] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 93.

[87] Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 26.

[88] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 230.

[89] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 96.

[90] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2353. Л. 16.

[91] Там же. Оп. 3. Д. 126. Л. 231.

[92] Там же. Л. 234.

[93] Там же. Л. 230–231.

[94] Там же. Л. 232–233.

[95] Там же. Л. 233.

[96] Там же. Л. 234.

[97] Там же.

[98] Там же. Л. 235.

[99] Там же.

[100] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 147; ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 69. Л. 156.

[101] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 60. Л. 38.

[102] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 94.

[103] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 168–169.

[104] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1046. Л. 24.

[105] *Красюк Н. А.* 55 фабричных больниц... С. 47.

[106] См., например, по поводу надвигающейся эпидемии брюшного тифа в 1917 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1046. Л. 36.

[107] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 176. Л. 17–17 об.

[108] Там же. Л. 15в об.–15г.

[109] Там же. Д. 358. Л. 47.

[110] Там же. Д. 471. Л. 9–10.

[111] Там же. Д. 358. Л. 47.

[112] Там же. Д. 176. Л. 15г об.

[113] ГА ЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1362. Л. 40.

[114] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 89.

[115] Там же.

[116] Там же. Л. 87.

[117] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 471. Л. 47 об.

[118] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 208 (а).

[119] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 53.

[120] Там же.

[121] См., например: *Альтгаузен Н. Ф.* Попечение о грудных детях фабричных работниц // Труды Второго Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1911. Вып. 3; *Покровская М. И.* Моя думская практика (Очерк из быта рабочего населения в Петербурге) // Мир Божий. 1898. № III. Отд. 2.

[122] *Покровская М. И.* Моя думская практика... С. 22–25.

[123] *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000. С. 143–144; *Он же.* Хозяйственное значение женщины в рабочей семье. С. 123.

[124] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 246, 323 и др.

[125] *Альтгаузен Н. Ф.* Попечение о грудных детях... С. 2.

[126] Там же.

[127] В 1895 г. в фабричном городке ЯБМ родились 533 ребенка (285 мальчиков и 248 девочек), из которых в первый же год умерли 348 (172 мальчика и 176 девочек), т. е. 65,29 % (Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 33).

[128] Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 33.

[129] *Письменный Н. Н.* К вопросу о вырождении фабричного населения // Труды первого съезда фабричных врачей... Т. 2. М., 1910. С. 387–388.

[130] *Астрахан И. Д.* Врачебная помощь на фабриках г. Москвы... С. 82.

[131] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 259.

[132] *Курахтанов В.* Первая ситценабивная. М., 1960. С. 13.

[133] *Борисов М. М.* К вопросу об устройстве яслей на фабриках // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губернии. 1904. № 8. С. 2. (Номер страницы приводится по оттиску статьи, находящемуся в архиве (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 80), поэтому нумерация страниц в журнале может отличаться.)

[134] *Песков П. А.* Фабричный быт Владимирской губернии... С. 57–58.

[135] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 182.

[136] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 31.

[137] *Перфильев П. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 60.

[138] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 47.

[139] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 151.

[140] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 79.

[141] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5243. Л. 17.

[142] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 80.

[143] Здесь и далее по «Правилам внутреннего распорядка яслей»: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 15.

[144] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 83.

[145] 1907 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 476. Л. 4 об.–8; 1914 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 889. Л. 4 об.–6.

[146] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 79.

[147] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 53.

[148] *Гарин Г. Ф. и др.* Серпухов. С. 162.

[149] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 93. Л. 111–123.

[150] Здесь и далее об организации детского сада на Трехгорной мануфактуре см.: *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 258–259.

[151] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 152; Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 54.

[152] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 37.

[153] *Вегер И. С.* Фабричная медицина и земство // Труды первого съезда фабричных врачей... Т. 2. С. 109.

ГЛАВА VIII
СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОЧИХ

Еще одним принципиально важным фактором, оказывающим влияние на трудовую деятельность любого работника, является наличие (или отсутствие) некоторых социальных гарантий, не связанных непосредственно с трудовым процессом. Прежде всего, речь идет о пенсионном обеспечении тех работников, которые, честно прослужив определенное время на предприятии, становятся частично или полностью нетрудоспособными. Другой аспект системы социального страхования связан с поддержкой из средств предприятия (или государства) тех работников, которые оказываются в сложном положении в связи с чрезвычайными ситуациями: в результате болезни, травмы, в связи с потерей имущества при пожаре и т. п.

Начиная рассмотрение данного важного направления социальной политики предпринимателей и его роли в общей системе стимулирования труда на дореволюционных российских фабриках, нам вновь придется сначала обратиться к его оценке, преобладавшей в советской историографии.

В капитальном обобщающем труде 1989 г. «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.», где материал о положении рабочих доведен до 1904 г., основная позиция по вопросу о социальном обеспечении выражена следующей фразой: «Тяжелое положение рабочих усугублялось отсутствием социального обеспечения на случай болезни, увечья и старости. При потере трудоспособности предприниматели выбрасывали рабочего просто на улицу или, в лучшем случае, выдав нищенское пособие, отправляли на родину, забыв о его дальнейшем существовании»[1]. Там же как описание типичного явления приводится газетная корреспонденция весны 1903 г.: «Пострадавшие от увечий остаются за бортом фабрики без всяких средств к существованию. Рабочие некоторых фабрик застрахованы, но страховая премия попадает в карманы ненасытных фабрикантов». О пенсиях для рабочих в данном исследовании речь вообще не заходит.

«Рабочие, потерявшие трудоспособность, не получали пенсии. В лучшем случае им выдавали небольшое пособие, которого хватало ненадолго, а потом его ждало нищенство и голодная смерть»[2]. Хотя в приведенной цитате речь идет только о Ярославской Большой мануфактуре, этот тезис (в различных формулировках) присутствует во многих работах советских историков рабочего класса. Тем не менее такая оценка определенно нуждается в значительной корректировке. Вопрос об обеспечении дореволюционных рабочих, утративших трудоспособность, достаточно сложен. Не вызывает сомнений тот факт, что сфера социального страхования в Российской империи вообще и в промышленности в частности, значительно уступала тем стандартам, которые считаются нормой в настоящее время, однако с подобных позиций оценивать историческую ситуацию некорректно. Сложно отрицать, что такая оценка социального страхования, как приведенная выше, допустима по отношению к отдельным предприятиям, прежде всего небольшим, причем в ранний период индустриального развития, предшествовавший вмешательству го-

сударства в эти вопросы. На крупных же предприятиях ситуация нередко была иной и порой существенно отличалась от той трагичной картины, которая рисовалась большинством авторов. Не подлежит сомнению и то, что данная сфера, наравне с другими, претерпела существенную эволюцию за десятилетия дореволюционной индустриализации, на что в советской историографии предпочитали не обращать внимания.

При этом нужно особо отметить, что развитие системы социального страхования рабочих было различным в зависимости от тех проблем, на разрешение которых она была обращена, и подходить к оценке всей системы тоже нужно дифференцированно. Так, если дело пенсионного обеспечения старых рабочих развивалось относительно медленно, то на выплаты пенсий и пособий рабочим, получившим инвалидность вследствие несчастного случая на производстве, тратились значительные средства, и государственные органы затрачивали немало усилий для того, чтобы контролировать этот процесс (по крайней мере, после 1903 г.). В обоих случаях, однако, говорить о том, что рабочие никогда не получали пенсий, можно лишь закрыв глаза на многочисленные факты назначения рабочим пенсий разного рода.

Если мы обратимся к сообщениям различных изданий, подготовленных самими дореволюционными предприятиями, в частности, выпущенных к промышленным выставкам, то увидим совсем другую картину. Например, в издании ЯБМ, подготовленном к Парижской выставке 1900 г., читаем: «Заболевшим и вообще тем из рабочих, которые замечают, что их занятия отражаются вредно на их здоровье, предоставляется возможность перехода на более легкую или более подходящую для них работу или на время впредь до поправки здоровья, или навсегда, смотря по желанию рабочего; кроме того, таковым рабочим разрешаются: отпуски (часто продолжительные), выдача пособий деньгами или харчевыми припасами из лавки, наконец, не могущие работать помещаются в богадельню, или им назначается пенсия»[3]. Это явно противоречит приведенной выше цитате из издания 1970-х гг., посвященного истории того же самого предприятия. Однако для нас в этом вопросе главную роль играют архивные материалы, и они (как мы покажем) подтверждают наличие системы социальных выплат рабочим на крупных текстильных фабриках в конце XIX — начале XX вв. Социальные выплаты в этот период в ряде ситуаций регулировались на законодательном уровне, но существенным было и то социальное пространство, на котором могла развернуться (и разворачивалась!) частная инициатива предпринимателей. Наиболее известный на сегодняшний день пример подобного рода дает — Никольская мануфактура Морозовых[4]. И архивы рассматриваемых нами текстильных фабрик позволяют заключить, что Никольская мануфактура была не единственным предприятием, владельцы которого реализовывали достаточно активно социальные программы в порядке доброй воли, порой опережая и превосходя требования законодательства.

Оговорим более подробно, что именно мы будем понимать под социальным обеспечением и страхованием на фабриках. Материалы конкретных предприятий показывают, что на них — систематически или эпизодически — осуществлялись различные выплаты рабочим, оказавшимся в тяжелом положении. Эти выплаты были возможны как в виде единовременных пособий, так и в виде пенсий, выплачивавшихся в течение продолжительного периода. О том, из каких средств производились эти выплаты, и насколько заметные суммы они составляли, речь пойдет ниже; сейчас лишь перечислим категории рабочих, имевших в начале XX в. возможность рассчитывать на помощь от фабрики. Чаще всего фабрики не были обя-

заны оказывать рабочим вспомоществования того или иного типа, мы также не говорим о значительной распространенности всех перечисленных ниже вариантов выплат, но принципиальное существование их несомненно.

Прежде всего, промышленные предприятия несли определенную ответственность перед рабочими, пострадавшими в результате несчастных случаев на производстве. Из фабричных средств оплачивалось содержание пострадавшего в больнице до выздоровления или до признания инвалидности, при этом фабрика обычно платила некоторое пособие за время лечения. Тем рабочим, за кем признавалась «частичная утрата трудоспособности», выплачивалось единовременное пособие, размер которого зависел от тяжести повреждений. Инвалидам, полностью потерявшим способность к работе, а также и семьям погибших рабочих назначалась регулярная пенсия. Пенсия также могла заменяться единовременной выплатой достаточно крупной суммы. Под «утрату трудоспособности на производстве» могли подпасть не только пострадавшие от несчастных случаев, но и инвалиды, потерявшие здоровье в результате профессиональных заболеваний.

Мы встречаем также упоминания о регулярных пенсиях, назначенных старым рабочим, прослужившим на предприятии достаточно длительное время. Иногда такие пенсии продолжали выплачиваться и семьям старых рабочих после их смерти. Пенсии по старости также могли заменяться единовременными пособиями или натуральным содержанием престарелых рабочих в богадельнях.

На отдельных предприятиях (а после 1912 г. — повсеместно в законодательном порядке) существовала система выплат пособий рабочим, которые временно не могли работать из-за болезней, хотя бы и не связанных непосредственно с производством. Отдельное место здесь принадлежит пособиям, которые выплачивались роженицам в последние недели беременности и первые недели после рождения ребенка, в том числе и на тот период, когда матери не находились в больнице стационарно.

Рабочие (или их семьи) также могли рассчитывать на небольшие пособия в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Наиболее распространенные причины подобных выплат — похороны рабочих или членов их семей и потеря имущества от пожара или в результате какого-либо иного несчастного случая. Однако рабочие могли обращаться за пособием и просто при стесненном положении, и такое пособие иногда выдавалось.

Некоторые из перечисленных аспектов социальных выплат с определенного момента прямо регулировались фабричным законодательством и таким образом становились обязательными к выполнению на всех промышленных предприятиях. Как уже говорилось, в первую очередь это относится к выплатам рабочим, пострадавшим от несчастных случаев на производстве.

«ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ РАБОЧИХ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ»

Среди всех поводов для введения социального страхования наиболее очевидным являлась необходимость прямой ответственности хозяев предприятий перед рабочими, получившими увечье в результате несчастных случаев на производстве. Все прочие ситуации были сложнее; например, ответственность фабрики перед постепенно стареющими работниками была неявной, и там вполне можно было руководствоваться неписаными, установившимися исторически законами трудо-

вого рынка (пока рабочий может эффективно исполнять свои обязанности, он интересует работодателя, и тот готов платить за труд по взаимному договору; как только рабочий перестает быть полезным, он не может больше предлагать свой труд и, соответственно, перестает интересовать работодателя, который теперь заключит договор с новыми рабочими, и все это как будто в рамках взаимного согласия). Но если рабочий терял здоровье на самой фабрике и именно вследствие этого переставал быть полезным, то простое увольнение его было слишком уж очевидной социальной несправедливостью, и возмещение ущерба в какой-либо форме казалось совершенно необходимым.

Правительство довольно рано пришло к осознанию необходимости такого возмещения, хотя щедрость его простиралась не особенно далеко. В утвержденных в марте 1861 г. «Правилах о найме рабочих на казенные работы» было постановлено, что если на производстве кто-либо «получит тяжелые увечья и останется калекой», то подрядчик должен выплатить ему двойную плату за весь срок найма, та же выплата предназначалась семье рабочего, если тот погиб в результате несчастного случая[5]. Уже в 1860-х гг. началась и разработка проекта об ответственности хозяев промышленных предприятий перед пострадавшими от несчастных случаев на производстве. Однако дело шло удивительно медленно, причем периодически доводившиеся до финальной версии проекты все равно не проходили через высшие инстанции вплоть до 1903 г.[6]

Нельзя сказать, чтобы при этом у рабочих не было совсем никаких прав. Они могли требовать возмещения ущерба через суд, руководствуясь общими положениями гражданских законов об ответственности за причинение вреда и убытков. Но тогда рабочим необходимо было доказать прямую вину хозяина, что было очень сложно; общее несовершенство судебной системы усугубляло трудности, так что успешное ведение судебного процесса было чрезвычайно проблематичным для потерпевших. Более распространенной была практика заключения «мировых сделок», когда хозяева выплачивали потерпевшим рабочим некоторую сумму, чаще всего ничтожную, а те давали обязательство отказаться от любых дальнейших претензий[7].

Тем не менее предприниматели, подстегиваемые появлением соответствующих законопроектов, активно обсуждали проблему страхования от несчастных случаев и предлагали свои решения. Весьма распространенным вариантом стало использование услуг коммерческих страховых обществ. На протяжении 1890-х гг. число застрахованных таким образом рабочих стремительно росло — с 93 тыс. человек в 1890 г. до 936 тыс. человек в 1900 г.[8] Однако качество коммерческого страхования вызывало у современников немало вопросов. В частности, В. П. Литвинов-Фалинский писал, что самим рабочим подобное страхование давало немного, потому что «получение вознаграждения от страховых обществ было сопряжено для них с теми же затруднениями и спорами, как и от хозяев фабрик»[9]. Другой авторитетный свидетель, В. Е. Варзар, подчеркивал, что поскольку страховые общества озабочены главным образом получением прибыли, коммерческое страхование для рабочих, не принося особых выгод фабрикантам, для рабочих является даже менее предпочтительным, чем если бы дело о назначении пенсий и пособий разбиралось владельцами предприятия. «Главный недостаток постановки дела, — писал он, — заключается в неестественности отношений страхуемого и страхующего: страхующий (фабрикант) обеспечивает себя от ответственности по суду и нисколько не заинтересован в судьбе страхуемого (рабочего), который подчас не знает даже, что он застрахован, и, во вся-

ком случае, не знает ни условий застрахования (а они весьма разнообразны), ни своих прав»[10].

Неопределенность ситуации была разрешена принятием **закона 2 июня 1903 г.**[11] Этот закон обязал владельцев промышленных предприятий выплачивать своим работникам пособия в установленном размере в случае полной или частичной потери последними трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве, за исключением таких, насчет которых было бы доказано, что причиной несчастного случая были «злой умысел» или «грубая неосторожность» пострадавшего. Больничное лечение полностью возлагалось на предприятие. Предусматривались компенсации потерпевшим в двух вариантах — пособия и пенсии. Пособия в размере половины заработка работника назначались при временной потере работоспособности, они выплачивались с момента несчастного случая до полного восстановления трудоспособности или же до признания утери трудоспособности постоянной (что должно было подтверждаться медицинским заключением). Пенсии назначались в случае постоянной — полной или частичной — утраты трудоспособности. В первом случае размер пенсии составлял $^2/_3$ заработка потерпевшего, во втором — определялся в зависимости от серьезности полученных увечий. Пенсия назначалась пожизненно, однако через три года любая из сторон могла потребовать переосвидетельствования пострадавшего для уточнения степени трудоспособности. Если рабочий погибал в результате несчастного случая, законом предусматривалась выплата пенсии членам его семьи (в зависимости от степени родства, но суммарно не более $^2/_3$ заработка; родителям — пожизненно, вдове — до вступления в брак, детям — до достижения 15-летнего возраста). Закон вступил в силу с 1 января 1904 г. сразу на всей территории Российской империи. Хотя нормы «вознаграждения» рабочих, прописанные в этом законе, снизились по сравнению с предложенными в законопроектах, важным было основное преимущество — отныне рабочим не надо было доказывать недоказуемую «вину владельца предприятия», поэтому страхование от несчастных случаев стало для них реальным.

Обсуждение практики применения закона 1903 г. в промышленности Российской империи вообще выходит за рамки данного исследования; как бы то ни было, вопрос о страховании рабочих перешел с этого момента на качественно новый уровень.

Изучение материалов ЯБМ и коншинских фабрик показывает, что правления обоих Товариществ еще и до издания закона 1903 г. самостоятельно вводили некоторый общий порядок поддержки травмированных рабочих, а после — четко следовали закону.

В отчете о деятельности ЯБМ, составленном в 1905 г. А. Ф. Грязновым, сообщалось следующее: «До издания закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих от несчастных случаев рабочим Мануфактуры, получившим машинные повреждения, Мануфактура выдавала вознаграждение, кому — единовременное, кому — ежемесячное, по нормам, принятым страховыми обществами России и Германии. В настоящее время, после издания закона 2 июня 1903 г., вознаграждение рабочим выдается по нормам, установленным этим законом»[12]. Сообщение о том, что на фабрике существует четкий порядок выплат пособий пострадавшим от несчастных случаев, имеется и в официальном издании 1896 г.[13] Более познавательным, однако, является изучение личных дел рабочих.

Например, ваточник И. Е. Бабушкин в 1884 г. получил «машинное повреждение», долгое время пробыл в больнице. В его личном деле имеется запись: «За все

неработаемое время по распоряжению г. директора фабрики выдавалось жалование полностью в размере 50 коп. за рабочий день»[14].

II присучальщик В. П. Багров в 1894 г. пробыл в больнице месяц «по случаю машинного повреждения, за что и было выдано вознаграждение в $^1/_2$ размере заработка за 24$^1/_2$ дней» по 20 коп в день. Общая выданная сумма составила 4 руб. 90 коп.[15]

Запасная банкаброшница А. А. Базанова в 1898 г. перенесла травму с повреждением правой руки машиной. Она провела в фабричной больнице 40 дней, и за это время ей было выплачено 10 руб. 40 коп., при том, что ее обычный заработок составлял менее 6 рублей в месяц[16].

В то же время, например, обмахивальщик И. Л. Багров в 1883 г. также попал в машину и некоторое время не работал вследствие травмы, но в его личном деле вообще нет пометок, что ему выдавалось какое-то пособие[17].

Таким образом, по личным делам выясняется, что большинству рабочих ЯБМ, получивших травму на производстве, действительно выплачивались некоторые пособия за все дни, проведенные как в больнице, так и дома, независимо от длительности периода лечения, причем относительные размеры пособий различаются. Это мог быть половинный заработок или полный, или пособие даже могло превышать заработок, как это было в случае с А. А. Базановой. Но фабрика могла и вовсе отказать в пособии. Очевидно, каждое дело рассматривалось индивидуально, и в назначении пособий не было единой нормы.

С июня же 1903 г. выдача пособий пострадавшим при несчастных случаях происходила в соответствии с законодательно установленными нормами. Можно говорить о том, что на ЯБМ закон лишь закрепил уже сложившуюся практику; более того, на требования рабочих увеличить «размер вознаграждения за физические повреждения, полученные рабочими во время работ», правление Товарищества теперь отвечало, что размер таких выплат «установлен законом одинаковый для всех рабочих в Империи, и потому никаких особых положений специально на нашей фабрике быть не может»[18].

На фабриках Коншина к концу XIX в. существовал четкий порядок выплат пенсий и пособий пострадавшим рабочим из средств предприятия. В докладе о деятельности благотворительных организаций в 1899 г., подписанном директором правления С. Н. Коншиным, мы находим, что рабочие были застрахованы в коммерческом страховом обществе. В случае гибели рабочего семье следовало единовременное пособие в размере 1 200 поденных заработков; в случае инвалидности — пожизненная пенсия, «соответствующая степени инвалидности и рассчитанная согласно тарифу Общества на основании застрахованной на этот случай суммы, равной 1 500-кратному поденному заработку потерпевшего от несчастного случая и включенного в страхование лица»; в случае временной потери трудоспособности — суточное вознаграждение до 50 % поденного заработка, однако не свыше 1 руб. в сутки[19].

О том, как и когда этот порядок утвердился, говорить сложно. К сожалению, сохранившиеся материалы не позволяют в подробностях изучить историю выплат пособий, зато все пенсии, независимо от причин их назначения, записывались в специальную книгу[20]. Согласно этой книге первая пенсия была назначена в июне 1883 г. матери погибшего рабочего отбельного цеха ситценабивной фабрики. Пенсия составила 5 рублей в месяц, а в 1895 г. она была уменьшена до 3 руб. Пенсии семьям погибших на производстве рабочих были также назначены в 1889 г. (две), в 1892 г. (еще две) и в 1900 г. (одна), а первая пенсия по увечью была назначена только в марте 1897 г.

То же мы встречаем и на Ярославской мануфактуре. Так, в августе 1900 г. умер «от придавления машиной» Н. С. Бабушкин, проработавший на ЯБМ в течение трех лет. Из родственников у него оставалась только мать, вдова 62 лет, которая нигде на тот момент не работала. После смерти сына ей было назначено пособие сначала на полгода в размере 5 рублей в месяц (3 рубля — харчами, 2 рубля — деньгами). Затем выплата пособия в том же размере неоднократно продлевалась и завершилась только в сентябре 1902 г. в связи со смертью женщины. На ее похороны из средств ЯБМ было выделено 10 рублей[21].

В фонде коншинских фабрик имеется черновик ответа правления на анкету, разосланную Советом съездов представителей промышленности и торговли относительно несчастных случаев на двух ткацких фабриках[22]. О страховании в 1901–1903 гг. здесь есть лаконичная запись: «Рабочие были застрахованы от несчастных случаев в страховом обществе»; очевидно, речь идет о таком коммерческом страховом обществе, как говорилось выше. С введением в действие закона 1903 г. Товарищество Н. Н. Коншина стало руководствоваться его нормами.

Несчастных случаев у Коншина было, если сравнивать с высоким уровнем травматизма в дореволюционной промышленности вообще[23], относительно немного. В журнале заседания Больничного совета от 6 марта 1907 г. приводятся следующие данные: за два года было 868 несчастных случаев, «т. е. меньше, чем по $1^1/_2$ на день; из них в 59,9 % травмы были столь легки, что потерпевшие не бросали работы, в 34,3 % наблюдалась временная утрата трудоспособности, оплаченная в среднем по 6 руб. 40 коп., и только в 5,8 % повреждение было более серьезное»[24]. Это, однако, все равно дает в среднем 25 серьезных несчастных случаев в год.

Можно привести и более детальную статистику — за несколько лет по двум ткацким фабрикам и за 1906/07 г. — по всем фабрикам товарищества (табл. 67 и 68).

Таблица 67

Статистика несчастных случаев на ткацких фабриках Н. Н. Коншина. 1901–1906 гг.

Год	Прядильно-ткацкая					Новая ткацкая				
	Число рабочих на начало года	Смертельный исход	Неизлечимое увечье с полной потерей трудоспособности	Неизлечимое увечье с временной потерей трудоспособности	Временная потеря трудоспособности	Число рабочих на начало года	Смертельный исход	Неизлечимое увечье с полной потерей трудоспособности	Неизлечимое увечье с временной потерей трудоспособности	Временная потеря трудоспособности
1901	5 067	—	1	15	150	3 257	—	—	3	18
1902	4 874	—	2	10	113	3 307	—	1	1	33
1903	4 986	—	—	2	87	3 276	—	—	1	21
1904	4 799	—	—	4	35	3 268	—	—	4	12
1905	4 818	—	—	8	45	3 261	—	—	1	17
1906	4 781	—	—	4	37	3 350	—	—	—	27

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16–17.

Таблица 68

Статистика несчастных случаев на фабриках Н. Н. Коншина за период с 1 января 1906 г. по 1 января 1907 г.[25]

	Прядильно-ткацкая	Новая ткацкая	Ситце-набивная	Красильно-отделочная	Литейн. завод и хоз. учр.	Всего	В % ко всему числу рабочих
Смертельный исход	не было						
Увечье (пост. потеря трудоспособности)	5	3	12	2	—	22	0,2
Временная утрата тр.	94	33	30	29	3	189	1,7
Без последствий	145	23	67	39	3	277	2,4
Незаконченное	—	—	1	—	—	1	0,0
Итого	244	59	110	70	6	489	4,3

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 453. Л. 61.

Приведенные данные показывают, что доля тяжелых производственных травм на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина была относительно невелика.

В табл. 69 приводится статистика выплат рабочим коншинских ткацких фабрик, приведенная в упомянутом источнике.

Таблица 69

«Вознаграждение» (руб. в год) пострадавшим от несчастных случаев рабочим ткацких фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1906 гг.

Прядильно-ткацкая фабрика			
	1904	1905	1906
Единовременными вознаграждениями за увечья	258,40	3113,30	729,85
Пенсиями за увечья	—	26,21	21,85
Временными пособиями	176,54	324,03	191,88
Новая ткацкая фабрика			
	1904	1905	1906
Единовременными вознаграждениями за увечья	366,30	21,90	н/с*
Пенсиями за увечья	—	—	—
Временными пособиями	63,89	66,13	118,43

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16–17.

В данные годы, в отличие от 1901–1902 гг., на фабриках не было тяжелых несчастных случаев, приводящих к полной инвалидности и требующих назначения пенсий; в прочих случаях дело обходилось выплатой единовременных пособий (средний размер их кардинально различается: от 2 до 60 рублей на конкретный случай, — и, следовательно, не является показательным, потому что он оказывается слишком сильно зависящим от тяжести конкретных травм). Временные посо-

* В источнике записано: «Неизвестно, год не окончен».

бия — это те, что выплачивались во время нахождения рабочих в больнице, они, фактически, не представляют собственно «вознаграждения» как компенсации ущерба при несчастном случае, и общая сумма временных пособий заметно уступает сумме единовременных пособий.

В случае выплаты единовременного пособия рабочий давал расписку в том, что в дальнейшем не будет иметь никаких претензий к владельцам предприятия и фабричной администрации. Примеры подобных расписок, взятых с рабочих ЯБМ, приводятся в прил. 45.

Некоторые изменения в законодательстве о страховании рабочих от несчастных случаев появились в 1912 г., когда были приняты (23 июня) в едином комплексе несколько законодательных актов относительно страхования рабочих не только от несчастных случаев, но также и от болезней[26]. В частности, новым законом было определено, что длительность рабочего года должна составлять 280 рабочих дней, а не 260, как считалось ранее, а это сказывалось на установлении размера пенсий и заменяющих их единовременных пособий. По новому закону содержание травматических больных в больнице в течение первых 13 недель перекладывалось на больничные кассы, средства которых лишь частично формировались из вкладов владельцев предприятий, зато размер этого содержания мог теперь достигать $^{2}/_{3}$ заработка, и после 13 недель болезни пособие назначалось в размере $^{2}/_{3}$ заработка, даже если потеря трудоспособности была временной (§§ 18–19 Положения о страховании рабочих от несчастных случаев). Новым законом для обеспечения выплат по несчастным случаям в обязательном порядке учреждались страховые товарищества. Тем не менее законы 1912 г. не внесли принципиальных изменений в порядок страхования пострадавших на производстве рабочих и членов их семей; основное значение этих законов состояло в обеспечении заболевших рабочих, о чем речь пойдет ниже[27].

ПЕНСИИ ПО СТАРОСТИ

Если с 1903 г. российское фабричное законодательство давало определенные гарантии для пострадавших на производстве, а с 1912 г. — еще и для тех, кто был временно недееспособен по болезни, то никакие другие случаи нетрудоспособности законодательством не рассматривались. Вопрос обеспечения стариков вообще был достаточно острым почти во всех сферах деятельности в дореволюционной России. Казна считала себя обязанной только в отношении государственных чиновников, руководствуясь Уставом о пенсиях и единовременных пособиях, принятым еще в 1827 г.* В Уставе очень подробно были прописаны все обязательства государства, и в качестве базового был принят срок «беспорочной выслуги» в 25 лет[28]. Пенсионное обеспечение всех прочих работников возлагалось на усмотрение и добрую волю их работодателей. Иногда создавались специальные пенсионные кассы, в которые отчисляли определенный процент жалованья всех работников (так, например, было нередко организовано пенсионное обеспечение учителей и врачей). Чем более состоятельным в финансовом отношении был работодатель, тем реальнее было существование подобного обеспечения. Специальные постановления об открытии страховых касс для городских служащих и рабочих были приняты городскими думами нескольких крупнейших городов — в

* Отдельные обязательства существовали у государства перед офицерами, для которых основой были Свод военных постановлений и Свод морских постановлений.

Риге с 1879 г., в Петербурге — с 1888 г., в Одессе — с 1890 г.[29] Организация пенсионного обеспечения рабочих на частных промышленных предприятиях естественным образом возлагалась на хозяев, так что оно могло быть реализовано только в результате частной инициативы предпринимателей, и на крупных фабриках это иногда делалось. Посмотрим, как решался этот вопрос на рассматриваемых нами текстильных фабриках.

Как уже говорилось, выплата пенсий рабочим, получившим увечье от полученной на производстве травмы, а также семьям погибших в результате несчастного случая постепенно входит в практику на крупных предприятиях еще до принятия закона 1903 г. Однако в те же годы появляются и первые пенсии для рабочих, более не способных трудиться в силу возраста или тяжелого хронического заболевания. Эти пенсии поначалу не подчинялись никакой обязательной системе правил, а вводились на основе частных решений правления по итогам рассмотрения каждого конкретного случая.

Как отмечалось выше, первая пенсия у Коншина (матери погибшего рабочего) была назначена уже в 1883 г., первая же пенсия по старости была установлена в 1887 г., тем не менее пенсии в эти годы назначались крайне редко. За время с июня 1883 г. по декабрь 1893 г. было назначено всего девять пенсий, из них шесть случаев — возмещение родным за смерть рабочего в результате несчастного случая, в среднем по 5 руб. в месяц, а три — по старости (рабочий 88 лет, стаж 62 года; ярмарочный приказчик 88 лет, стаж 40 лет; ярмарочный паковщик 72 лет, стаж 50 лет)[30]. При назначении пенсии, помимо длительности и добросовестности работы человека на предприятии (на что обращалось первоочередное внимание), учитывался целый ряд других критериев. В очерке о положении рабочих ткацких фабрик, подготовленном правлением Товарищества Коншина в 1908 г., говорится: «Семьям бывших рабочих и служащих выдаются пенсии. Ни число лет службы, дающее право на пенсию, ни размеры пенсии — не установлены. При назначении пенсии принимается во внимание работоспособность и имущественное положение семьи. Точно так же назначаются пенсии и устаревшим и заболевшим рабочим, причем принимается во внимание не только продолжительность службы, но и степень ее добросовестности и семейное и имущественное положение, трудоспособность и другие условия»[31].

На основе тех же принципов происходило назначение пенсий и рабочим Ярославской Большой мануфактуры (хотя в документах этого предприятия слово «пенсия» фигурирует редко, гораздо чаще — «ежемесячное пособие бывшим рабочим»).

Как правило, одним из условий назначения пенсии было наличие заключения врача о нетрудоспособности рабочего. Так, в личных делах рабочих ЯБМ перед записью о назначении пенсии обычно присутствует заключение фабричного врача о причине невозможности для данного работника продолжать трудовую деятельность. Из письма, направленного заведующему больничными учреждениями Товарищества Н. Н. Коншина в декабре 1903 г., следует, что в фабричной больнице старики, подавшие прошение о назначении пенсии, проходили освидетельствование на предмет возможности трудиться. При этом правление хотело бы иметь не только заключение о состоянии здоровья рабочего, «но и выяснить, при наличии болезненных изменений, является ли болезненность следствием профессионального труда или стоит в связи с причинами, ничего общего с трудом и его обстановкой не имеющими, как то: наследственные болезни, возраст и т. п.»[32].

В 1894–1900 гг. на фабриках Товарищества Н. Н. Коншина количество назначенных пенсий несколько увеличилось по сравнению с предшествующим периодом

и составило несколько десятков: если считать все пенсии старых рабочих, то таковых оказывается 34, если же считать также с пенсиями семьям старых рабочих, которых продолжили поддерживать и после смерти самого рабочего, то получается 41 случай назначения пенсии (табл. 70). Для того чтобы находить средства к поддержке постоянно увеличивающегося числа пенсионеров, с 1898 г. Товарищество начало отчислять из прибыли суммы в пенсионно-страховой капитал, и уже в июле того же года этот капитал составлял почти 32 тыс. рублей[33].

Таблица 70

Статистика пенсий, назначенных бывшим рабочим фабрик товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1894–1900 гг.

Год	Семье погибшего на фабрике рабочего		По увечью		По старости		Семье умершего старого рабочего	
	Число пенсий	Средний размер, руб./мес.	Число пенсий	Средний размер, руб./мес.	Число пенсий	Средний размер, руб./мес.	Число пенсий	Средний размер, руб./мес.
1894	—	—	—	—	3	9,7	—	—
1895	—	—	—	—	1	15	—	—
1896	—	—	—	—	3	3,3	—	—
1897	—	—	1	4	2	6,5	—	—
1898	—	—	3	3	9	5,6	4	6,5
1899	—	—	4	6,5	10	7	2	4
1900	1	4	—	—	6	7	1	3

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1202.

В 1900-х гг. число бывших рабочих, имевших от Товарищества пенсии, заметно увеличилось. Так, на 1 декабря 1908 г. пенсии получали уже 294 человека.

Возможно, именно в связи с возросшим числом пенсионеров в 1907 г. у Коншина был разработан достаточно подробный проект Правил о начислении пенсий, состоящий из 31 пункта (см. прил. 16). В проекте указывалось, при каких условиях на какой размер пенсии имеют право рабочие, однако второй пункт по-прежнему гласил: «Пенсии назначаются впредь до изменения, без всякого обязательства для Товарищества, а поэтому могут быть отменены во всякое время». Заметим, что согласно этим правилам пенсионеры не имели права на проживание в фабричных казармах, хотя такие случаи и имели место — в 1907 г. в спальнях при прядильно-ткацкой фабрике жили 13 пенсионеров и при Новой ткацкой — три пенсионерки[34]. У нас нет точных данных, позволяющих утверждать, что данный проект был принят (в приведенном виде или с корректировками), но нет и оснований предполагать, что он был отвергнут.

Рост бывших рабочих, получавших пенсии, происходил и на ЯБМ. В 1907 г. пенсии получали 95 человек (рабочие и служащие), в 1910 г. — 107, в 1912 г. — 146 человек (в последних двух случаях учтены только рабочие). Данные табл. 71 свидетельствуют, что среди пенсионеров были люди разных возрастных групп, многие из которых, очевидно, вынуждены были уволиться не в силу «старческой дряхлости», а по причине разного рода заболеваний, не позволявших продолжать работу на фабрике (в их число входят и получавшие пенсии по закону 1903 г.).

Таблица 71

Сведения о возрастном составе пенсионеров ЯБМ. 1907 и 1912 гг.

Возраст пенсионеров	1907			1912		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
До 55 лет	18	21	39	27	18	45
55–59 лет	6	6	12	11	11	22
60–65 лет	5	11	16	10	11	21
65 и более лет	15	13	28	24	23	47
Возраст неизвестен	—	—	—	2	9	11
Всего	44	51	95	74	72	146

Примечание: за 1907 г. учтены рабочие и служащие, за 1912 г. — только рабочие.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 97. Л. 4; Оп. 1. Д. 7568. Л. 1–3.

Разброс в размерах выплачивавшихся пенсий был достаточно велик, однако подавляющее большинство бывших рабочих и у Коншина, и у Карзинкиных получали от 3 до 5 рублей в месяц (табл. 72 и 73, рис. 22 и 23).

Таблица 72

Распределение пенсионеров (рабочих и служащих) при фабриках Н. Н. Коншина по размеру выдаваемой пенсии. 1908 г.

Размер пенсии, руб./мес.	Число пенсионеров	Процент от общего числа
1–2	4	1,4
3	115	39,1
4–5	116	39,5
6–10	37	12,6
12–15	7	2,4
16,5–20	7	2,4
25–35	6	2,0
50–75	2	0,7

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51.

Таблица 73

Распределение пенсионеров (рабочих) при ЯБМ по размеру выдаваемой пенсии. 1912 г.

Размер пенсии, руб./мес.	Число пенсионеров	Процент от общего числа
1–2	22	15,0
3	47	32,2
4–5	59	40,4
6–10	16	11,0
12–15	2	1,4

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7568. Л. 1–3.

Как показывают документы, средний размер пенсии у мужчин был несколько бóльшим, чем у женщин. Так, на ЯБМ в сентябре 1910 г. ежемесячные пенсии из фабричных средств получили 50 мужчин и 57 женщин. Средний размер пособия

Рисунок 22

Распределение по размеру пенсий пенсионеров Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в 1908 г. (рис. 22) и Товарищества ЯБМ в 1912 г. (рис. 23)

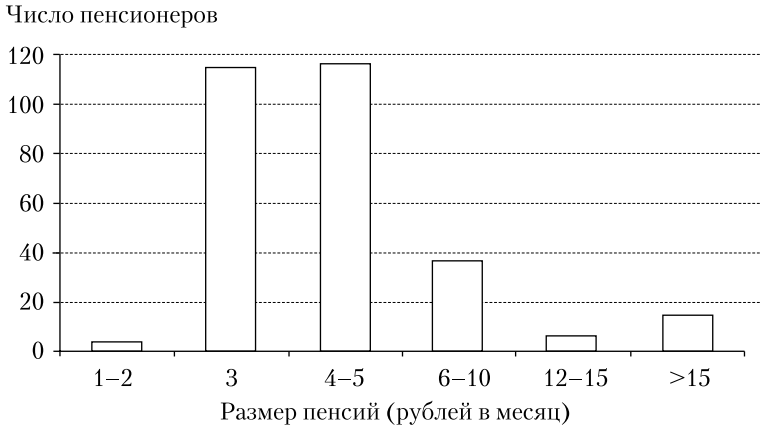
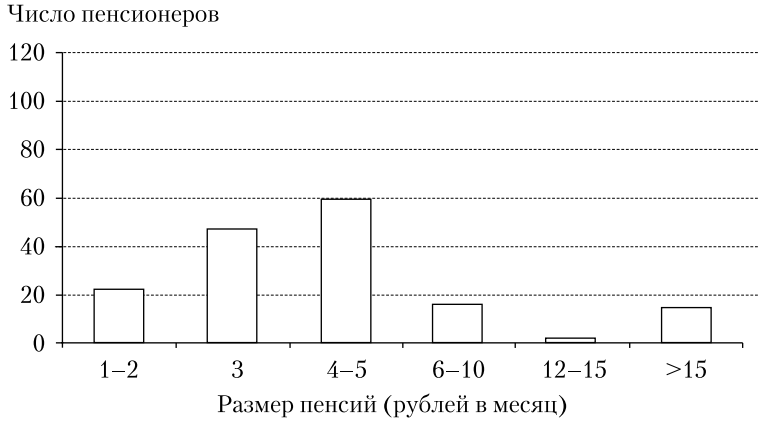


Рисунок 23



на одного человека для мужчин составлял 4,06 руб., для женщин — 3,04 руб.[35] В 1912 г. в среднем бывший работник получал 4,02 руб., работница — 3,20 руб.[36] При этом существенной разницы средних показателей возраста и стажа пенсионеров (порядка 30 лет и более) у мужчин и женщин не наблюдается. Такое различие в пенсиях, впрочем, вполне объяснимо: женщины обычно получали меньшую заработную плату, а размер пенсий был напрямую связан с размером заработка.

На коншинских фабриках бывало, что пенсионеры просили выдать причитающиеся им суммы авансом на несколько месяцев вперед (10–15 рублей), и правление иногда шло им навстречу. Так, 12 июня 1907 г. правление удовлетворило ходатайства нескольких пенсионеров о выдаче им вперед некоторых сумм: одному — 30 руб., другому — 15 руб., еще двум — по 10 руб.[37] Но крупные авансы считались нежелательными. Так, в 1907 г. в правление обратилась М. Г. Варакина, вдова рабочего, которой (вместе с тремя малолетними детьми) после смерти мужа в 1899 г. была назначена пенсия в размере 8 руб. в месяц (т. е. 96 руб. в год). Она просила выдать ей разово 250 рублей авансом на покупку дома, притом с разрешением в случае ее смерти продать дом в пользу Товарищества. Запрошенная сумма аванса, тем не менее, была сочтена чрезмерной, и в прошении было отказано[38].

Другой формой пенсионного обеспечения были единовременные выплаты, выдававшиеся пожилым рабочим при увольнении. Статистики на этот счет не имеется ни по одному из рассматриваемых предприятий, но архивные материалы дают основания предполагать, что такая форма расчета с рабочими была не слишком распространенной. Об этом свидетельствуют, в частности, данные отчета о деятельности ткацких фабрик товарищества Н. Н. Коншина в 1902–1908 гг.: при наличии в нем множества различных статистических данных, в разделе «Пенсии и пособия» приводятся только сведения о выплатах единовременных пособий в соответствии с законом 1903 г.*

Приведем примеры единовременных выплат, заменяющих пенсии по старости. В документах Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина зафиксирован следующий случай, относящийся к октябрю 1902 г.: ввиду сокращения штатов в рисовальном отделении ситценабивной фабрики решили уволить рабочего М. Б. Астапова, «причем в вознаграждение его долголетней службы» выдать ему единовременно годовой оклад получаемого им содержания. Однако рабочий ходатайствовал, что этого вознаграждения мало, и ему было решено выдать еще и жалованье по Пасху 1903 г.[39] В личном деле ленточника В. А. Балашова, работавшего на ЯБМ с 1898 г., записано, что в 1912 г. вследствие болезни (что подтверждалось заключением врача фабричной больницы) он вынужден был уволиться и подал заявление с просьбой о выдаче 50 руб. в качестве единовременного пособия. Фабричная администрация решила удовлетворить эту просьбу за счет сумм штрафного капитала. Менее чем через месяц после подачи заявления Балашов получил единовременно 30 руб. (первоначальная сумма была снижена фабричным инспектором)[40].

Поскольку назначение пенсии не было обязательным, то были и работники, ничего не получавшие после окончания своей трудовой деятельности. Так, сторож ЯБМ П. Е. Баранов (возраст 70 лет, стаж — 16,5 лет, незначительное количество взысканий) при увольнении в январе 1904 г. вследствие болезни (после 1,5-месячного пребывания в фабричной больнице) получил отказ в выдаче какого-либо пособия[41]. Известен случай, когда рабочий коншинской фабрики (47 лет, стаж — 18 лет в качестве фабричного рабочего, потом еще восемь лет в качестве сторожа, в 1875 г. потерял руку в результате несчастного случая, при этом не получил никакого пособия, семья — безработная жена и дочь шесть лет) был в 1900 г. просто уволен с фабрики, обратился в суд и с жалобой к фабричному инспектору и лишь после долгих разбирательств получил небольшую компенсацию, причем по распоряжению фабричного инспектора, а не правления (см. прил. 46).

В 1912 г. на одном из заседаний правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина вопрос о пенсиях был поставлен по-новому: он был увязан с той пользой для производства, которую бы имело увольнение стариков и замена их более молодыми рабочими. Примечательно, что правление не считало себя вправе просто уволить старых рабочих, а рассматривало вопрос о назначении пожизненных пенсий, хотя речь шла пусть и о нежелательных для производства, но все же еще вполне трудоспособных рабочих (прил. 47). Думается, что в такой постановке вопроса можно видеть эволюцию пенсионной политики на крупных частных предприятиях. Конечно, в плане пенсионного обеспечения речь может идти только о рабочих, которые долгое время добросовестно прослужили на этой фабрике, а так-

* Если говорить о страховании по инвалидности, то там единовременные выплаты случались часто; они могли — по взаимному согласию сторон — заменять и положенные пенсии; это было разрешено и законом 1903 г. (п. 19), и законом 1912 г. (п. 35 положения о страховании от несчастных случаев).

же о квалифицированных рабочих и мастерах, обеспечение старости которых правление считало необходимым принимать на свой счет. В 1890-х гг. это лишь считанные единицы, к 1910-м гг. число пенсионеров заметно увеличивается, так что на пенсию из средств предприятия могли рассчитывать уже многие из рабочих, отдавших фабрике годы напряженного труда.

Безусловно, та сумма, которая назначалась в качестве пенсии, в подавляющем большинстве случаев была явно недостаточной для обеспечения жизненных потребностей покинувшего предприятие работника. Общие затраты фабрикантов на выплату пенсий были не так уж велики, хотя и постоянно росли. На Ярославской Большой мануфактуре в 1908 г. из фабричных средств рабочим было выдано пенсий на 7 016,92 руб.[42], а в 1909 г. на пенсии рабочим и служащим было потрачено уже 17 700 руб.[43]. Трехгорная мануфактура в Москве в 1912 г. поддерживала 192 пенсионеров (включая служащих, размер пенсии которых мог достигать нескольких сотен рублей в год), которым в течение года выплатила в общей сложности 27 428,86 руб.[44] Однако при всем том решение о выплате пенсий бывшим рабочим, принимавшееся владельцами крупных текстильных предприятий, было достаточно серьезным шагом, к тому же опережающим законодательные предписания. И можно полагать, что наличие системы пенсионного обеспечения могло занимать достаточно важное место среди прочих факторов, привлекающих рабочих. Ведь на большинстве фабрик, особенно более мелких, не платили вообще никаких пенсий, выходящих за рамки требований закона.

БОГАДЕЛЬНИ

Помимо денежных пенсионных выплат, фабрика могла оказывать престарелым рабочим поддержку в виде натурального обеспечения; наиболее важным здесь было предоставление жилья. У Коншиных пенсионерам официально не было позволено занимать место в казармах для рабочих, хотя из этого правила находились исключения (подробнее об этом см. главу V данной книги). А на Никольской мануфактуре Морозовых пенсионеры могли проживать в фабричных казармах, и тогда они получали меньшую пенсию, чем проживающие «на стороне»[45].

Но более распространенным вариантом натурального обеспечения престарелых рабочих был другой. При некоторых фабриках по инициативе и на средства владельцев создавались богадельни, предоставление места в которых рассматривалось хозяевами как замена пособия по нетрудоспособности (пенсии). Прохоровы начиная с 1840-х гг. «давали помещение или оплачивали его стоимость для приходских (Никольской и Предтеченской) богаделен и выдавали значительные денежные пособия. Впоследствии была устроена и собственная богадельня»[46]. С 1881 г. открылась богадельня при Никольской мануфактуре, рассчитанная поначалу лишь на 15 мест, но к 1899 г. благодаря постройке нового каменного здания это учреждение вмещало уже 167 человек[47].

В ноябре 1892 г. для рабочих Ярославской Большой мануфактуры была организована богадельня им. И. И. Карзинкина, предназначавшаяся, как было записано в уставе, «для призрения лиц обоего пола из числа рабочих и служащих мануфактуры, не имеющих средств к жизни и не способных к труду по старости или физическим недостаткам»[48]. Она размещалась в специально построенном здании. Богадельня существовала на проценты с капитала в 100 тыс. рублей, пожертвованного Карзинкиными, а также на суммы, отчисляемые по решению общего собрания пайщиков Товарищества, и на пожертвования частных лиц[49]. В 1892 г. на содержа-

ние богадельни было израсходовано 2 022,76 руб.[50] В последующие годы эта цифра колебалась в пределах 4 200–4 700 руб.[51]

Попечителем богадельни с момента ее создания стал С. С. Карзинкин, на имя которого через директора (заведующего) мануфактурой рабочие и подавали прошение «о приеме на призрение»[52]. Устав богадельни определял порядок получения мест, проживания и «увольнения» из нее бывших рабочих или членов их семей. Богадельня состояла из мужского и женского отделений. Проживавшие в ней бывшие рабочие предприятия находились на полном обеспечении. В случае болезни они могли рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь в больнице при Мануфактуре (причем в случае хронического заболевания срок пребывания в больнице мог быть очень велик; случалось, что человека оставляли там на неограниченный срок, т. е. постоянно[53]), а в случае необходимости — в земской или городской больнице, где их лечение оплачивалось из средств богадельни. С разрешения попечителя призреваемые имели право заниматься «в свою пользу работами, не нарушающими чистоты и спокойствия богадельни». Помещенные в богадельню не были заперты в четырех стенах, однако отлучаться куда-либо могли только с ведома смотрителя (смотрительницы). Покинуть богадельню можно было опять-таки по распоряжению попечителя «в следующих случаях: а) по собственному их желанию, б) за предосудительные поступки, которые не могут быть терпимы в богоугодном заведении и в) за нарушение установленных попечителем правил». Точное число человек, которые могли одновременно пребывать в богадельне, уставом не было определено и зависело «от денежных средств и помещения богадельни». Желающих попасть в богадельню было больше, чем мест. Иногда прием новых людей временно приостанавливался до тех пор, пока «число призреваемых не уменьшится»[54]. В этой ситуации согласно Уставу при приеме в богадельню «преимущество отдается более нуждающимся, по усмотрению попечителя, в случае же одинакового положения они принимаются в богадельню по очереди поступления от них просьб, которые записываются с этой целью в особую книгу»[55]. Случалось, вне очереди администрация удовлетворяла просьбы одиноких рабочих, за которыми некому было ухаживать. Записи же в личных делах позволяют заключить, что кроме семейного положения учитывались также стаж (как правило, не менее 15 лет, хотя были и исключения) и добросовестность работы текстильщика на фабрике.

В случае предоставления места в богадельне рабочему прекращали выплачивать пособие пенсионного типа, если таковое было назначено ранее, и наоборот. Так, П. И. Баранова работала на ЯБМ с 1884 г. ленточницей. В 1909 г. она получила награду за 25 лет работы на фабрике, а 26 марта 1910 г. она была рассчитана в силу преклонного возраста (68 лет) и получила место в богадельне. Пробыв там семь месяцев, она обратилась с просьбой на имя заведующего Старой фабрикой о назначении ей ежемесячного пособия взамен места в богадельне, объяснив это следующим образом: «Вследствие смерти свахи я по просьбе зятя заняла ее место, чтобы приглядеть за домом и ребятами, поэтому я оставила фабричную богадельню...» С 1 ноября 1910 г. ей было назначено пособие из средств фабрики размером 3 руб. в месяц, при этом Баранову предупредили, что «вторично в богадельню можно попасть только по очереди»[56].

Очевидно, бывали случаи, когда в богадельню принимали не только бывших рабочих, но и членов их семей. Так, на заседании правления ЯБМ в январе 1895 г. было решено «шлихтовальщика Г. И. Иванова со старухой женой принять в богадельню Т-ва»[57]. В протоколе того же заседания записано: «обмахивальщику Буро-

ву, который служил 21 год и вследствие старости не может работать, выдавать ежемесячно харчами по 5 руб. сроком на 1 год, или же принять его в богадельню Т-ва»[58]. В последнем случае уже фабричная администрация принимала решение, какой из двух вариантов будет реализован. Чаще всего это зависело от наличия (отсутствия) мест в богадельне.

Коншины тоже не остались в стороне от подобной благотворительной деятельности. Так, по завещанию А. Н. Коншиной в деревне Скрылья близ ткацких фабрик были построены больница для неизлечимо больных, богадельня и церковь. Однако в завещании говорилось: «При помещении неизлечимо больных и призреваемых бедных должно быть отдаваемо преимущество лицам, которые находились у нас на службе, затем из всех прочих кандидатов преимуществом должны пользоваться жители города Серпухова»[59]. Хотя бывшие рабочие и пользовались приоритетом, богадельня не была построена специально для них, правление не занималось рассмотрением вопросов о помещении туда бывших рабочих, и сопряженные с поддержкой данных учреждений расходы относились не на счет Товарищества, а на капитал, представленный на благотворительные цели из личных средств жены владельца фабрики. Поэтому говорить о них как об элементе системы социального страхования коншинских фабрик не представляется возможным.

ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ РАБОЧИМ

Вопрос о пособиях нуждающимся рабочим, который, казалось бы, стоял менее актуально, чем вопрос о компенсациях потерпевшим от несчастных случаев, был поднят в российском фабричном законодательстве значительно раньше. Статьей 39 «Правил» 3 июня 1886 г. устанавливалось, что штрафные суммы должны поступать в особый штрафной капитал, расходовать который можно было «с разрешения фабричной инспекции, только на удовлетворение нужд самих рабочих». Очевидно, идея создания штрафного капитала родилась, прежде всего, не сама по себе, а как средство уменьшения заинтересованности владельцев фабрик в штрафовании; тем не менее на большинстве предприятий Центрального района именно с этого момента вводится практика выдачи рабочим пособий: на похороны, по беременности, а также в случае потери имущества из-за пожара, кражи и т. п.

На фабриках Коншина штрафной капитал расходовался исключительно на выплаты пособий на похороны (двух типов: семье умершего рабочего или же рабочим — на похороны кого-то из членов семьи) и пособий потерявшим имущество при пожаре. В статистическом очерке о деятельности ткацких фабрик представлены сведения о том, какими в среднем были эти пособия в первые годы XX в. (табл. 74).

Таблица 74

Сведения о пособиях из штрафного капитала для рабочих прядильно-ткацкой и Новой ткацкой фабрик Товарищества Н. Н. Коншина. 1904–1908 гг.

Год	Общее число рабочих на ткацких фабриках	На похороны			По случаю пожара		
		Случаев	Сумма, руб.	Средний размер пособия, руб.	Случаев	Сумма, руб.	Средний размер пособия, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
1904	8 145	392	2 249	5,73	32	585	18,28

Окончание табл. 74

1	2	3	4	5	6	7	8
1905	8 137	342	1 783	5,21	12	340	28,33
1906	8 366	201	1 010	5,02	6	130	21,66
1907	8 498	97	619	6,38	49	855	18,06
1908	н/с	195	1 115	5,72	2	35	17,50

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 41.

Необходимо отметить, что хотя данные пособия выплачивались из штрафного капитала, общая сумма пособий в каждый год превышала общую сумму штрафов. По фабрикам Коншина на этот счет имеются следующие данные (табл. 75–77):

Таблица 75

Статистика штрафов и пособий на прядильно-ткацкой фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Выдано пособий				Всего штрафов, руб.	Всего пособий, руб.
	На похороны		Потерпевш. от пожара			
	Случ.	Руб.	Случ.	Руб.		
1904	274	1587	32	585	1798,80	2 172,00
1905	272	1357	12	340	798,60	1 697,00
1906	167	816	6	130	690,35	946,00
1907	67	420	47	825	560,10	1 245,00
1910	268	1530	2	40	846,54	1 564,00

Таблица 76

Статистика штрафов и пособий на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Выдано пособий				Всего штрафов, руб.	Всего пособий, руб.
	на похороны		потерпевш. от пожара			
	Случаев	Рублей	Случ.	Рублей.		
1904	66	147	1	10	257,58	157,00
1905	55	126	1	10	115,92	136,00
1906	51*	130	—	—	165,27	130,00
1907	104	245	—	—	143,53	245,00
1910	129	496	2	30	450,61	526,00

* Данные цифры получены также из помесячных материалов в деле № 202; в сводной таблице здесь указано, что пособий не было вовсе. То же и с цифрами за 1907 год — в сводной таблице указано лишь одно пособие на похороны (2 рубля), и данные восстанавливаются из помесячных — по материалам дела № 438.

Таблица 77

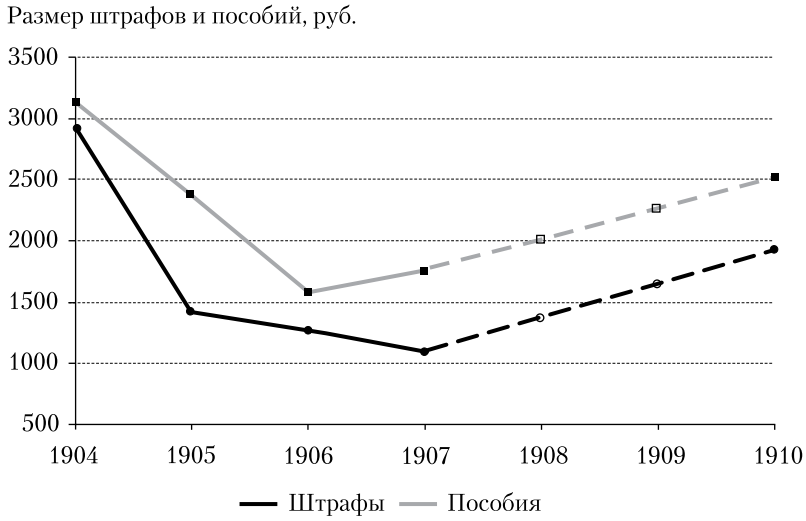
Статистика штрафов и пособий на всех фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.

Год	Выдано пособий				Всего штрафов	Всего пособий
	на похороны		потерпевш. от пожара			
	Случаев	Рублей	Случаев	Рублей		
1904	481	2 549	33	595	2 935.37	3 144
1905	427	2 027	14	360	1 398.48	2 387
1906	292	1 324	11	260	1 229.46	1 584
1907	206	877	51	885	1 092.67	1 762
1910	444	2 382	6	130	1 933.96	2 512

Источник для таблиц 75–77: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202. Л. 108; Д. 259. Л. 47, 183; Д. 438. Л. 133; Д. 601. Л. 135.

Рисунок 24

Динамика общих сумм штрафов и пособий на всех фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1904–1910 гг.



Примечание: пунктиром условно восстановлены данные за те годы, по которым не имеется сведений.

Видно, что правление Товарищества Коншина выплачивало рабочим в виде пособий каждый год суммы, превышающие поступления в штрафной капитал на несколько сотен рублей. Похожую картину можно наблюдать и на материалах предприятий по обработке хлопка по всей Московской губернии, начиная с 1905 г.

Мы видим, таким образом, что на коншинских фабриках как относительная сумма пособий, так и отношение пособий к штрафам были даже меньшими, чем в среднем по губернии. Если же брать только крупнейшие предприятия, с числом рабочих более тысячи, то разница вырастает еще больше: в 1908 г. на одного рабочего приходилось 50,17 копеек пособий[60]. Превышение пособий над штрафами, которое очень заметно по всей губернии в первые годы после революционных событий 1905 г. и которое постепенно сокращается к 1910 г., у Коншиных меньше, зато здесь сумма пособий была больше, чем сумма штрафов, уже до 1905 г., чего в среднем в губернии не было.

Таблица 78

Размеры штрафов и пособий на одного рабочего (в копейках) на фабриках Московской губернии в целом и на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1901–1909 гг.

Год	Московская губерния			Все фабрики Коншина			Только ткацкие фабрики Коншина		
	Штрафов, коп./чел.	Пособий, коп./чел.	Отношение пособий к штрафам	Штрафов, коп./чел.	Пособий, коп./чел.	Отношение пособий к штрафам	Штрафов, коп./чел.	Пособий, коп./чел.	Отношение пособий к штрафам
1901	32,2	26,3	0,82						
1902	31,7	34,3	1,08						
1903	33,4	27,8	0,83						
1904	35,6	34,6	0,97	25,74	27,57	1,07	31,03	34,79	1,12
1905	21,4	38,9	1,82	12,02	20,52	1,71	14,51	26,09	1,80
1906	16,8	38,9	2,32	10,83	13,95	1,29	12,19	13,63	1,12
1907	19,6	49,8	2,54	9,52	15,35	1,61	10,26	17,35	1,69
1908	24,1	48,8	2,02				8,19	13,53	1,65
1909	28,4	41,9	1,48						

Источник: по Московской губернии: *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. М., 1911. С. 65. По фабрикам Коншина: данные уже приведенных таблиц.

Возможно, превышение суммы выданных пособий над суммой взысканных штрафов в отдельных случаях объясняется тем, что владельцы предприятий расходовали по этой статье и собственные средства. Однако более вероятным выглядит следующее объяснение. Штрафной капитал составлялся не только из штрафов, но и из некоторой основной, выданной из средств предприятия, суммы, вложенной в ценные бумаги. Начислявшихся на них процентов было достаточно, чтобы выдавать больше пособий, чем собрано штрафов. Так, на ЯБМ в 1900–1909 гг. проценты, начисленные на суммы штрафного капитала, составляли ежегодно порядка 1 500–1 900 рублей[61]. Наше предположение наглядно иллюстрируется табл. 69, отражающей природу штрафного капитала:

Таблица 79

Сведения о штрафном капитале фабрики Товарищества ЯБМ, руб. 1902–1903 гг.

Год	Вычтено с рабочих штрафа	На внесенные штрафные суммы начислено, %	Итог штрафного капитала с %	Выдано рабочим	Убыток от курсовой разницы при продаже процентных бумаг	Наличный остаток штрафного капитала к концу года
1902	7 402,89	1 980,14	61 206,12	10 144,17	317,02	50 744,93
1903	6 601,53	1 974,52	59 320,98	83 57,63	22,26	50 941,09

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 242.

В табл. 80 представлены данные, которые удалось собрать, о видах пособий и размерах выплат из сумм штрафного капитала на Ярославской Большой мануфактуре.

Таблица 80

Пособия, выданные рабочим ЯБМ из сумм штрафного капитала. 1899–1912 гг.

Год	Потерявшим навсегда способность к труду		Потерявшим временно способность к труду по болезни		По беременности и родам		На похороны		По случаю пожара и пропажи имущества		В разных других случаях		Всего пособий, сумма, руб.
	Кол-во пособий	Сумма, руб.	Кол-во пособий	Сумма, руб.	Кол-во пособий	Сумма, руб.	Кол-во пособий	Сумма, руб.	Кол-во пособий	Сумма, руб.	Кол-во пособий	Сумма, руб.	
1899	15	148,70	41	256,78	979	2 898,27	79	815,76	25	398,00	47	75,28	4 592,79
1900	13	132,20	33	247,00	925	2 775,00	81	837,50	36	1 394,00	50	85,00	5 470,70
1901	126	3 464,27	116	663,00	1010	3 030,00	117	1 342,50	14	240,00	57	79,00	8 818,77
1903	119	5 959,63	—	—	859	1 718,00	68	597,00	—	—	82	83,00	8 357,63
1907	142	6 009,20	н/д	н/д	1063	2 131,00	103	1 069,00	н/д	н/д	85	85,00	
1908	144	5 190,70	н/д	н/д	966	1 932,00	102	1 029,00	н/д	н/д	70	70,00	
1909	125	4 134,90	н/д	н/д	973	1 946,00	132	1 312,00	н/д	н/д	128	128,00	
1912	91	3 125,00	—	—	1026	2 052,00	96	980,00	31	1 904,00	199	199,00	8 260,00

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 5 об.–6; Д. 8140. Л. 35–36.

Выплаты из штрафного капитала носили как единовременный, так и регулярный характер. В конце каждого года фабричная администрация составляла и подавала на утверждение фабричного инспектора список рабочих, которые получали ежемесячные пособия из штрафного капитала, и выплаты которым фабрика хотела продлить.

Таблица 81

Статистика ежемесячных пособий из сумм штрафного капитала на ЯБМ. 1902–1909 гг.

Год	Кол-во пособий	Общая сумма пособий, уплачиваемых за месяц, руб.	Средний размер пособия, руб. в мес.
1902	119	507,00	4,26
1903	119	495,50	4,16
1904	133	496,50	3,73
1906	139	493,00	3,63
1909	104	298,50	3,09

Примечание: приводятся данные на январь каждого года.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 97. Л. 6–8; Оп. 3. Д. 126. Л. 256–259; Д. 258. Л. 2–5, 27–29.

В начале марта 1900 г. на заседании Административного совета Ярославской Большой мануфактуры, проходившем в присутствии старшего фабричного инспектора, рассматривались вопросы о порядке выдачи рабочим пособий из сумм штрафного капитала. В результате обсуждения было принято решение, во-первых, установить размер пособий по беременности и родам — 3 руб., а в остальных ситуациях разбирать каждый случай отдельно; во-вторых, «подать в Губернское фабричное

Присутствие прошение о разрешении фабрике производить выдачи из сумм штрафного капитала в размере до 15 рублей единовременно без особого на то каждый раз разрешения от старшего фабричного инспектора»[62]. Такое разрешение было получено.

Однако в августе-сентябре 1910 г. фабричная инспекция обратила внимание на систематические нарушения, допускавшиеся на ЯБМ. Дело было достаточно сложным, о чем свидетельствует вмешательство старшего фабричного инспектора Н. Н. Мартынова. По результатам разбора ситуации он писал: «Администрация фабрики, получив разрешение Присутствия на право расходовать штрафной капитал по своему усмотрению с тем, чтобы каждое пособие не превышало 15 р., слишком широко поняла это право и присвоила себе не принадлежащее ей ни по закону, ни по изданным в развитие его Правилам, дискреционное право отказывать рабочим в принятии их просьб и установить раз навсегда размер пособий на похороны и по случаю беременности, не соображаясь в каждом отдельном случае с действительною нуждою»[63].

Недовольство инспектора было вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, выплата по беременности была в какой-то момент снижена и к моменту проверки составляла фиксированные 2 руб. (вместо определенных в 1900 г. на заседании Административного совета с участием фабричного инспектора 3 руб.). На похороны же умерших рабочих выплачивалось по 10 руб., независимо от материального положения семьи. Во-вторых, фабричным инспектором было отмечено, что «по случаю пожара и пропажи имущества, а также на похороны членов семьи рабочего пособия вовсе не выдаются, и, по объяснению помощника директора А. Б. Никифорова, рабочим даже отказывают в приеме заявлений о выдаче на этот предмет. Между тем на других крупных фабриках других губерний эта статья расходов — наибольшая, т.к. падеж скота и деревенские пожары — явления обычные, и нельзя допустить, чтобы рабочие Ярославской Мануфактуры никогда не нуждались в пособиях на этот предмет». В-третьих, выдавая из штрафных сумм пособия «потерявшим навсегда способность к труду» (причем именно на эту статью приходилась наибольшая часть выплат из штрафного капитала), фабрика, по мнению старшего фабричного инспектора, «уменьшает тот расход, который она нравственно обязана принимать на свой счет». А сложившийся на ЯБМ порядок назначения пособий из штрафных сумм он охарактеризовал «как незаконный, и кроме того, поселяющий в рабочих убеждение, что штрафной капитал составляет собственность хозяев фабрики, а не капитал, находящийся в ведении органов правительственного надзора»[64].

Последнее нарушение, очевидно, было наиболее серьезным. Данные табл. 80 тоже показывают, что штрафной капитал на ЯБМ тратился в значительной степени на выплаты, предусмотренные законом 1903 г. Между тем в законе была некоторая неопределенность относительно источника требуемых средств; там говорилось только, что «владелец предприятия обязан вознаграждать рабочих». Поэтому по букве закона в принципе можно было сделать вывод, что пособия по несчастному случаю можно выплачивать из штрафного капитала, хотя по духу его это было совсем не так. Именно поэтому Н. Н. Мартынов говорил одновременно как о незаконности порядка, так и о нравственной обязанности владельцев предприятия.

Мартынов потребовал изменить установившийся порядок, тем более, что «наличность штраф[ного] капитала позволяет его расходовать в широкой степени»[65]. Старший фабричный инспектор предложил администрации ЯБМ немедленно

«оповестить рабочих особым объявлением, что с просьбами о назначении пособий они могут обращаться в Контору фабрики, когда им необходимо, и испрашивать таковые не только по случаю беременности, на похороны самих рабочих и вследствие постоянной потери трудоспособности, но и в других случаях, а именно по случаю падежа скота, ухода его, пожара и на похороны членов семьи, указывая размер испрашиваемого пособия. По получении заявлений по форме, установленной для всех фабрик Ярослав[ской] губ[ернии] или назначать пособие в зависимости от действительной нужды, соображаясь притом с семейным положением и заработком семьи, своей властью, если испрашиваемое пособие не превышает 15 р., или, если оно превышает эту сумму, направлять таковое на разрешение инспектора с заключением директора». В случае если в ближайшие дни объявление такого содержания не появится, Мартынов предупредил, что оно будет составлено и вывешено за его собственной подписью[66].

Однако нельзя не отметить, что хотя в данном случае в вопросе о распределении пособий рабочим и было выявлено довольно грубое нарушение закона, на фабричную инспекцию ложилась не меньшая ответственность. Не так уж просто объяснить, почему отсутствие порядка в распределении штрафного капитала оставалось незамеченным вплоть до 1910 г., ведь фабричный инспектор обязан был визировать как выплаты пособий из штрафного капитала, так и назначения пенсий и пособий по закону 1903 г. Можно только предположить, что именно разрешение уйти от постоянного контроля, полученное администрацией ЯБМ в 1900 г., послужило причиной этого, и нарушения вскрылись только в 1910 г., притом, возможно, именно с приходом нового старшего фабричного инспектора.

С другой стороны, хотя администрация ЯБМ использовала для выплаты части пособий и пенсий штрафной капитал, который не был для этого предназначен, одновременно фабрика оплачивала «из собственных средств» часть пособий, на которые следовало расходовать именно штрафной капитал. Так, например, из отдельных средств предприятия получали пособие погорельцы. Из таблицы 80 видно, что выплаты из штрафного капитала рабочим, потерпевшим от пожара, прекратились в 1902 г. Но это еще не означает обязательно, что подобные выплаты не производились вовсе. Вероятно, их действительно не было в 1902–1904 гг., но, во всяком случае, с 1905 г. мы можем уверенно говорить о практике этих выплат, только теперь они производились не из штрафного капитала, а из фабричных средств. На заседании Административного совета мануфактуры в мае 1905 г., проходившего в присутствии одного из директоров правления Товарищества Н. В. Скобеева, было принято решение «выдавать от Т-ва* в виде пособия [сумму] в размере 10 % понесенного рабочими убытка от пожара». Причем если сгоревшее имущество было застраховано, то эти 10 % рассчитывались от суммы убытка, не покрывавшейся страховкой. «Если же строение не было застраховано», то пособие следовало «в том же размере с общей суммы убытка»[67]. И только после распоряжения фабричного инспектора, с 1910 г., эта статья расходов снова переходит на счет штрафного капитала.

Таким образом, говоря о социальном страховании, невозможно игнорировать тот факт, что Товарищество ЯБМ, как, впрочем, и ряд других крупных предприятий, ежегодно тратило собственные немалые средства на выплату пособий работникам и членам их семей.

---

* Формулировка «от Товарищества» в документации ЯБМ всегда с определенностью указывает на то, что источник средств — не штрафной капитал.

«Особый капитал для вспомоществования», проценты с которого использовались для выплаты пособий рабочим и их семьям, существовал на ЯБМ уже в 1890-х гг.[68] Нам не удалось найти сведений о каком-либо утвержденном решении правления, регулирующем механизм выплат и размеры пособий рабочим из фабричных средств. По-видимому, каждый конкретный случай разбирался отдельно. Например, если фабричный инспектор отказывал в выдаче денежного вспомоществования из сумм штрафного капитала, а управляющий полагал, что данному работнику или его семье действительно необходима помощь, то, согласовав свои действия с членами правления, управляющий давал «добро» на выплату пособия, которое впоследствии могло неоднократно продляться. Естественно, при этом членам правления представлялись все собранные сведения, подтверждающие бедственное положение просителя (справки о заработной плате работающих членов семьи и причинах незанятости остальных, о состоянии здоровья, об условиях проживания и т. д.).

На ЯБМ существовал особый вид пособий — «добавочное пособие к жалованию». Оно не было связано с какими-то определенными неблагоприятными поводами, но служило материальной поддержкой работникам предприятия. Прежде всего на это пособие могли рассчитывать мужчины преклонного возраста, имевшие большой стаж работы и находившиеся на хорошем счету у администрации вследствие добросовестного выполнения своих обязанностей. Большинство из них по каким-либо причинам вынуждены были перейти на менее оплачиваемую должность, и если они были обременены большой семьей, то попадали в бедственное положение. В таком случае они могли подать прошение руководству предприятия и в случае положительного ответа получать дополнительную сумму к заработку[69]. Например, И. А. Забалуев (на ЯБМ с 1868 г.) в феврале 1913 г. вынужден был перейти с должности прядильщика, в которой проработал много лет, в «подметальщики лестницы» с ощутимым снижением зарплаты. С этого момента он начал получать 1 рубль в месяц дополнительно — «пособие из средств фабрики как прибавку к жалованию»[70]. Рабочему В. А. Вдовину в такой же ситуации (большой стаж, перевод из прядильщиков в сторожа в 1901 г. по состоянию здоровья) было назначено пособие в сумме 4 руб. в месяц, поскольку на его иждивении находились двое детей[71]. Пособие назначалось тогда, когда не было других альтернатив; но фабрика могла, например, принять на работу вне очереди кого-либо из членов семьи просителя. Так, Н. К. Баранов (тазовщик), работавший на ЯБМ с 1878 г., в ноябре 1910 г. из-за болезни и преклонного возраста вынужден был перейти в сторожа, что привело к существенному снижению оплаты. Он обратился с просьбой к фабричной администрации: либо взять на фабрику его 16-летнюю дочь, либо за его 30-летнюю «безукоризненную работу на фабрике назначить пособие отдельно от заработка». Через две недели девушка была принята на Мануфактуру вне очереди[72]. Женщинам «добавочное пособие» не выдавалось, во всяком случае нам не удалось найти ни одного упоминания такого рода. Возможно, это связано с тем, что этот вид пособия был направлен на поддержку не просто рабочего, а всей семьи, и выплачивался мужчине как главе домохозяйства.

В 1910 г. «добавочное пособие» получали 28 рабочих, в среднем по 2,20 руб. в месяц на человека[73], в 1912 г. — 27 рабочих, в среднем по 2,06 руб. в месяц на каждого[74].

Причины действительно сложных, даже бедственных для рабочих ситуаций могли быть иными. Достаточно распространенной являлась ситуация, когда семья

оставалась без основного кормильца, и содержать детей или престарелых членов семьи на заработок остальных не было никакой возможности. Говоря здесь о потере кормильца, мы подразумеваем не только смерть такового и утрату им трудоспособности в результате несчастного случая или болезни. Нередко женщина с детьми оказывалась в бедственном положении по причине алкоголизма «кормильца» либо последний просто бросал семью. В таком случае фабрика нередко поддерживала своих работниц.

В январе 1897 г. директор ЯБМ С. А. Федоров составил докладную записку на имя ярославского губернатора, где изложил свои соображения о причинах и возможностях снижения пьянства среди рабочих ЯБМ и других предприятий, находящихся в Ярославле и городской округе. В ней он, в частности, указывал, что рабочие фабрики «нередко покидают путь мирного труда и предаются пьянству и разгулу; иные доходят до того, что бросают свои семьи и пропадают без вести, другие теряют всякое человеческое достоинство и превращаются в небезопасных бродяг. Случаи обращения с просьбами о вспомоществовании брошенных жен и детей, доведенных до крайней степени нужды и отчаяния пьянством мужей и отцов, стали обычными на нашей фабрике»[75].

Так, в 1897 г. с просьбой о выдаче пособия в правление обратилась Д. Е. Андреева, работавшая ткачихой с 1884 г. Ее муж, страдавший алкоголизмом, одно время состоял в Обществе трезвости при церкви св. Иоанна Предтечи, но затем «вновь начал пить». В одиночку ей было очень сложно содержать четверых сыновей, учившихся в фабричной школе. В 1898 г. ей было выплачено единовременное пособие в размере 50 руб.[76]

Практически всегда в более тяжелом положении оказывались рабочие, имевшие на иждивении недееспособных членов семьи, так что объектом социальной помощи нередко становился не рабочий сам по себе (в связи с производственной травмой, утратой трудоспособности в силу болезни или преклонного возраста и т. д.), а члены его семьи или семья как единое целое. Именно поэтому, собственно, мы можем говорить о том, что на описываемых предприятиях делались шаги к созданию настоящей системы социальной поддержки рабочих: для такой системы не столько важна ценность и незаменимость работника, сколько его реальные нужды. Система социальной поддержки означает, что предприятие несет некоторую ответственность перед хорошими работниками, и эта ответственность не должна прекращаться даже в случае смерти работника. Значительная часть обнаруженных нами случаев подобной помощи семьям рабочих относится именно к поддержанию детей, оставшихся по каким-то причинам без попечения родителей или одного из родителей. При этом, как видим, пособие на содержание детей не обязательно выплачивалось человеку, работающему (или ранее работавшему) на фабрике.

Так, в личном деле Ф. Н. Базылева указано, что он поступил на ЯБМ в апреле 1886 г. в возрасте 23 лет. Вместе с семьей снимал жилье в городе. С января 1910 г. он не работал «по болезни глаз», с мая 1910 г. был рассчитан и переведен на ежемесячное пособие в размере 5 рублей. В ноябре 1910 г. Ф. Н. Базылев умер. Трое его старших детей к этому моменту уже трудились на ЯБМ: Татьяна (22 года) — ватерщица с заработком до 9 руб. в мес., Марфа (16 лет) — ватерщица с заработком до 8 руб. в мес., Василий (13 лет) — ставильщик с заработком до 7 руб. в месяц. А на младшего сына, девятилетнего Степана, из средств фабрики вдове Ф. Н. Базылева было назначено пособие 1,5 руб. в месяц, несмотря на то, что она на Ярославской Большой мануфактуре не работала[77].

В данном случае еще нельзя исключать, что поддержка распространялась на эту семью прежде всего из-за того, что из членов семьи трое все же работали на фабрике. Однако есть и другие примеры, в которых пособие выдавалось семье умершего рабочего даже тогда, когда в семье вовсе не оставалось работников фабрики. А. Г. Забалуева начала работать на ЯБМ в 1888 г. в возрасте 15 лет. В августе 1908 г., проработав без малого 20 лет, она умерла. В личном деле, в пункте «семейное положение», на 1900 г. указано: «Муж ее в настоящее время находится неизвестно где». После смерти А. Г. Забалуевой осталось трое детей — Сергей (семи лет), Екатерина (пяти лет), Елизавета (одного года). Детей взяли родители умершей женщины, которые никак не были связаны с ЯБМ (отец трудился на другом предприятии, мать не работала нигде). Им выплачивалось ежемесячное пособие (из сумм штрафного капитала) в размере 6 руб. на содержание троих детей[78].

Случаев, подобных вышеприведенным, встречается достаточно много[79]. Отметим, что пособие из фабричных средств могло частично или полностью выплачиваться харчами (продуктами). Размер выплат обычно колебался в пределах от 1 до 3 руб. на одного ребенка. Как правило, пособие на мальчиков выплачивалось до достижения ими 12–13-летнего возраста, на девочек — до 15 лет, после чего большинство этих детей принимались на ЯБМ, особенно если они прошли курс обучения в фабричной школе. Но будущая трудовая деятельность на ЯБМ ни в коей мере не являлась обязательным условием выплаты пособия.

Супруги Базуновы — Марфа Илларионовна и Матвей Абрамович — пришли на ЯБМ в середине 1870-х гг. и без перерывов трудились на фабрике долгие годы, зарекомендовав себя добросовестными и дисциплинированными работниками. Женщина уволилась в сентябре 1899 г. по состоянию здоровья, а с ноября того же года ей было назначено пособие на троих детей в размере 5 руб. в месяц. В декабре 1901 г. старший сын Андрей, которому исполнилось 12 лет, был принят на фабрику подметальщиком с заработком до 5 руб. в месяц. После этого размер пособия сократился до 3 руб., поскольку оно выплачивалось уже на двоих детей: Петра (9 лет) и Татьяну (15 лет). Заметим, что девочка училась на портниху и явно не собиралась работать на фабрике. В декабре 1902 г. Татьяна начала работать портнихой, после чего выплаты пособия прекратились, так как руководство предприятия пришло к выводу, что трое работающих членов семьи в состоянии обеспечить остальных. В декабре 1912 г. глава семьи — Матвей Абрамович — был рассчитан и переведен на пособие из средств фабрики в размере 10 рублей в месяц[80].

Как видно из приведенных примеров, работники, члены семей которых получали помощь от предприятия, трудились на ЯБМ достаточно долго. Это являлось обычной практикой: рабочий со стажем имел больше шансов на получение любого вида денежного вспомоществования, на заселение в фабричные жилые помещения, на помещение в богадельню и т. д.

Архивные документы свидетельствуют, что не мог рассчитывать на получение какого-либо вспомоществования от предприятия ребенок, родившийся вне законного брака. Так, А. В. Васильев поступил на ЯБМ в 1872 г. К 1909 г. он — вдовец, живущий гражданским браком, и в этом браке имеющий двухлетнюю дочь. После того как он умер в 1909 г., его гражданская жена подала просьбу в правление о выплате пособия на его дочь, однако получила отказ[81].

Случалось, что дети рабочих оставались совершенно одни, и опекунство над ними некому было поручить. Тогда фабрика из собственных средств могла опла-

чивать пребывание этих детей в приюте. Так, в 1902 г. две девочки (10 и 15 лет), родители которых работали на ЯБМ с 1880-х гг., остались без опекунов. По решению фабричной администрации старшую девочку вне очереди приняли на работу и выделили ей место в казармах, а младшую на средства Товарищества поместили в приют при церкви св. Иоанна Предтечи и оплачивали ее пребывание там до 1908 г., а затем также взяли на фабрику (прил. 48).

Имеются и другие примеры, когда из фабричных средств оплачивалось содержание в приюте детей рабочих Ярославской Большой мануфактуры. Так, Д. И. Баранов поступил на ЯБМ в 1881 г., жил с семьей в фабричных казармах. К 1907 г. он — вдовец, имеющий двоих детей: Марию (семи лет) и Григория (двух лет). Держал для них няньку, которой платил 3 руб. в месяц. В октябре 1908 г. он умер. Мария и Григорий были приняты (по обращению Грязнова) в Предтечевский приют. За каждого из них ежемесячно из средств фабрики выплачивалось по 7,5 руб.[82] Приведем другой пример: в 1914 г. оставшаяся сиротой Антонина Базанова также была определена на средства ЯБМ в Предтечевский приют. В 1917 г. она была принята на работу на фабрику и получила возможность проживать в фабричных казармах[83].

Вместе с тем говорить о полноценной системе социальной поддержки, очевидно, нельзя. Никто из рабочих не был застрахован от нужды, и каждое дело рассматривалось отдельно. Поддержка оказывалась именно тем семьям, которые в ней нуждались в наибольшей степени, и только до тех пор, пока она была, по мнению администрации, действительно необходима.

Так, рабочий Н. М. Бакин пришел на ЯБМ в середине 1860-х гг. С 1890-х гг. до 1912 г. он работал прядильщиком (в 1903 г. зарабатывая до 24 руб. в месяц). Получил награду за 25 лет службы, затем добавочную награду. В 1911 г. он начал сильно болеть, лежал в больнице. Жена его на ЯБМ не работала. В январе 1912 г. Н. М. Бакин обратился с просьбой о пособии в связи с большим количеством иждивенцев: в семье было восемь детей, трое из которых работали на фабрике (суммарный заработок 35 руб. в месяц), двое — не работали, хотя по возрасту уже работать могли (14,5 и 12 лет), и трое детей в возрасте до девяти лет. Жила семья вся вместе на вольной квартире, и трое работающих на ЯБМ получали квартирные деньги. Рассмотрев всю ситуацию, фабричная администрация приняла решение отказать в выдаче пособия[84].

Таблица 82

Просьбы о пособиях рабочих фабрики Ярославской Большой мануфактуры, поданные в администрацию. 1901 г.

Содержание просьбы	Всего просьб	Удовлетворено	Отказано	% отказов
Пособие на детей	31	27	4	12,9
Пособие по болезни, старости	38	26	12	31,6
Пособие по увольнению	4	2	2	50,0
Единовременные пособия	20	18	2	10,0
Помещение в богадельню, больницу	8	7	1	12,5
Выдать пособие вперед за несколько месяцев	2	2	0	—

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040.

Таблица 83

Просьбы о пособиях рабочих фабрики Ярославской Большой мануфактуры, поданные в администрацию. 1902 г.

Содержание просьбы	Всего просьб	Удовлетворено	Отказано	% отказов
Пособие на детей	48	35	13	27,1
Пособие по болезни, старости	17	14	3	17,6
Пособие по увольнению	20	11	9	45,0
Единовременные пособия	29	27	2	6,9
Помещение в богадельню, больницу	6	5	1	16,7

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040.

Таблицы 82 и 83 дают представление о том, о каких пособиях (средств из фабричных) чаще всего просили рабочие, каков был процент удовлетворенных просьб и отказов. Судя по этим данным, только в исключительных случаях (видимо, при нехватке мест) рабочему отказывали в помещении в богадельню Товарищества. Как правило, фабрика шла навстречу нуждам рабочих и при выплате единовременных пособий. С пособиями ежемесячными дело обстояло иначе. Самый высокий процент отказов (почти половина — при разном количестве просьб — 4 и 20) приходится на статью «пособия по увольнению». Причиной отказа в этом случае чаще всего был небольшой стаж работы на фабрике. Просьбы о пособиях на детей, а также в случае болезни или по старости составляют самые многочисленные группы, и значительное количество этих просьб удовлетворялось Товариществом.

* * *

В военные годы многие элементы трудовых отношений менялись, и правления предприятий принимали на себя новые обязательства — теперь применительно к семьям мобилизованных рабочих. 11 октября 1904 г. на заседании правления Товарищества ЯБМ рассматривался вопрос о мобилизации рабочих и служащих предприятия. К этому времени с фабрики были мобилизованы 16 служащих и 250 рабочих. Хозяева ожидали, что этим дело не ограничится, поскольку по спискам общее число запасных чинов на фабрике составляло до 650 человек. Учитывая сложное материальное положение семей, которые остались без основных кормильцев, правление постановило: «Всем ныне и впоследствии призываемым служащим фабрики выдавать единовременное пособие в размере $^1/_2$ годового оклада жалования», сохранив при этом за ними рабочие места; «призываемым рабочим выдавать единовременно по 25 рублей на человека и сложить с них мелкие долги, числящиеся за ними по харчевой лавке и другим расчетам»[85].

К началу Первой мировой войны государство уже взяло на себя обязанность выплачивать семьям мобилизованных на войну нижних чинов денежные пособия. Соответствующий закон был принят незадолго до войны — 23 июня 1912 г. — и вступил в силу с 1 января 1913 г.[86] Согласно статье 63 закона о призрении семей нижних чинов денежное пособие должно было составлять сумму, выражавшуюся в цене 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц на каждое призреваемое лицо (скажем, в Серпухове в октябре 1915 г. это составляло примерно 4 руб. 20 коп.). Насколько действительно выполнялись эти обязательства государства — отдельный вопрос, но и фабрика со своей стороны

предпринимала усилия по некоторой поддержке семей мобилизованных. Так, на коншинских фабриках за семьями мобилизованных рабочих сохранялись места в фабричных казармах, и им выплачивалось пособие в размере от 2 до 8 руб. на семью (прил. 49). Таким образом, можно сказать, что во время войны поддержка фабричной администрации семьям мобилизованных рабочих стала еще одним элементом социальной системы, принятой на фабриках, и очень вероятно, что это в плане мотивации труда благотворно воздействовало и на тех, кто не был призван в армию.

ПОРЯДОК СОДЕРЖАНИЯ СТАЦИОНАРНЫХ БОЛЬНЫХ

Еще один вопрос, непосредственно связанный с проблемами социального страхования — это правила содержания и выплаты пособий заболевшим, оказавшимся на излечении в фабричной больнице.

Закон (подробнее об этом написано в главе VII данной книги) требовал от владельцев предприятий лишь предоставления врачебной помощи заболевшим рабочим, но если необходимость стационарного лечения не была вызвана несчастными случаями на производстве, то до 1912 г. по закону никакого обеспечения им не полагалось. На практике, однако, даже кратковременное прекращение поступления заработка приводило в совершенно бедственное состояние многих рабочих, особенно семейных. Поэтому на некоторых фабриках постепенно приходили к решениям о выплате пособий заболевшим.

На фабриках Коншина правила, которыми определялось содержание больных рабочих, были приняты 2 июня 1905 г. и введены в действие с 10 июня[87]. В соответствии с этими правилами заболевшие рабочие, как и требовал закон, бесплатно лечились в фабричной больнице, но притом еще в течение трех месяцев болезни получали пособие в размере половинного заработка (в качестве такового принимали средний суточный заработок рабочего за предыдущие три месяца). По истечении трех месяцев болезни рабочим переставали выплачивать пособие, — даже если они продолжали лечение в больнице. В порядке исключения пособие по болезни получали и те рабочие, которые лечились дома, но для этого нужно было разрешение врача, и такие больные должны были периодически являться на обследование. Табл. 84 показывает динамику выплат больничных пособий.

Таблица 84

Пособия по болезни, выплаченные рабочим Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1902–1917 гг.

Год	Пособия пострадавшим на производстве — по закону 02.06.1903, руб.	Пособия госпитальным больным — по внутреннему положению 02.06.1905, руб.
1	2	3
1902/03	891,5	—
1903/04	1 464	—
1904/05	1 601	—
1905/06	3 903	8 753,5
1906/07	3 194	16 116
1907/08	3 923	17 950
1909/10	14 500	21 500

Окончание табл. 84

1	2	3
1910/11	17 500	21 500
1911/12	15 000	22 000
1912/13	18 000	*25 000*
1913/14	15 000	26 000
1914/15	*16 000*	*26 000*
1915/16	20 714	27 298
1916/17	*20 000*	*35 000*
1917/18 (полгода)	*25 000*	*75 000*

Источник: Для 1902/03–1907/08 (первый столбец): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51. Для 1905/06–1907/08 (второй столбец): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47 об.–48; с 1909/1910 г. общий источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 37, при этом выплаты по закону 2 июня 1903 г. считаются вместе с пенсиями. Курсивом даются сметы, обычным шрифтом — реальные затраты. С 1912/13 г. с принятием нового закона исчезает графа «По положению 5.6.1905», вместо нее появляется «В больничную кассу».

Нам не удалось обнаружить подобных правил для Ярославской Большой мануфактуры. В изданиях, подготовленных Товариществом к промышленным выставкам 1896 и 1900 гг., в разделах, посвященных общей характеристике положения рабочих, есть упоминания о том, что на стадии разработки находится «Устав вспомогательной кассы», в которую ежегодно отчисляется часть прибыли. Этот устав должен был гарантировать «вполне целесообразное и справедливое назначение пособий, обеспечивая рабочим дни болезни и старости и помощь на случай какого-нибудь несчастья»[88]. Период в четыре года, прошедший между выходом в свет этих изданий, оказался недостаточным для завершения разработки и утверждения «Устава вспомогательной кассы». Остается неясным, был ли этот документ принят впоследствии и предусматривались ли в нем какие-либо выплаты рабочим, оказавшимся на излечении в больнице не вследствие несчастного случая на производстве, а по иным причинам. В утвержденных 21 марта 1910 г. «Правилах внутреннего распорядка для рабочих и мастеровых, работающих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, находящейся в г. Ярославле» совершенно определенно говорится: «Во время нахождения рабочего в больнице не вследствие несчастного случая заработной платы ему не полагается»[89]. Вряд ли ситуация была иной и в предшествующий период. Это косвенно подтверждают и личные дела рабочих. В них, как правило, указывались все случаи получения работником любого вида пособий (и их размеры) за весь период работы на предприятии. И когда речь идет о пребывании рабочего в больнице вследствие обычного заболевания (а не несчастного случая), то указывается, опять-таки, только нерабочее время и ни разу не встречается упоминания о выплате пособия за этот период. Когда же речь шла о несчастном случае, фиксировались и время болезни, и размер пособия. На самом деле в случае длительной нетрудоспособности основного кормильца в семье пособие могло выплачиваться деньгами или продуктами (как это уже описано), но это рассматривалось администрацией именно как помощь семье, оказавшейся в очень сложных материальных условиях, а не пособие по болезни.

Отдельно следует сказать о положении рожениц. На коншинских фабриках такие работницы получали пособие по болезни наравне с другими больными толь-

ко за то время, пока находились в больнице — непосредственно при родах и некоторое (по усмотрению врачей) время после родов. Кроме того, они могли, «если пожелают», брать четырехнедельный отпуск, который оплачивался по особой фиксированной ставке в 1,5 руб. в неделю. Для большинства работниц эта ставка была меньшей, чем половина заработка (прил. 6): ватерщицы получали примерно 70 коп. в день, т. е. около 15 руб. в месяц, но были и те, кто получали менее 12 руб. в месяц, и для них такая ставка была более предпочтительной. Более длительного отпуска не предоставлялось.

Указанные условия трудно считать нормальными. Однако и это было большим шагом вперед, потому что проблема отпуска для беременных в это время фактически вообще никак не решалась ни на уровне законодательства, ни на уровне фабричных правил. Можно привести целый ряд описаний, подобных следующему: «На фабриках Дмитровского уезда беременные и родильницы никакими льготами не пользуются; ткачиха и т. п. в течение 1 месяца сохраняет за собой право занять, по выздоровлении, свое прежнее место, не получая, однако, за это никакой платы. Обыкновенно беременные оставляют работу за день до родов, встают же с постели спустя 7–9 дней; при родах остаются в своих каморках, пользуясь пособием простой сельской повитухи»[90]. Приведенный порядок выявлен в начале 1880-х гг., но и через четверть века здесь мало что изменилось: «До самых последних дней беременности женщина продолжает трудиться в убийственной атмосфере фабрики. Случаи освобождения работницы до и после родов с сохранением содержания до сих пор единичны (С. Морозов в Орехове, бр. Леонтьевы в С.-Петербурге). В 1907 г. во время забастовочного движения на Выборгской стороне петербургские рабочие выдвинули компромиссное требование: отпускать женщин с сохранением половинной платы за 2 недели до и на 4 после родов. Но и это требование осталось неудовлетворенным»[91]. Коншинская фабрика была одним из этих «единичных случаев»: даже на приведенной в пример Никольской мануфактуре С. Т. Морозова беременным работницам, правда, давали более длительный отпуск — на две недели до родов и на шесть недель после, но зато и платили лишь по 5 руб. в месяц[92]. То, что ставка пособия обычно была такой низкой, в большинстве случаев обесценивало возможность отпуска: если женщины физически были способны пойти на работу, они стремились сделать это как можно скорее. Описывая положение рожениц на промышленных предприятиях Богородского уезда Московской губернии в 1902 г., один фабричный врач показывал, что средняя продолжительность их пребывания в больнице составляла всего 4,2 дня. Далее он писал: «Не способствует продолжительности пребывания и выдаваемое на некоторых фабриках пособие; оно, очевидно, слишком мало по сравнению с заработком, который родильницы теряют, оставаясь в приютах до 8–9 дней». Отсюда делался очевидный, но практически мало реальный вывод: «Желательна выдача всем материально необеспеченным родильницам вспомоществования в размере заработка»[93].

Выплата пособий по болезни уже в самом начале XX в. не была исключительной редкостью на фабриках. Некоторые полезные сведения дает обработка анкеты с вопросами о состоянии медицинской помощи на фабриках города Москвы за 1902 г.[94] Так, пособия по болезни уже в это время так или иначе выплачивались рабочим на 151 предприятии (22 %), причем 51 фабрика платила рабочим полное жалование в течение всего срока болезни, и еще 15 — полное жалование в течение месяца. А вот помощь роженицам была поставлена совсем плохо — только восемь фабрик платили хотя бы какое-то пособие, от 1,5 до 10 руб. в месяц, в основном из сумм штрафного капитала[95].

Что касается порядка обеспечения беременных и рожениц на Ярославской мануфактуре, то его явно нельзя отнести к числу лучших. Таким работницам были разрешены «отпуски, часто весьма продолжительные (от двух недель до шести месяцев)»[96], что подтверждают и записи в их личных делах. Однако размер получаемого ими пособия, выплачивавшегося из средств штрафного капитала, никак не зависел от продолжительности этого отпуска и был явно недостаточным. Динамика этого процесса представлена в табл. 80; если же по этим данным рассчитать среднюю величину пособий по беременности, то получится, что в 1899–1901 гг. пособие каждой роженице составляло 3 руб., а начиная с 1902 г. его размер даже уменьшился до 2 руб. В сентябре 1910 г. старший фабричный инспектор Ярославской губернии, среди прочего, также высказывал недовольство тем, что на ЯБМ беременным выдают лишь по 2 руб., хотя в этом случае женщины прекращали работу на целый месяц и больше: «не может быть, чтобы они все, точно сговорившись, просили не больше двух рублей... администрация сама устанавливает такой размер пособий, не считаясь с действительной нуждой работниц»[97]. Однако это, видимо, никак не повлияло на ситуацию, и в 1912 г. размер пособия по беременности и родам по-прежнему составлял 2 руб. (см. табл. 80). Рабочие ЯБМ в начале XX в. неоднократно выдвигали требование оплачиваемого в половинном от зарплаты размере отпуска для женщин на шесть недель (за две недели до родов и четыре недели после родов), но неизменно получали отказ правления[98].

В постановлении правления коншинских фабрик о порядке выплаты пособий по болезни говорилось, что это постановление не относится к травматическим больным, поскольку для тех действует закон. Однако в действительности положение травматических больных у Коншиных было таким же: если они лечились в больнице, то согласно ст. 6 закона они получали такое же пособие, как и находящиеся на стационарном излечении по болезни — в размере половинного заработка. Разница лишь в том, во-первых, что на травматических больных не распространялось требование о трехмесячном лечении, а выплата производилась «по день восстановления трудоспособности», и, во-вторых, возможно, что на них не распространялось требование об обязательности пребывания в больнице для получения пособия.

Все заболевшие рабочие — в том числе и травматические с временной утратой трудоспособности — пропуская работу, все же теряли половину заработка и старались свести к минимуму пребывание в больнице. В ноябре 1907 г. на заседании Больничного совета был поднят вопрос о недостаточности определенного законом 1903 г. пособия травматическим больным. Заведующий больничными учреждениями Н. М. Крашенинников отметил, что «больные отказываются лечиться достаточно продолжительное время из-за экономических побуждений», вследствие чего «потеря трудоспособности выражается в более крупных размерах». Он предложил платить таким пострадавшим полную сумму заработка вместо половинной, поскольку таких случаев немного. Однако председатель Совета, заведующий административно-хозяйственной частью товарищества Е. Е. Тизенгаузен сразу высказался против, мотивируя это тем, что такое «вскоре станет рядовым случаем». В качестве решения в журнал было внесено именно это мнение: «Председатель полагает, что травматических больных закон от 2 июня 1903 г. берет под свою защиту, и нам нет надобности исправлять закон». Позднее вопрос, очевидно, рассматривался и в правлении, так как в журнале есть приписка, сделанная председателем правления А. Н. Коншиным в феврале 1908 г.: «Нет ли других средств уменьшения потери трудоспособности? Правление считает возможным лишь выпол-

нение требований закона 2 июня 1903 г.»[99] Таким образом, даже достаточно скромное требование врачей в пользу травмированных, потерявших здоровье на предприятии рабочих показалось администрации завышенным.

Законодательно вопрос о выплате пособий больным рабочим был решен только в 1912 г.* К закону «Об обеспечении рабочих на случай болезни» прилагалось «Положение об обеспечении рабочих на случай болезни», определявшее порядок и размер выплат заболевшим рабочим пособий из средств организуемых в обязательном порядке больничных касс. Владелец предприятия по-прежнему был обязан обеспечить первую врачебную помощь и амбулаторное лечение, а также предоставить или оплатить больничное лечение и все медикаменты (в том числе роженицам) до выздоровления, но не более четырех месяцев. При этом больным должно было выдаваться денежное пособие (от $^1/_2$ до $^2/_3$ заработка — имеющим иждивенцев, от $^1/_4$ до $^1/_2$ заработка — остальным) с четвертого дня болезни до выздоровления, но не долее 26 недель в течение одной болезни и не долее 30 недель в течение года, а при временной утрате трудоспособности в результате увечья — с момента несчастного случая до выздоровления, но не долее 13 недель (§§ 54–55 «Положения»). В случае родов выдавалось пособие от $^1/_2$ до полного заработка — за две недели до родов и четыре недели после родов, но только тем участницам кассы, которые состояли в ней не менее трех месяцев до родов (§ 56 «Положения»). Законы 23 июня 1912 г. были несколько пересмотрены в июле 1917 г. (в сторону повышения участия рабочих в деятельности больничных касс, увеличения размеров самих больничных касс и перераспределения вкладов предпринимателей и рабочих в их фонды), но размеры и сроки выплаты пособий не были изменены даже тогда[100].

Средства больничных касс в основном формировались из взносов участников (от 1 до 3 % суммы заработка) и приплат владельцев (в размере $^2/_3$ взносов участников кассы). Таким образом, по этому положению предприниматель, если отвлечься от мелочей, нес лишь 40 % расходов на пособия, а доля в 60 % ложилась на рабочих. Это вызывало недовольство последних. 11 февраля 1914 г. начальник Ярославского губернского жандармского управления сообщал ярославскому губернатору, что большинство рабочих ЯБМ настроены «против введения больничной кассы и что первые же вычеты в кассу неминуемо вызовут со стороны рабочих требования о прибавках к заработной плате»[101].

Исследователи разработки закона 1912 г. отмечали, что к его обсуждению активно привлекались представители администрации крупных предприятий. Так, октябрист барон Е. Е. Тизенгаузен, бывший некоторое время заведующим административно-хозяйственной частью коншинских фабрик, был председателем думской комиссии по рабочему вопросу во время разработки проекта[102]. Более важным представляется то, что готовый проект был разослан на ряд предприятий экспертам-практикам, далеким от законотворческой деятельности. В частности, запрос на экспертную оценку был получен и на ЯБМ, и в фонде имеется реакция заведующего ЯБМ А. Ф. Грязнова на проект закона[103]. Интересно, что Грязнов, очевидно, тоже посчитал исключительно полезным то обстоятельство, что проект закона был передан на экспертизу таким практикам, как он. Он отметил ряд «небольших промахов», объяснявшихся, с его точки зрения, тем, что лица, составляющие законопроекты (чиновники Министерства торговли и промышленности),

* Имеются в виду только территории, на которые практически распространились законы 1912 г.; Центральный промышленный район в их число, разумеется, входил.

«далеко стоящие от условий каждодневной будничной жизни фабрик и заводов, со многими мелочами этой жизни, быть может, и не знакомы»[104].

Во-первых, он считал нежелательным предусмотренное законопроектом добровольное участие в кассах наиболее обеспеченных служащих (директоров, мастеров и т. п., годовой доход которых превышал предлагавшуюся в законопроекте сумму в 1 500 руб. в год), аргументируя это тем, что если они добровольно и пойдут в кассы, то явно не для получения пособия, а преследуя какие-то свои цели. Это «неизбежно будет нарушать единство тех целей, с которыми кассы учреждаются». С его точки зрения, лучше было бы повысить размер «предельного содержания, при котором служащие в промышленных предприятиях по найму лица обязаны вступать в кассу, например, вместо 1 500 рублей в год сделать, скажем, хоть 20 тысяч, но отнюдь не предоставляя это «добровольному» выбору членов администрации промышленных заведений». Заметим, что из окончательной редакции закона это положение о добровольном участии служащих в больничных кассах было удалено.

Во-вторых, Грязнов предлагал передавать больничным кассам только часть штрафного капитала, а оставшуюся часть «временно, впредь до издания законов о страховании рабочих от инвалидности и старости, оставить под действием ныне действующих правил 4 декабря 1890 г.». Он аргументировал свое предложение тем, что «многие промышленные заведения, помимо выдач пособий роженицам и на погребение, выдают также ежемесячные пособия тем из бывших своих рабочих, которые навсегда лишились своей трудоспособности, кто вследствие болезни, кто по старости». Собственно, здесь мы снова возвращаемся к вопросу о распределении штрафного капитала, который на ЯБМ (и, наверное, на других предприятиях, к практике которых апеллировал Грязнов) понимался немного иначе, чем в фабричной инспекции. Заведующий ЯБМ полагал, что полная передача штрафного капитала в больничную кассу не позволит фабрикам продолжать выплаты таких пособий, «что, во-первых, до крайности ухудшит их положение и, кроме того, во-вторых, поставит работодателей в крайне затруднительное положение — что с этими лицами делать»[105]. Подобные соображения, очевидно, поступали из многих мест и оказали свое действие, потому что положение о передаче штрафных капиталов в больничные кассы вообще не вошло в закон и было проведено только в сентябре 1917 г., за месяц до полной отмены штрафов[106].

В-третьих, предлагаемое установление различий в размере пособий для семейных и одиноких рабочих, являющихся абсолютно равноправными участниками больничной кассы, Грязнов рассматривал как несправедливость, способную привести к конфликтам, с одной стороны, в рабочей среде, с другой — между рабочими и Правлением кассы. Кроме того, он высказал опасение, что «проведение разницы между рабочими семейными и одинокими, притом законодательным порядком, внесет в промышленность и в среду рабочих совершенно новый, доселе не имевший места, взгляд, что и ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ, выплачиваемое промышленными заведениями рабочим за произведенные ими работы, должно сообразоваться с семейным положением каждого рабочего: у одиноких оно должно быть меньше, у семейных больше и т. п.». Положение о разнице размеров пособий исходя из семейного состояния рабочих, однако, прошло в финальный вариант закона (ст. 54).

Кроме того, выдача больничными кассами пособий не только заболевшим, но и пострадавшим в результате несчастных случаев могла, с точки зрения Грязнова, создать у рабочих впечатление, что на них возложили часть обязанностей и расходов предпринимателей, «и сколько бы рабочим ни объясняли, что в Германии

взносы предпринимателей в больничные кассы равны ПОЛОВИНЕ взносов рабочих, а в России — ДВУМ ТРЕТЯМ, и что вот именно эта разница в $^1/_6$ и установлена нашим русским законом специально для выплаты больничными кассами пособий пострадавшим ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ, все равно это рабочих не переубедит и взглядов их на эти выплаты не изменит...».

Однако в целом заведующий ЯБМ заключил, что последствия осуществления нового закона на практике «и для промышленности, и для рабочих будут самые благотворные, что многие ныне существующие неприятные стороны рабочего вопроса потеряют свою остроту, и что многие шероховатости взаимоотношений между работодателями, с одной стороны, и рабочими — с другой, в значительной степени сгладятся и улучшатся»[107].

Сохранившийся отчет о деятельности больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре за 1914 г. (прил. 50) позволяет составить представление о деятельности этого нового для России учреждения. Управление делами больничной кассы закон сосредоточивал в Общем собрании кассы и ее правлении. Председателем Правления кассы «по доверию владельцев предприятия» стал заведующий мануфактурой А. Ф. Грязнов. Среди 10 членов Правления кассы шестеро были избранными, четверо — назначены владельцами[108]. Согласно отчету число участников больничной кассы за 1914 г. увеличилось на 275 человек (или на 2,5 %). При этом процентное соотношение мужчин и женщин практически не изменилось (женщины составляли 52,4 % в начале года и 53,4 % — в конце года). Всего за 1914 г. зафиксирован 6 491 случай заболевания, причем их них 6 % (5 % дней болезни) являлись последствиями несчастных случаев, 12 % (26 % дней) — это отпуск по беременности и родам, и оставшиеся 82 % случаев и 68 % дней проходят по графе «прочие заболевания». На долю женщин приходится 68,1 % всех случаев заболеваний и 72,9 % дней болезни, что отчасти объясняется рассмотрением беременности и родов как заболевания. Однако женщины и вообще больше болели: из заболевших «прочими заболеваниями» 65 % как случаев, так и дней болезни относятся к женщинам. Зато среди пострадавших в результате несчастных случаев женщины составляли 44 % (41 % дней болезни). Средняя продолжительность одного заболевания составляла 22 дня. Больничные же длительностью более 13 недель являлись в основном последствиями несчастных случаев; 12,4 % дней болезни было проведено в больнице, остальное время лечение проводилось амбулаторно. Пособие же было выплачено за 54,3 % дней болезни (при этом данный показатель у женщин и мужчин не сильно различается). Интересные результаты дает рассмотрение имеющейся в отчете таблицы о размерах выданных пособий. На ее основе мы подсчитали размеры пособий для мужчин и женщин, приходящихся на один случай заболевания (табл. 85).

Таблица 85

Сведения о размерах пособий, выданных участникам больничной кассы на ЯБМ в 1914 г.

Причина выдачи пособия	Средний размер пособия, руб.	
	Муж.	Жен.
Несчастный случай	7,71	4,80
Роды	—	12,69
Прочие заболевания	9,93	5,64
На похороны	26,86	17,87

Мужчины имели больший размер пособий, что объяснимо. Во-первых, мужчины, как правило, имели больший заработок, во-вторых, они могли получать больший процент от заработка как имеющие иждивенцев. Следует особо отметить рост размеров пособий по сравнению с предшествующим периодом. Так, например, женщины, ранее на протяжении многих лет получавшие по 2 руб. в период отпуска по беременности и родам, теперь стали получать в среднем в шесть (!) раз большее пособие. Однако некоторые моменты в деятельности больничной кассы вызывали недовольство и нарекания ее участников.

В своем донесении на имя губернатора от 15 июня 1914 г. начальник Ярославского губернского жандармского управления сообщал следующее: «Среди рабочих Карзинкинской фабрики наблюдается недовольство правлением больничной кассы, которое в большинстве случаев будто бы задерживает, под различными предлогами, разрешение вопросов о выдаче пособий участникам кассы и вообще критически относится к их просьбам и заявлениям, так, например, в одном случае вместо положенных по уставу кассы 13-ти рублей на похороны взрослого выдано только 8 рублей, а от одного рабочего, похоронившего свою мать, требуются счета и расписки, оправдывающие расход на погребение. Кроме того, практикуются недопустимые способы проверки заявлений о болезни. К числу таких способов относится, между прочим, обход квартиры больных не фельдшером, но простым рабочим или хожалым, которые и констатируют факт по своему усмотрению.

Для того, чтобы лишить заболевшего рабочего права на сохранение известной доли заработка — достаточно доноса по злобе или вздорного заявления соседа, что-де такой-то под предлогом болезни гулял или занимался своими делами.

Подобная система проверок заявлений, порождая среди рабочих междоусобицу и вражду, дает оппозиционному элементу обильный материал для агитации, направленной к поддержанию в рабочей массе брожения, которое рано или поздно должно выразиться в предъявлении требований о смене уполномоченных и назначении новых выборов, главная цель которых — проведение для участия в делах кассы возможно большего числа социал-демократических рабочих, а не «хозяйских ставленников», получающих полтора рубля в день»[109].

Как бы то ни было, закон 1912 г., потребовавший в обязательном порядке создания больничных касс при фабрично-заводских предприятиях и выплату пособий по болезни, был значительным шагом вперед в деле создания системы социальной поддержки рабочих. Времени для полноценной его реализации оставалось мало: впереди была Первая мировая война.

* * *

В данной главе мы показали систему социального обеспечения, включающую в себя организацию пенсий и пособий рабочим, оказавшимся, — временно или навсегда, — нетрудоспособными. Само существование этой системы обычно оставалось незамеченным в работах, посвященных рабочему вопросу в России; иногда, вопреки очевидным фактам, даже утверждалось, что подобной системы не было вовсе. Между тем в описываемый период в России, как и в других странах, как раз и начиналось осуществление на практике той социальной идеи, что человек, уже не способный работать, вправе все же рассчитывать на материальную поддержку за то, что он уже сделал, когда был способен работать. Эта идея в практическом плане почти никогда даже не возникала раньше, в предыдущие периоды развития российской промышленности. Поэтому, конечно, никаких ме-

ханизмов обеспечения старых или больных рабочих не существовало еще в 1860-х гг. Однако уже с 1870–1880-х гг. постепенно начинают появляться и развиваться первые элементы системы социального обеспечения, получившей дальнейшее развитие в XX в.

Надо отметить еще то обстоятельство, что введение пенсий и пособий, в отличие от других социальных программ предпринимателей, описанных выше, не было вызвано прямой (производственной) необходимостью. Действительно: при крупной фабрике в Центральном промышленном районе России обычно не было инфраструктуры, которая бы позволяла расселить нужное количество рабочих, и поэтому фабрикантам приходилось строить казармы. Не хватало больниц, но хотя бы эпидемии нужно было останавливать, и вот в 1866 г. правительство нашло подходящий для себя ответ на вопрос о том, кто это будет делать, обязав промышленников предоставлять рабочим бесплатное лечение. Вопрос же о пенсиях не был вызван ничем, кроме новых представлений о социальной справедливости (мы здесь не обсуждаем детально вопрос о том, откуда, — «сверху» или «снизу», — исходило в первую очередь понимание этой справедливости). Поэтому критика неразвитости данной системы в дореволюционное время не слишком конструктивна; напротив, стоит считать немалым достижением, что эта система начала развиваться. Хотя, надо признать, уровень социальных выплат рабочим был весьма скромен, часто недостаточен, но ведь это было начало процесса; закон 1912 г. обозначил направление дальнейшего развития системы социального обеспечения рабочих.

Инициатива исходила от крупных предпринимателей. До 1886 г. закон даже не упоминал о каких-либо пособиях, до 1902 г. не требовал назначения пенсий. Однако в некотором виде (в порядке ли благотворительности или через добровольное признание необходимости назначения хотя бы какой-то компенсации тем, кто пострадал на производстве) на ряде крупных предприятий начинают выплачиваться некоторые пособия. На коншинских фабриках первая пенсия семье рабочего была назначена в 1883 г., на ЯБМ — примерно в это же время, не позднее 1884 г., а, например, у Морозовых «капитал благотворительных сумм», средства которого использовались на социальные выплаты рабочим, был образован еще в 1873 г.[110]

Следует обратить внимание и на относительно быстрое развитие социальных программ на крупных предприятиях, тем более, что правительство со временем подключилось к решению этого вопроса. Если за первые десять лет выплаты пенсий рабочим Коншины назначили их всего девять, из которых шесть — в связи с гибелью рабочего, то еще через 15 лет здесь уже были четкие правила, в соответствии с которыми не только каждый пострадавший от несчастного случая на производстве, но и заболевший или состарившийся рабочий имел право на определенную компенсацию. Если в первый год XX века закон не предусматривал выплату пенсий или пособий даже пострадавшим от несчастных случаев, то в 1913 г. подавляющее большинство рабочих имели право на получение пособия во время болезни, и существовал практический механизм для реализации этого права.

Право пожилых людей на получение пенсий так и не было заложено в законе Российской империи, но крупные предприятия демонстрировали быстрый прогресс в решении и этого вопроса, формируя для своих рабочих новые мотивы работать здесь долго и добросовестно.

Конечно, по сравнению с нынешней системой социального обеспечения описанные в данной главе программы не выглядят убедительными. Но подобное срав-

нение исторически некорректно: для своего времени системы пенсий и пособий рабочим, принятые на крупных предприятиях, были достаточно прогрессивными и динамично развивались.

[1] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 330.

[2] *Герасимов Н. В. и др.* Красный Перекоп... С. 29.

[3] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 83–84.

[4] См.: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 177–184.

[5] «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих». §§ 60–61.

[6] См.: *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 94–95; *Шелымагин И. И.* Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М., 1947. С. 37–53; *Куприянова Л. В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. С. 345–349, 351–354.

[7] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 94.

[8] Подробная статистика охватывающая 1888–1904 гг., приводится в статье: *Иванов Л. М.* К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Труды ЛОИИ. Вып. 12. Л., 1971. С. 342.

[9] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство... С. 94.

[10] *Варзар В. Е.* О некоторых недостатках условий страхования рабочих в частных страховых обществах // Труды... Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. ... Вып. V. № 23. С. 3.

[11] «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». ПСЗ-III. Т. XXIII. Отд. I. № 23060.

[12] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 150.

[13] Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 43.

[14] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 58. Л. 1.

[15] Там же. Д. 82. Л. 1.

[16] Там же. Д. 119. Л. 1.

[17] Там же. Д. 84. Л. 1–4.

[18] Там же. Оп. 3. Д. 254. Л. 37.

[19] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об.

[20] Там же. Оп. 1. Д. 1202.

[21] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 61. Л. 1.

[22] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16–17.

[23] Особенно высоким был травматизм в тяжелой промышленности. Так, на Московском металлическом заводе Гужона, прозванном «костоломным», в середине 1890-х гг. в среднем в год приходилось по несчастному случаю на каждых двух рабочих. См.: *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»... С. 23–24.

[24] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 473. Л. 108.

[25] К сожалению, не согласуется с предыдущим источником (табл. 65). Наиболее вероятный вариант объяснения — приведены подсчеты за разные периоды: в предыдущем источнике взят стандартный финансовый год Товарищества — с Пасхи 1906 г. по Пасху 1907 г.

[26] «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни»,

«О страховании рабочих от несчастных случаев». ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37444–37447.

[27] Подробные описания законов 1912 г. см., например, в работах: *Нолькен А. М.* Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. Практическое руководство. СПб., 1913; *Литвинов-Фалинский В. П.* Как и для чего страхуются рабочие. Полный текст новых законов о страховании рабочих с объяснениями. СПб., 1912; *Вигдорчик Н. А.* Что должен знать каждый участник больничной кассы. СПб., 1913. Довольно серьезная критика этих законов с точки зрения обеспечения интересов рабочих имеется в сборнике: *Данский Б. Г.* Дореволюционная страховая кампания. М., 1923 (здесь была переиздана серия вышедших до 1917 г. статей). Относительно практики реализации законов см.: *Маркузон Ф. Д.* Статистика социального страхования. М., 1925; *Иванов Л. М.* Страховой закон 1912 г. и его практическое применение // Отечественная история. 1995. № 5.

[28] См., например: *Иловайский С. И.* Учебник финансового права. Одесса, 1912. С. 82–89.

[29] *Борисович Б.* Пенсии и инвалидные ренты для городских служащих в Риге // Известия Московской городской Думы. Отдел общий. 1907. № 21 (ноябрь). С. 1–3.

[30] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1202. Такой внушительный стаж означает, конечно, что все они начали работать еще у отца владельца, Н. М. Коншина, когда собственно Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина еще не было организовано.

[31] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51.

[32] Там же. Д. 62. Л. 17.

[33] Там же. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об. Сумма достаточно большая, так что можно предположить, что она не накапливалась постепенно, но что основная часть ее была выделена разом в пенсионно-страховой капитал (возможно, по окончании расчетного года, на Пасху 1898 г.) с тем, чтобы на нее начислялись проценты, которые в основном и расходовались бы на выплату пенсий. Быстрый рост числа пенсионеров в последующие годы, очевидно, должен был привести либо к значительному увеличению капитала, либо к изменению системы его расходования.

[34] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 46–47.

[35] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 245–255.

[36] Там же. Оп. 1. Д. 7568. Л. 1–3.

[37] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 72.

[38] Там же. Л. 66.

[39] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 17 об., 19.

[40] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 224. Л. 1–3.

[41] Там же. Д. 335. Л. 1.

[42] Там же. Оп. 1. Д. 5823. Л. 10.

[43] Там же. Д. 5243. Л. 17.

[44] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 255.

[45] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 179.

[46] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 211.

[47] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 181, 182.

[48] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 150.

[49] Ярославская Большая мануфактура. 1900. С. 52.

[50] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 114.

[51] Там же. Д. 2744. Л. 154; Д. 3336. Л. 205; Д. 21417. Л. 42–45.

[52] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.

[53] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 138. Л. 1–2.
[54] Там же. Д. 48. Л. 1.
[55] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.
[56] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 346. Л. 1, 3.
[57] Там же. Оп. 1. Д. 2739. Л. 8 об.
[58] Там же. Л. 9.
[59] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 93. Л. 111–112 об.
[60] *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период... С. 65.
[61] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 242.
[62] Там же. Д. 48. Л. 12.
[63] Там же. Оп. 1. Д. 6345. Л. 6–7.
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] Там же. Л. 7–9.
[67] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.
[68] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.
[69] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 3. Л. 2; Д. 57. Л. 1–2.
[70] Там же. Оп. 5 «З». Д. 1. Л. 1–2.
[71] Там же. Оп. 5 «В». Д. 227. Л. 1–2.
[72] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 332. Л. 1. Д. 347. Л. 1.
[73] Там же. Оп. 3. Д. 126. Л. 249–250.
[74] Там же. Оп. 1. Д. 7568. Л. 3 об.
[75] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 178.
[76] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «А». Д. 423. Л. 1–2.
[77] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 144. Л. 1–2.
[78] Там же. Оп. 5 «З». Д. 6. Л. 1.
[79] См., например: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 3, 56, 67, 153, 167, 175, 190, 241, 244, 264, 332, 339, 340 и др.; Оп. 5 «В». Д. 21, 181, 234, 568 и др.; Оп. 5 «З». Д. 5, 19 и др.
[80] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 138. Л. 1; Д. 139. Л. 1–3.
[81] Там же. Оп. 5 «В». Д. 101. Л. 1–4.
[82] Там же. Оп. 5 «Б». Д. 323. Л. 1–5.
[83] Там же. Д. 126. Л. 1–13.
[84] Там же. Д. 184. Л. 1–3.
[85] Там же. Оп. 1. Д. 4664. Л. 29.
[86] «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». ПСЗ-III. Т. XXXII. Отд. I. № 37507. См. также: Устав о воинской повинности со всеми изменениями и дополнениями, внесенными законом 23 июня 1912 г. об изменении Устава о воинской повинности и другими законоположениями, изданными по 20 марта 1913 г., с очерком основных положений нового закона, разъяснениями, извлеченными из определений Правительствующего Сената, циркуляров министерств, инструкций и т. д., и с алфавитным предметным указателем / Сост. *Я. Ливин и Г. Ранский*. СПб., 1913. С. 510–528.
[87] Здесь и далее (насчет рожениц и травматических больных): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47 об.; Оп. 8. Д. 22. Л. 64 об.–65.
[88] Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 26; см. также: Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 38.
[89] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 108.

[90] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 19.

[91] *Кириллова Н. А.* Женщина-работница в крупной промышленности. С. 298.

[92] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 363.

[93] *Экк В. В.* О состоянии медицинской помощи на фабриках и заводах Богородского уезда за 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. 1904. № 3. С. 288.

[94] *Астрахан И. Д.* Врачебная помощь на фабриках г. Москвы. С. 67–89.

[95] Там же. С. 82.

[96] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 83–84; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 66, 119, 131, 227, 247, 287, 297, 334, 674 и др.

[97] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 5 об.–6.

[98] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13, 16–17; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 68, 82.

[99] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 472. Л. 101 об.–102 об.

[100] «Об изменении правил об обеспечении рабочих на случай болезни» (25.07.1917). Собр. Узак. 1917. № 208. Ст. 1313.

[101] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 22.

[102] См.: *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 123.

[103] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 132–148.

[104] Там же. Л. 133.

[105] Там же. Л. 141–145.

[106] «Об утверждении правил о порядке хранения и расходования штрафных капиталов, образуемых из взысканий с рабочих фабрично-заводских, горных и горно-заводских предприятий (за исключением золотых и платиновых промыслов)» (07.09.1917). Собр. Узак. 1917. № 231. Ст. 1606.

[107] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 132.

[108] Там же. Д. 62. Л. 108 об.

[109] Там же. Л. 101–102.

[110] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 177.

ГЛАВА IX
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ ФАБРИКАХ

Существенную роль в социальной сфере фабрики играли образовательные учреждения. Обращаясь к рассмотрению вопроса о возможности получения образования и создании образовательных учреждений для рабочих и их детей, следует, прежде всего, отметить, что этот вопрос был первым, с рассмотрения которого началось российское фабричное законодательство, и институт фабричной инспекции, ставший впоследствии важным элементом регулирования взаимоотношений фабрикантов и рабочих, был организован в первую очередь для того, чтобы следить за исполнением нового закона о работе детей до 16 лет, вступавшего в силу с мая 1884 г.[1]

Этот закон, в частности, провозглашал право на учебу для малолетних рабочих, не имевших свидетельств об окончании курса «по крайней мере в одноклассном народном или равном ему училище», и требовал, чтобы фабрика предоставляла им возможность не менее трех часов ежедневно или 18 часов в неделю посещать школу, если таковая была при фабрике или вблизи нее. В законе 1882 г. было также записано, что хозяевам фабрик «предоставляется открывать при оных школы для первоначального обучения малолетних рабочих», но обязательств делать это на фабрикантов не возлагалось ни тогда, ни впоследствии. Первые фабричные инспекторы в своих отчетах 1880-х гг. сетовали на необязательность устроения начальных школ при промышленных заведениях, они писали, например, что «даже те из них (фабрикантов — *Авт.*), которые, под влиянием распространившегося в 1884 г. слуха о такой обязательности, приступили было к постройке при своих заведениях школьных зданий, оставили свое намерение, как только убедились, что слух оказался неверным»[2].

Хотя в последующие годы внимание фабричной инспекции сместилось далеко в сторону вопроса о школьном обучении, дореволюционное законодательство прошло некоторую эволюцию в отношении обеспечения права, провозглашенного законом 1882 г. В частности, закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах» и закон от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» были положены в основу статей 112–121 Устава о промышленности, регламентировавших порядок обучения малолетних рабочих[3].

В соответствии с уставом порядок посещения училищ при фабриках, а также объем и план преподавания в них устанавливались по взаимному соглашению фабричной инспекции с директорами народных училищ. В случае отсутствия школы при предприятии фабричная инспекция входила в соглашение с местным учебным начальством относительно приспособления для обучения малолетних, работающих

на предприятии, находившем вблизи народного училища. Порядок обучения в таких училищах малолетних рабочих в часы, определенные для общих классных занятий, или во внеурочное время, устанавливался по взаимному соглашению между фабричной инспекцией и местным директором народных училищ. При наличии школы при фабрике, дающей образование выше, чем одноклассное народное училище, владелец предприятия обязан был предоставить возможность посещения подобной школы тем малолетним рабочим, которые имели свидетельства об окончании курса в одноклассном народном или равном ему училище[4].

Вполне естественно, что владельцы предприятий, не будучи обязанными заводить новые школы на свои средства, поначалу в основном и не восприняли эту идею, и первой массовой реакцией фабрикантов 1880-х гг., после того как они поняли, что правительство посредством фабричной инспекции собирается следить за выполнением закона о малолетних рабочих, было массовое увольнение таковых. Впрочем, компетентные современники, те же фабричные инспекторы, ссылаясь на английский опыт, отмечали, что хотя эта реакция вполне ожидаема, положение с детской рабочей силой должно достаточно быстро восстановиться, тем более, что массовое увольнение детей с фабрик в 1880-х гг. было связано не столько с принятием закона об образовании, сколько с экономическим кризисом[5].

Вместе с тем на некоторых крупных российских фабриках уже в первой половине XIX в. стали появляться школы для детей рабочих. Первая фабричная школа в России начала действовать при Прохоровской Трехгорной мануфактуре еще в 1816 г.[6]; и в 1840–50-х гг. в Московской губернии действовало более 30 фабричных школ[7]. Наиболее дальновидные предприниматели, вероятно, руководствовались пониманием того, что для них более выгодным является наличие достаточного числа грамотных работников. Однако таких школ было немного. Суммируя наблюдения различных инспекций конца 1870-х — начала 1880-х гг., современник писал: «Можно смело сказать, что на фабриках Московского уезда учится едва ли более десятой части живущих на фабриках детей школьного возраста»[8]. При этом Центральный район в этом вопросе выглядел предпочтительнее по сравнению с остальными регионами империи. В отчете фабричного инспектора Московского округа И. И. Янжула показано, что в 1882/83 отчетном году из 158 осмотренных фабрик с общим числом рабочих в 84 606 человек школы были выявлены на 32 фабриках. Всего в этих школах было 4 004 ученика, из них 1 195 — малолетние рабочие этих фабрик[9]. Таким образом, школы имелись на 20 % предприятий, а один ученик приходился на 21 рабочего. Значительно позднее, в 1898 г., на подчиненных надзору фабричной инспекции предприятиях всей Российской империи (которых, например, в конце 1900 г. было 17 977 с 1,6 млн рабочих) работали лишь 446 школ; в них учились 40 тыс. детей рабочих и 4 300 малолетних рабочих[10], так что школы были лишь на 2,5 % предприятий, а один ученик приходился на 38 рабочих. Очевидно, что в начале 1880-х гг. ситуация с фабричными школами в среднем по Российской империи была еще худшей и, значит, еще больше уступала ситуации в Московском округе. Интересно, что при описании промышленности Московской губернии в начале 1880-х гг. И. И. Янжул так характеризовал состояние фабричных школ: «Вообще забота хозяев промышленных заведений о школьном образовании даже учеников, не говоря о малолетних, в целом крайне ничтожна... положение школьного образования на московских, а еще более вне Москвы лежащих фабриках, крайне неудовлетворительно и главное — недостаточно»[11]. И практически в то же самое время он же, сравнивая в промышленном отношении Московскую губернию с Царством Польским, дал заметно более мягкий комментарий: «После земства наиболь-

шие суммы на учебное дело в Московской губернии даются фабрикантами... На многих фабриках расход на школы поглощает по 5 и до 9,5 тысяч рублей в год, и нет уезда Московской губернии, где бы не встретились фабричные школы, хотя, конечно, их численность и не соответствует далеко всей в них потребности»[12].

Приведенный пример показывает, что состояние дел с фабричными школами в Центральном районе сложно охарактеризовать однозначно. В целом количество школ было явно недостаточным, чтобы удовлетворить потребности в образовании членов рабочих семей, но в то же время на некоторых крупных предприятиях уже к началу 1880-х гг. имелись хорошие школы. Это также было отмечено И. И. Янжулом: «Наружность и обстановка фабричных школ... до известной степени обусловливается размерами и богатством фабрики: на крупных бумажных фабриках расход этот, легко заключить, должен быть весьма значителен». Далее автор привел список фабрик, несущих наибольшие расходы на содержание школ: Тверская мануфактура — 9 500 руб. в год, Раменская мануфактура — 6 900 руб. в год, Богородско-Глуховская мануфактура — 6 800 руб. в год, фабрика Малютиных и Коломенский завод Струве — по 6 000 руб. в год, Вознесенская мануфактура — 5 900 руб. в год, Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина — 3 100 руб. в год[13], Реутовская мануфактура — 2 000 руб. в год и т. д. Фабричный инспектор достаточно высоко оценил результаты усилий и затрат владельцев этих предприятий: «Сообразно этим тратам устроена, конечно, и вся обстановка школ: прекрасные постройки, большие комнаты с достаточным количеством воздуха и света, хорошая, иногда по последним образцам устроенная классная мебель, изобилие всех необходимых учебных пособий и развитые, толковые педагоги — учителя с хорошо оплачиваемым содержанием составляют принадлежность почти всех первых из вышеприведенных училищ»[14].

Е. М. Дементьев, говоря о Серпуховском уезде, в 1884 г. отметил наличие здесь фабричных школ только при тех же двух фабриках, при которых существовали и нормальные больницы — у Третьяковых и Коншина. Школа Третьяковых для 222 детей была «безупречна во всех отношениях»; затраты на нее достигали 4 тыс. руб в год. У Коншина «школа значительно меньше и обставлена беднее, тем не менее затраты фабрики на нее достигают 3 тысяч»[15]. Приведем и лучшие примеры фабричных школ, описанных П. А. Песковым во Владимирском фабричном округе на тот же 1884 г.: у Викулы Морозова (4 тыс. рабочих) — в школе 354 ученика, «помещение тесное для такого количества»; на Ярославской Большой мануфактуре (4,3 тыс. рабочих) — 235 учеников, «помещение достаточное и хорошо освещенное, но не вполне приспособленное для школы, временное», содержание школы обходится в 2 500–2 600 руб. в год; на Норской мануфактуре (1,8 тыс. рабочих) — 92 ученика; при бумагопрядильне А. Я. Балина (1,3 тысячи рабочих) — 65 учеников, а «наглядных пособий в школе практически никаких — одни счеты»[16].

Как видим, с точки зрения постановки образования для рабочих и членов их семей оба предприятия, находящиеся в центре нашего рассмотрения, относились к числу лучших. Но, как показывают документы, решалась эта проблема на них по-разному, создавались разные типы учебных заведений, как общеобразовательных, так и технических («ремесленных»). Поэтому мы рассмотрим последовательно каждый из типов, отметив общие моменты.

Школы (общеобразовательные) для детей рабочих

Подробнейшие сведения об образовательных учреждениях при фабриках Коншина содержатся в двух документах: юбилейном отчете за 25-летний период существования училища (1900 г.; там представлена вся история развития школьного

дела при фабриках)[17] и в упоминавшемся выше очерке о деятельности ткацких фабрик (там расписано состояние школ к 1909 г.)[18]. О школах при ЯБМ детальные данные содержатся в документах, составленных заведующим мануфактурой А. Ф. Грязновым: докладной записке «О мерах распространения среди рабочих ремесленно-технических знаний» (1900)[19] и отчете о деятельности предприятия и находящихся при нем учреждениях за 1905 г.[20]; некоторые полезные сведения есть и в официальном издании, подготовленном к участию ЯБМ во Всемирной Парижской выставке[21].

Начальное народное училище для детей служащих и рабочих при прядильно-ткацкой фабрике Коншина было открыто в ноябре 1875 г., и в первый год оно приняло 40 учеников. Программа преподавания, естественно, соответствовала стандартной программе одноклассного училища в ведении Министерства народного просвещения, т. е. детям преподавались русский язык, закон Божий и арифметика. В первый год всех учеников зачислили в одно младшее отделение, на второй год прибавилось среднее и на третий — старшее отделение. В третий год работы училища в нем числилось уже 75 детей. Тогда же, в 1877 г., в программу преподавания было введено пение, а для девочек организованы классы рукоделия. В 1882 г. открылись вечерние классы для выпускников училища (с преподаванием счетоводства, географии, естествоведения и отечественной истории) и библиотека, которой могли пользоваться все желающие коншинские рабочие и служащие.

Вечерние классы закрылись уже в 1885 г., и в следующие десять лет при фабрике не было возможности обучиться чему-то большему, нежели программа начальной школы. Однако в 1895 г. школа была преобразована в двухклассное М. Н. П. училище, и в его программу включили почти те же предметы, что ранее преподавались в вечерних классах. Полуденные (с 13.00 до 17.30) и вечерние (с 17 до 20 часов) классы были вновь открыты в 1899 г. В 1896 г. приняли учеников младшее и среднее параллельные отделения при ситценабивной фабрике, а в 1898–1899 гг. число параллельных классов (отделений) увеличилось еще на три младших, два средних и одно старшее.

С расширением этой Коншинской школы также увеличивались ее помещения и штаты. В 1895 г. для нее было построено новое двухэтажное каменное здание. К 1909 г. школы размещались в трех корпусах. Основная (при прядильно-ткацкой фабрике) находилась в трехэтажном каменном здании, имеющем 11 классных комнат, рекреационный зал, учительскую комнату и специальную комнату для класса рукоделия. Здание это освещалось электричеством и было рассчитано на 400 учащихся. Другая школа помещалась в деревянном одноэтажном здании с двумя лишь классными комнатами, рассчитанном на 100 учеников. Третья школа находилась в городе (при ситценабивной фабрике) и занимала второй этаж большого каменного дома с шестью комнатами. При школе на прядильно-ткацкой фабрике имелись сапожно-башмачная и переплетная мастерская, а также питомник, в котором ученики проводили «практические занятия по огородничеству и садоводству» в летние каникулы.

В 1899 г. школу при коншинских фабриках посещали 677 человек, распределенных по нескольким отделениям и учившихся в три смены. Всего за 1875–1900 гг. было выпущено 692 ученика со свидетельством 4-го разряда и 27 — со свидетельством 3-го разряда; в следующие 10 лет двухклассное училище оканчивали в среднем по 50 учащихся в год. В 1909 г. в школах состояло почти 1 100 учеников: 698 при прядильно-ткацкой фабрике, 220 — при ситценабивной и 180 — при Новой ткацкой. Приемный возраст в первый класс составлял в среднем 10,4 лет. Сначала

принимались дети с 8 лет, но с 1909 г. приемный возраст был повышен до 9 лет, число же новичков было ограничено 300. Школы не могли вместить всех желающих, и потому, например, в 1909 г. 87 детям было отказано в приеме.

Фабричное училище при Ярославской Большой мануфактуре открылось на несколько лет позднее, чем у Н. Н. Коншина — в 1882 г. Первоначально были созданы два отделения, на 120 человек, расположенные в одном из жилых корпусов для рабочих, но уже через полгода наплыв учащихся привел к перегрузке училища. Поэтому вскоре были открыты еще два таких же отделения, а в 1888 г. — еще одно. В 1894 г. закончилось строительство каменного трехэтажного здания для школы, которое имело электрическое освещение, отопление и читальный зал на 1 500 мест (оно обошлось Товариществу в 135 тыс. руб.). В результате в школе могли получать образование 600 человек, что составляло приблизительно 40 % от общего количества мест во всех городских училищах Ярославля. Реальная численность учащихся, по крайней мере в конце XIX в., не достигала упомянутой максимальной цифры и составляла на 1 января 1893 г. 387 человек, на 1 января 1896 г. — 398 человек, на 1 января 1899 г. — 393 человека (подробнее о численности учащихся см. прил. 51).

В школу принимались дети рабочих и служащих мануфактуры в возрасте 8–9 лет. Мальчики и девочки обучались вместе. Запись учащихся обычно начиналась в конце августа и продолжалась до 20-х чисел сентября, а объявление о сроках приема заявлений заблаговременно вывешивалось в фабричных корпусах. В нем указывался список документов, которые необходимо было представить: метрическое свидетельство, справку о том, что была сделана прививка от оспы, номер, под которым в списках Конторы значились родители или опекуны[22].

На ЯБМ и к началу XX в. школа оставалась одноклассным училищем, т. е. курс обучения продолжался три года. Учащиеся делились на три отделения: младшее, среднее и старшее. Эти отделения в свою очередь были разделены на параллельные классы. Каждый класс на протяжении трех лет велся одной учительницей, что, с точки зрения администрации, позволяло ей «постоянно обращаясь с одними и теми же детьми, иметь возможность вполне изучить характер и способности своих учеников, что, в свою очередь, дает возможность индивидуального воздействия на каждого ученика в частности».

Соответственно программе одноклассного училища детей здесь обучали практически тем же предметам, что и у Коншина: закон Божий, чтение, письмо, арифметика, пение, гимнастика, для девочек проводились уроки рукоделия. Утром, с 9 до 12 часов, в расписание ставились наиболее сложные уроки, требовавшие «большего умственного напряжения» (например, арифметика, «объяснительные чтения»), затем был часовой перерыв, во время которого дети могли сходить домой пообедать[23]. С 13.00 до 14.00 шли более легкие занятия (чистописание, диктант), и в завершение учебного дня до 15 часов проходили уроки пения, гимнастики, рукоделия.

«Беднейшим из учащихся» выплачивались из средств Товарищества единовременные и ежемесячные денежные пособия. Отличники по окончании училища награждались похвальным листом и книгой, кроме того, каждый ученик получал от училища евангелие.

Училище ЯБМ состояло «в ведомстве Министерства народного просвещения» и находилось «в ведении училищного совета, директора и инспектора народных училищ». Попечителем школы состоял «один по выбору из директоров Правления». К 1900 г. в штате фабричного училища числились: один учитель, шесть учительниц, одна учительница рукоделия, три законоучителя и два учителя пения.

Жалованье большинства учителей фабричной школы было очень скромным, но то же можно было сказать и про земских учителей. Так, в 1910 г. годовой оклад учительского персонала в школе ЯБМ составлял: у одного человека — 100 руб., у двоих — по 200 руб. (очевидно, это были учителя, ведущие небольшое число уроков), семь человек получали по 300 руб., один — 480 руб., еще один — 600 руб.[24] Для сравнения скажем, что в 1905 г. сельский учитель редко зарабатывал больше 300 руб. в год[25], а в 1912 г. о жаловании учителей в России писали следующее: «За последние 4–5 лет во многих местностях содержание учащим увеличено вдвое. Однако... максимум жалованья не превышает 30–35 руб. в месяц... Первую сумму получают обыкновенно земские учителя, вторую — министерские... Наряду с этим до сего времени существуют 15 и 20 руб. жалованья в месяц, а для помощников 6–8–10–12 руб.»[26] Кроме того, учителям на ЯБМ бесплатно предоставлялись квартиры («приспособленные для семейных и несемейных») на третьем этаже здания школы. Та же практика была характерной и в отношении земских учителей.

Отметим, что кроме училища на средства Товарищества ЯБМ содержалась еще и церковно-приходская школа, которая размещалась в одном из жилых корпусов для рабочих (в приспособленном для занятий помещении) и находилась в ведении «духовного начальства»[27]. В 1905 г. в ней обучалось приблизительно 60 человек (преимущественно девочки).

Обучение ремеслу

Задача подготовки работников, способных удовлетворить потребности конкретной фабрики в квалифицированном труде, ставилась многими предпринимателями в конце XIX в. Они выбирали разные пути решения этого вопроса, учитывая дефицит рабочих конкретных специальностей, финансовые аспекты такого мероприятия, наличие помещений и т. п. Как правило, обучение какой-либо специальности (ремеслу) было увязано с занятиями в общеобразовательной школе и являлось либо следующей ступенью в получении образования, либо велось параллельно общему курсу. Но в любом случае, очевидно, правление предпочитало воспитывать будущих рабочих предприятия с малолетства, набирая их преимущественно из среды уже трудившихся на фабрике рабочих и служащих.

Судя по всему, не сыграло сколько-нибудь заметную роль в этом деле «Положение о технических и ремесленных учебных мастерских и курсах», утвержденное Государственным Советом 18 марта 1902 г. Открытие учебных заведений, создававшихся в соответствии с этим положением, полностью зависело от доброй воли предпринимателей, которые и должны были нести соответствующие расходы. Согласно закону, обучение рабочих на этих курсах, «имеющих целью сообщать рабочим и ремесленникам технические познания и практические умения в том мастерстве либо производстве, в котором они заняты, а также начальные сведения из отраслей знаний, непосредственно необходимых для понимания процессов изучаемого производства», должны были быть для рабочих обязательно бесплатными, и за этим тоже следила фабричная инспекция[28].

В 1896 г. при *фабриках Коншина* была открыта низшая ремесленная школа со слесарно-механическим и кузнечным отделениями, рассчитанная на 40 человек, т. е. на первые три класса. Четвертый практический класс проходил уже непосредственно в отделениях фабрик. Преподавались, в частности, технология металлов и дерева, прядение волокнистых веществ, счетоводство, черчение и рисование. Учащихся в

1909 г. числилось 50 человек. В качестве учеников принимались преимущественно дети служащих и рабочих, окончившие школы Товарищества. В докладе заведующему административно-хозяйственной частью летом 1901 г. заведующий ремесленной школой при фабриках товарищества М. К. Гоголинский писал: «Дети лиц, не служащих на фабриках Тва, принимаются не иначе как с разрешения Правления»[29].

Ученики ремесленной школы начинали работать на фабрике в качестве подмастерьев, с каждым годом получая повышение ставки оплаты своего труда, и выходили из школы с хорошей специальностью, на определенное место на фабрике, дающее приличный заработок с перспективой роста. Этот момент представляется существенным с точки зрения мотивации труда. Рабочий невысокой квалификации мог понимать, что сам он вряд ли пробьется в другую профессиональную категорию и будет больше зарабатывать (хотя и это не исключалось), но для него было важным то, что своей добросовестной работой он может обеспечить хорошую специальность детям.

Однако в 1911 г. ремесленная школа при фабриках Н. Н. Коншина была сочтена бесполезным предприятием. В протоколе заседания правления от 6 июля 1911 г. на этот счет записано: «Открывая в 1896 году ремесленную школу, Товарищество имело в виду при помощи ее создать кадр более развитых, а следовательно, более продуктивных рабочих. За 15-летнее существование этой школы ясно определилось, что поставленная цель этим путем не достигается. Поэтому Правление Товарищества решило заняться изысканием других способов осуществления вышесказанной цели, а пока прекратить прием новых учеников в существующую школу»[30]. Возможно, то же самое получилось и с ремесленным училищем при Товариществе мануфактур Ивана Коновалова — оно существовало с 1889 г., но закрылось в 1906 г.[31]

Несколько иная схема организации образования для рабочих, давшая больший эффект, была выбрана на *Прохоровской Трехгорной мануфактуре*. По решению правления Товарищества, с января 1886 г. в фабрично-ремесленном училище помимо преподавания общеобразовательных предметов (курс двухклассных училищ) были созданы дополнительные классы с преподаванием физики, химии, рисования и черчения[32]. Удовлетворенные результатами деятельности этих дополнительных классов, Прохоровы в 1894 г. преобразовали их в школу ремесленных учеников, расширив при этом учебный план. Следующим шагом стало преобразование в 1905 г. этой школы «в мануфактурно-техническое училище с тремя приготовительными при нем классами, равносильными трем старшим классам городских по Положению 31 мая 1872 г. училищ»[33]. Таким образом, в одном учебном заведении были объединены общеобразовательные и технические классы, между которыми наблюдалась определенная преемственность. С момента поступления в технические классы училища каждый ученик специализировался «на какой-то одной отрасли знания, находящей применение в ситценабивном деле», причем перечень их, в отличие от училища у Коншиных, был достаточно велик (красковарение, крашение, ситцепечатание, отделка хлопчатобумажных тканей, торговое дело, слесарно-ремонтное дело и др.), что позволяло удовлетворять потребности фабрик Прохоровых в различных специалистах. За период 1888–1914 гг. курс ремесленных классов, школы ремесленных учеников и мануфактурно-технического училища окончили 451 человек, более 80 % из них остались работать на Мануфактуре, причем некоторые из них заняли «руководящее положение»[34].

Правление *Товарищества ЯБМ* и фабричная администрация подходили к вопросу подготовки квалифицированных работников очень продуманно, начав с изучения деятельности различных типов таких учебных заведений. В 1900 г. Алек-

сандр Андреевич Карзинкин (член правления Товарищества и попечитель фабричного училища в этот период) поручил А. Ф. Грязнову подготовить докладную записку с предложениями об открытии при фабрике «каких-либо классов, курсов и т. п. организаций, имеющих целью распространение среди рабочего населения Мануфактуры ремесленно-технических знаний»[35]. Это объяснялось стремлением снизить риски, связанные с принятием на работу людей «со стороны» и подготовить своих (прежде всего из детей уже работающих на предприятии) «ловких» работников, готовых к усвоению основных рабочих навыков, в том числе способных осваивать современное оборудование[36].

Грязнов ознакомился с литературой, посвященной постановке промышленного образования в России и за границей, а также «осмотрел несколько ремесленных классов и училищ, учрежденных при некоторых фабриках и заводах». Это позволило ему (по его собственному свидетельству) «выяснить, каким именно требованиям и условиям должна отвечать научно-техническая подготовка рабочих Ярославской Большой мануфактуры как обширной бумагопрядильной и ткацкой фабрики», и определить, какая форма организации ремесленного обучения наиболее выгодна для мануфактуры, «принимая во внимание ее местные условия», «и от введения чего можно ожидать max возможной пользы». Все это он подробнейшим образом изложил в докладной записке от 22 ноября 1900 г. на имя А. А. Карзинкина[37].

Рассмотрев возможность создания при ЯБМ ремесленного училища, Грязнов пришел к выводу, что это потребовало бы слишком больших затрат (72 100 руб. единовременно и потом около 10 тыс. рублей ежегодно) и было бы, очевидно, невыгодным для Товарищества по следующим причинам. Во-первых, ремесленное училище предполагало, как правило, обучение двум ремеслам (например, столярному и слесарному). Через несколько лет, когда потребность мануфактуры в рабочих этих специальностей была бы полностью удовлетворена, выпускники «за отсутствием мест на Мануфактуре и ввиду того, что занятия ремеслом оплачиваются выше, чем труд простого фабричного рабочего, должны были бы искать себе заработок вне Мануфактуры». И в этом случае Товарищество на свои средства стало бы готовить кадры для других предприятий. Во-вторых, в Ярославле, Костроме, Рыбинске к этому времени уже действовали низшие технические учебные заведения, из числа выпускников которых администрация ЯБМ могла «черпать уже подготовленный низший технический персонал». Опыт существования ремесленного училища при Коншинских фабриках подтвердил предположения Грязнова о том, что создание подобного учебного заведения не решает проблемы подготовки для предприятия квалифицированных кадров, в то время как организация его потребовала бы весьма значительных затрат.

Второй вариант, анализировавшийся в записке заведующего ЯБМ — это создание при уже существующей фабричной школе «ремесленных классов», тем более, что подобный опыт имелся на российских предприятиях. Основным препятствием для этого, по мнению Грязнова, был слишком юный возраст учеников фабричной школы (от 8 до 11–12 лет), из-за которого «занятия ремеслами вести затруднительно».

Заведующий ЯБМ предложил ввести в фабричной школе преподавание «ручного труда», предполагая и аргументируя, что это будет наилучшим решением поставленной задачи — подготовки работников, способных к освоению новых специальностей и современной техники, именно для своего предприятия. В этом случае из учащихся не готовили специалистов в определенной профессии («профессиональных ремесленников»). Ученики должны были получить «ряд знаний и умений, часто относящихся к нескольким ремеслам», которые «они впоследствии могли бы

с пользой применить как в домашнем быту, самостоятельно производя наиболее простые домашние работы и наиболее необходимые в домашнем обиходе предметы, так и на фабрике, заводе и пр.» и которые облегчили бы изучение ими в дальнейшем любой специальности. Ставка делалась на то, что ученики, прошедшие курс ручного труда в фабричном училище, получив сравнительно небольшую «сумму технических знаний», смогут впоследствии лучше выполнять свои обязанности независимо от выбранной специальности (ткач, прядильщик и т. п.), поскольку эти занятия будут способствовать «развитию у них ловкости рук и верности глаза». С другой стороны, такой курс «ручного труда» не сделает из выпускника «профессионального ремесленника», и, значит, он не пойдет на другое предприятие в поисках квалифицированной, высокооплачиваемой работы, а останется на ЯБМ, «содействуя тем самым общему улучшению качественного состава рабочих Мануфактуры».

Грязнов считал необходимым сделать занятия «ручным трудом» обязательными и пригласить для их проведения учителя, получившего специальную подготовку, а всех учеников разбить на группы (человек по 20 в каждой), которые будут заниматься по очереди. По расчетам Грязнова, этот вариант не потребовал бы больших расходов: единовременные затраты (приобретение инструментов, токарного станка, приспособление помещения в здании фабричной школы и т. п.) не должны были превысить 1 000 руб., и затем на ежегодные расходы требовалось бы по 1 500 руб. в год (900 из которых составляло жалование учителю, а остальное — расходные материалы для занятий).

Показательно, что Грязнов одной из основных задач считал «возбуждение интереса к труду у самих учащихся». Для этого он предложил все предметы, которые будут изготовляться на занятиях, передавать «в собственность учеников, независимо от того, годны ли они для употребления самих учеников и их родителей», поэтому и «содержание работ должно исчерпываться предметами домашнего и школьного обихода». «Работы, ради наглядности и усиленности преподавания, должны исполняться частью — по образцам (моделям), частью — по удобопонятным чертежам и рисункам (с целью приучения учащихся к пониманию хотя бы простейших чертежей)».

Это предложение Грязнова было полностью одобрено правлением, и преподавание «ручного труда» началось в фабричной школе уже в 1900 г. Руководство фабрики считало, что осуществление этой программы в числе других мероприятий способствовало подготовке для фабрики грамотных специалистов, позволяло снизить количество рабочих, принимаемых на фабрику «со стороны».

Документы свидетельствуют, что, несмотря на существование разных подходов предпринимателей, фабричной администрации к проблеме организации образования рабочих и членов их семей, можно говорить о ряде общих черт в деятельности общеобразовательных школ и ремесленных училищ, организованных при разных предприятиях.

Во-первых, школы располагали ежегодно пополняемыми коллекциями наглядных пособий, библиотеками. Детям бесплатно выдавались учебники, а иногда (например, на ЯБМ и Трехгорке) и весь комплект школьных принадлежностей (тетради, перья, карандаши и пр.). Правление брало на себя и другие расходы. На Прохоровской мануфактуре всем ученикам технических классов предоставлялось место «в училищном общежитии на полном содержании за счет Товарищества», с разрешения правления такую возможность могли получить и ученики общеобразовательных классов. Ежегодно здесь около 80 человек находились «на полном пансионе»[38]. У Коншина на больших переменах ученикам выдавался бесплатно чай и с большой скидкой — $^1/_2$ ф. ситного хлеба (ученик платил 1 копейку, а фабрика

доплачивала еще $1^1/_3$ копейки)[39]. Конечно, для Правления фабрики это составляло ничтожные расходы, но для рабочей семьи и это было ощутимой поддержкой[40].

Во-вторых, уделялось внимание организации свободного времени и праздников для учеников; правление выделяло соответствующие средства. У Коншина для учеников по воскресеньям 2–3 раза в месяц в чайной товарищества устраивали показ кино. Для учащихся на ЯБМ проводились спектакли с участием самих детей. На каждый Новый год для воспитанников колыбельни, детского сада и фабричного училища этой мануфактуры устраивалась елка с обязательной раздачей гостинцев, на которую приглашали и родителей. В начале XX в. в училище (при содействии правления ЯБМ) появился ученический оркестр. В одном из протоколов педагогического совета говорилось о том, что Товарищество «ассигновало на образование ученического оркестра единовременно 100 рублей»[41].

В-третьих, в фабричные школы при рассматриваемых фабриках в основном принимали детей своих рабочих и служащих. Хотя встречаются и прямо противоположные примеры. Так, в фабричном отчете И. И. Янжула читаем: «школа фабрики Прокофьевых в Москве, существующая с давних времен, заключала в себе преимущественно детей соседних лавочников и мещан. Другая школа в Москве, новая и прекрасно устроенная, при кожевенно-суконной фабрике Бахрушиных, имеет 145 учеников, из коих совсем нет работающих и всего лишь 10 детей рабочих с означенной фабрики, остальные — посторонние фабрике лица»[42]. Как фабричный инспектор, наблюдавший за занятиями малолетних рабочих, Янжул был в первую очередь озабочен вопросом о возможности обучения в фабричных школах тех детей, которые сами работали на этих фабриках, и он отмечал, что чаще в фабричных школах учатся дети взрослых рабочих, а детям-рабочим такой возможности не предоставляется. Тем не менее и здесь встречались разные варианты, например, в школе на фабрике Цинделя в Москве все 176 учеников были рабочими этой фабрики, но в целом из 4 тыс. учеников осмотренных фабричных школ лишь 1 200 были сами рабочими этих предприятий[43]. Е. М. Дементьев в 1884 г. отмечал, что никаких действий для того, чтобы в школе у Коншина могли обучаться малолетние рабочие, не предпринято[44]. Позднее, очевидно, ситуация изменилась. В юбилейном отчете есть такая запись о прогрессе школы в 1899 г.: «с введением на фабриках Товарищества труда малолетних рабочих, число учащихся возросло...»[45]. Скорее всего, введение нового учебного графика с вечерними сменами и было обусловлено в первую очередь тем, чтобы дать возможность учиться и малолетним рабочим*. На Трехгорной мануфактуре к началу XX в. малолетние рабочие наверняка имели возможность учиться: об этом говорит тот факт, что мануфактура получила золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. в категории «Обучение и попечение о малолетних рабочих»[46]. В документах ЯБМ за 1898 г. нам встретилось упоминание о том, что в фабричном училище числились и малолетние рабочие[47], но остается неясным, как было организовано их обучение, поскольку время уроков совпадало со временем

* Между прочим, сам по себе тот факт, что труд малолетних рабочих был введен в 1899 г. (для чего и пришлось изменить расписание занятий в фабричной школе), с учетом того, что в 1884 г. некоторое количество малолетних рабочих еще было зафиксировано инспектором (табл. 6 на стр. 55), должен свидетельствовать о том, что до 1899 г. существовало правило не использовать их труд. Скорее всего, в этом нужно видеть реакцию администрации на принятие закона 1882 г.: даже притом, что при коншинских фабриках уже с 1875 г. существовала школа, хозяевам предприятия показалось проще уволить всех малолетних рабочих, чем както иначе обеспечивать исполнение закона. Очевидно, у Коншиных этот «эффект закона 1882 г.» сошел на нет именно к 1899 г.

работы на фабрике (конечно, они могли утром учиться, а вечером работать, но насколько эффективным был такой вариант, сказать сложно).

В-четвертых, проблемы, отмечавшиеся администрацией разных предприятий, также весьма схожи. Давая оценку деятельности фабричного училища, руководство ЯБМ отмечало как «неблагоприятное условие» нерегулярное посещение учениками занятий, что объяснялось, «во-первых, болезнью, во-вторых, домашней обстановкой, когда мальчику, а чаще того девочке приходится оставаться дома для исполнения домашних работ, и, в-третьих, как исключение, по нерадению родителей, не сознающих важности посещения школы»[48]. Материалы рассматриваемых предприятий свидетельствуют о том, что часть учеников не оканчивала обучения, а уходила, только обучившись грамоте. Из 40 детей, поступивших в коншинскую школу в первый ее год, лишь пятеро перешли в третий класс (это для них открылось старшее отделение), и всего двое окончили его. В отчете по этому поводу написано: «К сожалению, многие родители не сознавали тех преимуществ, какими пользуются окончившие курс в училище... а потому считали вполне достаточным обучить своих детей читать да писать, брали детей до окончания курса из училища и отдавали в разные ремесленные заведения»[49]. Более вероятным, правда, здесь кажется объяснение, которого придерживалась советская историография: родители забирали детей из школ не потому, что «не сознавали преимуществ», а потому, что семьи рабочих крайне нуждались в дополнительном заработке: «Нужда мешала. Едва дети два-три года проучатся, как родители уже стараются перевести их на фабрику»[50]. Правда, заведующий ЯБМ в 1905 г. отмечал, что количество учеников, выбывающих из школы до окончания курса, с течением времени значительно сократилось. Действительно, эта тенденция прослеживается уже для 1890-х гг. Если в 1892 г. выбыло 97 человек (30,8 % от общего числа учащихся), то в 1895 г. — 56 (27,6 %), а в 1898 г. — 31 (8,7 %). Можно рассмотреть и еще один показатель. В 1892 г. училище на ЯБМ окончили 29 человек. Из поступивших в 1892 г. 90 человек окончили училище в 1895 г. — 68 (т. е. 75,5 %); из поступивших в 1895 г. 120 учащихся 98 (т. е. 81,6 %) выпустились в 1898 г. (прил. 50). По свидетельству А. Ф. Грязнова, в начале XX в. курс обучения в фабричном училище завершали в среднем 80 человек. Возможно, сокращение количества выбывающих учеников было связано с тем, что при приеме на работу среди нескольких кандидатов предпочтение отдавалось окончившим курс обучения в фабричной школе. Причем это было характерно не только для Ярославской мануфактуры. О. Н. Коншина (жена Н. Н. Коншина, попечительница школы с момента открытия до своей смерти в 1886 г.), например, определяла выпускников «мальчиками в контору, лавку, гравернуюна фабрике, других на собственный счет обучала разным специальностям в Москве»[51]. На Прохоровской мануфактуре, «в зависимости от опытности и способностей» выпускника, он мог со временем занять весьма высокооплачиваемую должность[52].

Образование для взрослых рабочих

В пореформенное время рабочие многих предприятий неоднократно обращались с просьбами и требованиями об организации специальных классов не только для детей и подростков, но и для взрослых. В конце XIX в. такие классы стали появляться при фабриках.

Воскресная школа с программой двухклассного училища для взрослых рабочих при коншинских фабриках была открыта в 1892 г. Туда принимали рабочих, их родственников и служащих фабрик не моложе 14 лет. Обучение было платным, но плата не окупала всех трат, и в конце 1900-х гг. Товарищество расходовало по этой

статье примерно 2 тыс. рублей ежегодно. В первый же год в школу записалось 42 человека. В 1907 г. воскресная школа делилась на два отделения — женское и мужское; здесь обучалось 245 женщин и 179 мужчин. Воскресная школа, видимо, была не слишком удобной и не полностью отвечала потребностям рабочих. В 1905 г. во время забастовки рабочие в одном из требований настаивали на открытии вечерних курсов; в ответ им было сказано, что «вечерние курсы будут устроены, если это окажется возможным» (прил. 9). Вероятно, именно с этого времени учащиеся старших групп получили возможность также заниматься раз в неделю по вечерам, и в 1909 г. на таких занятиях бывало до 70 учеников[53].

Заведующий ЯБМ считал необходимыми не только организацию преподавания общеобразовательных дисциплин для желающих взрослых рабочих, но и создание технических классов для «учеников» механического завода и дворовых мастерских (слесарных, литейных, столярных и проч.), которые уже трудились и в ходе работы осваивали детально какую-либо специальность. Это опять-таки в большинстве своем были дети работников предприятия, которые прошли курс обучения в фабричной школе. По возрасту они попадали в категорию взрослых рабочих. Свое предложение Грязнов сформулировал в упоминавшейся выше докладной записке «о мерах распространения среди рабочих ремесленно-технических знаний» на имя А. А. Карзинкина. Он считал одним из основных недостатков ученичества на механическом заводе и в мастерских «отсутствие даже малейшей научно-технической подготовки и почти полное неумение «читать чертеж», не говоря уже об умении выяснить и пояснить свою собственную мысль более или менее удовлетворительно набросанным чертежом»[54]. Для исправления ситуации он и предлагал организовать так называемые технические классы, в которых, во-первых, учителями фабричной школы преподавался бы сокращенный курс начальных двуклассных училищ (русский язык, математика), а во-вторых, специальный курс (технологии волокнистых веществ, проекционное и техническое черчение и т. п.), где занятия вели бы «члены технической администрации фабрики». Занятия должны были проходить каждый вечер в помещении фабричной школы (по вечерам оно было свободным), кроме воскресенья, по 3 часа. Рассматривая возможность сделать обучение в этих классах платным, Грязнов склонялся к мысли, что это «будет едва ли удобно». По его подсчетам, реализация этого предложения потребовала бы единовременных затрат в размере 1 500 рублей и порядка 3 000 рублей ежегодных расходов, значительную часть которых составила бы плата преподавателям[55].

Потому ли, что правление сочло такие расходы чрезмерными, или по иным причинам, но предложение Грязнова принято не было. И в начале XX в. взрослые рабочие ЯБМ имели возможность получить лишь общее образование в так называемых вечерних классах, открытых в 1895 г.[56] Занятия проходили ежедневно в двух группах «под руководством двух учительниц». Для получения образования принимались мужчины всех отделов фабрики старше 17 лет, как неграмотные и малограмотные, так и грамотные, т. е. окончившие курс в начальной школе. Причем «были случаи поступления 30–40-летних рабочих, которые успешно выучивались читать»[57]. Нам не удалось установить, насколько многочисленными были вечерние классы. Но сам факт их существования уже представляется достаточно важным, в том числе и с точки зрения привлекательности предприятия для сознательных рабочих.

При фабричном училище Прохоровской мануфактуры мужская воскресная школа для взрослых рабочих была открыта с 1897 г., и вскоре занятия там стали проводиться и по вечерам, дважды в неделю. В следующем 1898 г. такие же классы

были открыты для женщин. Ежегодно в этих классах обучались от 400 до 600 взрослых рабочих мануфактуры[58].

Отметим, что такие же модели создания разного рода фабричных училищ, о которых шла речь выше, мы можем встретить и в детальном описании школ на Никольской мануфактуре Морозовых, сделанном на основе делопроизводственной документации этого предприятия И. В. Поткиной[59].

Таким образом, архивы крупных предприятий свидетельствуют, что фабричное руководство уделяло пристальное внимание вопросам образования рабочих.

И. М. Козьминых-Ланин, рассматривая структуру грамотности рабочих Московской губернии, подчеркивал, что «огромное значение образования рабочих в настоящее время охотно и открыто признается и лучшими представителями промышленности», связывая с этим материальную поддержку, оказываемую ими Московскому обществу народных университетов как в деле устройства лекций для рабочих разных промышленных заведений, так и содержания «Народной средней школы» для рабочих Хамовнического района[60]. В распоряжении Козьминых-Ланина имелось большое количество писем (анкетного характера), авторы которых — представители крупных промышленных заведений — категорически утверждали, что «образование должно повысить качественную и количественную продуктивность труда рабочих, сократить пьянство рабочих, сократить число несчастных случаев с ними, уменьшить порчу машин — орудий и двигателей, уменьшить число прискорбленных случаев похищения фабричного имущества и значительным образом улучшить взаимные отношения между фабрикантами и рабочими»[61]. Приведем некоторые характерные фрагменты из этих писем[62].

1. Из письма представителя крупной красильно-набивной фабрики в Москве (30.03.1910 г.).

«Не только развитый, но даже просто хорошо грамотный рабочий так ценится на фабрике, что ему даются, уже не говоря о более высокой заработной плате, различные льготы и возможность прогрессировать до занятия высших и лучше оплачиваемых должностей.

Трудно даже перечесть все плюсы, которые дает развитие рабочего... Трудно улаживать часто пустячные недоразумения потому только, что человек плохо понимает обыкновенную речь культурного человека и не умеет разобраться в основных правилах фабричного законодательства...

Есть и еще одна причина, побудившая фабрикантов устроить вечернюю школу, та причина — светлый луч, блеснувший среди мрака фабричной жизни, явившиеся запросы рабочего к знанию, понимание полезности знания, которое в глазах рабочего является орудием улучшения его существования.

При наличности всего вышеизложенного явился вопрос: как удовлетворить назревшие потребности в более культурном рабочем; городских вечерних школ нет, частные очень дорогие, а потому и недоступны рабочим: пришлось устроить особую специальную школу для рабочих, которая, мы надеемся, даст ожидаемые от нее результаты...»

2. Из письма представителя крупной ситценабивной фабрики в Москве (29.03.1910 г.).

«Неся значительные затраты ежегодно на образование своих рабочих, администрация фабрики с чувством нравственного удовлетворения не может не заметить, что затраты эти не пропадают даром и в значительной степени близко соприкасаются как с успехом производства фабрики, так и со многими сторонами фабрично-заводской жизни.

Надо признать, что грамотность прежде всего оказывает свое влияние на продуктивность труда в смысле качества и количества выработанного; нельзя не отметить также и того, что фабричные школы многих рядовых рабочих фабрики выдвинули на положение подмастерьев, повлияли в благоприятном смысле на число случаев поломки машин и разных аппаратов рабочими, а поэтому убавили расходы по исправлению этих поломок, в значительной мере способствуя тому, что многие недоразумения рабочих с заводоуправлением улаживались мирным путем, заметным образом влияют на нравы рабочих, уменьшаются среди них пьянство, наклонности к грубым выходкам, скандалам, что, конечно, повело к улучшению отношений рабочих с заводоуправлением...

Не считая вышеуказанные стороны улучшения в жизни фабрики, связанные с поднятием умственного уровня рабочих, исчерпанными, администрация фабрики уверена в том, что только на этом пути — пути умственного развития рабочих масс — можно ожидать скорого успеха во всех сторонах фабрично-заводской жизни. Для поднятия образования рабочих Товарищество в настоящее время имеет данную школу для детей рабочих и вечерние классы для взрослых рабочих, устраивает периодически популярные лекции в читальном зале по вопросам гигиены, бесплатно отпускает книги из библиотеки Товарищества. С 1909 г. в том же читальном зале читаются лекции для рабочих фабрики от Общества народных университетов...»

3. Из письма представителя большой красильно-аппретурной фабрики в Москве (29.03.1910 г.).

«Грамотный и образованный рабочий скорее понимает сущность своей работы и техническое устройство машин, на которых ему приходится работать; он и сам может дать некоторые полезные советы в производстве, а потому я с удовольствием внес на это полезное дело... Я думаю, что и другие владельцы фабрик и заводов пойдут навстречу задачам Общества народных университетов и дадут материальную поддержку для открытия школ в других районах...»

Более сдержанную (в сравнении с письмами-анкетами предпринимателей) тональность имеет мнение А. Г. Рашина (1958 г.) о наблюдавшемся «в ряде случаев, хотя и сравнительно немногочисленных, чисто утилитарном положительном подходе к грамотности рабочих отдельных фабрикантов и заводчиков, проявлявших интерес к устройству школ для малолетних рабочих или воскресных школ для взрослых рабочих»[63].

Оба этих мнения, надо полагать, отражают действительность. Подход большинства предпринимателей к образованию детей рабочих, несомненно, был в первую очередь связан с задачей подготовки грамотных кадров из детей своих же рабочих с учетом потребностей предприятия. Если бы государство могло целиком взять на себя решение проблемы образования рабочих, то большинство владельцев фабрик, видимо, не стали бы содержать школы. Интересно, что 7 мая 1910 г. на заседании правления Товарищества мануфактур Коншина было принято решение начать сворачивать деятельность фабричных начальных школ (прежде всего, ограничить прием учеников) на том основании, что Государственная Дума приняла решение о введении всеобщего образования; однако через год, 6 июля 1911 г., вопрос пересмотрели и отложили это дело «на время», увидев, что на практике для всеобщего образования ничего не делается[64]. Эксперимент же с двухклассным училищем, продолжавшийся у Коншиных с 1895 г., оказался неудачным: в 1909 г. было решено, что «тип двухклассного училища не отвечает фабричным условиям», потому что рабочим в основном было достаточно дать начальное образование своим детям, а ради тех 50 выпускников в год (при ежегодной обращаемости в 1 200 уче-

ников), которые оканчивали двухклассное училище, поддерживать эту часть школы правление сочло нецелесообразным[65].

Очевидно, что систематическая работа фабричных школ, при всех недостатках, в целом давала значительный локальный эффект в деле подготовки грамотных рабочих. Кое-где это уже было заметно даже в 1880-х гг. Так, И. И. Янжул записал свои комментарии относительно обучения детей рабочих Раменской мануфактуры: «Хотя большинство учившихся и не кончало курса, но тем не менее в результате этой благодетельной деятельности владельцев Раменской мануфактуры на пользу народного образования получилась грамотность большей части рабочих, что встречается у нас так редко»[66]. Рабочие же, с одной стороны, видели в фабричных школах путь для повышения собственного образовательного уровня, они были мотивированы возможностью получения более высокооплачиваемой работы; с другой же стороны, они ценили возможность устроить лучшее будущее своих детей.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА И ОТДЫХА ДЛЯ РАБОЧИХ

Во второй части данной главы рассмотрим несколько типов заведений, создававшихся при фабриках для организации досуга рабочих. В советской литературе опять-таки весьма мало (и притом исключительно в негативном плане) говорилось об этой стороне деятельности предпринимателей. Вот что писал, например, С. И. Аристов: «Для того, чтобы “обрабатывать” рабочих и держать их в повиновении, отвлечь их от революционной борьбы, иметь под надзором их досуг, администрация фабрики Коншина на “Новой Мызе” построила для рабочих чайную, завела библиотеку, подбор книг для рабочих соответствовал интересам хозяев. В 1905 г., когда революционное движение поднималось и нарастало, рабочим предлагали для чтения лубочные книжонки... В коншинской чайной для рабочих устраивались “народные чтения” с туманными картинами. Темы для чтения подбирались такие, чтобы рабочий чувствовал страх божий, чтил царя, против фабриканта не выступал»[67]. Вполне понятно, что правлению не хотелось, чтобы рабочие «выступали против фабриканта» или участвовали в революционной борьбе. Но представляется сомнительным, что только на этом и были сосредоточены все помыслы правления и фабричного руководства. Так, А. Ф. Грязнов, уделяя особое внимание организации досуга рабочих, отмечал, что трудовая деятельность работника на производстве во многом зависит от того, как он проводит свободное время. Он неоднократно говорил о необходимости максимально использовать культурно-образовательные учреждения, существовавшие при мануфактуре, для заполнения досуга всех членов рабочих семей. Организацию бесед, лекций, спектаклей, гуляний в парке с музыкой и танцами и другие подобные мероприятия А. Ф. Грязнов рассматривал как возможность отвлечь рабочих не только от пропаганды участников местных революционных групп, но также (и даже в большей степени) от пьянства, хулиганства, драк и т. п., то есть от тех явлений, которые крайне негативно отражались на производственном процессе[68].

Библиотеки

В конце XIX — начале XX вв. при фабриках появляются библиотеки. Зачастую начинались они с библиотек при фабричных школах и по мере увеличения количества томов и роста заинтересованности рабочих превращались в самостоятельные учреждения. Именно такой пример дает нам Прохоровская Трехгорная мануфактура[69]. Часто создавались отдельные библиотеки для служащих и для рабочих.

Причем если библиотеки для рабочих были бесплатными, то служащие в ряде случаев вносили определенную плату. Например, библиотека для служащих, открытая при Норской мануфактуре в 1889 г., существовала частично на средства Товарищества, частично поддерживалась «платою за чтение книг», которая к 1900 г. в зависимости от жалования служащих составляла от 1 до 5 руб. в год[70].

Хотя в книге-обзоре фондов ЦИАМ[71] содержится упоминание о том, что у Коншина бесплатная библиотека появилась только в июне 1914 г., в действительности она открылась в 1882 г., одновременно с первой организацией вечерних курсов для выпускников училища. С самого начала она была бесплатной, открытой для «всех желающих» — рабочих и служащих[72]. Однако Е. М. Дементьев в 1884 г. охарактеризовал ее как «крайне скудную»[73]. Читателей в 1880-х гг. было тоже немного — в упоминавшемся выше юбилейном отчете о деятельности школ за 1875–1900 гг. их число определено в 100–150 человек в год при 5 тыс. рабочих. Далее там же написано: «Взятая из библиотеки книга читалась не одними ими, а в кругу того большинства рабочих, которое по совсем, может быть, не зависящим от них обстоятельствам не могло научиться читать, но жаждавшего знаний»[74]. Даже если дело обстояло именно так, то это не могло, конечно, компенсировать скудость библиотеки. Стоит отметить еще одну деталь: в коншинской библиотеке с самого начала вообще не было читальной комнаты, и книги выдавались на руки. Причем, судя по библиотечному объявлению, действовал следующий порядок выдачи: рабочий должен был предварительно получить в конторе письменное разрешение[75], в конторе же в расчетных книгах напротив фамилий читателей ставили штампы «Взята книга в библиотеке», — такие штампы часто встречаются в расчетных книгах 1900-х гг.

Со временем библиотека при фабриках Коншина расширялась, и к 1907 г. здесь фактически были две библиотеки: одна — на прядильно-ткацкой фабрике, при чайной, другая — при ситценабивной фабрике, т. е. в городе, при соответствующем отделении фабричного училища[76]. Книги в этих двух библиотеках выдавались рабочим два дня в неделю, с учетом графика работ на разных фабриках: в библиотеке при прядильно-ткацкой фабрике по вторникам и пятницам с 9.00 до 12.00 и с 17.00 до 20.00; в библиотеке при ситценабивной — по вторникам и четвергам с 18.30 до 20.30; в дни выдачи книг в каждую приходило от 60 до 150 рабочих. В табл. 86 приводятся некоторые статистические данные о состоянии коншинских библиотек в 1904–1907 гг.

Таблица 86

Статистические сведения о народных библиотеках при Товариществе мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове. 1904–1907 гг.

	При прядильно-ткацкой фабрике				При ситценабивной фабрике		
	1904/05	1905/06	1906/07	1907/08	1904/05	1905/06	1906/07
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего подписчиков	256	383	568	531	382	417	761
Из них: рабочих	249	358	493	486	282	277	385
учеников училища и ремесленной школы	0	0	0	н/с	75	120	323
служащих и приказчиков в лавке	7	25	75	45	25	20	53

Окончание табл. 86

1	2	3	4	5	6	7	8
Мужчин	251	359	489	481	274	290	427
Женщин	5	24	41	26	8	7	11
Малолетних (до 16 лет)	0	0	38	24	100	120	323
Всего имеется томов	830	1 030	1 216	н/с	676	667	651
За год выдач на руки	1 874	3 262	4 853	3 093	4 525	3 420	5 368

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 415. Л. 9, 13, 65 об., 93.

Общее количество книг, как можно видеть, не достигает и 2 тыс., однако в очерке 1909 г. говорится, что всего в библиотеке на тот момент имелось до 3 тыс. томов; к этому же времени появилась и читальня[77]. Хотя столь стремительное расширение библиотеки (на тысячу томов за год) в принципе возможно, более вероятным кажется, что здесь в разных источниках учтены несколько различающиеся фонды. Так, в отчетах о деятельности народных библиотек в числе подписчиков библиотеки при прядильно-ткацкой фабрике совсем не отмечены ученики школ (табл. 86), хотя именно там располагалось основное здание школы. Исходя из этого, можно предположить, что дополнительно к двум указанным народным библиотекам при коншинских фабриках существовала еще и третья, исключительно школьная. Наконец, в 1908 г. библиотеки были переданы в ведение существующего с 1906 г. Общества трезвости с формулировкой «соединить с библиотекой Общества трезвости», так что можно предполагать еще и наличие некоторых книг, которые были у этого Общества до передачи ему основных фондов[78].

Если же говорить о ЯБМ, то здесь бесплатная библиотека и читальня для рабочих открылись в 1895 г., после неоднократных обращений рабочих в правление с просьбами об этом. Отметим, что библиотека для служащих здесь существовала и ранее. Обе библиотеки размещались в специально оборудованном двухэтажном каменном здании. Фабричная библиотека для рабочих была одной из первых подобного рода в губернии. В начале XX в. в Ярославле было всего две бесплатных народных библиотеки-читальни: «Некрасовская» и фабричная на ЯБМ[79]. В 1906 г. при поддержке Товарищества ЯБМ в фабричном районе появилась еще одна бесплатная библиотека-читальня для рабочих, ранее принадлежавшая Обществу для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии. Фонды фабричных библиотек постоянно пополнялись. Так, в 1911 г. ЯБМ приобрела для библиотеки-читальни свыше 1 500 книг и 100 журналов различного содержания[80].

Книги в библиотеках были сгруппированы по «отделам». В «Каталоге книг библиотеки для служащих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры», изданном в 1894 г., мы видим 10 таких отделов: богословие; правоведение и политические науки; педагогика; история; путешествия, география, этнография; естествознание, сельское хозяйство, медицина; критика, библиография и журналистика; беллетристика (русская и переводная); театр; журналы и газеты[81]. Видимо, примерно таким же был и фонд библиотеки для рабочих.

В архиве можно найти и списки книг, которые закупались (а также отправлялись в переплетные работы) для фабричных библиотек при коншинских фабриках, причем в количестве, достаточном для того, чтобы судить о составе книжного фонда[82]. Особо богатым назвать его трудно, но тем не менее можно отметить очевидную продуманность подбора книг. Выше говорилось, что С. И. Аристов назвал «лубоч-

ными книжонками» то, что предлагалось к чтению коншинским рабочим, но эту характеристику можно назвать весьма «смелой»: как оказывается при ближайшем рассмотрении, в число «книжонок» входили не только «Божественная комедия», «Оливер Твист» и полное собрание сочинений С. М. Соловьева, но и стихотворения Н. А. Некрасова, повести Г. И. Успенского и даже «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Наиболее значительным в библиотеке был корпус русской классики: здесь представлены практически все известные авторы от Д. И. Фонвизина до А. П. Чехова, причем книги только этой категории имелись в нескольких экземплярах — в одном из списков закупки указано 40 томов А. С. Пушкина, 25 — М. Ю. Лермонтова, 20 — Н. В. Гоголя. Довольно большим было также количество брошюр «общедоступного» содержания, из которых более половины было посвящено вредности пьянства, часть имели духовно-нравственную направленность, часть рассказывали о том, как правильнее вести хозяйство в деревне, как разводить пчел, что такое кооперация и т. п. Десятками книг также представлены художественная приключенческая литература, исторические романы, книги по географии и естествознанию, а также книги об истории науки. Хоть и единичны, но встречаются такие наименования, как «Общая физиология», «Психология», «Физика», «Небесная механика». Представляет интерес список юридической литературы из двух десятков томов, закупленный для библиотеки: в этом числе были и Свод Законов Российской империи последнего издания, и издание закона о страховании рабочих от несчастных случаев 1903 г. с комментариями В. П. Литвинова-Фалинского. Коншинская библиотека выписывала несколько журналов, таких, например, как «Сельский вестник» или «Вокруг света».

Описанная структура библиотечных фондов изучаемых предприятий вообще характерна для рабочих библиотек начала XX в. Материалы исследования читательского интереса рабочих, проведенных Владимирским губернским земством на основе библиотечных карточек из 20 народных библиотек Владимирской губернии за 1903 г., показали преобладание читательских интересов рабочих к духовной, классической и историко-приключенческой литературе[83].

Те же тенденции отражены и в отчете о деятельности Норской мануфактуры, опубликованном в 1900 г. Здесь отмечалось, что наибольшим спросом среди рабочих пользуются книги «отдела русской словесности», потом «религиозно-нравственного и исторического»[84]. Там же приводится следующее интересное наблюдение: «наибольший процент читающих падает на возраст от 12 до 20 лет», потому что дети и подростки меньше времени проводят на фабрике, и, следовательно, имеют больше свободного времени для чтения. Меньше всего читают книги рабочие в возрасте от 35 до 50 лет, поскольку «в этом возрасте наименьший процент грамотных»[85].

Однако об интересах рабочих нельзя судить только по их заказам, необходимо также учитывать наличность библиотек. С этой точки зрения представляет интерес следующее замечание из отчетов о деятельности коншинских библиотек: «В общем состав библиотек мало удовлетворяет потребность читающих, потому что бóльшая часть книг состоит из мелких брошюр, тогда как главным спросом пользуются русская классика, исторические романы и путешествия»[86]. Судя по тому, что это критическое замечание буквально в тех же словах встречается в отчетах, составленных как в 1906 г., так и в 1907 г. и в 1908 г., в эти годы качественных сдвигов в пополнении библиотек книгами не произошло. Интересно и то, что среди уступок бастующим рабочим в 1905 г. имелся, в частности, такой пункт: разрешить «пополнение библиотеки по заявлению рабочих книгами, разрешенными к обращению в народных библиотеках» (см. прил. 9). Таким образом, мы видим, что и рабочие заинтересо-

ванно относились к вопросу комплектования библиотеки. Разумеется, запрещенная политическая литература не могла попасть ни в одну фабричную библиотеку[87]; более того, для рабочих чтение таких брошюр и книг было чревато увольнением[88].

Возможности для чтения в определенной степени были ограничены напряженным графиком трудового дня рабочих. Так, в 1892 г. на Норской мануфактуре, где тогда как раз открылась библиотека, был проведен опрос рабочих об их отношении к библиотеке. Оказалось, что библиотеку посещали только четверть грамотных, «да и те не постоянные абоненты, а меняются». Автор опроса указывал, что все ответы о причинах такого отношения сводятся к ответу «Некогда читать»[89]. Тем не менее, на рассматриваемых нами предприятиях круг читателей постоянно расширялся.

Театры

Постановка любительских спектаклей, приглашение гастролирующих театральных групп к началу XX в. стали достаточно распространенными явлениями на дореволюционных российских фабриках. Из всех «способов доставления рабочим развлечений» фабричное руководство отводило театральным представлениям одно из первых мест[90].

Как правило, история любительских театров при предприятиях начиналась с небольших постановок в классах фабричных школ и училищ, способных вместить не более 150–200 зрителей. Один из первых примеров постройки для фабричного театра отдельного здания (1887 г.) дает Прохоровская мануфактура[91]. К середине 1890-х гг. появляются специальные помещения для проведения таких мероприятий и на других предприятиях. На ЯБМ с 1894 г. спектакли фабричного театра проходили в читальном зале училища, рассчитанном на 1 500 мест, «с партером, балконом, амфитеатром и 3-мя ярусами мест под названием галереи»[92]. Пьесы ставились преимущественно усилиями служащих и членов их семей. Иногда для постановок приглашались и профессиональные актеры из местного театра. Репертуар фабричного театра был ориентирован на рабочих. Так, в отчете заведующего ЯБМ за 1905 г. говорилось, что «пьесы, по возможности, выбираются такие, содержание которых было бы доступно пониманию рабочих; пьесы Островского занимают главное место»[93]. Цена билета в среднем составляла 4 коп., т. е. была доступна для рабочих. Невысокая цена билета объяснялась тем, что руководство фабрики, как правило, компенсировало большую часть расходов, связанную с организацией различных культурно-просветительских программ. Полученные же за билеты суммы поступали в распоряжение собрания служащих ЯБМ и шли на декорации, костюмы, грим для следующих спектаклей[94]. Кроме любительских постановок, многие гастролирующие в Ярославле театральные труппы давали спектакли не только в городском театре, но и на фабрике. Это позволило, например, «ознакомить рабочих с такими операми, как «Жизнь за царя», «Демон», «Русалка» и пр. и игрою артистов Императорского московского Малого театра («Волки и овцы» и др.)»[95]. Поскольку плата за вход в этом случае была бы явно высока для рабочих, артистам выдавалась «договоренная сумма» из средств фабрики, а билеты среди работников распространялись бесплатно[96]. На торгово-промышленном съезде 1896 г. представители фабричной администрации ЯБМ высоко оценивали деятельность фабричного театра и сообщали, что представления «с большой охотой посещаются рабочими»[97].

При фабриках Коншина театральное помещение (почти на 500 мест) располагалось в чайной[98]. Однако самым распространенным применением этого театра была сдача в аренду под приезжие спектакли. В архиве сохранились дела, содер-

жащие переписку о порядке предоставления сцены под эти спектакли и их афиши. На таких представлениях в 1907–1909 гг. цена мест на стулья в первом ряду варьировалась от 2 до 3,5 рублей, цена самых плохих мест — на скамьях 19-го ряда — составляла 20–50 копеек[99]. Таким образом, театр при коншинских фабриках — это, скорее, сцена общегородского применения, хотя, очевидно, туда ходили и некоторые рабочие. Тем не менее среди выявленных нами афиш есть одна реклама рабочего бесплатного спектакля, т. е. поставленного труппой из рабочих бесплатно для рабочих[100]. Есть в архиве также и другие материалы, посвященные работе театрального кружка[101].

Лекции, концерты, гуляния

Достаточно регулярный характер носили такие виды организации досуга рабочих, как разного рода беседы и лекции, музыкально-литературные вечера, «чтения со световыми картинами». У Коншина, например, каждое воскресенье с двух до шести часов проходили «сеансы синематографа»[102].

Более распространенным явлением были лекции для рабочих («со световыми (или туманными) картинами»). Такие лекции, например, при фабриках Коншина и на ЯБМ проходили по воскресеньям и в праздничные дни. Эти вечера могли состоять из нескольких отделений: религиозного, научного и литературного (в разных сочетаниях). Тематика была самой разной: в частности, у Коншиных — о Японских островах, о геологии Земли, об алкоголизме, об удобрении почв, о роли кооперации в сельском хозяйстве[103]. На Норской мануфактуре в 1897–1899 гг. «была прочитана вся русская история с показанием световых картин при помощи волшебного фонаря», а с 1 октября 1899 г. начались чтения произведений А. С. Пушкина[104]. Эти представления устраивались определенно для рабочих, поскольку цена за место была для них вполне «подъемной» и составляла, к примеру, у Коншина 5 коп.[105]

На ЯБМ количество «желающих попасть на чтения обычно превышало число имеющихся свободных мест»[106], что объяснялось еще и бесплатным входом (билеты так же распространялись на фабрике заведующими отделениями между всеми желающими по очереди)[107]. Чтения проходили в том же зале фабричного училища, что и театральные постановки, поскольку при строительстве помещения учитывалась возможность проведения в нем самых различных мероприятий по организации досуга рабочих и служащих. Директор ЯБМ С. А. Федоров, выступая на торгово-промышленном съезде в 1896 г., отмечал, что «в деле распространения просвещения, в деле отвлечения фабричных от вредных способов развлечения, народные чтения со световыми картинами» являлись «лучшим, могущественным средством», поскольку вызывали интерес у различных категорий жителей фабричного городка независимо от возраста, уровня грамотности и пр. Он обратил внимание аудитории также и на то, что «рабочие старообрядцы, которые смотрят на театр неприязненно и даже враждебно, на чтения ходят и с интересом их слушают»[108]. Пьяные в зал не допускались, а поскольку чтения начинались обычно в 17:00, то это гарантировало, по мнению Федорова, что как минимум 1500 жителей фабричного городка закончат праздничный или воскресный день в трезвом состоянии.

Помимо театральных представлений и чтений для рабочих ЯБМ устраивались также концерты, зачастую силами «фабричного оркестра» и хора, составленного из числа рабочих, обучающихся музыке и пению при своей мануфактуре[109].

Правление Товарищества ЯБМ целенаправленно выделяло средства на благоустройство и озеленение фабричной территории. Так, в фабричном поселке были

устроены два сада для служащих, сад при больнице, парк для рабочих с чайной, которая обслуживала рабочих по «удешевленным ценам». Два раза в месяц, по воскресеньям, в парке на открытой сцене играл духовой оркестр и пел хор, молодежь устраивала танцы. Летом здесь гуляли и играли воспитанники фабричного детского сада. В праздничные дни в парке часто устраивались народные гуляния с музыкой и играми, с призами (самовар, зонт, гармошка, карманные и столовые часы и др.). Зимой в парке заливался каток, на котором катались и взрослые, и дети[110].

Все эти мероприятия, организованные и поощряемые руководством мануфактуры, должны были предоставить рабочим возможность «проводить разумно и с пользой свои досуги», а также служить «и для попутного просвещения». Однако, с точки зрения того же Федорова, этого было недостаточно, чтобы «достигнуть успеха в нравственном и физическом оздоровлении» рабочего. Как директор фабрики, С. А. Федоров был глубоко озабочен претворением в жизнь того принципа, что православные основы всей внефабричной жизни естественны и необходимы для рабочих: «Воскресный и праздничный отдых нашего рабочего не может заключаться лишь в освобождении от занятий и посвящаться пассивному ничегонеделанию или, еще хуже, праздности, а должен носить, прежде всего, строго религиозный характер, как единственное, самим Богом данное средство, чтобы освежить и оживить в человеке его духовные силы, подавляемые и ослабляемые суетою жизни в продолжение рабочих дней... Нам скажут, может быть, что мы предлагаем слишком церковный, так сказать, способ препровождения праздников. Да, но на это я скажу, что такова потребность самого народа. Когда для него теряет значение кабак как суррогат воскресного отдыха, он находит глубокое удовлетворение именно в таком способе празднованья воскресенья и праздников»[111]. Поэтому Федоровым был организован целый ряд учреждений для проведения рабочими досуга в православном духе: Предтеченское общество трезвости, воскресная школа церковного пения для взрослых рабочих, «женская миссия» для фабричных работниц[112].

При фабриках Товарищества ЯБМ были расположены четыре церкви. Две из них не были собственно фабричными: Николо-Мельницкая, построенная в 1627 г. (т. е. еще до создания ЯБМ), и Донская, состоявшая при кладбище, служившем «местом вечного упокоения» как окрестных жителей, так и рабочих фабрики. Периодически Товарищество выделяло средства на их поддержание. Две другие церкви — Св. апост. Петра и Павла, построенная в 1744 г. И. М. Затрапезновым[113], и Андрея Критского, основанная в 1903 г. в честь 50-летия управления Товариществом ЯБМ, — содержались полностью на средства ЯБМ и членов правления Товарищества[114]. Церковь Петра и Павла предназначалась для членов правления и фабричной администрации. Но на Пасху церковь разрешалось посещать и некоторым наиболее дисциплинированным рабочим. Таким образом руководство старалось отметить наиболее достойных работников. Эта привилегия оказывала определенное стимулирующее воздействие на рабочих, поскольку посещение церкви Петра и Павла считалось почетным среди рабочих. Тем не менее, по наблюдениям С. А. Федорова, у многих рабочих посещение церкви «прямо вышло из обихода». Выступая в 1896 г. на торгово-промышленном съезде, он предложил обратиться к правительству со следующими ходатайствами. Во-первых, изменить график работы промышленных предприятий в предпраздничные и субботние дни таким образом, чтобы рабочие имели возможность успеть «ко всенощной» накануне праздника, а также, хотя бы немного отдохнув, прийти к воскресной службе. Во-вторых, «кабаки и вообще всякого рода питейные заведения» закрывать «не менее как на сутки, начиная с 6 часов вечера накануне праздника, лучше же всего и на весь день

в самый праздник». Только такой комплексный подход к организации досуга рабочих (создание большей возможности для посещения церковных служб за счет изменения графика работы, закрытие питейных заведений, организация познавательно-развлекательного отдыха усилиями фабричной администрации) может привести «к тому, чтобы рабочие праздники проводили свято»[115].

* * *

Возвращаясь к теме мотивации труда, можно уверенно сказать, что вряд ли рабочий в поисках места на фабрике первоочередное внимание уделял наличию в ее инфраструктуре воспитательно-образовательных учреждений, библиотек, парков, театра и т. д. Безусловно, не это являлось приоритетом. В то же время возможность получения детьми образования и трудовых навыков, и как следствие, места на фабрике с неплохим заработком, а также и шанс самому взрослому рабочему при желании повысить образовательный уровень и получить более высокооплачиваемое место (а такие примеры имеются в рассматриваемом нами материале) способствовали закреплению на предприятии прежде всего «нужных», квалифицированных, дисциплинированных работников. Организацию же свободного времени рабочих семей фабричная администрация рассматривала как средство отвлечения от пьянства, различных проявлений агрессивного поведения в быту и считала затраты на это вполне оправданными (см., например, прил. 52 и 53). Если же мы примем во внимание, что существование школ при фабриках в конце XIX — начале XX вв. не являлось обязательным по законодательству, то надо признать, что в этой сфере предприниматели с помощью своих собственных средств решали определенные социальные проблемы, до которых «не доходили руки» у государства и местных властей.

* * *

Таким образом, материал глав VI–IX нашей книги показывает, что на крупных дореволюционных фабриках Центрального промышленного района предприниматели поддерживали достаточно разветвленную систему «социального обеспечения» для своих рабочих. В некоторых аспектах существования этой системы можно видеть проявления доброй воли предпринимателей, направленной на умиротворение рабочих. Чаще выделение дополнительных средств от фабрики на обеспечение рабочих жильем, продуктами питания, медицинской помощью и т. п. было вызвано жесткой необходимостью: так, чтобы нанять несколько тысяч рабочих, фабрика должна была дать им какое-нибудь жилье, потому что иначе этим рабочим негде было разместиться; предприниматели должны были также построить больницу и пригласить за свой счет врачей для рабочих, потому что таковы были требования закона. Отдельные элементы такой прифабричной инфраструктуры содержались порой в образцовом состоянии, на другие не выделялось достаточно средств, и они становились причиной конфликтов между рабочими и администрацией. Но, как бы то ни было, расходы фабрики на рабочую силу выражались не только в выплате заработка, но и в регулярных тратах на поддержание инфраструктуры или, в тогдашней терминологии, на «улучшение быта» рабочих.

Советские историки, изучавшие вопросы заработка дореволюционных фабричных рабочих в России, предпочитали, как правило, не замечать этих расходов, хотя с точки зрения обеспечения производства траты фабрики по этим двум статьям

можно вполне естественно соединить в общую статью «Расходы на наем рабочих». В последние два десятилетия, напротив, расходы предпринимателей на «улучшение быта» рабочих не остаются без внимания как в научной литературе, так и в особенности в публицистике, при этом зачастую происходит перекос в другую сторону: эти производственные расходы, во-первых, нередко причисляют целиком к благотворительной стороне деятельности торгово-промышленной элиты дореволюционной России, и, во-вторых, подразумевают, что подобные «добровольные пожертвования» предпринимателей составляли львиную долю от их прибыли.

На первый взгляд кажется вполне естественным, что строительство казарм, больницы и прочих объектов для рабочих (а, скажем, казармы Морозовых, Прохорова или тех же Коншиных и ЯБМ благополучно стоят до сих пор) требовало не меньших затрат, чем выплата заработка. Между тем вплоть до последних лет, насколько нам известно, в исследовательской литературе не проводилось на конкретном материале сравнение общих трат предпринимателей на выплату заработка и поддержку прифабричной инфраструктуры[116].

Оказалось, что нужные для ответа на этот вопрос данные в систематическом виде не содержатся даже в таких информативных делопроизводственных фондах, как архивы двух изученных нами предприятий. Основная проблема здесь заключается в том, что эти данные, видимо, относились к промежуточной черновой документации и не сохранялись в ежегодных финансовых отчетах, а растворялись в общей графе «расходы по производству». Тем не менее, одно из дел, содержащее многократно цитированный уже отчет о деятельности ткацких фабрик Коншина, позволяет провести интересующее нас сопоставление (в динамике за 1902–1907 гг.)

Единственной проблемой указанного отчета является то, что содержащиеся в нем сведения о зарплате рабочих относятся только к двум ткацким фабрикам, в то время как прифабричная инфраструктура была единой и в равной степени доступной рабочим всех четырех фабрик. Поэтому для корректного сопоставления приходится провести оценку общего фонда зарплаты, исходя из предположения, что средняя годовая зарплата 11 тысячам рабочих всех коншинских фабрик равнялась средней зарплате 8 тысячам рабочих ткацких фабрик. При этом допущении пересчитаем указанные траты в расходы, приходящиеся на одного рабочего. В этом случае мы получим, что в начале периода, в 1902 г., каждый рабочий получал от Товарищества Коншина в среднем 180 рублей в год заработной платы (наличными деньгами и товарами харчевых лавок), но при этом дополнительно к его зарплате можно добавить еще более 22 рублей (12,5 % от зарплаты), которые он более или менее явно получал в виде бесплатных для него социальных услуг, пользуясь жильем, больницей, школой и т. п. После революции 1905 г., о влиянии которой мы много писали выше, средний заработок коншинских рабочих вырос на 35 %, и в то же время расходы фабрики на инфраструктуру (прежде всего за счет обеспечения жильем) выросли более чем вдвое, так что в 1907 г. рабочий к 240 руб. среднего заработка получал еще почти 46 рублей (19 % от зарплаты) натуральным обеспечением от фабрики.

В табл. 87 и 88, среди прочего, учтены расходы предприятия на ремонт и текущее функционирование (освещение, отопление и т. п.) прифабричных зданий, входящих в социальную инфраструктуру. Дополнительно необходимо также учитывать суммы, выделяемые на строительство таких зданий: новых казарм для жилья рабочих, больничных корпусов и т. п. Суммы на это строительство неравномерно распределялись по годам, поэтому в краткосрочной динамике не имеет смысла включать их в ту же таблицу, однако они достаточно велики.

Таблица 87

Расходы Товарищества Коншина на выплату заработной платы и на различные меры по «улучшению быта рабочих». 1902–1907 гг.

Год	Общее число рабочих, в среднем за год	Расходы по указанным статьям за финансовый год (руб.)											
		Общая зарплата (оценка)	Казармы и рабочий поселок	Квартирные деньги	Больницы	Бани	Ясли	Школы	Чайная, библиотека, воскресные чтения и т. д.	Харчевые лавки	Пенсии и пособия по несчастным случаям	Пособия из штрафного капитала	Всего по учтенным статьям помимо зарплаты*
1902	11 091	1 996 407	148 281	30 635	45 294	0	1 931	17 996	5 439	н/д	892	н/с	250 467
1903	11 217	2 082 448	154 210	31 743	52 448	0	2 127	21 608	8 383	–20 541**	1 464	н/с	251 442
1904	11 402	2 135 653	150 175	33 475	57 621	4 725	2 479	30 826	11 241	–8 226	1 601	3 144	287 061
1905	11 632	2 759 116	183 479	51 767	72 761	11 448	3 233	38 436	7 913	11 761	3 903	2 387	387 089
1906	11 357	2 505 436	164 707	111 684	89 107	14 974	3 805	49 887	10 849	26 905	3 194	1 584	476 695
1907	11 477	2 781 464	182 999	109 583	114 390	17 013	3 218	50 813	10 133	33 651	3 923	1 762	527 486

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 40–51; также добавлены данные из табл. 77 и 84.

Таблица 88

Удельные расходы Товарищества Коншина на выплату заработной платы и на «улучшение быта рабочих». 1902–1907 гг.

Год	Общее число рабочих	Суммарная зарплата (оценка), тыс. руб.	Суммарные расходы «на улучшение быта рабочих», тыс. руб.	Средний заработок одного рабочего, руб. в год	Средние расходы, помимо заработка, на одного рабочего, руб. в год
1902	11 091	1 996,4	250,5	180,00	22,58
1903	11 217	2 082,4	251,4	185,65	22,42
1904	11 402	2 135,7	287,1	187,30	25,18
1905	11 632	2 759,1	387,1	237,20	33,28
1906	11 357	2 505,4	476,7	220,60	41,97
1907	11 477	2 781,5	527,5	242,35	45,96

* Общие расходы предприятия также должны включать и выплату рабочим пенсий по старости. К сожалению, данную статью нельзя корректно учесть, потому что во всей отчетности суммы пенсий рабочим и служащим объединены в одну статью, и здесь бóльшая, но остающаяся неизвестной часть расходов приходится именно на служащих. Впрочем, общие выплаты пенсий по старости, как показано в соответствующей главе, не составляли больших сумм. Также в данной таблице не учтены расходы на строительство зданий бытового назначения.

** Отрицательное значение означает, что в текущем году харчевые лавки еще приносили фабрике прибыль (и тем самым не входили в расчет расходов правления); они стали убыточными только с 1905 г.

В частности, согласно протоколам заседаний правления Товарищества Коншина, в течение рассмотренного нами периода 1902–1907 гг. были приняты сметы на строительство следующих объектов (помимо производственных зданий):

1) 1904 г. — баня при прядильно-ткацкой фабрике (20 тыс. рублей);

2) 1904 г. — расширение здания фабричного училища (10 тыс. рублей);

3) 1904–1905 гг. — два барака для заразных больных при фабричной больнице (по 10 тыс. рублей в год);

4) 1905–1907 гг. — казарма на 800 человек при прядильно-ткацкой фабрике (191,5 тыс. рублей на все три года строительства);

5) 1906–1907 гг. — первая очередь строительства новой амбулатории с аптекой и бактериологическим отделением (40,5 тыс. рублей)[117].

Таким образом, за указанные шесть лет к общей сумме выплаченного заработка в 14 млн 260 тыс. рублей фабрика добавила 2 млн 180 тыс. рублей, потраченных на различные нужды по «улучшению быта» рабочих и еще 282 тыс. рублей — на строительство социальных объектов. Это значит, что на каждые 100 рублей выплаченного заработка пришлось еще 2 рубля, потраченных на строительство жилья и объектов социально-бытового назначения, и 15,3 рубля по остальным расходам на нужды рабочих.

[1] «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» (01.06.1882). ПСЗ-III. Т. II. № 931.

[2] *Михайловский Я. Т.* О деятельности фабричной инспекции... С. 94. См. также: *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 65.

[3] «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах». ПСЗ-III. Т. IV. № 2316. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» ПСЗ-III. Т. X. № 6742.

[4] См.: Уст. Пром. Ст. 112–121.

[5] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 59–61; *Михайловский Я. Т.* Отчет за 1885 г. ... С. 76–80, 94.

[6] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 57.

[7] *Кошман Л. В.* Фабричные школы России в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8 (история). 1976. № 2. С. 22. Отдельного рассмотрения заслуживают низшие технические училища для детей мастеров и рабочих предприятий, которые возникают на крупных заводах и фабриках в пореформенные годы. Об этом см.: *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. (Глава 3.)

[8] *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта... С. 61.

[9] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 21.

[10] *Дементьев Е. М.* Фабричное законодательство // Россия в конце XIX века / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 457. Свод отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года. СПб., 1902. С. II.

[11] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 19–20.

[12] *[Янжул И. И.]* Отчет И. И. Янжула по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. СПб., 1888.

[13] В отчете И. И. Янжула, правда, показано наличие двух школ Коншина — при прядильно-ткацкой фабрике с расходом в 3 100 рублей в год и при ситценабивной фабрике с расходом в 3 070 рублей 40 копеек за год. Это, однако, явная ошибка, допу-

щенная при сведении отчета. На самом деле, как будет показано ниже, при ситценабивной фабрике отделение школы открылось только в 1896 г.

[14] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 24–25.

[15] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 46.

[16] *Песков П. А.* Владимирский фабричный округ... С. 51–53.

[17] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 1–5 об.

[18] Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 48 об.–50 об.

[19] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 47. Л. 1–16.

[20] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 157–161.

[21] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 54–61.

[22] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 21649.

[23] Судя по этому замечанию, присутствующему в документах, большинство учащихся фабричной школы проживали со своими родителями в казармах.

[24] ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 104.

[25] *Бельский А.* Земская бюрократия // Образование. 1905. № 2. Отд. II. С. 5.

[26] *Саломатин П.* Народный учитель // Современный мир. 1913. № 12. С. 196.

[27] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 161.

[28] «О технических и ремесленных учебных мастерских и курсах». ПСЗ-III. Т. XXII. № 21222.

[29] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.

[30] Там же. Оп. 8. Д. 36. Л. 70.

[31] Краткий обзор учреждений культурно-просветительных и по охране здоровья рабочих и служащих при фабриках Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. Б/м., б/г. (для Гигиенической выставки в С.-Петербурге 1913 г.) С. 4.

[32] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 209.

[33] Там же. С. 210. Интересно, что в книге 1935 г. написано, будто ремесленную школу не стали преобразовывать в техническое училище, потому что С. И. Прохоров якобы боялся, что «техники подымут голову, лишний рубль придется им платить». Вопрос о том, насколько нужны были Прохорову недоученные «техники», конечно, при этом не ставился. См.: *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 70.

[34] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 257.

[35] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.

[36] Там же. Л. 10, 14, 15.

[37] Там же. Л. 4–13.

[38] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 256–257.

[39] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 49.

[40] В связи с этим нам представляется некорректной негативная оценка питания учеников в школе на Трехгорной мануфактуре: «Прохоровы и здесь экономили на всем — по утрам ученикам давали черный хлеб с чаем, — белый хлеб выдавался только по праздникам, — а в обед и ужин кормили почти исключительно гречневой кашей» (*Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 69–70).

[41] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 152.

[42] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 23.

[43] Там же. С. 21–22.

[44] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 150.

[45] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 4.

[46] Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Ч. 2. С. 111.

[47] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3336. Л. 210.

[48] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 60.

[49] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 2–2 об.
[50] *Лапицкая С.* Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. С. 69.
[51] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 2 об.
[52] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 257.
[53] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 49 об.–50.
[54] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 47. Л. 15.
[55] Там же. Л. 15–16.
[56] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. Л. 61.
[57] Там же.
[58] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 210–211.
[59] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 190–196.
[60] *Козьминых-Ланин И. М.* Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих... С. 16–17.
[61] Там же. С. 17.
[62] Там же. С. 17–19.
[63] *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. С. 606.
[64] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 36. Л. 45 об., 70.
[65] Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 48 об.–49.
[66] *Янжул И. И.* Фабричный быт Московской губернии... С. 30.
[67] *Аристов С.* Город Серпухов. С. 51–52.
[68] Рукописные воспоминания *А. Ф. Грязнова* (хранятся в музее комбината «Красный Перекоп» в Ярославле).
[69] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 259.
[70] Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900. С. 14.
[71] Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии... С. 187.
[72] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 3.
[73] *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 150.
[74] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 20. Л. 3.
[75] Там же. Оп. 1. Д. 415. Л. 70. Объявление относится к 1907 г., но нет оснований полагать, что в 1880-х гг. существовал совершенно иной порядок выдачи книг.
[76] Там же. Л. 13.
[77] Там же. Д. 358. Л. 50.
[78] Там же. Д. 415. Л. 99.
[79] *Балуева Н. Н.* Ярославская Большая мануфактура... С. 80.
[80] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 135. Л. 34.
[81] Каталог книг библиотеки для служащих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Ярославль, 1894.
[82] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 415, Л. 3–6, 16–18, 35, 40–42, 75–77, 90–92.
[83] *Кузнецов Я. О.* Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 год // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 7. — На значимость этого источника обратил внимание Е. А. Чугунов, детально изучавший интересующий нас вопрос. См.: *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья (конец XIX в. — 1913 г.). Кострома, 2001. С. 146–147.
[84] Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900. С. 13.
[85] Там же. С. 14.
[86] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 415, Л. 13, 65, 96 об.
[87] На этот счет существовали специальные правила. См.: *Комиссаров М. Г.* Бесплатные народные библиотеки и читальни // Труды... торгово-промышленного съезда 1896 г. ... Вып. V. С. 241.

[88] Например, в деле ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 24 (Л. 121–122) есть сведения о том, что один сторож был уволен в 1905 г. за то, что читал «брошюру и листок антиправительственного содержания».

[89] *Гольгофский А.* Современный фабрично-рабочий... С. 26.

[90] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 68.

[91] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 211.

[92] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 55.

[93] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 162–163.

[94] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 69.

[95] Там же. С. 68.

[96] *Федоров С. А.* О воскресном отдыхе // Труды... съезда 1896 г. Вып. V. Доклад 26. С. 11.

[97] *Ковальский М.* Меры для возвышения нравственного и умственного развития рабочих// Труды... съезда 1896 г. Вып. V. С. 49.

[98] У Коншина чайная располагалась в большом здании во дворе фабрик. На первом этаже была харчевая лавка, а наверху — большой зал. Говоря о собраниях рабочих, проводившихся там во время забастовки, один из рабочих вспоминал, что этот зал мог вместить до 2 тыс. человек. См.: 1905-й год в Серпухове... С. 104.

[99] См.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 482; Д. 583. Л. 10а, 56.

[100] Там же. Д. 482. Л. 9.

[101] См.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 482, 583.

[102] Там же. Д. 358. Л. 50.

[103] Там же. Д. 583. Л. 96, 115, 129 и др.

[104] Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900. С. 13. Вообще «волшебным фонарем», показывающим «световые картины», назывался популярный в конце XIX в. тип проекционного аппарата (наиболее близкий поздний аналог — диапроектор). На лекциях с его помощью демонстрировались изображения, нанесенные на стеклянные пластины. Вариантом были «туманные картины» — когда изображение складывалось в результате направления света нескольких проекторов на клубы дыма.

[105] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 583. Л. 96, 115, 129.

[106] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 67.

[107] *Федоров С. А.* О воскресном отдыхе... С. 11.

[108] Там же. С. 8.

[109] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 59, 68; *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 260 и др.

[110] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 70.

[111] *Федоров С. А.* О воскресном отдыхе... С. 2–3.

[112] Там же; *Федоров С. А.* Об учреждениях для возвышения нравственного развития рабочих // Труды... съезда 1896 г. Вып. V. Доклад 28.

[113] Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 51.

[114] Там же. С. 51–52.

[115] *Федоров С. А.* О воскресном отдыхе... С. 4.

[116] Наилучшим образом этот вопрос освещен в монографии И. В. Поткиной о Никольской мануфактуре. Здесь есть таблица отчислений мануфактуры на социальные нужды за 1873–1916 гг.; одновременно приводятся данные о динамике общих производственных расходов и чистой прибыли, однако из этих данных не видно соотношения между общей выплаченной заработной платой и расходами на «улучшение быта рабочих». См.: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 339–341.

[117] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 46, 66, 76.

Часть 4

ГЛАВА X
СИСТЕМА ТРУДОВЫХ СТИМУЛОВ ГЛАЗАМИ РАБОЧИХ И АДМИНИСТРАЦИИ

В предыдущих главах книги была представлена характеристика системы мер, проводившихся на ряде крупных текстильных предприятий (прежде всего Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и Ярославской Большой мануфактуры) для стимулирования труда рабочих. При этом обращалось внимание как на то, что делалось администрацией для рабочих, так и на то, от каких мер предприниматели отказывались; как регулировалась производственная дисциплина; какими мерами администрация пыталась поднять производительность и качество труда, закрепить рабочих (прежде всего, квалифицированных) на своей фабрике. Однако далеко не всегда эти меры, которые предположительно должны были стимулировать рабочих к производительному труду на данном предприятии, давали ожидаемый эффект. Поэтому представляется весьма важным, помимо подробной характеристики применявшихся стимулов, ответить на вопрос о месте последних в системе взаимоотношений фабриканта с рабочими. Именно через анализ трудовых отношений мы можем рассмотреть, как воспринимали проводившиеся мероприятия и их результативность (эффективность) рабочие, с одной стороны, хозяева и фабричная администрация, — с другой.

Надо сразу оговориться, что прямых свидетельств для подробного освещения взглядов рабочих и предпринимателей на эту проблему весьма мало. К таким данным относятся, например, воспоминания, но и в них этот вопрос напрямую затрагивается редко. К тому же политические и идеологические изменения, происшедшие в России с момента описываемых событий до публикации воспоминаний, внесли определенные искажения в восприятие прошлого их авторами (это относится в первую очередь к воспоминаниям рабочих). Безусловную ценность для нас в этом вопросе представляют прямые апелляции к проблеме производительности и стимулирования труда, имеющиеся в разного рода делопроизводственных документах. Однако обнаружить такие документы удается достаточно редко. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, как прямые, так и косвенные, позволяют сделать ряд выводов о восприятии эффективности тех или иных стимулирующих мер рабочими и предпринимателями.

ТРУДОВЫЕ СТИМУЛЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЖАЛОБ И ПРОСЬБ РАБОЧИХ

Существенную помощь в выявлении взглядов рабочих и предпринимателей на систему стимулирования труда могут оказать документы, содержащие жалобы, просьбы и требования рабочих, обращенные к фабричной администрации (в том числе и высказанные во время забастовок), а также и такие, в которых нашла отражение реакция фабрикантов. Безусловно, стачечную борьбу и требования, выдвигавшиеся в ходе этих событий, изучать существенно проще, чем, например,

жалобы рабочих в фабричную инспекцию или те ситуации, когда подача рабочими требований не сопровождалась остановкой станков. Это объясняется состоянием источниковой базы. Забастовки на крупных промышленных предприятиях — это события, имевшие широкий резонанс; детальные сведения о них отложились в немалом количестве архивных фондов и нашли отражение в современной событиям периодической печати. В советской историографии стачечное движение рассматривалось как важнейшее проявление революционной активности пролетариата, и потому сведения о стачках систематизировались и публиковались. Как уже говорилось, изучение данного вопроса опирается на целый комплекс материалов, дающих подробную картину трудовых конфликтов на предприятиях всех отраслей промышленности.

Впрочем, забастовка — это сложное и многофакторное явление, оно не обязательно прямо связано с проблемами в системе мотивации труда. Можно сказать, что, тем не менее, забастовки, особенно ранние, могли быть связаны именно с этим. Более того, могло случаться и обратное — хорошо выстроенная система трудовых отношений позволяла предприятию избежать забастовок. В качестве примера можно привести ситценабивную фабрику Коншиных, которая не приняла участия в забастовке 1905 г. В своих воспоминаниях активный участник забастовки, бывший рабочий прядильно-ткацкой фабрики, подчеркивал, что большие различия в зарплате на ситценабивной фабрике привели к тому, что «рабочие не были солидарны». Далее автор продолжал: «Ситценабивная фабрика была у бастующих мызенцев и других рабочих бельмом на глазу. Ввиду этого мы решили силой заставить ее присоединиться к забастовке». Но это так и не удалось сделать, потому что бастующие получили серьезный отпор рабочих ситценабивной[1]. Как вступление, так и невступление рабочих в забастовку — это сложный процесс с неявными причинными связями, так что объективно сложно сказать, почему рабочие ситценабивной фабрики не поддались общему порыву участия во Всероссийской октябрьской стачке 1905 г., — потому ли, что там трудилось много хорошо оплачиваемых рабочих, которых все устраивало настолько, что они могли определять настроение большинства рабочих фабрики, или потому, что одна лишь эта фабрика находилась в отдалении от других, в центре города, и там трудилось значительно больше потомственных мещан, или даже потому, что там почему-либо были сильны позиции монархистов среди рабочих, — важнее то, что рабочие других фабрик, от лица которых говорит автор воспоминаний, воспринимали ситуацию так, что посредством высокого заработка администрации удалось удержать фабрику от вступления в забастовку.

Тем не менее в нашу задачу не входит подробное освещение причин возникновения, хода и результатов забастовок, происходивших на фабриках рассматриваемых нами предприятий во второй половине XIX — начале XX вв. Нас интересуют в первую очередь требования, выдвигавшиеся забастовщиками, реакция на них хозяев и фабричной администрации, а также тактика поиска компромисса двух сторон в ходе конфликта. Именно эти аспекты стачек, происходивших на рассматриваемых нами двух предприятиях в конце XIX — начале XX вв., анализировались нами в контексте выявления «узких мест» в системе стимулирования труда рабочих[2].

При анализе требований рабочих, выдвигавшихся как в период забастовок, так и не сопровождавшихся прекращением работ, можно увидеть, что требования повышения заработка в разных вариациях встречаются значительно чаще любых других. Это означает, что для рабочих денежный заработок был наиболее ценным

элементом во всей системе трудовых стимулов, и они чаще готовы были смириться с проблемами в любой другой сфере их деятельности на фабрике и вне ее, чем с низкой (или несправедливой, с их точки зрения) оплатой труда.

Для иллюстрации приведем два весьма показательных примера, из которых становится очевидным, что рабочие ценили полученные на руки деньги больше, чем услуги заведений фабричной инфраструктуры. Одно из дел, полностью приведенное в прил. 35, уже цитировалось в главе VI данной книги. Речь идет о письме малограмотного рабочего, который жалуется Н. Н. Коншину на слишком широкий ассортимент товаров в харчевой лавке. «Раньше, — пишет он, — харчи были необходимые для человека», а теперь «завели всякую безделицу», продукты, которые трудно найти даже в городе, но они есть в лавке, и приходящие рабочие подвергаются всяким соблазнам и покупают, а поскольку продукты выдаются в кредит, они не видят реальных денег, не могут успешно рассчитать свои расходы и противостоять соблазнам. В итоге, когда рабочие приходят в контору за заработком, им за вычетом кредита ничего уже не полагается, и «месяц, другой и третий все выходим из конторы пустые». Поэтому рабочий слезно просит сократить ассортимент товаров: «не желаем, чтобы у вас в лавке харчевой было, как у Мюра-Мерелиза». Хотя драматичность описанной ситуации явно преувеличена автором письма (потому что размер разрешенного кредита был строго ограничен и вряд ли мог составлять более трети заработка, а любые другие вычеты уже давно были запрещены законом), все же очевидно, что рабочий, написавший письмо, именно так и представлял себе положение и действительно винил лавку в том, что у него нет свободных денег. Нам сейчас интересен его главный вывод: можно обойтись без богатого ассортимента продуктов в лавке, важнее иметь деньги на руках, чтобы можно было производить те или иные выплаты, в данном случае — платить в родной деревне «оброк», т. е. земельные повинности.

Другой пример представляется еще более показательным. 11 мая того же 1907 г. всем заведующим фабриками, отдельными службами и (что особенно важно) заведующему больничными учреждениями Товарищества было разослано официальное письмо правления за подписью его директора А. Н. Коншина, в котором отмечались случаи «злоупотребления» больных рабочих только что введенным положением о выплате больничного пособия. Указанное пособие выплачивалось рабочим, если они являлись к врачу и врач фиксировал, что они находятся «в таком состоянии, с точки зрения врачебной, что работать не могут». Злоупотребления же состояли в следующем: «на деле наблюдались такие случаи, что рабочие, не взирая на тяжелое болезненное состояние (повышенная температура, кровотечения и пр.), тем не менее являлись на фабрику и через силу несли свою обычную работу. В конечном результате такой рабочий получал свой нормальный заработок и, кроме того, в силу удостоверения врача, еще и половинный за тот же срок заработок — в виде пособия». Далее в письме предлагалось принять согласованные меры к пресечению подобных случаев[3]. Таким образом, мы видим, что по крайней мере некоторые рабочие ценили свой заработок выше собственного здоровья и готовы были больными стоять 11 часов у станка ради своего небогатого дневного заработка, а больницу рассматривали не только как место получения врачебной помощи, а еще и как способ получения дополнительного вознаграждения за работу в больном состоянии.

Конечно, это не означает, что больница была для рабочих совершенно не нужной. Растущее число лечащихся больных при стабильном числе рабочих (подробнее об этом см. главу VII данной книги) явно свидетельствует, что из года в год сокра-

Таблица 89

Распределение жалоб рабочих на предпринимателей по Московской губернии в 1903 г.

Сущность нарушений	По единоличным жалобам				По неединоличным жалобам			
	Число заявленных жалоб	Процент от общего числа	Число жалоб, оказавшихся основательными	Процент от заявленных	Число заявленных жалоб	Процент от общего числа	Число жалоб, оказавшихся основательными	Процент от заявленных
Невыдача и задержка заработка	172	9,8	122	70,9	1533	22,2	1141	74,4
Неправильное исчисление и понижение заработка	267	15,2	134	50,2	865	12,5	669	77,3
Отказ от работы до срока	517	29,5	246	47,6	551	8,0	390	70,8
Нарушение условий найма по снабжению квартирами	32	1,8	18	56,3	677	9,8	360	53,2
Неправильное штрафование	104	5,9	19	18,3	542	7,9	28	5,2
Принуждение работать сверхурочно	60	3,4	32	53,3	514	7,4	332	64,6
Нарушение других условий договора найма	95	5,4	45	47,4	472	6,8	414	87,7
Невыдача расчетных книжек и контрамарок	69	3,9	48	69,6	258	3,7	174	67,4
Нарушение условий найма по подаче врачебной помощи	8	0,5	4	50,0	283	4,1	281	99,3
Дурное обращение и побои	32	1,8	19	59,4	257	3,7	75	29,2
Сокращение рабочего времени	7	0,4	6	85,7	246	3,6	241	98,0
Принуждение исполнять другую работу	80	4,6	41	51,3	164	2,4	148	90,2
Другие нарушения условий найма, касающиеся продолжительности рабочего времени	86	4,9	52	60,5	152	2,2	111	73,0
Невыдача паспортов	120	6,8	82	68,3	102	1,5	94	92,2
Нарушение условий найма по снабжению харчами	13	0,7	6	46,2	134	1,9	103	76,9
Неправильные записи в расчетных книжках	42	2,4	33	78,6	53	0,8	51	96,2
Незаконные вычеты	37	2,1	22	59,5	40	0,6	36	90,0
Принуждение брать вместо денег харчи и товар	3	0,2	2	66,7	36	0,5	34	94,4
Непорядки в продаже продуктов в лавках	8	0,5	7	87,5	16	0,2	16	100,0
Невыдача разрешенного пособия из штрафного капитала	2	0,1	2	100,0	5	0,1	0	0,0
ВСЕГО	1 754	100,0	940		6 900	100,0	4 698	

Источник: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПб., 1906. С. 66–67.

Таблица 90

Распределение жалоб рабочих на предпринимателей по Ярославской губернии в 1903 г.

Сущность нарушений	По единоличным жалобам				По неединоличным жалобам			
	Число заявленных жалоб	Процент от общего числа	Число жалоб, оказавшихся основательными	Процент от заявленных	Число заявленных жалоб	Процент от общего числа	Число жалоб, оказавшихся основательными	Процент от заявленных
Невыдача и задержка заработка	24	8,4	17	70,8	38	39,6	37	97,4
Неправильное исчисление и понижение заработка	23	8,0	13	56,5	5	5,2	3	60,0
Отказ от работы до срока	91	31,8	53	58,2	11	11,5	7	63,6
Нарушение условий найма по снабжению квартирами	6	2,1	4	66,7	4	4,2	4	100,0
Неправильное штрафование	8	2,8	3	37,5	2	2,1	2	100,0
Принуждение работать сверхурочно	8	2,8	3	37,5	6	6,3	6	100,0
Нарушение других условий договора найма	42	14,7	25	59,5	4	4,2	2	50,0
Невыдача расчетных книжек и контрамарок	7	2,4	5	71,4	7	7,3	7	100,0
Нарушение условий найма по подаче врачебной помощи	17	5,9	13	76,5	4	4,2	4	100,0
Дурное обращение и побои	7	2,4	4	57,1	2	2,1	0	0
Сокращение рабочего времени	0	0	0	—	0	0	0	—
Принуждение исполнять другую работу	20	7,0	13	65,0	3	3,1	3	100,0
Другие нарушения условий найма, касающиеся продолжительности рабочего времени	6	2,1	5	83,3	2	2,1	2	100,0
Невыдача паспортов	10	3,5	1	70,0	2	2,1	2	100,0
Нарушение условий найма по снабжению харчами	1	0,4		100,0	6	6,3	6	100,0
Неправильные записи в расчетных книжках	2	0,7	2	100,0	0	0	0	—
Незаконные вычеты	12	4,2	10	83,3	0	0	0	—
Принуждение брать вместо денег харчи и товар	0	0	0	—	0	0	0	—
Непорядки в продаже продуктов в лавках	0	0	0	—	0	0	0	—
Невыдача разрешенного пособия из штрафного капитала	2	0,7	2	100,0	0	0	0	—
ВСЕГО	286	100,0	180		96	100,0	85	

Источник: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПб., 1906. С. 68–69.

щалось число желающих переносить болезнь на ногах, не обращаясь к врачу. Но то, что в глазах рабочих их заработок имел существенно более высокий приоритет, чем возможность получения медицинской помощи, представляется очевидным.

Повышение заработка для рабочих было также более важным, чем сокращение рабочего дня. Хотя рабочие повсеместно боролись за сокращение рабочего дня, они не были готовы пойти на такое сокращение за счет уменьшения своего заработка. В 1897 г. сокращение рабочего дня на коншинских фабриках, сопровождавшееся недостаточным повышением расценок, вследствие которого общий заработок понизился, хотя и в меньшей степени, чем длительность рабочего дня, — повлекло за собой весьма серьезные беспорядки. Исследователи истории Московского металлического завода приводят и более яркий пример. Хозяин завода (Ю. П. Гужон) вообще не любил отдавать инициативу рабочим во всем, что касалось изменения трудовых отношений, к тому же он был противником сокращения рабочего дня. Поэтому хотя он и был дважды вынужден под давлением рабочих сократить рабочий день, но оба раза категорически отказывался пересчитать расценки, в результате чего заработки рабочих снижались, и они сами просили вернуть прежний распорядок[4].

Определенной проверкой справедливости тезиса о доминировании заработка в общем списке способов стимулирования труда может послужить изучение «Сводов отчетов фабричных инспекторов». «Своды» публиковались Министерством торговли и промышленности каждый год и содержат статистические сведения на период с 1900 до 1914 г. Каждый «Свод отчетов фабричных инспекторов» состоит преимущественно из набора таблиц, содержащих данные по основным видам деятельности фабричных инспекций по всей Российской империи. Дальнейшее обсуждение мы проводим на примере сведений «Свода отчетов» за 1903 г. В таблицы сведена информация о жалобах рабочих на предпринимателей, о трудовых конфликтах, в разрешении которых с разным успехом принимали участие фабричные инспектора, о забастовках на фабриках, о штрафовании рабочих и распределении пособий из штрафных капиталов.

Явным недостатком всех этих таблиц как исторического источника по нашей тематике является слишком высокая степень агрегированности данных. Сведения по каждому из вопросов собирались по всем округам фабричных инспекций, а затем составлялась соответствующая (единая) таблица (лишь она и подлежала публикации в «Своде»). Возможно, от несогласованности методик сбора информации или, может быть, согласно изначально заложенной конспективности издания собранные сведения о жалобах группировались исключительно по территориальному принципу. В результате в «Сводах отчетов» отсутствует группировка данных о жалобах по размерам промышленных предприятий и по отраслям промышленности — для каждой губернии все сведения такого рода слиты воедино, и это в значительной мере понижает информационный потенциал источника. Однако по некоторым вопросам «Свод отчетов фабричных инспекторов» позволяет достаточно точно оценить состояние дел.

Весьма показательными являются данные табл. 89 и 90 (с. 334–335), отражающих количество поданных на фабричное руководство единоличных и коллективных жалоб. Это фрагменты общей таблицы «Свода...», в которых представлена только информация по промышленным предприятиям Московской и Ярославской губерний. Думается, что на основании этих таблиц можно сделать общие выводы о значении определенных видов мотивации труда на фабриках того периода, поскольку, как уже говорилось, жалобы рабочих касаются прежде всего тех проблем, которые являются для них наиболее важными[5].

Как и следовало ожидать, большинство жалоб рабочих Московской и Ярославской губерний касаются невыдач, задержек, неправильного исчисления и понижения заработка. Для Московской губернии это почти 35 % коллективных жалоб, и ровно 25 % единоличных жалоб, а для Ярославской губернии процент таких коллективных жалоб еще больше — почти 45 %, причем основательными из таких коллективных жалоб фабричные инспектора признали около 75 % в Московской губернии и более 90 % — в Ярославской. На втором месте находятся жалобы на нарушения условий договоров, сокращающие время работы — 34,8 % единоличных и 13,8 % коллективных жалоб для Московской губернии, 33,9 % и 13,5 % соответственно — для Ярославской. Несомненно, эти нарушения тоже стоит рассматривать как связанные с уменьшением прямого заработка рабочих. Далее уже идут жалобы на нарушения условий найма по снабжению квартирами и на неправильное штрафование. По Московской губернии здесь уже заметно меньшее количество жалоб признано основательными: в первом случае это менее 50 % поданных жалоб, а по неправильному штрафованию — и вовсе 7 %. А вот для Ярославской губернии при общем меньшем количестве поданных жалоб (что объясняется меньшим количеством промышленных предприятий и количеством рабочих, на них трудившихся) процент признанных основательными достаточно высок практически по всем графам. В частности, для жалоб на нарушение условий найма по снабжению квартирами эта цифра составляет более 80 % от их общего количества, а по неправильному штрафованию основательными оказались порядка 70 % жалоб.

Отметим, что статистика жалоб рабочих, признанных основательными, указывает и на факторы, которые рассматривались предпринимателями в качестве наиболее значимых. Получается, что и для них размер прямого заработка рабочих имел первостепенную значимость, в связи с чем предпринимались попытки фабрикантов сэкономить на нем.

Те же материалы, сгруппированные по всей Российской империи (табл. 91), показывают еще более очевидное преобладание жалоб, связанных с размером и порядком выплаты заработка, над жалобами, вызванными иными причинами.

Таблица 91

Распределение жалоб рабочих на предпринимателей по всей Российской империи в 1903 г.

Сущность нарушений	Число жалоб	Процент
Невыдача и задержка заработка	9 870	17,9
Неправильное исчисление и понижение заработка	8 872	16,1
Отказ от работы до срока	8 148	14,8
Сокращение рабочего времени	3 012	5,5
Дурное обращение и побои	2 289	4,2
Принуждение работать сверхурочно	2 263	4,1
Неправильное штрафование	1 858	3,4
Незаконные вычеты	1 664	3,0
Различные нарушения условий найма, касающиеся продолжительности рабочего времени	1 544	2,8
Принуждение исполнять другую работу кроме той, на которую рабочий был нанят	873	1,6

Источник: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПб., 1906. С. VII.

ТРУДОВЫЕ СТИМУЛЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ

В советской историографии бытовало мнение, что практически единственный способ, который использовался фабрикантами для предупреждения назревающих и свертывания уже начавшихся конфликтов с рабочими и рабочих выступлений, заключался в использовании войск и полиции. Было бы нелепо отрицать подобные факты. Тем более, что и материалы различных сборников по истории рабочего движения в России, и архивные документы подтверждают не только факты вызова войск и полиции, но и регулярного содержания последних на средства владельцев предприятия.

Так, при ЯБМ отряд полиции был учрежден по просьбе правления Товарищества в феврале 1891 г.[6] «для обслуживания как района самой фабрики, так и ее окрестностей, для водворения нарушенного порядка, рассеивания незаконных сборищ и охраны фабричного имущества и денежных сумм»[7] и до февраля 1906 г. просуществовал в неизменном составе: помощник пристава, пять полицейских служителей (в том числе один старший и четыре младших) и один полицейский урядник. После забастовки на ЯБМ в конце 1905 — начале 1906 гг. директоры правления А. А. и С. С. Карзинкины лично обратились к министру внутренних дел П. Н. Дурново с ходатайством «о разрешении учредить при Ярославской Большой мануфактуре на средства Товарищества добавочный комплект полиции из двух околоточных надзирателей и сорока человек городовых» и о «замене помощника пристава — приставом»[8]. Усиленный комплект полиции появился на ЯБМ с 1 февраля 1906 г. Обязанность нанимать и право увольнять со службы чинов конно-полицейской стражи при ЯБМ возлагалась на ярославского полицмейстера, непосредственное же руководство отрядом возлагалось на местного фабричного пристава[9]. Фабрика обязана была предоставить полицейским «квартиру с отоплением и освещением, помещение для лошадей, а также и самих лошадей, оружие, патроны и амуницию, седла с полным прибором, фураж для лошадей в размере, установленном по особому соглашению, и зимние полушубки кавалерийского образца»[10]. После февраля 1917 г. Товарищество продолжало выделять средства на содержание уже не полиции, а милиции при фабрике[11].

Готовность содержать на свои средства штат полиции при фабриках выражало и правление Товарищества Н. Н. Коншина, которое после волнений 1901–1902 гг. обратилось к губернатору с просьбой разместить в Серпухове казачью сотню: «Заботы о расквартировании этой части в г. Серпухове Правление соглашается взять на себя, так как имеет для того готовые помещения, которые и будут по первому требованию предоставлены в распоряжение военного начальства. В заключение Правление вместе с другими фабрикантами Серпухова позволяет себе выразить, что одно присутствие в городе кавалерийской части, а в особенности казаков, достаточно для нравственного воздействия на те беспокойные элементы, которые находят для себя выгоду возбуждать волнения и беспорядки среди других рабочих»[12]. Прошение действительно было поддержано другими фабрикантами, но содержавшаяся в нем идея не была реализована, и казачью сотню расквартировали в Серпухове только летом 1905 г.[13] Однако в годы Первой мировой войны эта мера могла быть недостаточной. Так, в 1916 г. в ходе забастовки рабочих прядильно-ткацкой фабрики Н. Н. Коншина серпуховский уездный исправник писал в своем рапорте: «В связи с начавшейся 5 мая забастовкой, которая может перенестись и на другие фабрики товарищества Н. Н. Коншина и других владельцев в г. Серпухове... могут

возникнуть и беспорядки на почве дороговизны жизни... На фабриках Т-ва Коншина насчитывается рабочих до 11 000 человек... Считаю необходимым сообщить, что при возникновении беспорядков для подавления их необходимо иметь крупную полицейскую силу из состава конной стражи... Не будет ли признано возможным сделать распоряжение, чтобы начальник гарнизона г. Серпухова, в случае возникновения беспорядков, по требованию полиции посылал для подавления таковых воинские части?»[14]

Содержание штата полиции при фабрике относится к мерам принуждения, использовавшимся российскими предпринимателями в конце XIX — начале XX вв. и ориентированным на то, чтобы удержать рабочих от прекращения работ либо вернуть их к станкам и восстановить обычный порядок на фабрике. Однако у нас нет оснований говорить, что это был единственный путь разрешения конфликтных ситуаций. В ряде случаев фабриканты принимали решение удовлетворить требования рабочих и тем самым сразу погасить нараставшее недовольство. Но помимо этого фабричная администрация нередко старалась улавливать изменения настроения рабочих и, опережая их на шаг, предотвращать выступление. Примером такого рода могут служить действия администрации ЯБМ, проведенные в первые месяцы 1905 г. по инициативе заведующего А. Ф. Грязнова. Он говорил о том, что рабочим фабрики в условиях начавшейся революции может не хватить терпения дождаться законодательного сокращения рабочего дня (которое, заметим, тогда ожидалось, но так и не было реализовано[15]) и предупреждал правление об угрозе забастовки. Если же начнется забастовка, — продолжал он, — Товарищество понесет значительно бóльшие потери, чем в том случае, если добровольно пойдет на сокращение рабочего дня незамедлительно. И убыток будет не только результатом остановки станков, но и следствием того, что рабочие, помимо сокращения рабочего дня, выдвинут еще целый ряд требований, в числе которых будет и увеличение заработной платы[16].

С целью установления более спокойных отношений на фабрике и, в том числе, с целью предупреждения забастовки продолжительность рабочего дня была сокращена с 10 до 9 часов начиная с Пасхи 1905 г. Подготовив обстоятельную докладную записку о последствиях перехода Мануфактуры на 18-часовую работу, А. Ф. Грязнов указывал, что смена режима работы Мануфактуры приведет к финансовым потерям для Товарищества только по ткацкому производству в сумме примерно 152 тыс. рублей в год. Но он полагал, что такой шаг даст и значительные выгоды, которые «подсчитать... и выразить цифрами трудно и даже невозможно»: а) увеличение времени для отдыха работников, что, с его точки зрения, будет способствовать повышению интенсивности и качества труда; б) возможность для рабочих, не проживающих в фабричных казармах, снимать квартиры в более отдаленных от ЯБМ районах, что несколько снизит плотность населения на прилегающих к предприятию улицах и, как следствие, улучшит «санитарное состояние жилищ рабочих»; в) уменьшение количества прогулов за счет «вполне правильного и однообразного распределения рабочего времени и рабочих смен» и др.[17] В объявлении, вывешенном в фабричных корпусах, всячески подчеркивалась добровольность принимаемых мер со стороны правления.

Кроме того, были предприняты меры для стабилизации цен на продукты, продаваемые рабочим в харчевой лавке Мануфактуры (подробнее об этом см. главу VI данной книги), а также было принято решение помочь рабочим в строительстве собственных домов путем выдачи беспроцентных ссуд с последующими ежемесячными отчислениями из заработка для их погашения (подробнее об этом см. главу V данной книги).

В своих воспоминаниях А. Ф. Грязнов писал, что три вышеуказанных мероприятия, «действуя одновременно, не могли не оказать на рабочую массу действие умиротворяющее»[18].

Однако в условиях Первой русской революции сделанные предпринимателями даже существенные уступки (в ответ на требования рабочих или по собственной инициативе) не являлись гарантией дальнейшей стабильной работы предприятия. На таком крупном предприятии, как ЯБМ, тогда практически нельзя было избежать возникновения забастовки с выдвижением расширенного списка требований; наоборот, большим достижением администрации, стремившейся к обеспечению устойчивой работы предприятия, следует считать неучастие рабочих ЯБМ в растущем стачечном движении весны–лета 1905 г. и в октябрьской Всеобщей политической стачке. Наконец, 26 октября 1905 г. рабочие ЯБМ, в значительной степени под влиянием агитации местных революционных организаций, остановили производство и предъявили администрации требования, состоявшие из 29 пунктов, в том числе: 8-часовой рабочий день, увеличение зарплаты на 10 %, квартирных денег — на 20 %, предоставление помещения для собраний рабочих и другие, многие из которых касались увеличения заработка отдельных профессиональных групп рабочих ЯБМ. Это стало началом сложного периода для предприятия, закончившегося только в январе 1906 г. Многие рабочие, не дожидаясь ответа правления, 27 октября вышли на свои рабочие места, что с удовлетворением было отмечено правлением предприятия. В объявлении за подписью директора правления Товарищества ЯБМ С. С. Карзинкина, вывешенном днем 27 октября, говорилось следующее:

«Приехав сегодня на Мануфактуру, я с удовольствием увидал, что работы в фабриках, после вчерашнего насильственного приостанова их, возобновились... приношу вам за это мою глубокую благодарность, ибо в возобновлении работ я вижу выражение вашего доверия к нашему Товариществу и к принимаемым им, по силе возможности, мерам к улучшению вашего быта... Будучи уверен, что и вторая смена поступит так же, я настоящим объявлением уведомляю рабочих Мануфактуры, что сегодня к вечеру мною будет вывешено объявление с перечислением всего того, что товарищество может сделать для рабочих Мануфактуры и дальше чего оно идти уже не может»[19].

Правление выполнило обещание и вечером того же дня новым объявлением известило о сокращении длительности трудового дня для денных рабочих, об увеличении соответственно требованиям зарплаты, а размер квартирных денег был увеличен даже сверх запрашиваемого — не на 20 %, а в 2 раза[20]. Тем не менее 28 октября рабочие сформулировали новые требования, на которые правление в тот же день ответило отказом, подчеркнув:

«...Дальше тех улучшений экономического положения рабочих, которые перечислены в вечернем объявлении директора Правления С. С. Карзинкина от 27-го октября сего года — Товарищество идти не может»[21].

Правление стремилось подчеркнуть, что размер сделанных уступок достаточно велик (что соответствовало действительности), и у рабочих нет оснований рассчитывать на большее, поскольку их требования были удовлетворены в максимальном объеме, «какой по средствам и условиям деятельности Товарищества представлялся возможным»[22]. На этом данный конфликт казался вроде бы исчерпанным, работы на фабрике возобновились в полном объеме, участники забастовки сохранили свои рабочие места.

Это не единственный пример достаточно гибкой политики фабричной администрации по отношению к рабочим в ходе сложного революционного периода. Мы

уже упоминали о том, что с началом Октябрьской стачки 1905 г. рабочим прядильно-ткацкой фабрики удалось договориться с директором М. П. Лотаревым, который «был либералом», о том, что даже в условиях забастовки из фабричных лавок будут две недели выдаваться продукты в кредит; кроме того, была достигнута и предварительная договоренность, что никого из участников стачки не уволят с фабрики[23].

Надежды фабричной администрации и правлений товариществ путем выражения собственной лояльности удержать рабочих от дальнейших выступлений далеко не всегда оправдывались. Так, на ЯБМ после выполнения в октябре 1905 г. правлением целого ряда требований рабочих фабрика работала только две недели. 15 ноября в середине дня началась стачка, закончившаяся только 6 января 1906 г. Однако ни одно из выдвигавшихся рабочими в этот период требований удовлетворено не было. В объявлениях, которые достаточно регулярно вывешивались в фабричных корпусах, правление 11 раз ссылалось на собственное объявление от 27 октября, заявляя о том, что дальше данных в нем обещаний (которые, подчеркнем еще раз, к середине ноября уже были выполнены) оно не пойдет. Тем не менее в каких-то вопросах, не прошедших еще обсуждения и потому не носящих характер принципиальных, компромисс был возможен. Так, 23 ноября фабричная администрация ЯБМ объявила о закрытии харчевой лавки, хотя уже на следующий день, после просьбы депутатов от рабочих, согласилась временно открыть лабаз, чтобы рабочие могли сделать «забор» продуктов, хотя возможный кредит был сокращен втрое относительно обычного (подробнее об этом см. главу данной VI книги). В период остановки производства кредит на ЯБМ обычно давался при условии зафиксированного на бумаге согласия рабочего вернуться к выполнению своих обязанностей при возобновлении работ.

Приведенные свидетельства говорят о том, что в условиях революции 1905 г. фабричная администрация и владельцы пытались сохранить спокойствие на своих предприятиях не только силовыми методами, но и путем целого ряда шагов навстречу рабочим, компромиссов, направленных на снижение накала поднимавшего социального конфликта.

Революционное время — период, конечно, особый. Но и в послереволюционные годы фабричная администрация ряда предприятий, и в частности ЯБМ, делала все возможное для сохранения социального мира на фабрике. Грязнов же неоднократно доказывал на собраниях правления необходимость проведения той или иной меры для предупреждения начала или развития недовольства и перерастания его в открытый конфликт. Так случилось в 1908 г., когда рассматривался вопрос о праздновании 50-летнего юбилея Товарищества ЯБМ. Правление при поддержке общего собрания пайщиков в декабре 1907 г. сначала приняло решение «не ознаменовывать юбилея Товарищества каким-либо официальным празднованием, а ограничиться торжественным освящением весной или летом 1908 г. Николо-Мельничного храма», на строительство которого выделялись деньги. Члены правления полагали, «что торжество в такой форме... будет иметь характер более благоприятный для спокойствия на Мануфактуре». Однако на совещании пайщиков Товарищества 20 февраля 1908 г. правление заявило, что его мнение по этому вопросу изменилось. И произошло это в первую очередь под влиянием «доводов заведующего Мануфактурой, г. А. Ф. Грязнова, указавшего на желательность идти навстречу в этом вопросе материальным интересам и ожиданиям рабочих Мануфактуры, а также замеченному уже теперь настроению рабочих по поводу празднования предстоящего юбилея Товарищества». Грязнов подчеркнул, что Товарищество Ивана Гарелина и Реутовская мануфактура уже праздновали 50-летний юбилей, и рабочим этих предприятий было в связи с торжествами выплачено месячное жалование (заработок). Поскольку

ку оба этих предприятия находились в том же фабричном районе, из которого в значительной степени комплектовались рабочие Ярославской мануфактуры, то известие о денежном вознаграждении в честь юбилея быстро достигло ЯБМ. По заявлению Грязнова, рабочие ожидали подобных выплат и со стороны правления своего Товарищества. В противном случае он не исключал, что «спокойное течение жизни на мануфактуре» будет нарушено рабочими выступлениями[24].

В конце апреля того же 1908 г., во время визита в Ярославль трех директоров правления (Н. В. Скобеева, П. П. Морокина и М. С. Карзинкина), были намечены следующие правила выплаты награды по случаю 50-летия Товарищества: «1) в размере месячного заработка — всем рабочим, числящимся в списках Мануфактуры в день освящения храма; 2) в половинном размере — рабочим, числящимся в списках, но не работавшим в день освящения вследствие нахождения в больнице по случаю болезни; 3) в размере месячной пенсии — всем бывшим рабочим, получающим пособия как из средств Товарищества, так и из штрафного капитала; 4) в размере трех рублей каждому — бывшим рабочим, находящимся на призрении в богадельне имени И. И. Карзинкина, и 5) в размере месячного жалования — всем служащим Мануфактуры»[25]. Однако окончательного решения принято не было, и правление допускало внесение изменений в этот проект. Более того, директоры правления даже поручили членам фабричной администрации в оставшееся до юбилея время обсудить «все могущие встретиться при выдаче награды недоразумения» и представить «их на окончательное решение и утверждение Правления». При рассмотрении данного вопроса на заседании Административного совета Ярославской мануфактуры был высказан ряд замечаний по поводу некоторых несправедливостей, заложенных в этом проекте о порядке выплат. В том числе отмечалось, что из предложенного проекта неясно, как выдавать награду рабочим, которые в день освящения храма находились в отпуске или отсутствовали по уважительным причинам (но не по болезни) с разрешения администрации. Члены Административного совета считали, что «лишать таких рабочих получения награды... едва ли было бы справедливо»[26].

В результате в соответствии с решением, принятым правлением и поддержанным совещанием пайщиков, по случаю 50-летнего юбилея Товарищества служащим было выплачено месячное жалование, а рабочим — месячный заработок («по исчислению предшествующего времени выдачи месяца»), что снизило социальную напряженность на предприятии и предотвратило возможную вспышку недовольства.

Подобную согласованность в действиях, оказывающих то или иное влияние на положение рабочих, призванную предотвратить возникновение недовольства, фабриканты особенно явно демонстрировали в период Первой мировой войны. С 1916 г. владельцы ряда предприятий обменивались сведениями о прибавках к жалованию и других выплатах рабочим. Так, контора Товарищества Н. Н. Коншина направила директору Серпуховской бумагопрядильни Р. Х. Царбоку письмо следующего содержания:

«8-го декабря 1916 г.

Милостивый Государь
Рейнгольд Христофорович

Серпуховская Контора Товарищества имеет честь препроводить при сем копию объявления об увеличении с 1-го декабря 1916 г. военного пособия рабочим фабрик Товарищества и просит не отказывать, с своей стороны, в осведомлении Т-ва в аналогичных случаях.

С совершенным почтением
Секретарь /Подпись/»[27]

Отметим в этом контексте и согласованность действий рабочих разных предприятий в деле отстаивания своих интересов (особенно в годы Первой мировой войны). Так, коншинская фабрика, на которой были введены некоторые меры по поддержанию условий жизни рабочих, давала основание рабочим других фабрик стремиться к тому же. Например, в феврале 1916 г. в ходе забастовки на фабрике Шляховых стачечники требовали «процентную плату на время войны, как это делается на фабриках Н. Н. Коншина»[28].

* * *

В зависимости от гибкости действий фабричной администрации, ее готовности искать компромиссные решения при получении жалоб и требований рабочих события могли принимать тот или иной характер. Рассмотрение пошагового развития предконфликтных и конфликтных ситуаций между рабочими, с одной стороны, и предпринимателями и фабричной администрацией, с другой, позволяет понять логику действий тех и других. Такую возможность нам дают объявления администрации фабрики, обращенные к рабочим и являющиеся ответом на требования или действия последних. Эти требования высвечивают «узкие места» в условиях оплаты труда и повседневной жизни рабочих.

В качестве примера для рассмотрения возьмем «цепочку» из 19 объявлений за подписью членов правления и заведующего ЯБМ, появившихся в период с 8 по 22 июня 1912 г. Данный случай интересен тем, что объявления показывают развитие конфликта между владельцами предприятия и рабочими сначала в условиях обычного режима работы Мануфактуры, а затем в ходе начавшейся стачки.

8 июня 1912 г. в фабричных корпусах появились четыре объявления правления Товарищества ЯБМ, каждое из которых было обращено к рабочим конкретного отдела фабрики (механического завода, Старой фабрики, Новой фабрики и отдельно — работницам ватерных отделов Новой фабрики). В объявлениях содержались ответы на просьбы, изложенные рабочими представителям фабричной администрации 5, 6 и 7 июня[29]. Время, прошедшее с момента подачи просьб до сообщения ответа правления, составляет 2–3 дня, а это значит, что владельцы не были обеспокоены ситуацией на предприятии, поскольку в критических ситуациях (при угрозе забастовки, беспорядков) реакция на любые действия рабочих была значительно более оперативной[30].

Сделав небольшое отступление, заметим, что слухи о возможной забастовке на Ярославской мануфактуре ходили еще в мае 1912 г. Однако унтер-офицер дополнительного штата И. Кулаков, осуществлявший контроль за настроениями рабочих данного предприятия, в своем донесении на имя начальника Ярославского губернского жандармского управления (ЯГЖУ) сообщал, что слухи эти безосновательны, поскольку «рабочие к фабричной администрации в данное время никаких претензий не имеют и с экономической стороны считают себя достаточно удовлетворенными. Заработная плата им назначается... выше других фабрик и заводов. Выдача заработанных денег производится по желанию самих же рабочих... еженедельно и помесячно. Продукты как рабочие, так и служащие получают из фабричного лабаза доброкачественные по ценам ниже городских торговых лавок до 25 %. В квартирном отношении рабочие не стеснены... Медицинская помощь подается своевременно, обращение медицинского персонала добросовестное»[31]. В силу этого, несмотря на ведущуюся небольшой группой революционно настроенных рабочих агитацию, «всякая попытка возбудить массу рабочих к каким-либо

выступлениям явится безуспешной». Кроме того, он полагал, что «рабочие, понесшие значительные убытки через забастовки в минувших годах, в данное время вполне сознают бесцельность прошедших забастовок, да и в будущем для рабочих, как они сами высказываются, могут быть нелегкие последствия через забастовки и демонстрации, так как при одной попытке к устройству забастовки фабричной администрацией цены на продукты повысятся на вышеуказанные % %, ...последуют массовые расчеты, до остановки фабрики включительно...»[32].

Судя по всему, фабричная администрация и правление разделяли эту (не вполне адекватную, на наш взгляд) точку зрения и не предполагали дальнейшего обострения ситуации, поскольку никаких мер для предупреждения возможной забастовки в данном случае предпринято не было.

Возвращаясь непосредственно к тем четырем объявлениям, которые были вывешены в фабричных корпусах 8 июня, обратим внимание на содержание просьб рабочих разных отделов. В них присутствует очевидное сходство: три из четырех объявлений зафиксировали крайне ограниченный список требований: повышение заработной платы (формулировки разнятся в зависимости от отдела фабрики), отпуск дров в кредит и «выдача денег заимообразно на разные домашние надобности»[33]. Несколько расширенный список просьб был предъявлен лишь рабочими Новой фабрики. Возможно, на этой фабрике действовала группа партийных агитаторов или рабочих-активистов, о чем косвенно можно судить из слов упомянутого выше Кулакова, который в донесении на имя начальника ЯГЖУ от 12 июня указал следующее: «Из слов самих же рабочих можно заключить, что все предъявленные требования к администрации фабрики были разработаны исключительно кучкой неблагонамеренных людей, которая предъявила требования, не считаясь с условиями жизни остальных рабочих»[34]. Отметим, однако: тот факт, что рабочие других фабрик также выдвигали свои (хотя и ограниченные) наборы требований, свидетельствует о том, что хотя на Новой фабрике, вероятно, действовали агитаторы, некоторая часть требований была выдвинута основной массой рабочих.

Правление, отказывая в исполнении заявленных рабочими просьб, на разных этапах развития конфликта могло использовать различные формулировки. В ответах на требования, заявленные в начале июня, правление иногда показывало, что не пойдет на уступки, и давало ответ «Удовлетворено быть не может», но при этом объявления обычно содержат объяснения причин отказа. С другой стороны, на ряд требований последовал ответ «Будет рассмотрено», что отнюдь не являлось отпиской или завуалированным отказом. К примеру, пообещав рассмотреть просьбу о приглашении в фабричную больницу глазного врача, правление выполнило данное обещание: через короткое время «специалист по глазным болезням» уже вел амбулаторный прием пять дней в неделю с 11.00 до 15.00 в помещении фабричной больницы[35].

Спокойный и обстоятельный тон ответов правления (независимо от их содержания) на просьбы и требования рабочих в целом характерен для начального этапа такого диалога. Но, получив отрицательный ответ, рабочие часто вновь обращались с тем же или несколько расширенным списком просьб и требований. В этой ситуации их тоже ожидал отказ, только уже без объяснения причин. Кроме того, и тон объявлений заметно изменялся. Нередко ответ правления звучал уже следующим образом: «Просьбы ваши удовлетворены быть не могут, о чем Правление неоднократно сообщало вам предшествующими объявлениями». По этой схеме развивалась ситуация на ЯБМ и в июне 1912 г. Получив отрицательный ответ, рабочие Мануфактуры не успокоились. 9 июня было вывешено объявление правления рабочим Старой фабрики, являвшееся ответом на просьбы, заявленные ими

накануне, 8 июня. Причем список был расширен и включал в себя 15 пунктов, многие из которых повторяли просьбы рабочих Новой фабрики, поданные 6 июня. Правление, как и следовало ожидать, ответило отказом[36]. 11, 13 и 14 июня появляются еще четыре объявления, обращенные к отдельным группам рабочих, суть и содержание которых практически не отличаются от предшествующих, а вот общий тон и конкретные формулировки становятся более жесткими[37]. О том, что атмосфера на фабрике, вопреки ожиданиям, накалялась, говорится в донесении начальнику ЯГЖУ от 12 июня: «При беспрерывной агитации кучкой молодежи среди рабочих фабрики... с целью вызвать последних к забастовке за последнее время им удалось склонить на свою сторону до $^{1}/_{3}$ части рабочих... идет беспрерывное брожение...»[38]. В этой ситуации правление ЯБМ решило не изменять установившейся после 1905–1907 гг. практики: один раз заявив о невозможности удовлетворения тех или иных требований рабочих, правление не отступало от этого в ходе продолжавшегося трудового конфликта, полагая, что дальнейшие уступки будут расценены как проявление слабости, и это не только не успокоит ситуацию на ЯБМ, но, наоборот, спровоцирует продолжение (или даже усиление) беспорядков.

Объявление правления от 14 июня свидетельствует, что трудовой конфликт перешел на новую стадию: работницы прядильно-ватерных и крутильного отделений Новой и Старой фабрик «работы на машинах прекратили и, хотя на фабрику являются, к работам не приступают»[39]. В связи с этим хозяева предупреждали рабочих, что Товарищество не будет платить за время простоя не только неработающим, но и тем, кто «лишены будут возможности работать по вине бастующих». Следующая часть объявления была отпечатана заглавными буквами, — видимо, чтобы подчеркнуть значимость этой информации и серьезность намерений правления:

«В заключение — Правление обращается к благоразумию рабочих Мануфактуры и предлагает им отнестись к настоящему объявлению серьезно и повлиять на отдельные группы рабочих, устраивающих частичные забастовки, в том смысле, чтобы от устройства таковых забастовок они отказались, ибо забастовки эти на объявленные решения Правления оказать влияния не могут, а между тем они легко могут повести к останову всей Мануфактуры, а затем и закрытию ее, что оставит всю массу рабочих без заработка на продолжительное время»[40].

Как видим, следующим шагом правления было предупреждение о возможной остановке всего производства в случае, если включившиеся в стачку рабочие не приступят к своим обязанностям. Поскольку предупреждение на возымело действия, на следующий день, 15 июня, в фабричных корпусах было вывешено объявление (снова набранное заглавными буквами), которым до сведения рабочих доводилось, что:

«Если с 1 часу дня субботы, 16-го сего июня работы в прядильно-ватерных и крутильном отделениях Новой фабрики не будут обычным порядком восстановлены, то с 4-х часов утра понедельника, 18-го сего июня, Новая фабрика, вследствие невозможности производить работы, будет закрыта, а всем рабочим Новой фабрики будет выдан расчет»[41].

Обычно если в объявлении точно указывалась дата, когда рабочие должны вернуться к станкам, и в этот день оборудование по-прежнему простаивало, правление выполняло обещание: работы прекращались, объявлялся локаут, и через несколько дней появлялось объявление о начале нового набора работников на предприятие. В данном случае хозяева отошли от этого правила, поскольку часть работниц вернулась к станкам. Для остальных объявление от 17 июня устанавливало новый срок возвращения к работам — 18 июня[42]. Но и это не привело к восстанов-

лению обычного порядка работ на фабрике. Поэтому в объявлении (набранном заглавными буквами) от 18 июня правление информировало работников:

«Ввиду неприступа ватерщиц и крутильщиц к работам 16-го июня в 1 час дня заключенные с ними договоры найма Товариществом расторгаются, причем означенные работницы считаются уволенными. Договоры же найма с остальными рабочими Новой фабрики прекращаются с соблюдением законного срока.

О дне выдачи причитающегося заработка будет объявлено особо»[43].

В объявлениях от 21 и 22 июня правление сообщало, что Новая фабрика вновь откроется 26 июня, и «желающие поступить на работы... должны подать о сем собственноручно подписанное заявление»[44]. Это была своего рода точка в развитии данного трудового конфликта. Надо отметить, что после 14 июня рабочие разных отделов продолжали обращаться к владельцам с просьбами, в основном повторявшими уже упоминавшиеся пункты, но правление твердо придерживалось заявленной с самого начала позиции.

Мы позволили себе подробно рассмотреть в этом разделе сюжет, связанный с пошаговым развитием конфликта между рабочими и предпринимателями, не случайно. Может показаться, что он не имеет прямого отношения к интересующей нас проблеме. Меры, принятые для недопущения забастовки или для ее прекращения, не были связаны напрямую с трудовыми стимулами. Тем не менее эти действия администрации были направлены на обеспечение стабильной и эффективной работы предприятия (в том числе и на уровне каждого отдельно взятого работника), т. е. в конечном счете на развитие стимулов, ориентированных на закрепление на предприятии хороших работников. Такие действия должны были сопровождаться полным или частичным удовлетворением просьб и требований рабочих.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ГЛАЗАМИ АДМИНИСТРАЦИИ И РАБОЧИХ

Как уже отмечалась, социальная политика предпринимателей имела одной из целей привлечение рабочих (особенно обладавших определенной квалификацией или занятых на таких работах, которые были связаны с трудными условиями) и закрепление их на фабрике. Проблема текучести кадров привлекала внимание как владельцев, так и администрации предприятий.

Так, на заседании Административного совета ЯБМ 13 апреля 1912 г. обсуждался вопрос «о недостатке возчиков для перевозки грузов Мануфактуры и о тех мерах, которые следовало бы принять для их удержания». Проблема состояла в том, что нанимавшиеся в возчики рабочие рассматривали это место как временное и выходили на работу только до той поры, пока не находили более выгодное место либо на той же ЯБМ, либо на другом предприятии в городе. Члены Административного совета объясняли это, с одной стороны, трудностью работы (приходилось работать и в дождь, и в снег), с другой — низким заработком, на который очень сложно было содержать семью. Для решения этой проблемы были предложены и после их одобрения правлением Товарищества реализованы следующие меры: 1) жен рабочих-возчиков «принимать на работы в фабрике по первому требованию, минуя очередь, но и увольнять вслед за оставлением мужем должности возчика»; 2) «увеличить размер жалованья возчиков с 13 руб. до 14 рублей, проведя эту меру постепенно, в несколько приемов»[45].

Время с начала 1906 г. и до марта 1916 г. заведующий ЯБМ А. Ф. Грязнов считал самым спокойным периодом для предприятия за все время его работы на нем[46].

Он вполне обоснованно полагал, что спокойное настроение рабочих после забастовки 1905–1906 гг. являлось в значительной степени следствием реализации его собственной программы «мер улучшения быта рабочих», принятой в начале 1905 г. (см. выше). За годы работы на ЯБМ, предшествовавшие его назначению на директорский пост, А. Ф. Грязнов, по его собственным словам, понял, «чего, управляя фабриками, делать нельзя, и как фабриками нужно управлять, чтобы забастовок экономического характера не было». Стремясь снизить социальную напряженность на предприятии, предупредить начало конфликта, в своей деятельности он, с одной стороны, использовал различные способы поощрения работника, заботился о создании для рабочих приемлемых условий труда и быта, а с другой — не избегал применения жестких, принудительных мер, взысканий. Создание же для работников Мануфактуры приемлемых условий труда и быта А. Ф. Грязнов рассматривал как одно из условий стабильной работы предприятия. Помимо этого, он придавал большое значение необходимости максимально использовать культурно-образовательные учреждения, существовавшие при ЯБМ, для заполнения досуга рабочих.

Однако не следует и завышать представления о «социальном мире» на текстильных предприятиях после 1905 г. Что касается коншинских предприятий, то проблемы отношений между рабочими и администрацией рельефно отражены в докладе правлению одного из членов фабричной администрации. Мы приводим здесь достаточно большой фрагмент этого текста, поскольку других архивных документов, содержащих столь обстоятельную характеристику проблем трудовых отношений на фабрике, мы не встретили.

«Я считаю необходимым обратить внимание Правления на крайне возбужденное и зачастую вызывающее настроение рабочих. Мельчайший факт случайно оказанного им невнимания служит источником возбуждения. В каждый данный момент нельзя поручиться, что они не явятся с каким-нибудь требованием или претензией. Браковщики напуганы воинственным тоном ткачей, многие куски откладывают до резолюции мастера...

Близны, неразработанные подплетины и недосеки они объясняют исключительно дурной пряжей, но не небрежностью своей работы, словом, они считают себя хозяевами положения.

Я твердо уверен, что в недалеком будущем не миновать осложнений, ибо тон их повышается с каждым днем, а меры к уменьшению брака придется принимать более решительные, чем это практиковалось до сих пор.

Молодежь в казармах ведет себя вызывающе, и сторожа, а также и городовые боятся их угроз. Пьянство процветает в полной мере.

Везде, при каждом требовании лучшей или интенсивной работы, наталкиваешься если не на явный протест, то на скрытую оппозицию, при жалобах на судьбу и несчастное положение рабочего человека... Социал-демократическая пропаганда настолько возбудила аппетиты, теория борьбы классов настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы понимается как грубая эксплуатация и посягательства на права пролетариата» (более развернуто аргументация автора доклада приводится в прил. 20).

Приведенный здесь фрагмент докладной записки, возможно, драматизирует характер трудовых отношений на фабрике, рисуя «с классовых позиций» довольно агрессивный облик рабочих и фактическую потерю рычагов в стимулировании качественной работы. Интересно, что автор признает при этом роль «социал-демократической пропаганды». Он показывает также различия в восприятии рабочими роли владельцев предприятия (шире — правления) и фабричной админи-

страции. Следуя мнению автора, именно последняя является основным источником эксплуатации рабочих в их представлении.

Косвенно о таком восприятии владельцев рабочими можно судить и по воспоминаниям рабочих Трехгорной мануфактуры, опубликованных в 1930 г.[47] Книга содержит воспоминания 21 рабочего, и практически ни одно из них не содержит отрицательных оценок Прохорова[48], чего нельзя сказать о высказываниях рабочих в адрес некоторых членов администрации фабрики. Вот несколько типичных фрагментов воспоминаний рабочих, в которых дается характеристика действий Прохорова.

А. С. Морозова (Быкова) о забастовке на Трехгорке в январе 1905 г.: «Зачинщиком в этой забастовке было механическое отделение. Вечером того же дня на кухне [казармы] было устроено собрание, где присутствовал сам фабрикант, которого заставили встать на стол и сказать, что он согласен на наши требования. Требования это были такие: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) увеличение заработной платы, 3) улучшение санитарных условий в спальнях, 4) переделка бани, 5) отмена обыска, 6) выдача квартирных денег. Хозяин выполнил все требования, кроме восьмичасового рабочего дня, заложил новые спальни, переделал баню, обыск хотя и не отменил, но за обыск стал платить 10 к. в день»[49].

С. Г. Мазур, активный участник декабрьского восстания 1905 г., скрывавшийся после этих событий в Шуе: «Весной к Пасхе 1907 г. я приехал в Москву позондировать почву у Прохорова, он меня принял, так как я был хороший гравер. Прохоров вызвал меня в кабинет и прочитал нотацию, он сказал, что мы довели фабрику чуть не до уничтожения и что он надеется, что в будущем я себе этого не позволю; я сказал, что зато фабрика теперь имеет мировое имя, что это реклама; он засмеялся, спросил, не знаком ли я с голубыми мундирами*, я ответил, что нет. Стал опять работать на фабрике и проработал до 1925 г.»[50].

И. М. Куклев (Гусаров), один из наиболее активных рабочих, организаторов стачек и вооруженных выступлений на Трехгорке; в декабре 1906 г. был одним из подсудимых — участников революционных событий 1905 г.: «Сам хозяин Прохоров держал себя на суде хорошо, ни на кого особо не показывал, а когда председатель суда задал ему вопрос, почему Прохоров платил за забастовку рабочим, был его ответ: “Согласуясь с казенными заводами, которые платили, а потому и я платил”»[51].

О. В. Дудалев, активный стачечник, один из организаторов профессионального союза в годы после Первой русской революции: «В 1910 г. меня выбрали в Правление потребительской лавки. Тут нам пришлось много поработать. Сорганизовались мы, социалисты, и руководили нашей Трехгорной лавкой. До сих пор руководили этой лавкой прохоровские служащие, а рабочим не давали работать. И вот мы сорганизовались и пропустили всех рабочих в Правление, а служащих всех забаллотировали, никого не выбрали. Они — к хозяину. Хозяин вызывает нас, говорит: “Вот что, ребята, у меня служащие грамотные, а вы, рабочие, неграмотные, а миллионный оборот имеет моя лавка, и если вы проторгуетесь, мне придется добавлять”. Мы хозяину говорим: “Мы неграмотные, но учились кое-как и кое-чему понемногу; кое-что и мы знаем. Сумеем, может быть, и дадим тебе слово, хозяин, что мы не хуже сработаем, чем служащие”. Хозяин говорит: “Смотрите, ребята”. Мы начали операционный год и дали на 1 % дивиденда больше. Следовательно, мы сторговали лучше, чем торговали раньше служащие, а не то что проторговались»[52].

---

* «Голубые мундиры» — офицеры Отдельного корпуса жандармов, в цели которого входила «охрана существующего государственного строя, предупреждение и пресечение преступлений, направленных к нарушению этого строя». Очевидно, заданным вопросом Прохоров дал понять, что не готов принять на фабрику Мазура в случае, если тот состоит под наблюдением жандармов, но все остальное его не смущает.

В этих фрагментах воспоминаний рабочих Трехгорки можно отметить, наряду с положительной оценкой владельца Мануфактуры, и характер требований рабочих, выявляющие «узкие места» в стимулировании труда на фабрике, и особое отношение Прохорова к высококвалифицированному рабочему (даже «неблагонадежному»), и практику выплаты рабочим за дни забастовки, и готовность Прохорова к передаче правления потребительской лавки полностью в руки рабочих. Очевидно, владелец фабрики использовал различные возможности для закрепления рабочих, стимулирования производительного, квалифицированного труда[53].

Следует согласиться с мнением М. К. Рожковой, писавшей в этой связи об «общем налете патриархальности» в отношениях Прохорова с рабочими[54]. О важной роли «долговременных патерналистских социальных программ» для рабочих Никольской мануфактуры, предпринимавшихся Морозовыми для повышения профессионального уровня и создания приемлемых условий жизни фабричного населения (т. е., в конечном счете, стимулирования труда рабочих) пишет в своей книге и И. В. Поткина[55]. Думается, что патерналистские отношения, хотя и могут восприниматься в определенной степени пережитком прошлого для крупных фабрик начала XX в., тем не менее служили фабрикантам достаточно эффективным подспорьем в деле поддержания стабильности в отношениях между хозяевами и рабочими и, соответственно, принятой системы стимулирования труда на предприятиях.

«ЖЕЛАЯ ВИДЕТЬ В КАЖДОМ РАБОЧЕМ ЧЕСТНОГО ТРУЖЕНИКА»: ОБ УСИЛИЯХ АДМИНИСТРАЦИИ В СФЕРЕ МОРАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ

На наш взгляд, нельзя обойти вниманием и такой элемент системы стимулирования фабричного труда, как разного рода воззвания и апелляции к чувству патриотизма, трудового долга рабочих, их ответственности перед хозяином, гордости за свой труд, свое предприятие. Вообще говоря, поскольку трудовые мотивы каждого рабочего могут включать потребность работы исходя из моральных соображений различного рода, воззвание к подобным чувствам может вполне естественно составлять часть общей системы мотивации труда на предприятии или во всем государстве. Подобными примерами насыщена история трудовых отношений в Советском государстве, начиная уже с 1917–1918 гг.[56] Применялись подобные приемы и до революции, хотя такие случаи встречаются нечасто.

Так, правление Товарищества Н. Н. Коншина не раз использовало в качестве мотива к добросовестной работе апелляцию к особе государя императора. Одно из архивных дел содержит большое количество печатных объявлений, связанных с двумя эпизодами, когда Николай II обратил внимание на коншинские фабрики.

Первый из них имел место на промышленной выставке, когда император похвалил продукцию коншинских фабрик. Информация об этом была распечатана во множестве экземпляров, которые были развешаны в фабричных корпусах.

4 февраля 1905 г. в связи с началом войны рабочие и мастеровые ситценабивной фабрики Коншина направили московскому губернатору телеграмму с просьбой выразить их преданность императору*. «С непоколебимой уверенностью в

* Как показывает исследовательский опыт, далеко не всегда подобные письма, направленные высшему руководству от лица разного рода коллективов, на самом деле являются выражением чувств этих коллективов; поэтому и в данном случае трудно с уверенностью судить о том, по чьей инициативе было составлено это письмо.

конечном торжестве нашей страны, — говорится в телеграмме, — мы в полном составе возносили наши моления к ВСЕВЫШНЕМУ о даровании ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ победы, над врагами внешними, и особенно, внутренними, с неслыханной дерзостью и беспримерным доселе забвением заветов любви к своей родине пытающимся колебать устои нашей жизни в годину испытаний»[57]. В апреле по линии МВД пришел ответ: «На всеподданейшем докладе Министра Внутренних Дел о верноподданнических чувствах, заявленных служащими, мастеровыми и рабочими Ситце-Набивной фабрики Товарищества Мануфактур Н. Н. Коншина в г. Серпухове, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР собственноручно начертать соизволил: «Искренно всех благодарю»»[58]. Разумеется, эта примечательная переписка тоже была широко обнародована на предприятии.

Рабочие должны были гордиться, что сам государь лично поблагодарил их, что сам государь хвалит их труд; они должны были гордиться своей работой и делать ее лучше на благо страны и государя. Однако достигали ли результата эти воззвания, сказать трудно. Если судить по опубликованным после революции воспоминаниям рабочих, они считали, что работают на хозяина-эксплуататора, и не имели никакого «патриотического» мотива для хорошей работы (отдельного рассмотрения в этом контексте требуют ситуации военного времени). Однако, как уже говорилось, воспоминания рабочих — не слишком надежный источник в этом отношении, потому что в 1930-х гг. от старых рабочих ждали «правильных» воспоминаний. Если же судить по тому, что в апреле государь соизволил похвалить коншинских рабочих, а в октябре они забастовали, то напрашивается вывод, что пафос упомянутой выше риторики вряд ли давал ощутимый эффект. Более конкретный вывод сделать затруднительно — сейчас уже невозможно оценить долю тех рабочих, у кого слова государя императора о качестве их работы вызывали желание лучше работать. Но если учесть, что даже собственное здоровье не так ценилось рабочими, как 3–4 гривенника их дневного заработка (надбавка за работу в болезненном состоянии), естественно предположить, что «высокая» риторика привлекала еще меньшее сочувствие рабочих. Возможно, по этой причине мы находим небольшое количество подобных воззваний.

Очевидно, не намного больший эффект давали и призывы фабричной администрации, часто встречающиеся в объявлениях к рабочим, оценить все мероприятия по улучшению положения последних, проведенные хозяевами по собственной инициативе (часто в опережение и расширение законодательных норм) и требовавшие немалых расходов. Вот один из примеров, взятый из объявления правления ЯБМ от 7 ноября 1905 г.: «...сколько Товарищество [...] сделало и делает сверх того, что обязано делать по Закону. Многие из вас работали на других фабриках; пусть они вспомнят и сравнят расценки за выработку товаров у нас и на тех фабриках; пусть вспомнят, сколько они по этим расценкам зарабатывают у нас и зарабатывали там; пусть вспомнят, что мука и хлеб у нас в лабазе всегда продавались и продаются дешевле, чем где бы то ни было; пусть вспомнят, что одно содержание казарм для работающих на Мануфактуре и их семейств обходится Товариществу свыше 60 000 рублей в год, что содержание училища обходится свыше 10 000 рублей, что содержание бани — 9 000 рублей, колыбельни и приюта для детей — свыше 6 000 рублей и проч. и пр. (каковые учреждения Товарищество имеет право и не содержать); что, кроме того, содержание больницы, оказывающей помощь ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, как работающим, так и не работающим, обходится свыше 60 000 рублей. И все это — не считая процентов на затраченные на устройство этих учреждений деньги.

К этому присоедините стоимость сделанных нашим Товариществом в текущем году улучшений экономического вашего положения, которые отныне будут обходиться нам ежегодно почти в 500 000 рублей (переход на 18-ти часовую работу — свыше 200 000 рублей — и 10-процентная добавка к жалованию, удвоение квартирных и прочие мелкие расходы около 300 000 рублей)»[59].

В более или менее пространных вариантах объявлений правление и фабричная администрация регулярно напоминали работавшим на ЯБМ о всех тех случаях, когда они шли навстречу просьбам и требованиям рабочих, и, конечно, когда предпринимали какие-то шаги в интересах рабочих по собственной инициативе. Причем сам текст и тон объявлений совершенно определенно говорят о том, что владельцы рассчитывали на благодарность со стороны рабочих за заботу о них. Оценив старания и расходы правления, рабочие должны были проникнуться идеей добросовестной и качественной работы в интересах как фабрики, так и своих собственных. Однако эти надежды далеко не всегда оправдывались, и в большинстве случаев рабочие оставались недовольны проводившимися мероприятиями, требуя большего. Похожая ситуация характерна и для других текстильных предприятий (например, для Прохоровской мануфактуры)[60].

Приведем еще один довольно показательный пример. Распоряжением правления Товарищества Коншина от 12 февраля 1905 г. на всех фабриках был отменен обыск рабочих при выходе с фабрик[61]. Хотя в правлении вопрос был принят не без проблем (против выступали директора ситценабивной и красильно-отделочной фабрик), объявление рабочим было сформулировано довольно патетически: «Желая видеть в каждом рабочем честного труженика, Правление вполне надеется на добропорядочность рабочих и уверено, что они оценят оказанное им доверие и сами позаботятся о целости и сохранности фабричного имущества»[62]. Вообще, рассуждения о том, что фабрика видит в каждом своем рабочем добропорядочного работника, встречаются практически во всех объявлениях правления по улучшению оплаты труда.

Однако эта отмена обысков оказалась лишь временной. Перед Пасхой 1908 г. правление было вынуждено вывесить объявление противоположного смысла: «Ввиду того, что с отменой обысков число случаев хищения товаров, пряжи, материалов и других предметов в разных отделах фабрик значительно увеличилось, Правление ныне находит необходимым объявить рабочим, что с Пасхи 1908 года непременным условием найма рабочих является подчинение их обыскам и осмотрам при выходе рабочих с работы из фабричных помещений, причем рабочие, отказавшиеся подчиняться обыску или осмотру или уличенные в краже, будут немедленно увольняемы вместе с их семьями»[63]. Итак, рабочие совершенно не восприняли риторику, которой было обставлено решение правления пойти навстречу рабочим и отменить унизительные обыски (требование об отмене обысков часто попадало в список требований бастующих на разных фабриках); они не захотели ценить оказанное им доверие и заботиться о фабричном имуществе, и число случаев кражи настолько увеличилось, что вскоре пришлось возвращаться к обыскам. Представляется, что этот случай можно рассматривать как неудачную попытку введения нематериальной меры трудового стимулирования.

Возможно, это происходило оттого, что рабочие не верили словам администрации. Можно было написать в объявлении (как это делалось у Коншина), что расценки повышены потому, что правление «идет навстречу нуждам своих рабочих» и находится «в заботе об их благосостоянии». Но сами-то рабочие считали, что их нужды далеко не покрываются новым повышением расценок и требовали большего, и забота правления оставалась для них пустым звуком, ради чего не стоило

работать. Как написал представитель Коншинской администрации: «Трудно убедить депутатов от рабочих одними только обещаниями, просьбами потерпеть, не имея в руках фактов, доказывающих, что терпение действительно приведет к желанным результатам» (прил. 20).

Соответственно и работодатели, в общем, не расценивали риторические воззвания как действенный стимул к труду. Показательно, например, объявление председателя Заводского совещания по Московскому району о сокращении числа праздничных дней, разосланное по фабрикам (в том числе и на фабрики Коншина) в 1916 г. (прил. 54). Хотя первая его часть составлена в возвышенных тонах и взывает к патриотическому долгу рабочих («забота об отдыхе в такую пору, когда армия не щадит своей жизни, недопустима»), последняя фраза в нем составлена исключительно прагматично: «Одновременно рабочие предупреждаются, что за невыход на работы... они будут подвергнуты взысканию, как за прогул».

* * *

Итак, мы рассмотрели восприятие различных компонентов стимулирования труда на крупных текстильных фабриках в конце XIX — начале XX вв. со стороны как рабочих, так и администрации. Главный вывод, который можно сделать по итогам этого рассмотрения — что в позициях рабочих и администрации в этом вопросе имелось существенное рассогласование и в определенной степени взаимное непонимание. Ориентация предпринимателей на компромиссы в конфликтах с рабочими, патернализм в отношениях с ними в определенной степени снижали это рассогласование, но «узкие места» в стимулировании производительного, дисциплинированного труда, закреплении квалифицированных, кадровых рабочих оставались ощутимыми.

[1] 1905-й год в Серпухове... С. 112–113.

[2] Список этих стачек и краткие их описания даны в прил. 55.

[3] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 473. Л. 132–132 об.

[4] *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»... С. 15.

[5] Процесс подачи жалобы фабричному инспектору и ее рассмотрения детально разобран в монографии: *Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009 (С. 87–115). Частично этот разбор основан на материалах, относящихся к коншинским фабрикам.

[6] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 255.

[7] Там же. Д. 60. Л. 9.

[8] Там же. Д. 59. Л. 255.

[9] Там же. Д. 60. Л. 9.

[10] Там же.

[11] Там же. Д. 64. Л. 69.

[12] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 77. Д. 1107. Л. 45.

[13] Там же. Л. 56.

[14] ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 831. Т. 12. Л. 36–36 об.

[15] Подробности см. в книге: Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. / Сост. *Б. А. Романов*. М., 1926.

[16] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 144. В деле отсутствует нумерация листов.

[17] Там же. Оп. 1. Д. 4665. Л. 25.

[18] Рукописные воспоминания *А. Ф. Грязнова* (хранятся в музее Ярославского комбината «Красный Перекоп»).

[19] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 13.

[20] Там же. Л. 24.

[21] Там же. Л. 10.

[22] Там же. Л. 37.

[23] 1905-й год в Серпухове... С. 104.

[24] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4665. Л. 95.

[25] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 258–259.

[26] Там же. Л. 261.

[27] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 932. Л. 50а.

[28] Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 831. Т. 12. Л. 15.

[29] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13, 70, 96, 97.

[30] Так, в период революционных событий 1905–1906 гг. объявления практически всегда появлялись на следующий день после заявления требований (а иногда и к вечеру того же дня).

[31] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 9. Собственно, из данного донесения можно сделать вывод о том, какие аспекты жизни рабочих администрация рассматривала в качестве наиболее существенных с точки зрения обеспечения «социального мира» на фабрике.

[32] Там же. Л. 10.

[33] Там же. Л. 13, 70, 96, 97.

[34] Там же. Л. 18.

[35] Там же. Л. 187.

[36] Там же. Л. 16–17.

[37] Там же. Л. 15, 64, 91, 94.

[38] Там же. Л. 10.

[39] ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 80. Л. 193.

[40] Там же.

[41] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 63.

[42] Там же. Л. 85.

[43] Там же. Л. 62. Упоминание о «причитающемся заработке» означает расчет с уволенными за отработанные до стачки дни. Вместо уволенных основных рабочих фабричная администрация могла поставить запасных, после чего работы простаивавшего отдела и всей фабрики возобновлялись.

[44] Там же. Л. 75, 77.

[45] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 138. Л. 3.

[46] Рукописные воспоминания *А. Ф. Грязнова* (хранятся в музее Ярославского комбината «Красный Перекоп»).

[47] Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1930.

[48] Положительное отношение рабочих к Прохорову отмечается и М. К. Рожковой, автором вступительной статьи к указанному выше сборнику воспоминаний рабочих: «Прохоровы, в особенности Сергей Иванович, умерший в конце 90-х гг., сами ходили в производство, регулярно посещали фабрику, непосредственно сталкивались с рабочими, были для них относительно доступны... Всем этим объясняется тот факт, что даже сейчас у некоторых старых прохоровских рабочих сохранилось представ-

ление о хозяине как о мягком и либеральном представителе буржуазии». См.: *Рожкова М. К.* Трехгорная мануфактура ко времени революции 1905 года // Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. С. 19.

[49] Там же. С. 146.

[50] Там же. С. 185.

[51] Там же. С. 63.

[52] Там же. С. 167.

[53] Интерес представляет и система мер, принимавшихся Морозовыми на Никольской мануфактуре в целях закрепления квалифицированных и дисциплинированных рабочих. См.: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... Гл. V.

[54] См.: *Рожкова М. К.* Трехгорная мануфактура ко времени революции 1905 года. С. 19. Рожкова отмечает также, что «патриархальность отношений, вытекающая из самого типа предприятия, прибавляла лишний тормоз, задерживающий темпы революционной борьбы рабочих». — Там же.

[55] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 320 и др.

[56] Например, в том же фонде Товарищества Коншина есть объявление от июля 1918 г. со следующими словами: «Окруженный со всех сторон смертельными врагами и стоя перед призраком голодной смерти, русский пролетарий может спасти страну и революцию и выдержать до конца в своей героической борьбе только при условии установления железной дисциплины для себя самого и пролетарской диктатуры во всей стране» (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 577. Л. 18).

[57] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 201. Л. 28.

[58] Там же.

[59] ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 8; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 4. Л. 13–14.

[60] *Терентьев П. Н.* Прохоровы... С. 158–159.

[61] Обсуждено на заседании правления 4 февраля 1905 г. См.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 60 об.

[62] Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 10.

[63] Там же. Оп. 8. Д. 6. Л. 456.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели различные компоненты системы мотивации труда на крупных текстильных фабриках Центрального промышленного района в конце XIX — начале XX вв. в течение более чем 30-летнего периода дореволюционной индустриализации России. Это время характеризовалось не только бурным ростом промышленного производства, но и становлением фабрично-заводского законодательства, формированием новых элементов трудовых отношений, новыми формами конфликтов между рабочими и предпринимателями в промышленности России.

Важной составляющей этих процессов была и складывавшаяся система стимулирования труда фабричных рабочих, которая содержала, с одной стороны, стимулы, направленные на привлечение и закрепление на фабрике рабочих, отвечавших требованиям администрации, а с другой стороны — стимулы, способствовавшие более дисциплинированному, производительному труду, повышению квалификации рабочих. В данной работе мы следовали известной традиции трактовки различий таких понятий, как «мотивы» и «стимулы»: *мотив* — это внутренняя потребность, побуждающая человека работать качественно, а *стимул* — это «внешняя» мера, применяемая работодателем с целью формирования определенных мотивов к труду. Трудовая мотивация в рамках используемого нами подхода включает три основные категории: *«вознаграждение», «принуждения» и «побуждение»*.

Использование в данной работе методов микроанализа (реализованных в рамках двух *case studies*) позволило изучить в деталях структуру мотивации труда рабочих-текстильщиков крупных фабрик, выявить «не лежащие на поверхности» механизмы стимулирования.

Суммируя материал проведенного исследования, вернемся к вопросу о том, какие аспекты социальной политики администрация крупного текстильного предприятия связывала со стимулами, ориентированными на *привлечение и закрепление* рабочих, особенно в активный период индустриализации, когда предложение на рынке рабочей силы было большим. Как показывают результаты данной работы, на этот вопрос есть, по крайней мере, два ответа.

Во-первых, характерной чертой рынка промышленного труда в России конца XIX — начала XX вв. была высокая доля неквалифицированных рабочих, поэтому вопрос о привлечении и сохранении на фабриках квалифицированных рабочих был для предпринимателей весьма важным. И, действительно, мы видели, с каким вниманием относилась к ним фабричная администрация, как их выделяли из общей среды. Например, квалифицированные рабочие получали не просто бóльшую зарплату — она в ряде случаев была другого типа, помесячной, и предполагала почти ежегодную индексацию. Кроме того, на фабриках существовала значительная дифференциация заработка рабочих (даже с тенденцией к увеличению разницы) — явная мера стимулирования труда квалифицированных рабочих. Получая более высокую зарплату, квалифицированные рабочие имели больше возможностей улучшить условия своей жизни — они могли позволить себе снять домик в рабочем поселке или получить ссуду под собственное строительство, они получали бóльший кредит на забор продуктов в харчевой лавке и т. д. Мы встречаем и меры, которые применялись специально для поддержки квалифицированных рабочих (иногда это касается даже

мелких деталей). Вспомним, например, о существовании списков квалифицированных рабочих у Коншина, которым позволялось посещение бани в особый день, вместе со служащими, и только на этот день принимались специальные меры благоустройства помещения бани. Или, что важнее, квалифицированные рабочие у Коншина получали существенно лучшее, по сравнению с неквалифицированными, жилье в фабричных казармах. Предпринимавшиеся меры поощрения квалифицированных рабочих, безусловно, давали свой результат. Из проведенного в третьей главе сравнения показателей текучки рабочих разных категорий на коншинских фабриках хорошо видно, что среди квалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих, какими были граверы, бóльшая часть предпочитала оставаться на том же месте и не уходить с фабрики; так же и администрация была заинтересована в их стабильной работе. В то же время состав неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих, таких, как красильщики, менялся из года в год достаточно заметно.

Во-вторых, обеспечение приемлемых условий труда, лучших в сравнении с соседними фабриками, преследовало две цели — избежать конфликтов и побудить рабочих к более качественной работе. Эти две цели взаимосвязаны, характеризуя разную степень социальной напряженности. В промышленности дореволюционной России, в том числе и на рассматриваемых фабриках, эта напряженность периодически проявлялась достаточно заметно и к тому же усугублялась революционной пропагандой. Архивные материалы свидетельствуют, что в 1905–1906 гг. владельцы и администрация предприятий прикладывали бóльшие усилия для снятия социальной напряженности, вкладывая больше средств в старые элементы социальной сферы и начиная реализовывать новые программы. Фабричная администрация стремилась развивать отдельные элементы социальной сферы; так, большая и хорошо организованная больница явно составляла предмет особой гордости администрации как у Коншина, так и на ЯБМ, но для рабочих приоритетными были другие стороны их жизни на фабрике.

Проведенный анализ показал, что на крупных текстильных фабриках Центрального промышленного района в начале XX в. предприниматели поддерживали достаточно разветвленную систему «социального обеспечения» для своих рабочих. В ней можно видеть проявления доброй воли предпринимателей, направленной на умиротворение рабочих; однако чаще выделение правлением дополнительных средств на обеспечение жизненных потребностей рабочих было вызвано жесткой необходимостью: так, чтобы обеспечить себя рабочей силой, фабрика должна была предоставить рабочим какое-нибудь жилье, потому что иначе им негде было разместиться. В то же время предприниматели должны были построить больницу и пригласить за свой счет медперсонал для обслуживания рабочих, потому что таковы были требования закона. Существенно, что администрация обоих рассматриваемых нами предприятий занималась развитием социальных программ в масштабах, заметно превышавших требования закона. Отдельные составляющие фабричной инфраструктуры содержались порой в образцовом состоянии, на другие не выделялось достаточно средств, что приводило к конфликтам между рабочими и администрацией.

Отметим, что И. В. Поткина на основе изучения материалов Никольской мануфактуры Морозовых ввела понятие «социально-ориентированного предприятия текстильной промышленности России начала XX в.»[1]. Анализ данных о социальной инфраструктуре рассмотренных нами фабрик и проведенные расчеты о доле социальных расходов показывают, что оба предприятия могут быть отнесены к такому типу.

Как уже отмечалось выше, в ходе забастовок или в своих жалобах, подаваемых в администрацию, рабочие в первую очередь требовали решения вопросов оплаты их труда. Для них основными проблемами были, прежде всего, низкие заработки, а также плохие условия проживания; пока эти проблемы оставались нерешенными,

все остальные стороны социальной политики, вроде наличия хорошей больницы, вызывали у них менее заметную реакцию. Поскольку главные проблемы решались медленно, мир между рабочими и работодателями был непрочным и иногда переходил в открытые конфликты.

Мы показали, как администрация ЯБМ старалась решать самые насущные проблемы своих рабочих еще до того, как они перерастали в конфликт; по материалам коншинских фабрик это прослеживается в меньшей степени, но и там управляющий персонал сознавал, что для рабочих важнейшими были те проблемы, которым не уделялось должного внимания. Однако реальное решение этих насущных проблем требовало значительных затрат, и потому правление не предпринимало, как правило, кардинальных мер по улучшению условий труда и жизни своих рабочих в этих областях. Тем самым подтверждается тезис о том, что правление в первую очередь беспокоилось о закреплении на фабриках относительно небольшого контингента квалифицированных рабочих, и это было приоритетной целью развития социальной инфраструктуры на фабриках. Неквалифицированных в любой момент можно было уволить, а вместо них нанять других — этим и заканчивались самые напряженные конфликты. Для квалифицированных же рабочих проблема заработка и жилья была менее острой, и в этих условиях существование при фабриках развитой социальной сферы было весьма значимым аргументом в пользу решения работать именно на этих фабриках.

Очевидно, что данный аспект взаимоотношений рабочих и правления представляется достаточно рациональным с точки зрения работодателя. Однако напряженность в отношениях, вызванная различиями в восприятии рабочими и правлением существовавших стимулов труда, несомненно, не разрешалась полумерами (как это воспринимали рабочие) и лишь увеличивалась год от года. Архивные материалы крупных текстильных фабрик ЦПР содержат много свидетельств такого рода.

Вернемся к вопросу о стимулировании *производительного и квалифицированного труда*, более высокой трудовой дисциплины рабочих. Как и следовало ожидать, основной стимул здесь был связан с *зарплатой* рабочих. В течение последних трех десятилетий до Первой мировой войны зарплата большинства рабочих-текстильщиков имела тенденцию к росту, и это относится не только к номинальной, но и к реальной заработной плате. При этом важным механизмом стимулирования труда рабочих была дифференциация оплаты труда. И хотя уровни зарплаты как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих со временем росли, разница между ними тоже увеличивалась. Наше исследование показало, что дифференциация оплаты труда женщин-работниц была существенно более низкой, и вообще материальному стимулированию женского труда на текстильных фабриках предприниматели уделяли меньше внимания.

Представляет интерес анализ стратегии крупных предприятий в вопросах оплаты труда рабочих в периоды экономических кризисов или депрессий. Как показывают архивные материалы, предприниматели стремились в эти годы не снижать зарплату квалифицированным рабочим, чтобы удержать их, не допустить их перехода на другие предприятия. Они скорее шли на сокращение рабочих мест, чем на уменьшение заработной платы рабочих (это относится в большей мере к квалифицированному труду).

Интересно, что некоторые механизмы стимулирования промышленного труда, известные нам из практики советского времени, были впервые внедрены на предприятиях дореволюционной России. Так, на рассмотренных нами фабриках проводились эксперименты в отношении введения материального премирования кадровых рабочих, имевших хорошие производственные показатели и трудовую дисциплину, однако эти попытки не всегда давали положительный результат, и роль премирования до революции имела невысокое значение. Архивные материалы

выявили и такое явление, как разовая выплата крупных премий заслуженным рабочим по достижении ими большого стажа. Таким рабочим выдавался еще и именной памятный жетон (сделанный из серебра с позолотой и эмалевой вставкой, на которой указывалась фамилия, имя и отчество работника). Эта практика, не находившая отражения в советской историографии, была хорошо отлажена на Ярославской мануфактуре в начале XX в., но не применялась на коншинских фабриках.

Анализ архивного материала периода Первой мировой войны показал, что дифференциация зарплаты текстильщиков в эти годы уменьшается. Назначение процентных (инфляционных) прибавок к зарплате проводилось таким образом, чтобы низкооплачиваемые рабочие в условиях растущей инфляции получали больший процент прибавки к заработку, чем высокооплачиваемые. Значение заработка постепенно размывалось, при этом возрастала роль «военного пособия», скидки на натуральное обеспечение товарами первой необходимости из харчевой лавки и других мер, характерных для условий военного времени.

Что касается такого компонента системы стимулирования труда как *принуждение,* то рассмотрение системы взысканий на крупных текстильных предприятиях показало, что штрафы как одна из наиболее часто упоминаемых в историографии характеристик тяжелого положения рабочих, в реальности, начиная с 1890-х гг., перестали играть заметную роль в денежном исчислении.

На рассматриваемых нами фабриках штрафы в начале XX в. составляли порядка 0,1 % от средней зарплаты рабочего. Штрафы были той потенциальной угрозой, с которой многим рабочим приходилось считаться, имея в виду профессиональную репутацию рабочего, возможности повысить свою зарплату, не потерять работу в годы плохой экономической конъюнктуры. Если судить по доступным нам материалам, общее дисциплинирующее воздействие штрафов для большинства рабочих было значительным. Однако фабричная практика использования элементов принуждения не ограничивалась штрафами. Большое значение имели такие меры наказания, как переводы на нижеоплачиваемую работу, в крайних случаях заканчивающиеся увольнением. Для поддержания дисциплины на предприятии администрация использовала иногда в качестве наказания также выселение рабочих из фабричных казарм на «вольную квартиру». В целом можно сделать вывод о том, что сложившаяся система взысканий на дореволюционных фабриках была направлена именно на поддержание дисциплины, порядка и качественного труда, а не на компенсацию убытков, обирание рабочих и обогащение предпринимателей, как полагали авторы ряда работ прошлых десятилетий.

В завершение отметим следующее. Разумеется, результаты проведенного исследования характеризуют эволюцию системы стимулирования труда рабочих-текстильщиков *крупных* предприятий. Однако именно такие предприятия составляли основу текстильной (особенно хлопчатобумажной) промышленности Российской империи, производя более двух третей суммы валового производства отрасли. Система стимулирования рабочих-текстильщиков постоянно развивалась, эволюционируя от доминировавшего патерналистского типа отношений рабочих и предпринимателей к более развитому, включавшему всё больше элементов правового регулирования трудовых отношений, механизмов компромиссного решения трудовых конфликтов. Этот процесс носил противоречивый характер, шел весьма неравномерно, но имел в целом положительный вектор развития. Первая мировая война и последующие события радикально изменили подходы к стимулированию труда в российской промышленности, но целый ряд практик, сформировавшихся в годы дореволюционной индустриализации России, оказались востребованными и в советское время.

[1] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха... С. 203.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГА РФ, фонд № 7952 (Редакция издательства «Истории фабрик и заводов»)
Опись 8. Дела: 56, 59–64, 68–70.

ЦИАМ, фонд № 17 (Канцелярия московского губернатора)
Опись 42. Д. 144 (О стачке на ткацкой фабрике Коншина, 1869–1870).
Опись 48. Д. 250 (Об отказе от работы фабричных на фабрике Коншина, 1875).
Опись 49. Д. 148 (О беспорядках на фабрике Коншина, 1879–1882) и Д. 1059 (О волнениях на фабрике Коншина и др., 1887).
Опись 50. Д. 1108 (О прекращении работ рабочими фабрики Коншина, 1880).
Опись 77. Д. 1107 (О беспорядках на фабрике «Старый двор» Н. Н. Коншина, 1902–1905).
Опись 84. Д. 558. Т. 12. Д. 831. Т. 12 (Наряд бумагам о недоразумениях рабочих на фабриках и заводах Серпуховского уезда, 1914 и 1916).

ЦИАМ, фонд № 502 (Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры)
Опись 1. Д. 2642 (Требования рабочих и ответы администрации, 1905).

ЦИАМ, фонд № 673 (Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове)
Опись 1. Дела:
— 1 (Ведомости выработки тканей, стоимости производства, количества рабочей силы и др., 1838–1895);
— 3 (Отчеты по больничным учреждениям Товарищества и расходе денежных средств на их содержание, 1879–1908);
— 13 (Переписка о назначении учителей, приеме учеников, ремонте училища и др., сметы расходов по содержанию училища, 1898–1903);
— 17 (Переписка о выдаче наградных, 1899–1906);
— 20 (Ведомости учета числа рабочих, проживающих в фабричных казармах, 1901–1906);
— 24 (Переписка о приеме рабочих и служащих, 1903–1914);
— 38 (Переписка с фабричным инспектором о предоставлении сведений о деятельности фабрик, 1901–1913);
— 45 (Отчет о расходовании денег на жилье рабочих, 1901–1902);
— 62 (Переписка о порядке выдачи денежных пособий и пенсий, правила назначения пенсий, 1901–1907);
— 64, 65 (Ведомости учета расхода денежных средств на содержание харчевых лавок Товарищества, 1901–1908);
— 66 (Ведомости учета выручки харчевых лавок Товарищества, 1901–1909);
— 67, 577 (Ведомости расценок в харчевой лавке, 1901–1906, 1909–1917);
— 68, 69 (Переписка о харчевых лавках, 1901–1908);
— 74 (Переписка о выдаче денежных авансов рабочим; списки арендаторов домов Товарищества, 1901–1904);
— 82 (Материалы о чайной, спектаклях и воскресных чтениях, 1901–1914);

— 83 (Переписка об организации работы бань, 1901–1905);

— 112 (Ведомости числа рабочих и населения при фабриках; сведения о социальном происхождении, возрасте и поле рабочих, 1902–1904);

— 117 (Справочные цены на харчевые продукты; ведомости отпуска продуктов из харчевых лавок, 1902–1905);

— 176, 744 (Медико-статистические отчеты о деятельности больничных учреждений Товарищества и др., 1903–1908, 1912–1913);

— 183 (Учет посещения бань при прядильно-ткацкой фабрике, 1903–1915);

— 201 (Объявления рабочим о расценках; переписка по различным кадровым вопросам, 1904–1907);

— 202, 232, 259, 438, 601, 676 (Ведомости учета прихода и расхода штрафного капитала, 1904–1913);

— 258 (Различные материалы о забастовках на фабриках, 1905–1909);

— 345 (Различные материалы о деятельности бань Товарищества, 1905);

— 347 (Харчевая книжка рабочего);

— 358 (Переписка по рабочему и налоговому вопросу с приложением очерка о фабриках Товарищества, 1906–1913);

— 400 (Сравнительные таблицы деятельности и стоимости содержания московских городских больниц и больниц Т-ва Коншина, 1906–1907);

— 415, 583 (Переписка о спектаклях и лекциях, покупке книг для библиотеки и др., 1909–1910);

— 420 (Циркуляры и распоряжения Правления, 1907–1918);

— 453, 454 (Переписка с фабричным инспектором о выдаче пособий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев, 1907);

— 464 (Переписка о рассмотрении прошений рабочих о выдаче денежных пособий и назначении пенсий, 1907–1911);

— 466 (Ведомости учета населения спален-казарм, 1907–1908);

— 469 (Постановления московских властей о санитарных нормах);

— 471 (Отчеты больничных учреждений Товарищества, 1907–1912);

— 472 (Журналы заседаний больничного совета, 1907–1908);

— 473, 1603 (Отчет о расходе денег на содержание больницы и др., 1907, 1909–1910);

— 476 (Отчет ясель при ситценабивной фабрике, 1907);

— 482 (Материалы об организации спектаклей для рабочих в чайной при прядильно-ткацкой фабрике, 1907–1908);

— 515 (Переписка об исчислении и порядке выдачи денежных премий рабочим ситценабивной фабрики, 1908–1911);

— 519 (Прейскуранты харчевых продуктов в лавках, 1908–1912);

— 520 (Переписка с фабричным инспектором по вопросам харчевых лавок, 1908–1912);

— 539 (Отчет о разборе земским начальником Серпуховского уезда дела по обвинению заведующего харчевой лавкой в торговле недоброкачественным товаром, 1908);

— 541 (Циркуляры Правления и объявления рабочим и служащим, 1909–1914);

— 770 (Циркуляры и распоряжения Правления и бухгалтера, 1913–1914);

— 771 (Книга записи распоряжений заведующего административно-хозяйственной частью, 1913–1918);

— 780 (Смета расходов на содержание фабрик, больницы и училищ, 1913–1914);

— 834 (Списки и ведомости учета выдачи наградных, 1913–1919);

— 889 (Переписка о кадровых делах в училищах при фабриках, 1914–1916);

— 927–931 (Сравнительные ведомости среднего дневного заработка рабочих различных фабрик при поденной оплате труда, 1905–1914);

— 932 (Материалы о пособиях по случаю войны, ценах в лавках Товарищества и проч. 1915–1917);

— 967 (Отчет общества потребителей при ситценабивной фабрике, 1915);

— 1041, 1113 (Материалы о снабжении харчевых лавок, 1916–1918);

— 1121 (Материалы о нормах, тарифах и расценках оплаты труда рабочих, 1917–1918);

— 1202 (Книга учета выдачи пособий с указанием мотивов, 1883–1901);

— 1357 (Ежемесячные ведомости учета рабочего времени и заработка рабочих ситценабивной фабрики, 1898–1901);

— 1629 (Списки арендаторов домов в рабочем поселке, 1910–1914);

— 1939 (Деловая переписка, 1917–1918).

Опись 2. Дела:

— 4, 21, 22, 51, 63, 85, 93, 100, 106, 107, 112, 113, 118–120, 126, 129, 132, 133, 138, 143, 144, 148, 149, 152, 155, 156, 160, 167, 168, 177, 178, 184–189, 193, 194, 201–203, 205, 209, 210, 212, 216, 217, 219, 227, 228, 236, 237, 245, 248, 253, 254, 256, 263, 264, 272, 273, 275, 286, 287, 306, 307, 329, 330, 408–410 (Расчетные книги ситценабивной фабрики, 1860–1916).

— 281 (Книга об изменении жалованья рабочим, 1912);

— 577 (О нормировании труда рабочих, 1917–1918);

Опись 5. Дела:

— 130, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 144, 146, 148, 150, 152, 154, 156 (Расчетные книги прядильно-ткацкой фабрики, 1914).

Опись 8. Дела:

— 1, 35, 119 (Протоколы собраний пайщиков, отчеты Правления, 1877–1913);

— 2, 8, 22, 36 (Протоколы заседаний Правления, 1877–1913);

— 6 (Ведомости учета выработки продукции и др., 1877–1918);

— 18 (Доклад директора Правления о благотворительных учреждениях Товарищества, 1899);

— 20 (Отчет зав. двухклассным училищем Товарищества за 25-летний период существования училища за 1875–1900);

— 37, 60 (Сметы, планы, ведомости расходов на различные нужды, 1905–1918);

— 93 (Различная документация о приходе и расходе денежных сумм, 1890–1912);

— 283 (Расчеты увеличения размера заработной платы рабочим и служащим, 1917);

— 295 (Отчет о годовой выработке товара, рабочем времени и заработке рабочих ситценабивной фабрики, 1914–1918);

— 667 (Свод сведений по трем предприятиям (А. Гюбнера, Н. Н. Коншина, Даниловской мануфактуре). Брошюра. 1908–1913);

— 960 (Переписка по национализации фабрик Коншина, 1918).

ЦИАМ, фонд № 2005 (Фабричный инспектор 10 участка Московской губернии)

Опись 1. Дела:

— 1, 7, 25 (Жалобы рабочих на действия администрации, 1896–1903);

— 1а (Цены на набивку, расценки на работы, производимые в фабриках, 1897);

— 3, 10, 21, 24 (Заявления рабочих о выдаче пособий, 1898–1914);

— 4 (Акты заседаний фабричных инспекторов Московской губернии, 1899);

— 6 (Правила внутреннего распорядка фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, 1899–1901);

— 8 (Отчет о работе фабричного инспектора, 1901);

— 9 (Сведения о несчастных случаях на фабриках Коншина, 1901);

— 11 (Лекция фабричного инспектора об охране труда, переписка по организационным вопросам, 1902);

— 12 (Расценки на продукты в фабричных лавках различных предприятий, 1902);

— 13 (Жалоба ткачей Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина генерал-губернатору Московской губернии и др.);

— 16 (О выдаче пособий рабочим, 1903–1904);

— 17 (Рапорты Правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина о назначении сверхурочных работ, 1903);

— 18 (Циркуляры фабричного инспектора, 1904);

— 22 (Правила внутреннего распорядка фабрик акционерного общества Московской текстильной мануфактуры в Серпухове, 1914–1916).

ГА ЯО, фонд № 509 (Ярославская городская управа)

Опись 1. Д. 1362.

ГА ЯО, фонд № 674 (Товарищество Ярославской Большой мануфактуры)

Опись 1. Дела: 773, 779–781, 2221, 2353, 2368, 2739, 2741, 2743, 2744, 3333, 3336, 3977, 4040, 4049, 4472, 4476, 4480, 4481, 4484–4488, 4490, 4653, 4664, 4665, 4911, 5243, 5823, 5845–5853, 6074, 6151, 6345, 7568, 7584, 7688–7693, 8116, 8140, 8222, 8227, 8244, 8246, 8248, 8249, 21386, 21387, 21417, 21465, 21518, 21649.

Опись 2. Дела: 47, 97, 152, 285.

Опись 3. Дела: 48, 101, 104, 107, 121, 126, 135, 138, 143, 144, 146, 208а, 223, 254, 258, 262, 285.

Опись 5 «А». Дела: 29, 116, 141, 156, 165, 246, 297, 299, 346, 363, 423, 438, 821 (Личные дела рабочих ЯБМ).

Опись 5 «Б». Дела: 3, 27, 32, 56–58, 61, 63, 66, 67,82, 84, 96, 119, 126, 127, 129, 131, 138, 139, 143, 144, 153, 167, 175, 183, 184, 190, 224–227, 239, 241, 244, 246, 247, 256, 261, 264, 267, 271, 276, 284, 287, 297, 300, 302, 319, 323, 325, 329, 332, 334, 335, 339, 340, 346, 347, 674 (Личные дела рабочих ЯБМ).

Опись 5 «В». Дела: 16, 21, 30, 36, 44, 46, 49, 54, 55, 59, 63, 71, 101, 120, 124, 130, 136, 139, 148, 151, 158, 168, 181, 184, 202, 227, 231, 234, 475, 480, 484, 510а, 522, 533, 568, 582 (Личные дела рабочих ЯБМ).

Опись 5 «З». Дела: 1, 5, 6, 19, 111 (Личные дела рабочих ЯБМ).

ГА ЯО, фонд № 906 (Ярославское губернское жандармское управление)

Опись 4. Д. 1057.

ГА ЯО, фонд № Р-189 (Материалы, переданные ГА ЯО М. Г. Мейеровичем)

Опись 1. Д. 36.

ЦДНИ ЯО, фонд № 394 (Истпартотдел Ярославского горкома ВКП(б))

Опись 1. Дела: 12, 19.

Опись 5. Дела: 4, 80.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Астрахан И. Д. Врачебная помощь на фабриках г. Москвы // Известия Московской городской Думы. 1904. № 1.

Бельский А. Земская бюрократия // Образование. 1905. № 2.

Борисов М. М. К вопросу об устройстве яслей на фабриках // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губернии. 1904. № 8.

Бурышкин П. А. Москва купеческая. М., 1990.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской городской Думы. 1902. № 19 (октябрь).

Вигдорчик Н. А. Что должен знать каждый участник больничной кассы. СПб., 1913.

Грязнов А. Ф. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910.

Давидович М. Петербургский текстильный рабочий // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000.

Давидович М. Хозяйственное значение женщины в рабочей семье (По данным анкеты среди текстильных рабочих С.-Петербурга) // Познание России. 1909. № III.

[Давыдов К. В.] Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Санкт-Петербургского округа К. В. Давыдова. СПб., 1886.

Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. СПб., 1909.

Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899.

Дементьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XV.) Ч. I. М., 1888.

Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897.

Иоксимович Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915.

Как мы жили при царе и как живем теперь. Рассказы работниц и рабочих Трехгорной мануфактуры им. Ф. Э. Дзержинского. М., 1937.

Каталог книг библиотеки для служащих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Ярославль, 1894.

Козьминых-Ланин И. М. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. III. Формы найма, расчет и отпуски. IV. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. V. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М., 1914.

Козьминых-Ланин И. М. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1915.

Козьминых-Ланин И. М. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в уездах Московской губернии. М., 1912.

Козьминых-Ланин И. М. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912.
Козьминых-Ланин И. М. Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. М., 1911.
Козьминых-Ланин И. М. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911.
Козьминых-Ланин И. М. Механическое ткачество в Московской губернии. Обработка хлопка. М., 1912.
Козьминых-Ланин И. М. Рабочие Московской губернии, занятые обработкою хлопка и обработкою металлов. Распределение и заработки рабочих в связи с отдельными профессиями, полом, возрастом, грамотностью и занимаемою квартирою (своя или хозяйская). М., 1912.
Козьминых-Ланин И. М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912.
Красюк Н. А. 55 фабричных больниц Московской губернии и их деятельность за 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. 1904. № 1.
Краткий обзор учреждений культурно-просветительных и по охране здоровья рабочих и служащих при фабриках Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. М., 1913.
Кузнецов Я. О. Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 год // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 7.
Литвинов-Фалинский В. П. Как и для чего страхуются рабочие. Полный текст новых законов о страховании рабочих с объяснениями. СПб., 1912.
Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904.
Лосев М. Л. Несколько слов о санитарных условиях наших ситцевых фабрик // Труды комиссии, учрежденной Московским генерал-губернатором, князем В. А. Долгоруковым, для осмотра фабрик и заводов в Москве. [Т. 6]. Описание состояния некоторых фабричных и заводских производств в санитарном отношении. Вып. I. М., 1882.
Матисен Н. И. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872.
[Михайловский Я. Т.] О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886.
Нолькен А. М. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. Практическое руководство. СПб., 1913.
Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем. М., 1900.
Обязательные санитарные постановления для населения Московского уезда всех сословий, изданные Московским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г. [М., 1885].
Обязательные санитарные постановления для населения Серпуховского уезда всех сословий, изданные Серпуховским Уездным Земским Собранием 18 апреля 1885 г. на основании Временных правил, Высочайше утвержденных 9 марта 1879 г., утвержденные Московским губернатором 22 января 1887 г. М., 1889.
Озеров И. Х. Что такое общество потребителей, как его основать и вести. Изд. 3-е. М., 1909.

Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. 1894–1897. Ч. 2 (таблицы и приложения). Владимир, 1899.
П. Т. [Тимофеев П.] Заводские будни (Из записок рабочего) // Русское богатство. 1903. № 8–9.
[Песков П. А.] Владимирский фабричный округ. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра П. А. Пескова. СПб., 1886.
Песков П. А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ. Вып. 2. М., 1882.
[Песков П. А.] Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова. СПб., 1884.
Письменный Н. Н. Некоторые статистические данные о травматизме рабочих в обработке хлопка вообще, а в ткачестве и прядении в частности // Медицинское обозрение. 1909. № 5.
Покровская М. И. Моя думская практика (Очерк из быта рабочего населения в Петербурге) // Мир Божий. 1898. № III.
Покровская М. И. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6.
Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. I–IV. М., 1950–1963.
Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. Л., 1975.
Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. I–IX (1895–1904 гг.). СПб.; М., 1992–2007.
Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. (Русский рабочий в революционном движении. Сборник первый.) М., 1930.
Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. / Сост. Б. А. Романов. М., 1926.
Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. СПб., 1900.
Саломатин П. Народный учитель // Современный мир. 1913. № 12.
Свавицкий Н., Шер В. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве (по данным анкеты, произведенной О-вом рабочих графических искусств в 1907 году). СПб., 1909.
Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленном труде. Издание 1913 года. СПб., 1914.
Свод отчетов фабричных инспекторов за [вторую половину 1900–1914] гг. СПб.; Пг., 1902–1915.
Старая и новая Даниловка. Рассказы рабочих фабрики им. М. В. Фрунзе. М., 1940.
Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. СПб., 1912.
Текстильные фабрики СССР. М., 1927.
Терентьев П. Н. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915. М., [1915].
Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912 г. Краткий исторический очерк. [М., 1912?]
Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896.
Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера в Москве. 50-й год с основания фабрики. 25-й год с учреждения Товарищества. М., 1896.

Труды Второго Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1911.
Труды высочайше утвержденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вып. V. Условия быта и работы фабрично-заводских рабочих. СПб., 1896.
Труды I-го Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909.
Труды Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1910.
Труды VI съезда врачей Московского губернского земства. М., 1882.
1905-й год в Серпухове. Сборник воспоминаний о рабочем движении в Серпуховском уезде. Серпухов, 1925.
Фабрично-заводская промышленность. Вып. VIII–IX. Обработка хлопка, льна, пеньки и джута. Пг., 1914.
Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. М., 1926.
Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. Ч. I–IV. М., 1981–1982.
Хроника рабочего движения в России. Апрель–декабрь 1912 г. Ч. I–II. М., 1991–1995.
Чистяков И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования в России рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.
Шампаньер А. Торгово-промышленные деятели России. Альбом. [Б.м., б.г.].
Шестаков П. М. Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900.
Экк В. В. О состоянии медицинской помощи на фабриках и заводах Богородского уезда за 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. 1904. № 3.
Эрисман Ф. Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893.
Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907.
[Янжул И. И.] Московский фабричный округ. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа, профессора И. И. Янжула. СПб., 1886.
[Янжул И. И.] Отчет И. И. Янжула по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. СПб., 1888.
[Янжул И. И.] Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула. СПб., 1884.
Ярославская Большая мануфактура. М., 1896.
Ярославская Большая мануфактура. М., 1900.

Leontief W. Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg, die Geschichte der Industrie und die Fabrikgesetzgebung. München, 1906.
Ungern-Sternberg R., von. Über die wirtschaftliche und rechtliche Lage der St. Petersburger Arbeiterschaft. Berlin, 1909.

ЛИТЕРАТУРА

Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

Арзуманян А. А. Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата // Коммунист. 1956. № 10.

Аристов С. Город Серпухов. М., 1947.

Аристов С. И. Серпуховские текстильщики. М.; Л., 1940.

Балуева Н. Н. Ярославская Большая мануфактура. Страницы истории. Ярославль, 2002.

Беляев В. И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль, 1961.

Бовыкин В. И. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984.

Бойко Т. В. Рабочие России и культура: Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997.

Бородкин Л. И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сб. статей. М., 2001.

Бородкин Л. И. Об эволюции мотивации труда промышленных рабочих России в первой четверти XX века // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999.

Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Измерение и моделирование динамики неравенства в оплате труда промышленных рабочих в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997.

Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (конец XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001.

Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обозрение. Вып. 5. М., 2000.

Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Трехгорка на пути от 1917 г. к нэпу: эволюция трудовых отношений // Экономическая история. Обозрение. Вып. 9. М., 2003.

Буржуазия и рабочие во второй половине XIX — начале XX века: Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново, 1994.

Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909.

Бычков С. Ю. Мотивация труда на Тверском вагоностроительном заводе, 1915–1928 гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002.

Валетов Т. Я. «Дело Самсонова»: к вопросу о механизмах решения проблем социального страхования рабочих в начале XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001.

Валетов Т. Я. Об оплате труда различных категорий рабочих на фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове в начале XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001.
Валетов Т. Я. Система социального обеспечения как фактор мотивации труда на фабриках товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность М., 2002.
Валетов Т. Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX века // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008.
Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, 1964.
Войтинский И. С. Стачки и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911.
Володин А. Ю. Объявление как форма коммуникации фабричной администрации с рабочими (по материалам объявлений фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в октябре 1905 г.) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002.
Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009.
Воронкова С. В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996.
Второв О. А. Представители торгово-промышленного мира России на рубеже XIX–XX вв. на примере «Товарищества А. Ф. Второва с сыновьями» // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001.
Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В. Серпухов. М., 1989.
Гарскова И. М. Соотношение материальных стимулов и профессиональной сегрегации (на примере кадровой политики «Товарищества нефтяного производства бр. Нобель») // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999.
Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П. Красный Перекоп: Очерки истории ордена Ленина комбината «Красный Перекоп». Ярославль, 1972.
Гильберт М. И. Движение заработков рабочих в конце XIX в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958.
Глебов Ю. Ф., Соколов В. М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново, 1952.
Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
Данский Б. Г. Дореволюционная страховая кампания. М., 1923.
Доклады Третьих Морозовских чтений. Ногинск, 1997.
Дружинин П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. Ярославль, 1955.
Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.
Залунаева Е. А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.
Иванов Л. М. К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Труды ЛОИИ. Вып. 12. Л., 1971.
Иванов Л. М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966.
Иванов Л. М. Страховой закон 1912 г. и его практическое применение // Отечественная история. 1995. № 5.

Иванова Н. А. Промышленный Центр России 1907–1914 гг. М., 1995.
Иванова Н. А. Структура рабочего класса России. 1910–1914 гг. М., 1987.
Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII — начало XX в.). Обзор документов. Под ред. В. А. Кондратьева и В. И. Невзорова. ЦГАМ. М., 1968.
История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
История предпринимательства в России: XIX — начало XX века: Сборник статей. СПб., 2005.
История рабочего класса Белорусской ССР. Т. 1. Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. Минск, 1984.
История рабочего класса России. 1861–1900 гг. М., 1972.
История рабочих Ленинграда. Т. 1. 1703 — февраль 1917 г. М., 1971.
История российского быта: Материалы четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1999.
Капель В. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. М., 1907.
Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.
Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971.
Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.
Кирьянов Ю. И. Источники сведений о мотивации труда рабочих-текстильщиков Московской губернии в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999.
Кирьянов Ю. И. Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х годов XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001.
Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе: Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987.
Кирьянов Ю. И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000.
Коншин А. Д. Текстильный король России Н. Н. Коншин и его потомки // Историческая генеалогия. 1995. № 3.
Кошман Л. В. Город и городская жизнь России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
Кошман Л. В. Фабричные школы России в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8 (история). 1976. № 2.
Красильщиков А. П., Сафронов В. Д. Фабриканты Красильщиковы. М., 2000.
Краснов А. Что такое сдельная плата? СПб., 1907.
Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. М.; Л., 1961.
Крупина Т. Д. Российский пролетариат на пути к Октябрю: критический анализ новейшей буржуазной историографии. М., 1987.
Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999.
Куприянова Л. В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 гг. // Отечественная история. 1996. № 5.
Курахтанов В. Первая ситценабивная. М., 1960.
Лаверычев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М., 1963.

Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972.
Лаврентьев В. Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата). Харьков, 1926.
Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935.
Ленин В. И. Рабочий день и рабочий год на фабриках Московской губернии // Полн. собр. соч. Т. 22.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Полн. собр. соч. Т. 3.
Ленин В. И. Обнищание в капиталистическом обществе // Полн. собр. соч. Т. 22.
Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах // Полн. собр. соч. Т. 2.
Ленин В. И. Язык цифр // Полн. собр. соч. Т. 23.
Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000.
Ложкин В. В. К методике изучения «черных книг» капиталистических предприятий конца XIX — начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. Вып. 47 (1979 год). М., 1980.
Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000.
Лунц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. М., 1909.
Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003.
Маркевич А. М. Стимулы к труду в металлургической промышленности России в годы Первой мировой войны. На примере Московского металлического завода (завод Гужона) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001.
Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.
Маркузон Ф. Д. Статистика социального страхования. М., 1925.
Мейерович М. Г. Причины увольнения как показатель положения российского пролетариата (на материалах Ярославской губернии) // «Минувших дней связующая нить...» V Тихомировские чтения. Ярославль, 1995.
Мейерович М. Г. Складывание пролетарских династий в России (по материалам ЯБМ) // Генеалогические исследования. Сборник научных трудов. М., 1994.
Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925.
Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.
Миронов Б. Н. Время — праздник или время — деньги? Переход от потребительской трудовой этики к буржуазной в предреволюционной России // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999.
Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10.
Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.
Мирясов А. В. Мотивация труда промышленных рабочих в России в 1920-е годы: некоторые аспекты проблемы (на материалах Пензенской губернии) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001.
Михальков Р. 150 лет Трехгорной мануфактуры // Вопросы экономики. 1949. № 11.

Морозов А. В. Страхование рабочих от несчастных случаев в Казанской губернии, конец XIX в. — 1919 г. Казань, 2003.
Морозовы и Москва. Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». Москва, 26–27 декабря 1997 г. М., 1998.
Напалкова И. Г. Рабочий вопрос в России в XIX — начале XX века: традиции социального патернализма. Дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005.
Наумова Г. Р. Русская фабрика: (Проблемы источниковедения). М., 1998.
Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 2. Период свободного договора в условиях самодержавного режима. Пг., 1924.
Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958.
Панкратова А. М. Рабочий класс России. Избранные труды. М., 1983.
Паялин Н. П. Волжские ткачи. 1722–1917. М., 1936.
Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.
Перфильев М. О. Очерки фабрично-заводского быта в России. СПб., 1887.
Положение пролетариата России. Указатель литературы. Вып. I–II. М., 1972.
Полянский Н. Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.
Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.
Поткина И. В. Деловая Москва. Очерки по истории предпринимательства. М., 1997.
Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.
Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1717–1917. М., 2004.
Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора М. Н. Белова. Ч. 1. Кострома, 2001.
Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997.
Проблемы историографии и источниковедения истории пролетариата Центрального Промышленного района России. Тезисы выступлений участников XVIII зональной межвузовской научной конференции. М., 1990.
Пушкарева И. М. Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2.
Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997.
Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Р.-н-Д., 1972.
Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность. М., 2002.
Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983.
Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Изд. 2-е. М., 1989.
Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
Рашин А. Г. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884–1913 гг. // Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958.
Рожков Н. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // Историк-марксист. 1927. Т. 6.
Рожков Н. А. К методологии истории промышленных предприятий (стенограмма доклада на заседании Общества историков-марксистов 9.4.1926) // Историк-марксист. 1926. Т. 2.
Рожкова М. К. Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892–1913 гг. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958.
Россия в конце XIX века / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900.
Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001.
Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.
Сафонова Е. И. Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2000.
Сафонова Е. И. Материальная мотивация труда рабочих в 1920-е гг. Количественный анализ источников по текстильной промышленности Москвы. Автореф. канд. ист. наук. М., 2001.
Сафонова Е. И., Бородкин Л. И. Мотивация труда на фабрике «Трехгорная мануфактура» в первые годы Советской власти // Историко-экономические исследования. № 1. Иркутск, 2002.
Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне Первой русской революции. М.; Л., 1964.
Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Ростов-на-Дону, 1971.
Сигельбаум Л. Поздний роман с советским рабочим классом в западной историографии // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005.
Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. Система наказаний на Ярославской Большой мануфактуре во второй половине XIX — начале XX вв. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002.
Соколов А. К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005.
Соколов А. К. Некоторые проблемы изучения трудовых отношений в России до и после революции // Экономическая история. Обозрение. Вып. 3. М., 1999.
Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4.
Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.
Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000.
Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Отношение к труду: Факторы изменения и консервации трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001–2002. М., 2003.
Струмилин С. Г. Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900–1914 гг. // Плановое хозяйство. 1926. № 9.
Струмилин С. Г. Оплата труда в России. Девятнадцатый век // Плановое хозяйство. 1930. № 7–8.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.
Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1925.
Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.
Тогоева С. И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002.
Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898.
Хромов П. А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.; Л., 1946.
Чекин А. Женский труд в современном производстве // Вестник Европы. 1911. № 11.
Чистяков И. К вопросу о нормативном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909.
Чугунов Е. А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья (конец XIX в. — 1913 г.). Кострома, 2001.
Шелымагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900–1917 гг. М., 1952.
Шелымагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М., 1947.
Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
Шестакова О. А. Текстильная промышленность Серпухова за 20 лет (с 1908 г. по 1928 г.) // Московский край в его прошлом. Труды общества изучения Московской области. Вып. 6. Ч. 2. М., 1930.
Шильникова И. В. Роль вознаграждения в мотивации труда рабочих-текстильщиков Ярославской Большой мануфактуры в начале XX века // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001.
Шульце-Геверниц Г. Крупное производство в России (Московско-Владимирская промышленность). М., 1899.
Элиассон Л. Я. Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности. СПб., 1908.

Bater J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal, 1976.
Blackwell W.L. The Beginnings of Russian Industrialization. 1800–1860. Princeton, 1968.
Bonnel V. E. Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg; Moscow, 1900–1914. Berkley; Los Angeles, 1983.
Borodkin L., Granwill B., Leonard L. C. The Rural / Urban Wage Gap in the Industrialisation of Russia, 1884–1910 // European Review of Economic History. Vol. 12. P. 1. April 2008.
Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
Burds J. Peasant Dreams & Market Politics. Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998.
Crisp O. Labour and Industrialization in Russia // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1978. Vol. 7. Pt. 2.
Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. London, 1976.
Engel B. A. Between the Fields & the City. Women, Work & Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994.

Engelstein L. Moscow, 1905. Working Class Organizations and Political Conflict. Stanford, 1982.
Falkus M. E. The Industrialization of Russia, 1700–1914. London, 1972.
Friedgut Th. H. Iuzovka and Revolution. Vol.1. Life and Work in Russia's Donbass, 1869–1924. Princeton, 1989.
Gatrell P. W. The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986.
Glickman R. The Russian Factory Woman: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley; Los Angeles, 1984.
Glickman R. Factory Workers in Prerevolutionary Russia // People and Communities in the Western World. Illinois, 1979.
Gregory P. Russian Living Standards during Industrilization // Review of Income and Wealth, 26. 1980.
Johnson R. E. Peasant and Proletarian. The Working Class of Moscow in the Late 19th Century. New Brunswick, 1979.
Kahan A. Russian Economic History. The Nineteenth Century. Chicago, 1989.
McKean R. B. St. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 — February 1917. New Haven, 1990.
Mikhailov N. V. The Collective Psychology of Russian Workers and Workplace: Self-Organization in the Early Twentieth Century // New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918. Bloomington, 2002.
Pretty D. The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union // Covering the World: A Global History of Textile Workers, 1650–2000. Aldershot, 2009.
Tilly Charles and Chris. Work under Capitalism. Oxford, 1998.
Trends in income inequality during industrialization. Madrid, 1998.
Von Laue T. H. Russian peasants in the factory, 1892–1904 // Journal of Economic History, 21, 1961.
Williamson J. G., Lindert P. H. American Inequality. A Macroeconomic History. San Francisco, 1980.
Wynn Ch. Workers, Strikes, and Pogroms: the Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1992.
Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia: the Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford, 1971.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Динамика показателей валового дохода и чистой прибыли Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (1877–1916) и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры (1858–1916)

Таблица 1

Динамика показателей валового дохода и чистой прибыли Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1877–1916 гг.

Операционный год	Валовой доход	Чистая прибыль
1	2	3
1877/78	1 608 503,29	830 883,40
1878/79	1 937 006,24	1 350 839,27
1879/80	2 078 918,36	1 453 997,71
1880/81	1 102 963,39	276 410,00
1881/82	1 276 215,92	368 672,19
1882/83	936 846,14	81 199,40
1883/84	1 597 342,28	276 378,69
1884/85	1 120 630,18	10 619,14
1885/86	1 105 560,68	243 596,13
1886/87	1 230 237,01	237 954,90
1887/88	1 684 924,42	429 205,06
1888/89	1 492 744,88	535 116,66
1889/90	1 561 264,87	277 285,68
1890/91	2 244 181,41	615 966,29
1891/92	2 125 356,26	401 991,06
1892/93	2 442 736,25	722 555,51
1893/94	2 623 056,51	437 467,63
1894/95	2 962 622,09	441 449,33
1895/96	3 271 143,59	403 313,68
1896/97	3 774 779,85	577 220,04
1897/98	3 449 462,69	331 463,96
1898/99	4 169 161,29	629 854,14
1899/1900	4 748 370,56	859 794,53
1900/01	4 547 524,02	521 977,65
1901/02	5 432 062,57	687 830,99
1902/03	6 096 755,88	954 062,00
1903/04	6 721 153,60	1 220 219,00
1904/05	6 381 713,60	1 099 139,10
1905/06	7 573 959,96	902 222,65
1906/07	9 319 019,60	869 468,09
1907/08	8 606 651,81	648 304,30
1908/09[1]	10 324 518,54	426 825,80
1909/10		698 197,42
1910/11		729 477,00
1911/12		557 084,54

[*] 18 месяцев — с Пасхи 1908 г. по 1 октября 1909 г.

Окончание табл. 1

1	2	3
1912/13		721 867,79
1913/14		824 673,11
1914/15		1 647 086,80
1915/16		7 508 808,75
1916/17		1 554 532,18

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 1, 35.

Таблица 2

Динамика показателей валового дохода и чистой прибыли Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. 1858–1916 гг., руб.

Год	Валовой доход	Чистая прибыль
1858		4 676,00
1861		265 000,00
1865		475 000,00
1879		1 546 000,00
1885		1 036,70
1889		1 277 944,00
1891		1 143 963,00
1893		1 274 252,53
1894		1 841 016,00
1895		1 529 628,24
1896		1 358 924,40
1897		517 687,96
1899	2 780 939,95	1 799 614,11
1900	3 069 088,87	2 052 425,76
1901	1 922 644,71	788 941,15
1902	1 476 937,84	367 970,85
1903		97 833,00
1904	1 083 720,16	141 619,26
1905	1 343 133,59	427 034,56
1906		1 030 068,00
1907	2 898 571,35	1 670 829,23
1908	2 348 949,28	1 035 204,69
1909	1 640 916,03	517 560,38
1910	2 437 578,97	1 488 196,04
1911	2 109 884,31	1 247 464,40
1912	2 530 198,80	1 236 027,58
1913/14	1 033 822,43	32 333,95
1914/15	2 279 377,05	381 973,32
1915/16	6 363 009,76	2 923 661,46

Источники: Паялин П. Н. Волжские ткачи. 1722–1917. М., 1936. Т. 1. С. 103, 124, 132, 159, 160, 178, 262, 294, 296, 333; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2368. Л. 68; Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты торговых и промышленных предприятий. 1900. № 27. С. 1098; 1901. № 27. С. 1149; 1902. № 27. С. 1133; 1903. № 29. С. 1171; 1905. № 27. С. 1081; 1906. № 28. С. 1135; 1908. № 31. С. 927; 1909. № 26. С. 963; 1910. № 29. С. 1369; 1911. № 31. С. 1404; 1912. № 32. С. 1562; 1913. № 34. С. 1966; 1914. № 42. С. 2539; 1915. № 36. С. 2191; 1916. № 38. С. 2291.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Правила внутреннего распорядка ситценабивной и красильно-отделочной фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1891 г.

Правила внутреннего распорядка для рабочих Ситценабивной
и красильно-отделочной фабрик Товарищества мануфактур
Николая Николаевича Коншина в Серпухове

1) Срок найма неопределенный.

2) Фабрика работает четыре дня в неделю, а если нужно и остальные, причем за каждый не рабочий день из шести, уплачивается половина заработка; за праздничные и часовые работы производится особая плата, считая восемь рабочих часов за день.

3) Выдача денег производится Конторою два раза в месяц.

4) Расписание праздников, в которые на фабрике работать не полагается: Обрезание Господне, Крещение Господне, Иоанна Предтечи, Сретение Господне, пятница и суббота Масленицы, Благовещение Пресвятой Богородицы, пятница и суббота Страстной недели, неделя Св. Пасхи, Иоанна Богослова, Николая Чудотворца, Вознесение Господне, Св. Троицы, Сошествие Св. Духа, Рождество Иоанна Предтечи, Св. Апостолов Петра и Павла, Казанской иконы Божией Матери, Св. Пророка Илии, Происхождение Древ Креста Господня, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Нерукотворенного образа, Усекновение Главы Иоанна Предтечи, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, мученика Никиты, Иоанна Богослова, Покров Пресвятой Богородицы, Казанской иконы Божией Матери, Архистратига Михаила, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, три дня Рождества Христова и все воскресные дни. Если между двумя праздниками придется будний день, то на фабриках не работать.

5) Работы во всех отделах фабрик, за исключением граверного и резного, от начала работ до 1-го сентября начинаются в $5^1/_2$ часов утра и оканчиваются в 7 часов вечера, на обед полагается полтора часа — от 12 часов дня; с 1-го сентября до окончания работ перед Пасхою работы начинаются в 6 час. утра и оканчиваются в 7 час. вечера, на обед полагается один час — от 12 час. дня. Рабочим механического отделения: слесарям, столярам, плотникам, паяльщикам, токарям и кузнецам полагается время на завтрак от 8 до 9 ч. утра.

Работы в граверном и резном отделениях начинаются: от начала работ по 15-е августа в 6 час. утра, на завтрак полагается полчаса — от $8^1/_2$ до 9 час. утра, в мастерской, на обед полтора часа — от 12 час. дня, оканчиваются в 7 час. вечера, под праздники — в 4 часа 30 мин. вечера. С 15-го августа по 1-е октября начинаются с рассветом дня, на обед — полтора часа, оканчиваются как позволяет дневной свет, завтрака нет. С 1-го октября по Великий пост — начинаются с рассветом дня, завтрака нет, на обед один час — от 12 час. дня, оканчиваются в 7 час. вечера, под праздники — в 4 часа 30 мин. вечера, на Святках и Масленице работа с огнем не производится, 24 декабря и 5-го января работы начинаются с рассветом дня, оканчиваются в 1 час дня без остановки. С Великого поста до окончания работ пред Пасхою начало — с рассветом дня, на обед — полтора часа, окончание с дневным

светом, но не долее 7 час. вечера. Окончание работ под праздники во всех отделах фабрик, за исключением граверного и резного, назначается в 6 ч. вечера. 24-го декабря и 5 января работы оканчиваются в 1 час дня без обеда.

6) Рабочие обязаны ежедневно пред началом работ употреблять по 10 мин. на чистку машин и приведение в порядок мастерских, еженедельно же после окончания работ пред праздниками производить тщательную чистку машин и уборку мастерских на что употреблять полчаса.

7) Рабочие и мастеровые согласно § 143-го правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности за неисправную работу, прогул и нарушение порядка будут подвергаться взысканиям, согласно табели, утвержденной Фабричной Инспекциею.

8) Рабочие должны являться на работу не позже пяти минут после срока, назначенного в § 5 настоящих правил для начала работ.

9) Малолетние на фабрику не принимаются.

10) Рабочие при обращении с машинами должны соблюдать крайнюю осторожность, они должны ежедневно, пред началом работ, тщательно осмотреть машины и машинные принадлежности и, если в них окажется что-либо неисправно, то не пуская оные в ход, немедленно уведомлять механика.

11) Воспрещается рабочим, мастеровым и сторожам пропускать на фабрики посторонних лиц без разрешения Конторы или Директора, исключая чинов фабричной и податной Инспекции и Полиции.

12) Воспрещается рабочим и мастеровым, надевание приводных ремней на шкивы, что должно исключительно делаться шорниками.

13) Надевание приводных ремней, чистка и смазка машин на ходу безусловно воспрещается.

14) Рабочие должны обращаться с огнем с крайнею осторожностию, с зажженною свечою без фонаря не ходить по двору и в нежилые помещения, воспрещается курение табаку в фабричных помещениях и дворах и может производиться только в отводимых рабочим квартирах.

15) Рабочие не могут принуждаться Конторою к забору продуктов из имеющейся при фабрике харчевой лавки.

16) Рабочие пользуются квартирою, отоплением и освещением коридоров безвозмездно.

17) Рабочие, пользующиеся фабричными квартирами, могут отлучаться из оных, но должны возвращаться летом не позже 10 час., а зимою 9 час. вечера, после которых часов ворота запираются и сторож не может никого пропускать.

За Товарищество Мануфакт. Н. Н. Коншина в Серпухове,
Директор: К. Шалль.

16.9.1891

Утверждаю
за Инспектора и. д. помощника Д. Рахманов.

Источник: ЦИАМ Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–56 (стр. 17–19 стандартной расчетной книжки).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Правила внутреннего распорядка ЯБМ. 1910 г.

ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА
для рабочих и мастеровых, работающих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, находящейся в г. Ярославле.

А. Об условиях найма

1. Договор о найме заключается выдачею рабочему расчетной книжки не позднее 7 дней по допущении к работе на фабрике. Срок найма обозначается в выданной рабочему расчетной книжке.

Если перед окончанием означенного в книжке рабочего определенного срока найма рабочий не заявил Конторе о своем желании прекратить работу на фабрике, то контора считает такого рабочего оставшимся продолжать работу на следующий срок. Точно так же и каждый рабочий должен считать себя оставленным на работе на следующий срок, если Контора перед наступлением этого срока не объявит ему о своем желании расторгнуть с ним договор. О возобновлении договора найма делается каждый раз отметка в трудовой книжке.

2. Все рабочие принимаются не иначе как после медицинского осмотра и заключения фабричного врача о возможности поступления их на работу по состоянию здоровья.

Примечание. В предупреждение распространения заразных венерических болезней рабочие могут, по распоряжению Фабричного Управления, подвергаться обязательному медицинскому осмотру, причем мужчины осматриваются врачом, а женщины — акушеркою-фельдшерицею.

3. Все рабочие и мастеровые, работающие на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, обязаны подчиняться правилам внутреннего распорядка как общим, так и частным, касающимся тех отделов фабрики, в которых они работают.

Примечание. Каждому поступившему на фабрику эти правила сообщаются, и потому никто не может отговариваться незнанием их, и должен исполнять их беспрекословно.

4. Заработная плата бывает поденная и сдельная. Расценочные таблицы, засвидетельствованные фабричной инспекцией, вывешены в конторе и соответствующих местах фабрики и механической мастерской.

При подсчете заработка сменных рабочих, работающих сдельно с пуда и штуки, расчет производится согласно числу смен, проведенных рабочим на работе, причем смены рабочих, работающих днем, приравниваются сменам рабочих, работающих ночью.

5. В случаях новых, не предусмотренных расценками, необходимые дополнения расценков делаются заведующим каждый раз по мере надобности и вывешиваются для сведения рабочих после того, как новый сорт товара вырабатывается достаточное время.

6. При каждом расчете с рабочими удерживаются вычеты за прогул, за снабжение необходимыми предметами потребления из харчевой лавки, взыскания, наложенные на рабочего, и суммы, следующие с рабочего по исполнительным листам, в размере, указанном законом.

7. Расчетная книжка, представленная в Контору фабрики для необходимых записей, возвращается рабочему, подсчитанная не позднее недели со дня ее представления в Контору и накануне дня выдачи заработной платы; время представления расчетной книжки в Контору означается в выданной рабочему контромарке за подписью конторщика или наложения штемпеля Конторы. О неправильностях записи заработка рабочий обязан заявить заведующему.

8. При получении денег рабочий предъявляет свой нумер и расчетную книжку. О неправильности выдачи денег обязан заявить не уходя с места получения денег. Ушедший с места после расчета считается удовлетворенным сполна.

9. Потерявший номер найма (бляху) и книжки: расчетную, харчевую или чековые на посещение бани и стирку, — получают взамен их новые, но не иначе как с наложением взыскания.

10. Паспорты всех рабочих обязательно хранятся в Конторе.

11. Если срок паспорта рабочего истекает ранее окончания срока его найма, то Контора фабрики вправе, с согласия рабочего, озаботиться переменою паспорта по истечении срока.

12. Отказ от заключения договора о найме по усмотрению Заведующего допускается: а) в продолжении первых семи дней по поступлении на фабрику и до выдачи рабочему расчетной книжки; б) равным образом и рабочему предоставляется право не принимать расчетной книжки в первые семь дней по поступлении на работу.

13. Независимо от сего фабричное управление предоставляет себе право расторгнуть договор найма на основании постановления Фабричного присутствия от 5 октября 1894 г.

14. Отказ рабочему от работы удостоверяется производством расчета, обозначением в расчетной книжке рабочего или, за непредъявлением последней, в фабричной расчетной книге о прекращении или расторжении договора.

15. Перед окончательным расчетом рабочий обязан представить в Контору расчетную книжку для окончательного подсчета заработка и сдать все выданные ему на руки вещи и инструменты.

16. Переход рабочего с одной работы на другую из одного отделения в другое производится или 1) согласно ст. 96 Уст. о пром., или 2) по соглашению фабричного управления с рабочими, причем в случае перехода рабочий должен возвратить в Контору полученную им по первому найму расчетную книжку и получить из Конторы другую, или которой может быть сделана о переводе рабочего отметка в прежней расчетной книжке.

17. Некоторые рабочие пользуются, по усмотрению фабричного управления, квартирами бесплатно, причем освещение имеют за свой счет. Квартирами пользуются только те семьи, в которых число неработающих членов семьи менее числа работающих.

Исключения из этого правила могут быть допускаемы с разрешения Заведующего Мануфактурою.

18. Рабочие обязаны подчиняться всем распоряжениям фабричного врача, касающимся санитарных условий фабрики.

19. Во время нахождения рабочего в больнице не вследствие несчастного случая заработной платы ему не полагается.

20. Провизию и все продовольствие всякий рабочий, если желает, может брать в счет своего заработка в фабричной харчевой лавке по таксе, утвержденной фабричной инспекцией.

21. Все работающие в фабрике и в механических мастерских обязываются держать машины, при которых они работают, и пол около этих машин в чистоте во все время работы; ежедневно, пред окончанием работы, машины должны быть обмахнуты и пол подметен. Чистка машин и уборка фабрики лежат на обязанности рабочих и производятся раз в неделю, по субботам от $12^1/_2$ до $1^1/_2$ часов дня при остановленных для сей цели паровых машинах и двигателях. Чистку и уборку механических мастерских обязаны производить также еженедельно мастеровые и рабочие в те же часы. Если накануне воскресенья фабрика останавливается в 6 часов вечера, то чистка машин производится по остановке фабрики с 6 до 7 часов вечера.

Если случается праздник среди недели с остановом фабрики накануне в 6 ч. вечера, то еженедельная чистка машин, по усмотрению Заведующего Мануфактурою, вместо субботы может быть произведена и среди недели, после останова фабрики. Если случается праздник среди недели, то чистка машин накануне по останове фабрики делается только малая. Полная, с разборкою всех движущихся частей машин, чистка производится один раз в год, перед Пасхой, после остановки двигателей с 4 час. утра следующего дня. Недельная чистка машин производится по указанию мастеров с осмотром машин назначенными для этого лицами. Еженедельная и полная перед Пасхой чистки должны производиться обеими сменами рабочих одновременно. Особой платы за чистку машин не полагается. За невыход на чистку налагается взыскание.

22. В случае надобности исполнения таких работ в фабрике, которые не могут быть производимы во время хода ее, как то по ремонтировке машин и аппаратов и по снятию остатков на первое число, которые производятся в нерабочее время, т. е. по окончании работ и в праздники, нужные для того мастеровые и рабочие механической мастерской, рабочие сортировочных и трепальных отделений, точильщики, шляпочники и рабочие тех ассортиментов машин, на которых производится ремонт, ремонтировщики, старшие рабочие, шорники, рабочие приемной конторы и шлихтовального отделения, помещения при прззщктоверке остатков должны являться, по назначению фабричного управления, на работы обязательные сверхурочные.

Плата им за эти работы считается: для получающих поденно — полуторная, т. е. за каждый час сверхурочной работы считается $1^1/_2$ часа будничных, для получающих же сдельно — по особой табели. Кочегары и скидывальщики дров должны являться на заработку после праздников за 2 часа до начала работ, без особой за то платы.

23. Рабочие, занятые работами вспомогательными, а именно: мастеровые и рабочие по текущему ремонту, кочегары, паровщики, смазывальщики и проч. рабочие по уходу за паровыми котлами, двигателями и приводами, рабочие по отоплению и водоснабжению, рабочие электрической станции и вообще — по освещению зданий фабрики, а также рабочие, занятые сторожевой службой, — руководствуются расписанием времени смен для «Взрослых рабочих мужчин, занятых работами вспомогательными».

24. В случае необходимости усиленных работ в механических мастерских и установления сменной работы, она производится согласно обычного расписания времени смен для взрослых рабочих мужчин [...].

25. В случае пожара в фабрике мастеровые и фабрично-рабочие обязаны приступить к тушению огня всеми имеющимися на фабрике средствами.

26. Сторожам при входах в фабрику и котельных предоставляется отдых по установленной очереди, по четыре дня в месяц — по 24 часа каждый раз.

27. Для возможности исполнения администрацией Мануфактуры требования закона, изложенного в ст. 20-й «Правил о вознагр. потерп. от несчаст. случаев», рабочим, получившим во время работ какие-либо повреждения, подходящие под действие названных «Правил», в особенности, незначительные, предлагается заявлять о таковых администрации фабрики в тот же день.

28. Еженедельная чистка машин производится одновременно обеими сменами рабочих по субботам от $12^1/_2$ ч. дня до $1^1/_2$ ч. дня, при остановленных паровых машинах и двигателях.

Б. Росписание рабочих часов для работающих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры.

А. Посменно

1. Смена взрослых мужчин. Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. 1 смена с 4 ч. у. до 1 ч. д. — 9 ч., 2 смена с 1 ч. д. до 10 ч. в. — 9 ч. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера. 1 смена с 4 ч. у. до 11 ч. у. — 7 ч., 2 смена с 11 ч. у. до 6 ч. в. — 7 ч. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики.

2. Смена женщин и мужчин. Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. Смена женщин с 4 ч. у. до 1 ч. д. — 9 ч. Смена мужчин с 1 ч. д. до 10 ч. в. — 9 ч. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера. Смена женщин с 4 ч. у. до 11 ч. у. — 7 ч. Смена мужчин с 11 ч. у. до 6 ч. в. — 7 ч. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики.

3. Смена женщин и подростков (от 15 до 17 л.). Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. 1-я смена с 4 ч. у. до 1 ч. д. — 9 час. 2-я смена с 1 ч. д. до 10 ч. в. — 9 час. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера. 1-я смена с 4 ч. у. до 11 ч. у. — 7 час. 2-я смена с 11 ч. у. до 6 ч. в. — 7 час., с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики.

4. Смена малолетних рабочих (от 12 до 15 л.). Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. 1-я смена с 4 ч. у. до $8^1/_2$ ч. у. — $4^1/_2$ ч., 2-я смена с $8^1/_2$ ч. у. до 1 ч. д. — $4^1/_2$ ч., 1-я смена с 1 ч. д. до $5^1/_2$ ч. д. — $4^1/_2$ ч. 2-я смена с $5^1/_2$ ч. д. до 10 ч. в. — $4^1/_2$ ч. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера. 1-я смена с 4 ч. у. до $7^1/_2$ ч. у. — $3^1/_2$ ч., 2-я смена с $7^1/_2$ ч. у. до 11 ч. у. — $3^1/_2$ ч., 1-я смена с 11 ч. у. до $2^1/_2$ ч. д. — $3^1/_2$ ч., 2-я смена с $2^1/_2$ ч. д. до 6 ч. в. — $3^1/_2$ ч.

5. Смена взрослых рабочих мужчин, занятых работами вспомогательными: а) сторожевою и пожарною службою и уходом за отоплением и водоснабжением фабричных зданий. Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. 1-я смена с 3 ч. у. до 9 ч. у. — 6 час., 2-я смена с 9 ч. у. до 3 ч. д. — 6 час., 1-я смена с 3 ч. д. до 9 ч. в. — 6 час., 2-я смена с 9 ч. в. до 3 ч. у. — 6 час. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера — КАК ОБЫКНОВЕННО.

б) Уходом за котлами, двигателями, приводами и освещением фабричных зданий. Во все дни недели и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 10 час. вечера. 1-я смена с $3^1/_2$ ч. у. до 1 ч. д. — $9^1/_2$ ч., 2-я смена с 1 ч. д. до $10^1/_2$ ч. в. —

$9^1/_2$ ч. с перерывом в $^1/_4$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики. Накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 час. вечера. 1-я смена с $3^1/_2$ ч. у. до 11 ч. у. — $7^1/_2$ ч., 2-я смена с 11 ч. у. до $6^1/_2$ ч. в. — $7^1/_2$ ч. с перерывом в $^1/_2$ часа в каждой смене для принятия пищи в рабочих залах фабрики.

Б. Денные

Денные рабочие и мастеровые. Во все дни недели, кроме субботы. С 6 ч. у. до 8 ч. утра. С 8 ч. 40 м. у. до 1 ч. дня. С 2 ч. 20 м. дня до 6 ч. веч. По субботам и накануне праздников, когда фабрика останавливается в 6 и 10 ч. вечера. С 6 ч. у. до 8 ч. утра. С 8 ч. 40 м. утра до 1 час. дня. С 2 ч. 20 м. дня до 5 ч. веч.

РАСПИСАНИЕ
праздников и дней, в которые фабрика не работает.

Все Воскресные дни
Субботы Сырной недели*
Среда, Четверг, Пятница и
Суббота Страстной недели
Неделя Святой Пасхи
Вознесение Господне
День Св. Духа

} Числа месяца переходящие

Время остановки паровых машин	Числа месяца	
СОГЛАСНО ОСОБОЙ ТАБЕЛИ		**Январь**
	1	Обрезание Господне
	6	Богоявление Господне
		Февраль
	2	Сретение Господне
		Март
	25	Благовещенье Пресвятой Богородицы
		Май
	9	Перенесение мощей Святого Николая Чудотворца
		Июнь
	29	Святых Апостолов Петра и Павла
		Июль
	20	Святого Пророка Ильи
		Август
	6	Преображение Господне
	15	Успение Пресвятой Богородицы
	29	Усекновение Главы Иоанна Предтечи
		Сентябрь
	8	Рождество Пресвятой Богородицы
	14	Воздвижение Честн. Животворящего Креста Господня

* Так в источнике.

		Октябрь
	1	Покров Пресвятой Богородицы
	22	Казанской иконы Божьей Матери
		Ноябрь
	21	Введение во Храм Пресвятой Богородицы
		Декабрь
	6	Святого Николая Чудотворца
	24	Работы оканчаваются в 12 ч. дня
	25	Рождество Христово
	26	
	27	

Кроме того, малолетние рабочие от работ свободны в следующие дни:

Время остановки паровых машин	Числа месяца	
СОГЛАСНО ОСОБОЙ ТАБЕЛИ		**Апрель**
	23	Тезоименитство Государыни Императрицы Александры Федоровны
		Май
	6	Рождение Государя Императора
	14	День Свящ. Коронования Их Императорских Величеств
	25	Рождение Государыни Императрицы Александры Федоровны
		Июль
	22	Тезоименитство Государыни Императрицы Марии Федоровны
	30	Рождение Наследника Цесаревича
		Октябрь
	5	Тезоименитство Наследника Цесаревича
	21	Восшествие на престол Государя Императора
		Ноябрь
	14	Рождение Государыни Императрицы Марии Федоровны
		Декабрь
	6	Тезоименитство Государя Императора

В. Общие правила.

1. Все рабочие и мастеровые должны являться на работу в назначенное время.

2. Входить для работы в фабрику и выходить из нее все рабочие должны только через назначенные для сего двери и лестницы, непосредственно примыкающие к той части фабрики, где рабочий работает; в верхние этажи обязаны подниматься по лестницам, прилегающим ко входным дверям, но отнюдь не по внутренним лестницам, по которым ходить дозволяется только по обязанностям службы. Проходить при входе и выходе по чужим этажам воспрещается.

3. Все рабочие должны исполнять порученную им работу аккуратно, добросовестно и наилучшим образом, содержать свою машину в опрятности, заботиться о

чистоте около нее, соблюдать бережливость в материалах, заботиться о сохранении вверенных им машин и инструментов, приходить на работу и оставлять ее согласно таблицам распределения часов работы в каждом отделе фабрики.

Примечание. Рабочие приготовительных отделений (при ткацкой и прядильной) в случае выработки достаточного количества материалов могут, при их желании, быть отпускаемы домой и ранее обычного времени без особой доплаты за это время.

4. Непосредственное наблюдение за точным исполнением рабочими своих обязанностей поручается старшим рабочим. Каждому из них вверяется определенный комплект машин и надзор за рабочими, работающими на этих машинах. Кроме того, они же должны: 1) о всяком возникшем между рабочими неудовольствии доводить немедленно до сведения заведующего тем отделом фабрики, в котором они работают; 2) требовать от рабочих соблюдения чистоты и опрятности; 3) заботиться об исправном состоянии вверенных им машин и о наилучшей работе их, чтобы изготовляемые изделия выходили возможно лучшего качества; 4) не дозволять рабочим работать на разладившейся машине и следить, чтобы каждый из них заявлял тотчас же, как разладится у него машина.

Примечание. Во всех своих действиях старшие рабочие должны руководствоваться как общими, так и особыми правилами для каждого отдела фабрики, во всем подчиняться и следовать распоряжениям и указаниям заведующего отделом и без согласия и ведома последнего ни под каким видом не должны делать каких-либо переделок или изменений как в машинах, так и в работах.

5. В случаях, не терпящих отлагательств, как, например, в случае пожара, какого-нибудь несчастья или внезапной болезни кого-либо из рабочих, поломки в машинах и т. п. рабочий вправе и даже обязан прежде всего прийти на помощь и принять надлежащие к этому меры, а затем донести обо всем заведующему отделом.

6. Рабочие обязаны беспрекословно исполнять все требования своих старших рабочих, относящиеся к исполнению рабочими их обязанностей. Если же требования старшего рабочего покажутся рабочему несправедливыми или неудобными, то он должен заявить заведующему тем отделом, в котором он работает.

7. Паровщикам, кочегарам, смотрителям за паром и водою и вообще рабочим, занятым присмотром и уходом за паровыми котлами, двигателями, приводами и электрическими машинами, а также старшим рабочим всех отделов фабрики вменяется в обязанность дожидаться своего сменщика, если последний опоздал, явиться в назначенный срок. Если опоздание будет более $^1/_4$ часа, то отработавший свою смену рабочий механического отделения может уйти с работы, но не иначе как заявив об этом старшему слесарю, который должен сделать распоряжение о замещении опоздавшего и немедленно сообщить об этом Механику или его помощнику; старшие же рабочие по отделам должны заявить об опоздании своего сменщика в денное время — заведующему отделом, а в ночное время — ночному смотрителю.

8. Каждый рабочий, придя на фабрику, должен отправиться на место своей работы; ходить в другие отделения без надобности строго воспрещается. Точно так же вход в электрическую станцию и помещения паровых котлов и машин всем рабочим, не работающим там, строго воспрещается.

9. Чистые концы холстов, ленты, ровницы, пряжу следует складывать в назначенные для сего места, а не бросать их на пол, точно так же и при подметании не следует смешивать их с грязью, подметью, а подбирать и складывать на место.

10. Обтирание машины дозволяется только теми тряпками и концами, которые выдаются именно для этой цели.

11. Воспрещается подниматься и опускаться на подъемной машине всем рабочим.

Управление подъемной машиной поручается особому рабочему, и кроме него никто не имеет права исполнять эту работу. Двери, ведущие на подъемную машину, во всех этажах должны быть заперты, если против них не стоит ящик этой машины. В ящик запрещается нагружать более 40 пудов.

12. Рабочие в нетрезвом виде не должны являться на работу, и замеченные в таком виде уже на работе удаляются с нее.

13. Воспрещается приносить в фабрику вино, водку и всякие спиртные напитки, производить шум, брань, ссоры, драки и разного рода шалости, бесчинства и непристойные поступки в отношении женского пола, всякого рода игры на деньги и без денег.

Примечание. Во избежание конфискации приносимого рабочими с собой вина в промышленные заведения, допускается уничтожение этого вина в присутствии самого рабочего.

14. Никто из работающих в фабрике не должен уходить из фабрики без дозволения заведующего отделом, а в ночное время — без дозволения старшего ночного смотрителя, которыми и определяется продолжительность отлучек в каждом таком случае.

15. Отпуск рабочих на более или менее продолжительное время делается только по особо уважительным причинам, с разрешения Заведующего Мануфактурою, без сохранения содержания.

16. Рабочий, имеющий надобность в отпуске, обязан испросить на то разрешение и получить записку, на сколько времени уволен. Явившись на работу, должен записку эту представить формулярщику для отметки. Если отлучка рабочего продолжится более разрешенного, и на это рабочий не представит удостоверение от кого следует в том, что прогул им сделан по уважительным причинам, то за излишнее время против отпуска с рабочего взыскивается как за самовольный прогул согласно табели, утвержденной фабричной инспекцией.

17. Воспрещается без разрешения Заведующего Мануфактурою вводить в фабрику посторонних лиц, хотя бы и родных, особенно малолетних.

18. В случае неправильного подсчета книжки, отпуска недоброкачественной провизии или ненадлежащего ее веса рабочий должен заявить об этом Заведующему Мануфактурою или его помощникам, а отнюдь не позволять себе шума и брани в Конторе или фабричной лавке.

19. Все орудия производства и инструменты полагаются от фабрики. За порчу их или утрату виновные подвергаются взысканию. Ничего не дозволяется брать из фабрики, хотя бы на время, а равно производить какие-либо работы для себя или посторонних лиц.

20. Все работающие в фабрике обязаны повиноваться не только Заведующему Мануфактурою, Заведующим фабриками и Заведующим отделами, но и старшим рабочим. И в обращении с ними, а также со всеми служащими Конторы, равно как и между собою, наблюдать тишину и пристойность.

21. Рабочие в черте фабричного двора, а также и вблизи его обязаны вести себя тихо и прилично, не дозволяя себе употребления грубых, бранных, неприличных слов, а также пения неприличных песен, брани, драки и кулачного боя и запрещенных законом азартных игр на деньги или вещи (в карты, орлянку и т. п.) и разгуливания в нетрезвом виде.

Примечание. Непосредственное наблюдение за исполнением рабочими правил, касающихся поведения их в черте фабричного двора, поручается сторожам-

хожалым, а посему рабочие должны подчиняться всем законным требованиям их и предъявлять, если понадобится, свой нумер (металлическая бляха).

22. В случае желания заявить что-либо Заведующему от имени целого отделения рабочие не должны покидать своих машин все, а заявить о своем желании заведующему отделением или через депутатов для передачи Заведующему, который и вызовет желающих говорить в смену. За всеми объяснениями или просьбами отдельные рабочие должны обращаться к Заведующему в Контору в 9 часов утра.

23. С фабричным имуществом рабочие обязаны обращаться бережно: рамы, двери, лестницы и стены не портить и стекол не бить. На виновных в умышленной порче имущества налагается взыскание.

Г. О предосторожностях при обращении с огнем

Во избежание несчастий, могущих произойти от неосторожного обращения с огнем, рабочие должны соблюдать следующие правила:

1. Рабочим воспрещается иметь при себе на работе зажигательные спички; в жилых же помещениях дозволяется иметь только шведские спички, которые и продаются в фабричной лавке по пониженной цене.

Примечание. Так как всем рабочим воспрещается приносить в фабрику спички, то поэтому каждый рабочий, войдя в фабричные сени, обязан осмотреться, и если у него окажутся спички, непременно передать их для хранения сторожу.

2. Рабочим во всех частях фабрики и фабричного двора воспрещается: 1) курение табаку; 2) разведение огня зажиганием спичек или другим каким-либо способом; 3) пронесение раскаленных угольев, зажженной лампы или свечей и проч. Курение табаку внутри фабрик разрешается исключительно лишь в отхожих местах фабрики, при строгом соблюдении особо установленных для этого правил. Так как несоблюдение правил предосторожности при обращении с огнем может повлечь за собою возникновение пожара, а с ним и большие убытки как Товариществу, так и самим рабочим, то Контора фабрики строго следит за исполнением этих правил.

3. В случае пожара в трепальном или сортировочном отделениях трепальщики должны немедленно охолостить (остановить) свои машины и приступить к тушению пожара.

Д. О предосторожностях при обращении с машинами

1. Каждому рабочему вменяется в непременную обязанность быть на работе внимательным и иметь всевозможную осторожность при действии машин и аппаратов, дабы не подвергаться опасности.

2. Старший рабочий всякому вновь поступающему в его отделение рабочему обязан показать и объяснить все опасные части машин, на которых он будет работать, и наставить его, как обращаться с этими машинами, чтобы избежать несчастного случая. Старшие рабочие не должны без личного надзора допускать неопытных к исполнению работ, в особенности строго должны смотреть за малолетними.

3. Во время хода машин строго воспрещается чистить их: это следует делать или во время остановки паровой, или же, если это понадобится сделать во время хода паровой, следует вполне остановить ту машину, которую нужно очистить.

4. Не дозволяется во время движения мюльной машины мести пол и заходить за движущуюся каретку; прядильщикам вменяется в обязанность смотреть за ставельщиками и не пускать в ход машины до тех пор, пока ставельщик не удалится от нее, исполнив свою работу.

5. Никто из рабочих не имеет права пустить остановленную машину, кроме старшего рабочего и того, кто при ней работает, но и они должны предварительно осмотреться кругом машины и криком предупредить, что машина пускается в действие, чтобы неожиданным пусканием ее не принести вреда кому-либо, случайно находящемуся около нее.

6. Воспрещается открывать и снимать футляры и крышки, прикрывающие движущиеся части машин во время хода сих последних и пускать машину в ход, когда футляры сняты.

7. Воспрещается трогать опасные части машин во время их хода.

8. Строго воспрещается всем рабочим снимать и надевать ремни машин и приводов во время хода их: это должны делать только те, которым поручена эта обязанность.

Примечание 1. Малолетним безусловно воспрещается надевать, снимать, чистить и вообще касаться приводных ремней.

Примечание 2. При разрыве приводного ремня на всех машинах сшивают его и накидывают на шкив шорники со смотрителями или смазывальщики; на мюлях же эту работу могут исполнять шорники с прядильщиками.

Во время точения чесальных машин снимают и накидывают ремни на шкивы точильщики.

9. Смазывать машины могут только те рабочие, которым поручена эта обязанность, причем, они должны соблюдать крайнюю осторожность и обыкновенно смазывать машины, остановив их предварительно.

Примечание. Во время движения, если это понадобится, смазывальщик может смазывать лишь такие части, которые прямо на виду, совершенно доступны, не загорожены и никакой опасности не представляют и которые при всем этом указаны ему заведующим отделением.

10. За чистку и смазывание машин во время хода их, кроме того рабочего, который позволил себе это, отвечают старшие рабочие, у которых случится отступление от установленного правила, а в прядильных отделениях также и прядильщики, под руководством которых работают присучальщики и ставельщики.

11. Рабочему не дозволяется подходить и делать что-либо с машиною, а также к главным шестерням и приводам, к которым он не приставлен.

12. Машинист, смотрящий за паровой машиной, обязан немедленно остановить машину при первом заявлении кого бы то ни было о несчастии или обстоятельствах, требующих немедленной остановки паровой машины.

13. Каждый рабочий имеет право и обязанность принимать все меры разумной предосторожности, какие найдет нужными для предотвращения могущей грозить ему опасности, если же рабочий, при обращении с машиной, не может лично предотвратить усмотренной им опасности, то обязывается немедленно объявить о том заведующему отделением.

Е. О предосторожностях при обращении с приводами

1. Обметание шкивов и валов во время хода дозволяется производить с пола и только посредством щетки на длинной ручке; эту работу исполняют смазывальщики по приводам и другие рабочие, к этому приставленные.

2. Чистка приводных валов лежит на обязанности приводных смазывальщиков; она должна производиться с пола с помощью крючка, обвитого снурком.

3. Смазывальщики по приводам должны быть одеты в куртки с узкими рукавами; куртки выдаются от фабрики за счет конторы.

4. Приводные смазывальщики обязаны чистить зубчатые колеса, шкивы, муфты, подшипники и проч. только во время общей чистки, в назначенное время, когда приводы не в действии.

5. Производить какие-либо работы во время случайных остановок паровой машины и приводов, или во время остановок в сменах, а также утром на заработке пред началом работы в фабрике дозволяется только в таком случае, когда это разрешено механиком или его помощником. В этих случаях паровщики обязаны пускать в ход машину только по особому распоряжению с места работы.

Ж. Дополнительные правила для рабочих ткацкого отделения

1. Работать ткачи обязуются тот сорт товара, какой найдет нужным Контора, по ценам, назначенным в расценочных табелях.

2. В случаях, когда это найдет нужным Контора, работа ткачами будет производиться при таком учете: основа и уток поступают к ткачам с весу; сработанный товар и угар принимается Конторой также с весу.

3. Если по сдаче сработанного товара окажется в нем порча, или превышение угара против допускаемых норм, то на рабочего налагается взыскание по табели, утвержденной Фабричной Инспекцией.

4. Угар, зачинки и концы рабочие должны до сдачи в Контору сохранять в имеющихся у них ящиках и корзинах и своевременно сдавать в Контору.

5. Раскидывать зачинки по полу, возле машин и под машины, под лестницами, а также в отхожих местах строго воспрещается.

6. Рабочим вменяется в обязанность без всякой платы носить на свои места материалы, нужные для них при выработке товара, как то: уточные початки, основные початки для размотки, катушки шпульные и проч., а ткачам также и навои с основной пряжей.

З. Дополнительные правила для рабочих крутильного отделения

1. Работать тростильщицы и крутильщицы обязуются тот сорт пряжи, какой найдет нужным Контора, по ценам, назначенным в расценочных табелях.

2. В случаях, когда это найдет нужным Контора, работа будет производиться при таком учете: пряжа поступает к тростильщицам и крутильщицам с весу; сработанный товар и угар принимается Конторой также с весу.

3. Если по сдаче сработанного товара окажется в нем порча или превышение угара против допускаемых норм, то на рабочего налагается взыскание по табели, утвержденной Фабричной Инспекцией.

4. Угар, зачинки и концы рабочие должны до сдачи в Контору сохранять в имеющихся у них ящиках и корзинах и своевременно сдавать в Контору.

5. Раскидывать зачинки по полу, возле машин и под машины, под лестницами, а также в отхожих местах, строго воспрещается.

6. Рабочим вменяется в обязанность без всякой платы носить на свои места материалы, нужные для них при выработке товара, как то: пряжу для размотки, катушки, шпули и проч.

Заведующий Мануфактурою А. Грязнов

Утверждаю марта 21-го дня 1910 г.

Фабричный Инспектор
Ярославской губ. 1-го участка Ив. Варшалович.

К исх. № 139 _____

Ярославль. Типо-лит. Г. А. Петражицкого

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 108.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Печатное объявление правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина рабочим

[октябрь 1905 г.]

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В течение последнего смутного времени рабочие ситценабивной фабрики Т-ва м-р Н. Н. Коншина, несмотря на забастовки рабочих на других фабриках, оставались всегда совершенно спокойными и с обычным усердием и добросовестностью производили свои работы. В этом Правление фабрики видело доверчивое отношение к нему рабочих и с своей стороны всегда заботилось об улучшениях жизни и быта их. Уже в начале текущего года был уменьшен рабочий день и повышена заработная плата; с тех пор разрабатывался вопрос о дальнейших улучшениях в этом направлении. Но в последнее время, когда в поведении рабочих ситценабивной фабрики Правление увидело новое подтверждение их благоразумного, благонадежного и добросовестного отношения к общему делу, оно нашло возможным, ранее чем предполагало, представить рабочим ситценабивной фабрики новые льготы и тем показать им, что Правление умеет ценить и вознаграждать заслуги своих рабочих.

1. С 10 октября сего года рабочий день на ситценабивной фабрике будет продолжаться с 6 часов утра до 6 часов пополудни с обычным перерывом на обед в 1,5 часа, т. е. всего лишь 10,5 часов в день. Ночные же работы будут производиться с 6 часов пополудни до 2,5 часов ночи, т. е. 8,5 часов, а под праздники и Воскресные дни от 5,5 час. дня до 12 час. ночи.

2. Таким сокращением рабочего времени повышается стоимость труда всех работающих на фабрике. Для рабочих механического отделения повышается расценка за сверхурочные, обязательные работы, так что каждые 6 часов сверхурочных работ будут считаться за день, вместо существующих обычных 8 часов. Тем из рабочих фабрики, которые получают низкую по сравнению с другими рабочими, заработную плату, Правление находит возможным сделать прибавки, а именно: МАЛЬЧИКАМ поденно работающим в размере 4 КОПЕЕК, а ЖЕНЩИНАМ и МУЖЧИНАМ ПОДЕННО-РАБОТАЮЩИМ ЧЕРНОРАБОЧИМ в размере 5 КОПЕЕК В ДЕНЬ.

3. Расценки на сдельные работы на фабрике будут пересмотрены и повышены соответственно с уменьшением рабочего дня.

4. Рабочим, не пользующимся квартирами в спальнях фабрики, будут выдаваться квартирные деньги в размере 1 р. 50 к. в месяц на рабочего.

Правление Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове

Директоры Правления: С. Коншин
В. Баршев

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 201. Л. 99.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Доверенности правления Торгово-промышленного Товарищества Ярославской Большой мануфактуры Алексею Флегонтовичу Грязнову на заведование мануфактурой. 1907 г.

[Документ 1]

Москва, января 30-го 1907 г.

Правление Торгово-промышленного Товарищества
ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ в Москве

ДОВЕРЕННОСТЬ
ГОСПОДИНУ ЗАВЕДУЮЩЕМУ ЯРОСЛАВСКОЮ БОЛЬШОЮ
МАНУФАКТУРОЮ ИНЖЕНЕР-МЕХАНИКУ
АЛЕКСЕЮ ФЛЕГОНТОВИЧУ ГРЯЗНОВУ

Милостивый Государь,
Алексей Флегонтович,

Правление Товарищества Ярославской Большой мануфактуры настоящею доверенностью уполномочивает Вас с первого февраля сего 1907 года принять на себя главное управление мануфактурою Товарищества в городе Ярославле в административном, техническом и хозяйственном отношениях, во всем согласно с существующими узаконениями, предписаниями фабричной инспекции и с соблюдением интересов Товарищества. Для чего предоставляется Вам право: нанимать всех служащих и рабочих людей Мануфактуры и принадлежащих к ней учреждений на условиях, какие Вы найдете выгодными для Товарищества; увольнять по усмотренным Вами основаниям тех из них, которые не имеют договоров, заключенных непосредственно с Правлением. Вам как Главнозаведующему Мануфактурою Товарищества подчиняются все служащие на фабриках и во всех зданиях и учреждениях при них, а также заведующие отдельными отраслями дела; последние — согласно заключенных с ними Правлением договоров. В качестве Главнозаведующего Мануфактурою Товарищества Вам предоставляется право: входить в письменные и устные сношения по делам фабрик со всеми присутственными местами, общественными и частными учреждениями, начальствующими и должностными лицами; получать без особого полномочия от Правления денежную, ценную, посылочную и заказную корреспонденцию из Ярославской Почтовой Конторы; открывать и закрывать от имени Товарищества текущие счета в местном отделении Государственного Банка, подписывать чеки по оным; получать чеки от всех учреждений и от частных лиц в г. Ярославле по переводам, транспортным квитанциям и всяким другим документам; вносить следуемые с Товарищества гильдейские повинности, городские, земские, казенные и всякие иные налоги; вести относящиеся до фабрик Товарищества судебные и административные дела и поручить ведение таких дел другим лицам с выдачею им надлежащих полномочий, с правом дальнейшего передоверия. На Вас, как на Главнозаведующего Мануфактурою Товарищества, возлагается общее наблюдение за своевременным и точным исполнением всех распоряжений и поручений Правления; за принятием должных мер к содержанию в надлежащем порядке всех зданий, машин, приспо-

соблений и всякого имущества Товарищества; за хранением актов, документов и деловых бумаг; за правильным ведением кассы, счетоводства и отчетности на фабриках Товарищества. При отлучках Ваших из города Ярославля Вы имеете избирать себе заместителя из числа заведующих отдельными отраслями дела по Вашему усмотрению, снабжая избранное Вами лицо надлежащими инструкциями и доводя о сем до сведения Фабричной Инспекции. Вышеизложенные полномочия в отдельных действиях по вверенному Вам главному заведованию Мануфактурою Товарищества Вы можете передоверять другим лицам по Вашему избранию. Во всем, что Вами на основании настоящей доверенности будет законно совершено, Правление Товарищества Вам верит, спорить и прекословить не будет.

ПРАВЛЕНИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА
ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ
ДИРЕКТОРЫ: С. Карзинкин
А. Карзинкин
Н. Скобеев

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 96. Копия.

[Документ 2]

Москва, 8-го ноября 1907 г.

Правление Торгово-промышленного Товарищества
Ярославской Большой мануфактуры в Москве

ДОВЕРЕННОСТЬ

Милостивый Государь,
Алексей Флегонтович,

Настоящею доверенностью Правление Торгово-промышленного Товарищества Ярославской Большой мануфактуры уполномочивает Вас оканчивать миролюбивым соглашением дела по претензиям и искам, предъявленным к Товариществу лицами, получившими расстройство в здоровье и увечья на фабриках Товарищества в городе Ярославле. Для означенной цели вы можете совершать мировые соглашения, всякого рода договоры, всюду расписываться, где будет следовать давать подписи и обязательства; подавать во все присутственные, судебные и административные места прошения, заявления и всякого рода и наименования бумаги, — словом, по всем означенным делам действовать, как бы действовало Правление Товарищества. Настоящие полномочия Вы можете частями передоверять другим лицам по Вашему усмотрению. Во всем, что Вами и Вашими поверенными на основании настоящей доверенности будет законно совершено, Правление Вам верит, спорить и прекословить не будет. Доверенность эта принадлежит Заведующему фабриками Товарищества Ярославской Большой мануфактуры инженеру, АЛЕКСЕЮ ФЛЕГОНТОВИЧУ ГРЯЗНОВУ.

Правление Торгово-промышленного Товарищества
ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ
Директоры: Н. Скобеев
А. Карзинкин

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 59. Л. 98.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Динамические ряды средней величины заработной платы рабочих различных специальностей ситценабивной и ткацких фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1898–1914 гг.

Год	Рисовальная	Граверн.	Белильн.	Красильн.	Слесари	Ткачи		Прядильщики ПТФ	Присучальщики ПТФ	Ватерщицы на парах ПТФ	Банкаброшницы на ровных ПТФ
						ПТФ	НТФ				
1898	145,68	126,29	23,80	45,69	74,98						
1899	170,94	127,27	26,39	56,06	84,84						
1900	200,42	129,68	27,94	63,26	91,18						
1901	145,57	116,03	55,43	53,45	91,79	63,17	71,25	97,95	68,55		
1902	157,78	115,13		55,80		62,14	74,00	94,22	66,87		
1903	185,47	125,98		54,99		66,12	73,85	104,49	73,58	56,49	
1904	188,54	152,31		53,31		62,33	72,63	101,72	71,46	54,81	
1905	210,81	150,61	60,35	60,91	120,26	70,16	77,23	107,64	69,62	58,27	63,30
1906	223,15	159,49	70,75	63,87	131,51	78,69	85,89	118,78	94,02	66,00	72,46
1907	229,61	177,11	80,82	71,71	141,28	83,48	92,89	123,44	105,03	69,99	77,92
1908	232,16	182,48	81,38	70,95	143,58	81,95	91,45	126,36	113,37	70,81	78,71
1909	223,81	179,06	82,24	76,96	143,08	86,90	90,81	127,06	101,44	69,64	79,86
1910	237,17	194,42	77,86	69,53	149,94	83,32	92,48	133,17	102,40	72,23	80,18
1911	244,89	202,53	80,75	80,32	149,90	85,08	93,10	142,32	106,73	79,08	94,71
1912	260,57	199,40	88,67	83,47	149,09	83,78	97,76	148,86	100,65	79,60	93,37
1913	274,08	196,87	78,24	74,97	144,90	87,16	99,74	140,00	103,75	80,66	92,75
1914				80,61		84,09	100,76	139,39	102,54	87,48	92,09

Источники: *для ситценабивной фабрики:* за 1905–1913 гг. — ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 927. Л. 1–3 (и это данные за целый год, например, 1905/06 г.). За 1898–1904 гг. только на январь на основании расчетных книг и архивного дела: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1357 (для 1898–01 гг.). При расчетах делалось следующее допущение: число рабочих дней, если оно не было прямо указано в архивных документах, принималось за 24. *Для ткацких фабрик:* За 1901–1909 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 39 об.–40; за 1905–1914 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 931. Л. 1 об.–2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Решение Совета фабрикантов и заводчиков по поводу назначения ставок оплаты труда в Серпуховском уезде с Пасхи 1917 г.

Совет фабрикантов и заводчиков г. Серпухова и его уезда, рассмотрев в заседании своем от 4.5.17 требования рабочих фабрик Серпуховского района об увеличении заработной платы, постановил довести до сведения Согласительной Комиссии, что он находит возможным сделать следующие прибавки к допасхальному основному заработку рабочих:

зарабатывавшим до 1 рубля		— 100 %
–"–	1 руб. 50 коп.	— 70 %
–"–	2 руб.	— 55 %
–"–	2 руб. 50 коп.	— 46 %
–"–	3 руб. и выше	— 40 %

при непременном условии, чтобы фабрики, отпускавшие рабочим харчи по удешевленным расценкам, с введением настоящей прибавки, продавали таковые по ценам, установленным Прод. Комитетом, а продукты не нормированные — по рыночным ценам; взамен же удешевленного расценка на харчи будет увеличено соответственно военное пособие и, в частности, Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина будет выдавать:

МУЖЧИНАМ, вместо выдававшихся ранее	44 коп. + 8 %	— 1 руб.
ЖЕНЩИНАМ –"–	34 коп. + 8 %	... 85 коп.
ПОДРОСТКАМ –"–	30 коп. + 8 %	... 70 коп.

Тем фабрикам, которые военное пособие ввели в основной заработок, надлежит при исчислении размера новых прибавок учитывать означенное пособие.

[Далее в источнике дана *«Диаграмма прибавок к основному заработку рабочих, единогласно принятых согласительной Комиссией для фабрик Серпуховского района. 8-го мая 1917 г. (Прибавки вводятся с 1.4.1917)»*]

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 283. Л. 5. Машинопечатная копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Таблица 1

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — взрослых мужчин за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Смазывальщики	118	99	2 918	26 266	6 577	32 843	2 371	801	3 172	41
Старшие рабочие щипальной	20	18	439	3 955	843	4 798	470	134	604	14
Ремонтировщики	15	13	325	3 250	665	3 915	371	106	477	6
Сортировщики, щипальщики, настилальщики и трепальщики	343	22	6 891	61 919	702	62 621	5 094	84	5 178	61
Слесаря	2	2	47	477	75	552	50	11	61	2
Концовщики	3	1	74	672	22	694	61	3	64	0
При концедральных машинах	33	0	697	6 273	0	6 273	541	0	541	8
Приемщики угара	5	0	99	893	0	893	145	0	145	3
Старшие рабочие чесальной	26	22	635	5 715	752	6 467	811	122	933	11
Ремонтировщики и помощники их	38	35	929	9 290	1 687	10 977	939	246	1 185	14
Шляпочники	17	3	411	4 110	59	4 169	339	9	348	5
Чесальщики, обмахивальщики, тазовщики, вертельщики барабанов	254	2	4 642	41 785	42	41 827	3 416	4	3 420	51
Чесальщики с барабанов	68	0	1 668	15 012	0	15 012	2 496	0	2 496	26

Продолжение табл. 1

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
Старшие рабочие банкаброшей	28	26	694	6 250	916	7 166	810	156	966	11
Ремонтировщики	34	34	842	8 420	1 287	9 707	711	155	866	14
Старший ремонтировщик	1	1	25	250	50	300	54	16	70	0
Поверяльщики ленты и ровницы	18	1	446	4 014	48	4 062	485	10	495	7
Клеймильщики ровницы	19	2	470	4 230	60	4 290	363	6	369	3
Ровничники	54	1	1 283	11 551	6	11 557	906	1	907	9
Разборщики катушек	18	0	446	4 014	0	4 014	279	0	279	8
Ленточники	116	0	2 642	23 778	0	23 778	2 427	0	2 427	40
Банкаброшники	61	0	1 381	12 429	0	12 429	1 329	0	1 329	33
Слесари по ремонту	6	6	149	1 490	274	1 764	168	46	214	2
Столяры по ремонту	3	3	75	750	135	885	85	22	107	2
Лачильщики валиков	7	0	173	1 557	0	1 557	146	0	146	1
Концовщики	2	0	55	495	0	495	36	0	36	0
Б. Мюльно-ватерное отделение										
Старшие рабочие	23	21	534	4 806	507	5 313	826	99	925	7
Ремонтировщики	23	23	569	5 690	1 377	7 067	761	270	1 031	7
Прядильщики	245	0	5 610	50 492	0	50 492	8 291	0	8 291	79
Присучальщики I	243	0	5 616	50 550	0	50 550	6 606	0	6 606	82
Присучальщики II	702	4	15 852	142 668	162	142 830	13 951	15	13 966	184

Шишечники	47	0	1 153	10 377	0	10 377	788	0	788	20
Таскальщики пряжи и ровницы	51	4	1 259	11 333	63	11 396	986	10	996	21
Таскальщики железных ящиков	4	0	102	918	0	918	70	0	70	3
Слесари по ремонту	7	7	166	1 660	379	2 039	195	64	259	5
Столяры по ремонту	5	5	117	1 160	312	1 472	146	55	201	2
Концовщики	14	1	360	3 240	66	3 306	264	13	277	8
Сторожа при ретирах	12	0	289	2 601	0	2 601	164	0	164	8
Старшие рабочие ватерных машин	16	16	394	3 546	573	4 119	511	108	619	10
Ремонтировщики	7	7	173	1 730	553	2 283	215	97	312	3
Шишечники	15	0	353	3 180	0	3 180	262	0	262	4
Таскальщики пряжи	14	7	345	3 109	98	3 207	298	12	310	5
Шнуровщики	30	0	708	6 374	0	6 374	475	0	475	6
Разборщики шпуль	6	0	148	1 332	0	1 332	103	0	103	1
Сторожа	6	4	133	1 201	56	1 257	75	5	80	2
Поверяльщики пряжи	3	0	74	668	0	668	44	0	44	1
Концовщики	2	0	49	445	0	445	36	0	36	0
Столяры	2	2	48	480	133	613	63	20	83	0
Слесаря	3	3	74	742	167	909	135	28	163	0
Старшие валечники	1	1	20	200	20	220	45	7	52	1
Резальщики опойка	1	0	24	245	0	245	32	0	32	1
Обертывальщики валиков	4	0	89	895	0	895	57	0	57	0
Клеильщики и обтягивальщики	9	2	222	2 227	40	2 267	146	4	150	2
Обжигальщики и строгальщики	7	1	172	1 720	20	1 740	147	2	149	2
Разборщики	6	0	147	1 477	0	1 477	122	0	122	1
Г. Разные места										
Рабочие при подъемных машинах	23	23	568	5 114	660	5 774	476	71	547	7

Продолжение табл. 1

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
При письменных занятиях	7	4	173	1 688	320	2 008	149	48	197	3
Согревальщики самоваров	1	0	24	223	0	223	19	0	19	0
Подметальщики	12	1	297	2 673	6	2 679	184	1	185	4
Возильщики пряжи	14	9	346	3 118	130	3 248	226	15	241	6
Старшие рабочие крутильного отделения	2	2	49	445	80	525	68	15	83	0
Ремонтировщики	1	1	25	250	81	331	25	12	37	1
Таскальщики пряжи	7	0	172	1 550	0	155	144	0	144	2
Д. Мотальное отделение										
Поверяльщики пряжи	1	1	24	222	22	244	28	2	30	0
Весовщики пряжи	1	1	24	222	82	245	18	2	20	0
Выдавальщики пряжи	2	0	49	445	0	445	32	0	32	2
Приемщики пряжи	2	2	49	445	22	467	37	2	39	0
Слесаря по ремонту	3	3	74	742	91	833	74	28	102	2
Столяры по ремонту	1	1	24	247	39	286	46	7	53	0
Ремонтировщики	3	2	74	747	88	836	72	12	84	2
Упаковочное отделение										
Старшие рабочие-укладывальщики	8	8	178	1 785	110	1 895	197	16	213	4
Укладывальщики	54	5	1 254	12 542	41	12 584	1 394	5	1 399	13
Весовщики	4	0	102	1 025	0	1 025	168	0	168	1
Околачивальщики ящиков	7	0	153	1 535	0	1 535	167	0	167	4

Пломбировщики	9	0	225	2 255	0	2 255	403	0	403	4
Разборщики брака	2	1	50	500	6	506	41	1	42	1
Плотники	2	0	47	477	0	477	34	0	34	2
Подметальщики	2	2	50	500	44	544	33	5	38	1
Старшие рабочие на прессовке пряжи	4	4	99	891	117	1 008	85	14	99	3
Крутильщики	19	6	470	4 230	65	4 295	289	4	293	11
Прессовщики пачек	9	9	222	1 998	121	2 119	240	23	263	5
Паковщики кип	5	0	123	1 116	0	1 116	160	0	160	2
Штемпельщики и литировщики	2	1	49	444	8	452	38	2	40	0
Ваточники	8	0	194	1 750	0	1 750	225	0	225	3
Паковщики ваты	3	0	74	670	0	670	102	0	102	1
Возильщики ваты	3	0	69	623	0	623	57	0	57	0
Съемщики ваты	3	0	69	623	0	623	96	0	96	1
Веревочники	4	0	97	873	0	873	86	0	86	1
Шнуровщики	3	0	70	634	0	634	57	0	57	1
Сновальщики для веревок	3	0	71	641	0	641	82	0	82	1
II. Ткацкое производство										
Шлихтовальщики	16	0	393	3 543	0	3 543	605	0	605	3
Клеевары	2	2	31	281	103	384	38	9	47	0
Таскальщики основ	20	3	498	4 482	33	4 515	393	4	397	4
Таскальщики навоев	6	2	148	1 336	11	1 348	111	1	112	5
Таскальщики сновальных навоев	3	0	77	693	0	693	61	0	61	1
Бердочники	3	3	74	670	183	853	79	29	108	1
Ремизники	3	3	74	670	40	710	49	3	52	2
Упаковщики навоев	2	1	49	497	6	503	72	1	73	7
Старший рабочий при проборах	1	1	25	252	17	267	25	2	27	8

Окончание табл. 1

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
Слесаря	8	8	196	1 960	357	2 317	219	55	274	3
Старшие рабочие ткацкой	62	4	1 538	13 842	100	13 942	2 584	15	2 599	32
Ремонтировщики	2	2	75	750	100	850	156	34	190	2
Ткачи	390	5	8 845	49 607	117	49 724	8 878	19	8 897	146
Столяры	6	6	148	1 487	446	1 933	162	70	232	4
Концовщики	9	0	197	1 773	0	1 773	115	0	115	5
Приемщики пряжи	5	5	126	1 135	120	1 255	107	12	119	0
Выдавальщики пряжи	13	1	258	2 324	10	2 334	199	1	200	7
Складывальщики миткаля	4	2	98	980	40	1 020	93	3	96	1
Подборщики миткаля	3	3	62	620	127	747	67	15	82	1
Прессовщики и паковщики	4	0	99	990	0	990	119	0	119	1
III. Ремонтные мастерские										
Слесари	46	46	1 040	10 407	2 594	13 001	1 639	475	2 114	15
Токари по металлу	36	36	810	8 105	1 100	9 205	1 366	150	1 516	11
Токари по дереву	3	0	74	745	0	745	178	0	178	0
Столяры и модельщики	21	21	456	4 562	983	5 545	556	142	698	7
Кровельщики и паяльщики	9	9	195	1 955	407	2 362	297	67	364	5
Кузнецы и молотобойцы	21	21	514	5 147	700	5 847	619	85	704	11
Чернорабочие	33	33	712	7 125	2 507	9 632	554	242	796	14
Маляры	3	3	77	772	27	799	83	4	87	2

Слесарно-рабочие	4	4	97	975	247	1 222	153	26	179	3
Шорники	1	1	24	245	133	378	20	14	34	0
Паровщики	3	3	62	627	500	1 127	53	66	119	2
Кочегары	8	8	190	1 905	727	2 632	148	79	227	5
Резальщики железа	2	2	39	395	120	515	50	11	61	0
Литейщики	23	1	529	5 297	27	5 324	1 013	11	1 024	5
Рабочие при литейной	7	6	173	1 732	160	1 892	139	19	158	1
Машинисты на паровозе	2	2	50	500	393	893	61	69	130	1
Помощники машиниста	2	2	50	500	393	893	49	50	99	1
Слесаря при пожаротушении	7	7	170	1 700	894	2 594	180	132	312	2
IV. Вспомогательные рабочие для всех групп производства										
Шнуровщики	28	28	677	6 093	3 666	9 759	499	361	860	11
Смотрители за паром и водой	8	8	198	1 782	1 233	3 015	168	142	310	2
Котлочисты	3	3	75	750	247	997	63	30	93	2
Скидывальщики дров	19	19	438	3 948	1 477	5 429	322	148	470	8
Паровщики	21	21	507	4 563	3 620	8 183	605	614	1 219	6
Помощники паровщиков	24	24	584	5 256	2 600	7 856	530	331	861	9
Сращивальщики канатов	2	2	50	500	426	926	47	56	103	1
Турбинщики	3	3	75	750	513	1 263	120	53	173	1
Смазывальщики	17	17	421	3 793	520	4 313	317	119	436	5
Шорники	20	20	495	4 455	585	5 040	449	86	535	9
Чернорабочие	481	255	12 918	129 187	16 723	145 910	10 407	1 692	12 099	221
Всего	**4 627***	**1 176**					**103 846**	**8 630**	**112476**	**1 553**

* Всего в этот период на ЯБМ работало 4 651 взрослых мужчин.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227. Л. 1–8.

Таблица 2

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — взрослых мужчин — за июнь 1916 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочн. времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверх урочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Смазывальщики	101	93	2 484	22 358	6 403	28 761	4 268	1227	5 495	33
Старшие рабочие при палате	24	19	494	4 451	677	5 128	1 039	173	1 212	10
Ремонтировщики	11	10	271	2 717	556	3 273	591	154	745	3
Сортировщики, щипальщики и трепальщики	163	14	3 424	30 818	504	31 322	6 081	98	6 179	15
Слесаря по ремонту	2	2	49	443	130	573	106	92	138	0
При концедральных машинах	29	0	465	4 185	0	4 185	838	0	838	4
Приемщики угара	6	1	146	1 314	33	1 347	351	11	362	3
Старшие рабочие на чесальных машинах	22	20	507	4 571	823	5 394	1 040	182	1 222	10
Шляпочники	17	10	406	3 654	137	1 791	702	29	731	5
Чесальщики, обмахивальщики, тазовщики	24	1	530	4 770	11	4 781	848	2	850	2
Холстовщики	48	0	1 089	9 802	0	9 802	1 896	0	1 896	7
Чесальщики при барабанах	69	0	1 689	15 205	0	15 205	4 465	0	4 465	18
Точильщики	30	16	674	6 066	474	6 540	1 174	90	1 264	6
Подметальщики	12	0	301	2 709	0	2 709	444	0	444	5

Старшие рабочие банкаброшей	30	29	718	6 462	1 114	7 576	1 556	298	1 854	12
Ремонтировщики	81	77	1 964	19 640	3 063	22 703	3 536	683	4 219	31
Старшие ремонтировщики	1	1	25	250	50	300	84	22	106	0
Поверяльщики миткаля и ровницы	17	4	421	3 789	80	3 869	816	19	835	8
Клеймильщики ровницы	6	0	149	1 341	0	1 341	253	0	253	0
Ровничники	33	1	789	7 101	10	7 111	1 253	2	1 255	5
Разборщики катушек	12	0	297	2 673	0	2 673	427	0	427	7
Ленточники	90	0	1 953	17 577	0	17 577	3 634	0	3 634	30
Банкаброшники	48	0	1 044	9 401	0	9 401	1 942	0	1 942	27
Слесари по ремонту	6	6	150	1 500	255	1 755	335	68	403	1
Столяры по ремонту	6	3	75	750	167	917	163	44	207	1
Лачильщики валиков	7	1	173	1 730	6	1 736	289	2	291	1
Концовщики	5	2	124	1 123	29	1 151	198	7	205	1
Шишечники	1	0	25	225	0	225	45	0	45	0
Б. Мюльно-ватерное отделение										
Старшие рабочие мюль	24	20	589	5 301	530	5 831	1 412	156	1 568	5
Ремонтировщики мюль	23	22	546	5 460	1 233	6 693	1 286	377	1 663	4
Прядильщики	234	0	5 464	49 176	0	49 176	14 727	0	14 727	72
Присучальщики I	179	0	4 100	36 900	0	36 900	11 869	0	11 869	62
Присучальщики II	535	3	8 696	78 264	108	78 372	14 672	18	14 690	107
Шишечники	43	0	1 059	9 531	0	9 531	1 614	0	1 614	16
Таскальщики пряжи	62	4	1 426	12 838	240	13 078	2 346	65	2 411	23
Таскальщики железных ящиков	2	0	49	445	0	445	89	0	89	0
Слесари по ремонту	9	9	221	2 210	440	2 650	629	138	767	4

Продолжение табл. 2

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочн. времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверх урочных	всего				
Сторожа	13	0	316	2 844	0	2 844	426	0	426	6
Старшие рабочие ватеров	17	16	388	3 492	567	4 059	804	162	966	11
Ремонтировщики	8	8	182	1 820	460	2 280	407	129	536	4
Шишечники	16	0	256	2 562	0	2 562	419	0	419	5
Таскальщики пряжи	15	8	325	2 927	145	3 072	588	29	617	4
Разборщики шпуль	10	2	228	2 054	20	2 074	319	4	323	6
Концовщики	4	0	109	981	0	981	172	0	172	0
Столяры по ремонту	3	3	69	697	147	844	144	35	179	0
Слесари по ремонту	2	2	48	482	156	638	109	41	150	0
Старший вальянник	1	1	25	250	20	270	84	10	94	0
Резальщики опойка	1	0	25	250	0	250	56	0	56	1
Обертывальщики валиков	4	2	92	927	20	947	165	6	171	3
Обжигальщики и строгальщики	6	1	136	1 362	10	1 372	237	4	241	2
Разборщики валиков	4	0	79	797	0	797	137	0	137	1
В. Разные места										
Рабочие при подъемных машинах	24	24	588	5 294	758	6 252	969	157	1 126	7
Маляры	2	2	48	485	100	585	93	21	114	0

Сторожа	60	10	1 510	13 592	186	13 778	2 198	28	2 226	23
Возильщики пряжи	13	5	318	2 869	169	3 038	549	36	585	2
При письменных занятиях	47	5	1 167	10 503	63	10 566	1 873	11	1 884	11
Согревальщики самоваров	3	0	74	666	0	666	103	0	103	1
Штукатуры	1	1	25	250	46	296	42	10	52	1
Старшие рабочие крутильных машин	2	2	49	445	56	502	116	24	140	0
Таскальщики пряжи	1	1	91	823	10	833	170	2	172	0
Ремонтировщики	1	1	25	250	40	290	47	15	62	0
Старшие рабочие-укладщики	8	7	175	1 750	116	1 866	374	28	402	2
Укладывальщики	34	7	747	7 472	35	7 507	1 379	7	1 386	13
Весовщики	4	0	99	990	0	990	276	0	276	0
Околачивальщики ящиков	6	6	138	1 380	50	1 430	317	9	326	3
Пломбировщики	9	0	219	2 197	0	2 197	563	0	563	4
Разборщики брака	2	2	50	500	6	506	107	1	108	1
Плотники	2	0	47	470	0	470	83	0	83	0
Подметальщики	2	1	50	500	32	533	75	5	80	1
Г. Мотальное отделение										
Поверяльщики пряжи	1	1	24	247	91	338	42	17	59	0
Выдавальщики пряжи	3	2	66	600	12	612	98	2	100	2
Приемщики пряжи	2	2	49	245	13	658	73	2	75	1
Слесарь по ремонту	1	1	22	220	39	259	51	11	62	0
Столяр по ремонту	1	1	25	250	39	289	58	11	69	0
Старшие рабочие при пряжном	3	3	74	745	130	875	161	35	196	1

Продолжение табл. 2

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочн. времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверх урочных	всего				
Ремонтировщики	1	0	24	240	0	240	49	0	49	0
Прессовщики пачек	7	1	152	1 368	3	1 371	409	1	410	4
Паковщики кип	4	0	99	891	0	891	305	0	305	2
Штемпелевщик	1	1	23	230	3	233	45	1	46	0
Литеровщик	1	1	25	250	12	262	40	2	42	0
Ваточники	8	0	188	1 696	0	1 696	452	0	452	3
Паковщики ваты	2	0	47	436	0	436	140	0	140	0
Возильщики ваты	2	0	47	427	0	427	81	0	81	0
Съемщики ваты	4	0	98	882	0	882	227	0	227	0
Веревочники	4	0	98	882	0	882	175	0	175	1
Шнуровщики	2	0	49	445	0	445	90	0	90	1
Сновальщики ддя веревок	3	0	74	668	0	668	147	0	147	0
II. Ткацкое производство										
Шлихтовальщики	16	0	396	3 564	0	3 564	1 062	0	1 062	3
Клеевары	2	2	33	303	166	470	71	30	101	0
Таскальщики основы	31	2	624	5 616	20	5 636	1058	3	1 061	11
Таскальщики сновальных навоев	2	0	50	450	0	450	80	0	80	1

Таскальщики навоев	4	0	98	886	0	886	166	0	166	2
Бердочники	4	4	99	893	130	1 023	191	27	218	3
Ремизники	2	0	49	445	0	445	83	0	83	1
Упаковщики навоев	3	2	74	666	18	684	171	4	175	0
Старшие рабочие при проборах	1	1	25	255	25	280	52	6	58	0
Приказчик при катушечной	1	1	25	250	6	256	50	1	51	0
Проборщики	5	3	124	1 242	20	1 262	263	4	267	2
Подметальщики	1	0	25	250	0	250	39	0	39	0
Слесари	9	6	197	1 975	413	2 388	436	108	544	2
Таскальщики пряжи	3	2	72	652	18	671	117	3	120	1
Старшие рабочие ткацкой	65	21	1 542	13 880	380	14 260	4 170	115	4 285	37
Ремонтировщики	12	11	288	2 882	1 774	4 656	676	444	1 120	4
Ткачи	283	5	6 826	61 436	133	61 569	12 506	39	12 545	113
Столяры	6	6	149	1 490	433	1 923	308	110	418	3
Сторожа	21	15	524	4 856	491	5 348	701	78	779	10
Концовщики	2	0	49	445	0	445	77	0	77	0
Приемщики пряжи	6	6	147	1 327	116	1 439	258	21	279	1
Выдавальщики пряжи	3	0	74	668	0	668	127	0	127	1
Складывальщики миткаля	2	1	50	500	6	506	79	1	80	1
Подборщики миткаля	3	3	75	750	143	893	142	28	170	1
Таскальщики миткаля	19	1	439	3 953	7	3 960	744	1	745	3
Паковщики миткаля	4	0	100	1 000	0	1 000	280	0	280	1
III. Ремонтная мастерская										
Слесари	38	38	867	8 677	3 700	12 377	2 442	965	3 407	13

Окончание табл. 2

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочн. времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверх урочных	всего				
Токари по дереву	3	0	72	725	0	725	285	0	285	0
Столяры и модельщики	11	11	252	2 525	400	2 925	639	100	739	3
Кровельщики и паяльщики	11	11	245	2 455	680	3 135	529	157	686	5
Кузнецы и молотобойцы	19	19	442	4 427	1 460	5 587	1 330	294	1 624	7
Чернорабочие	26	26	622	6 225	2 746	8 971	962	459	1 421	3
Маляры	2	2	48	480	47	527	98	16	114	1
Слесарно-рабочие	6	6	133	1 337	267	1 604	422	49	471	2
Каменщики	3	3	74	747	360	1 107	211	83	294	1
Шорники	1	1	24	240	163	403	50	51	101	0
Кочегары	8	8	193	1 937	1 047	2 484	318	200	518	5
Подметальщики	1	1	25	250	47	297	42	8	50	0
Резальщики железа	1	0	16	167	0	167	55	0	55	0
Рабочие при литейной	5	5	122	1 220	607	1 827	267	134	401	0
Машинисты на паровозе	2	2	50	500	267	767	108	87	195	1
Помощники машиниста	2	2	49	495	267	762	94	68	162	0
Слесаря при пожаротушении	8	8	191	1 910	1 273	3 183	371	292	663	4
Литейщики	13	1	285	2 885	223	3 078	984	88	1 072	1

IV. Вспомогательные рабочие для всех групп производства										
Смотрители за паром и водой	7	7	173	1 559	1 000	2 559	297	191	488	2
Шуровщики	30	30	742	6 682	4 093	10 775	1 142	706	1 848	13
Котлочисты	2	2	50	500	253	753	156	50	206	1
Скидывальщики дров	10	10	249	2 229	1 000	3 229	387	172	559	5
Паровщики	18	18	436	3 928	3 686	7 614	1 045	1 039	2 084	8
Помощники паровщиков	22	22	546	4 914	2 543	7 457	979	532	1 511	6
Сращивальщики канатов	2	2	50	500	367	867	94	79	173	1
Турбинщики	3	3	74	742	473	1 215	114	83	197	1
Смазывальщики	14	14	366	3 296	780	4 076	642	162	804	4
Шорники при фабриках	17	17	425	3 829	611	4 440	878	150	1 028	4
Чернорабочие	420	409	10 108	101 080	16 098	117 179	17 995	3 274	21 269	234
Всего	**3673**	**1318**					**165 315**	**15 722**	**181 037**	**1 216**

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227. Л. 33–41.

Таблица 3

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — подростков (муж.) — за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Бумагопрядильное производство										
Смазывальщики банкаброшей	20	0	470	4 230	0	4 230	213	0	213	5
Смазывальщики чесальной	15	0	276	2 484	0	2 484	158	0	158	7
Клеймильщики ровницы	9	0	323	2 907	0	2 907	100	0	100	1
Б. Мюльно-ватерное отделение										
Ставильщики	91	0	2 318	20 862	0	20 862	1 531	0	1 531	40
Шнуровщики	15	0	324,75	2 922,75	0	2 922,75	169	0	169	5
В. Разные места										
При письменных занятиях	61	13	1 509,5	13 582,75	1 18,5	13 701,75	878	28	906	27
Разборщики шпуль	4	0	74,25	668,75	0	668,75	31	0	31	2
Холстовщики	2	0	48,5	436,5	0,5	436,5	24	0	24	0
II. Ткацкое производство										
Меряльщики миткаля	18	7	467,25	4 672,5	47	4 719,5	218	3	221	7
Мальчики при брак.	9	7	203,25	2 032,5	47	2 079,5	98	3	101	6
Подметальщики	13	0	323,25	2 909	0	2 909	98	0	98	8
Ремонтные мастерские										

Окончание табл. 3

Ученики слесарные	7	7	219	2 190	306	2 496	142	21	163	4
Ученики токарные	8	8	194	1 940	107	2 047	128	6	134	4
Ученики столярные	2	2	50	500	20	520	35	2	37	0
Ученики литейные	4	2	115,25	1 157,5	67	1 224,5	67	4	71	1
Всего	**278***	**46**					**3 890**	**67**	**3 957**	**117**

* Всего в это время на ЯБМ работало 284 подростка м. п.

Таблица 4

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — подростков (муж.) за июнь 1916 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Смазывальщики	10	0	244	2 200	0	2 200	291	0	291	0
Обмахивальщики	4	0	95	855	0	855	115	0	115	0
Ровничники	4	0	71	639	0	639	109	0	109	0
Б. Мюльно-ватерное отделение										
Ставильщики	160	0	3 537	31 833	0	31 833	5 668	0	5 668	43
Поверяльщики пряжи	3	0	74	670	0	670	118	0	118	1
Шишечники	3	0	67	605	0	605	94	0	94	0

Окончание табл. 4

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
Г. Мотальное отделение										
Разборщики шпуль	2	0	35	315	0	315	40	0	40	0
Укладывальщики	7	0	133	1 307	0	1 307	209	0	209	0
Обертывальщики	20	9	512	4 608	65	4 674	648	6	654	5
Подметальщики	12	0	291	2 626	0	2 626	323	0	323	1
II. Ткацкое производство										
Меряльщики миткаля	12	2	271	2 712	16	2 728	353	2	355	3
Мальчики при брак.	5	2	114	1 140	10	1 150	150	3	153	2
III. Ремонтные мастерские										
Слесарные ученики	15	15	375	3 750	400	4150	442	60	502	7
Токарные ученики	20	20	487	4 877	493	5 370	580	70	650	9
Столярные ученики	2	2	50	500	67	267	57	8	65	2
При письменных занятиях	4	0	90	900	0	900	119	0	119	3
Всего	**323**	**56**					**10 663**	**182**	**10 805**	**84**

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227. Л. 42–44.

Таблица 5

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — малолетних (муж.) за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумаго-прядильное производство										
Б. Мюльно-ватерное отделение										
Ставильщики	79	0	1 905	17 145	0	17 145	670	0	670	40
В. Разные места										
Конторские мальчики	23	5	472	4 249	31	4 279	363	9	372	13
Всего	**102**	**5**					**1 033**	**9**	**1 042**	**53**

Таблица 6

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — взрослых женщин за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Сортировщицы и щипальщицы	59	0	925	8 330	0	8 330	467	0	467	25
Ленточницы	235	0	5 251	47 259	0	47 259	3 483	0	3 483	53
Банкаброшницы	1 165	0	25 391	228 519	0	228 519	17 442	0	17 442	310
Концовщицы	36	0	891	8 010	0	8 010	370	0	370	15
Подметальщицы	27	0	602	5 418	0	5 418	240	0	240	12
В. Мюльно-ватерное отделение										
Ватерщицы и съемщицы	1 052	0	24 426	219 834	0	219 834	14 462	0	14 462	312
Разборщицы шпуль	14	0	346	3 114	0	3 114	128	0	128	8
Концовщицы	2	0	49	441	0	441	18	0	18	0
Подметальщицы	8	0	198	1 782	0	1 782	88	0	88	0
Сторожа	11	0	272	2 448	0	2 448	134	0	134	7
Шнуровщицы	3	0	73	657	0	657	56	0	56	2
Разборщицы валиков	8	0	178	1 780	0	1 780	103	0	103	5
Разборщицы брака	15	0	472	4 248	0	4 248	157	0	157	3
Мастерицы тростильных машин	2	0	49	441	0	441	31	0	31	0
Тростильщицы	70	0	1 607	14 469	0	14 469	1 306	0	1 306	20

Крутильщицы	81	0	1 733	15 597	0	15 597	1 068	0	1 068	15
Концевщицы	1	0	23	207	0	207	9	0	9	1
Г. Мотальное отделение										
Мастерицы	6	0	145	1 305	0	1 305	92	0	92	4
Мотальщицы	259	0	6 408	57 672	0	57 672	4 686	0	4 686	38
Разборщицы брака	4	0	99	891	0	891	42	0	42	3
Подметальщицы	4	0	99	891	0	891	44	0	44	1
Укладывальщицы	9	0	179	1 790	0	1 790	90	0	90	3
Сновальщицы для веревок	1	0	24	222	0	222	22	0	22	1
II. Ткацкое производство										
Мастерицы	8	0	198	1 782	0	1 782	123	0	123	3
Катушечницы	458	0	10 331	92 972	0	92 972	8 114	0	8 114	145
Сновальщицы	110	0	2 418	21 762	0	21 762	2 371	0	2 371	37
Подметальщицы	5	3	96	864	93	957	50	6	56	1
Проборщицы	14	0	283	2 837	0	2 837	243	0	243	2
Подавальщицы	27	0	616	6 165	0	6 165	344	0	344	11
Сторожа	2	0	49	445	0	445	22	0	22	1
Ткачихи	1 413	0	34 156	307 404	0	307 404	27 484	0	27 484	572
Подметальщицы	8	0	167	1 510	0	1 510	74	0	74	5
III. Вспомогательные рабочие для всех групп производства										
Чернорабочие	94	0	1 967	17 703	0	17 703	803	0	803	30
Всего	**5 211**	**3**					**84 166**	**6**	**84 172**	**1 645**

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227. Л. 25–27.

Таблица 7

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ – взрослых женщин за июнь 1916 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Смазывальщицы бакаброшей	2	0	49	445	0	445	69	0	69	0
Сортировщицы, обмахивальщицы	507	2	11 826	106 450	30	106 480	18 275	4	18 279	48
Концовщицы	3	0	75	675	0	675	89	0	89	2
Клеймильщицы ровницы	6	0	149	1341	0	1341	159	0	159	0
Ровничницы	26	0	644	5 796	0	5 796	956	0	956	0
Ленточницы	293	0	6 622	59 600	0	59 600	10 267	0	10 267	69
Банкаброшницы	1173	0	24 781	223 029	0	223 029	40 360	0	40 360	280
Концовщицы	39	0	965	8 685	0	8 685	1 151	0	1 151	18
Подметальщицы	13	0	322	2 898	0	2 898	389	0	389	4
В. Мюльно-ватерное отделение										
Ватерщицы и съемщицы	1 117	0	26 663	239 966	0	239 966	37 982	0	37 982	205
Разборщицы шпуль	16	0	411	3 703	0	3 703	478	0	478	3
Возильщицы катушек	2	0	45	410	0	410	69	0	69	0
Подметальщицы	15	0	255	2 300	0	2 300	332	0	332	6
Сторожа	11	0	296	2 670	0	2 670	376	0	376	5

Шнуровщицы	3	0	50	454	0	454	75	0	75	1
Концовщицы	2	0	82	738	0	738	88	0	88	2
Обертывальщицы валиков	4	0	97	970	0	970	149	0	149	0
Обточивальщицы валиков	4	0	89	895	0	895	126	0	126	1
Разборщицы валиков	7	0	171	1 710	0	1 710	233	0	233	7
Разборщицы брака	17	0	417	3 759	0	3 759	510	0	510	5
Мастерицы тростильных машин	2	0	49	445	0	445	76	0	76	0
Тростильщицы	118	0	2 663	23 969	0	23 969	3 941	0	3941	36
Крутильщицы	99	0	2 220	19 980	0	19 980	3 157	0	3 157	41
Концовщицы	1	0	24	222	0	222	31	0	31	0
Г. Мотальное отделение										
Мастерицы	6	0	148	1 336	0	1 336	214	0	214	4
Мотальщицы	278	0	6 704	60 336	0	60 336	10 257	0	10 257	47
Разборщицы брака	4	0	98	882	0	882	117	0	117	4
Подметальщицы	5	2	127	1 228	27	1 255	155	3	158	2
Укладывальщицы	40	0	912	9 120	0	9 120	1 389	0	1 389	11
Сновальщицы для веревок	1	0	24	222	0	222	36	0	36	1
II. Ткацкое производство										
Мастерицы катушек	8	0	196	1 764	0	1 764	294	0	294	4
Катушецницы	441	3	10 264	92 376	10	92 386	18 581	2	18 583	140
Сновальщицы	103	0	2 519	22 673	0	22 673	5 170	0	5 170	42
Подметальщицы	2	0	50	500	0	500	65	0	65	0
Проборщицы	14	0	351	3 510	0	3 510	653	0	653	3
Подавальщицы	28	0	700	7 002	0	7 002	1 063	0	1 063	3

Окончание табл. 7

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
Ткачихи	1 491	0	34 434	309 910	0	309 910	60 894	0	60 894	584
Концовщицы	12	0	298	2 682	0	2 682	395	0	395	2
III. Вспомогательные рабочие для всех групп производства										
Чернорабочие	97	64	2 448	24 480	2 654	27 134	2 952	251	3 203	64
Всего	**6 015***	**71**					**221 722**	**260**	**221 982**	**1 644**

* Всего в это время на ЯБМ работало 6033 взрослых ж. п

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 12–15.

Таблица 8

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — подростков (жен.) за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
Б. Ватерное отделение										
Ватерщицы	404	0	9 919	89 271	0	89 271	3 646	0	3 646	116
Крутильщицы	30	0	670	6 030	0	6 030	276	0	276	13
Г. Мотальное отделение										
Разматывальщицы брака	13	0	321	2 889	0	2 889	137	0	137	9
II. Ткацкое производство										
Подавальщицы	3	0	72	720	0	720	27	0	27	2
III. Вспомогательные рабочие для всех отделений производства										
Чернорабочие	8	0	197	1 773	0	1 773	60	0	60	4
Всего	**458**	**0**					**4 146**	**0**	**4 146**	**144**

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8227. Л. 21–22.

Таблица 9

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — подростков (жен.) за июнь 1916 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Смазывальщицы	10	0	223	2 009	0	2 009	279	0	279	3
Сортировщицы	5	0	120	1 080	0	1 080	156	0	156	0
Обмахивальщицы	8	0	200	1 800	0	1 800	252	0	252	0
Клеймильщицы ровницы	7	0	174	1 566	0	1 566	129	0	129	0
Б. Ватерное отделение										
Ватерщицы	253	0	4 650	41 850	0	41 850	5 720	0	5 720	54
Разборщицы	2	0	50	500	0	500	59	0	59	1
Клеильщицы	1	0	25	250	0	250	35	0	35	0
Крутильщицы	20	0	370	3 332	0	3 332	474	0	474	2
Тростильщицы	8	0	164	1 480	0	1 480	239	0	239	0
Укладывальщицы	8	0	195	1 950	0	1 950	280	0	280	1
Обертывальщицы	8	0	192	1 729	0	1 729	309	0	309	0
II. Ткацкое производство										
Подавальщицы	6	0	72	725	0	725	102	0	102	0

Окончание табл. 9

Меряльщицы миткаля	24	4	548	5 487	47	5 534	682	6	688	7
III. Вспомогательные рабочие для всех групп производства										
Чернорабочие	7	0	198	1 985	0	1 985	251	0	251	4
Всего	**347**	**4**					**8 967**	**6**	**8 973**	**72**

Таблица 10

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — малолетних (жен.) за июнь 1914 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
Б. Ватерное отделение										
Ватерщицы	8	0	131	1 179	0	1 179	47	0	47	2

Таблица 11

Сведения о заработной плате рабочих ЯБМ — малолетних (жен.) за июнь 1916 г.

Наименование должностей рабочих	Число рабочих, о заработке которых даются сведения	Число рабочих, выходивших на сверхурочные работы (обязат. и необязат.)	Количество отработанных в месяц				Общий заработок в течение месяца, в руб.			Число рабочих, получавших от предприятия квартирное довольствие натурой
			рабоч. дней (без сверхурочного времени)	часов			за урочное время	за сверхурочное время	всего	
				урочных	сверхурочных	всего				
I. Бумагопрядильное производство										
А. Приготовительное отделение										
Клеймильщицы ровниц	23	0	589	5 301	0	5 301	785	0	785	4
Б. Ватерное отделение										
Ватерщицы	181	0	4 016	36 144	0	36 144	5 138	0	5 138	51
II. Ткацкое отделение										
Разборщицы брака	16	0	395	3 558	0	3 558	452	0	452	7
Всего	**220**	**0**					**6 375**	**0**	**6 375**	**62**

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Объявление по поводу забастовки на ситценабивной фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 8 октября 1905 г.

В настоящей заботе о нуждах своих рабочих и приняв во внимание их заявления о неправильностях в расценках, Правление Т-ва сим объявляет, что займется тотчас же подробным рассмотрением сих расценок с целью достижения большей равномерности в заработной плате и увеличении таковой в тех случаях, в коих это окажется необходимым, но при том лишь непременном условии, что рабочие немедленно встанут на работу.

Что касается остальных просьб, выраженных рабочими, то Правление признало возможным удовлетворить нижеследующие:

1) квартирные деньги рабочим, не имеющим от Т-ва квартир, будут выдаваться вместо одного рубля в размере одного рубля пятидесяти копеек;

2) плата за сверхурочные обязательные работы рабочих механического отделения будут исчисляться впредь один час за два;

3) в ближайшем будущем выдача заработной платы будет производиться еженедельно;

4) расчетные книжки имеют быть выдаваемы за два дня до получки;

5) учреждение старост на основании существующих Законов;

6) беспрепятственное допущение на фабрику опоздавших рабочих, согласно действующему закону;

7) число тележек для возки в прядильном и чесальном отделениях будет увеличено;

8) женщины и дети не будут допускаться на перенос тяжестей;

9) рукомойники будут устроены в каждом отделении;

10) Правление согласно на замену харчевой лавки — лавкой Общества потребителей.

11) вечерние курсы будут устроены, если это окажется возможным;

12) пополнение библиотеки по заявлению рабочих книгами, разрешенными к обращению в народных библиотеках;

13) Правление вменит в обязанность администрации вежливое обращение с рабочими;

14) будут приняты меры по приему в амбулаторию мужчин и женщин в отдельных комнатах;

15) отпуск лекарств из частных аптек по рецептам врачей Т-ва за счет Т-ва будет допущен в тех случаях, когда требуемых лекарств в аптеке Т-ва не окажется;

16) каждый рабочий будет исполнять только ту работу, на которую он нанят;

17) в трепальном и шлихтовальном отделениях рабочие будут работать лишь на одной машине.

Директоры Правления: Баршев. С. Коншин.

Свидетельствую.
Фабричный инспектор Московской губернии 10 уч. Н. Гром.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 258. Л. 9–12.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Динамические ряды ставок заработной платы всех рабочих граверного отделения ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1882–1916 гг.

В ячейках таблицы указываются ставки оплаты труда каждого конкретного рабочего на конец года (в абсолютном большинстве случаев эти ставки совпадают с теми, которые были на начало года, потому что повышения ставок обычно происходили не в течение года, а при заключении нового контракта, на Пасху). «Год» —

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Аверьянов В. А.	Серпуховск. м-н	1863										
Агальцов М. Н.	Серпуховск. м-н, ученик с 1898	1884										
Агуреев И. С.	д. Каляниной	1861		20	20	23						
Ажищин В. А.	д. Заборья	1856								0,5	*0,55*	*0,55*
Аксенов А. В.	сын моск. цехового	1889										
Аксенов В. В.	московск.цеховой/ Серпуховск. м-н	1858				50	60	62	62	65	70	71
Александров А. И.	Серпуховск. м-н	1867					25	28	30	31	37	39
Алешин Е. М.	с. Колтова	1860		70	70	70						
Анашкин П. И.	Серпуховск. м-н		*1,8*									
Анашкин Ф. Н.	Серпуховск. м-н		*0,77*									
Анохин Н. В.	д. Грешной	1885										
Артамонов П. М.	с. Юрятина	1863		15								
Астапов А. П.	Серпуховск. м-н	1879									*0,25*	*0,25*
Астапов Д. А.	Серпуховск. м-н	1850									*0,48*	
Астапов П. П.	солд., Серпуховск. м-н	1885										
Астафьев А. Н.	Серпуховск. м-н	1896										
Астафьев В. И.	Серпуховск. м-н, ученик с 1896	1876							1,25	3,75	6,67	10
Астафьев Е. И.	Серпуховск. м-н	1864	*0,28*	10	10					12	14	14
Астафьев И. И.	Серпуховск. м-н	1872										
Астафьев М. Н.	Серпуховск. м-н	1893										
Астафьев Никита И.	солд., Серпуховск. м-н	1866		0,43	*0,43*	0,45	*0,5*	*0,52*	*0,52*	14	17	18
Астафьев Николай И.	Серпуховск. м-н	1859	*0,84*	26	26	26	32	35	35	36	38	40
Астафьев П. Н.	Серпуховск. м-н	1889										
Афонский В. Ф.	д. Залесья	1837	*3,34*	80	80	80						
Байбаков А. В.	Серпуховск. м-н	1888										
Байбаков В. Н.	Серпуховск. м-н	1870	*0,08*	*0,17*	*0,17*	0,21						
Байбаков Н. А.	Серпуховск. м-н	1853	*0,86*	24	24	28	32	33	34	34	35	35
Байбаков Я. А.	Серпуховск. м-н	1889										
Баранов Ф. Н.	д. Баранцевой	1861				50	55	55	57	58	62	63
Баранчеев М. А.	с. Калинова, ученик с 1898	1883										

это финансовый год, с Пасхи по Пасху, так что короткая запись «1901» означает «с Пасхи 1901 г. по Пасху 1902 г.».

Цифрами черного цвета указаны помесячные ставки (рублей в месяц), выделение курсивом — поденные (рублей в день). Серый фон ячейки означает, что рабочий устроился в граверную и начал работать именно с текущего года (точнее, с середины года), темно-серый фон — что рабочий в середине текущего года ушел с фабрики. Полужирные буквы на сером фоне **1** означают, что в текущем году рабочий и устроился на фабрику, и уволился, т. е. проработал всего несколько месяцев. Белые буквы на черном фоне **1** означают, что в текущем году рабочий умер.

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
53	55	55	57	60	62	64	68	71	73	75	75	77						
	1,25	2,5	3,75	5	10	13	22	28	33	37	40	42	42					
0,58	*0,58*	*0,6*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,95*
						5		10		20	23							
75	77	77	80	80	80	80	80	84	86	86	86							
43	46	47	50	53	56	60	70	74	79	81	81	84	87	90	92	92	95	105
					0,5	*0,55*	15	18	19	20								
10	12	14	16	20	23	26	35	41	45	48	51	56	60	64	67	70	73	
												0,8	*0,9*	*0,95*	25	26		
												5	6	8	11	14	17	
15	16																	
0,45	*0,5*	13	14	16	17													
									5	7	9	12	17	21	24	29	33	
	20	20	20	21	23	25	29	31	32	33	34	36						
42	43	44	45	46	48	51	57	61	65	67	67	69	69	69	69	69		75
						5	6	10	15	20	24	29	34	40	45	50	68(?)	65
					5	5	6	10	15	18	20	23	26	28	31	34	36	40
35	35	35	35	35	35	35												
							6	10	12	15	18	20	23	26	29	32	34	40
64	64	64	64	65	66	66	67											
	1,25	2,5	3,75	5	6	10	16	26	35	40	43	47	51	56	60	64		

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Белоусов А.С.	Серпуховск. м-н	1863	*1,14*	33	33	35	41	42	42	46	47	47
Белоусов Н.С.	Серпуховск. м-н	1867	*0,25*	0,3								
Белоусов С.Н.	Серпуховск. м-н	1884	*3,34*	3,34								
Беляев В.А.	Серпуховск. м-н, ученик с 1892	1879								1,25	3,75	5
Беляев В.К.	солд. , Орловской вол.	1872									**0,43**	
Беляев В.Н.	Серпуховск. м-н	1868	*0,28*	10	10	11	15	18	20	25	30	32
Беляев И.Н.	Серпуховск. м-н, ученик с 1894	1879									1,25	2,5
Беляев Н.Ф.	Серпуховск. м-н	1843	*2,48*	60	60	60	62	62	62	62	62	62
Бердоносов А.А.	Серпуховск. м-н		*1,05*									
Бердоносов П.М.	солд., Серпуховск. м-н	1870									*0,5*	
Березин В.А.	с. Семеновского	1862	*1,38*	42	42	44	50	52	54	58	60	60
Березин С.В.		1898										
Блинов М.П.		1878										
Бохин М.Е.	д. Торбеевой	1857			35	35						
Брыкин И.С.		1898										
Брыкин С.Н.	Серпуховск. м-н, ученик	1875					1,25	2,5	3,75	6,67	8	8
Бурдаков А.Г.	Серпуховск. м-н		0,45									
Бурдыкин Т.В.	Калужск. м-н	1880										
Буткевич Ф.П.	Сенинский м-н	1874								0,4	15	17
Бутранов Ф.В.	с. Каргашина	1888										
Вавилов К.А.	Серпуховск. м-н	1859										0,45
Вавилов М.М.	Серпуховск. м-н, ученик с 1896	1881										
Ванюшин А.Н.	с. Глазечни	1878									*0,25*	*0,25*
Варгин Н.Ф.	Владычной слоб.	1870										
Васильев Н.А.	Тверск. м-н		0,63									
Веденеев В.Б.	с. Калинова	1875								0,3	10	10
Веденеев Ф.А.	с. Калинова	1857	*0,75*	25	25	30	40	43	44	45	45	45
Виноградов И.Е.	Бузулукск. м-н	1882										
Власов И.Е.	д. Заборья, ученик с 1892	1880								1,25	3,75	5
Волков Е.А.	Вознесенск. м-н	1860		48	48	48						
Воронин И.С.	Серпуховск. м-н	1879									*0,2*	
Воскресенский Е.Ф.	Серпуховск. м-н	1835		0,43	*0,43*	*0,45*	*0,48*	*0,52*	*0,54*	*0,57*	*0,62*	*0,62*
Гаврилов В.И.	Серпуховск. м-н	1849	*2,1*	55	55	57	61	61	62	62	63	63
Гаврилов Е.В.	Серпуховск. м-н	1858	*1,34*	35	35							
Гаврилушкин А.А.	с. Подмоклова	1876										
Галкин М.И.		1895										
Гвоздев И.Н.	д. Зворыкиной	1842									50	
Глазов Г.В.	Серпуховск. м-н		0,42									
Гоголин В.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1893	1880									3,75	5
Голованов Н.Т.	с. Истомина	1865	*0,43*	12	12							

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
47	47	47	47	47	47	47	50	53	54	54	54	56	58	60	62	62	62	
10	12	14	16	20	24	26	36	41	45	48	51	55	59	62	65	65	67	
	0,43	*0,45*	0,48		*0,5*	*0,55*	0,7	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85					
36	38	39	41	43	45	48	52	56	60	62	64	67	69	72	72	72	74	80
5	6,67	10	13	16	18	19	24	29	30	33	35	38	40	40	40	43	46	52
62	62	62	62	62	62	62												
60	63	64	65	67	70	72	80	84	86	86	86	89	89	89	90	92	95	100
													5	7	10	20	24	12
													35	35	35	38	40	44
													5	5	6	8	11	20
15	18	21	24	28	32	37	47	53	58	63	67	70	73	75	77	79	83	94
	0,43	*0,6*	*0,67*	*0,7*	20	22	26	31	34	35	37	38	38	38	38	38	40	42
21																		
							0,7	*0,7*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	0,85				0,85		
0,52	*0,52*	*0,54*	*0,56*	*0,62*	*0,62*	*0,64*												
2,5	3,75	5	6,67	12	15													
0,3	10	13	16	20	24	29	39	45	50	55	59	65						
0,43	*0,46*	*0,51*	15	15	16	18	21	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	35
10		15	15															
45	45	45	45	45	45	45	45	46	47	47	47	48	48	50	50	50	54	60
										0,75	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,95*	
8	8	12																
0,62	0,62																	
63	63	63	63	63	63	63												
						0,5	18	23	25	27	29	31	31	32	32	32	32	36
													0,5	15	18	26	32	40
10	12	14	15	18	21	25	32	38	40	42	44	47	49	50	52	54	56	62

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Гомарский Н.И.	с. Тарутина		*0,88*									
Готманов А.П.	Серпуховск. м-н	1861	*0,44*	15	15	18	21	24	25	30	33	34
Готманов М.П.	солд., Серпуховск. м-н	1872										
Готманов Н.А.	Серпуховск. м-н, ученик с 1898	1884										
Готманов П.И.	Серпуховск. м-н	1886										
Грязнов Александр А.	Богородск. м-н	1898										
Грязнов Алексей А.	Богородск. м-н, ученик	1876						1,25	2,5	10	18	23
Грязнов Алексей Ив.	Богородск. м-н	1853						70	80	100	120	120
Грязнов Андрей А.	Богородск. м-н	1882										
Грязнов Владимир А.	Богородск. м-н	1889										
Грязнов Иван Ал.	Богородск. м-н, ученик с 1894	1879									1,25	2,5
Грязнов Куприян А.	Богородск. м-н, ученик	1874						1,25	2,5	3,75	**15**	
Грязнов Леонид А.	Богородск. м-н	1900										
Грязнов Петр А.	Богородск. м-н	1894										
Грязнов С.Е.	Богородск. м-н, ученик	1884										
Гульшин Я.С.	с. Борятина	1879										
Денисов Н.Ф.	Серпуховск. м-н	1871									0,6	15
Долганов В.Л.	Серпуховск. м-н	1849		63	63	63						
Драганов Г.З.		1876										
Драганов Ф.З.		1883										
Дьяконов С.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1876						1,25	2,5	5	10	12
Евдокунин И.Е.	с. Бол. Грызлова	1863				0,45						
Евсеев С.Г.	д. Лучесы	1888										
Ёжиков С.В.	Серпуховск. м-н	1863	*0,46*	15	15	17	20	22	22	24	26	26
Елисеев М.П.	д. Ивановской	1879										
Ермаков В.М.	Серпуховск. м-н	1892										
Ермаков С.Л.	солд. , с. Перихова	1868										
Ершов В.В.	Серпуховск. м-н	1883										
Жатьков Вас. А.	Серпуховск. м-н	1879									*0,15*	*0,15*
Жатьков Влад. А.	Серпуховск. м-н, ученик с 1891	1876									5	
Жатьков И.А.	Серпуховск. м-н, ученик	1874						1,25	2,5	5	14	16
Жулин И.И.	Серпуховск. м-н, ученик	1876					1,25	2,5	3,75	6,67		
Жулин И.К.	Серпуховск. м-н	1846	*1,65*	45	45	47	52	54	56	57		
Жулин С.И.	Серпуховск. м-н	1882										
Заворотищев П.М.	Серпуховск. м-н	1893										
Зайцев В.Ф.	Подольск. м-н		*0,28*	12	12	14						

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
36	37	37	37	38	38	39	40	44	45	46	46	47	47	47	47	47	49	51
	0,43	*0,45*	*0,48*	*0,54*	0,57													
	1,25	2,5	3,75	5	10	13	20	26	31	36	40							
							14	16	17	19	20	21						
											5	5	6	8	10	14	17	15
32	36	38	41	45	48	53	63	69	74	79	83	86	89	92	94	94	96	105
120	125	125	125		125	130	130	131	132	132	132	140	140	140	150	0	150	
2,5	3,75	5	6,67	12	14	17	27	36	45	50	54	57	61	65	67	69	73	80
					5	5	6	13	18	23	26	30						
5	6,67	10	12															
										55	57	61	63	63				
															5	5	6	15
										5	5	8	11	20	23	31		
	1,25	2,5	3,75	10	12	15	20	26	31	35	38	43						
0,54					0,5	*0,55*	*0,65*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	0,95
15	15	15	16	16	18	20	26	30	31	32	32	33	33	35	37	37	39	42
															82	84		95
													75	78	80	82	84	92
16																		
							0,6	*0,7*	*0,75*	20	0,8	*0,85*	*0,98*	25	29	30	32	38
								17	20	25	29	33	37	40	43	46	49	
								6	7	9	12	14	17	19	19	19	22	25
					50	50	55	59	61	63	63	66	66	69	70	70	72	78
							0,6	*0,7*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,95*	25	27	30	35
0,25	10	13	15	18	22	27	36	42	47	52	56	60	62	65	67	69	71	77
24	28	31	34	37	40	45	55	61	66	71	75	77	80	80	80	80	84	95
1,25	2,5	3,75	5	10	12	14	22	28	29									
									5	7	9	12	16	25	30	40		

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Зайцев Т.Н.	д. Новоникольской	1884										
Зендриков М.П.	Серпуховск. м-н	1880										
Зернов М.А.	сын губернск. секретаря	1854	*1,89*	52	52	54	56	60	60	62	64	65
Зотов И.А.	д. Болтовой	1877									6	
Ивакин И.С.	Серпуховск. м-н	1877									7	7
Иванов А.И.	солд., Серпуховск. м-н	1861					*0,46*	*0,49*	*0,49*	*0,65*	*0,67*	
Иванов В.Н.	д. Мальцевой	1886										
Иванов Никита Павл.	Серпуховск. м-н	1872								0,45	*0,5*	*0,5*
Иванов Я.П.	солд., Серпуховск. м-н	1879										0,35
Ильинский Н.В.	потомств. гражданин, ученик	1874							1,25	3,75	10	12
Калыгин С.В.	с. Шульгина	1875									*0,5*	
Карелин К.И.	Рыбной слободы	1876									*0,2*	
Карпов А.Д.	Серпуховск. м-н			15								
Киселев И.Е.		1875										
Климов А.И.	Богородск. м-н	1863					20	22	22	23	25	27
Климов Г.Г.	Серпуховск. м-н	1840	*0,47*	0,5								
Климов С.Г.	Серпуховск. м-н	1852	*1,1*	29								
Кобашкин Т.П.	д. Жеребцов	1875										
Кокушкин А.Д.	Серпуховск. м-н	1859	*0,5*		15	18	21	22	22	24	27	27
Колотовкин Е.И.	д. Крюкова	1868	*0,13*	*0,2*	*0,2*	0,23						
Коновалов А.С.	Серпуховск. м-н	1867				15						
Коптев В.Ф.	д. Заборья	1863		40	40	40	50	53	54	60	66	68
Корнев Ф.А.		1895										
Коротков А.И.	д. Заборья	1859	*1,34*	35	35	37	39	40	40	40	40	40
Коротков М.А.	д. Заборья	1883										
Коротков Н.А.	д. Заборья	1890										
Коршунов И.В.	солд., д. Хмелинок	1877										
Костяков И.С.	Серпуховск. м-н	1851	*0,5*	*0,53*	*0,53*	0,56	0,6	*0,6*	*0,6*	*0,6*	15	15
Костяков Л.И.	Серпуховск. м-н	1884										
Котляков К.И.	с. Константинова	1871			1,25	2,5	5	6	8	10	18	18
Красавин Н.С.	с. Панкина	1854		0,45								
Крымов М.И.	Серпуховск. м-н	1855			0,43	0,45						
Кубышкин Н.М.	Серпуховск. м-н (сл. Владычной)	1864						37	37	38	40	40
Кудинов А.В.	Серпуховск. м-н	1879									*0,3*	
Кузнецов Д.Р.	Московск. м-н	1847									65	65
Кузнецов М.Д.		1896										
Кузьмичев С.Р.	с. Мелихова	1861					25	30	30	33	36	37
Кукушкин К.П.	Серпуховск. м-н	1860	*0,64*								28	
Куприянов А.И.	с. Ставрова	1889										
Куприянов Д.Е.	с. Ставрова	1893										
Куприянов И.Н.	с. Ставрова	1861		70	70	70	80	83	83	85	95	95

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
							0,6	*0,7*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,9*	*0,92*	*0,95*	*1*
										0,85	*0,85*	*0,85*	*0,89*	*0,93*	*0,98*	1,03		
65	65	65	65	65	65	65	65	68	70	72	72	74	74	74				
10	12	15																
0,67	*0,67*	*0,67*	*0,67*	*0,7*	*0,7*	*0,72*	*0,8*	*0,87*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,95*	*1*
					5	5	13	19	24	29	32	37	41	45	49	52	55	62
0,54	*0,54*	*0,56*	*0,56*	*0,58*	*0,6*	*0,62*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	
0,43	*0,45*	*0,48*	0,5			0,5	0,6											
16				21	23	26	31	35	37	39	40	41	41	41	41	41	41	45
				0,5	0,53								70	72	75	77	79	86
30																		
												68	68	70	70	70	72	78
27	27	27	27	28	28													
73	75	75	78	80	80	80	80	84	86	86	86							
													10	12	14	20	24	
40	40	40	40	40	40	40	40	41	42	42	42	44	44	46	46	48	50	55
2,5	3,75	5	6,67	12	15	19	27	33	37	40	43	47	50	53	56	59		
								6	7	9	12	14	18	21	24	28		
					0,5	*0,55*				*0,7*	*0,75*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85		
15	15																	
		1,25	*0,25*	*0,3*	8	10	14	21	26	31								
21	24	26	28	30	33	36	40	44	46	48	48	51	51	51	51			
40	40	40	40	40	42	44	48	51	53	55	55	57	57	57	57	57	57	60
65	65	65	65	65	65	65	65	66	67	67	67	69	69	69	69	69		
													5	5	6	8	11	
40	40	40	40	45	48	50	56	61	63	67	70	73	75	78	80	82	84	92
							6	10	15	18	28	32	40	45	50	55		
									5	7	9	12	17	21	24	28		40
100	105	105	105	105	105	110	110	111	111	112	112	120	120	120	135	135		

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Лаврухин П.Д.	с. Вишенок	1869	0,08	*0,17*	0,17							
Лазарев В.И.	Серпуховск. м-н	1859	*0,84*	24	24	28	32	33	34	34	35	35
Лазарев И.В.	Серпуховск. м-н	1888										
Лазарев К.И.	Серпуховск. м-н	1865	0,43	0,47	*0,47*	*0,53*	*0,6*	*0,6*	*0,6*	*0,65*		
Ламаков И.С.	Владычной слоб.	1855	*0,4*	*0,46*	*0,46*	*0,48*	*0,53*	*0,55*	*0,58*	15	17	18
Лаптев Н.А.	Серпуховск. м-н		0,45									
Леднев В.Н.	д. Заборья	1878										
Леднев Н.Ф.	солд., д. Заборья	1878										
Лопанцев П.С.	Серпуховск. м-н	1879										1,25
Лопанцев С.Т.	Серпуховск. м-н (д. Каменки)	1859	*2,1*	55	55	58	60	60	60	60	60	60
Лосминский П.Н.	сын неслуж. дворян	1884										
Лосминский С.Н.	дворянин	1869										
Луховский А.З.	Серпуховск. м-н	1845						*0,43*	*0,45*	*0,46*	*0,52*	*0,52*
Макаров Н.С.	с. Тверитина	1883										
Маколенгва А.Ф.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1880										1,25
Макошин А.Г.	солд., Серпуховск. м-н	1868	*0,17*		13	15				30	35	37
Макошин С.И.	Серпуховск. м-н, ученик с 1893	1879									2,5	3,75
Максимов А.А.	д. Игнатьевских выселок	1873									16	
Малахов Л.П.	Серпуховск. м-н		*2,21*									
Малявкин В.С.	Фряновск. слоб. м-н	1860	*1,46*	38	38	40	44	45	45	48	48	48
Малявкин Ф.С.	Фряновск. слоб. м-н	1841		55	55	55						
Масленников И.Г.	Боровск. м-н	1860						*0,43*		*0,47*	*0,55*	0,55
Маслов П.А.	д. Михайловки, солдат, ученик с 1880	1867	3,75	10	10	11	14	15	17	19	22	23
Матаус И.И.	Австрийск. подданный		0,43									
Медведев А.Е.	Тульск. м-н	1876										0,35
Медников И.Т.	с. Тарутина	1874									**0,5**	
Михайлов И.М.	Серпуховск. м-н	1853				55	45	47	47	48		
Михайлов М.В.	Серпуховск. м-н	1840									*0,5*	*0,5*
Михайлов Н.И.	Серпуховск. м-н	1887										
Михайлов П.И.	Серпуховск. м-н, ученик	1877								3,75	10	12
Михеев Е.Н.	с. Савельева	1858										
Михеев С.Н.	Серпуховск. м-н	1882										
Морозов А.М.	Серпуховск. м-н	1851				65					66	66
Морозов В.С.	Серпуховск. м-н		*0,43*									
Морозов П.И.	Серпуховск. м-н	1878							1,25			
Мухин В.П.	д. Заборья	1869						*0,43*	*0,45*	*0,5*	*0,56*	*0,56*
Мухин Г.А.	солдат		*0,44*	*0,47*	*0,47*	*0,5*						
Мюллер М.К.	Саратовск. м-н (Прусский подданный, переводч.)	1868					20	28	33	35	43	46

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
	35	35	35	35	35	35	35	36	37	37	37	38	38	40	40	40	41	45
					5	5	7	13	18	23	26	30	34	38	41	44		
18																		
28	30	32	35	38	41	46	56	62	67	72	75	79	82	85	85	85	85	
	0,47				0,7	*0,72*	0,65	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	24	27	30	30	30	31	34
3,75	5	6,67																
60	60	60	60	60	60	60	60	61	63	65	65	69	67	67	67			
					0,5	*0,55*		19	21									
							0,6	*0,7*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,88	
0,56	*0,56*	*0,56*	*0,56*	*0,56*	*0,58*	*0,58*	0,63											
					15	16				21	23	25	29	29	29	30		
3,75	5	6,67	10	13	17	20	30	36	40	42	45	48	51	54	57	60	63	70
44	47	50	54	58	60	63	67	71	73	75	75	77	77	77	79	80		
6,67	10	12																
48	48	48	48	48	50	52	56	59	61	63	63	65	65	68	68	68	70	75
27																		
0,43	*0,46*	*0,5*	14	16	16	17	19	21	22	24	25	26	26	26	26	26	27	31
0,54	*0,54*	0,56																
					5	5	6	10	15	20	23	26						
	20	22	24	27	30		42	48	53	58	62	67	69		75	78	80	88
				0,5	*0,53*	*0,58*	*0,68*	0,78										
							25	31	36	40	44	49	54	58	60	62		
17						34												
0,62	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*		*0,73*	*0,8*	0,85									
53	55	55	57	60	62	64												

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Наштаков Е.К.	солд., д. Панькина	1873										
Некрасов П.С.		1896										
Несмеянов В.И.	Серпуховск. м-н	1882										
Несмеянов И.Г.	Серпуховск. м-н	1852					50	50	50		18	19
Неф Альберт	Французск. гражданин, ученик с 1893										2,5	
Никитин С.Ф.	Серпуховск. м-н	1877										
Никитский Н.И.	Серпуховск. м-н	1856										
Оленин И.С.	д. Скриповой	1896										
Оленин С.Д.	д. Скриповой, ученик с 1880	1868	3,75	11	11	12	15	17	17	22	27	28
Онопов М.В.	московск. цеховой	1837	*0,48*	*0,51*	*0,51*	*0,54*	*0,58*	*0,58*	*0,6*	*0,6*		0,62
Орехов В.В.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1880										1,25
Орлов В.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1894	1880									1,25	2,5
Орлов Г.К.	Тарусск. м-н	1874									20	
Орлов И.Н.	Солопенской вол.	1866										
Орлов И.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1876								3,75	8	9
Орлов Ф.К.	Тарусск. м-н, ученик с 1894	1879									1,25	2,5
Переверзев М.Е.	Серпуховск. м-н	1886										
Петров А.И.	Серпуховск. м-н	1855	*2,22*	60	60	63	70	70	72	72	74	75
Петров И.А.	Серпуховск. м-н, ученик	1875					1,25	2,5	3,75	6,67	12	14
Петров И.М.	с. Гибкина	1873					*0,14*	*0,18*	8	14	20	22
Петров М.Е.	с. Гибкина	1849	*0,97*	32	32	35	42	44	44	47	47	47
Петров П.А.	Серпуховск. м-н, ученик с 1898	1882										
Петров С.П.	солдат		0,46									
Пехтерев И.И.	Серпуховск. м-н	1859		28	28	28	32	34	35	35	35	35
Подставкин И.В.	с. Липиц	1886										
Позняков Г.С.	солд., Тарусск. м-н	1874								8	12	13
Позняков И.С.	Тарусск. м-н	1880										
Позняков М.С.	Тарусск. м-н	1869		9	9	10	16	18	23	30	38	40
Полухин Я.М.	с. Подтолстого	1879										
Полуэктов И.А.	Серпуховск. м-н	1858		45	45	47	49	50	50	50	50	50
Полуэктов И.Н.	Серпуховск. м-н	1893										
Полуэктов Н.А.	Серпуховск. м-н	1853		80	80	80	82	82	82	82	82	82
Полуэктов С.Н.		1896										
Полуэктов Ф.А.	Серпуховск. м-н	1860		28	28	30						
Поляков С.Е.	Замарайской вол.	1872										
Помелов В.П.	Высотской слоб.	1858	*0,84*	24	24	26	30	32	33	34	35	35
Помелов М.П.	Высотской слоб.	1875									*0,46*	*0,48*
Помелов Н.В.	Высотской слоб.	1889										

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
			0,46	*0,5*	*0,53*	*0,58*	*0,68*	*0,78*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*		
													5	5	6	8	11	
2,5	3,75	5	6,67	12	12	15	25	31	40	45	49	54	58	62	65	68	72	82
21	21	21	21	21	21	21	22	24	25	26	27	28	29	30	30	30	31	34
					23	26	35	41	46	50	54	59	62	65	67	69	71	77
			0,43	*0,5*	*0,53*	*0,58*	*0,8*	*0,87*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	*0,92*	0,92					
												5	6	8	11	14	17	
34	38	38	40	42	45	50	60	66	70	72	74	77	79	82	84	84	86	90
3,75	5	6,67	10	14				30										
5	6,67	10	12						31	35	38	40	42	42				40
	0,51	*0,51*	*0,53*	*14*	15													
12	14	16	18	20	23	26	34	40	42	44	46	49	51	54	57	60	63	70
12	14	16	19	23	27	32	42	48	53	58	62	65	70	73	75	77	81	92
							14	17	20	22	24	26	28	29	29	30	31	34
77	77	77	77	77	77	77	77	81	82	82	84	87	87	87	87	89	91	95
18	21	21	23	25	28	32	40	44	48	50	50	54	59	62				48
28	31	33	34	36	38	40	44	48	52	54	54	57	59	62	62	62	65	72
47	47	47																
1,25	2,5	3,75	5	6,67	10	12	22	31	40	45	49	54	60	65	70	73	77	90
35	30	30	30	30	30	30	30	31	32	32	32	33	33	35	37	37	39	42
				5	5	10	15	21	25	28	30	33						
			15	17	18	19												
											21,8	25	28	31	34	37	40	45
44	44	45	46	47	49	52	57	61	65	67	67	69	71	73	73	73		80
								0,7	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85			
50	50																	
								6	7	9	12	14	17	20				
	82	82	82	82	82	82	82											
													5	7	10	20	24	
								0,6	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*						
	35	35	35															
0,51	*0,51*	14	14	16	17	19	23	26	28	30	32	33	33	33	33	33	33	36
							5	7	9	14	18	21	24	27				

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Пономарев Н.А.	Серпуховск. м-н	1859	*0,63*	18	18	18						
Попов М.В.	Серпуховск. м-н, ученик	1874						1,25	2,5	5	14	16
Попов М.М.	Серпуховск. м-н	1883										
Постников А.И.	Серпуховск. м-н		*0,42*									
Приваркин Е.А.	солд., д. Заборья	1864									34	35
Прокин Я.Д.	с. Бадеева, ученик с 1892	1880								1,25	3,75	5
Прокофьев Н.С.	с. Кулакова	1869			0,08	5	10	20	30	40	45	46
Прокофьев С.П.		1896										
Пчелов Н.А.	д. Голытной (Галыгиной)	1869								0,43	*0,5*	*0,5*
Рей А.С.	Московск. м-н	1869									12	
Рей К.Э.	Московск. м-н	1878									8	8
Рей Э.Ф.	Московск. м-н	1838							70	100	100	115
Родионов А.П.	Серпуховск. м-н, ученик с 1894	1870	0,08	*0,17*	*0,17*	0,17						
Романов А.М.	д. Заборья	1858										
Романов В.А.	Серпуховск. м-н, ученик с 1894	1878									1,25	
Рощин А.И.	Серпуховск. м-н	1839				0,48					0,5	*0,5*
Рощин В.А.		1885										
Руднев В.М.	Серпуховск. м-н	1890										
Рыбаков Е.С.	с. Истомина	1865		0,45								
Рыжов А.К.	д. Власьевой	1864	*0,42*	17	17							
Рыжов В.К.	д. Власьевой	1858	*2,17*	55	55	57	61	61	63	65	67	
Рыжов К.М.	д. Власьевой	1836	*2,67*	68	68	70	72	72	72	72	72	72
Рыжов М.К.	д. Власьевой	1868	*0,2*	8	8	9	11	14	17	22	27	28
Савельев Н.В.	Серпуховск. м-н, ученик с 1897	1866									*0,5*	*0,5*
Савельев Н.И.	Серпуховск. м-н	1869					*0,45*	*0,48*	*0,5*	16	20	21
Савельев С.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1888	1875					1,25	2,5	3,75	6,67	12	14
Савельев С.Т.	Серпуховск. м-н	1850	*1,72*	42	42	44	48	50	50	50	50	50
Савенков П.В.	Серпуховск. м-н	1876									*0,46*	
Салонников А.М.	д. Глуховой		*1,25*									
Семенов Ал-др.Ф.	с. Хрущова	1884										
Семенов Аф.Ф.	с. Хрущова	1879										0,25
Семичастов М.М.	Серпуховск. м-н, ученик с 1893	1877									2,5	
Сенявин А.П.	солдат		0,44									
Серебрянников С.И.	Серпуховск. м-н	1879										*0,1*
Силаев Н.О.	Серпуховск. м-н, ученик с 1893	1879									2,5	3,75
Сильянов Ф.Ф.	Серпуховск. м-н	1878									*0,15*	*0,15*
Скотников В.А.	с. Истомина	1865	*0,55*		19	23				60	63	63

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
20	22	25	28	31	35	40												
	2,5	2,5	3,75	5														
38	40	40	40							60	62	66	69	72	72	72	74	80
10	13	17																
52	54	54	56	59	61	64	68	71	73	75	75	77	80	80	80	80	84	95
													5	7	10	20	24	
	0,54	*0,56*	*0,58*	*0,6*	*0,62*	*0,64*	0,73											
17	21	24	27	31	40	45	55	61	66	71	75	77	80	80	80	80	84	95
115	115	115	115	115	115	115	115	116	117	117	117	117	117	117	117	117	117	
									0,7	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	*0,95*
	0,54	*0,56*	*0,58*	*0,6*	*0,62*	0,64	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85						
												0,85	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85	*0,88*	24
							5	7	10	15	18	21	26	35	40	44	49	55
72	72	72	72															
32	33	35	37	37	37	39	43	46	48	50	50	52	52	52	52	52	52	56
0,54	*0,54*	*0,56*	*0,58*	*0,6*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	30
24	24	25	26	28	29	30	32	34	35	36	36	37	37	37	39	39	41	44
19																		
50	50	50	50	50	50	50	50	51	52									
										30	32	36	40	45	49	53	57	65
0,33	*0,4*	0,45																
0,15	*0,25*	*0,35*	10	12	15	17	25	31	35	39	40	42	44	47	50	52	55	60
6,67	10	12	14	17		17	22	27	30	32	33	35	37	37	37	37	39	43
0,2	10	12																
64																		

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Снетков Н.М.	с. Огуби	1867	*0,15*	8	8	13	15	18	20	24	27	29
Соколов Н.А.	Серпуховск. м-н	1868	*0,13*	*0,21*	*0,21*	*0,25*						
Соловьев В.С.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1880										1,25
Соловьев Ф.Н.	Серпуховск. м-н	1867			14	16	21	24	26	35		
Соломатин И.А.	Серпуховск. м-н	1870							*0,43*	*0,47*	*0,6*	*0,6*
Соломатин Н.М.	Серпуховск. м-н	1874										
Сомов В.А.	д. Заборья	1857									*0,5*	
Староверов И.И.	солд., сл. Высотской	1872						0,43	*0,45*			
Староверов П.И.	Высотской слоб.	1864		0,45			*0,53*	*0,57*	*0,59*	*0,5*	16	16
Староверов Ф.И.	Высотской слоб.	1855	*0,42*	*0,46*	*0,46*	*0,49*					*0,62*	
Старостин А.В.	д. Верховья	1878								1,25	*0,25*	*0,3*
Степанов А.С.	Серпуховск. м-н		*3,09*	3,18								
Степанов В.А.	с. Пашкова		*0,42*									
Степанов Е.А.	Серпуховск. м-н	1863	*1*	35	35							
Степанов И.А.	с. Пашкова		0,44									
Степанов С.А.	с. Пашкова		0,25									
Столбов А.А.	Серпуховск. м-н	1892										
Столбов Н.И.	Серпуховск. м-н	1865										
Столяров И.В.	Крестецк. м-н	1866				15						
Стрелков И.А.		1870										
Стрелков П.М.	д. Заборья	1870										
Стрепехов М.А.	Серпуховск. м-н	1868	*0,13*	*0,21*	*0,21*	*0,25*	14	17	19	24		
Стрепехов Н.М.	Серпуховск. м-н, ученик	1870	0,08	*0,16*	*0,16*	*0,18*	*0,24*	8	10	13	17	18
Стрепехов Я.С.	Серпуховск. м-н		*0,63*									
Ступин В.Н.	Серпуховск. м-н	1877										
Ступин П.И.	Серпуховск. м-н	1885										
Суворов С.С.	Серпуховск. м-н	1878									*0,2*	
Судаков И.А.	д. Родионовки	1872									28	30
Сурков А.Д.	солд., Серпуховск. м-н	1861			0,43	*0,45*	*0,5*	*0,54*	*0,56*	*0,6*	*0,62*	*0,62*
Сурков А.Ф.	Серпуховск. м-н, ученик с 1891	1879								2,5	5	6,67
Сурков Д.С.	Серпуховск. м-н	1874									15	
Сысоев А.М.	д. Заборья	1852									*0,62*	*0,62*
Сысоев М.А.	д. Заборья	1882										
Терентьев Ф.Ф.	Серпуховск. м-н	1869		*0,12*	*0,12*	*0,14*	6	9	10	14	19	20
Терихов И.И.	Серпуховск. м-н	1889										
Терихов К.И.		1896										
Тихомиров Н.А.	д. Паниной, ученик с 1896	1881										
Троицкий С.В.	личный гражданин, сын причетника, ученик с 1880	1867	3,75	11	11	12	17	20	22	27	33	36
Уласов С.С.	д. Заборья	1861		*0,45*	*0,45*	*0,47*	*0,52*	*0,54*	*0,56*	*0,59*	14	14
Улитин В.Ф.	солд., д. Заборья	1882										

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
33	35	35	35	35	36	36	36	37	38	38	38	40	42	44	46	48	50	55
3,75	5	6,67	12	15	17	22	32	41	50	55	59	65	70	73	75	77	81	92
0,62	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	*0,95*
0,45	*0,47*	*0,5*	*0,52*	*0,54*	*0,58*	*0,61*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	
	0,43	*0,45*	*0,5*	*0,55*	14	15	16	18	19	20	21	22	23	24	25	26		
16	16	16	16	18	19	20	24	27	29	30	31	32	32	32	32	32	33	36
10	15	18																
										10	11	13	16	19	21	25		
					14	15	15	16	17	17	20	21	21	21	21			
													0,85	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	*0,95*
							0,6	*0,7*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*		
20	21	23																
										0,75	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85		
										0,75	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	
													75	78	80	80	82	90
0,62	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	0,95
12																		
0,67	*0,67*		0,5				0,65	*0,7*	*0,8*	0,85								
0,15	*0,2*	*0,3*	*0,35*	*0,42*	12	13	16	18	19	20	21	22	23	24	25	26		
24	27	29			35	35	43	49	51	53	53	55	57	59	59	60	62	70
							5	7	10	15	18	21	30	35	40	44		
															0,5	*0,6*		18
2,5	3,75	5		12		18	30	41	50	55	59	65	70	73	75	77	81	92
43	46	47	50	53	56	60	67	71	76	78	80	83	86	89	91	91	93	100
	0,4	*0,43*	*0,45*	*0,5*	17			0,65	19	21	25	30	34	38	41	44		

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Улитин И.И.	д. Заборья	1851								0,9	23	23
Улитин Ф.И.	д. Заборья	1851									*0,5*	*0,5*
Фадеев Т.И.	Серпуховск. м-н	1870		*0,12*	*0,12*	*0,14*						
Федоров В.В.	д. Макеихи	1866									50	53
Федоров Г.К.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1874						1,25	2,5	10		23
Федоров Г.П.	Серпуховск. м-н	1864										
Федоров И.К.	Тарусск. м-н	1860	*1,38*	36	36	40	50	52	54	60	62	62
Филиппов М.П.	Серпуховск. м-н	1866	*0,2*	9	12	12						
Фирсанов П.М.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1882										1,25
Фокин И.И.	Серпуховск. м-н		*0,92*									
Фокин П.И.	солд., Серпуховск. м-н	1868	*0,18*	*0,26*	*0,26*	*0,26*	10				19	20
Фуфаев Ф.И.	солд., Серпуховск. м-н	1862	0,45	*0,47*	*0,47*	*0,49*	*0,54*	14	15	18	25	25
Хаврошкин И.Д.	с. Киясовки	1858	*1,46*	45	45	48	50	52	52	54		
Халдин Т.С.	д. Вечерей	1869	*0,08*	*0,17*	*0,17*	*0,2*	7	10	12	16		
Харитонов В.В.	д. Поповой	1889										
Харитонов М.В.	д. Поповой, ученик с 1892	1878									3,75	5
Харитонов Н.В.		1875										
Харитонов Т.Г.	с. Полукнязева	1852	*1,89*	48	48	50	52	54	54	54	54	54
Хатунцев С.И.	Серпуховск. м-н	1864								20	27	28
Хорьков А.П.	Воскресенск. м-н	1841		68	68	68	72	75	75	75	75	75
Хорьков В.А.	Воскресенск. м-н, ученик	1874					1,25	2,5	3,75	6,67	14	15
Хорьков С.А.	Воскресенск. м-н										*0,15*	
Хрусталев М.И.	Серпуховск. м-н	1880										
Чеботарев А.С.	Серпуховск. м-н	1862				20	23	25	26	29	34	
Черенков Я.И.	солд. , д. Скрылья	1869									0,45	
Черкасов С.И.	д. Крутовки	1857										
Чернышев Н.Н.	Серпуховск. м-н	1870		0,08	*0,08*	*0,1*						
Чиркин А.М.	Серпуховск. м-н, ученик с 1895	1880										1,25
Чиркин В.М.	Серпуховск. м-н	1867	*0,18*	*0,26*	*0,26*	*0,28*	10	12	12	12	15	16
Чичин Н.И.	Каширск. м-н	1863	*0,2*	*0,29*	10	13	15	17	19	21	24	
Чудин В.И.	московск. цеховой	1889										
Чудин И.И.	московск. цеховой	1865				45	48	50	50	52	54	55
Чулючкин П.П.	солдат	1859				0,45						
Шапорин И.П.	Московск. м-н		*2,1*									
Шарапов М.С.	д. Паникова	1843		20	20	22	24	24	24	24	24	24
Шаров Е.И.	д. Заборья	1861					*0,46*	*0,52*	*0,54*	*0,58*	*0,62*	*0,62*
Шаров Н.С.	д. Заборья	1860					0,43	*0,5*	*0,52*	0,56		
Шаров С.И.	д. Заборья	1867										
Шебанов П.Е.	Серпуховск. м-н	1845	*2,92*	80								
Шелагуров В.В.	Серпуховск. м-н	1894										
Шелагуров И.С.	солд., Серпуховск. м-н	1872		*0,12*	*0,12*	*0,14*	*0,18*	8	13	20		

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
23	23	23	23	23	23	23	24	26	27	28	29	30	30	30	30	30	31	34
0,54	*0,54*	*0,56*	*0,58*	*0,6*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	0,85							
58	60	60	62	64	66	68	70	74	76	80	83	86	89	92	94	94	96	105
									0,75	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	*0,95*
3,75	5	7	10	13	16			30	31	35	39	44	48	52	55	58		
21	21	21	21	22	23	24	28	33	38	40	40	41	41	41	41	41	42	46
25	25	25	25	26	27	28	28	30	31	32	33	34	34	35	35	35	36	40
							6	10	15	18	20	23				25		
10	12	15	17	21	25	30	40	44	49	53	56	61						
													64	67	70	72	75	85
54	54	54	54	54	54	54	54	55	56	56	56	58	58	58	58	58	58	60
30	32	34	35	35	35	37	42											
					14	15	19	22	24	26	28	30	32	32	32	34	38	42
34	40	40																
							0,6	*0,7*	*0,75*	*0,8*	*0,85*	*0,9*	*0,98*	*1,02*	*1,02*	*1,05*	*1,1*	30
3,75	5	6,67	10	14	17	19	25	30	31	32	33	35	37	37	37	39	41	45
17	17	17	17	17	17	18	20	22	23	23								
24																		
							6	10	15	18	28	34	37					
57	57	57	57	58	59	60	60	61	62	62	62	64	67	70	70	70	72	78
24	24	25	24	24	24													
	0,6	*0,6*	*0,62*	*0,6*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*						
												0,85	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,88*	
										5	5	8	14	18	22	26	30	40
34	38	40	43	47	50	55	65	71	76	81	84	87	90	93	95	95	97	

	Происхождение	Рожд.	1882	1884	1885	1886	1888	1889	1890	1892	1894	1895
Шелагуров Н.С.	Серпуховск. м-н, ученик	1874					1,25	2,5	3,75	6,67	14	20
Шеляков И.М.	Серпуховск. м-н		0,45									
Шепелев Ф.Ф.	с. Кошкина	1883										
Шестопалов Б.И.	солд., с. Лужного	1886										
Шестопалов В.И.	с. Лужного, ученик с 1893	1880									*0,2*	*0,2*
Шибанов Н.И.	Серпуховск. м-н	1867		*0,12*	*0,12*	*0,14*	10	15	17	20	24	26
Шилов Ф.И.	Серпуховск. м-н	1830	*0,44*	0,43	*0,43*	*0,45*						
Шишков В.В.	Серпуховск. м-н	1857				50	52	54	54	54	56	56
Шишков И.А.	с. Крутого	1858			38	38	40	42	42	43		
Шмаров Ф.Т.	д. Екатериновки	1874										
Шмаровин С.Ф.	Серпуховск. м-н	1841									*0,5*	*0,5*
Штадлер А.	Германский подданный										42	
Щевелев А.И.	солд., Серпуховск. м-н	1872										
Щевелев С.И.	Серпуховск. м-н	1875										
Щекин И.А.	с. Немцова	1872									0,45	
Щетинин И.М.	Мещевск. м-н	1888										
Щетинин М.Ф.	Мещевск. м-н	1863	*0,3*	14	14	17	21		20	24	27	29
Юдин Е.Н.	д. Углич, ученик с 1896	1883										
Яковлев М.Я.	Московск. м-н	1855	*1,3*	37	37	40	45	47	47	49	55	57
Александр Петров	д. Балабановой	1879									*0,2*	
Алексей Васильев	д. Приваловой	1855		37								
Алексей Егоров	Владычной слоб.		*0,84*	22								
Василий Васильев	Лихвинск. м-н		0,43									
Василий Сергеев	д. Федотова		*1,68*									
Геннадий Андрианов	Владычной слоб.	1848	*0,45*	*0,5*	*0,5*	*0,53*						
Егор Андреев	д. Астафьевой		*0,92*									
Иван Васильев	д. Ескиной	1848		55	55	57						
Иван Козьмин	д. Птешкиной		0,49									
Иван Сергеев	д. Заборья	1838	*0,42*	0,46								
Ларион Николаев	д. Балабановой	1866					27	29	31	35	37	39
Матвей Яковлев	Московск. м-н	1864	*0,55*		18	18						
Михаил Васильев	Серпуховск. м-н	1838									*0,62*	
Михаил Дмитриев	моск. цех овой	1865									53	55
Наум Федоров											0,5	
Николай Алексеев	Владычной слоб.		0,44									
Николай Иванов	д. Мальцевой	1848										
Павел Моисеев	с. Потепина		*0,53*									
Сергей Яковлев	Московск. м-н		*2,1*									
Степан Николаев	д. Балабановой	1850		63	63	65	70	73	73	73	73	73
Тихон Иванов	Московск. м-н	1863	*0,44*	0,48								

Источник: расчетные книги. ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 2. Д. 48, 58, 64, 72, 85, 93, 100, 118, 129, 133, 143, 148,

1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
26	30	32	35	39	42	47	57	63	68	73	77	81	84	87	90	92	95	105
										0,85	*0,85*	*0,85*	*0,85*	0,85				
												0,7	*0,8*	*0,95*	25	27		
0,3	10	13	15			25	35	41	45	48	51	56	60	64	67	70	73	83
28	29	30	31	32	33	34	34	35										
56	56	56	56	56	56	56	56	59	60	62	62	64	64	64	64	64	65	70
					0,5	*0,55*	*0,65*	*0,75*	*0,8*	*0,8*	*0,85*	0,85						
	0,54	*0,58*	*0,59*	*0,62*	*0,62*	*0,64*	*0,73*	*0,8*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,85*			
0,43	*0,45*	*0,5*	*0,55*	16	17	19	22	24	25	26	27	28	29	30	31	32		
0,43	*0,45*	*0,47*	0,5								0,83	*0,85*	*0,85*	*0,85*	*0,9*	*0,98*		32
						5	6	10	15	20	23							
33	34	36	38	40	42	44	48	51	53	55	55	57						
2,5	3,75	5	6,67	12	15	17	25	31	35	39	42	46	50	53	56	59	62	
60	60	60	62	64	66	68	70	71	73	75	77	80	80	80				
40	40	40	40	40														
56	56	56	57															
53	55	55	55	55														
73	73	73	73	73														

155, 167, 177, 184, 193, 209, 216, 227, 236, 245, 253, 263, 272, 286, 306, 329, 408.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Рукописный черновик ответа фабричного инспектора 10-го участка Московской губернии старшему фабричному инспектору по поводу расследования анонимной жалобы рабочих Новой ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1903 г.

3 февраля 1903 г.

№ 79 Черновая

Его Высокородию
Г-ну Старшему фабричному инспектору
Московской губернии

Возвращая при сем анонимную просьбу ткачей Новоткацкой ф-ки Т-ва м-р Н. Н. Коншина, имею честь сообщить Вашему Высокородию, что поскольку мне известно настоящее состояние фабрики, жалоба является вполне неосновательной:

1) заработок рабочих сравнительно с прежним постоянно повышается;

2) штрафы за неисправную работу ничтожны и в месяц не превышают 40 р. при 2 400 ч. ткачей; заработной же платы выдается ежемесячно ткачам более 35 000 рублей;

3) никто из рабочих не переставляется с высшей работы на низшую без предупреждения о том за 2 недели (срок найма неопределен), бывает это лишь в тех случаях, если ткач не в силах справиться с более сложной работой;

4) ткацкие станы ремонтируются удовлетворительно, что разумеется в интересах самой фабрики;

5) никаких особых частей ткацкого стана, носящих название «специальный центр», не имеется, и в прошении, говоря о том, что станы не установлены на специальный центр, очевидно, хотят указать на неудовлетв. уладку станка, чего в действительности нет;

6) жалоб лично мне от ткачей Новоткацкой ф-ки вот уже более года как не поступало;

7) есть основание предполагать, что жалоба написана не ткачами, и не по их просьбе, но лицом, причастным к мелкой администр., недавно ушедшим с фабрики;

Фабричный инспектор Московск. губ.: Н Гром.

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Сведения о заработной плате рабочих Московской губернии. 1908 г. Заработная плата различных специальностей текстильных рабочих в Московской губернии. 1908 г.

Таблица 1

Заработная плата работниц на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губ. за ноябрь 1908 г. (женщины от 15 лет)

Производства и должность	Число рабочих	Среднее число рабочих дней на одного рабочего в мес.	Средний месячный заработок на одного чел., руб.	Средний поденный заработок на одного чел., коп.
Бумагопрядильное				
Банкаброшницы	4 750	22,3	14,24	64,0
Ленточницы	1 608	22,3	13,52	83,3
Вигонепрядильное моталки				
Ватерщицы	6 085	22,2	13,63	60,9
Бумаго- ткацкое				
Присучальщицы	707	23,4	12,31	52,5
Отбельное				
Ткачихи на ручных станках	646	22,1	10,22	56,3
Ситценабивное и красильное				
Ткачихи на механических станках	25 488	21,5	16,07	71,04
В отбельной	431	23,2	11,68	50,3
Отделочное				
При сушильных барабанах	837	22,9	10,58	46,2
Разные работницы по производству	12 601	22,8	11,73	51,5
Общее число работниц	57 735	22,5	14,05	63,0

Источник: *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. Табл. 1.

Таблица 2

Заработная плата рабочих на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губ. за ноябрь 1908 г. (мужчины от 15 лет)

Производства и должности (профессии)	Число рабочих	Среднее число рабочих дней на одного человека в месяц	Средний месячный заработок на одного чел., руб.	Средний поденный заработок на одного чел., коп.
1	2	3	4	5
Ватное. Бумаго- прядильное обыкнов. Вигонепрядильное аппаратн. Бумаго-крутильное				
Сортировщики	511	22,3	14,73	66,0
Трепальщики	928	22,7	16,32	71,8
Ставельщики	1 274	22,6	12,60	55,7
Прядильщики	1 283	23,4	25,89	110,8
Присучальщики	2 132	22,7	18,64	82,1
Ватерщики	134	23,0	12,75	55,5
Разные рабочие по производству	4 397	22,2	16,58	74,6

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Бумаго- ткацкое. Плисоразное				
Сновальщики	398	23,3	20,54	88,3
Шлихтовальщик.	485	23,9	24,79	103,5
Проборщики	639	21,8	18,61	85,4
Присучальщики	136	23,5	15,21	64,6
Ремизники	109	23,1	16,48	71,4
Ткачи на механических станках	10 171	22,2	19,29	84,5
Ткачи на ручных станках	1 669	22,5	16,44	73,1
Подмастерья	1 905	22,4	16,44	73,1
Разные рабочие по производству	3 257	21,7	16,49	75,9
Бумаго- отбельные раклисты	184	22,5	57,28	254,2
При печатной машине	1 221	21,7	19,14	88,1
При зрельне	249	22,4	17,64	78,8
При запарке	209	21,7	16,68	76,9
Красковарка (лабораторщики)	517	22,8	21,66	95,0
Накатчики	298	23,4	26,77	111,4
Чесальщики	742	23,2	18,26	78,6
Строгальщики	541	22,9	17,76	77,5
Набойщики	372	22,1	20,87	94,6
Красильщики	2 692	22,2	17,27	77,9
Отбельное				
Кубовщики	335	22,7	20,16	88,9
При сушильном барабане	892	23,1	17,25	74,6
При отделке	1543	22,3	17,93	80,4
Граверное				
Подтокмашники	245	22,9	23,61	103,3
Складальщики	1 515	23,1	20,63	82,2
Граверы	681	22,5	41,85	185,8
Резчики	119	22,9	21,65	94,4
Разные рабочие по производству	2 260	19,4	17,04	88,0
Общее число рабочих	46 799	22,3	19,27	86,3

Источник: *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. Табл. 1

Таблица 3

Заработки фабрично-заводских рабочих-мужчин на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках Московской губ. в 1908 г. (в зависимости от грамотности)

Возрастные группы ко времени исследования (лет)	Школьная грамотность		Внешкольная грамотность		Неграмотные	
	Общее число рабочих	Средний месячный заработок рабочего, руб.	Общее число рабочих	Средний месячный заработок рабочего, руб.	Общее число рабочих	Средний месячный заработок рабочего, руб.
1	2	3	4	5	6	7
12–15	373	9,12	—	—	30	9,69
15–20	3 173	13,35	97	13,17	410	13,97
20–25	2 351	19,56	160	18,12	536	18,12
25–30	2 207	21,75	282	21,19	696	20,17

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
30–35	1 577	23,68	319	22,74	651	20,60
35–40	1 116	24,53	368	24,54	773	21,37
40–45	644	26,30	337	26,03	712	21,88
45–50	367	27,10	234	25,67	666	21,07
50–55	181	26,36	124	23,38	433	20,77
55–60	72	26,79	66	24,63	237	18,96
60 лет и старше	49	23,38	52	21,74	212	17,38
Итого	12 110	19,75	2 029	23,04	5 356	19,88

Источник: *Козьминых-Ланин И. М.* Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губ. М.,1912. Табл. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Наказания рабочих ЯБМ за различные виды нарушений производственной дисциплины и правил внутреннего распорядка. 1903, 1908, 1909 гг.

Виды нарушений	Уволены			Переведены на другую работу			Переведены на меньшее жалование			Итого		
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего
1903 г.												
Прогулы	30	6	36	35	4	39	1	1	2	66	11	77
Нарушение порядка на фабрике (драка, ругань и т. д.)	20	2	22	6	2	8	0	0	0	26	4	30
Плохая работа, поломка машины	15	2	17	14	10	24	4	0	4	33	12	45
Пьянство	11	0	11	3	0	3	0	0	0	14	0	14
Скандал в фабрич. казармах	3	0	3	0	0	0	0	0	0	3	0	3
Несоблюдение техники безопасности	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1
Кража	3	1	4	0	0	0	0	0	0	3	1	4
Заявление полиции	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Итого	83	11	94	59	16	75	5	1	6	147	28	175
1908 г.												
Прогулы	18	1	19	26	2	28	1	0	1	45	3	48
Нарушение порядка на фабрике (драка, ругань и т. д.)	2	0	2	0	0	0	0	0	0	2	0	2
Плохая работа, поломка машины	4	2	6	15	8	23	0	1	1	19	11	30
Пьянство	14	0	14	8	0	8	8	0	8	30	0	30
Распоряжение мастера или фабричной администрации	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1
Кража	3	0	3	0	0	0	0	0	0	3	0	3
Подкуп	2	0	2	0	0	0	0	0	0	2	0	2
Итого	43	3	46	50	10	60	9	1	10	102	14	116
1909 г.												
Прогулы	19	3	22	35	4	39	0	0	0	54	7	61
Нарушение порядка на фабрике (драка, ругань и т. д.)	0	0	0	1	0	1	1	0	1	2	0	2
Плохая работа, поломка машины	10	1	11	14	12	26	2	0	2	26	13	39
Пьянство	8	0	8	11	0	11	3	0	3	22	0	22
Скандал в фабрич. казармах	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1
Распоряжение мастера или фабричной администрации	3	1	4	7	1	8	0	0	0	10	2	12
Итого	40	5	45	69	17	86	6	0	6	115	22	137

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4653, 6074.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Правила пользования жилыми помещениями, больницей и баней на ЯБМ. Май 1905 г.

Условия пользования жилыми помещениями, больницей и баней при фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры

1. Снабжение квартирами рабочих для фабрики не обязательно.

2. Рабочие, а также члены их семейств, живущие в помещениях Я. Б. М., должны безусловно подчиняться правилам пользования этими помещениями.

3. За малолетних детей во всех случаях отвечают родители или заступающие их место.

4. Рабочий, коему фабричное управление найдет возможным дать помещение в принадлежащих фабрике казармах, должен получить особое разрешение. Не имеющим же такого разрешения пребывание в казармах безусловно воспрещается.

5. Для получения права проживать в жилых помещениях Товарищества рабочий обязан явиться к заведующему квартирным отделением с расчетной книжкой и получает от него записку, в которой указывается рабочему место его будущего помещения. Кроме того, заведующий квартирным отделением записывает семью поступившего, и после этого рабочий уже не может принять к себе кого бы то ни было без особого на то разрешения заведующего квартирным отделением. Разрешение дается в форме билета, с обозначением срока, на какой дается разрешение, имени рабочего и номера каморки.

6. Рабочие обязаны быть вежливы и послушны относительно заведующего квартирным отделением, старшего смотрителя, а равно и смотрителей над корпусами (хожалых) и беспрекословно исполнять их распоряжения, касающиеся чистоты, порядка и благоустройства в жилых помещениях.

7. В праздничные и воскресные дни рабочие могут отлучаться из сих помещений: летом до 10 ч. вечера, а зимою (с Покрова до Благовещения) до 8 ч. вечера.

8. Рабочие обязываются:

а) соблюдать чистоту и опрятность в занимаемых ими помещениях, а равно в коридорах, проходах, кухнях и ретирадных местах, а потому не дозволяется накоплять кучи сора, паутину, грязь, отбросы пищи, помои и т. п. нечистоты;

б) мыть коридоры, каморки и ретирады перед каждым праздником или воскресным днем, а смотря по надобности и чаще, и протирать окна;

в) заботиться о чистоте воздуха, а потому не должны загораживать вытяжных отверстий и закрывать форточек, вводящих свежий подогретый воздух, и, кроме того, должны проветривать комнаты открыванием обыкновенных форточек;

г) по возможности не держать в жилых помещениях предметов, издающих острый запах, а хранить их в погребах, имеющихся при жилых помещениях;

д) обращаться с огнем как можно осторожнее, разводить самовары непременно в указанных местах и притом только угольями. Время для постановки самоваров назначается от 5 ч. утра до 9 ч. вечера. В другое время постановка самоваров может быть допущена только в исключительных случаях с разрешения смотрителя казармы;

е) держать себя тихо и скромно, не дозволяя употребления грубых, бранных слов, пения непристойных песен, драки, запрещенных законом азартных игр на деньги (в карты, орлянку и т. п.) и всяких неприличных действий;

ж) не стирать белья в жилых фабричных помещениях (стирка должна производиться исключительно в бане);

з) не выливать помой и не выбрасывать сора в сортиры, а относить то и другое в назначенные для этого баки и ящики;

и) не сушить в каморках белья, перин, одежды и прочих предметов;

і) соблюдать чистоту вокруг жилых помещений;

к) возвращаясь с работы в ночное время, тихо входить в свои помещения, чтобы не беспокоить спящих соседей;

л) не выпускать после 10 ч. вечера детей в коридоры;

м) не ходить ночью с огнем в погреба и не курить там, не затапливать самовольно печь, не накладывать без истопника в печи дров.

Примечание: курение в самых казармах разрешается, но только в коридорах и кухне, при этом рабочие обязываются соблюдать крайнюю осторожность при обращении с огнем;

н) не ставить после 9 часов вечера самовар;

о) не портить кроватей, табуреток, стен, окон и вообще как самых помещений, так и вокруг жилых помещений решеток, заборов, ворот и проч.;

п) не гулять по двору позже 10 ч. вечера как в будни, так и в праздники, и расходиться по своим квартирам не позже этого же времени;

р) не принимать на ночлег лиц, не живущих на фабрике, без записки Заведующего мануфактурою;

с) за беспорядки, произведенные гостями, отвечают принимающие их к себе.

9. В жилых фабричных помещениях ни под каким видом не позволяется держать пороха и других легковоспламеняющихся веществ, а также керосина, астролина и прочих ламповых масел, кроме того количества, которое находится в лампах. Лампы на ночь должны быть непременно потушены. Лампы в сих помещениях должны заправляться днем, ночью же при огне заправлять не дозволяется.

10. Безусловно запрещается держать собак в жилых помещениях и даже приводить их в жилые помещения.

11. После 8 ч. вечера запрещается в жилых помещениях и коридорах всякий шум, мешающий рабочим спать.

12. В случае заболевания кого-либо из живущих в каморке следует немедленно дать знать об этом хожалому или санитарному фельдшеру, живущему в казармах.

13. Несоблюдение вышеозначенных правил нарушения тишины и спокойствия кем-либо из фабричных дракою, шумом, криком, пьянством и т. п. влечет за собою, смотря по важности проступка, или выговор, или удаление из помещения.

14. По получении рабочим расчета он должен немедленно оставлять занимаемое им помещение.

15. При фабрике имеются аптека и больница, где заболевшим рабочим медицинская помощь подается бесплатно находящимися при фабрике докторами и фельдшерами, поэтому рабочие, чем-либо заболевшие, обязаны немедленно обращаться за помощью, а не скрывать свои болезни, отчего может произойти опасность для здоровья других лиц. Рабочие, являющиеся в больницу за медицинской помощью, должны предъявлять свои ярлыки (нумера).

16. При фабрике имеется начальная школа, которую на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных правил посещают малолетние рабочие, а потому родителям или лицам, их заменяющим, вменяется в обязанность строго наблюдать, чтобы находящиеся на их попечении малолетние посещали школу исправно.

17. Баней рабочие пользуются бесплатно, для чего баня бывает открыта по пятницам с 12 часов дня до 8 часов вечера и субботам от 6 часов утра до 8 часов вечера.

На право входа в баню рабочие получают на каждого члена своей семьи, не моложе 5 лет, особую книжку, в которой имеются чековые билеты на все назначенные для бани дни, с указанием месяца и числа. Для входа в баню вырывается чековый билет, соответствующий числу банного дня, который и отдается сторожам при входе. По чековому билету другого числа и месяца вход в баню не допускается.

Примечание. Дети до 5 лет имеют вход с родителями без чековых билетов. В женскую баню допускаются с матерями мальчики не старше 5 лет.

Такие же чековые книжки и на основании тех же самых правил выдаются исключительно семейным, а также работающим на фабрике вдовам, одиноким женщинам и девицам и на право стирки белья в бане.

Выданные для бани и стирки книжки, а также и чековые билеты из них не могут быть передаваемы другим.

В случае потери отдельного чекового билета на вход в баню таковой не возобновляется.

Потерявшие чековую для посещения бани или на право стирки книжку получают взамен ее новую, но не иначе как с наложением взыскания.

При получении окончательного расчета рабочий обязан предъявить чековые для бани и стирки книжки с полным, соответственно дню расчета, количеством билетов; за потерю же таковой или отдельных билетов с рабочего, берущего расчет, взыскивается по табели.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 258. Л. 114–116.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

Сведения о проживании рабочих и их семей в казармах при фабриках Н.Н. Коншина. 1 июля 1900 г.

Казармы	Число каморок	Общий объем (куб. сажен)	Число проживающих								Человек на каморку	Куб. сажен на 1 человека
			Мужчин	Женщин	Детей	Из них неработающих на фабриках				Всего		
						Мужчин	Женщин	Детей	Нянек			
Прядильно-ткацкая фабрика										4 216	7,76	0,68
Казарма № 1	69	260	150	138	74	0	4	74	21	362	5,25	0,72
Казарма № 2	56	259	64	374	32	0	4	32	3	470	8,39	0,55
Казарма № 3	35	252	6	412	8	0	0	8	0	426	12,17	0,59
Казарма № 4	278	1 381	1 258	615	257	1	9	256	61	2 130	7,66	0,65
Казарма № 5	102	675	240	364	166	0	16	162	44	770	7,55	0,88
При конном дворе	3	34	51	4	3	0	0	3	1	58	19,33	0,59
Новая ткацкая фабрика										3 140	8,95	0,79
Новая № 1	67	662	763	85	80	0	5	66	14	928	13,85	0,71
Новая № 2	62	586	162	526	109	0	7	86	23	797	12,85	0,74
Балканы	79	435	167	183	171	1	10	136	35	521	6,59	0,83
Эрмитаж	51	321	88	85	110	0	14	97	13	283	5,55	1,13
Белая	13	62	28	18	17	0	7	16	1	63	4,85	0,98
Граверная	33	161	68	69	70	0	16	66	4	207	6,27	0,78
Старо-девичья	46	257	134	96	111	0	12	92	19	341	7,41	0,75
Ситценабивная фабрика										1 974	5,14	1,11
Новая	114	650	167	176	188	0	96	187	4	531	4,66	1,22
Сериковская	116	801	176	208	243	2	109	243	0	627	5,41	1,28
для одиноких	4	219	268	0	0	0	0	0	0	268	67,00	0,82
Шибаевская	67	244	81	74	86	0	46	86	0	241	3,60	1,01
Нижняя	60	205	83	65	67	1	39	66	1	215	3,58	0,95
Игнатьевская	22	52	24	19	26	0	7	26	0	69	3,14	0,75
для одиноких	1	22	23	0	0	0	0	0	0	23	23,00	0,96
Всего	**1 278**	**7 538**	**4 001**	**3 511**	**1 818**	**5**	**401**	**1 702**	**244**	**9 330**	**7,30**	**0,81**

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об., 14 об., 23 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

Проект Правил о назначении пенсий служащим и рабочим фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина.

27 марта 1907 г.

ПРОЕКТ

правил о назначении пенсий служащим и рабочим фабрик Товарищества и их семьям.

1. Правление Т-ва м-р Н. Н. Коншина назначает служащим и рабочим при фабриках, а равно их семьям, из своих средств, пенсии, на основании нижеследующих правил.

Примечание. В случаях, не подходящих под правила, пенсии назначаются по усмотрению Правления.

2. Пенсии назначаются впредь до изменения, без всякого обязательства для Т-ва, а поэтому могут быть отменены во всякое время.

3. Пенсии разделяются на 5 классов и выплачиваются в следующих долях получаемого по службе содержания:

по 1 классу — в половине;
"2" — две пятых;
"3" — одна треть;
"4" — одна четверть;
"5" — одна пятая.

4. Право на пенсию первого класса имеют лица, прослужившие на фабриках Т-ва непрерывно, или не более как с 2-мя перерывами, в течение 35 или более лет.

5. Право на получение пенсии второго класса имеют лица, прослужившие на фабриках Т-ва непрерывно, или же не более как с 2-мя перерывами, от 30 до 35 лет.

6. Право на получение пенсии третьего класса имеют лица, прослужившие на фабриках Т-ва непрерывно, или же не более как с 2-мя перерывами, от 25 до 30 лет.

7. Каждый лишний перерыв в службе, сверх указанных в §§ 4, 5 и 6, переводит пенсионера в следующий низший класс.

8. Каждый получает право на пенсию лишь в том случае, когда делается неспособным к труду, каковая неспособность должна быть удостоверена свидетельством врача Т-ва, или же признана подлежащим заведующим фабрикой, или отделом.

9. В случае частичного понижения или ослабления трудоспособности пенсионеры 1-го класса получают пенсию с понижением на один, а пенсионеры 2-го и 3-го классов — с понижением на 2 класса.

10. Если в семье кандидата на пенсию есть трудоспособные лица (супруги, сыновья и незамужние дочери), зарабатывающие в общей сложности не менее 20 руб. в месяц, то пенсия назначается с понижением на один класс.

11. Женщины, оставляющие работу, мужья которых зарабатывают не менее 18 руб. в м-ц, не имеют права на получение пенсии, впредь до изменения обстоятельств.

12. Пенсионеры квартирами от Т-ва не пользуются, но могут жить в хозяйских помещениях при своих родственниках, если последние по своей должности получают квартиру от Т-ва.

13. При определении размера содержания получаемые квартирные деньги причисляются к жалованью, если же лицо имело квартиру от Т-ва натурой и при назначении пенсии должно выехать из хозяйского помещения, то к его содержанию присоединяется 10 % его заработка.

14. Если лицо, по малоспособности к труду вследствие старости, за последние три года было переведено по службе на низший оклад содержания, то пенсия может

быть назначена по предшествующему окладу, считая срок службы по день изменения оклада.

15. Минимальный размер пенсии определяется в три рубля, так что если бы кому-либо причиталось по расчету менее этой суммы, пенсия назначается в размере трех рублей в месяц.

16. При определении размера пенсии суммы менее 50 коп. отбрасываются, а 50 и более копеек считаются за рубль.

17. Лицам, состоящим при возбуждении ходатайства о пенсии на службе, пенсия назначается со дня оставления службы, а лицам, оставившим службу ранее, — с 1-го числа следующего за днем возбуждения ходатайства месяца.

18. Права на получение пенсии не имеют лица, уволенные с фабрик за проступки, преследуемые в публичном порядке уголовными законами, а равно уволенные по основательным подозрениям в совершении таковых проступков; уволенные за дерзость по отношению к лицам, занимающим ответственные административные должности на фабриках; замеченные в подстрекательствах к забастовкам и вообще тем или иным способом действовавшие в ущерб имущественным интересам Т-ва.

19. В случае смерти, сумасшествия или безвестного отсутствия служащих и рабочих пенсия выдается их семьям на основании следующих правил.

20. Размер полной пенсии семейству служащего или рабочего определяется на один класс ниже того, какой следовал бы ему самому.

21. Полный размер пенсии (§18) назначается в том случае, когда в семье осталось четыре или более неработоспособных лица.

22. Вдовы рабочих до 40-летнего возраста считаются работоспособными, от 40 до 55 л. с пониженной трудоспособностью и свыше 55 л. неспособными к труду. Противное сему положение в пользу пенсионеров может быть доказываемо надлежащими медицинскими свидетельствами.

23. Все вообще вдовы рабочих, имеющие на своем попечении малолетних детей, считаются нетрудоспособными.

24. Из пенсии, определенной на основании §§ 20 и 21, половина определяется вдове, если она неспособна к труду, а другая половина назначается на содержание малолетних детей, причем если их трое или более, то по равной доле каждому, а если их менее трех, то одна треть каждому.

25. Если трудоспособность вдовы только понижена (§ 22), то доля ее определяется из размера на один класс ниже того, из которого должен быть определен полный размер пенсии семье.

26. Если оставшаяся семья состоит частию из трудоспособных членов, то пенсия определяется так: каждый трудоспособный, зарабатывающий не менее 12 руб. в месяц, считается в состоянии содержать одного нетрудоспособного, и поэтому следуемая последнему доля пенсии скидывается.

27. Если останутся малолетние дети, круглые сироты, то следуемая им на основании § 24 доля пенсии удваивается.

28. В случае выхода вдовы вторично замуж выдача пенсии семье прекращается.

29. Детям рабочих и служащих пенсия выдается до достижения ими пятнадцатилетнего возраста.

30. В случае изменения в составе семьи, получающей пенсию, или изменения ее работоспособности, соответственно сему изменяется и размер пенсии.

31. Вдовы пенсионеров получают пенсию в половинном размере против того, каким пользовался сам пенсионер.

Источник: ЦИАМ Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 60–64.

ПРИЛОЖЕНИЕ 17

Рукописное письмо на фирменном бланке заведующему административно-хозяйственной частью Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина от директора красильно-отделочной фабрики относительно ходатайства рабочего о предоставлении места в рабочем поселке

23 января 1903 г.

Милостивый Государь Евгений Евгениевич!

Ко мне обратился рабочий из красильной Григорий Сергеев Дорохов с просьбою о покупке дома в заведываемом Вами рабочем поселке Т-ва с уплатою за него по 10 р. в месяц. Дорохов работает на красильно-отделочной ф-ке 4-ый год и зарабатывает 12 р. в мес.; его сын Матвей работает тоже на К. О. Ф. 5-ый год и зарабатывает 18 р. в мес.; две его дочери работают на прядильно-ткацкой ф-ке и зарабатывают 20 р. в месяц обе; из неработающих в семье Дорохова остаются его жена и грудной ребенок.

Ходатайство рабочего Дорохова представляю на Ваше усмотрение.

С совершенным почтением к Вам, директор К. О. Ф. [печать]

В список кандидатов записана за № 24, 24 января 1903 г.

М. Прозоров.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 140.

ПРИЛОЖЕНИЕ 18

Переписка между директором прядильно-ткацкой фабрики и заведующим административно-хозяйственной частью относительно выселения рабочего из домика в рабочем поселке Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1901 г.

[Документ 1] [*]

7.9.1901

Милостивый Государь Михаил Петрович,

Для помещения конторы староста рабочего поселка при П. Т. фабрике Т-ва предоставляется желательным занять дом № 177 (возле конторы старосты), который арендуется шуровщиком П. Т. фабрики Петром Исаевым Буевым.

Названный Буев против расторжения с ним арендного договора ничего не имеет при условии, что ему будет отведена каморка в одной из спален при вверенной Вам фабрике.

Помимо необходимости занять дом № 177 для нужд Товарищества, продолжать договор с Буевым представляется нежелательным еще и потому, что он как многосемейный не в состоянии выплачивать Товариществу долга по аренде, который на Пасху с/г. равнялся 515 р. 39 коп., т. е. за три года (с Апреля 1898) вложения уменьшился всего на 70 руб., тогда как по условию этот дом должен был бы быть в настоящее время совсем погашен. Наконец, и как хозяин Буев не отвечает желаниям Правления, так как и дом, и усадьба его содержатся им в высокой степени небрежно.

Ввиду изложенного имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в распоряжении об отводе Буеву каморки в спальнях и притом в возможно непродолжительном времени, дабы дать мне возможность произвести в доме № 177 необходимые ремонтные работы до наступления холодов.

[*] *Черновик письма М. П. Лотареву от Е. Е. Тизенгаузена на фирменном бланке Т-ва Н. Н. Коншина.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 18.

[Документ 2] [*]

12.9.1901 [**]

Милостивый Государь Евгений Евгениевич,

На письмо Ваше от 7-го ч. с. м. за № 580 имею честь сообщить, что перевести семью шуровщика Петра Исаева Буева из домика № 177 в казармы П. Т. фабрики в настоящее время, за переполнением казарм, при всем желании не представляется возможным, так как для семьи этой, состоящей из 3-х работающих и 4-х неработающих, потребуется отдельная каморка, освобождения которой в скором времени не предвидится. Ввиду этого обстоятельства семья Буева будет переведена в казармы, когда представится к тому благоприятный случай.

В совершенном к Вам почтении и преданности имею честь оставаться

Лотарев.

[*] *Чистовик письма Е. Е. Тизенгаузена от М. П. Лотарева на бланке прядильно-ткацкой фабрики.*

[**] *Написано почерком Е. Е. Тизенгаузена.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.

[Документ 3][*]

19.9.1901

Письмом от 7 сентября с/г за № 580 я обратился к Директору П. Т. фабрики с просьбой оказать мне содействие по выселению из дома № 177 в поселке арендатора этого дома, — рабочего П. Т. фабрики Буева.

В письме своем я сообщал г. Директору, что продолжать с Буевым договор представляется нежелательным, что нам он, как многосемейный, не в состоянии выплачивать долга Товариществу по аренде, чему наглядным доказательством служит то, что этот долг с начала аренды (август 1898 г.) по Пасху с. г. уменьшился с 585 руб. только до 515 р. 39 к., т. е. Буев уплатил Товариществу всего лишь около 70 руб., тогда как по договору должен бы был к этому сроку погасить весь капитальный долг.

Наконец, и как хозяин Буев не должен был бы терпим в поселке, так как он и дом, и усадьбу содержал крайне неряшливо.

На основании всего этого я просил г. Директора дать Буеву каморку в одной из спален для рабочих при фабрике.

На это письмом от 12 с./м. М. П. Лотарев уведомил меня, что за неимением свободных помещений он не в состоянии отвести Буеву просимую каморку и сделает это, когда представится благоприятный случай.

Данный частный случай вынуждает меня возбудить принципиальный вопрос: как быть с неисправными или нежелательными, по тем или иным причинам, арендаторами домов поселка из числа фабричных рабочих.

По букве типового договора этот последний может быть нарушен только в том случае, если рабочий-арендатор уйдет с фабрики или будет уволен с оной.

Между тем по закону уволить может только Директор подлежащей фабрики, следовательно, фактически власть расторгнуть договор — в руках только Директора.

В данном частном случае прибегать к насильственным мерам вроде увольнения не было необходимости, так как Буев сам сознавал свою несостоятельность и готов был отдать занимаемый им дом при условии, что ему дадут помещение в спальнях — почему я и обратился с такой просьбой к Директору.

Получив теперь ответ Директора, я должен оставить Буева в занимаемом им доме, что, как я показал вам выше, представляется нежелательным.

Во избежание впредь подобных случаев я покорнейше просил бы Правление, не найдет ли оно возможным разъяснить г.г. Директорам, что если в будущем к ним будут поступать от Серпуховской конторы просьбы о выселении фабричных рабочих из домов рабочего поселка, то чтобы такие просьбы были принимаемы к исполнению путем тех средств, которыми располагает Директор, а именно объявлением расчета, переводом в спальни или назначением квартирных денег.

[***] *Черновик письма в правлении от Е. Е. Тизенгаузена.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 23–24.

ПРИЛОЖЕНИЕ 19

Докладная заведующему административно-хозяйственной частью Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина от старосты рабочего поселка о текущих проблемах*

21 сентября 1901 г.

1) 20 сентября с. г., проходя мимо дома № 171, меня остановила жена владельца этого дома Михаила Антонова Рябова, Наталья Андрианова, с таким вопросом: Василий Семенович, когда вы будите ченить наш дом мы замерзаем, очень холодно, я сказал что вероятно скоро я спрошу распоряжения, она же закричала, вы только делаете приказчикам, а нам нет, берите ваш дом он нам не нужен.

Вела она себя вызывающе дерзко.

2) Сторож Иван Ермолаев, заявил мне, что вчера вечером проходя по краю поселка обращенного к лесу, он встретил стоявших несколько человек рабочих и сказал им: господа теперь запрещено собирать сушь и рубить лес в роще Т-ва а то будем ловить и представлять властям, на что владелец дома № 300, Ларион Борисов Волков ответил: «Вы можете ловить только в лесу, а не в поле, пусть поймают меня я каждому дам в морду».

О вышеизложенном имею честь довести до Вашего сведения.

Староста поселка В. Бодров.

Его Высокородию
Евгению Евгеньевичу
барону Тизенгаузен

* *Орфография сохранена.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 25.

ПРИЛОЖЕНИЕ 20

Выдержки из черновика доклада Правлению Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина неустановленного автора из администрации фабрик о настроениях среди рабочих, состоянии машин и обеспечении техники безопасности, а также о положении с фабричными казармами

Прежде чем говорить о машинах и о производстве фабрики, я считаю необходимым обратить внимание Правления на крайне возбужденное и зачастую вызывающее настроение рабочих. Мельчайший факт случайно оказанного им невнимания служит источником возбуждения. В каждый данный момент нельзя поручиться, что они не явятся с каким-нибудь требованием или претензией. По их мнению, Правление все готово для них сделать, и только сытая администрация, стремясь получить награду, ставит в этом препятствия. Браковщики напуганы воинственным тоном ткачей, многие куски откладывают до резолюции мастера. По их указаниям брак значительно увеличился, а такие невинные вещи, как требование вычистить кусок, вызывают со стороны ткачей резкие протесты, мотивируемые тем, что в красильном отделении все невычищенные концы на палильных машинах исчезнут, и, стало быть, это только придирка, каковую исполнять они не намерены.

Близны, неразработанные подплетины и недосеки они объясняют исключительно дурной пряжей, но не небрежностью своей работы, словом, они считают себя хозяевами положения.

Я твердо уверен, что в недалеком будущем не миновать осложнений, ибо тон их повышается с каждым днем, а меры к уменьшению брака придется принимать более решительные, чем это практиковалось до сих пор.

Молодежь в казармах ведет себя вызывающе, и сторожа, а также и городовые, боятся их угроз. Пьянство процветает в полной мере.

Везде, при каждом требовании лучшей или интенсивной работы наталкиваешься если не на явный протест, то на скрытую оппозицию, при жалобах на судьбу и несчастное положение рабочего человека. В стремлении директора и его помощников привести работу хоть в мало-мальский порядок, урегулировать отношения между рабочими и выше их стоящими, доказать, что работа в данных условиях невозможна, ибо постоянная травля администрации, эпидемические крючкотворство и придирки создают положение, одинаково невыгодное как рабочим, так и предпринимателям, должно находить твердую поддержку в Правлении, ибо без этого рабочие останутся при своем заблуждении, что по их требованию могут быть смещены неугодные для них служащие. Социал-демократическая пропаганда настолько возбудила аппетиты, теория борьбы классов настолько подогрела ненависть и недоверие, что всякое требование сносной, добросовестной работы понимается как грубая эксплуатация и посягательства на права пролетариата.

Из всех вопросов, поднимаемых рабочими с особой настойчивостью и имеющий значительную долю основания, это вопрос о жилищах.

Построенные три новые казармы, отвечающие многим техническим и гигиеническим условиям, поставленным самою жизнью, не удовлетворяют в данный момент и скромного требования ввиду скученности населения. Так называемые холостые и вдовьи каморки, представляя собой большие комнаты, сплошь застав-

ленные нарами со сравнительно неширокими проходами, загромождены столиками, сундучками и прочими предметами, настолько стесняющими живущих там людей, что свободное от сна время им приходится проводить, сидя на тех же нарах. В отношении кубического содержания эти каморки не удовлетворяют требованья закона, ибо воздуха в них приходится на одного рабочего не более $^1/_4$ куба.

Каморки для семейных заполняются народом как-то бюрократически. Если, например, по книге значится в известной каморке 4 куб. саж. воздуха, то в ней стараются поместить 4-х рабочих, независимо от количества детей и нянек. При обходах казарм жалобы на тесноту слышатся со всех сторон. Таким образом, даже новые спальни, на которых затрачена масса денег, казалось бы, долженствовавшие служить образцом и предметом подражания, благодаря скученности теряют все и на свежего человека производят обратное впечатление.

Старые казармы, так называемые «Балканы», «Эрмитаж», «Стародевичья» и «Граверная» заслуживают особого внимания.

«Балканы», представляя собой трехэтажное каменное здание, вероятно, давно построенное, разделенное тонкими, деревянными перегородками на коридоры и каморки, заселено еще более плотно, чем спальни.

Стремясь не выйти из нормы 1-го куба на человека, невзирая на несоразмерное отношение высоты потолков в площади пола, народ вмещался в каморку по высчитанному ее кубическому содержанию. В результате теснота еще более бьющая в глаза, чем в новых спальнях, при отсутствии их преимуществ обилия света, лучшей вентиляции, лучшего устройства отхожих мест и более удобного расположения кухонь.

То же самое должно сказать и о казарме «Эрмитаж», но прибавить, что часть этой казармы бревенчатая и в пожарном отношении внушает наибольшие опасения.

«Стародевичья» и «Граверная» — одноэтажные с подвальными помещениями при такой же, если не большей, скученности, как в первом, так и в подвальных этажах, выделяются своею темнотою, ветхостью, а в подвалах и сыростью, доходящей до того, что по весне и даже зимою, во время оттепели из-под стен просачивается вода, местами покрывающая пол на два вершка высотою. Неудивительна после этого зависть, проявляемая жителями старых казарм по отношению к кажущимся удобствам в новых.

Постоянные просьбы о переводе, масса претендентов на оказавшееся свободное место, мольбы тех, где освободилось место, не заполнять его и, таким образом, дать простор, осложняют вопрос возбуждением этих противоположных интересов. Обоюдные упреки, зависть служат причиною немалого возбуждения масс.

Удовлетворение просьбы одного вызывает протесты и обиду многих других, считающих себя более нуждающимися и достойными этого удовлетворения.

Сожительство двух и более семей в одной каморке часто с кучей детей, порождающих много недоразумений, то из-за шума детей, из-за обоюдных их ссор, в которые вмешиваются родители, вступаясь каждый за своего ребенка, вследствие чего уж возбуждается вражда, постоянные жалобы друг на друга, разбираться в которых нет никакой возможности. Еще худшая причина — ревность, приводящая к еще большим осложнениям.

Дети, выгнанные из каморок пришедшими со смены на отдых рабочими, скопившись в коридорах, своим гамом, конечно, мешают отдыху взрослых, эти последние являются в фабрику раздраженные, не выспавшиеся, и малейший дефект в их работе, недостаточно хорошая пряжа или разладка станка, служит причиной обрушиваться с раздражением, упреками и жалобами мастеру на подмастерьев, на

пряжу и пр. и винить со злобой всех и вся и в каждом начальствующем видеть личного врага.

Необходимо, чтобы рабочий люд видел заботу о нем, что многое делается помимо забастовок и предъявляемых ими требований. Роскошная палата больницы не производит на него такого впечатления, какое производила бы сравнительно просторная каморка, где он проводит почти всю жизнь, тогда как в больнице один или два раза в год, да и к тому же контраст между тою и другою служит, конечно, не к умиротворению.

В пожарном отношении, благодаря скученности, тонким, деревянным перегородкам, старые спальни не удовлетворяют самых скромных требований. Страшно подумать о последствиях пожара, ибо человеческие жертвы при непременной панике с детьми, массой скарба, неминуемы; и в этом случае при тяжести нравственной неизбежна еще уголовная и гражданская ответственность.

Живущие на вольных квартирах, очевидно, пользуются еще меньшими удобствами, ибо желающих перейти в спальни немало; это объясняется, конечно, недостатками квартир, и как бы ни увеличивали квартирную плату, охотников на нее найдется не много, всякая прибавка уйдет в карман квартирного хозяина, не улучшив быта рабочего. Недостаток квартир заставляет подчиняться всяким условиям, поставленным домовладельцем.

По моему глубокому убеждению, никакие награды не повлияют так умиротворяюще, как выстроенная казарма. Вводя каждый год в смету известную сумму на улучшение быта рабочих, Правление тем отметит свою заботу об них. Не будет слышно упреков, какие сплошь и рядом, постоянно стараются бросить из толпы во время переговоров с нею. Трудно убедить депутатов от рабочих одними только обещаниями, просьбами потерпеть, не имея в руках фактов, доказывающих, что терпение действительно приведет к желанным результатам.

При всех подобных переговорах чувствуется недоверие и вражда.

В самом распределении народа по казармам есть крупная неправильность: часто мелкие служащие — браковщики и пр. — живут в одной каморке с ткачами.

Всем известна вражда к служащим и в особенности к браковщикам, и поэтому считается за правило, во избежание столкновений, эту категорию рабочих селить отдельно от враждебного ей элемента.

Слесаря, представляющие собой пожарную дружину фабрики, везде размещаются, по возможности, в одном пункте казармы, дабы иметь возможность при пожаре дать знать о нем всем сразу. Разбросанность слесарей по разным казармам, часто отстоящим друг от друга на весьма далеком расстоянии, делают эту весьма важную задачу неосуществимой, ибо при настоящей скученности невозможны более или менее свободные комбинации.

Выстроенная новая казарма облегчила бы разрешение этих двух насущных вопросов, дала бы возможность хоть немного освободить наиболее заселенные каморки.

Постройку новых казарм необходимо начать в ближайший строительный период, чтобы этот факт послужил надеждой и указанием на лучшее будущее.

[*] *Не датировано, но следует предполагать 1909 г.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 6. Л. 380–385.

ПРИЛОЖЕНИЕ 21

Объявление фабричной администрации ЯБМ лавочникам, получившим право обслуживания рабочих продовольствием

1878 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛАВОЧНИКАМ

Так как многие фабричные забирают в лавках харчи на всю месячную заработку и даже более, почему входя постепенно в долги не могут их скоро заработать и оттого не в состоянии исправлять свои домашние нужды и платить городские и прочие повинности, а некоторые фабричные, забравши харчей на значительную сумму без ведома фабричного начальства, оставляют работу и уходят неизвестно куда. Во избежание таковых неудобств контора вменяет в обязанность всем лавочникам, получающим от нее деньги за харчи рабочих, исполнять следующие правила:

1) Отпуск харчей каждому рабочему должен производиться из лавок не свыше той суммы, какая назначена будет в билетах, выдаваемых конторою за каждый месяц отдельно, за подписью расчетных конторщиков, если же кто из лавочников отпустит харчей свыше назначенной конторою суммы, тот не должен подавать в контору реэстра для вычета.

2) Кроме харчей, строго воспрещается выдавать из лавок кому-либо из рабочих наличными деньгами, ежели кем из лавочников не будет соблюдено сего правила, у того по первому замечанию конторы не будет принят реэстр к вычету из жалованья фабрично-рабочих и тот навсегда лишается этого права на будущее время.

3) Каждый из лавочников не должен отпускать харчей рабочему, прежде забиравшему их в другой лавке и оставшемуся в ней должным, за несоблюдение сего контора не примет долг для вычета по реэстру.

4) Не позже 10-го числа каждого месяца лавочники должны представлять в контору мануфактуры реэстры на печатных бланках, которые будут выдаваться конторою мануфактуры, и при этом они должны возвратить конторе все билеты, выданные рабочим на получение харчей из лавок за прошедший месяц, если же кто из лавочников не представит таковых билетов к месячному расчету, тому контора не выдаст денег из числа лавочников, торгующих при мануфактуре.

5) Хотя контора будет выдавать билеты рабочим на получение харчей из лавок, но она этим нисколько не ручается в платеже тех сумм, которые означены в билетах, — а будет производить полные вычеты по реэстрам только с тех лиц, которые имеют в конторе полную месячную заработку, но ежели кто из рабочих взял билет из конторы для отпуска харчей на целый месяц и, забравши таковые, проработал немного и без спроса фабричного начальства оставил работу, в таком случае контора может вычесть лавочнику за харчи не ту сумму, какая назначена в билетах, но лишь остаток заработков за вычетом конторских штрафов за самовольную отлучку с фабрики или за другие проступки, согласно общему правилу при фабрике; затем остальную недополученную сумму лавочник может отыскивать с самого рабочего-должника законным порядком, контора же мануфактуры никакой ответственности на себя не принимает.

6) Для избежания потери долгов на рабочих контора вменяет в обязанность каждому лавочнику чаще справляться в фабричной конторе у формулярщиков, все

ли заборщики харчей работают в заведении, тогда меньше будет пропадать в долгах на убывших с фабрики без дозволения начальства, и при этом лавочник не должен выдавать харчей рабочим в начале поступления их на работу на целую сумму, назначенную в билетах, а отпускать понемногу, дабы не подвергать себя риску, так как контора мануфактуры как сказано выше, не принимает на себя никакой ответственности пред лавочниками.

5 января 1878 года.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 96.

ПРИЛОЖЕНИЕ 22

Циркуляры московского губернатора городским головам по вопросу контроля за снабжением рабочих фабрикантами. 1869 г.

[Документ 1]

М. В. Д.
Московского Губернатора
по Канцелярии

19 июля 1869 г.

№ 3180

Москва
Г-ну Градскому Голове

Циркулярно

Милостивый Государь,

На одной из значительных фабрик г. Серпухова произошли беспорядки; с лишком 600 человек отказались работать. Принятыми мерами рабочие приведены в повиновение, некоторые из них разочтены на основании условий, заключенных с ними, и за тем порядок восстановлен.

Из производства дела по сему предмету я, к крайнему сожалению, усматриваю, что полиция нашла необходимым обязать хозяина фабрики подпискою предоставить всем своим рабочим на произвол — приобретать съестные припасы из фабричного склада или на стороне, печеный же хлеб из фабричной пекарни отпускать рабочим не иначе как по весу, с запискою веса каждый раз, при самом отпуске, в ручную книжку, а цены отпущенным из склада припасам ни в каком случае не назначать выше продажных цен, существующих на рынке, — для чего и объявлять в самый день отпуска припасов каждому рабочему цену на требуемый им к отпуску предмет съестных припасов, проставляя ее тотчас же в самых ручных книжках против забора продуктов.

Я не могу остановиться на этом факте без крайнего сожаления, ибо и заявление рабочих, и самая подписка доказывают, что забор материалов из фабричной лавки был для рабочих обязателен, цены же на отпускаемые продукты были далеко не рыночные, а произвольно увеличенные противу существующих продажных, за приобретением продуктов в кредит. Такой кредитный % основан на монополии фабриканта, незаконно им присвоенной для своего склада, а упомянутый отпуск из него продуктов, по моему мнению, есть акт самый неблаговидный и недобросовестный со стороны хозяина фабрики, — так как рабочие, при поступлении на фабрику, находясь по большей части в стеснительных обстоятельствах, поставлены тем самым в необходимость подчиняться, ввиду заработка, всем условиям, им предлагаемым, как бы ни были оные тягостны.

Вышеизъясненный случай, бывший одною из причин неудовольствия и стачки рабочих, заставляет меня обратиться к Вам, Милостивый Государь, как представителю городского сословия, с покорнейшею просьбою обратить на этот предмет особенное внимание гг. фабрикантов города и уезда, коим Вы не оставите сообщить и взгляд мой на кредитный процент при обязательной для рабочих покупке съестных припасов из фабричного склада.

Я позволяю себе надеяться, что при сочувствии Вашем к этому делу Вы употребите все внимание к отмене таких стеснительных условий по продовольствию рабочих, если таковые существуют на фабриках в городе и уезде.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Источник: ЦИАМ. Ф. 17. Оп.42. Д. 144. Л. 31–31 об. Печатное.

[Документ 2]

М. В. Д.
Московского Губернатора
по Канцелярии

22 ноября 1869 г.

№ 371

Москва

Конфиденциально

Городским головам

По случаю стачки рабочих, бывшей на одной из фабрик Московской губернии, я просил местного городского голову сообщить владельцам фабрик и заводов мой взгляд на причины, вызывающие неудовольствия и жалобы рабочих, и на те прискорбные случаи, которые являются неизбежным последствием монопольных распоряжений хозяина фабрики, введенных к ущербу рабочих, исключительно в видах его собственного интереса.

Озабочиваясь установить между фабрикантами и рабочими отношения более правильные, на законных началах свободного труда, я не мог затем при ревизии моей в некоторых уездах губернии не обратить особого внимания на порядок продовольствия артелей другими владельцами фабрик. К сожалению, ревизия показала, что условия этого порядка во многом оставляют желать по себе лучшего. Так, по уездам Бронницкому, Коломенскому, Богородскому было замечено: а) что продовольствие рабочих, в большинстве случаев, производится также из съестных складов, не всегда опрятно содержимых при фабрике самим владельцем; б) что несмотря на существование некоторых фабрик в одной и той же местности, при экономических условиях, по-видимому, одинаковых, цены на съестные припасы, объявленные одним фабрикантом, разнятся с ценами другого и почти всегда превышают рыночные цены для продажи в розницу, хотя припасы для них приобретаются оптом; в) что возвысить цены на эти материалы во всякое время некоторые фабриканты предоставляют себе право по условию, заранее рабочим объявленному и г) что несмотря на отзыв фабрикантов о том, что забор из их съестных складов для рабочих необязателен, свобода таких покупок весьма редко предоставляется на деле, особенно в уездах, где посторонних лавок при фабрике нет вовсе или таковые существуют на расстоянии нескольких верст.

Заключая отсюда, что при недостатке конкуренции и при опасении мелочных промышленников торговать вблизи фабрик, владелицы коих могут всегда подорвать этот мелкий промысел силою капитала, свобода приобретения рабочими съестных материалов остается без надлежащей гарантии, я предлагаю вашему высокоблагородию разъяснить фабрикантам, что монополии для них, по продовольствию рабочих, отнюдь не может допустить правительство; что при стеснениях по сему предмету, ими допускаемых из видов личного интереса, жалобы и стачки рабочих весьма вредно могут отозваться в будущем для самих владельцев фабрик и их производства; а потому желательно, чтобы фабриканты, руководясь условиями

современных требований администрации, первые озаботились бы устранить поводы к неудовольствиям рабочего класса и добровольно отменили бы обязательную для артелей покупку припасов по возвышенным ценам из особо назначенных лавок; так как стачки эти весьма часто влекут за собою потерю доверия и весьма значительные убытки по приостановке производства. Отзывы фабрикантов, с заключением вашим, вы не оставите мне сообщить.

Подписал: губернатор Фонвизин

Скрепил: за правителя канцелярии Скородумов

Верно: Помощник Правителя (подпись)

Источник: ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 144. Л. 46–46 об. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 23

Жалоба фабричному инспектору 10-го участка Московской губернии от рабочих прядильно-ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина о нарушении порядка выдачи заработка*

13 января 1897 г.

Все покорнейше просим ваше благородие обратить свое внимание,

Почему то директор фабрики «Новая мыза» Господин Крошо начинает самоуправствовать, недавно он обьявил своим прикащикам, чтобы они подготовили реестры для получки к 18 январю Сего года. Но у нас по правилам приходится 10-го, и так просим ваше благородие прикажите директору дать получку обязательно 10 Января. А иначе народ вознегодует, а то он нас и так нас замучил, только и работаем на одну ихнюю лавку.

А знаите почему он оттягивает получку все из своей пользы в 8 дней от 10 числа до 18 народ возмет большое количество съестных припасов из ихней лавки ии им то польза, но семейный человек должен продавать за полцены взятый из лавки товар, другому человеку копейка нужна дороже рубля.

И так пожалуйста просим ваше благородие прикажите чтобы без пременно получка была бы 10 и 11 Января

пожалуйста не оставьте без внимания наше письмо

Один из рабочих фабрики Новая мыза

1897 год

Января 2-го

[Оборот листа. Запись инспектора]

Выдача действительно назначена 18-го Января противно правил. внут. распорядка. Заявлено об этом директору фабрики и директору Правления А. Н. Коншина.

Правление согласилось выдать получку 11-го Января в субботу, о чем и вывешено объявление на фабрике.

9-го Января 1897 г.

* *Рукопись. Орфография и пунктуация документа сохранены.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 13.

ПРИЛОЖЕНИЕ 24

Из переписки о разрешении Правлению Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина продавать в фабричных лавках в кредит дешевый табак и папиросы

16 мая 1903 г.

№ 1159

Г. Фабричному инспектору Московской губ. 10 участка

Имею честь сообщить к Вашему сведению, что в заседании Московского губернского по фабричным и горно-заводским делам Присутствия 29 марта 1903 г. рассмотрено вторично поданное в Присутствие прошение заведующего фабрикой Т-ва м-р «Н. Н. Коншина» о разрешении отпускать рабочим из фабричной лавки в кредит папиросы и табак 3-го сорта и дешевые гильзы с правом вычета стоимости сих предметов из заработной платы рабочих и п о с т а н о в л е н о:

«Принимая во внимание новые данные, изложенные во вторичном ходатайстве Т-ва м-р “Н. Н. Коншина”, указывающие на убыточность для рабочих покупать табак не в фабричной лавке, а у других торговцев, так как при этом рабочие, не имея наличных денег, берут в фабричной лавке в кредит какой-нибудь товар, напр. чай или сахар, который потом и обменивают у других торговцев на табак всегда с убытком для себя, — Присутствие считает возможным, в отмену своего постановления по сему же делу от 28 декабря 1902 г., разрешить Т-ву м-р “Н. Н. Коншина” отпускать рабочим из фабричной лавки в кредит папиросы и табак 3-го сорта и дешевые гильзы с правом вычета стоимости сих предметов из заработной платы рабочих».

Старший Фабричный инспектор
Московской губернии — В. Гросс

Делопроизводитель — [Подпись].

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13. Л. 16. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 25

Официальное письмо от Правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина заведующему административно-хозяйственной частью относительно запроса о возможности продавать рабочим продукцию ткацкой фабрики в кредит. 1907 г.*

15 февраля 1907 г.

Барону Евгению Евгениевичу Тизенгаузену в Серпухове

Милостивый Государь,

В письме Вашем от 14 сего февраля за № 3857 представлено на усмотрение Правления ходатайство рабочих прядильно-ткацкой фабрики об отпуске им в кредит из розничной лавки бумажных изделий фабрик Товарищества. Между тем вопрос об отпуске рабочим товара Вы уже возбуждали в Правлении в бытность Вашу в Москве, и тогда же вопрос этот был решен Правлением в отрицательном смысле. В настоящее время, не видя основательных причин к изменению состоявшегося по сему предмету решения, Правление остается при том же убеждении.

Сообщая о сем, имеем честь просить Вас на будущее время, при отсутствии оснований к отмене состоявшегося решения Правления, избегать повторных представлений на рассмотрение Правления уже раз решенных вопросов.

С почтением,

(Печать)

Правление Товарищества Мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове.

Директор (Подпись) Н. Н. Коншин младший

* *На бланке правления.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 55.

ПРИЛОЖЕНИЕ 26

Письмо заведующего административно-хозяйственной частью Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина о продаже товаров за наличные в харчевых лавках. 1905 г.*

24 декабря 1906 г.

№ 1618

Дело № 227

Продажа за наличные деньги в Харчевых лавках Товарищества была введена (с Апреля 1903 года) с целью снять с нас укор в том, что мы заставляем рабочих брать у нас в кредит. Укор действительно снят, но за наличные деньги у нас покупают вовсе не рабочие, а совершенно посторонние Т-ву лица, пользуясь дешевым расценком. Этому же употреблению я желаю положить конец и потому прошу Вас, по совещании с Заведывающими Харчевыми Лавками, сделать мне соответственное представление.

Подпись Барон Тизенгаузен.

С подлинным верно

Его В-дию
А. А. Шилову

* *Печатное письмо на фирменом бланке.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 68. Л. 20. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 27

Динамические ряды цен на основные продукты в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, а также индекс М. П. Кохна (24 товара по Москве). 1901–1917 гг.

Для военного времени наряду с ценами в фабричной лавке приведены цены на рынке в Серпухове.

	Мука ржаная простая, коп./пуд	Хлеб ржаной кислый, коп./пуд	Крупа гречневая ядро, коп./пуд	Говядина русская, 1-й сорт, коп./фунт	Керосин, коп./фунт	Индекс Кохна (в процентах к 1913 г.)
XII–1901	82	70	156	12	3,5	79,9
I–1904	80	68	132	11	4	81,7
I–1905	85	70	150	12	4	86,3
I–1906	110	88	160	12	4,5	92,4
1906/07	102	87	150	13		92,4
1907/08	125	99	173	14		96,3
1908/09	127	104	184	18		100,8
I–1910	105	90	146	14	4	96,7
XII–1910	80	75	125	13	3,5	96,4
XII–1911		100	145	13	3,75	100,7
X–1912		95	146		4,25	100,0
XI–1915 (рынок)	190	150	350	26	6	
XI–1915 (лавка)	150	115	260	23	5	
IX–1916 (лавка)		115	260	35	5	
до 18.9.17 (лавка)	160	120	260	35	6,5	
с 19.9.17 (лавка)	1080	960		160	18	
IX–1917 (рынок)	1080			175	22	

Источник: Помесячные данные за 1901–1906 гг. и 1916 г.: из табелей расценок (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 6, 15, 24, 27); сводные данные за 1906–1908 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 43; 1915 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 577. Л. 25; данные за 1910–1912 гг. — также из табелей расценок: (ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 577. Л. 7, 9, 13, 16); за 1917 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1041. Л. 24. Индекс Кохна: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России... С. 115.

ПРИЛОЖЕНИЕ 28

Объявление рабочим Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина об изменениях в порядке выдачи продовольственных пайков

1 сентября 1917 г.

Объявление

Сим доводится до сведения рабочих Т-ва м-р Н. Н. Коншина, что, согласно постановлению продовольственного комитета от 18 и 30 августа, выдача пайков неработающим на ф-ках Т-ва членам семей рабочих, живущих в Калужской и Тульской губ., прекращается с 15 сего сентября.

Ввиду этого Товарищество вынуждено с 15 сего сентября ввести отпуск продуктов из своих харчевых лавок по твердым и заготовительным ценам, согласно вывешенной сего числа «расценочной ведомости».

Для возмещения удорожания харчевых продуктов и других предметов первой необходимости впредь до установления и введения «нормальных» или «минимальных» заработков Товарищество будет выплачивать всем рабочим:

1) Ввиду перехода на продажу харчевых продуктов в лавках по твердым ценам (согласно вывешенной сего числа расценочной ведомости в харчевых лавках).

А продуктов, ненормированных по заготовительным ценам:

поденным и сдельным — по 1р. 25 к. за рабочий день;

месячным — по 30 руб. в месяц.

2) На дороговизну проч. предметов первой необходимости.

К прежнему военному пособию (44 к., 34 к. и 30 к.) прибавляется всем фабричным рабочим, не включая рабочих хозяйственных отделов:

поденным, сдельным и месячным — по 50 коп. за рабочий день.

Последнее пособие (50 к.) на дороговизну выплачивается, начиная с 1 сего августа, но не ранее дня поступления рабочего на фабрику. Приплата же (1 р. 25 к.) взамен дешевых харчей будет выплачиваться за 1 месяц назад до перехода на твердые цены.

По установлении «нормальных» (минимальных) заработков, разница между таковыми и настоящими полными заработками (включая и вышеозначенные пособия на дороговизну) будет рабочим возмещена со дня введения приплат взамен дешевых харчей, т. е. за месяц до перехода на твердые цены.

Сентября 1-го дня 1917 г.

Правление Т-ва м-р Н. Н. Коншина.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 932. Л. 68. Печатный лист.

ПРИЛОЖЕНИЕ 29

Правила выдачи продовольственных карточек рабочим Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1916 г.

ПРАВИЛА

выдачи продовольственных карточек и отпуска харчей по ним в харчевых лавках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове

Серпуховская Контора, получив от Серпуховского Уездного Продовольственного Совещания продовольственные карточки, нумерует их порядковым номером и посылает в расчетные конторы фабрик по принадлежности.

Расчетные конторы производят проверку: состоит ли лицо, на имя которого выписана продовольственная карточка, в числе работающих на фабрике, соответствует ли количество показанных в карточках порций числу лиц данной семьи, имеющих право пользования от Т-ва харчами по удешевленному расценку.

При производстве означенной проверки соблюдаются следующие правила.

На получение по удешевленному расценку харчей от Товарищества имеют право:

работающие у Т-ва члены семьи, прислуга (нянька и т. п.), а из неработающих: дети не старше 15 лет, не имеющая самостоятельного заработка жена; прочие же члены семьи только в тех случаях, когда будет доказано, что они, как неработоспособные, находятся на иждивении владельца харчевой карточки.

В тех случаях, когда один из супругов работает в предприятии другого владельца, отпуск харчей по удешевленному расценку производится на половину семьи.

Если окажется, что данная карточка выдана на рабочего или служащего Товарищества, то фабрика о результатах упомянутой проверки ставит на лицевой стороне обложки штемпель с наименованием фабрики и с указанием числа порций, подлежащих отпуску владельцу карточки в кредит по удешевленному расценку.

ПРИМЕЧАНИЕ. В течение первых одной-двух недель, пока не явится возможным выправить соответствующие особые продовольственные карточки, нормированные Продовольственным совещанием, продукты могут быть отпускаемы также в кредит и по удешевленному расценку и по порциям сверх признанных для такого отпуска фабрикою.

Всем продовольственным карточкам на рабочих и служащих Товарищества расчетною конторою ведется реестр с указанием номера карточки и фамилии владельца ея.

Карточки совершенно посторонних Товариществу лиц отправляются фабрикою в конторы Харчевых лавок с указанием общего количества препровождаемых таких карточек.

Совершенно посторонним Товариществу владельцам продовольственных карточек отпускаются только нормированные Продовольственным совещанием продукты и притом за наличный расчет по расценке совещания.

Получив продовольственные карточки, контора Харчевой лавки ставит внизу второй страницы обложки свой штемпель и в харчевых книжках Товарищества отмечает число подлежащих отпуску порций (соответственно указаниям расчетных контор).

Пенсионерам и семьям мобилизованных отпуск харчей производится в кредит и по удешевленному расценку в размере пенсии и пособия или подписанного

кредита, а при недостаточности пенсии или пособия для оплаты полного (до нормы) количества продуктов в продовольственной карточке, остальное количество нормированных продуктов отпускается за наличный расчет и по расценку Совещания.

Болеющим рабочим и служащим харчи отпускают в размере подписанного расчетными конторами кредита.

Прогуливающим (не по болезни) рабочим харчи отпускаются за наличный расчет и по расценку Продовольственного совещания.

При оставлении работы или службы у Товарищества расчетными конторами погашаются все штемпельные отметки, сделанные Т-вом на продовольственных карточках.

Заявления об изменении числа лиц в семье или иной группе и об утрате продовольственной карточки принимаются учреждениями, выдающими карточки.

При изменении численного состава семьи или иной группы ей выдается новая карточка взамен прежней или в соответствующих случаях выдается, отбирается или заменяется новой дополнительная карточка.

В случае утраты карточки владельцу ее выдается новая карточка за прежним номером с надписью «дубликат», при этом все талоны за время, предшествующее заявлению об утрате, и талоны на текущую выдачу продуктов отрезаются.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1041. Л. 32–33. Печатный лист.

ПРИЛОЖЕНИЕ 30

Правила выдачи карточек на получение сахара рабочим ЯБМ

3 сентября 1916 г.

ЯБМ

РУКОВОДСТВО ПРИ ВЫДАЧЕ КАРТОЧЕК НА ПОЛУЧЕНИЕ САХАРА

1. Рабочим, проживающим на вольных квартирах, карточки на получение сахара выдавать лишь: а) на работающих на М[ануфактур]е и б) на проживающих при них детей до 15 летнего возраста (моложе 15 лет).

2. Работающим на М[ануфактур]е женщинам, мужья которых работают на стороне, а также и рабочим, подросткам, и малолетним, родители которых на М[ануфактур]е не работают, выдавать карточки лишь на них самих.

3. Обмен карточек, полученных из Городской или Земской управы, на карточки М[ануфактур]ы производить в лабазе при приходе рабочего за получением сахара, причем, если количество марок на сахар на карточке Управы или Земства совпадает с количеством марок нашей карточки, то Городскую или Земскую отбирать, а выдавать нашу, если же в Земской или Городской карточке количество марок больше, чем в нашей карточке, то, выдавая нашу карточку, Городскую или Земскую не отбирать, а лишь отрезать от них столько марок, со сколькими выдается наша карточка.

4. При выдаче наших карточек, на которых никакой пометки не имеется, прежде чем выдавать нашу карточку, требовать предъявления Городской или Земской карточки, а при выдаче карточек, имеющих отметку буквами «Н. Т. », такого требования не предъявлять.

3-го сентября 1916 г.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 34.

ПРИЛОЖЕНИЕ 31

Выдержка из донесения старшего фабричного инспектора Московской губернии в Департамент торговли и Мануфактур относительно стачки и беспорядков на прядильно-ткацкой фабрике Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. 1897 г.

В дополнение к телеграфным сообщениям своим относительно беспорядка, происшедшего на прядильно-ткацкой фабрике Т-ва мануфактур Н. Н. Коншина в г. Серпухове, имею честь представить нижеследующее.

При объяснении с рабочими ими были предъявлены мне следующие требования и жалобы:

1) чтобы была увеличена плата за работу (повышен сдельный расценок), особенно на ткани, работающиеся в 32 дюйма;

2) чтобы сдельные цены на разные сорта, определенные, по их словам, в расценке крайне неравномерно, были выравнены;

3) чтобы работа под праздник оканчивалась для всех в 6 час. вечера;

4) чтобы в расчетных книжках точно обозначался их заработок перед каждой выдачей (кроме общих расценок, цена проставлялась бы особо, на каждый выданный сорт в рабочих книжках), так как, по их объяснению, в расчетных книжках часто обозначаются только выдачи, и они тем лишаются возможности проверить последние;

5) чтобы были уволены трое служащих: Петр Михайлов, Андрей Фомин и Иван Иванов, а также хожалый Николай Иванов, будто бы несправедливо и пристрастно относящиеся к ним и дерущиеся.

Кроме сего указывали:

6) на плохой материал;

7) на прогулы от задержки основ и утка;

8) на задержку в работе из-за отсутствия сменных подмастеров;

9) на недостаточные размеры харчевой лавки, малый персонал служащих при ней и на происходящие оттого продолжительные задержки при заборе;

10) на плохое качество солонины, дороговизну ее и гречневой крупы;

11) на тесноту в казармах и недостаточный размер бани и на неудобство и чрезмерность употребляющейся поливки полов на фабрике.

По расследовании указанного рабочими выяснено следующее.

Главнейшим поводом к беспорядку послужил переход от денной 13-часовой работы к сменной 18-часовой, без надлежащей к тому подготовки и с недостаточным повышением сдельного расценка.

Означенный переход сделан 1 октября 1896 г. До этих пор на фабрике работали преимущественно местные рабочие, привыкшие ко всем существующим здесь порядкам и к самой фабрике, при найме же второй смены пришлось набирать коекого из пришлых. При уменьшении времени работы на 33 % сдельный расценок прядильного отделения был повышен на 25–30 %, ткацкого же только на 10–20 %. Кроме сего, при этом повышении не было обращено надлежащего внимания на равномерность такового, причем слишком рассчитывалось на выравнивание заработка соответствующим распределением сортов (основ) между рабочими. Однако последнее оказалось не всегда возможным, так как сорта сложные с более выгодной ценой администрация не решалась давать в работу рабочим с недоста-

точной к тому, по ее мнению, подготовкой и оставляла таких рабочих на сортах невыгодных. Вместе с сим увеличение вдвое персонала рабочих повело к тому, что увеличились число и продолжительность обычных задержек при выдаче основ и утка. К этому надо прибавить оставление в ткацкой для обеих смен одного подмастера, выправляющего станки при их разладке; он, не имея смены, позднее выходил на работу и раньше с нее уходил, так что рабочие были вынуждены иногда бездействовать при разладе стана. Качество хлопка обыкновенно здесь высокое, в последнее время значительно понизилось вследствие недостачи его на рынке и вынужденной покупки остатков. Все это понизило заработок рабочих еще более.

Следует указать, однако, что этот заработок здесь до перехода к 18-часовой работе был выше, чем на других однородных фабриках, в настоящее же время в среднем (не принимая во внимание неравномерность его) лишь немного ниже обычного среднего для Московской губ. Никаких вычетов за квартиру, баню и пр. на этой фабрике не практикуется.

Увеличение вдвое рабочего персонала повело также к тому, что контора, харчевая лавка, баня и жилые помещения оказались недостаточными. Хотя они и исполнили свое назначение, но в конторе рабочих часто задерживали, в лавке тоже, пользование баней было стеснено, в некоторых жилых помещениях же, хотя число их и было увеличено, явилась скученность. Части рабочих в фабричном помещении было отказано и ежемесячно выдавалось по 1 руб. квартирных, но и это вызывало само по себе недовольство среди них.

Что касается указанного рабочими неправильного ведения расчетных книжек, то действительно на фабрике иногда перед выдачами, за недостатком конторских сил, обозначались в расчетных книжках лишь последние, и заработок прописывался уже несколько позднее; однако у ткачей имеются кроме того рабочие книжки, по которым они легко могут проверять свой заработок, обращаясь к ценам общего расценка.

Плохое качество солонины не подтвердилось, и если действительно могло иметь место, то лишь как случайный недосмотр. Цена, по которой она отпускается (8 коп. фунт), а также отпускается гречневая крупа (1 руб. 10 коп. пуд) вполне умеренны. Поливка полов в ткацких мастерских, вызываясь технической потребностью во влажности, на самом деле производится иногда недостаточно умеренно.

Желание рабочих оканчивать работу под праздник всем не позднее 6 час. вечера не имеет под собой никакой почвы, так как при работе в среднем по 9 час. в сутки каждая смена чрез неделю перед воскресными днями оканчивает в 4 час. дня.

Что касается до пристрастности и вызывающего обращения указанных рабочими лиц, то это еще не вполне выяснено и пока мало подтвердилось.

На основании означенных результатов расследования рекомендовано администрации фабрики следующее.

1) Не изменяя до Пасхи с. г. сдельного расценка, следить за заработком рабочих, выравнивая его соответствующей раздачей сортов работы, даже поступаясь в иных случаях ожидаемым ущербом в качестве выработки; к Пасхе же озаботиться выработкой расценка более нормального и равномерного.

2) Обратить особенное внимание на устранение всех причин разных задержек при работе, т. е. установить возможно непрерывную выдачу основ, утка и пр., а также добавить, где нужно, персонал служащих.

3) Обратить внимание на устранение различных задержек рабочих в конторе, харчевой лавке, в бане и пр., а также озаботиться о возможно свободном размеще-

нии рабочих в жилых помещениях фабрики и о доставлении возможности сносно устроиться на вольных квартирах, кому фабричных не хватит.

4) Озаботиться приобретением лучшего материала.

5) Немедленно упорядочить ведение расчетных книжек, сделав таковое вполне понятным для рабочих, в рабочих же книжках ткачей впредь проставлять при каждой выданной работе цену ее по общему расценку.

6) Упорядочить поливку полов в мастерских.

7) Расследовать самым тщательным образом поведение лиц, указанных рабочими, и если указания относительно их подтвердятся, немедленно устранить с фабрики.

Расследование продолжается.

Ст. фабричный инспектор И. Федоров

Источник: Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Том. IV. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. М., 1961. С. 627, 631.

ПРИЛОЖЕНИЕ 32

Черновик заявления в Ярославскую губернскую Продовольственную управу по вопросу отпуска хлеба рабочим ЯБМ. Без подписи. Составлен фабричной администрацией ЯБМ

[июль 1917 г.]

Заявление от ЯБМ по поводу снижения пайка
по предложению Прод[овольственной] управы

Считая, что такое уменьшение выдачи хлебных продуктов вызовет со стороны всех без исключения рабочих и служащих Мануфактуры сильное возбуждение и крайнее недовольство, так как пониженный паек отпуска хлеба заставит рабочих Мануфактуры за невозможностью приобретения других продуктов, которые могли бы собою заменить хлеб, голодать, мы покорнейше просим Вас принять наше настоящее заявление к сведению и оказать нам Ваше содействие к возможному увеличению отпуска хлебных припасов для отпуска рабочим и тем самым предотвратить крайне нежелательные последствия, могущие произойти по случаю уменьшения размеров хлебного пайка.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 70. Л. 36.

ПРИЛОЖЕНИЕ 33

Переписка по поводу Общества потребителей при ситценабивной фабрике Т-ва м-р Н. Н. Коншина. 1905 г.

[Документ 1]

[Письмо частного характера (не на бланке)
от фабричного инспектора 10-го участка
Н. Л. Гром к директору Правления
Т-ва м-р Н. Н. Коншина В. С. Баршеву]

Милостивый Государь
Владимир Сергеевич,

В последнее время особенно резко цены лавки Общества потребителей при Ситцепечатной фабрике отличаются от цен харчевой лавки Т-ва. Таким образом, одни рабочие, а именно рабочие «Новой Мызы» и Новоткацкой ф-ки, пользуются и лучшими, и более дешевыми харчевыми продуктами, тогда как рабочие ситцепечатной фабрики значительно переплачивают за продукты первой необходимости. Заработок громадного большинства рабочих ситцепечатной фабрики, как известно, ниже заработка рабочих «Новой Мызы» и Новоткацкой фабрик, что еще усиливает ненормальность положения. В последнее время спокойствие рабочих зависит несомненно также и от цен на харчевые продукты, почему было бы весьма желательным найти ту или иную возможность снабжать рабочих ситцепечатной ф-ки харчами из харчевой лавки Т-ва.

То, что лавка при ситцепечатной фабрике «потребительская», значения для большинства рабочих не имеет, так как паи и дивиденды получают лишь конторщики, мастера, граверы, раклисты и т. п., черная же масса рабочих паев не имеет.

Для примера приведу Вам цену хлеба в лавках Общества потребителей и в лавках при «Новой Мызе»: в первой на октябрь цена 86 к. пуд и во второй — 70 к. пуд.

Готовый к услугам Вашим,
Ваш Н. Гром

30.9.1905

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 72. Л. 114.

[Документ 2]

[На бланке Правления письмо от В. С. Баршева
заведующему АХЧ Е. Е. Тизенгаузену]

Многоуважаемый
Евгений Евгениевич,

Посылаю Вам письмо Н. Л. Гром и покорно прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к удешевлению харчей для рабочих ситценабивной фабрики. Думаю, что можно повлиять на Общество потребителей и настоять на понижении цены. Затем следует объявить рабочим (словесно или письменно), что Правление готово доставлять им продукты из харчевой лавки, если они того пожелают, для удешев-

ления цены на продукты, им необходимые. По поводу всего следующего благоволите переговорить с г. Ланц и о последующем меня уведомить. Прошу Вас цену на сахар с 1 сего октября понизить до 16 коп., о чем, возможно, Вам уже писал Николай Васильевич.

С совершенным почтением, готовый к услугам Вашим,

В. Баршев

3.10.1905 г.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 72. Л. 115–116.

[Документ 3]

[На бланке ситценабивной фабрики.
Официальное письмо В. С. Баршеву
от директора ситценабивной фабрики
А. А. Ланца с описанием проблем
лавки потребителей
при ситценабивной фабрике]

12.11.1905

Милостивый Государь
Владимир Сергеевич,

Правление Общества потребителей при ситценабивной ф-ке заявило мне, что вследствие вздорожания ржаной муки оно принуждено повысить цену хлеба, и, таким образом, хлеб в лавке Общества потребителей должен быть гораздо выше в цене, чем такой же хлеб в харчевых лавках Т-ва. Оказывается, что Общество потребителей закупило хлеб в местностях, где теперь происходят аграрные беспорядки, и вследствие таковых купленная Обществом мука не может быть своевременно сюда доставлена. Равным образом я узнал, что в харчевых лавках Т-ва имеется довольно большой запас ржаной муки, купленной по низкой цене, а потому по просьбе Общества потребителей имею честь покорнейше просить Вас, не найдете ли Вы возможным позволить, чтобы харчевые лавки Т-ва дали Обществу потребителей возможность заготовлять хлеб по более низким ценам. Для предупреждения недоразумений и разных неприятностей со стороны рабочих ситценабивной ф-ки, покупающих хлеб исключительно в лавке Общества потребителей, такая мера является почти неизбежной, а потому покорнейше прошу Вас не отказать в просьбе Общества потребителей и сделать распоряжение харчевой лавке об уступке Обществу потребителей просимого количества ржаной муки по своей покупной цене с добавлением небольшого % %.

О Вашем решении покорнейше прошу меня уведомить.

С совершенным почтением,

А. Ланц.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 72. Л. 118.

ПРИЛОЖЕНИЕ 34

Билет выборному от рабочих прядильно-ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на право контроля за качеством продуктов в харчевой лавке*

Февраль 1907 г.

Т-во м-р Н. Н. Коншина в Серпухове

БИЛЕТ №

1 — Моис. Астафьев (?)**
2 — Ив. Герасимов**
3 — Ал. Борлев (?)**
4 — Ал. Блинов**

Настоящий билет выдан выборному от рабочих прядильно-ткацкой фабрики на право посещения Харчевой лавки Т-ва на «Новой Мызе» для осмотра продуктов, поступающих в продажу рабочим.

ПРИМЕЧАНИЕ. 1) Осмотру могут быть подвергаемы как продукты, находящиеся в помещении Харчевой лавки, так и кладовых. 2) Осмотр должен производиться всегда в присутствии старшего прикащика Харчевой лавки и в дни и часы, когда лавки открыты для продажи и 3) О всем замеченном выборный сообщает старшему прикащику для доклада Заведующему Харчевыми лавками или заносит в существующую жалобную книгу.

* *Печатный на клетчатой бумаге, стоит печать конторы от 28.2.1907 г. и печать Товарищества от 27.2.1907 г. Очевидно, это последняя, заверенная, версия чернового варианта.*

** *[От руки].*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 57.

ПРИЛОЖЕНИЕ 35

Жалоба рабочего Н. Н. Коншину относительно недостатков работы харчевой лавки*

2 ноября 1907 г.

Почетному Дворянину

И драгоцѣнному Нашему Хозяину Николаю Николаевичу вамъ извесно, что ваши рабочій непріятность ведутъ на счетъ харчей.

Лавка нановой мызѣ и на новой ткацкой, просятъ съ рубля десять копѣекъ скидки, а почему же раньше не просили скидки а потому что ранше были харчи необходимыя для человѣка хлебъ, крупа, мука, мяса однимъ словомъ что необходима и мы знаемъ что отъ этихъ Харчей пользы мало. Хозяину и намъ больше нетребуется, а если что лишнім потребуется если есть у насъ денги мы возмемъ а то и погодимъ, а сейчасъ вы зовили всякую бездѣлицу даже и в Городѣ этого нету, а у васъ въ Лавки есть и мы беремъ и намъ кажется все навитка а мѣсяцъ придетъ и мы придемъ въ Н Контолу за деньгами получать, а получать нечего и изъ конторы пойдемъ пустыя, один мѣсяцъ, другой и третій все выходимъ изъ конторы пустыя, а в деревни спрашиваютъ оброкъ такъ вотъ и мы васъ просимъ Николай Николаевичъ что мы нежелаемъ чтобъ у васъ въ Лавки Харчевой былоб какъ у Мюра-Мерлиза такъ вотъ мы просимъ васъ что самыя необходимыя Харчи нужны, а то вы насъ заставили всѣхъ побирается и мы знаем что отъ этихъ раскошныхъ товаровъ у васъ есть большая польза вотъ и мы просимъ скидки съ рубля 10 копѣекъ еще вы служищимъ даете награду очень много сказывается въ Годъ и мы слышали что эти деньги остаются отъ Харчевыхъ лавокъ польза (Даже) даже самъ Сергей Михаиловичъ Серьковъ въ одномъ мѣсте сказалъ такъ вотъ Николай Николаевичъ мы отъ васъ сердца вамъ пишемъ какъ вы для насъ хозяинъ очень дорогой. Да еще праздники торгуютъ и на деньги и в долгъ когдабъ мы пошлибъ въ городъ а когдабъ и нетъ а у васъ открыта торговля и лишнію копѣику проживешь Николай Николаевичъ.

Вы свертесь пятнадцать лѣтъ тому назадъ какія были харчи в Лавки и мы были довольны и намъ больше ненужны такія роскоши какія у васъ сейчасъ есть.

Еще (Нико) Николай Николаевичъ вотъ исчево у насъ взилось скидка с Харчей 10 копѣекъ съ рубля мы были въ лавки въ Харчевои забирали Харчи въ это время мужичекъ крестьянинъ привезъ горшокъ въ лавку въ вашу Сергѣи Михаиловичъ Серьковъ настойчево проситъ, а мужичекъ Серькову сказалъ, а выта скидываете фабричнымъ съ рубля 10 копѣекъ вы охнули словомъ всемъ торгуете, а Серьковъ ему сказалъ потише молчите а мы всетаки слышали и стали съ этихъ поръ просить

[На этой фразе жалоба заканчивается]

** Написано от руки карандашом. Орфография документа полностью сохранена.*

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 83.

ПРИЛОЖЕНИЕ 36

Сравнительная таблица стоимости харчевых припасов, отпущенных из фабричной харчевой лавки Ярославской Большой мануфактуры в 1906 г., по ценам, бывшим в октябре 1897, 1904, 1907 гг. и в июле 1910 г.

Наименование товара	Кол-во, проданное за 1906 г.	1897 г.		1904 г.		1907 г.		1910 г.	
		цена	сумма	цена	сумма	цена	сумма	цена	сумма
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хлеб черный	46 428 пд.	0,50	23 214,00	0,60	27 856,80	0,60	27 856,80	0,70	32 499,60
Хлеб белый	10 149 пд.	1,60	16 238,40	1,60	16 238,40	1,70	17 253,30	1,70	17 253,30
Булки	226 975[1] шт.	0,04	9 079,00	0,04	9 079,00	0,04	9 079,00	0,04 1/4	9 646,44
Крендели, сушки	1 321 шт.	2,70	3 566,70	2,60	3 434,60	2,70	3 566,70	2,80	3 698,80
Баранки	5 566 шт.	2,20	12 245,20	2,30	12 801,80	2,40	13 358,40	2,40	13 358,40
Мука ржаная	87 245 пд.	0,56	48 857,20	0,74	64 561,30	0,88	76 775,60	0,90	78 520,50
Мука механ. 1 сорт	39 789	1,80	71 620,20	1,90	75 599,10	2,40	95 493,60	2,20	87 535,80
Мука механ. 2 сорт	27 880	1,60	44 608,00	1,60	44 608,00	2,10	58 548,00	1,80	50 184,00
Мука первач 1 сорт	1 659	1,40	2 322,60	1,40	2 322,60	1,70	2 820,30	1,60	2 654,40
Крупа гречневая (ядрица)	7 363	1,20	8 835,60	1,40	10 308,20	1,80	13 253,40	1,20	8 835,60
Крупа гречневая (обыкн.)	541	1,10	595,10	1,30	703,30	1,60	865,60	1,20	649,20
Пшено	4 384	1,10	4 822,40	1,40	6 137,60	1,80	7 891,20	1,40	6 137,60
Солод	996	0,80	796,80	1,50	1 494,00[2]	1,70	1 693,20	1,60	1 593,60
Рис персидский	1 820	1,90	3 458,00	2,80	5 096,00	3,80	6 916,00	2,70	4 914,00
Масло льняное	5 725	4,00	22 900,00	4,50	25 762,50	5,00	28 625,00	6,40	36 640,00
Масло подсолнечное	2 046	5,80	11 866,80	5,80	11 866,80	5,00	10 230,00	8,50	17 391,00
Масло коровье	1 786	10,60	18 931,60	12,60	22 503,60	14,80	26 432,80	16,40	29 290,40
Масло деревянное	1 856	10,80	20 044,80	11,20	20 787,20	12,40	23 014,40	14,60	27 097,60[3]
Говядина	12 915	4,03	52 047,45[4]	3,87	49 981,05[5]	5,48	70 774,20	5,60	72 324,00
Солонина	3 094	3,50	10 829,00	3,70	11 447,80	4,90	15 160,60	5,20	16 088,80
Колбаса вареная	3 488	5,25	18 312,00	5,00	17 440,00	5,95	20 753,60	6,63	23 125,44
Сельдь соленая	36 434 шт.	0,11 1/4	4 098,82	0,9 1/4	3 370,14	0,12 1/2	4 554,20	0,11	4 007,74
Сахар	12 737	6,65	84 701,05	6,30	80 243,10	6,00	76 422,00	6,00	76 422,00

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Изюм	1 191	4,00	4 764,00	4,10	4 883,10	5,10	6 074,10	5,00	5 955,00
Керосин	6 253	1,20	7 503,60	1,30	8 128,90	1,40	8 754,20	1,10	6 878,30
Мыло синее	6 166	3,80	23 430,80	4,20	25 897,20	5,00	30 830,00	4,80	29 596,80
Мыло ядровое	98	4,80	470,40	4,90	480,20	5,60	548,80	5,30	519,40
Картофель	55 492 мер.	0,21	11 653,32	0,18	9 988,56	0,30	16 647,60	0,38½	21 364,42
Капуста рубленая белая	843 пд.	0,60	505,80	0,60	505,80	0,60	505,80	1,00	843,00
Капуста рубленая серая	1 578 пд.	0,40	631,20	0,40	631,20	0,40	631,20	0,70	1 104,60
	Кол-во, проданное за 1898 г.								
Молоко	183 861 мер.	0,05	9 193,05	0,07	12 870,27	0,08	14 708,88	0,07	12 870,27
Яйца[6]	261 000 шт.	14,00	3 654,00	19,00	4 959,00	22,00	5 742,00	19,00	4 959,00
Судак малосольный	288 пд.	2,77	797,76	3,37	970,56	3,95	1 137,60	5,30	1 526,40
Икра красная	255 пд.	4,20	1 071,00	7,50	1 912,50	6,90	1 759,50	6,80	1 734,00
Спички	26 088 пач.	0,07	1 826,16	0,06	1 565,28	0,09½	2 478,36	0,9½	2 478,36
ИТОГО			559 483,76		596 233,47		701 155,94		709 707,77
ИТОГО с учетом изменений в подсчетах в столбцах			559 491,76		596 436,26				709 697,77

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 113–115.

[*] На л. 113 ошибочно указано количество 22 697 шт., на л. 115 — верное количество: 226 695 шт.
[2] В источнике, очевидно, ошибочно указана сумма 1 294,00 руб.
[3] В источнике, очевидно, ошибочно указана сумма 27 107,60 руб.
[4] В источнике, очевидно, ошибочно указана сумма 52 039,40 руб.
[5] В источнике, очевидно, ошибочно указана сумма 49 979,05 руб.
[6] Цена указана за 1 000 шт.

ПРИЛОЖЕНИЕ 37

Индексы розничных цен в Москве и С.-Петербурге (1885–1913 гг.). (1913 г. = 100 %)

Год	Индекс М. П. Кохна	
	С.-Петербург (24 товара)	Москва (15 товаров)
1885	75,6	84,9
1886	71,8	78,3
1887	72,4	78,0
1888	72,2	80,9
1889	73,7	82,5
1890	71,1	79,8
1891	73,5	82,7
1892	77,9	84,8
1893	79,4	80,9
1894	74,2	78,2
1895	70,7	74,8
1896	70,1	72,8
1897	71,1	74,5
1898	78,1	76,5
1899	80,3	75,6
1900	80,0	77,4
1901	78,9	79,0
1902	79,4	79,9
1903	79,2	78,9
1904	80,2	81,7
1905	80,4	86,3
1906	84,0	92,4
1907	89,9	96,3
1908	95,0	100,8
1909	94,2	98,5
1910	90,9	96,7
1911	91,8	96,4
1912	98,1	100,7
1913	100,0	100,0

Источник: *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 115.

ПРИЛОЖЕНИЕ 38

Переписка о разрешении продажи в кредит в харчевой лавке Т-ва м-р Н. Н. Коншина ряда товаров. 1906 г.

[Документ 1]

10.07.1906

Г-ну Зав. Административно-хозяйственной частью ф-к Т-ва м-р Н. Н. Коншин

Милостивый Государь!

К нам обратились через своих депутатов наши рабочие с просьбою передать Вам следующее: они просили Вашего разрешения отпускать им в харчевой лавке все товары без исключения (главное же обувь), и Вы им это обещали, но из лавки до сих пор не отпускают.

С совершеннейшим почтением,
за П. Т. Ф. Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове

Директора В. Акулин

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 8.

[Документ 2]

19.07.1906

№ 955

Господину Заведующему Прядильно-ткацкой фабрикой

Милостивый Государь,

На письмо Ваше от 10-го сего июля имеем честь уведомить, что мы сносились с инспекцией по возбужденному рабочими вопросу, тотчас же после бывшего в начале месяца июня с/г совещания с их уполномоченными.

По поводу сего в конце июня последовало разъяснение Главного по фабричным и заводским делам Присутствия в том смысле, что фабричным лавкам не разрешается продажа рабочим в кредит (в счет заработка) каких бы то ни было предметов, кроме недорогих и доброкачественных предметов потребления. Перечень этих разрешенных Инспекцией предметов при сем прилагается.

Мотивом такого общего распоряжения является, нужно думать, желание Правительства оградить рабочих от возможной эксплуатации их со стороны владельцев фабричных лавок.

Такая мера по отношению к Т-ва совершенно излишня, но тем не менее общее распоряжение распространяется и на наши лавки.

Одновременно с сим мы входим с представлением к местному ф. и., прося его, в виде исключения, допустить обувь к отпуску из наших лавок рабочим в кредит.

Относительно продажи из харчевых лавок на наличные деньги никаких ограничений не существует.

Отзыв инспектора на наше последнее представление мы сообщим Вам немедленно по получении.

С совершенным почтением,

Зав. АХЧ Т-ва м-р Н. Н. Коншина Е. Е. Тизенгаузен

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 15–15 об.

[Документ 3]

М. Т. и П. Фабричный инспектор Московской губернии 10-го участка

18.09.1906

Печать: Правление Т-ва м-р Н. Н. Коншина № 547

Возбужденный Правлением Т-ва вопрос (представление от 19 июля с/г за № 950) подлежит разрешению Московского Губернского по фабричным делам Присутствия, почему с прошением и следует обратиться в Присутствие, ближайшее заседание которого будет 30 сентября с/г. С моей стороны просьба Т-ва о разрешении ему отпускать в кредит всем рабочим всякого рода обувь препятствий не встречает.

Прошение в Присутствие следует подать немедленно, если Т^во^ желает, чтобы возбужденный им вопрос был решен не позднее 30 сентября.

[Карандашная приписка:]
Иван Петрович [Золотарев] обещал исполнить. В. Вахонин. 19.09.06

Фабричный инспектор Московской губернии: Н. Гром

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 25.

[Документ 4]

П. Т. Ф.

18.09.1906

В Правление Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина

Милостивые Государи!

Честь имеем просить Вас подать прошение в Московское Губернское по фабричным и горно-заводским делам Присутствие о разрешении продавать рабочим в кредит из фабричной харчевой лавки всякого рода обувь, т. е. кожаную, резиновую, валяную и к праздникам Рождества и Пасхи битую птицу и поросят. Подать это прошение покорнейше просим немедленно, т. к. на днях будет в Присутствии заседание, в котором желательно было бы с этим вопросом покончить, т. к. рабочие настоятельно просят об этом.

С совершенным почтением остаюсь

П. Т. Ф. Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове

Директор М. Лотарев

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 32.

[Документ 5]

Присяжный поверенный округа Московской судебной палаты Алексей Александрович Добрынин

Москва, Маросейка, Космодамианский пер., дом Егорова

29.09.1906

Господину И. П. Золотареву

Многоуважаемый Иван Петрович!

По делу о разрешении Тов-ву продавать рабочим в кредит обувь все, что именно у меня — это письмо Лотарева. Копии прошения Т-ва в Губернское по фабричным делам Присутствие нет, но прошение это заключалось в нескольких строках согласно с письмом Лотарева. Подано оно мною 21 сентября и будет заслушано 30 сентября.

С совершенным почтением А. Добрынин

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 27.

[Документ 6]

М. Т. и П.

Московского Губернского по фабричным и горно-заводским делам Присутствия Непременный член

г. Москва 01.11.1906

№ 295

Господину Серпуховскому уездному исправнику.

Московское Губернское по фабричным и горно-заводским делам Присутствие в заседании 30-го сентября с. г. слушало прошение Правления Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове, о разрешении отпускать рабочим в кредит из фабричной харчевой лавки Т-ва обувь — кожаную, резиновую и валеную, и к праздникам Рождеству и Пасхи битую птицу и поросят, и постановлено: «Включить в перечень товаров, допускаемых к отпуску из фабричных харчевых лавок рабочим в кредит, обувь — кожаную, резиновую, валеную и к праздникам Рождеству и Пасхи битую птицу и поросят».

Вышеизложенное постановление Присутствия имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие на осн. ст. 28 Правил 9 февраля 1900 г. объявить Правлению Т-ва м-р Н. Н. Коншина под расписку, которую, на осн. ст. 31 тех же правил, препроводить Присутствию.

Непременного члена Присутствия Исполняющий обязанности [подпись]
Старший Фабричный Инспектор Московской губернии подпись [подпись]
За Делопроизводителя [подпись]

[На обороте записи:]

№ 2133 4 ноября

Поручить Полицейскому надзирателю при ф-ке Т-ва Коншина «Новая Мыза» к исполнению с уведомлением от себя ноября 3-го дня 1906 г.

Помощник Исправника [подпись]
Секретарь [подпись]

№ 1176 5 ноября 1906

По нахождению Т-ва Коншина для непосредственного исполнения препровождено Полицейскому надзирателю.
«Старый Двор» ноября 4 дня 1906 г.
Полицейский надзиратель Золотов

С подписью верно. В. Вахонин

Выписка сего постановления послана С. М. Серикову 7/11–06.

В. Вахонин

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 520. Л. 35. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 39

Показатели предоставления врачебной помощи на фабриках Московской губернии (без г. Москвы) и отдельно города Серпухова. 1907 г.

Московская губерния	Фабрик (абс. число)						Рабочих, (в %)					
	До 15	16–50	51–100	101–500	501–1 000	Св. 1 000	До 15	16–50	51–100	101–500	501–1 000	Св. 1 000
В отдельных больницах	0	1	2	16	24	30	0,0	0,8	2,2	15,0	55,9	81,6
В совместных больницах	3	12	20	31	9	9	4,2	9,4	21,1	22,5	20,7	14,5
В отдельных приемных покоях	0	0	1	2	2	0	0,0	0,0	1,4	1,0	4,7	0,0
В совместных приемных покоях	0	1	1	0	0	0	0,0	1,0	0,8	0,0	0,0	0,0
В отдельных амбулаториях	1	5	1	1	0	0	1,8	2,1	1,1	0,5	0,0	0,0
По соглашению с земствами	32	75	45	69	9	2	39,0	48,8	47,7	45,5	18,8	2,3
По соглашению с гор. думами	1	12	10	8	0	1	1,8	7,6	10,2	4,0	0,0	1,6
По соглашению с частными учреждениями	0	3	0	4	0	0	0,0	2,6	0,0	2,3	0,0	0,0
Своей безусловно неудовлетворит. организацией	0	0	2	1	0	0	0,0	0,0	1,8	0,6	0,0	0,0
Никак	48	46	19	15	0	0	53,2	27,6	13,7	8,6	0,0	0,0
Всего	85	155	101	147	44	42	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Город Серпухов	До 15	16–50	51–100	101–500	501–1 000	Св. 1 000	До 15	16–50	51–100	101–500	501–1000	Св. 1 000
В отдельных больницах	0	0	0	0	1	5	0,0	0,0	0,0	–	46,0	100,0
В отдельных амбулаториях	0	0	1	0	0	0	0,0	0,0	100,0	–	0,0	0,0
По соглашению с земствами	2	6	0	0	1	0	100,0	100,0	0,0	–	54,0	0,0
Всего	2	6	1	0	2	5	100,0	100,0	100,0	–	100,0	100,0

Источник: *Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 году. СПб., 1909. С. 12, 49. (Разбивка на колонки проведена по численности рабочих на фабриках — от самых мелких фабрик до крупнейших, с числом рабочих более тысячи человек.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 40

Динамические показатели работы больницы Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. 1884–1915 гг.

Год	Число рабочих в среднем в год	Годовая стоимость содержания, руб.	Годовая стоимость содержания одного рабочего	Число амбулаторных больных	Количество амбулаторных посещений	Среднее количество амбулаторных пациентов в день	Количество стационарных больных	Дней проведено в больнице	Число рожениц	Количество бесплатных рецептов, реализованных в аптеке	Количество врачей
1884					3 534		716				
1885				611							1
1892				8 830			771		220		
1895		38 959,35		26 651	91 284	250	2 624		482 (603)**	125 825	
1898		45 000		35 318	98 678	270	3 068		825 (950)**	214 433	2
1899				60 240			1 153		1 151		4
1902							2 520				
1904		50 000		41 326	84 749		2 850*		1 026 (1 055)**	297 300	3
1907		67 860		50 417	101 077	277	2 461		1 112		
1908		64 400							825		
1909		68 500		60 249	119 216	327	3 705			362 955	4
1910				78 750	127 524	349					4
1911		77 144,21		85 345	129 399		3 468 (942)***	38 160 (10 162)****	1 122		4
1912		81 277,31		84 971	147 927		3 419 (985)***	42 729 (18 383)****	1 131		4
1913	9411	81 300	8,64								
1914	9982	87 200	8,74								4
1915	10 075	92 960	9,23								4

* В источнике указано, что в этом числе учтены также и роженицы.

** В скобках указано общее число рожениц с учетом тех, кому помощь фабричными врачами оказывалась на дому.

*** В скобках указано число членов рабочих семей (т. е. неработающих на ЯБМ), которые пользовались стационарным лечением в фабричной больнице (в общей цифре они учтены).

**** В скобках указано количество дней, проведенных в больнице членами рабочих семей , т. е. неработающих на ЯБМ (в общей цифре они учтены).

Источники: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 187, 187-об; Д. 69. Л. 155; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4049; Оп. 2. Д. 285. Оп. 3. Д. 104, 107, 208 «а», 121, 285; *Песков П. А.* Отчет за 1885 г. ... С. 70; *Беляев В. И.* Здравоохранение Ярославля... С. 41.

ПРИЛОЖЕНИЕ 41

Динамические показатели работы больниц Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1879–1915 гг.

Год	Число рабочих в среднем в год	Годовая стоимость содержания, рублей	Годовая стоимость содержания на одного рабочего	Число амбулаторных больных	Число госпитальных больных	Проведено дней в больнице	То же, на одного рабочего	То же, на одного больного	Среднее ежедневное число госпитальных больных	Число рожениц	Среднее ежедневное число рожениц	Число врачей	Фельдшерского персонала	Прислуги	Мед. персонала на 1 000 рабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1879				2 038	240	3976									
1880				1 831	301				12,8						
1881				1 964	373				23,3						
1882				2 455	350				18,8						
1883		3 935		2 740	219				12,9						
1893	4 862	около 1 200	около 0,25	7 465	643	12 467	2,56	19,39	34,1	168		1	4	7	1,03
1894	4 744			6 785	555	8 722	1,84	15,72	24,0	136	2,0	1	5	11	1,26
1895	4 846			7 629	828	12 825	2,65	15,49	35,1	147	2,1	1	6	11	1,44
1896	5 794	18 388	3,17	7 855	788	12 030	2,08	15,27	32,9	176	2,8	1	6	11	1,21
1897	7 269	20 842	2,87	10 777	1 168	16 475	2,27	14,11	45,0	245	3,9	2	7	13	1,24
1898	8 417	21 543	2,56	11 855	1 175	16 605	1,97	14,13	45,5	268	4,3	2	8	15	1,19
1899	10 858	25 225	2,32	15 429	1 335	18 438	1,70	13,81	50,5	347	5,3	2	8	17	0,92
1900	11 237	32 964	2,93	17 355	1 159	17 404	1,55	15,02	47,5	348	5,2	3	9	3	1,07
1901	10 182	44 575	4,38	19 345	1 230	18 312	1,80	14,89	50,2	273	3,7	3	10	29	1,28
1902	11 091	45 294	4,08	25 027	1 597	23 520	2,12	14,73	64,4	388	5,1	3	12	30	1,35
1903	11 217	52 448	4,68	26 716	1 404	24 014	2,14	17,10	65,7	431	5,9	3	12	33	1,34
1904	11 402	57 621	5,05	29 500	1 596	24 092	2,11	15,10	65,9	543	7,6	4	12	37	1,40

Окончание прил. 41

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12,0	13	14	15	16,00
1905	11 632	72 761	6,26	32 606	1 928	27 757	2,39	14,40	76,0	674	9,6	4	14	42	1,55
1906	11 357	89 007	7,85	38 388	2 356	32 454	2,86	13,78	88,9	808	10,7	5	14	46	1,67
1907	11 477	114 390	9,97	42 929	3 152	41 800	3,64	13,26		939		6	14	57	
1908		118 687				50 614									
1909		94 308		41 902	2 920	47 079				1 007					
1910		94 000				около 50 000									
1911		110 000													
1912		117 000		42 867	3 008					1 219					
1913		124 500													
1914		*117 500*													
1915		*143 000*													

Источники: 1879 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2; 1880–1883 гг.: *Дементьев Е. М.* Санитарное исследование... С. 45, 152; 1893–1906 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 3. Л. 113; 1907 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47; 1907–1910 гг.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 471; 1911–1915 гг. — по сметам расходов: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 37 *(курсивом указаны только планируемые траты)*; 1912 г.: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 744. Л. 1 об.–2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 42

Некоторые показатели работы больничных учреждений при текстильных фабриках Московской губернии (кроме города Москвы) с числом рабочих более 2 500 человек. 1907 г.

Предприятие	Число работавших				Итого	Рабочих с жильем от фабрики	Живущих при ф-ке не работающих				Кроватей больничн.	Общая ст-ть (в руб.) содержания лечебного заведения	В рублях на одного рабочего	Всего лечилось			Амбулаторн. посещений в год	
	до 15 лет		от 15 лет				до 15 лет		от 15 лет					Рабочих	Членов семей	Постор.	Всего	На рабочего
	М	Ж	М	Ж			М	Ж	М	Ж								
Московский уезд																		
Даниловская м-ра	0	0	2 981	2 180	5 161	1 897	296	320	4	193	46	34 173,9	6,62	651	54	10	14 545	2,8
Балашинская м-ра	90	145	1 151	1 427	2 813	2 387	670	824	3	256	60	33 750,0	11,78	956	351	26	17 047	6,1
Реутовская м-ра	64	96	954	1 536	2 650	2 427	449	542	20	166	43	26 100,0	9,85	853	301	85	14 679	5,5
Богородский уезд																		
Богородско-Глуховская м-ра	119	209	6 798	4 988	12 114	7 591	1464	1687	52	698	127	110 985,2	10,12	3085	557	363	38 752	3,2
Зуевская м-ра	66	96	1 894	2 304	4 360	2 636	636	586	26	160	61	51 829,0	11,73	1876	103	72	26 195	6,0
Истоминская м-ра	64	53	1 322	1 521	2 960	1 024	282	341	51	86	30	21 972,0	7,42	447	153	17	10 908	3,7
Другие уезды																		
Н.Н. Коншина	78	57	6 670	4 672	11 477	7 566	2589		0	834	118	114 390,3	9,97	Всего 4091			42 929	3,7
Раменская м-ра	35	21	3 831	3 065	6 952	4 073	856	902	197	565	119	59 503,0	8,56	584	374	94	28 468	4,1
Покровская м-ра	0	0	1 924	3 709	5 633	4 017	598	1423	37	405	60	27 587,0	4,90	771	260	133	14 713	2,6
Воскресенская м-ра	0	0	2 178	2 543	4 721	4 631	747	1090	89	163	43	34 992,8	7,41	577	127	169	17 743	3,8
Высоковская м-ра	119	18	1 721	2 672	4 530	4 117	569	730	3	106	63	25 664,0	5,67	544	0	0	16 774	3,7
Рябовская м-ра	70	123	1 163	1 931	3 287	1 711	89	117	11	47	22	11 596,4	3,53	483	59	20	7 615	2,3
Садковская м-ра	0	0	1 655	1 264	2 919	1 015	120	159	36	68	34	7 465,3	5,83	264	46	18	9 157	3,1
Ф. Щербакова С-й	0	0	1 363	1 302	2 665	0	0	0	0	0	44	22 540,0	8,46	653	70	47	19 868	7,5

Источник: *Козьминых-Ланин И. М.* Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в уездах Московской губернии. М., 1912. С. 6, 28, 44, 55.

ПРИЛОЖЕНИЕ 43

Из переписки заведующего административно-хозяйственной частью фабрик Т-ва м-р Н. Н. Коншина Е. Е. Тизенгаузена и директора ситценабивной фабрики А. А. Ланца по вопросу о возможности отпускать женщин днем с фабрики для кормления грудных детей

[Документ 1]

[12 декабря 1903 г.]

[На фирменном бланке Товарищества].

Господину Заведующему С. Н. Ф.

Милостивый Государь,

По поручению Правления Товарищества имею честь просить уведомить меня, не представляется ли возможным женщин-кормилиц, работающих на вверенной Вам фабрике, отпускать домой для кормления детей от 4 до 5 час. дня.

На ткацких фабриках Т-ва это уже давно практикуется, и женщины-кормилицы отпускаются с фабрик на $^1/_2$ часа от 4 до $4^1/_2$ час. дня; на вверенной же Вам фабрике ввиду отдаленности казарм от фабрики желательно бы отпускать кормящих-работниц на целый час.

С совершенным почтением

(Для подписи Е. Е. Тизенгаузена)

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 80. Л. 75. Копия.

[Документ 2]

8 марта 1904 г.

[На бланке ситценабивной фабрики].

Милостивый государь Евгений Евгеньевич,

В ответ на письмо Ваше от 13 декабря 1903 года имею честь уведомить Вас, что я с моей стороны против отпуска женщин-кормилиц, работающих на вверенной мне фабрике, домой для кормления детей от 4 до 5 час. дня ничего не имею и уже сделал распоряжение о введении такого порядка начиная с Пасхи 1904 г.

С совершенным почтением,

А. Ланц

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 80. Л. 82. Копия.

[Документ 3]

Сентября 22

Господину Заведующему С. Н. ф-кой

Милостивый Государь,

На письмо мое от 12 декабря 1903 года за № 2218 по вопросу об отпуске женщин-кормилиц, работающих на вверенной Вам фабрике, домой для кормления детей от 4 до 5 часов дня, Вы известили меня о своем согласии на введение такого порядка с Пасхи 1904 года (см. письмо от 8 марта 1904 г. № 2436).

В настоящее время Г. Заведующая яслями при С. Н. ф-ке доносит мне, что означенное распоряжение Ваше не исполняется, а посему имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в подтверждении последнего г. г. мастерам вверенной Вам фабрики.

С совершенным почтением

Подпись (Е. Тизенгаузен)

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 80. Л. 95.

ПРИЛОЖЕНИЕ 44

Описание яслей, существовавших при фабриках Товарищества Н. Н. Коншина. 1903–1904 гг.

Проект

Краткое описание яслей при С. Н. Ф-ке на Сериковском Дворе

Т-ва м-р Н. Н. Коншина
1903–1904 гг.

Приют-ясли помещаются во 2-м этаже каменного 2-этажного дома и рассчитаны на 25 детей, занимают две больших комнаты для детей, размер 12 × 6 аршин; передняя, кухня, в одной половине которой помещается собственно кухня, а в другой помещаются шкафы для хранения детского белья и делаются детям ванны, за неимением свободной и удобной для ванны комнаты, и комната для заведующей яслями. С 1904 г. помещение увеличено одной комнатой для детей размером 15 × 8 арш. и квартиры для заведующей, а комната, занимаемая раньше заведующей, приспособлена для нянек яслей. С расширением помещения яслей явилась возможность для большего удобства детей комнаты разделить в таком порядке: в двух комнатах дети малые и взрослые спят, а в третьей комнате дети свободные от сна играют и более взрослые резвятся, чем не беспокоят спящих детей за особняком комнаты. Ясли помещаются в здании, не специально приспособленном для этого учреждения, а потому встречаются некоторые неудобства в правильной организации яслей. Нижние этажи яслей составляют амбарные помещения с каменными треснувшими сводами, благодаря этому пол в помещении яслей очень холодный даже летом, не говоря уже про зимнее время, что очень вредно отзывается на здоровье детей, которых ввиду такого неудобства приходится большее время держать в кроватках, что дурно влияет на физическое развитие детей, притом же в самых стенах много трещин, отчего само помещение очень холодно и вызывает дорогостоящее отопление.

Летом в теплую погоду дети выносятся в сад, где имеется особо устроенный навес от дождя и где дети проводят время с 9 ч. утра и [sic] 6 вечера. О влиянии свежего воздуха говорить излишне, достаточно сказать, что дети на воздухе гораздо покойнее, что несомненно доказывает правильное отправление всего организма ребенка.

В ясли принимаются дети рабочих Т-ва от 3-х недель до 3-х лет, причем предпочтение отдается детям родителей, получающих на фабриках меньший оклад.

В течение 1903–1904 гг. в яслях было принято* детей, которые в общей сложности провели на попечении яслей 5209 дней, что в среднем составляет 247 дней в году, т. е. дней на попечении яслей и* дней на попечении родителей.

Дети приносятся родителями в ясли в $5^1/_2$ ч. утра и остаются за малыми исключениями до 7 ч., т. е. до окончания работ родителей. Дети принимаются в ясли, предварительно, насколько возможно, осматриваются заведующей, имея в виду видимые знаки различных болезней, затем с детей снимают их собственное белье, которое завертывается в узлы и складывается в особо устроенные сундуки и остается там до вечера. Летом сейчас же после приема детям делают ванны и надевают чистое белье яслей, зимою же, имея в виду, что дети в $5^1/_2$ ч. утра спят, их только умывают, надевают белье и укладывают спать, а ванны делают в $7^1/_2$ ч. утра. Летом

ванны делают каждый день, а зимой — через день. В 8 ч. утра детям дается пища: маленьким — манная каша и молоко, а более взрослым — чай с молоком и белым хлебом; в $11^1/_2$ час. дня дети обедают: маленьким — тоже манная каша и молоко, а взрослым — мясной суп и молочная каша. В 12 ч. дня приходят с работы матери, имеющие грудных детей, и те, которые живут вблизи яслей, берут их с собой на обед и приносят обратно через час, а те матери, которые живут далеко от яслей, то за неимением времени детей кормят здесь и сами здесь же обедают, принося с собой скудный без приварка обед, и, таким образом пообедав, отправляются на работу. В 4 ч. пополудни маленьким детям дается опять манная каша и молоко, а более взрослым чай с молоком и белым хлебом. В $6^1/_2$ ч. вечера дети ужинают то же, что и в обед. Грудным маленьким детям, которые воспитываются исключительно на молоке, получают молоко, разведенное с ячменным или овсяным отваром, а более взрослые грудные дети получают молоко цельное, слабым детям даются яйца и рубленое мясо. Мясной суп приготовляется с рисом или вермишелью. В 7 часов вечера уже за сытыми детьми приходят родители, надевают свое белье и берут с собой домой. Воскресные и праздничные дни ясли закрываются, и дети остаются на попечении родителей, что очень дурно отзывается на здоровье детей, не имея у родителей такого тщательного и правильного ухода, как в яслях. В особенности этот недостаток заметен после 2-х или 3-х праздничных дней, когда дети, перед праздниками взятые вполне здоровыми, приносятся больными от простуды или вредной пищи.

Очень больные дети в ясли не принимаются; иногда бывают случаи, что дети, принятые в ясли, заболевают, то их отправляют к матери для освидетельствования врачом, врач же не сразу определяет болезнь, а ребенок остается на руках у матери, которая вследствие болезни ребенка не ходит на работу, что без работницы на фабрике очень тяжело для семьи, в большинстве очень бедных, поэтому желательно для таких больных детей впредь до определения болезни врачами иметь отдельную от других детей комнату и няньку. Все дети осматриваются врачом один или два раза в неделю, смотря по состоянию здоровья детей, а в крайних случаях врач вызывается заведующей экстренно.

Персонал служащих яслей состоит из заведующей, 4-х нянек по 6 детей на каждую и одной кухарки. В течение 1903–1904 гг. в яслях было три эпидемических болезни: в июле 1903 г. — дизентерия, от которой умерло трое, в феврале и марте 1904 г. — корь, от которой умерло тоже трое, и один от дифтерита; но эти эпидемические болезни были занесены в ясли из казарм, где эти болезни наблюдались, а из яслей больные дети, своевременно замеченные, отправлялись к матери или же, по ее желанию, в больницу; далее, один ребенок умер от чахотки и один — от воспаления легких; вообще умершие дети в большинстве были уже от природы хилыми детьми и не подавали надежды, чтобы вырасти.

В заключение относительно яслей можно вывести следующее заключение: хотя в яслях и нет точного статистического наблюдения за развитием детей, как-то взвешивания и других регистраций, но ежедневные наблюдения, в особенности за детьми, аккуратно посещающими ясли, наглядно указывают на быстрое и здоровое развитие детей при правильном питании и уходе в яслях.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 80. Л. 84–86.

ПРИЛОЖЕНИЕ 45

Расписки в получении денежной компенсации рабочими ЯБМ за несчастный случай на производстве. 1895, 1917 гг.

[Документ 1]

Росписка Горшкова

Г. Ярославль. Тысяча восемьсот девяносто пятого года мая десятого дня. Я нижеподписавшийся, крестьянин Владимирской губ. Покровского уезда Слободской волости, деревни Глубокова Алексей Сергеев Горшков, выдал настоящую росписку Конторе Торгово-промышленного Товарищества Ярославской Большой мануфактуры в том, что за полученное мною в 1886 году на фабрике Товарищества повреждение левой руки машиною я получил вознаграждение в сумме ста десяти рублей, почему обязуюсь за себя и за наследников моих никаких споров и исков ни к конторе и ни к кому из служащих фабрики не предъявлять. Крестьянин Владимирской губернии, Покровского уезда, Покров-Слободской волости, деревни Глубокова Алексей Сергеев Горшков, а по безграмотству его и личной просьбе росписался запасный рядовой Тимофей Ильин Ильин.

Подлинная росписка засвидетельствована у Ярославского нотариуса Зыкова 10 мая 1895 года за № 772.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 191.

[Документ 2]

Гор. Ярославль августа 18-го дня 1917 года. Я нижеподписавшийся, мещанин города Мологи Ярославской губернии Петр Михайлович МАСЛЕННИКОВ выдал настоящую росписку Конторе фабрики Торгово-промышленного Товарищества Ярославской Большой мануфактуры в том, что вследствие соглашения, удостоверенного Фабричным инспектором 1-го участка Ярославской губернии с. числа, за несчастный случай, происшедший со мною, Масленниковым, при работе в фабрике 10-го Апреля 1907 года и имевший своим последствием: «на разгибательной стороне середины правого предплечья, по локтевой его поверхности имеется сросшийся неподвижно с локтевою костью широкий рубец, а на сгибательной поверхности того же предплечья, тоже на локтевой его поверхности, имеется косой кожный рубец, сращенный с подлежащими мягкими частями. Движение в локтевом и лучезанцетном сочленении правой руки свободны, все пальцы ея сгибаются и разгибаются хорошо, за исключением мизинца, который несколько отведен, не вполне пригибается к ладони и имеет пониженную чувствительность, в особенности на тыльной его стороне. Мышцы правого предплечья несколько атрофированы, вследствие чего является слабость правой руки при поднятии даже небольших тяжестей», за что и получено мною от Товарищества Ярославской Большой мануфактуры сего числа единовременное вознаграждение в размере ПЯТИСОТ ВОСЬМИДЕСЯТИ ТРЕХ рублей (583 рубля), причем оставаясь означенным вознаграждением вполне доволен, обязуюсь впредь никаких исков ни к Товариществу, ни к кому из служащих его не предъявлять.

Петр Михайлович Масленников.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Д. 64. Л. 135.

ПРИЛОЖЕНИЕ 46

Механизм решения проблем социального страхования рабочих в начале XX в. «Дело Самсонова». 1902–1904 гг.

[Документ 1]

15 февраля 1902 г.

[Письмо на бланке Бумагопрядильной и ткацкой фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина.]

Его Высокородию господину Фабричному инспектору Московской губернии

[Сверху приписка инспектора: «В дело жалоб рабочих».]

На запрос Вашего Высокородия от 13 с./м. относительно Ивана Самсонова Самсонова имею честь сообщить следующее:

1. Самсонов поступил на фабрику 24 апреля 1875 г. в должность настилальщика по 8 руб. в месяц и работал до 19 августа 1875 года, когда произошел несчастный случай, с 19 августа по 3 ноября находился в больнице, с 3 ноября поступил в сортировальную по 32 коп. в день, в сортировальной работал по Пасху 1893 года, получал последние 3 года по 45 коп. в день, а всего прослужил фабричным рабочим 18 лет.

2. С Пасхи 1893 года Самсонов поступил в сторожа при казармах рабочих на 12 руб. в месяц и служил на этой должности до 9 августа 1900 года, когда был разочтен за неаккуратное исполнение своих обязанностей, грубость и дерзость.

3. Было ли выдано вознаграждение в 1875 году, мне неизвестно.

4. Судебное дело против Т-ва м-р Н. Н. Коншина было, но результаты мне неизвестны.

5. Вновь на фабрику Самсонов принят быть не может.

Прядильно-ткацкой фабрики
Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове
Директор М. Лотарев

Источник*:* ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

[Документ 2]

18 февраля 1902 г.

№ 95

Г-ну Заведующему Ткацко-прядильной фабрикой Т-ва м-р Н. Н. Коншина

В ответе Вашем на предложение мое о бывшем рабочем фабрики И. С. Самсонове сказано, что Вам неизвестно, было ли выдано за увечье вознаграждение Самсонову, а также, чем кончилось дело, возбужденное Самсонов[ым] против Т-ва м-р Н. Н. Коншина. Ввиду настоятельной необходимости двух вышеуказанных пунктов покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, навести соответствующия справки и результаты сообщить мне. В ответе Вами сказано, что рабочий Самсонов вновь принят на фабрику быть не может; по этому поводу покорнейше прошу Вас сообщить мне те причины, по которым Самсонов не может быть принят вновь на фабрику.

Фабричный инспектор
Москов. губ. 10-го уч. Н. Гром

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 6. Рукописный черновик.

[Документ 3]

20 февраля 1902 г.

[Письмо на бланке Бумагопрядильной и ткацкой фабрики
Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина.]

Его Высокородию Господину Фабричному инспектору
Московской губернии

[Сверху приписка инспектора: «В дело жалоб рабочих».]

Честь имею уведомить Ваше Высокородие, что отношение Ваше от 18 с./м. за № 96 мною послано для надлежащаго распоряжения и уведомления Вас Заведующему административно-хозяйственной частью фабрик Т-ва барону Е. Е. Тизенгаузен[у], так как больница под моим ведением не состоит.

На отношение Ваше от 18 с./м. за № 95 имею честь ответить, что И. С. Самсонов вновь на фабрику принят быть не может, потому что плохо исполнял свои обязанности при грубом и дерзком отношении к своему начальству, причем прежде чем его уволить, его неоднократно о том предупреждали. О результате судебного дела и выдачи вознаграждения мною послан запрос в наше Правление и по получении ответа немедленно уведомлю Ваше Высокородие...

Прядильно-ткацкой фабрики
Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове
Директор М. Лотарев

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

[Документ 4]

21 февраля 1902 г.

[Письмо на бланке Бумагопрядильной и ткацкой фабрики
Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина.]

№ 1532

Его Высокородию Господину Фабричному инспектору
Московской губернии 10-го участка

*[Сверху приписка инспектора: «В дело жалоб рабочих»,
под ней гриф основным почерком «Весьма спешно».]*

Вследствие отношения Вашего Высокородия от 18-го сего февраля за № 95, имеем честь сообщить следующия справки по делу Ивана Самсонова Самсонова:

вознаграждения за полученное в 1875 году увечье на прядильно-ткацкой фабрике Самсонов не получал. Ему заплачено только за время его нахождения в больнице по 5 р. в месяц, всего 12 р. 17 коп.;

о решении Окружного суда по иску Самсонова сообщим по получении нами ответа от Правления Т-ва, куда мы обратились одновременно с сим с запросами, за неимением при делах Серпуховской конторы никаких сведений об этом. О причинах, по коим Самсонов не может быть вновь принят на фабрику, последует отзыв г. Директора фабрики.

За ТОВАРИЩЕСТВО МАНУФАКТУР
Н. Н. Коншина в Серпухове
Е. Тизенгаузен

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

[Документ 5]

28 февраля 1902 г.

[Письмо на бланке Бумагопрядильной и ткацкой фабрики
Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина.]

Его Высокородию Господину фабричному инспектору
Московской губернии

[Сверху приписка инспектора: «В дело жалоб рабочих».]

Честь имею уведомить Ваше Высокородие, что бывший рабочий прядильно-ткацкой фабрики Иван Самсонов Самсонов предъявлял иск к Товариществу в Окружной Суд в сумме 1 200 р. и в иске этом Самсонову отказано, но он апеллировал в Судебную Палату, в которой дело это еще не разсматривалось.

Прядильно-ткацкой фабрики
Т-ва м-р Н. Н. Коншина в Серпухове Директор М. Лотарев

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

[Документ 6]

2 марта 1902 г.

№ 118

Его Высокородию
Г-ну Старшему фабричному
испектору Московской губернии

Возвращая при сем бумаги, относящиеся к делу бывшаго рабочаго ткацко-прядильной ф-ки т-ва м-р Н. Н. Коншина Ивана Самсонова Самсонова, имею честь донести следующее: 1) Иван Самсонов Самсонов в общей сложности проработал на ф-ке Коншина 18 лет, причем занимал должности: настилальщика, сортировальщика и в последнее время должность сторожа. Несч. случай с Самсоновым произошел в 19 август. 1875 г. Служа настилальщ., Самсонов получал 8 р. в месяц, в сортировке 32 к. в день и сторожем 12 р. в месяц. 2) Иван Самсонов Самсонов разочтен 9-го августа 1900 г. за неаккуратное исполнение своих обязанностей, грубость и дерзость. 3) Вознаграждение за увечье Самсонову выдано не было, ему было лишь заплачено за время его пребывания в больнице по 5 р. в месяц — всего 12 р. 17 к. 4) Иван Самсонов Самсонов предъявлял иск к Т-ву м-р Н. Н. Коншина в Окружной суд в сумме 1 200 р., но в иске Самсонову отказано. Самсонов апеллировал в Судебную Палату, в которой дело это еще не рассматривалось. 5) Заведующий фабрикой принять Самсонова вновь на работу отказывается, мотивируя свой отказ дурным поведением Самсонова.

Фабричный инспектор Н. Гром

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 11. Л. 13. Рукописный черновик записки.

[Документ 7]

8 января 1904 г.

№ 13

Кр-н Пущинской вол., дер. Иваньково, Иван Самсонов Самсонов, на родине. 1875 г. на Новой Мызе, в трепальной, попал левой рукой в машину; отнята левая рука — 47 л. Жена Авд. Троф. — 47 л. — без работы, дочь 6 л.

27 л. служил на фаб. «Новая Мыза» до 1901 г. До утр. трудоспос. — 8 р. в месяц

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 16. Л. 5. [Карандашная записка.]

[Документ 8]

30 января 1904 г.

№ 94

ОКРУЖНОЙ ФАБРИЧНЫЙ ИНСПЕКТОР МОСКОВСКОГО ОКРУГА

Бывшему фабричному рабочему, кр-ну Московской губ., Серпуховского уезда, Ивану Самсонову Самсонову.

В ответ на поданное Вами прошение о пособии сим уведомляю Вас, что таковое разрешено мною в размере пятидесяти рублей единовременно, за получением каковых Вы имеете явиться к фабричному инспектору 10 участка Московской губернии, проживающему в г. Серпухове, Фабричная ул., «дом Рябова» и принимающаго по вторникам от 10 до 2 час. дня.

Окружной Фабричный инспектор
Московского округа (А. Астафьев)

Делопроизводитель*
**Подпись неразборчива.*

Источник: Ф. 2005. Оп. 1. Д. 16. Л. 9. [Заполненный бланк.]

[Документ 9]

30 января 1904 г.

№ 95

ОКРУЖНОЙ ФАБРИЧНЫЙ ИНСПЕКТОР МОСКОВСКОГО ОКРУГА

Г. Фабричному инспектору 10 участка Московской губернии

Бывшему фабричному рабочему, кр-ну Московской губ., Серпуховского у., Ивану Самсонову Самсонову мною разрешена выдача единовременнаго пособия в размере пятидесяти рублей серебром, о чем, согласно ст. 9 инструкции 7 мая 1902 г., имею честь известить Вас и, на основании ст. 15 той же инструкции, покорнейше просить выдать означенныя деньги просителю под его расписку, согласно требованиям подлежащих статей вышеупомянутой инструкции и моего циркуляра от 18 ноября 1902 г., № 627, о чем одновременно с сим проситель уведомляется мною.

Означенная выше сумма денег, предназначенная Ивану Самсонову Самсонову, будет Вам выслана из моей канцелярии.

Окружной Фабричный инспектор
Московского округа (А. Астафьев)

Делопроизводитель*
**Подпись неразборчива.*

Источник: Ф. 2005. Оп. 1. Д. 16. Л. 6. [Заполненный бланк.]

ПРИЛОЖЕНИЕ 47

Выдержка из протокола заседания Правления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина 22 мая 1912 г. относительно назначения пенсий старым рабочим

Директор правления Н. Н. Коншин 3-й доложил, что по заключению Директоров Прядильно-ткацкой фабрики Ф. Ф. Платт и Новой ткацкой Н. Н. Разумова, на фабриках работает порядочное количество рабочих-стариков, трудоспособность и продуктивность которых значительно ниже рабочих молодых.

Пополнение штатов рабочих молодым элементом хотя и производится, но только при открывающихся вакансиях. Между тем вследствие недостаточного количества вакансий для молодых рабочих последним приходится много лет оставаться на должностях мальчиков с очень небольшим окладом заработной платы.

В то же время эта категория рабочих является наиболее беспокойным и опасным элементом на фабриках, именно вследствие своей плохой обеспеченности.

Уволить старых рабочих можно лишь при условии выдачи им пожизненной пенсии и пенсии такой, которая хотя бы мало-мальски давала возможность существовать пенсионеру.

Таким выпуском на пенсию известного количества пожилых рабочих достигается естественное перемещение рабочей силы на фабриках с низшего оклада на высший, долженствующее благотворно отразиться на продуктивности выработки.

Постановили: предоставить директорам постепенно переводить часть пожилых рабочих на пенсию, размер которой определяется по усмотрению названных лиц, но с тем, чтобы нормальная пенсия выражалась в размере около 25 % зарплаты, благодаря чему соответственно увеличатся ассигнования на сей предмет суммы по счетам.

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 36. Л. 89 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 48

Докладная записка заведующего ЯМБ А. Ф. Грязнова фабричному инспектору по поводу прошения бывшей работницы мануфактуры А. Ф. Базаркиной с просьбой определить ее в богодельню или увеличить размер пенсии

[Извлечение]

Мая 22-го дня 1903 г.

Его высокородию
Господину Фабричному инспектору
1-го участка Ярославской губернии

По поводу прошения, поданного Его Превосходительству Господину Ярославскому губернатору Александрою Федоровою Базаркиною — имеем честь сообщить нижеследующие данные об обстоятельствах, сопровождающих назначение ей пособия из сумм штрафного капитала в размере 7 рублей и последующее уменьшение до 4-х рублей его.

В конце 1900 г. в числе рабочих Мануфактуры состоял — сын жалобщицы — Василий Иванович Базаркин (горчайший пьяница) и его жена Марья Ивановна; у них были четверо детей: Анна $14^{1}/_{2}$ лет, Мария 10, Пелагея 4-х и Варвара 6-ти месяцев.

В начале 1901 г. у Марии Базаркиной обнаружился туберкулез легких, вследствие чего она с 2-го Апреля 1901 года работу прекратила на фабрике.

Так как, по словам Марии Базаркиной, муж ее Василий семье не помогал, пропивая все заработанные деньги, то прекращение ею работы было равносильно впадению и ее самой, и ее детей в полную нищету. Ввиду этого — я по просьбе Базаркиной с 1-го Мая 1901 г. с разрешения г. Фабричного инспектора стал выдавать ей с детьми ежемесячное пособие из сумм штрафного капитала в размере 10 рублей. Пособие это Базаркиной привелось получать неделю, 28-го августа того же года она умерла.

Так как со смерти Марии Базаркиной получавшееся ею пособие должно было прекратиться и так как в выдаче этого пособия ее мужу Василию Базаркину я, зная его слабость к вину, отказал, то ко мне обратилась работавшая в фабрике родная мать Василия — Александра Базаркина, — дотоле проживавшая от сына и его семьи отдельно — с просьбою — выдавать хотя бы часть получавшегося Марией Базаркиной с детьми пособия ей на руки, обещая переехать на жительство к сиротам и принять надзор за ними. Старшую девочку — Анну — Александра Базаркина просила принять на работу для увеличения заработка. Найдя, со своей стороны, просьбу Александры Базаркиной основательной — тем более, что и она оказалась не вполне здоровой, я обещал ей выхлопотать пособие в размере 7 руб., распорядившись в то же время о принятии Анны на одну из легких работ фабрики.

Переговорив о просьбе Александры Базаркиной в одно из наших личных свиданий с вами и рассказав о тяжелом положении сирот покойной Марии Базаркиной и о причинах, заставляющих просить для Александры Базаркиной об относительно значительном (7 руб.) пособии и получив Ваше согласие на выдачу этого пособия Александре Базаркиной с 1-го октября 1901 г., Контора фабрики стала выдавать его.

Вскоре после этого две младшие дочери Базаркиной Варвара и Пелагея скончались: первая — в декабре 1901 г., вторая — в феврале 1902 г.

В конце января 1902 г. я узнал, что Василия Базаркина посадили в тюрьму...

Одновременно с этим родная мать Василия Базаркина — Александра Базаркина, — постановлением того же Суда от опекунства над девочками была устранена. Узнав об этом последнем обстоятельстве, я, ввиду того, что пособие Александры Базаркиной в размере 7 руб. назначено было главным образом ради детей покойной Базаркиной, с которыми она согласилась жить, и ввиду того, что имеющихся при фабрике сумм штрафного капитала не хватает для удовлетворения всех производившихся из него выдач (в 1902 г. было перерасходовано 761 руб. 24 коп.), я, испросив у Правления Товарищества разрешения, младшую дочь Базаркиной — Марию — поместить за счет фабрики в Приют для девочек при Предтечевской церкви (где она находится по сие время), счел справедливым выдаваемое Александре Базаркиной пособие уменьшить до 4-х руб. Весьма возможно, что и это последнее пособие ввиду уже упомянутой недостаточности штрафного капитала придется уменьшить еще более и, может быть, даже и совсем прекратить.

Что же касается упоминаемого в прошении Александры Базаркиной обещания А. А. Карзинкина поместить Базаркину в богадельню при Мануфактуре, то такового обещания Базаркиной (в богадельню при Мануфактуре), как работавшей на фабрике всего лишь 9 лет и поступившей уже от роду имея 54 года (в настоящее время ей около 65 лет), не давалось.

За Заведующего Мануфактурою: А. Грязнов.

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 129. Л. 7–8.

ПРИЛОЖЕНИЕ 49

Распоряжение относительно введения пособий семьям рабочих фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, мобилизованных в армию

14 февраля 1915 г.

Распоряжение № 46

14 февраля 1915 г.

Правлением Т-ва м-р Н. Н. Коншина назначаются следующие пособия семьям мобилизованных в 1914/15 г. рабочих Товарищества.

Квартиры и квартирные деньги, предоставлявшиеся рабочим, сохраняются и за их семьями, кроме тех, которые проживают в деревне, и кроме тех случаев, когда оставшийся глава семьи сам получает от Товарищества квартирные деньги или квартиру в натуре, работая в учреждениях Товарищества.

Пособия получают:

I		
1) жена неработающая	с 4 и более детьми до 15 лет	8 р.
2)	3 детьми	7 р.
3)	2	6 р.
4)	1	5 р.
5)	без детей	3 р.
II		
1) жена работающая с	4 и более детьми до 15 лет	5 руб.
2)	3 детьми	4 р.
3)	2	3 р.
4)	1	2 р.

III. Отец и мать, находившиеся на иждивении мобилизованного рабочего, приравниваются к детям при жене мобилизованного, а если рабочий был холост или вдов, но не имел детей, то родители получают пособие по п. 4 или 5 категории 1-й.

Семьи вдовцов получают пособие по правилам предыдущих категорий с тем лишь, что лицо, на попечении коего находятся дети, приравнивается к жене.

Пособия служащим назначаются в размерах:

1) семействам с детьми — полный оклад;

2) без детей — две трети оклада;

3) холостому, имеющему на иждивении хотя бы одного из родителей — половина оклада;

4) холостым одиноким, независимо от занимаемых последними военных должностей, — одна треть оклада.

IV. Пособия лицам, занимавшим на службе у Т-ва промежуточное между служащими и рабочими положение, назначаются как и служащим, но размер пособия исчисляется не из полного оклада, а половины такового.

Примечание: 1) все пособия назначаются лишь со времени ходатайства о сем просителей;

2) пособия одиноким высылаются непосредственно по их местожительству и по доверенностям не выдаются.

Подписи
Заведующий административно-хозяйственной частью В. Цилли
Секретарь П. Успенский

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 771. Л. 35. [Распоряжение в книге распоряжений заведующего административно-хозяйственной частью].

ПРИЛОЖЕНИЕ 50

Отчет о деятельности больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре за 1914 г.

Таблица 1

Численный состав участников больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре за 1914 г.

Состояло на	Всего	В том числе	
		муж.	жен.
1 февраля	10 922	5 197	5 725
1 марта	11 050	5 284	5 766
1 апреля	11 175	5 720	5 455
1 мая	11 172	5 364	5 808
1 июня	11 162	5 284	5 878
1 июля	11 134	5 305	5 829
1 августа	11 145	5 285	5 860
1 сентября	11 163	5 295	5 868
1 октября	10 812	4 934	5 878
1 ноября	11 149	5 205	5 944
1 декабря	11 255	5 261	5 994
31 декабря	11 197	5 220	5 977

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 108 об.

Таблица 2

Заболевания участников больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре, сопровождавшиеся утратой трудоспособности. 1914 г.

	Число заболеваний			Общее число дней болезни		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Заболевания вследствие несчастных случаев (при работах предприятия)	387	218	169	6298 1/2	3721 1/2	2577
Прочие заболевания	5 319	1 852	3 467	101 967	35 313 3/4	66 653 1/4
Роды	785	—	785	36 012	—	36 012
Итого	6 491	2 070	4 421	144 277 1/2	39 035 1/4	105 242 1/4

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 109.

Таблица 3

Продолжительность болезни участников больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре. 1914 г.

Продолжительность заболевания	Всего случаев	В том числе			
		вследствие прочих заболеваний		вследствие несчастных случаев	
		муж.	жен.	муж.	жен.
До 3 дней	211	110	87	9	5
От 3 дней до 1 недели	1 059	391	568	58	42
От 1 до 2 недель	2 021	602	1 272	82	65
От 2 до 3 недель	1 089	301	727	33	28
От 3 до 4 недель	460	135	305	10	10
От 4 до 5 недель	590	87	487	7	9
От 5 до 6 недель	261	56	202	3	—
От 6 до 7 недель	233	38	186	5	4
От 7 до 8 недель	160	28	125	5	2
От 8 до 9 недель	109	22	87	—	—
От 9-ти до 11 недель	142	27	110	1	4
От 11 до 13 недель	64	14	45	5	—
От 13 до 15 недель	23	7	16	—	—
От 15 до 17 недель	12	5	7	—	—
От 17 до 20 недель	12	5	7	—	—
От 20 до 23 недель	13	6	7	—	—
От 23 до 26 недель	32	18	14	—	—
Итого:	6 491	1 852	4 252	218	169

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 109 об.

Таблица 4

Число дней, проведенных участниками больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре в больнице. 1914 г.

	Всего	В том числе	
		муж.	жен.
Вследствие несчастных случаев (при работах предприятия)	674 1/4	590 1/4	84
Вследствие прочих заболеваний	14 028 1/4	6 427 3/4	7 600 1/2
Роды	3 086	—	3 086
Итого	17 788 1/2	7 018	10 770 1/2

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 109 об.

Таблица 5

Число дней болезни, за которые больничной кассой при Ярославской Большой мануфактуре было выплачено пособие ее участникам. 1914 г.

	Всего	В том числе	
		муж.	жен.
Вследствие несчастных случаев (при работах предприятия)	4 246½	2 547½	1 699
Вследствие прочих заболеваний	53 585¼	20 618¾	32 966½
Роды	20 547¾	—	20 547¾
Итого	78 379½	23 166¼	55 213¼

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 109 об.

Таблица 6

Статистика пособий, выданных участникам больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре. 1914 г.

	Число случаев		На сумму, руб.		
	муж.	жен.	муж.	жен.	Итого
Вследствие несчастных случаев (при работах предприятия)	218	169	1 681,08	812,38	2 493,46
Вследствие прочих заболеваний	1 517	3 116	15 078,41	17 600,86	32 679,27
Роды	—	785	—	9 965,84	9 965,84
На погребение участников кассы	52	55	1 397,07	982,85	2 379,92
Итого	1 787	4 125	18 156,56	29 361,93	47 518,49

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 110.

Таблица 7

Пособия, выданные бывшим участникам больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре при их выходе из кассы. 1914 г.

	Число лиц	Сумма пособий, руб.			
		по случаю болезни	по случаю родов	на погребение бывших участников кассы	Всего
Муж.	1	8,25	—	18,00	26,25
Жен.	1	4,18	—	—	4,18
Итого	2	12,43	—	18,00	30,43

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 110.

Таблица 8

Пособия, выданные членам семейств участников больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре. 1914 г.

	Случаев	Сумма, руб.
На оказание врачебной помощи	–	–
На выдачу пособий:		
а) по случаю болезни	–	–
б) роды	186	930,00
в) на погребение членов семьи участников кассы	553	3 541,46
Итого	739	4 471,46

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 110.

ПРИЛОЖЕНИЕ 51

Численность учащихся фабричного училища ЯБМ. 1891–1892, 1895, 1898 гг.

Таблица 1

Численность учащихся фабричного училища ЯБМ в 1891–1892 гг.

	Численность учащихся		
	мальчики	девочки	всего
Училось в 1891/92 уч. году	207	108	315
Выбыло в 1892 г. до окончания курса	54	43	97
Окончило училище	16	13	29
Поступило в 1892/93 уч. году	108	90	198
Состояло на 01.01.1893 г.	245	142	387

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 118.

Таблица 2

Численность учащихся фабричного училища ЯБМ в 1895 г.

	Численность учащихся		
	мальчики	девочки	всего
Училось к 01.01.1895 г.	200	119	319
Поступило в 1895 г.	120	83	203
Выбыло до окончания курса	34	22	56
Окончило училище	40	28	68
Училось к 01.01.1896 г.	246	152	398

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2744. Л. 158.

Таблица 3

Численность учащихся фабричного училища ЯБМ в 1898 г.

	Численность учащихся		
	мальчики	девочки	всего
Училось к 01.01.1898 г.	290	67	357
Поступило в 1898 г.	113	52	165
Выбыло до окончания курса	21	10	31
Окончило училище	66	32	98
Училось к 01.01.1899 г.	316	77	393

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3336. Л. 210.

Таблица 4

Количество учащихся фабричного училища ЯБМ по классам (по данным на 1 января 1893, 1896 и 1899 гг.)

	1893 г.	1895 г.	1898 г.
В младшем классе	197	209	208
В среднем классе	142	123	120
В старшем классе	48	41	65
Всего	387	398	393

Источник: ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 118; Д. 2744. Л. 158; Д. 3336. Л. 210.

ПРИЛОЖЕНИЕ 52

Расходы Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина на организацию образовательных учреждений и отдыха рабочих (в рублях в год). 1902–1908 гг.

Год	Училище и воскресн. школа	Ремесл. школа	Библиотека	На воскрес. чтения	Ясли	Чайная
1902	14 329,10	3 666,81	65,49		1 930,98	1 475,40
1903	18 289,14	3 318,64	358,68	448,98	2 126,54	2 061,43
1904	25 352,92	5 473,00	325,67	1323,44	2 479,12	2 380,47
1905	34 260,93	4 175,01	623,99	523,69	3 233,16	2 066,70
1906	44 106,12	5 780,50	680,87	454,59	3 804,99	1 545,77
1907	45 983,87	4 829,24	507,72	616,17	3 218,05	2 499,02
1908	37 251,10	4 865,47	220,35		2 537,60	

Год	Оркестр	На устр-во народн. гуляний	На пособие Обществу трезвости	Итого	Число рабочих	Расход на одного рабочего
1902	2 657,58	1 240,28		25 365,64	11 130	2,28
1903	2 700,31	2 814,00		32 117,72	11 314	2,83
1904	3 010,58	4 201,07		44 546,27	11 402	3,90
1905	3 073,88	1 624,68		49 582,04	11 632	4,26
1906	3 623,10	3 572,76	971,74	64 540,44	11 357	5,68
1907	2 651,82	3 853,01	4,85	64 163,75	11 477	5,59
1908						

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 50 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 53

Расходы Товарищества Ярославской Большой мануфактуры на организацию образовательных учреждений и отдыха рабочих (в рублях в год). 1892–1915 гг.

Год	Училище	Библиотека	Чайная	Развлечения
1892	3 544,85	147,62	493,72	
1895	7 456,40	81,77	70,67	
1898	8 939,01	1 281,85	846,58	
1907	*8 400*	*1 000*	*150*	*1 000*
1908	*8 480*	*1 000*		*1 000*
1909	*9 100*	*1 000*		*1 000*
1912	*10 470*	*1 000*		*3 000*
1913	*12 500*	*1 000*		*3 000*
1914	*14 390*	*1 000*		*3 000*
1915	*15 682*	*1 000*		*3 000*

Примечание: Курсивом в таблице выделены те суммы, которые выделялись на расходы по той или иной статье.

Источник: ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 93, 177; Д. 59. Л. 44 об., 48; Д. 61. Л. 57; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 117, 120, 124; Д. 2743. Л. 8; Д. 2744. Л. 158, 161, 162; Д. 3336. Л. 209, 213, 214.

ПРИЛОЖЕНИЕ 54

Объявление рабочим Московского района о сокращении праздничных дней на Пасхальной неделе 1916 г.

Вследствие предписания Уполномоченного Председателя Особого совещания по обороне государства и Председателя Заводского совещания по Московскому району о возможном сокращении перерыва работ во время праздника Святой Пасхи и, во всяком случае, чтобы перерыв этот не превышал времени с четверга Страстной недели до вторника Пасхальной включительно, нами внесено соответствующее изменение в распределение рабочего времени, ныне утвержденное фабричным инспектором.

Предписав сократить Пасхальный перерыв, Уполномоченный Председателя Особого совещания по обороне государства обращает внимание, что «необходимо помнить, что наступает тяжелая пора боев, а потому нужно приложить все усилия к обильному снабжению наших войск всем необходимым, почему забота об отдыхе в такую пору, когда армия не щадит своей жизни, недопустима. Сокращением времени отдыха рабочие окажут армии ту великую помощь, которую она от них ожидает».

Одновременно рабочие предупреждаются, что за невыход на работы в рабочие дни Страстной и Святой недель они будут подвергнуты взысканию, как за прогул, о военнообязанных же, не вышедших на работы в срок, будет, кроме того, представлен поименный список Председателю Заводского совещания по Московскому Району.

Зав. фабрикой (подпись).

Серпухов. Марта 15 дня 1916 г.

Источник: ЦИАМ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 22. Л. 123.

ПРИЛОЖЕНИЕ 55

Хронологический перечень и краткое описание забастовок на изучаемых фабриках. 1869–1916 гг.

1. Забастовки на фабриках Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина. (Указаны день начала и последний день забастовки.)

06.06–10.06.1869. Забастовка 632 ткачей прядильно-ткацкой фабрики. Требование увеличения зарплаты и жалоба на некачественные товары и обвешивание в харчевой лавке. На место выезжал старший чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе. Требование о повышении заработка не удовлетворено, недовольные (24 человека) получили расчет. Жалобы на лавку признаны основательными, по требованию властей режим работы лавки изменен; разосланы соответствующие циркуляры по другим фабрикам губернии.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 144; Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии... С. 124–125. (См. также главу VI.)

15.06.1875. Забастовка примерно 550 (из 700) ткачей прядильно-ткацкой фабрики. Заявлено недовольство: 1) существующим распорядком, 2) введением новых сортов ткани с невыгодным расценком работы, 3) одним ткацким мастером, 4) существующим плохим колодцем. Проведены переговоры, требования отклонены. На следующий день все ткачи вышли на работу. Через неделю нерешенность вопроса переросла в новые волнения.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 48. Д. 250. Л. 1–5.

25.06-03.07.1875. Забастовка всех 2545 рабочих прядильно-ткацкой фабрики. Требование: изменение распорядка работ (прежде всего остановка работ на выходные не в 6.00 утра в воскресенье, а в 18.00 вечера в субботу). Требование удовлетворено. 8 ткачей уволены и привлечены к уголовной ответственности.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 48. Д. 250. Л. 6–68.

11.05–12.05.1887. Забастовка всех 3200 рабочих прядильно-ткацкой фабрики. Заявлено недовольство слишком маленькой прибавкой заработной платы, сделанной с 1 мая. В первую ночь рабочие буйствовали и били стекла, избили хожалого, изорвали книги в Конторе. После переговоров рабочим сделана «значительная надбавка сверх расценка, которой рабочие остались довольными».

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 1059. Л. 13–26. Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. III. 1885–1894. Ч. 1. 1885–1889. М., 1952. С. 515–517, 582–585, 601.

14.01–16.01.1897. Волнения на прядильно-ткацкой фабрике. Требования повышения заработка, отмены позднего окончания работ под праздник и одного незаконного, хотя и традиционно применявшегося вычета. «Главнейшим поводом к беспорядку послужил переход от денной $13^1/_2$-часовой работы к сменной 18-часовой», произведенный 1 октября 1896 г. «При уменьшении времени работы на 33 %

сдельный расценок прядильного отделения был повышен на 25–30 %, ткацкого же только на 10–20 %», так что общий заработок понизился. При посредничестве фабричного инспектора состоялось соглашение, требования частично были удовлетворены, но 15 января были арестованы двое из делегатов. По донесению фабричного инспектора, это случилось «ввиду нетрезвого состояния и крайне вызывающего поведения как при самом беспорядке, так и при расследовании»; по сведениям листовки «Рабочего Союза» и корреспонденции «Петербургского рабочего листа», прибавка не была сделана, но полиция арестовала героев-делегатов, 4 или даже 8 человек. В любом случае, это вызвало большие беспорядки. Были разграблены харчевые лавки, разбиты пара близлежащих трактиров и побиты стекла на фабрике. Бастующие рабочие отправились на соседнюю суконную фабрику Каштановых, хотели остановить работу и там, но каштановские рабочие не вняли призывам товарищей, что привело к большой драке. Вечером на фабрику прибыли для усмирения войска.

Дальнейшие события описаны в разных источниках совершенно по-разному. Согласно рабочей листовке, войска ворвались в казармы «и начали мужской пол тащить за ноги и били шашками, прикладами ружей – человек 200. У кого пальца нет, у кого череп рассечен». Согласно корреспонденции «Петербургского рабочего листка», опирающегося на рассказ убежавших «из страха», вышла и вовсе «страшная резня»: казаки и солдаты врывались в казармы, пороли рабочих нагайками, даже насиловали женщин. Рабочие «не вытерпели и пустили в ход кулаки и палки. Начальник приказал солдатам расправляться «как умеют», только до смерти не убивать. Обнажили шашки: изуродовали лица, обрубали уши, пальцы». В донесении старшего фабричного инспектора обрисована другая картина: войска не врывались в казармы, а загоняли туда буйную толпу рабочих, «при этом было небольшое столкновение, без употребления оружия, при котором, однако, солдаты силой вошли в самые казармы и довольно много рабочих впоследствии оказались с следами побоев». На следующий день, 16 января, в город приехал московский губернатор, в ожидании возможных беспорядков на других фабриках были стянуты дополнительные войска, которые оставались в городе до 27 января, но беспорядки на этом завершились. В ночь на 16 января были произведены аресты, и 40 человек были привлечены к суду, причем 18 рабочих приговорены к тюремному заключению на сроки от 2 месяцев до года. Многие рабочие были рассчитаны. Требования были отклонены все, кроме отмены незаконного вычета.

Рабочих на суде защищал, среди других адвокатов, Ф. Н. Плевако; он произнес яркую заключительную речь, которая вошла в учебники по юриспруденции еще в дореволюционное время. См., например: *Судебные речи известных русских юристов. Сборник. Изд. 3-е. М., 1958. С. 575–582.*

ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 8. Л. 36; Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. IV. 1895–1900. Ч. 1. 1895–1897. М., 1961. С. 624–634, 858; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. III (1897 г.). СПб., 1995. С. 41, 192. 1905-й год в Серпухове. Сборник воспоминаний о рабочем движении в Серпуховском уезде. Серпухов, 1925. С. 31, 33. См. также: прил. 31.

17.07–21.07.1898. Забастовка 80 из 2032 рабочих плавильного отделения чугуноплавильного завода при ситценабивной фабрике. Требование: выдавать премию. Не удовлетворено. Часть рабочих уволились.

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV (1898 г.). СПб., 1997. С. 131.

27.11.1898. Забастовка 100 из 1000 рабочих Новой ткацкой фабрики. Требования: заплатить за обработку новых станков и за простой машин. Частично удовлетворено, заплачено за первые две недели, когда фабрика не работала в полную силу.

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV (1898 г.). СПб., 1997. С. 157.

26.04–28.04.1899. Забастовка ватерщиц и банкаброшниц прядильно-ткацкой фабрики (до 800). Требование повышения расценок с началом нового расчетного года. 28 апреля часть работниц вышла на смену, вечером началась драка бастующих и небастующих, с привлечением родственников-мужчин. Рабочие разбили стекла в фабричных помещениях и в квартирах служащих, разграбили харчевую лавку. Прибывшие войска уже не обнаружили толпы. Администрация заявила, что буйство рабочих перечеркивает всякую возможность пойти на уступки. Однако фабричный инспектор поставил администрации на вид, что заработок ватерщиц и рабочих некоторых других профессий так низок, что «впоследствии, когда впечатление от происшедших беспорядков уляжется, прибавка расценка для них представляется желательной». Администрация согласилась и запланировала такую прибавку.

Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. IV. 1895–1900. Ч. 2. 1898–1900. М., 1963. С. 280–283; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. V (1899 г.). М., 1998. С. 77.

Не ранее 04.06–21.06.1901. Забастовка всех рабочих на обеих ткацких и ситценабивной фабрике. 4 июня забастовали рабочие соседней фабрики Каштановых, и теперь уже они пришли к соседям с призывом прекратить работу и добились успеха, хотя сначала были приняты без особенного сочувствия. Причинами забастовки назывались снижение заработка после введения новых сортов тканей и отпуск недоброкачественных продуктов, обман в фабричных лавках. Состоялись беспорядки, были вызваны войска. Рабочие бросали камни в окна заводских и конторских помещений. 11 июня в 6 и 11 часов вечера произошли поджоги на Новой ткацкой фабрике. Пожар удалось потушить к 3 часа утра, но днем поджоги повторились. Администрация пошла на частичные уступки. Приняты меры к улучшению качества продуктов в лавках, установлен контроль за их отпуском, повышена заработная плата.

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. V (1899 г.). М., 1998. С. 138, 139, 143.

17.01–20.01.1902. Забастовка всех рабочих (3268) на Новой ткацкой фабрике. Требование повышения расценок на два сорта тканей; удовлетворено; затем последовало требование повышения расценок на остальные сорта; не удовлетворено. Были вызваны войска, но до беспорядков дело не дошло.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 27. Д. 1107. Л. 41 об.; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VIII (1902 г.). М., 2002. С. 64–65.

13.03–16.03.1902. Забастовка примерно 1000 (из 2000) рабочих ситценабивной фабрики. Требования: выдать отмененную премию (см. главу III), ввести 10-часовой рабочий день, восстановить упраздненные 4 года назад 5 праздников, устроить баню при ситценабивной фабрике вместо другой, куда нужно далеко ходить. По всем вопросам, кроме бани, дан отказ. Рабочие разбили стекла в фабричных зданиях, взломали и разграбили фабричную мануфактурную лавку. Были вызваны войска, произошло столкновение с рабочими, четверо были арестованы. Администрация объявила об увольнении всех стачечников, но рабочие брать расчет отказались. 16 марта казаки стали выдворять уволенных из фабричных казарм, и тогда рабочие согласились стать на работу. Праздники восстановлены распоряжением от 24 января 1903 г.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 77. Д. 1107. Л. 11–34; Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 24; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VIII (1902 г.). Ч. I. М., 2002. С. 92. 1905-й год в Серпухове... С. 47 и др.

4.10–20.10.1905. Забастовка всех рабочих обеих ткацких фабрик. Забастовка, сопровождавшаяся набором требований, возникла на волне общей стачечной активности 1905 г. В воспоминаниях даже говорится, что у рабочих прядильно-ткацкой фабрики была договоренность с директором о том, что за стачку никого не уволят. 8 октября Правление товарищества пошло на некоторые уступки рабочим – в частности, подняло размер квартирных выплат и увеличило плату за сверхурочные работы рабочим механического отделения – за них теперь обещано было платить в двойном размере против прежнего полуторного (см. прил. 9). Одновременно Правление ввело ряд улучшений быта рабочих работающей ситценабивной фабрики (см. прил. 4). 14 октября, «в настоящей заботе о нуждах своих рабочих и приняв во внимание их заявления о неправильностях в расценках», Правление увеличило также и расценки заработной платы. Тем не менее рабочие не вышли на работу, считая уступки недостаточными. Тогда Правление после нескольких попыток наладить работу пошло на полный локаут, объявив 19 октября о закрытии фабрик «на неопределенное время» и предложив всем рабочим расчет. После этого объявления, когда рабочие увидели, что большего добиться не удастся, забастовка прекратилась. В ходе забастовки ткачи пытались склонить к остановке производства и рабочих ситценабивной фабрики (в том числе «силой»), но не достигли успеха.

ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 258. Л. 9–12, 69, 73, 77, 84. Большая часть этих документов, прежде всего объявлений администрации рабочим, опубликованы: Володин А. Ю. Объявление как форма коммуникации фабричной администрации с рабочими (по материалам объявлений фабрик Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина в октябре 1905 г.) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. См. также: 1905-й год в Серпухове. С. 104–113 и др.

16.06–18.06.1908. Забастовка на ситценабивной фабрике. Были предъявлены и не удовлетворены «экономические требования».

Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. Ч. II. М., 1981. С. 306.

Апрель 1912. 13 апреля прекратили работу 120 ставильщиков прядильно-ткацкой фабрики, из-за них остановились остальные 1200 рабочих отделения. Тре-

бования: повышение зарплаты и увеличение их штата. 14 апреля рабочие других отделений также предъявили требования о повышении заработной платы, вежливом обращении, отмене штрафов, предоставлении отпусков. Требования не были удовлетворены (объявлен локаут), и 16 апреля забастовали 2,5 тысячи рабочих. В итоге требования ставильщиков были удовлетворены.

ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 541. Л. 7; Хроника рабочего движения в России. Апрель–декабрь 1912 г. Ч. I. (апрель–май). М., 1991. С. 44–45.

Сентябрь 1912. Крупная забастовка на ткацких фабриках. Сначала со 2 по 4 сентября бастовали 2 тысячи из 5 тысяч рабочих ткацкого отделения прядильно-ткацкой фабрики, требуя уволить директора и мастера, отменить штрафы, повысить зарплату, признать институт выборных, прекратить перевод на работы с высших расценок на низшие и увольнения за неявку на работу, ввести выплату 75 % заработка при болезни и 100 % женщинам за 3 недели до и 4 недели после родов. Администрация обещала рассмотреть требования. 4–5 сентября бастовали 1200–5000 рабочих Новой ткацкой фабрики в связи с арестом двух рабочих и с теми же требованиями. Требования были частично удовлетворены, арестованные отпущены. Однако 10 сентября почти вся прядильно-ткацкая фабрика, не дождавшись удовлетворения своих требований недельной давности, забастовала вновь. Забастовка завершилась 28 сентября локаутом на обеих фабриках; почти 8 тысяч человек были рассчитаны, требования не удовлетворены, и 212 человек не были приняты назад.

Хроника рабочего движения в России. Апрель-декабрь 1912 г. Ч. II. (июнь–декабрь). М., 1995. Вып.1. С. 144, 146, 151.

05.05–16.05.1916. Забастовка на прядильно-ткацкой фабрике. Перед тем (2 мая) случилась однодневная забастовка 30 накатчиков красильно-отделочной фабрики, которые требовали увеличения зарплаты. Требования не были выполнены. 5 мая забастовали около 1400 рабочих прядильно-ткацкой фабрики с теми же требованиями; рабочие пришли на фабрику, но не встали на работу. 10 мая был объявлен локаут, но рабочие не пришли за расчетом. 13 мая с толпой рабочих разговаривал фабричный инспектор, рабочие вели себя спокойно, но требовали переговоров с хозяевами. По настоянию инспектора к рабочим вышел член Правления А. А. Ценкер. Он обещал рабочим в течение недели рассмотреть требования. Рабочие согласились встать на работу с понедельника 16 мая, но с условием, что забастовка возобновится, если с 23 мая заработок не повысится. 23 мая было сделано объявление о повышении всем рабочим военного пособия с 1 июня.

ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 831. Т. 12. Л. 28–50.

2. Забастовки на Ярославской Большой мануфактуре. (Указаны дни начала и последний день забастовки.)

25.10–26.10.1883. Стачка рабочих-ткачей (700 из 6000) из-за низких заработков и высоких штрафов. В отсутствие директора ЯБМ Е. Шокроса его помощники выдвинули повышенные требования относительно способов очистки миткаля, что привело к увеличению штрафов и вызвало возмущение ткачей. Последние попы-

тались остановить все отделения фабрики, поэтому вечером 25 октября на предприятие прибыли две роты Нежинского полка. Губернатор под угрозой расчета потребовал прекратить стачку. 6 рабочих были арестованы и высланы на родину по этапу. Шокрос по прибытии на ЯБМ отменил сделанное его помощниками распоряжение, что способствовало восстановлению нормального хода работ на предприятии.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 30–31; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 15.

01.08–02.08.1890. Стачка (ок. 5000 из 8500), начавшаяся после появления в фабричных корпусах объявления о том, что «ввиду неаккуратности прядильных работ за всякий пропуск в пряже, т. е. узелок, с рабочих будет назначен штраф», притом не указывался размер штрафа. Прибывший на фабрику адъютант ЯГЖУ убедил директора ЯБМ Джонсона отменить это распоряжение. Однако толпа рабочих не успокоилась, а начала требовать выдачи для расправы помощника директора Буна. Были разбиты стекла в квартире Джонсона, в помещениях Новой фабрики, а также разгромлен и разграблен лабаз. Прекратить беспорядки удалось только после полуночи, причем прибывшей полицейской команде в этом помогли сами рабочие (около 600 чел.). Во второй половине дня 2 августа работы на фабрике возобновились. 62 рабочих были рассчитаны, 54 — привлечены к следствию.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 35, 36; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 16–17.

26.04–05.05.1895. Стачка в связи с введением после Пасхи пониженных расценок, в ходе которой были остановлены все отделы предприятия. С 12 апреля, сразу после Пасхи, прядильщики «левого крыла» фабрики начали работать по сниженным расценкам, которые были установлены фабричной администрацией исходя из полученных на следующий год заказов. Понижение коснулось не только прядильщиков, но и работавших в комплекте с ними 1-ых и 2-ых присучальщиков и ставильщиков, заработок которых высчитывался в зависимости от заработка прядильщиков. С требованием вернуться к прежним размерам оплаты группа рабочих «левого крыла» пришла к директору ЯБМ С. А. Федорову 20 апреля. Вечером 25 апреля Федоров, так и не дав рабочим никакого ответа, уехал в Москву. Узнав об этом, утром 26 апреля около 100 человек (преимущественно прядильщики и присучальщики) собрались в фабричном дворе и потребовали, чтобы к ним вышел заместитель директора мануфактуры В. П. Щапов. Рабочие предъявили требование вернуть прежние расценки и повесить в корпусах старые табели, а также повысить оплату вторым присучальщикам до 60 % с рубля прядильщика вместо существовавших 56,5 %. Щапов согласился повесить старые табели, оговорив при этом, что окончательное решение будет принято Федоровым по возвращении его из Москвы; на второе же требование он ответил категорическим отказом.

Во второй половине дня (около 16 часов) 26 апреля значительная часть станков в «старой» фабрике была остановлена, и толпа рабочих высыпала во двор. На фабрику прибыли начальник ЯГЖУ, фабричный инспектор, а затем губернатор и прокурор окружного суда. Их попытки уговорить забастовщиков вернуться к работе оказались безуспешными. Волнение усиливалось. По распоряжению гу-

бернатора на мануфактуру были отправлены три роты Фанагорийского полка. Однако прибытие солдат не остановило забастовщиков, которые стали насильно снимать с работ тех, кто еще оставался у станков, и избивать нежелающих присоединяться к стачке.

Утром 27 апреля беспорядки в фабричном городке продолжались. Настроение рабочих стало еще более агрессивным. Вновь прибывшие на ЯБМ губернатор, прокурор, начальник ЯГЖУ, фабричный инспектор и вернувшийся из Москвы Федоров вышли к рабочим и согласились вести переговоры с выборными. Последние сформулировали требования из 9 пунктов: оставить расценки, действовавшие до Пасхи; уволить Щапова; устранить простои машин из-за недостатка запасных частей машин и разных материалов, нарушения с распределении фабричных каморок и др. Ткачи, расценки которых остались без изменений, предъявили претензии к качеству пряжи, заявив, что «при работе она постоянно рвется, станок останавливается и выработка уменьшается». После совещания должностных лиц рабочим сообщили, что будут оставлены старые расценки, а также фабричное руководство будет внимательнее следить за качеством пряжи, покупаемой у других фирм. Остальные претензии рабочих остались без ответа. В это же время по требованию губернатора на фабрику были отправлены еще три роты Фанагорийского полка. Попытка рабочих повторно заявить свои требования вызвала крайне резкие реплики губернатора в адрес забастовщиков. Возмущенные рабочие толпой ринулись к Новой фабрике, чтобы силой остановить те отделы, которые еще продолжали работать. Входы в фабричный корпус охраняли солдаты. Стачечники, разобрав мостовую, начали бросать в солдат камнями и ранили 17 (по другим данным 12) солдат и офицеров. Войска в ответ открыли огонь. Был убит 1 рабочий, 14 ранено.

28 апреля было объявлено о закрытии фабрики. Рабочим в установленные сроки предлагалось получить расчет по расценкам, действовавшим до понижения. В объявлении сообщалось о закрытии лабаза и о решении администрации выселить всех бастовавших из фабричных коморок. Территория фабричного городка контролировалась уже десятью ротами солдат, а вокруг фабрики и в прилегающей слободке постоянно дежурили военные патрули. Сообщение о закрытии лабаза и выселении из казарм подействовало на рабочих крайне удручающе, некоторые из них изъявили желание выйти на работу 29 апреля. Однако эти попытки вскоре прекратились, поскольку толпа стачечников избивала тех, кто готов был встать к станку.

С 1 по 5 мая получили расчет 5688 участников стачки, 200 из них не были приняты вновь. 6 мая работы возобновились во все производственных корпусах фабрики. Оплата производилась по старым расценкам, действовавшим до Пасхи. Заместитель директора В. П. Щапов вынужден был покинуть предприятие. 33 участника стачки были привлечены к дознанию, 11 из них оказались на скамье подсудимых. Дело разбиралось Московской судебной палатой при закрытых дверях. 8 человек были приговорены к отдаче в арестантские исправительные роты на 2 года.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 80, 142–166, 169–171; ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 184а; Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. I (1895 г.). М., 1992. С. 62; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 18–19.

26.10–29.10.1905. Стачка рабочих (10 000), которую начали ткачи Новой фабрики и слесари механического отделения. Во второй половине дня остановилась вся Старая фабрика. Администрации были предъявлены требования, состоящие из 29 пунктов, в том числе: 8-часовой рабочий день, увеличение зарплаты на 10 %, квартирных денег на 20 %, предоставление помещения для собраний рабочих и др., многие из которых касались увеличения заработка отдельных профессиональных групп рабочих ЯБМ. Часть рабочих, не дожидаясь ответа хозяев, 27 октября вышли на свои рабочие места, что было отмечено Правлением в объявлении за подписью С. С. Карзинкина: «...Приношу вам за это мою глубокую благодарность, ибо в возобновлении работ я вижу выражение вашего доверия к нашему Товариществу и к принимаемым им, по силе возможности, мерам к улучшению вашего быта...» Вечером того же дня новое объявление известило о сокращении длительности трудового дня для денных рабочих, об увеличении соответственно требованиям зарплаты, а размер квартирных денег был увеличен даже сверх запрашиваемого — не на 20 %, а в два раза. Тем не менее, 28 октября стачечники сформулировали новые требования, а пожелавшие приступить к работе не были допущены на предприятие. Правление заявило, что требования рабочих удовлетворены в максимальном объеме, «какой по средствам и условиям деятельности Товарищества представлялся возможным», отказалось рассматривать новые претензии и закрыло здание фабричного училища для рабочих собраний. 29 октября большинство бастующих вышли на работу.

ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 10, 11, 13, 24; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 42–43.

15.11.1905–06.01.1906. Стачка всех рабочих ЯБМ (10 000), начавшаяся на Новой фабрике около 13 часов и затем распространившаяся на другие отделы предприятия. В первой половине ноября рабочие разных отделений обращались к фабричной администрации с требованием о повышении зарплаты и получили отказ. К этому прибавилось заявление, сделанное представителями рабочих фабричному инспектору о том, что на мануфактуре обмеривают ткачей при приемке товара, и требование выплатить всем рабочим задолженности по этой статье за 1904 и прошедшие месяцы 1905 года. Депутаты заявили, что «в случае, если их просьба не будет удовлетворена добровольно, ...они... обратятся в суд». Правление ответило отказом на это требование, акцентировав внимание на том, сколько уже сделано для улучшения материального положения рабочих в текущем году. Вечером 15 ноября прошел митинг, участники которого избрали «Собрание рабочих депутатов ЯБМ». 18 ноября были предъявлены одна общая и 35 частных петиций, включавшие до 250 требований, как экономических, так и политических, в т. ч.: свобода слова, совести, стачек, союзов, неприкосновенность личности и жилища, 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ и штрафов, двухнедельный оплачиваемый отпуск, увеличение расценок, увольнение некоторых служащих, участие рабочих делегатов в управлении предприятием и др. Правление Товарищества через объявления неоднократно заявляло рабочим, что далее тех уступок, которые были сделаны в конце октября во время предыдущего конфликта, оно пойти не может. 23 ноября фабрика была закрыта, кредит рабочих в лабазе был сокращен на $^2/_3$. Рабочие мануфактуры участвовали в митингах и демонстрациях, проходивших в

городе. 19 декабря на территорию фабрики были введены войска, начались аресты руководителей и активных участников стачки. В конце декабря — первых числах января отдельные группы рабочих заявляли о своей готовности встать к станкам. По решению Правления 3–6 января все рабочие получили расчет, а затем состоялся новый набор (не приняли вновь около 200 активных участников стачки). 7 января работы на мануфактуре возобновились в полном объеме.

19 января произошла однодневная стачка прядильщиков Старой и ткачей Новой фабрик, в ходе которой выдвигались требования оплатить в половинном размере стачку 1905 г. и не вычитать у 300 дружинников за продукты, взятые в лабазе. Правление отказалось рассматривать эти требования, под угрозой увольнения работы восстановились.

ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 1, 6–8, 28, 31, 32, 37, 39, 41, 55–63, 69–70, 72; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 4. Л. 13–14; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 49–50, 61.

04.10–05.10.1906. Стачка рабочих – проборщиц и проборщиков Новой фабрики. Требование: уравнять зарплату женщин с зарплатой мужчин, выполняющих ту же работу. После согласия фабричной администрации увеличить зарплату на 16 % работы возобновились.

ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 281. Л. 283; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 70.

09.11–11.11.1906. Стачка рабочих Старой и Новой фабрик (4 500 из 9 500). Требование: освободить товарищей, арестованных в связи с убийством провокатора Павлова. Под угрозой расчета и закрытия фабрики после обеда 11 ноября работы восстановились.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 58. Л. 226; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 71.

20.02.1907. Стачка рабочих Старой и Новой фабрик (4200 из 9 500) в связи с открытием II Государственной думы. В первой половине дня состоялась демонстрация на фабричном дворе и в окрестностях, рассеянная казаками. После обеда фабричной администрации был предъявлен список из девяти требований: немедленно вновь открыть библиотеку-читальню для рабочих, выдать наградные в размере 10 % получаемого жалования, по субботам и перед праздниками работу заканчивать в два часа дня, выплачивать роженицам половинное жалованье, подшить потолки в казармах, оплатить забастовочное время и др. В объявлении 21 февраля Правление Товарищества отказалось выполнить заявленные требования, в ряде случаев изложив причины отказа. Так, рабочим было объявлено, «что переустройство казарм и изменение условий пользования ими в настоящее время невозможно, а так как Товарищество для облегчения жизни рабочих уже УДВОИЛО РАЗМЕР КВАРТИРНЫХ ДЕНЕГ, то каждый рабочий имеет возможность жить не в казармах, а на частной квартире».

26 февраля на ЯБМ произошла еще одна однодневная стачка, в которой приняли участие 1500 рабочих Новой фабрики. Требования рабочих также не были удовлетворены. На следующий день работы возобновились.

ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 68, 74; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 73.

12.06–25.06.1912. Стачка рабочих различных отделов мануфактуры (4 732 из 9 280). Начиная с 5 июня рабочие почти ежедневно предъявляли представителям фабричной администрации требования о повышении расценок, выдаче ссуд на различные домашние надобности, продаже рабочим дров в кредит, выплате половинного жалования роженицам в течение шести недель, приглашении для фабричной больницы глазного врача и др. Во всех случаях последовал отказ, иногда с объяснением причин его. Тогда 12 июня рабочие потребовали, чтобы «на фабрику приехали хозяева» и в этот же день отдельные группы рабочих, придя на смену, к работам не приступили. Когда было объявлено, что директора Правления приехать в Ярославль не могут, начали останавливать станки и другие рабочие. 14 июня остановилась вся Новая фабрика и некоторые отделы Старой. Рабочие повторяли требования, заявлявшиеся накануне стачки. 15 июня в фабричных корпусах было вывешено объявление, в котором рабочих предупреждали, что если с 13:00 в субботу, 16 июня, работы в прядильно-ватерных и крутильном отделениях Новой фабрики не возобновятся, то фабрика будет закрыта, рабочие получат расчет. 18 июня все рабочие Новой фабрики были рассчитаны, а работы на ней остановлены. 22–23 июня был проведен новый прием, 24 июня все предприятие возобновило работу.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13, 15–17, 62–64, 66, 68–71, 75, 77, 81, 85, 89, 91, 94, 96–97; ГА ЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 82; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 80. Л. 193; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 87–88.

09.12.1915. Стачка рабочих (300 из 11 036), предъявивших требование уволить мастера Лямина. Руководители стачки были арестованы, на следующий день работы на фабрике возобновились.

ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 687. Л. 1; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 102.

08.08–10.08.1916. Стачка рабочих старой фабрики ЯБМ (5700 из 11374). 28 июля прядильщики потребовали увеличить зарплату на 40 %. 7 августа в фабричных корпусах было вывешено объявление за подписью директоров Правления Товарищества с отказом удовлетворить это требование. 8 августа в 9 час. утра все рабочие Старой фабрики забастовали и направили фабричному инспектору требование о том, «чтобы заработная плата была увеличена исключительно путем увеличения основных расценков от 20 до 50 процентов с сохранением всех до сего времени сделанных прибавок». При этом они ссылались «на заметку в газетах по поводу того, что фабричным инспекторам предоставлено министром торговли и промышленности право склонять владельцев фабрик к увеличению заработной платы и даже устанавливать таковую». 10 августа на фабрике были вывешены два объявления — от Правления Товарищества и от фабричного инспектора, в которых рабочим объяснялась безосновательность их требования. Под угрозой общего расчета работы на предприятии возобновились.

В середине сентября и начале октября на ЯБМ состоялись две стачки с требованием освободить арестованных на три месяца руководителей августовской стачки.

ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 63. Л. 35, 123, 156; Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 108–109.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Часть 1

Глава I
Источниковедческие и историографические аспекты исследования 15
Историография проблемы 15
Источники 31

Глава II
Очерк истории двух крупных предприятий: управление, производство, состав рабочих 43
Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина 48
Численность и половозрастной состав рабочих 54
Квалификация и сословное распределение рабочих. Отход на полевые работы 57
Распорядок работ 60
Товарищество Ярославской Большой мануфактуры 62
Управление ЯБМ 68
Численность и состав рабочих ЯБМ 72
Распорядок работ 75

Часть 2

Глава III
Материальные стимулы: зарплата и ее дифференциация 83
Виды оплаты труда 85
Динамика заработной платы 88
Динамика оплаты труда рабочих разных специальностей 88
Анализ индивидуальных данных расчетных книг 95
Дифференциация оплаты труда 100
Разница в оплате труда рабочих разных специальностей 100
Сравнение обработки сводных и индивидуальных данных 108
Результаты изучения индивидуальных данных 112
Показатели текучки для различных специальностей 114

Изменение индивидуальных ставок заработной платы 115
Женский труд 116
Подростковый труд 120
Премии и награды 123

Глава IV
Система взысканий 136
Штрафы 136
Другие меры взысканий 147

Часть 3

Глава V
Жилищные условия 161
Фабричные казармы 162
Квартирные деньги 170
Рабочий поселок 173
Общие траты на жилье для рабочих 177
Бани 180

Глава VI
Обеспечение товарами первой необходимости 191
Необходимость для рабочих отоваривания в фабричной лавке 198
Цены 202
Качество продуктов 216

Глава VII
Медицинское обслуживание 225
Здания и оснащение больниц 230
Амбулатории 236
Медицинский персонал 237
Борьба с распространением инфекционных заболеваний и эпидемиями 240
Родовспоможение на фабриках 243
Расходы на содержание больничных учреждений 245
Проблемы ухода за детьми. Ясли и детские сады 247

Глава VIII
Социальное страхование и обеспечение рабочих 260
«Вознаграждение рабочих, пострадавших от несчастных случаев» 262
Пенсии по старости 268

Богадельни 274
Пособия нуждающимся рабочим 276
Порядок содержания стационарных больных 288

Глава IX
Образовательные учреждения. Организация досуга 301
Образовательные учреждения при фабриках 301
Школы (общеобразовательные) для детей рабочих 303
Обучение ремеслу 306
Образование для взрослых рабочих 311
Организация досуга и отдыха для рабочих 315
Библиотеки 315
Театры 319
Лекции, концерты, гуляния 320

Часть 4

Глава X
Система трудовых стимулов глазами рабочих и администрации 331
Трудовые стимулы через призму жалоб и просьб рабочих 331
Трудовые стимулы через призму конфликтов между рабочими и предпринимателями 338
Социальная политика предпринимателей глазами администрации и рабочих 346
«Желая видеть в каждом рабочем честного труженика»: об усилиях администрации в сфере морального стимулирования 349

Заключение 355
Использованные архивные материалы 359
Опубликованные источники 363
Литература 367
Приложения 375

Научное издание
Социальная история России XX века

**Бородкин Л. И., Валетов Т. Я.,
Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.**

«Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Корректор *К. М. Корепанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *С. В. Шеришорин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.05.2010.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,215. Тираж экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)